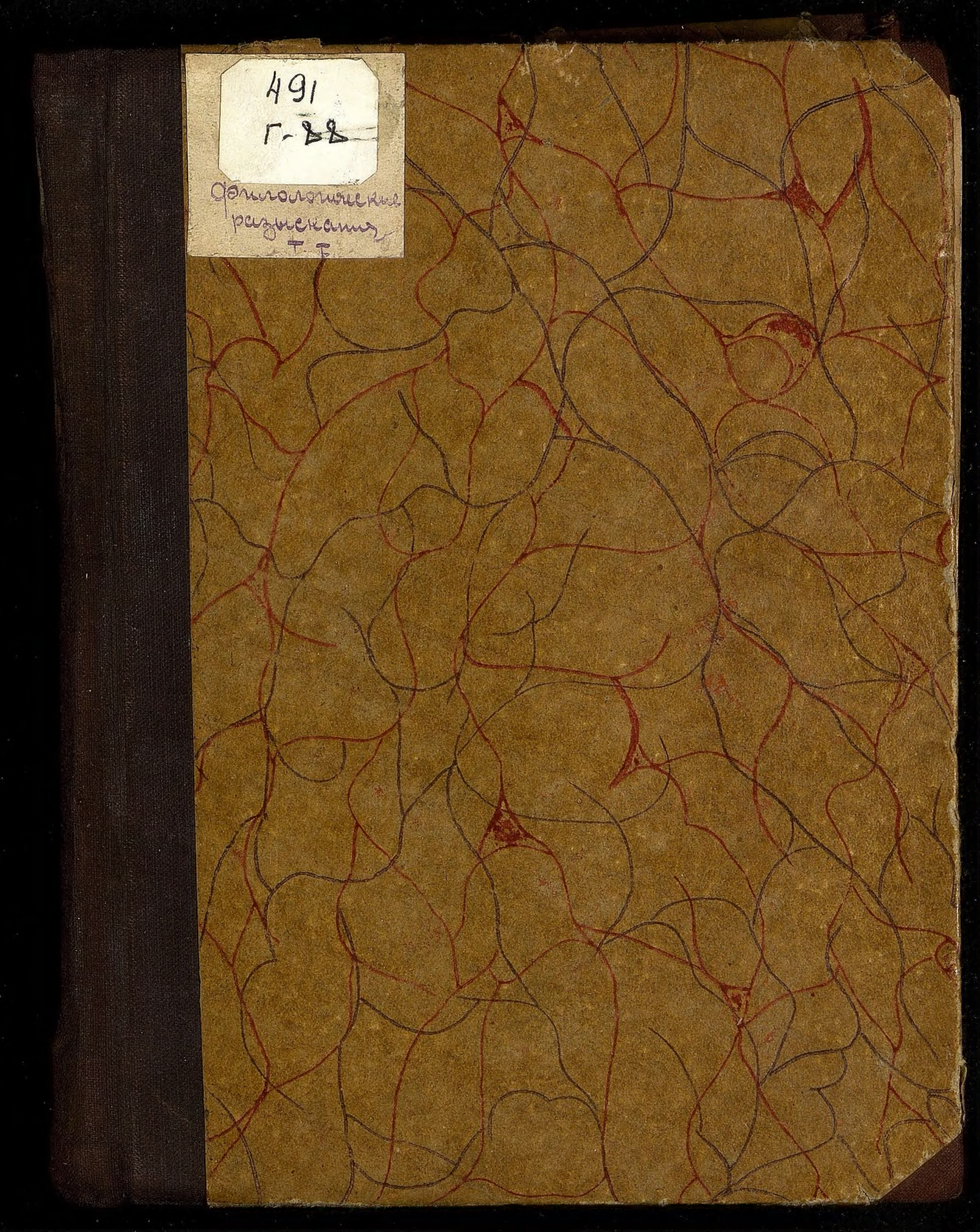
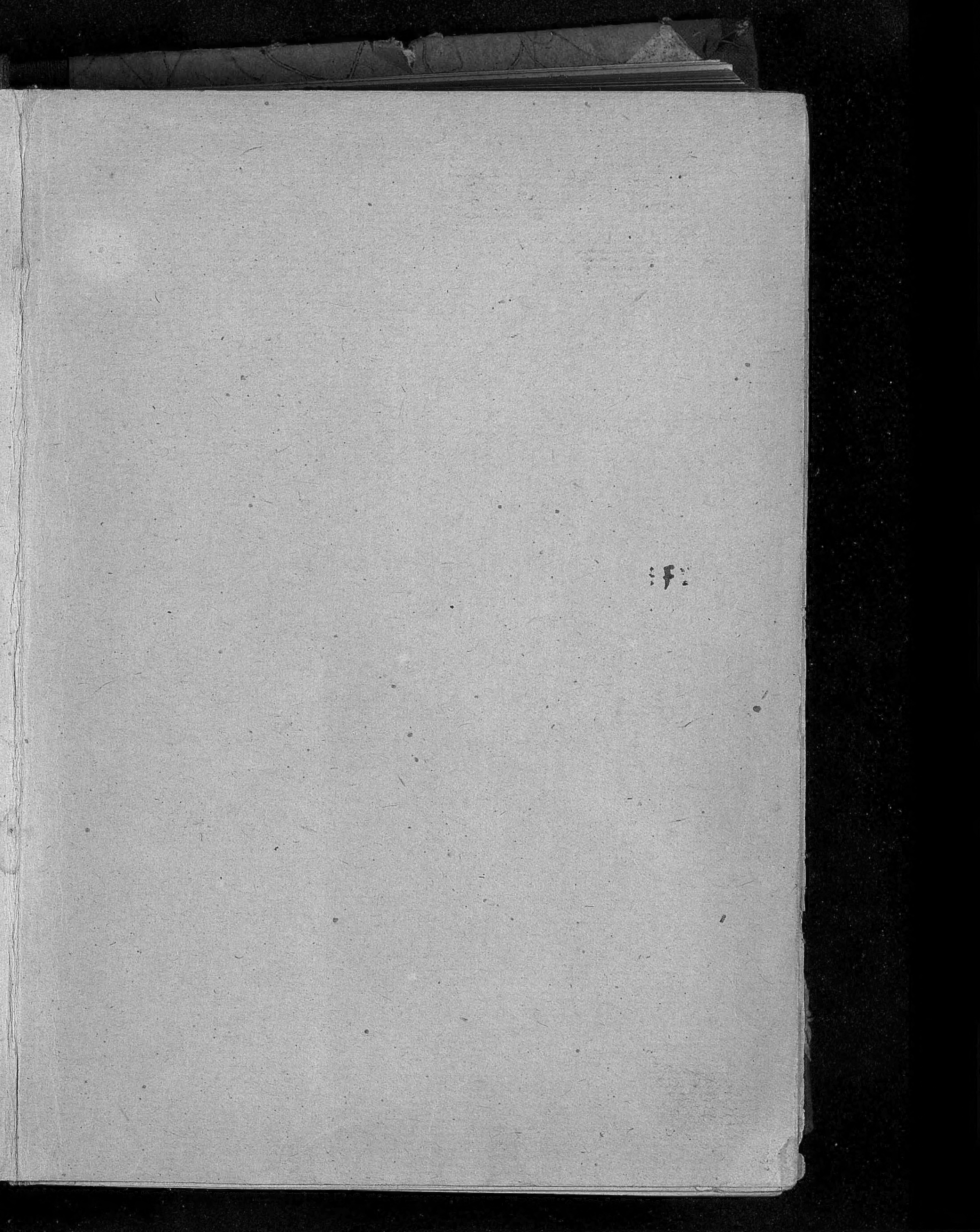

491
Г-88
Филологические
разыскания
т. I

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

Я. ГРОТА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

ТРЕТЬЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, февраль 1885 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Выпуская свои *Филологическія Разысканія* третьимъ изданіемъ, замѣчу только, что въ первый томъ вошло нѣсколько новыхъ статей, написанныхъ мною въ послѣдніе годы; сверхъ того прибавлена одна статья болѣе отдаленнаго времени („Объ элементарномъ преподаваніи русскаго языка“), которая при двухъ первыхъ изданіяхъ была упущена изъ виду.

Относительно перемѣнъ, сдѣланныхъ во второмъ томѣ, отсылаю читателей къ помѣщенному тамъ предисловію.

Я. Гротъ.

Декабрь 1884.

СОДЕРЖАНІЕ

МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Къ соображенію будущихъ составителей русскаго словаря.

Матеріалы для русскаго словаря.

Указатели:

НАРОДНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫКЪ.

Толковый словарь живаго великорускаго языка, В. И. Даля[1].

Четыре части въ большую четвертку; LIV и 2388 стр. (не считая прибавленій). Москва. 1863—1866.

Чтобы лучше выяснить идею и цѣль Словаря Даля, нужнымъ считаю напередъ взглянуть на ходъ развитія русскаго письменнаго и вообще образованнаго языка.

Русскій языкъ не избѣгъ судьбы большей части языковъ: въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ другими націями народъ русскій, особливо же грамотная часть его, заимствовалъ у нихъ множество словъ, которыя болѣе или менѣе тѣсно и прочно сроднились съ его языкомъ. Такія заимствованія происходятъ во всякое время, по мѣрѣ потребности, вслѣдствіе усвоенія извнѣ новыхъ понятій и знакомства съ новыми предметами; но бываютъ эпохи, когда заимствуются цѣлыя сферы новыхъ идей, а оттого и цѣлые разряды словъ. Подобныхъ эпохъ въ жизни русскаго народа было нѣсколько. Оставляю въ сторонѣ заимствованія, сдѣланныя издревле, во время вѣкового сожительства или сосѣдства съ племенами германскими, чудскими и татарскими, которое влекло за собою обмѣнъ предметовъ вседневнаго быта и ихъ названій: разу-

[1] На основаніи этого разбора покойному В. И. Далю присуждена Ломоносовская премія въ 1870 году.

мѣю только такіе событія или перевороты, которые, пробуждая неизвѣстныя прежде духовныя потребности, заставляли брать и готовыя слова для означенія соотвѣтственныхъ понятій. Главными событіями этого рода были для Россіи: введеніе христіанской вѣры, учрежденіе школъ по польскому образцу, сперва въ Кіевѣ, а потомъ въ Москвѣ, и наконецъ преобразованія Петра Великаго со всѣми ихъ, еще и понынѣ продолжающимися, послѣдствіями. Естественно, что при заимствованіи извнѣ понятій, обычаевъ, обрядовъ, изобрѣтеній и учрежденій, языку трудно поспѣвать за развитіемъ идей, и онъ пользуется самымъ легкимъ способомъ обогащенія, т. е. беретъ нужныя слова изъ другихъ языковъ. При этомъ, однакожъ, онъ слѣдуетъ троякому пути: либо усвоиваетъ себѣ чужія слова безъ всякаго измѣненія (кромѣ окончаній, по требованіямъ языка), напр. *библія*, *икона*, *генералъ*, *солдатъ*, *протестъ*, *прогрессъ*; либо передѣлываетъ ихъ по-своему, напр. *церковь*, *налой*, *кадило*, *просвира*, *исполать*, *футляръ*, *тарелка*; либо наконецъ переводитъ слово и употребляетъ словосоставленія по чужеязычному образцу, напр.: *благословлять*, *провидѣніе*, *побѣдоносный*, *землеописаніе*, *любомудріе*, *вліяніе*, *трогательный*, *послѣдовательность*, *цѣлесообразный*.

Удобство подобныхъ заимствованій, особенно перваго изъ показанныхъ трехъ способовъ, допускающаго введеніе любого иностраннаго слова съ придачею ему только своенароднаго окончанія, во всѣ времена легко порождало злоупотребленія, которыя въ свою очередь нерѣдко вызывали противодѣйствіе. Полнѣйшую свободу въ этомъ отношеніи позволялъ себѣ самъ Петръ Великій, безпрестанно употреблявшій (иногда съ обозначеніемъ русскаго перевода) иностранныя слова, какъ-то: *баталія*, *викторія*, *фортеція*, *ассамблея*, *амбиція*, *имперіумъ*, и составлявшій въ томъ же родѣ собственныя имена: *Петербургъ*, *Кронштадтъ*, *Ораніенбаумъ*, *Катерингофъ*. Такъ же точно обращались съ языкомъ современные Петру писатели и переводчики. Во время господства иноплеменниковъ, наставшаго послѣ смерти Петра, дѣло не могло измѣниться къ лучшему. При Елизаветѣ же Петровнѣ произо-

шло патріотическое движеніе, которое въ литературѣ отразилось дѣятельностью Ломоносова. Главный протестъ противъ искаженія языка заявилъ онъ въ своемъ знаменитомъ разсужденіи *О пользѣ книгъ церковныхъ*, указывая на чтеніе ихъ какъ на вѣрнѣйшее средство уберечься отъ излишняго пристрастія къ иноземнымъ языкамъ. «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго Словенскаго языка съ Россійскимъ», говоритъ онъ, «отвратятся дикія и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ..... Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется»[1]... Но Ломоносовъ, очищая лексическій составъ письменнаго языка, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго утвердилъ введенную еще до него духовными писателями совершенно несвойственную русской рѣчи латинскую конструкцію.

Послѣдователи Ломоносова, усвоивъ себѣ его уваженіе къ церковно-славянскимъ книгамъ, но не обладая его сдержанностью въ обращеніи съ языкомъ, обезобразили письменную рѣчь злоупотребленіемъ славянизмовъ. Это вызвало другую крайность: тѣ, которыхъ не удовлетворялъ такой слогъ, обратились къ новѣйшимъ иностраннымъ языкамъ и стали въ нихъ искать себѣ образцовъ, особенно во французскомъ. Такъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, рядомъ съ языкомъ славяномановъ образовался, въ противоположность ему, «французскій штиль», и явились двѣ враждебныя школы, которыя не могли долго существовать одна возлѣ другой. Побѣдить должна была та изъ нихъ, на сторонѣ которой окажется болѣе здраваго смысла, вкуса и таланта. Эти преимущества соединилъ въ себѣ Карамзинъ: чуждаясь крайностей того и другого направленія, но склоняясь ко второму, болѣе современному, онъ удержалъ изъ него все то, что

[1] *Соч. Ломоносова*, изд. Смирд. Спб. 1847, т. I, стр. 533.

было согласно съ духомъ родного слова, сталъ писать очищеннымъ разговорнымъ языкомъ, усвоилъ себѣ естественный складъ рѣчи и вмѣстѣ то изящество выраженія, которому научился у лучшихъ европейскихъ писателей.

Понятно, что приверженцы славянщины не хотѣли безъ отчаянной борьбы уступить непріятелю спорное поле, и вотъ изъ рядовъ ихъ вышелъ рьяный борецъ за сохраненіе стараго слога. Шишковъ не хотѣлъ видѣть, что Карамзинъ и лучшіе изъ его послѣдователей, не изгоняя вполнѣ иностранныхъ словъ, вводя даже вновь такія, которыя казались имъ необходимыми, старались однакожъ избѣгать варваризмовъ и по возможности замѣнять русскими тѣ иноязычныя слова, для которыхъ можно было на родномъ языкѣ удачно пріискать соотвѣтствующія. Хотя въ сущности всѣ нововведенія карамзинской школы были равно ненавистны Шишкову, но онъ напалъ на нее особенно съ той стороны, съ которой она казалась ему всего болѣе уязвимою, именно со стороны заимствованій изъ другихъ новѣйшихъ языковъ. Осмѣивая встрѣчавшіяся въ *новомъ слогѣ* французскія слова, Шишковъ преслѣдовалъ и вообще всякіе неологизмы, напр. слова, составленныя по образцу иностранныхъ (*вліяніе*, *трогательный*), а также употребленіе прежнихъ словъ въ новомъ обширнѣйшемъ значеніи (*развитіе*, *потребность*, *переворотъ*) и вмѣсто того предлагалъ древнія слова, непонятныя современному русскому человѣку и дикія для его слуха, а по тому самому противныя даже ломоносовской теоріи письменнаго языка, какъ напр. *непщевать*, *гобзованіе*, *углѣбать*, *приснотекущій*, *умодѣліе* и т. п. Извѣстно, что нападенія Шишкова на новый слогъ имѣли только отрицательное дѣйствіе: ни одно изъ предложенныхъ имъ старинныхъ или имъ самимъ скованныхъ словъ и реченій не было принято, никто не сталъ выражаться такъ, какъ онъ совѣтовалъ; но его обвиненія заставили Карамзина и другихъ тогдашнихъ писателей обращать болѣе вниманія на свой письменный языкъ, быть осмотрительнѣе въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Мало того: Карамзинъ, трудясь надъ своей *Исторіей*, сталъ

глубже всматриваться въ языкъ лѣтописей и изъ него почерпать архаизмы, конечно не похожіе на тѣ, которые предлагалъ Шишковъ, но болѣе сообразные съ духомъ современнаго языка.

Однимъ только источникомъ литературной рѣчи мало воспользовался Карамзинъ — языкомъ народнымъ. Вслѣдствіе своего воспитанія и подъ вліяніемъ господствовавшаго издавна взгляда онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на эту область языка и считалъ простонародныя слова низкими или, какъ до него говорили, *подлыми*. Впрочемъ, сочиненія Карамзина большею частью относились къ такому роду литературы, который легко можетъ или, по крайней мѣрѣ, по тогдашнимъ понятіямъ могъ обходиться безъ помощи языка народнаго. Притомъ онъ еще не имѣлъ въ рукахъ памятниковъ этого языка, открытыхъ только въ позднѣйшее время. Однакожъ и этотъ элементъ рѣчи никогда не былъ вполнѣ исключенъ изъ нашей письменности. Еще въ древности нѣкоторые писатели, напр. Кириллъ Туровскій, Даніилъ Заточникъ, брали оттуда краски для своихъ произведеній. Послѣ Петра Великаго особенно Кантемиръ зналъ цѣну народной рѣчи и умѣлъ ею пользоваться. Ломоносовъ, раздѣливъ слогъ на три разряда, установилъ, что *низкій штиль* употребляетъ только чисто-русскія слова, какихъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; по его теоріи такъ пишутся: комедіи, эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ — дружескія письма и описанія обыкновенныхъ дѣлъ; «простонародныя слова», замѣчаетъ онъ, «могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію»[1]. Впрочемъ Ломоносовъ допускаетъ «низкія слова» уже и въ среднемъ слогѣ. Самъ же онъ изрѣдка позволяетъ себѣ даже и въ одѣ употреблять простонародныя выраженія; такъ въ одѣ на взятіе Хотина послѣ вопроса:

«Кто съ нимъ толь грозно зритъ на югъ,
Одѣянъ страшнымъ громомъ вкругъ?»

слѣдуетъ стихъ въ тонѣ народнаго языка:

«*Никакъ* смиритель странъ Казанскихъ!»[2]

---

[1] *Соч. Лом.*, т. I, стр. 531.
[2] Тамъ же, стр. 38 (строфа 11).

Послѣ Ломоносова народный языкъ разрабатывали, по мысли его, въ комедіи, сатирѣ, шуточной сказкѣ и баснѣ. Въ такихъ сочиненіяхъ къ нему прибѣгали Сумароковъ, В. Майковъ, Богдановичъ, Фонвизинъ, Аблесимовъ, Княжнинъ и др. Изъ лирическихъ поэтовъ Державинъ, выросшій вблизи къ народу, сталъ вводить народный языкъ даже въ такой родъ стихотворства, который до него считалъ «высокій слогъ» своею необходимою принадлежностью; эта новость была въ связи съ тѣмъ, что онъ внесъ въ оду элементъ сатиры и шутки. Позднѣе, еще болѣе простора народному языку въ письменной рѣчи сталъ давать Крыловъ. О его раннемъ знакомствѣ съ этой сферой языка разительно свидѣтельствуетъ юношеское его произведеніе, недавно въ первый разъ изданное нашимъ Отдѣленіемъ, — комическая опера *Кофейница*, богатая выраженіями и поговорками, взятыми изъ народнаго быта [1]. Во всѣхъ дальнѣйшихъ трудахъ своихъ Крыловъ оставался вѣренъ этому направленію, и потому неудивительно, что онъ, издавая журналъ въ одно время съ Карамзинымъ, сдѣлался противникомъ его. Замѣчательно, какъ оба эти писателя впали въ противорѣчіе съ самими собою: Крыловъ, отличаясь безыскуственною простотою языка, былъ усерднымъ защитникомъ ложно-классической французской драмы; а Карамзинъ, считая простонародное низкимъ, былъ смолоду горячимъ почитателемъ Шекспира и Лессинга. Но Крыловъ долго не могъ попасть на вкусъ современниковъ, и, прежде нежели понялъ настоящее свое призваніе, на многіе годы оставилъ литературу.

Между тѣмъ проза Карамзина стала для всѣхъ образцомъ письменнаго языка. На ней построена была грамматика Греча, получившая на цѣлыя десятилѣтія законодательную силу. Авторитетъ этой, во многомъ произвольной и условной грамматики имѣлъ свою вредную сторону, задержавъ развитіе литературной рѣчи, скованной ея стѣснительными правилами. Въ 1820-хъ и 30-хъ годахъ надъ нашимъ языкомъ тяготѣло что-то похожее

---

[1] См. т. VI *Сборника Отдѣл. русск. языка и словесн.*

на пуризмъ Французской академіи. Свободное его творчество было подавлено. Немногіе только писатели отваживались итти своимъ путемъ. Первое между ними мѣсто занималъ возвратившійся на литературное поприще въ началѣ столѣтія Крыловъ; но онъ писалъ только басни, а эта тѣсная область поэзіи считалась состоящею на особыхъ правахъ. Одновременно въ другой сферѣ умственной дѣятельности подготовлялось движеніе, которое не могло остаться безъ вліянія на успѣхи народнаго языка въ художественной литературѣ. То, что во всѣхъ странахъ являлось предвѣстьемъ самостоятельнаго творчества, стало обнаруживаться и у насъ, — уваженіе къ народности, вкусъ къ произведеніямъ народной словесности, охота къ собиранію и записыванію ихъ. Въ 1804 г. изданы были въ первый разъ «Древнія русскія стихотворенія»; Мерзляковъ, а за нимъ Дельвигъ и Цыгановъ сочиняли пѣсни въ духѣ народныхъ; Востоковъ переводилъ пѣсни Сербовъ и разбиралъ составъ русскаго народнаго стиха; собранія пословицъ выходили уже давно; Снегиревъ задумывалъ ученую разработку ихъ и пролагалъ путь Сахарову. Общество любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, собирало и печатало областныя слова.

Возникавшая любовь къ народности, которая вызывала всѣ эти начинанія и труды, не могла не отразиться и на изящной литературѣ. Рядомъ съ Крыловымъ, и конечно не совсѣмъ независимо отъ его вліянія, пошелъ Грибоѣдовъ въ своей оригинальной комедіи. Въ то же время Пушкинъ уже заявлялъ, что «разговорный языкъ простого народа достоинъ глубочайшихъ изслѣдованій», и доказывалъ на дѣлѣ, что самъ «прислушивался къ московскимъ просвирнямъ», которыя, по его замѣчанію «говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ[1]». А вскорѣ и своенравный Гоголь сталъ писать прозою, хотя и небрежной, но замѣчательно оригинальной и рѣзко запечатлѣнной особенностями рѣчи народной.

---

[1] *Соч. Пушкина,* томъ V, Спб. 1855 г., стр. 43.

Около того же времени услышали въ первый разъ имя еще довольно молодого человѣка, избравшаго область литературы, которая до тѣхъ поръ не имѣла у насъ особаго представителя, — разсказы изъ быта народнаго и солдатскаго. Это былъ тотъ самый писатель, который нынѣ трудомъ совершенно другого рода подаетъ намъ поводъ говорить о судьбахъ русскаго языка. Стараясь быть вѣрнымъ пересказчикомъ народныхъ вымысловъ, онъ въ то же время хотѣлъ доказать, что вся пишущая братья выражается совсѣмъ не по-русски, что надобно перестроить весь литературный языкъ по образцу народнаго. Въ оцѣнкѣ послѣдняго никто еще не шелъ такъ далеко. И прежде были конечно писатели, считавшіе полезнымъ и нужнымъ знакомство съ народнымъ языкомъ для извѣстныхъ литературныхъ цѣлей: Даль первый сталъ утверждать, что безъ народнаго языка нельзя ступить ни одного правильнаго шагу въ авторскомъ дѣлѣ. Естественно, что онъ, отстаивая эту идею, не избѣгъ нѣкоторыхъ крайностей. Какъ нѣкогда Шишковъ провозглашалъ церковно-славянское нарѣчіе исключительнымъ источникомъ обогащенія русскаго языка, такъ въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ Даль выставлялъ такимъ единственнымъ источникомъ языкъ народный. «Если», говорилъ онъ, «въ книгахъ и высшемъ обществѣ не найдемъ чего ищемъ, то остается одна только кладь или кладъ — родникъ или рудникъ — но онъ за то неисчерпаемъ. Это живой языкъ русскій, какъ онъ живетъ понынѣ въ народѣ. *Источникъ одинъ* — языкъ простонародный, а важныя вспомогательныя средства: старинныя рукописи и всѣ живыя и мертвыя славянскія нарѣчія[1]». Подобно Шишкову, Даль составлялъ новыя слова, предлагая ихъ для замѣны или дополненія прежнихъ, и въ этомъ не всегда былъ счастливѣе Шишкова. Но, показавъ точку сближенія между обоими писателями, спѣшу однакожъ оговориться: путь, избранный Далемъ, былъ прямѣе и безукоризненнѣе: Даль не велъ пристрастной полемики, не ставилъ того или другого писателя цѣлью

---

[1] «Полтора слова о нынѣшнемъ русскомъ языкѣ» въ *Москвит.* 1842, ч. I, стр. 540.

своихъ нападеній, никого не винилъ въ безвѣріи и недостаткѣ патріотизма за употребленіе иностранныхъ словъ и наконецъ старался доказать свою теорію болѣе дѣломъ, нежели разсужденіями: онъ писалъ народнымъ языкомъ повѣсти и разсказы, заимствованные у народа. Эти произведенія, по собственному его свидѣтельству, составляли для него не цѣль, а средство. «Не сказки по себѣ», говоритъ онъ, «были ему важны, а русское слово, которое у насъ въ такомъ загонѣ, что ему нельзя было показаться въ люди безъ особаго предлога и повода — и сказка послужила предлогомъ. Писатель задалъ себѣ задачу познакомить земляковъ своихъ сколько нибудь съ народнымъ языкомъ и говоромъ, которому открывался такой вольный разгулъ и широкій просторъ въ народной сказкѣ»[1]. Предупреждая мысль, будто онъ ставитъ свои сказки въ примѣръ слога и языка, нашъ авторъ далѣе прибавляетъ: «онъ (*сказочникъ*) хотѣлъ только на первый случай показать небольшой образчикъ — и право не съ хазоваго конца[2] — образчикъ *запасовъ*, о которыхъ мы мало или вовсе не заботились, между тѣмъ какъ, рано или поздно, безъ нихъ не обойтись».

Такимъ образомъ мы видимъ, что словарь Даля тѣсно примыкаетъ къ прочимъ трудамъ его и есть плодъ той же идеи, изъ которой проистекло все его авторство; на прежнія произведенія его должно смотрѣть только какъ на приготовительныя работы къ дѣлу, которымъ онъ завершилъ свою дѣятельность на пользу языка. Если мы вспомнимъ, что Даль началъ свои наблюденія надъ нимъ еще до 1820 года, когда ему было не болѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, то нельзя будетъ не подивиться, какъ счастливая мысль отмѣчать простонародныя выраженія могла зародиться въ головѣ столь молодого человѣка въ такое время, когда у насъ, вообще говоря, еще мало обращали вниманія на народную сло-

---

[1] Тамъ же, стр. 549 и 550.

[2] Въ *Словарѣ* Даля принято для этого понятія и слово *казовый*. Непонятно, зачѣмъ тутъ допускать татарское происхожденіе отъ слова *хазъ*, когда этимологія отъ глагола *казать* такъ естественна. Замѣтимъ, что на нѣмецкомъ языкѣ есть совершенно такъ же образованное названіе того же предмета — Schau-Ende.

весность. Желая дать возможность полнѣе и вѣрнѣе судить о разсматриваемомъ трудѣ, предложу нѣсколько собранныхъ мною и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныхъ біографическихъ извѣстій объ авторѣ. Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что рѣчь идетъ не о начинающемъ литераторѣ, а о писателѣ, давно пользующемся у насъ почетною извѣстностью.

Вл. Ив. Даль родился 10-го ноября 1801 года въ Лугани (Екатериносл. губ.), гдѣ отецъ его, родомъ датчанинъ, занималъ мѣсто врача по горному вѣдомству. Этотъ ученый иностранецъ, принявъ въ 1797 г. русское подданство, горячо полюбилъ новое свое отечество, изучилъ русскій языкъ какъ родной и воспитывалъ дѣтей своихъ въ патріотическомъ духѣ, при всякомъ случаѣ напоминая имъ, что они Русскіе: въ 12-мъ году онъ жалѣлъ, что они еще слишкомъ молоды и негодны для службы. Самъ онъ въ молодости кончилъ курсъ въ германскомъ университетѣ по двумъ или тремъ факультетамъ и зналъ нѣсколько языковъ; онъ былъ вызванъ въ Россію къ концѣ царствованія Екатерины II на службу при Публичной библіотекѣ. Замѣтивъ въ Петербургѣ, что у насъ слишкомъ мало врачей, онъ отправился опять за-границу, изучилъ медицинскія науки и, воротясь въ Россію, женился на дочери г-жи Фрейтахъ, которая переводила на русскій языкъ Гинтера и Ифланда[1]. Въ качествѣ врача онъ сперва состоялъ при войскѣ, расположенномъ въ Гатчинѣ, потомъ перешелъ въ Петрозаводскъ, а оттуда въ названный уже городъ, по имени котораго, какъ своей родины, Владиміръ Ивановичъ принялъ впослѣдствіи столь памятный псевдонимъ *Казака Луганскаго*. Изъ Лугани отецъ его былъ переведенъ главнымъ докторомъ и инспекторомъ Черноморскаго флота въ Николаевъ. Отсюда, въ 1814 г., отправилъ онъ двухъ сыновей своихъ въ Морской корпусъ. Пробывъ тамъ пять лѣтъ, Вл. Ив. поѣхалъ мичманомъ обратно въ Николаевъ. Къ морской службѣ онъ не чувствовалъ никакого призванія, тѣмъ болѣе что не переносилъ качки въ морѣ; но получивъ воспитаніе на

[1] См. Смирдинскую *Роспись*, №№ 7207 и 7268.

казенный счетъ, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться морякомъ: попытки его перейти въ инженеры, въ артиллерію или хоть въ армію были безуспѣшны. По кончинѣ отца, переведенный въ Кронштадтъ (1823), онъ въ отчаяніи не зналъ, что́ дѣлать. Между тѣмъ мать его съ младшимъ сыномъ уѣхала въ Дерптъ для воспитанія его и, по ея вызову, Владиміръ Ивановичъ, выйдя въ отставку, отправился туда же. Тамъ онъ снова принялся за ученіе и въ 1825 г. поступилъ въ казеннокоштные студенты по медицинскому факультету. Но прежде нежели онъ успѣлъ кончить курсъ, вспыхнула война 1829 г., и всѣхъ студентовъ, годныхъ къ военной службѣ, велѣно было выслать въ армію. Даль попалъ въ число троихъ, которымъ позволили тутъ же держать экзаменъ на доктора. До 1832 г. онъ находился въ Турціи и Польшѣ и много занимался операціями; потомъ поѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ и здѣсь былъ назначенъ ординаторомъ военнаго госпиталя. Вступленіе его на литературное поприще въ 1833 г. съ книжкою сказокъ ознаменовалось прискорбнымъ обстоятельствомъ, которое однакожъ много способствовало къ быстрому распространенію извѣстности новаго автора. За одно превратно растолкованное мѣсто этой книги онъ подвергся аресту, и хотя вскорѣ былъ вполнѣ оправданъ, но долго не могъ являться въ литературѣ подъ своимъ именемъ. Черезъ нѣсколько времени Вас. Ал. Перовскій пригласилъ его въ Оренбургъ чиновникомъ для особыхъ порученій; въ 1841 г., отходивъ хивинскій походъ, Даль переѣхалъ въ Петербургъ на службу по министерству удѣловъ, а потомъ и внутреннихъ дѣлъ. Послѣднія десять лѣтъ своего служебнаго поприща, съ 1849 г., онъ провелъ въ Нижнемъ управляющимъ удѣльной конторы. Въ 1859, вышедъ въ отставку и поселившись въ Москвѣ, онъ рѣшился посвятить все свое время составленію и изданію давно-подготовляемаго имъ словаря. Во всю свою жизнь Даль не пропускалъ случаевъ поѣздить по Россіи и знакомиться съ бытомъ народа: смѣсь французскаго съ нижегородскимъ была ему ненавистна почти съ самаго дѣтства. Обстоятельства особенно благопріятствовали удовлетворенію его любо-

знательности: служа во флотѣ, а потомъ завѣдывая больницей, онъ имѣлъ возможность обращаться съ людьми изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей Россіи и распрашивать ихъ объ особенностяхъ языка въ каждой. Этимъ способомъ онъ могъ значительно дополнить и расширить свѣдѣнія, добытыя имъ пребываніемъ въ разныхъ краяхъ отечества. Разнородность службы, которую онъ проходилъ, а сверхъ того любимыя занятія по естественнымъ наукамъ и нѣкоторымъ ремесламъ позволили ему охватить обширный и многообразный кругъ человѣческихъ знаній и нагляднаго знакомства съ бытомъ разныхъ состояній и сословій.

Въ 1819 г., проѣзжая по Новгородской губ. на пути въ Николаевъ, Даль услышалъ въ первый разъ слово *замолаживаетъ* (говорится о небѣ, въ смыслѣ *заволакиваетъ*, по сравненію съ начинающимъ бродить тѣстомъ). Записавъ это слово, онъ положилъ чуть ли не первый камень будущаго словеснаго зданія, и уже не пропускалъ дня, чтобы не вносить въ свои замѣтки новаго слова, оборота, поговорки. Ко времени турецкой кампаніи 1829 г. эти матеріалы достигли уже обширныхъ размѣровъ; находясь при арміи полковымъ врачемъ, Даль, въ ожиданіи обильной жатвы для своихъ записокъ, взялъ всѣ прежнія тетради ихъ съ собою; вдругъ, навьюченный ими верблюдъ, перехода за два до Адріанополя, пропадаетъ. Что долженъ былъ чувствовать страстный собиратель, внезапно лишавшійся плодовъ десятилѣтняго труда? Къ счастію, казаки гдѣ-то перехватили верблюда и черезъ недѣлю привели его въ Адріанополь [1]. Драгоцѣнныя замѣтки были спасены и продолжали нарастать еще цѣлыхъ 30 лѣтъ. «Жадно хватая на лету родныя речи [2], слова и обороты, когда они срывались съ языка въ простой бесѣдѣ, гдѣ никто не чаялъ соглядатая или лазутчика, этотъ записывалъ ихъ... Сколько разъ случалось ему, среди жаркой бесѣды, выхвативъ записную книжку, записать въ ней оборотъ речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось

[1] *Толковый Словарь*, т. I, «Напутное слово», стр. III.

[2] Предупреждаю разъ навсегда, что во всѣхъ выпискахъ изъ напечатанныхъ при Словарѣ статей сохраняю правописаніе автора.

съ языка, — а его никто и не слышалъ! Всѣ спрашивали, никто не могъ припомнить чѣмъ-либо замѣчательное слово — а сло́ва этого не было ни въ одномъ словарѣ, и оно было чисто руское[1]». Вотъ какъ самъ составитель *Толковаго Словаря* описываетъ намъ часть процесса своихъ приготовительныхъ работъ. Тутъ же онъ отдаетъ отчетъ въ главной мысли, руководившей имъ съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнитъ: «его тревожила и смущала несообразность писменаго языка нашего съ устною речью простаго рускаго человѣка, не сбитаго съ толку грамотѣйствомъ, а слѣдовательно и съ самимъ духомъ рускаго слова. Не разсудокъ, а какое то темное чувство строптиво упиралось, отказываясь признать этотъ нестройный лепетъ, съ отголоскомъ чужбины, за рускую речь. Для меня сдѣлалось задачей выводить на справку и повѣрку: какъ говоритъ книжникъ, и какъ выскажетъ въ бесѣдѣ ту же, доступную ему мысль человѣкъ умный, но простой, неученый, — и нечего и говорить о томъ, что перевѣсъ, по всѣмъ прилагаемымъ къ сему дѣлу мѣриламъ, всегда оставался на сторонѣ послѣдняго. Не будучи всилахъ уклониться ни на волосъ отъ духа языка, онъ поневолѣ выражается ясно, прямо, коротко и изящно»[2].

Въ этихъ словахъ лежитъ ключъ ко всей литературной дѣятельности Даля. Чѣмъ болѣе онъ подмѣчалъ и записывалъ, тѣмъ болѣе крѣпло его убѣжденіе въ негодности нашей письменной рѣчи. Стараясь, въ своихъ расказахъ, употреблять языкъ близкій къ народному, иногда нанизывая въ нихъ цѣлыми страницами пословицы и поговорки, онъ сверхъ того, по временамъ, излагалъ теоретически свои взгляды на русскую народную литературу и языкъ. Любопытно, что первая его статья по этому предмету написана по-нѣмецки и напечатана въ Dorpater Jahrbücher 1835 г. (№ 1). Давъ ей заглавіе «Über die Schriftstellerei des russischen Volks» (объ авторствѣ русскаго народа), онъ начинаетъ осужденіемъ подражательной нашей литературы, возстаетъ

[1] Словарь, ч. I, стр. III.
[2] Тамъ же.

противъ искаженія языка на чужеземный ладъ и, переходя къ народной литературѣ, останавливается особенно на содержаніи нѣкоторыхъ лубочныхъ картинъ. Позднѣе онъ помѣстилъ въ *Москвитянинѣ* 1842 (ч. I, № 2, и ч. V, № 9): «Полтора слова о нынѣшнемъ рускомъ языкѣ» и «Недовѣсокъ къ статьѣ: *Полтора слова*». Далѣе, въ началѣ разсматриваемаго словаря мы находимъ еще три статьи Даля по тѣмъ же вопросамъ: 1) *О нарѣчіяхъ рускаго языка*, написанную въ 1852 году по поводу изданія академическаго областного словаря; 2) *О рускомъ словарѣ*, читанную 1860 г. въ Обществѣ любителей Россійской словесности, и 3) *Напутное слово*, читанное тамъ же въ 1862 г. и составляющее собственно предисловіе къ *Толковому Словарю*. Наконецъ нѣсколько замѣтокъ подобнаго содержанія помѣщено Далемъ въ газетѣ Погодина *Русскій* (1868 г. №№ 25 и 31).

Въ этихъ разновременныхъ статьяхъ вполнѣ высказались понятія автора о языкѣ, и потому онѣ очень важны для сужденія о словарномъ трудѣ его. Всѣ онѣ развиваютъ извѣстное уже намъ убѣжденіе Даля, что нашъ литературный языкъ, ко вреду своему, слишкомъ удалился отъ народнаго и, принявъ чуждый ему складъ вслѣдствіе множества заимствованій, совершенно утратилъ первоначальный характеръ силы, выразительности и сжатости. Впрочемъ Даль допускаетъ исключеніе въ пользу нѣкоторыхъ писателей: уже и въ первой статьѣ своей онъ указываетъ на Крылова и Грибоѣдова; въ *Напутномъ* же *словѣ* говоритъ: «Взгляните на Державина, на Карамзина, Крылова, на Жуковскаго, Пушкина и на нѣкоторыхъ извѣстныхъ даровитыхъ писателей; не ясно ли, что они избѣгали чужеречій, что старались, каждый по своему, писать чистымъ рускимъ языкомъ»[1]? Что касается

[1] Словарь, ч. I, стр. I. Въ другомъ мѣстѣ Даль не вполнѣ освобождаетъ и Пушкина отъ повальнаго упрека, утверждая, что «нѣтъ писателя, который бы не грѣшилъ — и много, тяжко — противъ роднаго языка. Самъ Пушкинъ», прибавляетъ онъ, «говоритъ въ прозѣ иногда такъ: *обѣ онѣ должны были выдти въ садъ, черезъ заднее крыльцо, за садомъ найдти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать — онъ помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкой* и проч. «Все это», находитъ Даль «не по-русски». (*Москвит.* 1842, ч. I, № 2, стр. 545 и 546).

до языка, которымъ самъ онъ писалъ, то Даль не толко не выдастъ его за образецъ, но сознаетъ и ошибки, въ которыя онъ впадалъ: онъ въ позднѣйшее время убѣдился, что для народности въ литературѣ недостаточно одного подбора словъ и выраженій изъ языка простонародья. При всемъ томъ, исходная точка Даля въ воззрѣніи на нашъ литературный языкъ осталась прежняя. Онъ до конца находилъ, «что живой народный языкъ, сберегшій въ жизненной свѣжести духъ, который придаетъ языку стойкость, силу, ясность, цѣлость и красоту, долженъ послужить источникомъ и сокровищницей для развитія образованной, разумной руской речи *взамѣнъ* нынѣшняго языка нашего, каженика»[1].

Въ чемъ же, по мнѣнію Даля, заключается несостоятельность нынѣшняго нашего письменнаго языка? Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ видно, что онъ сюда относитъ: 1) ошибочное употребленіе одного слова вмѣсто другого по незнанію настоящаго значенія ихъ (*обознаться* вм. *опознаться*, *обыденный* вм. *обиходный*[2]; 2) употребленіе словъ и реченій растянутыхъ, описательныхъ, составленныхъ по иностранному, вм. болѣе краткихъ и мѣткихъ, имѣющихся въ народномъ языкѣ (*путеводитель въ пустынѣ* вм. *степной вожакъ*, *собственный* вм. *свой*, *могущество* вм. *мочь*, *могута*; *усовершенствованіе*, *семейственный* вм. *усовершеніе*, *семейный* и проч.), и 3) заимствованіе множества чужеязычныхъ словъ съ передѣланными только на русскій ладъ окончаніями, употребленіе цѣлыхъ нерусскихъ оборотовъ, сочетаніе словъ и построеніе рѣчи по нерусскимъ формамъ мышленія. Слѣдующій примѣръ можетъ дать болѣе ясное понятіе о томъ, чего желалъ Даль. Когда Жуковскій, въ свитѣ великаго князя Александра Николаевича, въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Уральскъ, то

[1] Словарь, ч. I, стр. II.

[2] *Обознаться* значитъ ошибиться; а *опознаться* — оріентироваться; *обыденный*, какъ ясно показываетъ его происхожденіе, можетъ значитъ только однодневный (*обыденка* = эфемера). Прибавлю отъ себя, что такимъ же образомъ въ нашу новѣйшую литературу вкралось неправильное пониманіе слова *витать*, которому обыкновенно придаютъ смыслъ какого-то движенія въ вышинѣ (*носиться*, planer), тогда какъ оно просто значитъ *жить*, *пребывать*: ср. лат. vita и предложн. глаголъ об(в)итать.

Даль, въ то время тамъ находившійся, завелъ съ нашимъ знаменитымъ поэтомъ разговоръ о любимой своей темѣ и между прочимъ представилъ ему такой образчикъ двоякаго способа выраженія: 1) на общепринятомъ языкѣ: «Казакъ осѣдлалъ лошадь какъ можно поспѣшнѣе, взялъ товарища своего, у котораго не было верховой лошади, къ себѣ на крупъ и слѣдовалъ за непріятелемъ, имѣя его всегда въ виду, чтобы при благопріятныхъ обстоятельствахъ на него напасть»; и 2) на языкѣ народномъ: «Казакъ сѣдлалъ у́торопь, посадилъ безконнаго товарища на за́бедры и слѣдилъ непріятеля въ на́зерку, чтобы при спопутности на него ударить»[1]. Жуковскій, мало сочувствуя послѣднему способу выраженія, замѣтилъ, что такъ можно говорить только съ казаками и притомъ о близкихъ имъ предметахъ.

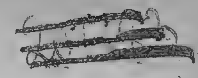
Нельзя отрицать справедливости той мысли, что языкъ народный во многихъ случаяхъ выражается своеобразнѣе и удачнѣе литературнаго; но, замѣтивъ это, Даль упустилъ изъ виду, что несходство между тѣмъ и другимъ есть явленіе общее всѣмъ языкамъ, а не исключительная принадлежность русскаго. Вездѣ языкъ, по мѣрѣ своего развитія въ образованной рѣчи, болѣе и болѣе даетъ перевѣсъ отвлеченному мышленію надъ наглядной изобразительностью[2]; вездѣ общіе всему человѣчеству логическіе законы въ большей или меньшей степени вытѣсняютъ изъ письменнаго языка непосредственную своебразность народныхъ представленій, выражающуюся въ идіотизмахъ, и потому-то вездѣ литературная рѣчь мало по малу усвоиваетъ себѣ множество синтактическихъ оборотовъ, общепринятыхъ въ образованнѣйшихъ языкахъ[3]. Этотъ какъ бы космополитическій языкъ похожъ, по

---

[1] *Москвит.* 1842, № 2, «Полтора слова» и проч., стр. 552, 553.

[2] *Историч. грамматика* Буслаева, М. 1863, ч. II, стр. 21 и 77.

[3] Замѣчательно умно и вѣрно сказалъ князь Вяземскій еще въ 1825 году: «Новые набѣги въ области мысли требуютъ часто и новаго порядка. Отъ нихъ книжный синтаксисъ, условная логика частнаго языка могутъ пострадать, но есть синтаксисъ, есть логика общаго ума, которые, не во гнѣвъ ученымъ будь сказано, также существуютъ». (*Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго*, т. I, стр. 197).

остроумному сравненію одного писателя, на бумажныя деньги, повсюду легко замѣняющія золотую и серебряную монету. Такое явленіе въ языкахъ есть необходимое слѣдствіе постояннаго обмѣна идей, происходящаго путемъ литературы, и слишкомъ жалѣть объ этомъ результатѣ нельзя безъ умаленія цѣны самаго факта, изъ котораго онъ проистекаетъ.

Но свобода заимствованій должна имѣть свои разумные предѣлы, особенно должна она ограничиваться уваженіемъ къ духу родного языка. Даль не безъ основанія упрекаетъ нашу книжную рѣчь въ злоупотребленіи этою свободой. Въ послѣднія десятилѣтія, начиная съ 40-хъ годовъ, — по мѣрѣ того какъ русское общество научалось придавать *вещамъ* болѣе цѣны, чѣмъ *именамъ*, — у насъ стали слишкомъ пренебрегать чистотою языка и слишкомъ мало стѣсняться въ употребленіи иностранныхъ словъ и оборотовъ. Такимъ образомъ въ печати появилось множество выраженій, искуственно привитыхъ къ русскому языку, напр. *разсчитывать на кого* или *на что*, *дѣлать кого несчастнымъ*, *имѣть жестокость*, *предшествовать кому*, *предпослать что чему*, *пройти молчаніемъ*, *раздѣлять чьи-либо мысли* или *чувства*, *прежде нежели сказать*, *слишкомъ уменъ чтобы не понять*, *имѣть что возразить*, *имѣть что-нибудь противъ*[1]. Въ разговорѣ и на письмѣ сдѣлались ходячими слова: *фактъ*, *результатъ*, *интересный*, *серьезный*, *компетентный*, *лояльный*, *солидный*, *солидарный*; не избѣгли мы даже *шансовъ*, не говоря уже о цѣломъ легіонѣ глаголовъ подобныхъ слѣдующимъ: *импонировать*, *импровизировать*, *изолировать*, *игнорировать*, *бравировать*, *фор-*

---

[1] Въ ближайшее къ намъ время къ этимъ оборотамъ присоединилось еще много другихъ, напр. *считаться съ чѣмъ* (tenir compte de quelque chose), *человѣкъ такого закала* (un homme de cette trempe), *разъ онъ взялся — непремѣнно сдѣлаетъ* (une fois qu'il s'en est chargé...) и проч., или слова: *вліять*, *вліятельный*, *немыслимый* (undenkbar). Прежде слово *вліять* имѣло только собственное значеніе, напр. у М. Н. Муравьева: «Многія дамы, украшенія пола своего, *вліяли* природныя и неподражаемыя пріятности ихъ разума въ сочиненія, повидимому легкія и нетщательныя». — Французское слово *sâle* въ переносномъ смыслѣ стали переводить *сальный*, изъ котораго въ томъ же значеніи образовалось существительное *сальность* (!).

мулировать, вотировать, конкурировать, резюмировать, третировать. Послѣдній разрядъ словъ особенно неудаченъ, такъ какъ тутъ мы видимъ иногда двойное искаженіе: французское слово видоизмѣнено сперва нѣмецкою формою его окончанія (iren). Чтобы уменьшить безобразіе, нѣкоторые стали отбрасывать слогъ *ир* и говорить напр. *формуловать, цитовать*, по образцу болѣе старыхъ глаголовъ: *атаковать, арестовать, командовать, пробовать.* Къ сожалѣнію, это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ возможно, да и отъ такой передѣлки мало прибыли, когда словов се-таки остается иностраннымъ.

Замѣтимъ однакожъ, что одновременно съ вторженіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, русскій литературный языкъ не переставалъ развиваться и изъ собственныхъ своихъ источниковъ, чего Даль вовсе не принялъ въ соображеніе, хотя однажды и вырвалось у него замѣчанье: «Сколько введено русскихъ словъ на нашей памяти, начиная съ Карамзина!»[1]. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ сравнить любую нынѣшнюю книгу или газету съ тѣмъ, что писалось лѣтъ 30—40 тому назадъ, даже и лучшими изъ тогдашнихъ литераторовъ: въ каждомъ современномъ намъ сочиненіи найдется множество русскихъ словъ и оборотовъ, которыхъ не знали ни Карамзинъ, ни слѣдовавшіе за нимъ писатели. Все это пріобрѣтенія, усвоенныя языку путемъ, по большей части правильнымъ и законнымъ. Изъ какихъ же источниковъ, сверхъ иностранныхъ языковъ, наша письменная рѣчь обогащается? Частью изъ старинныхъ памятниковъ, по примѣру пользующихся ими хорошихъ писателей (такъ еще Карамзинъ возстановилъ слово *сторонникъ*, нынѣ часто употребляемое; такъ же введены недавно: *рознь* въ смыслѣ несогласія, *строй, людъ* и т. п.), частью изъ самого живого языка, пользуясь существующими уже словами или корнями для новыхъ словообразованій и сочетаній; такъ возникли слова: *научный, проявленіе, дѣятель, даровитый, отчетливый, настроеніе, творчество, сопоставленіе, сдержан-*

[1] *Москвит.* 1842, № 9, «Недовѣсокъ» и пр., стр. 91.

ность, *голосованіе*, *плоскогорье* и проч. Нѣкоторыя старыя слова стали употребляться въ новомъ значеніи, напр. *разборъ* вм. *рецензія*, *сложиться*, вм. *устроиться* (напр. объ обстоятельствахъ), *печать* вм. *пресса*, *пробѣлъ*, *насущный* (въ переносномъ смыслѣ). Изъ прежнихъ словъ иныя вовсе оставлены, напр. *свѣдать* (которое любилъ Карамзинъ), *содѣлывать*, *прилежность*, *сорадованіе*, *примѣчанія достойный*, *въ разсужденіи чего*; другія урѣзаны, напр. вмѣсто *надобно*, *чувствованіе* стали не только говорить, но и писать *надо*, *чувство*. Даль не одобряетъ появившихся въ 40-хъ годахъ словъ: *возникновеніе*, *исчезновеніе* и т. п. Они однакожъ ничѣмъ не хуже болѣе старыхъ образцовъ своихъ: *отдохновеніе*, *прикосновеніе*, *дуновеніе* и пр.; они вызваны потребностью въ логическомъ отвлеченіи и могутъ быть терпимы, если только образованы правильно, а не такъ, какъ напр. слово *упоминовеніе*, не оправдываемое законами этимологіи[1]. Еще безобразнѣе и неправильнѣе не старое слово *вдохновлять*[2]. Но за исключеніемъ немногихъ случаевъ этого рода, современный литературный языкъ вообще стремится къ упрощенію, къ большему и большему сближенію съ языкомъ разговорнымъ, отбрасывая постепенно слова́ тяжелыя, напыщенныя, слишкомъ искуственныя въ ихъ образованіи, каковы напр. отживающія свой вѣкъ слова́: *преуспѣяніе*, *споспѣшествовать*, *преткновеніе* и имъ подобныя. Нельзя даже сказать, чтобы литературный языкъ и до сихъ поръ вовсе не заимствовался изъ народнаго, откуда, напр., введены слова *починъ* (или *зачинъ*,) *бытъ*, *суть* (сущность), *проходимецъ* и др. Нѣкоторыя изъ лучшихъ нашихъ писателей уже показали опыты глубокаго знанія народнаго языка, которое, отражаясь въ ихъ сочиненіяхъ, не остается безъ дѣйствія на всю литературу. Не упоминая о

[1] Отъ *упомянуть* существительное было бы *упомяновеніе*; отъ *упоминать*— *упоминаніе*.

[2] Отъ гл. *вдохнуть* произошло причастіе *вдохновенный* (какъ отъ *обыкнуть* — *обыкновенный*), а отъ причастія, уже совершенно наперекоръ грамматикѣ и логикѣ, образовано *вдохновить*, *вдохновлять*, какъ будто это то же, что *благословить* — *благословенный*! Несмотря на то, и тѣ двѣ формы благополучно принялись.

живыхъ, укажу только на покойнаго С. Т. Аксакова: его проза — образецъ чисто-русскаго языка, богатаго народными, кстати употребленными идіотизмами.

Итакъ положеніе нашего литературнаго языка повидимому далеко не такъ отчаянно, какъ оно кажется Далю. Въ подтвержденіе того можетъ служить и собственная его проза: въ ней можно бы ожидать усильнаго приближенія къ тому идеалу слога, который авторъ себѣ составилъ; но на самомъ дѣлѣ она не многимъ отличается отъ того, что̀ вообще пишется у насъ людьми, несовсѣмъ равнодушными къ чистотѣ языка. Правда, у него попадаются слова и реченія, которыхъ мы не встрѣтимъ у другихъ писателей; но это однѣ частности, мало замѣтныя въ цѣломъ, представляющемъ общій характеръ современной намъ письменной рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ почерпнуть еще много живыхъ силъ изъ языка народнаго; тѣмъ не менѣе однакожъ требованія и ожиданія Даля въ этомъ отношеніи преувеличены. Это становится яснымъ изъ слѣдующихъ словъ его: «Народныя слова *прямо могутъ* переноситься въ письменный языкъ, *никогда* не оскорбляя его грубою противу самого себя ошибкою, а напротивъ *всегда* направляя его въ природную свою колею, изъ которой онъ у насъ соскочилъ» (не вѣрнѣе ли было бы: *выскочилъ?*) «какъ паровозъ съ рельсовъ: онѣ оскорбятъ развѣ только изрусѣвшее ухо чопорнаго слушателя»[1]. Здѣсь авторъ упускаетъ изъ виду, что у каждой сферы языка есть свой характеръ, свой тонъ, который поддерживается не только цѣлымъ составомъ рѣчи, оборотами, но и отдѣльными словами. Поэтому переносить слова изъ одной сферы въ другую не всегда удобно: слово должно быть всегда сообразно съ настроеніемъ духа и ума говорящаго, съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой онъ хочетъ придать выражаемому понятію. Вотъ почему нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя и даже общеупотребительныя слова народнаго языка не всегда пригодны въ рѣчи образованнаго класса. Такъ глагола *плясать* мы не можемъ во

---

[1] Словарь, ч. I, стр. XVI.

всѣхъ случаяхъ употреблять вмѣсто иноязычнаго синонима его *танцовать*, и если бъ обычная фраза: «дама, съ которою я танцовалъ», приняла въ разговорѣ форму: «женщина, съ которой я плясалъ», то едва ли кто изъ слушателей могъ бы удержаться отъ невольной улыбки. Другой примѣръ: многіе еще помнятъ, какъ при началѣ построенія московской желѣзной дороги, народъ прозвалъ ее *чугункою* и какъ это слово всѣмъ показалось удачнымъ. Почему же оно, несмотря на то, не вошло въ общее употребленіе? потому что съ нимъ, для образованнаго человѣка, связывается понятіе чего-то наивнаго, несовмѣстнаго съ общимъ характеромъ его рѣчи. Всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи прекрасное слово *спасибо*, котораго, къ сожалѣнію, мы удостоиваемъ только простолюдиновъ; вмѣсто него даже городская прислуга, желая щегольнуть своею образованностью, стала употреблять безобразное *мерси*.

Еще труднѣе дать ходъ областному слову, непонятному и новому для насъ по своему звуковому составу: таковы, напр., *уповодъ* и *выть*, на которыя Даль указываетъ какъ на весьма полезныя, объясняя: «*Уповодъ*, это срокъ или продолжительность отъ *выти* до *выти*, т. е. отъ ѣды до ѣды. Во днѣ, смотря по числу *вытей*, коихъ лѣтомъ бываетъ одною болѣе, чѣмъ зимою, три или четыре *уповода*, каждый часа въ четыре»[1]. Какъ ни нужно было бы намъ въ самомъ дѣлѣ слово, соотвѣтствующее французскому repas, мало надежды, чтобы сѣверно-русское *выть* когда-нибудь сдѣлалось общеупотребительнымъ, хотя оно нѣкогда въ другомъ значеніи (доля, участокъ)[2] и было знакомо всему народу, какъ показываетъ образованное отъ него старинное сущ. *повытчикъ*. Такъ же мало будущности можно предсказать и нѣкоторымъ другимъ предлагаемымъ Далемъ словамъ: правда, они

---

[1] Словарь, ч. I, стр. XXIV.

[2] Слово *выть*, въ финскомъ *vuitti*, употребляется по всей Кареліи въ значеніи: часть, доля. Слову *уповодъ* въ фин. языкѣ соотвѣтствуетъ *rupeama*, также означающее рабочее время между двумя пріемами пищи или роздыхами (профес. Ahlqvist въ п. ко мнѣ отъ 3/15 іюля 1873).

заключаютъ въ себѣ корень уже извѣстный, но образованіе ихъ не отвѣчаетъ условію общепонятности. Вмѣсто горизонтъ рекомендуетъ онъ, напр., *завѣсъ*, *закрой*, *озоръ*, *овидъ*; вм. резонансъ — *отбой*, *голкъ*, *наголосокъ*; вм. адресовать, адресъ — *насылать*, *наслъ*, *насылка*; вм. кокетка — *миловидница*, *красовитка*, *жеманница*, *хорошуха*, *казотка*; вм. атмосфера — *колоземица*, *міроколица*; вм. пуристъ — *чистякъ*; вм. эгоизмъ — *самотство*, *самотность*. Замѣтимъ впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ не народныя, а придуманныя самимъ Далемъ. Но чтобы какое-нибудь новое слово, — будетъ ли оно заимствовано у народа, или составлено писателемъ, — пошло въ ходъ, для этого оно должно быть, по своему составу, совершенно просто, естественно, непринужденно: новизна его не должна бросаться въ глаза. Такъ на нашей памяти принялись слова: *даровитый*, *дѣятель*, *представитель*, *научный*, *паровозъ*, *обусловливать*, *сдержанность*, *заподозрѣть*, *починъ*, *вліятельный*[1]. Однакожъ и они до сихъ поръ не всѣ еще пріобрѣли несомнѣнное право гражданства.

Что касается словъ иностранныхъ въ русскомъ языкѣ, то присутствіе ихъ неразрывно связано съ самымъ ходомъ нашего образованія, которое постоянно питалось плодами западной жизни. Слѣдствіемъ быстрыхъ нововведеній было то, что не мало

[1] Ходъ введенія подобныхъ словъ бываетъ обыкновенно такой: вначалѣ слово допускается очень немногими; другіе его дичатся, смотрятъ на него недовѣрчиво, какъ на незнакомца; но чѣмъ оно удачнѣе, тѣмъ чаще начинаетъ являться. Мало по малу къ нему привыкаютъ, и новизна его забывается: слѣдующее поколѣніе уже застаетъ его въ ходу и вполнѣ усвоиваетъ себѣ. Такъ было напр. съ словомъ *дѣятель*; нынѣшнее молодое поколѣніе, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какъ это слово, при появленіи своемъ въ 30-хъ годахъ, было встрѣчено враждебно бо́льшею частью пишущихъ. Теперь оно слышится безпрестанно, входитъ уже и въ правительственные акты; а было время, когда многіе, особенно изъ людей пожилыхъ, предпочитали ему *дѣлатель* (см. напр. сочиненія Плетнева). Иногда случается однакожъ, что и совсѣмъ новое слово тотчасъ полюбится и войдетъ въ моду. Это значитъ, что оно попало на современный вкусъ. Такъ было въ самое недавнее время съ словами: *вліять* (и *повліять*), *вліятельный*, *относиться къ чему-либо* такъ или иначе и др.

пришлыхъ словъ проникло даже въ языкъ народный; такъ по всей Россіи простолюдины употребляютъ слова: *манера*, *фасонъ*, *мастеръ*, *матерія*, *матерьялъ*, *капиталъ*, *музыка*, *оказія*, *коммиссія*, *азартъ*, которыхъ народъ и не думаетъ замѣнять своими и изъ коихъ нѣкоторыя — и именно три послѣднія — получили на русскомъ языкѣ новое, самостоятельное значеніе. Въ городахъ необразованный и полуграмотный классъ особенно любитъ, безъ всякой надобности, щеголять иностранными словами, и вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ русскихъ словъ употребляетъ напр. *фрыштыкъ*, *фартукъ*, *персона*, *кувертъ*, *партикулярный* и т. д. Если отсюда поднимемся въ высшіе слои, то найдемъ, что не только въ свѣтскомъ обществѣ, но и въ литературѣ употребленіе чужеземныхъ словъ было издавна и до сихъ поръ остается отчасти дѣломъ моды, отчасти же происходитъ отъ привычки нашей думать на иностранныхъ языкахъ и искать на своемъ выраженій для чуженародныхъ мыслей. Мѣняются слова, но сущность все та же. Петровскія *фортеціи* и *викторіи* позднѣе уступили мѣсто *еложамъ*, *резонамъ*, *эстимъ*, а еще позднѣе пошли въ ходъ *эксплуатаціи*, *инсинуаціи*, *пертурбаціи*, *шансы* и *принципы*, которыя вѣроятно въ свою очередь исчезнутъ и очистятъ путь новымъ пришельцамъ изъ романскихъ языковъ. Число иноземныхъ словъ, вторгшихся и еще вторгающихся къ намъ вмѣстѣ съ новыми понятіями, изобрѣтеніями и учрежденіями, заимствуемыми съ запада, такъ велико, что изгнать ихъ, даже и въ отдаленномъ будущемъ, едва ли удастся. Между ними есть и такія, которымъ легко найти вполнѣ соотвѣтственныя русскія слова и которыя, несмотря на то, всѣми употребляются предпочтительно, только потому, что мы къ нимъ уже привыкли и что они по своей общеизвѣстности кажутся намъ удобнѣе; такъ вм. дуэль мы не говоримъ *поединокъ*[1],

[1] Въ оправданіе этого можно, конечно, сказать, что древній *поединокъ* обставленъ такими особенностями, которыя не подходятъ къ слову *дуэль*; но отчего же мы въ другихъ случаяхъ допускаемъ еще болѣе рѣзкіе анахронизмы, употребляя напр. *стрѣлять*, *выстрѣлъ* (отъ *стрѣла*) въ примѣненіи къ огнестрѣльному оружію?

и оставляемъ въ сторонѣ слова: *врачъ*, *станъ*, *преобразованіе*, употребляя на мѣсто ихъ: медикъ или докторъ, лагерь, реформа. Иными же русскими словами, напр. *купецъ*, *гостиница*, мы рѣдко пользуемся потому, что съ ними соединяются такіе оттѣнки понятій или бытовыхъ особенностей, которые чужды соотвѣтствующимъ иностраннымъ словамъ: *негоціантъ*, *отель* и проч. Употребленіе въ такихъ случаяхъ русскихъ словъ показалось бы неумѣстнымъ пуризмомъ. Изъ приведенныхъ сейчасъ примѣровъ, какъ и изъ многихъ общеизвѣстныхъ, но мало употребительныхъ народныхъ реченій, видно, что слабое вліяніе языка народнаго на образованный происходитъ не столько отъ незнанія туземныхъ словъ или отъ трудности пріискивать ихъ, сколько отъ совершенно другихъ, болѣе глубокихъ причинъ. Вотъ и еще примѣръ тому: всѣмъ извѣстно, какъ нашъ народный языкъ богатъ названіями родства; ознакомиться съ ними всякому было бы не трудно; однакожъ мы видимъ, что напротивъ того ихъ избѣгаютъ, и въ такъ называемомъ хорошемъ обществѣ *бофреры* и *бельсёры* еще не скоро уступятъ первенство *шурьямъ* и *зятьямъ*, *невѣсткамъ* и *золовкамъ*, которыхъ названія переносятъ насъ въ слишкомъ чуждую намъ и темную область русской жизни[1]. Отсюда мы прямо приходимъ къ тому важному выводу, что народному языку болѣе значенія и вліянія можетъ дать только народное образованіе. Пусть бездна, отдѣляющая у насъ одну часть націи отъ другой, будетъ постепенно исчезать передъ успѣхами просвѣщенія въ массахъ: однимъ изъ благотворныхъ послѣдствій этого будетъ конечно и бо́льшее единство въ языкѣ цѣлой націи, и высшіе слои ея научатся лучше цѣнить сокровища народной рѣчи.

Нельзя не согласиться съ Далемъ, что нашъ образованный языкъ слишкомъ злоупотребляетъ легкостью заимствованія иностранныхъ словъ: на писателяхъ лежитъ прямой долгъ стараться о замѣнѣ ихъ, по возможности, русскими. Это всегда и сознавали

---

[1] Финскій языкъ также богатъ названіями родства, но и тамъ они мало по малу приходятъ въ забвеніе, такъ что теперь уже вм. *kyty*, шуринъ, говорятъ либо: *waimonveli*, женнинъ братъ, либо *lanko*, зять вообще. (Ahlqvist).

лучшіе представители слова. Несправедливо слагать съ себя въ этомъ дѣлѣ отвѣтственность, ссылаясь на исторію. Естественно, что при быстро совершающейся внутри общества работѣ некогда, для каждаго новаго понятія, тотчасъ же придумывать и своенародное слово; но это не значитъ, чтобы мы навсегда уже были освобождены отъ заботы о томъ. Патріотическое стремленіе писателей къ очищенію своего языка отъ пестрой иноземной примѣси можетъ также составить фактъ въ движеніи общественнаго сознанія, и притомъ фактъ, достойный полнаго вниманія исторіи. Былъ же этотъ фактъ въ умственной жизни нѣкоторыхъ другихъ народовъ. У Нѣмцевъ еще въ 17-мъ столѣтіи образовались ученолитературныя общества, главною цѣлію которыхъ было изгнаніе чуждыхъ стихій изъ языка; Чехи, въ слѣдствіе особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, замѣнили большую часть вошедшихъ къ нимъ нѣмецкихъ словъ своими, и во многихъ случаяхъ очень удачно; но при этомъ оказалось также, какъ опасно обращаться съ языкомъ самовольно, безъ надлежащаго пониманія дѣла и осторожности: людьми непризванными введено въ чешкій языкъ съ другой стороны множество крайне неловко составленныхъ словъ, не отвѣчающихъ ни духу, ни законамъ языка. Тѣмъ не менѣе примѣръ Чеховъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; вообще славянскіе языки, какъ сознаетъ и Даль, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ для обогащенія русскаго. Изученіе народнаго языка полезно какъ въ научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніи; но заимствованія изъ него въ языкъ образованный должны дѣлаться сами собой, естественно и незамѣтно. Насильственное же введеніе народныхъ словъ и оборотовъ едва ли можетъ быть успѣшно, и писатель, который будетъ употреблять ихъ неосмотрительно, подвергнется опасности остаться непонятнымъ большинству читателей.

Итакъ, не вполнѣ соглашаясь съ нашимъ авторомъ въ его взглядѣ на современную литературную рѣчь и на легкость исправленія ея посредствомъ языка народнаго, нельзя однакожъ не отдать полной справедливости его заботѣ объ очищеніи нашего

письменнаго языка и не признать всей важности какъ обширнаго словаря его, такъ и положенной въ основаніе этого труда идеи.

Приступая къ разсмотрѣнію *Толковаго Словаря* со стороны научныхъ требованій, мы не должны упускать изъ виду взгляда самого автора на свою задачу и на средства свои къ ея выполненію. Онъ прямо говоритъ[1], что, предпринимая работу словаря, считалъ ее для себя непосильной и что, обсудивъ безпристрастно свои познанія, нашелъ ихъ недостаточными для глубокаго ученаго труда: «и именно», поясняетъ онъ, «недоставало общихъ познаній языковѣденія и основательнаго знанія прочихъ славянскихъ языковъ и наречій; недоставало даже и того, что у насъ называютъ основательнымъ знаньемъ своего языка, то есть, научнаго знанія граматики». Послѣ такой добросовѣстной исповѣди автора мы не имѣли бы и права подвергать его словарь строгой ученой критикѣ, еслибъ на насъ не лежала обязанность, для полноты нашего разбора, прежде всего рѣшить, въ какой мѣрѣ трудъ Даля удовлетворяетъ требованіямъ науки. Предпринимаемъ эту оцѣнку тѣмъ охотнѣе, что знаемъ, какъ почтенный авторъ дорожитъ серьезнымъ судомъ и правдой, высказанной безъ лицепріятія, для пользы одного дѣла.

Словарю своему онъ далъ заглавіе: *Толковый Словарь живаго Великорускаго языка.* Словарь одного живого языка въ сущности невозможенъ, ибо многое современное находитъ объясненіе только въ прошломъ, въ древности; языкъ нельзя себѣ представить существующимъ только въ данную эпоху, и потому всѣ ученые лексикографы представляютъ въ своихъ словаряхъ языкъ на извѣстномъ протяженіи времени, присовокупляя еще и изъ болѣе отдаленнаго прошлаго: 1) слова, служащія къ объясненію современнаго, 2) такія древнія слова, которыхъ возстановленіе было бы желательно (такъ поступаетъ напр. и Шв. академія: см. ея словарь на б. А). Такъ отчасти поступилъ и Даль, несмотря на слово *живой* въ заглавіи. Какъ бы ни было, мы не видимъ здѣсь слова *народ-*

[1] Словарь, ч. I, стр. IV.

ный, хотя понятіе его и составляетъ господствующее начало всего труда. Причина этого умолчанія заключается въ томъ, что планъ словаря обширнѣе: онъ долженъ былъ обнять весь запасъ великорусскаго языка, какъ онъ является въ устной рѣчи, въ литературныхъ произведеніяхъ и отчасти даже въ памятникахъ древней письменности, но *живой* языкъ вообще составлялъ главную задачу нашего лексикографа. Изъ этой области русскаго языка онъ вносилъ «слова, речи и обороты всѣхъ концевъ Великой Руси», впрочемъ, какъ самъ онъ оговаривается, «не для безусловнаго включенія ихъ въ писменую рѣчь, а для изученья, для знанія и обсужденія ихъ, для обсужденія самаго духа языка и усвоенія его себѣ, для выработки изъ него постепенно своего, образованнаго языка. Читатель, а тѣмъ паче писатель, сами разберутъ, что и въ какомъ случаѣ можно включить и принять въ образованый языкъ» [1]. Прислушиваясь къ говору простонародья изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга краевъ Россіи, Даль убѣдился, что за исключеніемъ не слишкомъ большого числа мѣстныхъ словъ, на всемъ обширномъ пространствѣ, гдѣ обитаетъ великорусское племя, господствуетъ собственно, несмотря на частныя видоизмѣненія, одинъ и тотъ же народный языкъ. Извѣстно, что еще Ломоносовъ замѣтилъ: «Народъ Россійскій, по великому пространству обитающій, не смотря на дальное разстояніе говоритъ повсюду вразумительнымъ другъ другу языкомъ въ городахъ и въ селахъ. Напротивъ того, въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, напримѣръ въ Германіи, Баварской крестьянинъ мало разумѣетъ Мекленбургскаго, или Бранденбургской Швабскаго, хотя всѣ тогожъ Нѣмецкаго народа [2]». Единство русскаго народнаго языка даетъ ему еще болѣе права на наше вниманіе. Но кромѣ того неоспоримо, что и мѣстныя слова, удачно выражающія такія понятія, для которыхъ недостаетъ словъ въ языкѣ письменномъ, могутъ быть пригодны для всеобщаго употребленія. Поэтому Даль не пренебрегалъ и мѣст-

---

[1] Словарь, ч. I, стр. v.

[2] *Соч. Ломоносова*, т. I, «О пользѣ книгъ церковныхъ», стр. 532.

ными словами, когда они казались ему заслуживающими извѣстности: дѣйствуя такъ, онъ былъ тѣмъ болѣе правъ, что вообще не легко опредѣлить границы распространенія слова. Въ этомъ отношеніи, для Даля было чрезвычайно важно изданіе нашимъ Отдѣленіемъ, въ 1852 году, *Опыта областнаго великорусскаго словаря*. Пользу его для своихъ работъ самъ онъ сознаетъ безпристрастно: хотя онъ и не упускаетъ случаевъ, при самомъ текстѣ своего словаря, строго и рѣзко выставлять недостатки какъ областного, такъ и другихъ академическихъ словарей, однакожъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*, уступая чувству справедливости, онъ говоритъ: «Первое признательное слово мое по сему дѣлу должно быть обращено къ словарямъ Академіи, общему, на коемъ весь трудъ основанъ, и областнымъ, коими запасы мои пополнены»[1]. *Опытъ областнаго словаря*, представившій Далю первый шагъ къ осуществленію его давнишней и любимой мысли, помогъ, кажется, и окончательному ея развитію. По поводу его изданія Даль написалъ въ 1852 г. обширную статью *О нарѣчіяхъ русскаго языка*; не касаясь здѣсь изложенныхъ въ ней частныхъ воззрѣній автора на этотъ предметъ, которыя потребовали бы особаго разсмотрѣнія, приведу оттуда только одну общую, замѣчательно вѣрную мысль: «Мы вобще большею часть ошибаемся, отмѣчая слово курскимъ, нижегородскимъ, потому только, что въ первый разъ его тамъ слышали... Въ общемъ Академическомъ словарѣ отмѣчены областными такія слова, которыя донынѣ входу почти повсемѣстно.... Также точно въ словарѣ областномъ приписаны одной губерніи слова довольно общія.... Изъ этого слѣдуетъ, что намъ еще едва ли можно отдѣлить словарь нарѣчій отъ словаря народнаго языка, и что именно трудъ нашъ тогда только достигнетъ цѣли своей, когда ознакомитъ насъ сколь можно ближе съ языкомъ народнымъ и со всѣми мѣстными особенностями его»...[2]. Эту-то плодотворную мысль Даль и положилъ въ основу своего словаря.

---

[1] Словарь, ч. I, стр. XIII.
[2] Словарь, ч. I, стр. LI.

Мы уже знаемъ, какой матеріалъ онъ предпринялъ разработать; посмотримъ теперь, какіе предѣлы онъ себѣ намѣтилъ и какъ соблюлъ ихъ. Полнота словаря живого языка можетъ быть только относительная; слѣдовательно, если смотрѣть съ высшей, не просто практической точки зрѣнія, такая полнота тогда только можетъ имѣть научную цѣну, когда въ стремленіи къ ней видно какое-нибудь теоретическое начало. Нѣтъ сомнѣнія, что Даль, переливъ въ свой трудъ все, что для его цѣли было годно изъ напечатанныхъ до него русскихъ словарей, и прибавивъ къ этому массу словъ, имъ самимъ собранныхъ, далъ намъ самый полный русскій словарь изъ всѣхъ, какіе мы до сихъ поръ имѣемъ: по собственному его показанію, число прибавленныхъ имъ словъ (считая, разумѣется, не одни новыя, малоизвѣстныя, но и весьма обыкновенныя второобразныя, только прежде не отмѣченныя) можетъ простираться отъ 70 до 80-ти тысячъ. Но если мы спросимъ, какимъ собственно правиломъ руководствовался Даль, принимая изъ народныхъ или мѣстныхъ словъ одни и отбрасывая другія, то едва ли получимъ удовлетворительный отвѣтъ. Иногда онъ вноситъ мѣстныя слова не великорусскія, напр. *вовкулака* (очевидно имѣющее малороссійскую форму), или даже и вовсе не-русскія, а инородческія, т. е. финскія, татарскія и т. п., каковы, напр., архангельскія слова: *конда* и *мянда* (особые виды сосны) или кавказское *аба* (толстое и рѣдкое бѣлое сукно). Кажется, что и вообще исключительно мѣстныя, хотя бы и русскія, названія предметовъ, которыя не могутъ имѣть примѣненія въ общеупотребительномъ языкѣ и потому не отвѣчаютъ главной идеѣ Даля, должны бы оставаться достояніемъ областныхъ словарей. Иначе словарь народнаго языка подвергнется опасности вмѣстить въ себѣ случайное извлеченіе изъ областныхъ словарей разныхъ мѣстностей. Впрочемъ такихъ мѣстныхъ названій у Даля, сравнительно, немного; за то какое безчисленное множество собралъ онъ дѣйствительно общенародныхъ словъ, которыхъ образованный языкъ до сихъ поръ не зналъ: между ними особеннаго вниманія заслуживаетъ большое количество словъ, относящихся до естествовѣдѣнія, ме-

дицины, ремеслъ и промысловъ, названій, отчасти только въ народѣ обращающихся, напр. *гусачиха, гусаковая перепонка,* предлагаемое Далемъ вмѣсто употребляемаго нынѣ искуственнаго слова грюдобрюшная преграда. Рядомъ съ словами народнаго языка помѣщены имъ также слова иноязычныя, и притомъ не только пользующіяся правомъ давности, но и вновь вводимыя (разумѣется, не всѣ, а только болѣе употребительныя). За это онъ, какъ намъ кажется, не заслуживаетъ упрека, ибо, каковы бы ни были эти слова, никто не можетъ отрицать, что они находятъ себѣ мѣсто въ современномъ живомъ языкѣ, хотя и нельзя поручиться за долговѣчность многихъ изъ нихъ.

Далѣе авторъ заимствовалъ изъ словаря академическаго также многія церковно-славянскія и старинныя русскія слова, занесенныя туда изъ письменныхъ памятниковъ, и притомъ не только тогда, когда они въ другомъ значеніи донынѣ употребительны, но и тогда, когда они принадлежатъ исключительно древнему языку. При тѣсной и неразрывной связи, существующей у насъ между языкомъ настоящаго и давнопрошедшаго времени, понятно, что лексикографу *живого языка* трудно и даже совершенно невозможно быть послѣдовательнымъ и ограничиваться однимъ современнымъ языкомъ. Какъ напр. поступать ему съ словами: *длань, здать, ристать, осклабляться, стогнъ, паволока, стольникъ, кравчій,* съ формами: *младой, драгой, златой, гладъ, стражъ?* Даль рѣшился сохранять не только такія слова, но и другія менѣе нужныя, напр. *скирбъ, скнипа, гобзовать, угобжать, вуй, стрый, средовѣкъ, спона,* отмѣчая ихъ иногда припискою *црк.* или *стар.* и присоединяя къ нимъ тѣ же примѣры, какіе приведены въ академическомъ словарѣ изъ древнихъ памятниковъ. Нельзя не признать этого справедливымъ въ отношеніи къ стариннымъ словамъ, еще употребляемымъ въ новомъ письменномъ языкѣ или имѣющимъ значеніе корней; но что касается такихъ словъ, которыя рѣдко встрѣчаются и въ памятникахъ, какъ напр. *скирбъ* (связка), то кажется, не было основанія давать имъ мѣсто въ словарѣ живого языка, ибо большинства подобныхъ словъ мы

у Даля все-таки не найдемъ, напр. *непщевать, склабиться*. Такимъ образомъ, отдавая полную справедливость лексическому богатству словаря Даля, мы должны однакожъ замѣтить, что у него трудно отыскать какое-либо строго опредѣленное, однообразное теоретическое начало, подъ которое подходили бы всѣ принятыя имъ слова. Относительно задачи автора, обозначенной въ самомъ заглавіи словаря названіемъ «живого великорускаго языка», можно упрекнуть его въ излишествѣ, такъ что многія слова попадаются тамъ совершенно неожиданно для пользующагося имъ; конечно, всякая такая случайная находка можетъ быть тому или другому читателю очень пріятна; но надобно, чтобы всякій, обращаясь къ словарю, заранѣе зналъ, что̀ онъ можетъ найти въ немъ и чего искать не долженъ.

Даля не разъ упрекали еще въ томъ, что въ словарѣ его встрѣчаются слова сомнительныя и такія, которыя составлены имъ самимъ, однакоже занесены безъ всякихъ оговорокъ. Упрекъ этотъ такъ важенъ, что мы не можемъ оставить его безъ разсмотрѣнія.

Возражая на такое обвиненіе, самъ Даль сознается, что «при *толкованіяхъ*, а иногда и *въ числѣ производныхъ словъ* могли попадаться и такія, кои доселѣ не писались, а можетъ-быть даже и не говорились»: — «въ переводахъ чужихъ словъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «могутъ попадаться въ словарѣ изрѣдка вновь сочиненныя слова, отдаваемыя на общій судъ; но въ красной строкѣ или въ числѣ объясняемыхъ словъ *сочиненныхъ много словъ нѣтъ:* въ красную строку, въ число реченій, набираемыхъ крупнымъ наборомъ, отъ строки, собиратель ставилъ только слова читаныя или слышаныя имъ». Къ числу словъ, составленныхъ самимъ авторомъ, разумѣется изъ соединенія уже извѣстныхъ словъ, относятся, напр., имена сущ.: *ловкосиліе* (при словѣ гимнастика), *міроколица* (при сл. атмосфера), *глазоемъ* (при сл. горизонтъ), *насылъ, насылка* (при сл. адресъ). Даль и прежде уже, въ статьяхъ своихъ, предлагалъ подобныя новосоставленныя слова; теперь онъ считалъ долгомъ *словарника* (употребляю его слово) «пе-

ревести каждое изъ принятыхъ словъ на свой языкъ и выставить тутъ же всѣ равносильныя, отвѣчающія или близкія ему выраженія рускаго языка, чтобы показать, есть ли у насъ слово это, или его нѣтъ... «Если», говоритъ онъ, «предлагаемыя слова не сыщутъ одобренія и пріема у писателей, то, можетъ быть, дадутъ поводъ къ толкамъ и къ отысканію другихъ и лучшихъ словъ, и тогда цѣль наша очевидно будетъ достигнута»[1]. Попытка замѣнять чужія слова своими, стараніе изгонять варваризмы конечно заслуживаетъ всякаго уваженія, какъ и все то, что Даль говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи (ч. I, стр. xi—xii); однакожъ мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ, которое уже было выражаемо другими, что всѣ вновь придуманныя самимъ авторомъ слова должны бы быть отмѣчены особенными знаками. Даль совершенно справедливо разсуждаетъ о трудности указывать всякій разъ лицо, отъ котораго то или другое слово было слышано; но что бы онъ ни возражалъ противъ приведеннаго требованія, мы находимъ, что никакое новое слово (какъ напр. *міроколица*) не могло быть составлено имъ безсознательно, и потому не понимаемъ, что мѣшало ему отмѣчать такія слова. Отъ несоблюденія этого пользующійся словаремъ поставленъ въ большое затрудненіе. Чтобы убѣдиться, ходитъ ли въ народѣ такое-то слово, употребленное Далемъ въ толкованіяхъ и кажущееся по чему-либо сомнительнымъ, необходимо каждый разъ справиться, стоитъ ли это слово въ красной строкѣ. Но въ красной строкѣ помѣщены только слова относительно первообразныя; а затѣмъ между производными отъ нихъ, напечатанными также крупнымъ шрифтомъ, иногда встрѣчаются опять-таки сомнительныя слова (напр. *насылъ*, *насылка* въ смыслѣ «адресъ»), ничѣмъ не отличенныя отъ словъ вполнѣ достовѣрныхъ.

Для большей ясности разсмотримъ слѣдующій примѣръ. Въ толкованіи слова *горизонтъ* помѣщены у Даля между прочимъ слова: *небоземъ*, *глазоемъ*, *зрѣимо*, *завѣсь*, *закрой* касп., *озоръ*,

---

[1] Словарь, ч. I, стр. x и xii, и ч. IV: «Отвѣтъ на приговоръ», стр. 1—4.

овидь арх. Ищемъ этихъ объяснительныхъ словъ, каждаго въ своемъ мѣстѣ, и находимъ: слово *зрѣймо* съ отмѣткою *стар.* и съ толкованіемъ: «видóкъ, видки, разстояніе, на какое видитъ глазъ»; но это уже не то, что горизонтъ; словъ *небоземъ* и *глазоемъ* не находимъ вовсе; при словѣ *зáвѣсь*, подъ глаг. *завѣшиватъ*, не встрѣчаемъ значенія «горизонтъ»: слово же *озоръ* показано въ трехъ значеніяхъ: 1) соглядатай; 2) дозоръ; 3) горизонтъ. Итакъ, повидимому, мы вправѣ заключить, что имена *небоземъ* и *глазоемъ* составлены самимъ Далемъ, *завѣсь* предлагается имъ въ новомъ значеніи, *озоръ* же употребляется такъ въ народѣ. Но тутъ новое сомнѣніе: слово *озоръ* отмѣчено рязанскимъ; спрашивается, относится ли эта отмѣтка только къ первому его значенію, или ко всѣмъ тремъ; весьма любопытно было бы знать, въ какихъ мѣстностяхъ *озоръ* употребляется въ смыслѣ горизонта. Далѣе подъ словомъ «горизонтъ» предлагаются для замѣны его еще два мѣстныя слова: *закрой*, касп., и *óвидь*, арх.; но изъ нихъ мы второго вовсе не находимъ въ азбучномъ порядкѣ, а первое приведено подъ глаголомъ *закрыватъ*, какъ астрах., между прочимъ въ такомъ значеніи: «разстоянье, на которомъ въ морѣ предметъ скрывается изъ виду; 12-15 верстъ»: это опять не совсѣмъ то же, чтó горизонтъ, и едва ли можетъ соотвѣтствовать выражаемому послѣднимъ понятію. Такимъ образомъ читатель лишенъ положительнаго и вполнѣ надежнаго руководства для повѣрки и оцѣнки словъ, предлагаемыхъ авторомъ въ толкованіяхъ. Когда употребленное въ объясненіяхъ слово пропущено въ алфавитной номенклатурѣ, то мы въ недоумѣніи, отъ того ли это, что оно придумано самимъ лексикографомъ, или пропускъ произошелъ случайно. Когда же такое пояснительное слово стоитъ еще и въ настоящемъ своемъ мѣстѣ, но безъ означенія, откуда оно родомъ, то мы опять не можемъ быть вполнѣ увѣрены въ его дѣйствительномъ существованіи. Такъ изъ словъ, предлагаемыхъ Далемъ для перевода имени *атмосфера*, мы правда встрѣчаемъ *колоземицу* подъ словомъ *коло*, но, не видя, изъ какой мѣстности оно заимствовано, сомнѣваемся, точно ли это — народное слово, тѣмъ болѣе что при немъ находимъ только

примѣръ изъ области науки: «Дознано, что у луны колоземицы нѣтъ». Другое въ томъ же значени предлагаемое слово: *мірроколица* не помѣщено въ номенклатурѣ, и мы слѣдовательно въ правѣ думать, что оно принадлежитъ самому Далю; но опять насъ приводитъ въ сомнѣніе то, что оно встрѣчается подъ словомъ *вода* въ слѣдующей фразѣ: «испаренія водныя наполняютъ міроколицу въ видѣ облаковъ» и проч. Казалось бы, что если это слово — придуманное, то не слѣдовало употреблять его иначе, какъ при самомъ словѣ *атмосфера*, къ переводу котораго оно должно служить. Изъ личнаго объясненія съ авторомъ мы знаемъ, что слова́ *колоземица* и *міроколица* имъ самимъ составлены.

Обратимся теперь къ способу расположенія словъ у Даля. Чисто азбучный порядокъ, въ которомъ, по его выраженію, каждое слово объясняется само по себѣ, казался ему «тупымъ и сухимъ»; а корнесловный, «подбирающій слова цѣлыми ватагами подъ одинъ корень», слишкомъ труднымъ и неизбѣжно ведущимъ къ произволу. Поэтому Даль придумалъ средній путь: онъ рѣшился собрать по *семьямъ* или *гнѣздамъ* всѣ очевидно сродственныя слова, устранивъ однакоже предложныя и тѣ производныя, въ коихъ измѣняются начальныя буквы[1].

Возьмемъ для примѣра слово *садъ*. Мы найдемъ его не въ красной строкѣ, а середи сплошныхъ строкъ, составляющихъ гнѣздо, которое идетъ отъ глагола *сажатъ*, *садить*. Въ томъ же гнѣздѣ помѣщены слова: *сажанье*, *садка*, *садокъ*, *сажалка* и пр. Совсѣмъ другую отрасль того же корня составляетъ глаголъ *сидѣть* съ своими производными: *сидка*, *сидячій*, *сидень*, *сидѣлецъ* и т. д., а потому вся эта отрасль и отдѣлена въ особое гнѣздо. Предложныя слова *посадка*, *присядка*, *всадникъ*, *осада* и проч., какъ начинающіяся другими буквами, стоятъ опять каждое въ своемъ гнѣздѣ; гнѣзда же по большей части начинаются глаголами, каковы для этихъ словъ: *посадить*, *присѣдать*, *всаживатъ*, *осаживатъ*. Такъ же точно въ отдѣльныхъ гнѣздахъ стоятъ на-

---

[1] Слов., ч. I, стр. VIII.

прим. слова *грузъ, грязь, погружать, погрязнуть,* или: *трясти, трусъ, отряхать, растряхивать.*

Нельзя не отдать полной справедливости этой разумной и удобной системѣ. Но правильное примѣненіе ея къ дѣлу не такъ легко, какъ оно кажется, потому что требуетъ глубокаго этимологическаго знанія языка, основательнаго филологическаго образованія. Доказательствомъ трудности этой задачи служитъ то, что и такой рѣдкій практическій знатокъ языка, каковъ Даль, часто ошибается какъ въ распредѣленіи гнѣздъ, такъ и въ размѣщеніи словъ въ томъ или въ другомъ гнѣздѣ. Къ одному и тому же гнѣзду онъ относитъ иногда слова различнаго происхожденія, и наоборотъ, слова близкія одно къ другому по корню и составу разноситъ, вопреки своему плану, въ разныя гнѣзда; наконецъ слова́, собранныя въ томъ же гнѣздѣ, часто слѣдуютъ одно за другимъ въ порядкѣ ни на чемъ не основанномъ, что́ неминуемо затрудняетъ отысканіе ихъ, тѣмъ болѣе, что и шрифтъ не всегда употребляется согласно съ заявленными авторомъ правилами.

Все это легко доказать примѣрами:

1. Примѣры невѣрнаго распредѣленія гнѣздъ.

Слова *гудить, густи* и *гусли* поставлены каждое въ главѣ особаго гнѣзда, тогда какъ два послѣднія должны бы стоять подъ первымъ въ одномъ гнѣздѣ.

Слово *крица* есть только другая форма слова *кра* и не должно было составить отдѣльнаго гнѣзда.

То же надобно сказать о словахъ: *дикій* и *дичь, горнъ* и *горшокъ,* изъ которыхъ каждое ошибочно служитъ у Даля началомъ отдѣльнаго гнѣзда (*горшокъ* относится къ *горну* такъ же, какъ *корешокъ, гребешокъ, плетешокъ, черешокъ* къ словамъ: *корень, гребень, плетень, черенъ*[1]); *ворота* и *воротить; вязать* и

[1] Въ одномъ изъ своихъ *Прибавленій* (ч. I) Даль, правда, сближаетъ *горшокъ* съ *горномъ;* но думаетъ, что *горшокъ* есть сокращеніе изъ *горнщекъ.* На

вясло; везти и *весло* [1]; *мазать* и *масло*. Незначительное измѣненіе согласныхъ въ серединѣ этихъ словъ не должно было служить препятствіемъ къ соединенію ихъ въ одно гнѣздо, такъ какъ въ другихъ случаяхъ Даль сближаетъ слова, гораздо болѣе расходящіяся по звукому составу, а въ совершенно сходномъ случаѣ правильно ставитъ въ одно гнѣздо слова́ *перевязать* и *перевясло*. Соединяетъ же онъ равнымъ образомъ *весна* и *вешній*; *завешня, вешнякъ; великій* и *величать, величіе, вельможа*; даже *прикладывать* и *залогъ* (между тѣмъ *налагать* и *накладывать, прилагать* и *прикладывать, отлагать* и *откладывать* и т. д. помѣщены, какъ и слѣдовало, въ разныхъ гнѣздахъ).

2. Примѣры невѣрнаго размѣщенія словъ въ гнѣздѣ.

Глаголъ *здать* поставленъ въ гнѣздѣ, начинающемся съ имени *зданіе*, тогда какъ послѣднее — отглагольное существительное. Въ связи съ этимъ замѣчу, что остальныя слова, произведенныя отъ того же корня, какъ *зиждитель, зиждительный* и проч., отнесены къ особому гнѣзду подъ глаголомъ *зиждить*, котораго вовсе несуществуетъ. Настоящее время *зижду, зиждешь* и т. д. есть отрасль глагола *здать*. Но если и допустить въ новомъ языкѣ такую неправильно образованную форму какъ *зиждить* (по примѣру *жаждать* вм. *жадать*), то все же она должна бы помѣщена быть, разумѣется съ оговоркою, подъ глаголомъ *здать*. Въ алфавитномъ же порядкѣ, въ красной строкѣ, она могла быть поставлена только со ссылкою: см. *здать*. Такъ же точно слѣдовало поступить съ словомъ *зодчій*, которое равнымъ образомъ происходитъ отъ *здать*, а не ставить его въ новомъ гнѣздѣ подъ словомъ *зодчество*. Изъ этихъ же двухъ существительныхъ послѣднее конечно далѣе отъ корня чѣмъ *зодчій*.

самомъ же дѣлѣ буква *н* тутъ просто превращается въ *ш*, какъ въ словахъ: *головня, головешка, дровни, дровешки, польно, польшко*, или, у простонародья, не *трошь* (вм. не тронь).

1 Производство слова *весло* (вм. *везтло*) отъ *везти* не ново: оно указано еще Добровскимъ въ его Etymologikon (стр. 7 и 59), и принято Рейфомъ.

Такая же мнимая глагольная форма какъ *зиждить* есть форма *зыбить*, поставленная Далемъ возлѣ истинной: *зыбáть*[1]. По мнѣнію его, настоящее: *зыблю, зыблешь* относится къ первой формѣ, а *зыбаю, зыбаешь* ко второй. Но Даль не принялъ въ соображеніе, что есть цѣлый разрядъ глаголовъ, въ которомъ формы настоящаго вр. и неопред. наклоненія находятся между собою въ такомъ точно отношеніи, какъ *зыблю* и *зыбать*; именно глаголы: *колебать, дремать, сыпать, капать, вязать, мазать, плакать, чесать, пахáть* и проч. Во всѣхъ ихъ согласная, стоящая въ неопред. накл. передъ окончаніемъ *ать*, умягчается въ настоящемъ времени (б′ = бл, м′ = мл, п′ = пл, з′ = ж, к′ = ч, с′ = ш, х′ = ш).

Когда гнѣздо начинается предложнымъ глаголомъ, то этотъ глаголъ у Даля всегда ставится въ несовершенномъ видѣ, напр. *скашивать, скрещивать, умаливать* (при *умалять* и *умолять*), *устаивать, устраивать*. Это неудобно, потому что затрудняетъ пріискиваніе словъ, выставляя на первый планъ форму болѣе видоизмѣненную чѣмъ ближайшій къ корню совершенный видъ: *скосить, скрестить, устоять, устроить*. Лучше было бы предпочесть противоположный порядокъ, такъ какъ гораздо рѣже случается, чтобы наоборотъ корень цѣлѣе оставался въ несовершенномъ видѣ; это бываетъ только въ глаголахъ на *сть* и *чь*: *падать, пасть; сберегать, сберечь; протекать, протечь*. Въ несоверш. же видѣ нѣкоторые предложные глаголы и вовсе не употребительны (напр. отъ *хлынуть, поблѣднѣть, побѣжать, поздоровилось*). Впрочемъ понятно, что какой бы единообразный порядокъ ни выбрать, — а это необходимо, — каждый имѣлъ бы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свою невыгодную сторону; замѣченное же нами неудобство метода Даля въ отношеніи къ предложнымъ глаголамъ уменьшается тѣмъ, что и совершенный видъ всегда стоитъ у него отдѣльно со ссылкою на несовершенный.

---

[1] Любопытно, что и нѣкоторые изъ лучшихъ писателей нашего времени, по такому же недоразумѣнію, неправильно употребляютъ въ неопр. накл. формы *зиждиться* и *зыблиться*: см. въ стихотвореніяхъ гр. А. К. Толстого. Въ словарѣ же Даля мы находимъ еще *объемлить* рядомъ съ *обнимать!*

3. Примѣры словъ, попавшихъ не въ свои гнѣзда.

Дышло, помѣщенное подъ словомъ *дыхать*, должно стоять отдѣльно, какъ слово германское (Deichsel, древненѣм. dihsila, англос. disl, голл. dyssel), перешедшее къ намъ, безъ сомнѣнія, черезъ Польшу (dyszel).

Колѣть произведено отъ слова *колъ* и опредѣлено такъ: «цѣпенѣть, коченѣть, замерзать коломъ». Но оно совершенно другого происхожденія, какъ видно изъ финскаго кореннаго слова kuoli = смерть, и англ. to kill — убивать. Слово же *колъ*, означающее «завостреный шестъ», находится въ очевидной связи съ первообразнымъ глаголомъ *колоть*, подъ которымъ оно и должно было найти мѣсто, такъ же какъ *ломъ* правильно поставлено подъ *ломать*. Между *колѣть* и *колъ*, въ этимологическомъ смыслѣ, нѣтъ никакого соотношенія.

Цѣпъ пріурочено къ слову *цѣпь*, но имѣетъ совершенно самостоятельный корень (сканд. käpp, палка), какъ и самостоятельное значеніе: Шимкевичъ справедливо раздѣлилъ эти два имени въ своемъ *Корнесловѣ*.

Потолокъ попалъ въ гнѣздо глагола *поталкивать, потолкать*, тогда какъ ближе относится къ семейству глагола *толочить* (топтать), такъ же какъ *притолока*, отнесенное Далемъ къ глаголу *приталкивать*. Нѣтъ сомнѣнія, что *толо́къ* есть русская, полногласная форма славянскаго слова *тлакъ*, которое у Хорутанъ значитъ *полъ* (Boden, Estrich; ср. русское *тло* = основаніе). Отвергать это потому, что *потолокъ* по значенію противоположенъ *полу* было бы несправедливо: *потолокъ* въ отношеніи къ пространству, находящемуся надъ нимъ подъ крышей, составляетъ именно *полъ*. Такъ точно у Нѣмцевъ Boden, означающее исподъ, основаніе, полъ, перешло въ значеніе чердака или чердачнаго пола (см. словарь Гримма, т. II, стр. 214). Помѣстивъ *потолокъ* въ гнѣздѣ глагола *поталкивать*, Даль въ другихъ мѣстахъ выражаетъ догадку, что это существительное, быть можетъ — искаженное говоромъ *подволокъ*, слово, имѣю-

щее въ Арх. губ. то же значеніе. Но по какому же фонетическому закону было бы возможно такое превращеніе? Для этого нѣтъ ни данныхъ, ни аналогій въ цѣлой области славянскихъ языковъ.

Маститый отнесено къ гнѣзду *мастика*, тогда какъ должно бы стоять подъ словомъ *масть*, которое значитъ жиръ, тукъ (см. Павскаго, *Разсужд.* II, стр. 113, § 94).

Названное нами мимоходомъ слово *тло* неправильно отнесено къ глаголу *тлѣть*. Въ эту ошибку впалъ и академическій словарь, по которому *тло* то же, что *тлѣнъ*. *Тло*, какъ выше замѣчено, заключаетъ въ себѣ корень глагола *толочить* и значитъ просто: основаніе, дно. Это видно между прочимъ изъ его народнаго употребленія въ смыслѣ *дно улья* (что̀ означено и Далемъ по акад. областному словарю). Еще болѣе убѣждаетъ въ томъ сравненіе съ другими славянскими языками: у Хорутанъ tla, множ. ч., съ предлогомъ do (do tal) значитъ: до основанія (bis auf den Boden, *Murko*); польское tło значитъ полъ, грунтъ, der Fussboden, der Boden (*Linde*); наконецъ, и въ церк.-слав. *тъла* или *тъла* (множ.) = pavimentum, помостъ (*Востоковъ*). Въ выраженіи «сгорѣть до тла» нѣтъ никакого соотношенія съ понятіемъ *тлѣнія*: оно равносильно выраженію: «сгорѣть до основанія».

Въ упомянутыхъ выше двухъ родственныхъ гнѣздахъ: *садить* и *сидѣть*, опять не все на своемъ мѣстѣ. Такъ глаголъ *сѣсть* отнесенъ къ первому изъ этихъ гнѣздъ, а не къ послѣднему, что̀ было бы конечно правильнѣе. Сдѣлано это по сходству значенія глаголовъ *садиться* и *сѣсть*, которые потому и поставлены рядомъ, и примѣры на тотъ и другой смѣшаны; но основаніемъ распредѣленія гнѣздъ должно служить сродство не логическое, а корнесловное.

Слово *просторъ* отнесено къ гнѣзду *простой*, а въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ одному корню съ гл. *простирать*, который образуетъ у Даля гнѣздо, вмѣщающее только существительныя *простираніе*, *простертіе*, *простирало*, *простиратель*. Туда не включено даже и слово *пространный*, которое съ сущ.

пространство опять отдѣлено въ особое гнѣздо. Очевидно, что всѣ эти предложныя слова въ близкомъ родствѣ съ простымъ существительнымъ *страна, сторона*.

Впрочемъ, при указаніи подобныхъ промаховъ въ словарѣ Даля надобно быть осторожнымъ, потому что многіе изъ нихъ, очевидно, произошли не отъ недостатка познаній у составителя, а просто по недосмотру, иногда и независимо отъ самого автора, по винѣ типографіи, помѣстившей напримѣръ слово *утопія* въ гнѣздѣ глагола *утопить*, нелѣпость, которой конечно не допустилъ бы Даль, если бъ во-время ее замѣтилъ. Зная, что онъ отъ начала до конца работалъ одинъ и тѣмъ болѣе спѣшилъ, что силы, потрясенныя болѣзнью, начинали ему измѣнять, мы не можемъ не смотрѣть съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ на подобные недосмотры.

Но вообще словопроизводство, или корнесловіе (этимологія въ обширномъ смыслѣ), составляетъ самую слабую сторону разбираемаго словаря. Въ предисловіи своемъ Даль справедливо говоритъ, что «знаніе корней образуетъ уже по себѣ цѣлую науку и требуетъ изученія всѣхъ сродныхъ языковъ, не исключая и отжившихъ, и при всемъ томъ корнесловный порядокъ основанъ на началахъ шаткихъ и темныхъ, гдѣ безъ натяжекъ и произволу не обойдешься... Ошибочная натяжка словъ къ чужому корню, по одному созвучію, много вредитъ изученію языка, лишая слова природной связи и жизни». При такомъ вѣрномъ пониманіи дѣла Даль, не довѣряя своимъ силамъ и знаніямъ (о которыхъ онъ самъ отзывается съ такою скромностью), отказался отъ этимологическаго порядка и заявляетъ, что «онъ старательно избѣгалъ ошибочнаго производства (чему множество примѣровъ у Рейфа) и боялся приговоровъ въ такомъ темномъ дѣлѣ»[1]. Нельзя не пожалѣть, что авторъ *Толковаго Словаря*, разсуждая такъ здраво о трудностяхъ этимологіи, часто безъ всякой надобности выражаетъ по этому предмету догадки, которыхъ не можетъ одобрить наука. Къ чему напр. при словѣ *казакъ*, начинающемъ гнѣз-

[1] Сл., ч. I, стр. IV, VI, VIII—IX.

до, онъ ставитъ въ скобкахъ: «изъ всѣхъ производствъ самое толковое отъ гл. *казать, — ся*, гарцевать; но вѣроятно, это сл. азіятское». Если послѣднее вѣроятно, какая же надобность въ приведенномъ напередъ предположеніи? Такъ же непонятно, зачѣмъ противъ глаг. *обруснить* сдѣлана выноска: «не отъ этого ли *брусника?*» или зачѣмъ при словѣ *телега* поставлено въ скобкахъ: «отъ *тал*, доля, и *иго: пол-ига*, одноконный, оглобельный возъ». Не болѣе основательно при словѣ *вьюнецъ*[1] подъ *вьять* или *віять* примѣчаніе: «не переиначено ли изъ вѣнецъ?» или при словѣ *истинъ* (подъ истекать): «здѣсь сходится производство отъ течь, тыкать и тнуть». Даль вообще любитъ видѣть въ одномъ словѣ нѣсколько корней, и при существ. *перетонъ* опять замѣчаетъ: «здѣсь три корня: тнуть, тѣнь и тонкій». При словѣ *гуртъ* указано въ скобкахъ для поясненія: *горнуть*; этотъ же глаголъ, ошибочно помѣщенный подъ *горнъ*, зн. загребать, воротить. Но *гуртъ* есть герм. слово (шв. hjord, нѣм. Heerde) и значитъ первоначально стадо рогатаго скота. Можно бы привести еще множество примѣровъ такого невѣрнаго пониманія производства словъ, но для нашей цѣли и этихъ указаній достаточно.

Подобно корнесловію, и грамматика не всегда можетъ быть довольна обращеніемъ съ нею Даля. Свой взглядъ на нее онъ самъ объясняетъ въ предисловіи: по его словамъ, «онъ съ нею искони былъ въ какомъ-то разладѣ, не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее (*ея*) не столько по разсудку, сколько по какому-то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта», прибавляетъ онъ, «основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской граматикѣ латышскую и нѣмецкую, а русской не находилъ»[2]. Изъ этихъ

---

[1] Слово *вьюнецъ* (зн. новобрачный) есть не что иное какъ юнецъ съ прибавленіемъ *в* въ началѣ: оно должно было стоять отдѣльно со ссылкою на прилаг. *юный*, подъ которымъ мы у Даля дѣйствительно находимъ между прочимъ: *юнецъ, юница* (новобрачные).

[2] Сл., ч. I, стр. IV.

словъ становится яснымъ, что подъ грамматикой Даль разумѣетъ не вообще науку о законахъ языка, а какой-нибудь или какіе-нибудь отдѣльные труды по этой наукѣ. Но что же мѣшало ему понимать законы языка по-своему и основать на нихъ свою особую грамматику? Самъ же онъ называетъ себя *ученикомъ живого русскаго языка*; а съ помощію такого разумнаго учителя внимательный и способный ученикъ могъ бы разъяснить многія тайны, для другихъ непроницаемыя. Насколько грамматика входитъ въ словарное дѣло, Даль въ нѣкоторыхъ случаяхъ и оказалъ ей по крайней мѣрѣ отрицательную услугу, отвергнувъ наприм. обозначеніе при каждомъ глаголѣ залога его, что̀ всѣ прежніе словари наши считали одною изъ своихъ непремѣнныхъ обязанностей. Но еще Востоковъ въ своей грамматикѣ (Спб. 1839, § 57) мимоходомъ замѣтилъ, что залоги «различаются не по окончаніямъ, а *по значенію*, какое глаголъ получаетъ *въ употребленіи* съ другими словами». Отсюда уже ясно, что невозможно при каждомъ глаголѣ a priori означать свойственный ему залогъ. Тѣмъ не менѣе никто до автора *Толковаго Словаря* не воспользовался на дѣлѣ скромною, но многозначительною замѣткою Востокова. Несообразности, вкравшіяся оттого въ академическій словарь, навели Даля на мысль совершенно исключить изъ своего словаря, при глаголахъ, всякое наименованіе залога. Стараясь вообще замѣнять теорію практикой, онъ относительно этого предмета въ *Напутномъ словѣ* оговаривается слѣдующимъ образомъ: «Граматическія указанія въ словарѣ вобще скудны, потому что оказываются то ничтожными и бесполезными, то сбивчивыми и даже ложными; языкъ нашъ нынѣшній граматикѣ своей не поддается. Приложеніе слова къ дѣлу, отношенія его въ строеніи речи, управленіе или зависимость всюду объяснены примѣрами, и въ нихъ должно искать объясненія всѣхъ подобныхъ вопросовъ»... Такъ, между прочимъ, «при каждомъ коренномъ глаголѣ показаны примѣры сочетанія его со всѣми подходящими къ нему предлогами»[1].

---

[1] Сл., ч. I, стр. VIII.

Напр. подъ глаголомъ *строить* находимъ фразы: «Выстроить домъ, войска выстроились. Я достраиваюсь. Нельзя застраивать улицы. Настроить клѣтушекъ. Надстроить вышку. Онъ хорошо обстроился» и т. д. Хотя все это по-настоящему разные глаголы, однакожъ такое указаніе предложныхъ словъ при простомъ, изъ котораго они составлены, должно быть признано дѣйствительно полезнымъ.

Между грамматическими недоразумѣніями Даля нельзя умолчать о слѣдующемъ: слово *пѣши* принимается имъ за нарѣчіе того же значенія, какъ *пѣшкомъ*. Это ясно выражено имъ между прочимъ подъ прилаг. *пѣшій:* «кто не ѣдетъ, идетъ на своихъ ногахъ, идетъ *пѣши*, *пѣшкомъ*». Такое пониманіе формы *пѣши* видно и изъ другихъ мѣстъ словаря. Отъ вниманія Даля ускользнуло, что *пѣши* не что иное, какъ прилаг. множ. числа, въ единственномъ же ставится точно такъ же *пѣшъ*, *пѣшій*. Такъ Ломоносовъ говоритъ: «Не хотимъ ни *пѣши*, ни на коняхъ итти съ вами» (Соч. его, ч. III, стр. 165). Въ Ипат. спискѣ: «*пѣшь* ходя» (155)[1]. У Державина (*Къ Калліопѣ*, 2 ак. изд., т. III, стр. 75):

. . . . . «пловцомъ пущусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ, въ пески ливійски *пѣшъ*»,

или у него же (*Жилище богини Фригги*, тамъ же, стр. 81):

«*Пѣши* въ бубны рыцари стучатъ».

Нигдѣ и никогда форма *пѣши* не служила нарѣчіемъ.

Отдѣльно поставлено слово *нейстечко*, котораго совсѣмъ не существуетъ. Въ другомъ мѣстѣ оно приведено правильно: *нѣщечко*.

Вниманія заслуживаетъ, что между словами, пропущенными въ словарѣ Даля, значительное число составляютъ грамматиче-

---

[1] Въ *Историч. грамматикѣ* г. Буслаева (изд. 1863, § 228) указаны и нѣкоторыя другія прил., употребляемыя такимъ образомъ какъ бы вм. нарѣчій: *правъ*, *прямъ*, *радъ*, *добръ* и проч.

Даль пишетъ: «За нужду *пѣши* пойдешь», вм. *пѣшій*, см. подъ словомъ *нужда*, Сл., ч. II, стр. 1142. — Подъ словомъ *идти* также приведенъ примѣръ «*я шелъ пѣши*» (стр. 632).

скіе термины: такъ напр. вы здѣсь не найдете грамматическаго объясненія словъ: *приставка*, *подъемъ*, *перебой* (звуковъ), *наращеніе*, *общій* (въ смыслѣ залога), и вовсе не найдете словъ: *суффиксъ*, *агглутинація*, *лексическій*, *флексія*, *фонетическій* и проч. Самые же общеизвѣстные грамматическіе термины, не пропущенные Далемъ, обставляетъ онъ иногда слишкомъ произвольными замѣчаніями; напр. подъ словомъ *наклоненіе* онъ говоритъ, что у насъ принято три наклоненія и прибавляетъ: «*одно личное, другое безличное, третье приказываетъ*». Почему же здѣсь первыя два названы по внѣшнему признаку, а послѣднее по значенію (впрочемъ, также оспариваемому иными)? Притомъ же Даль здѣсь забылъ истину, очень хорошо имъ самимъ сознанную и выраженную такъ: «словарникъ не законникъ, не уставщикъ, а сборщикъ»[1].

Отношеніе Даля къ грамматикѣ обнаруживается особенно изъ замѣчаній, которыми онъ объясняетъ принятую имъ своеобразную орѳографію. Этого предмета мы также не можемъ оставить безъ вниманія. По приведенному сейчасъ правилу лексикографъ не долженъ бы и въ отношеніи къ правописанію позволять себѣ слишкомъ рѣзкихъ нововведеній; въ противномъ случаѣ, при употребленіи словаря будутъ возникать неизбѣжныя затрудненія и недоумѣнія.

Справедливо предположивъ себѣ «охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова»[2], Даль относительно иноязычныхъ словъ считаетъ это начало совершенно ненужнымъ и пишетъ ихъ только по слуху, вовсе не заботясь о ихъ первоначальной орѳографіи. Согласимся однакожъ, что и иностранное слово будетъ во многихъ случаяхъ понятнѣе, если не потеряетъ на письмѣ всѣхъ признаковъ своего происхожденія. Разумѣется, что мы обязаны сохранять правописаніе чужого слова лишь настолько, насколько это позволяютъ средства нашей азбуки. Но читатель конечно никогда не будетъ въъ проигры-

---

[1] Сл., ч. I, стр. XI.

[2] Тамъ же, стр. XII и далѣе.

шѣ, если онъ по нашему правописанію будетъ въ состояніи хотя отчасти возстановить первоначальную орѳографію заимствованнаго слова или имени. Мы напр. пишемъ то *штатъ* (какъ въ прил. *заштатный*), то *штадтъ* (какъ въ названіи *Кронштадтъ*); ужели же было бы лучше писать во всѣхъ случаяхъ, по примѣру Даля, единообразно *штатъ?*

Далѣе, онъ принялъ за общее правило не сдваивать буквъ, т. е. не писать рядомъ двухъ *с*, двухъ *н*, двухъ *о*: ему показалось, что наше одно *с* не мягче иностраннаго двойнаго *ss*, и что сдваивать *с* противно русскому языку (а какъ же произошли слова: *ссора*, *ссадить*, *ссылка*, *изсохнуть*, *разсъять?*). Поэтому онъ пишетъ: *класъ* (вм. *классъ*), *каса*, *маса*, *шосе*, и даже *Росія; рускій*, *французскій*, *бесвязно*, *бестыдно*, *раставлять*. Онъ не сдваиваетъ обыкновенно и буквы *н* въ причастіяхъ страдательныхъ, исключая случаи, «гдѣ этого неуступчиво требуетъ произношеніе»[1]; такъ онъ пишетъ: *опредѣленый*, *дѣланый*, *своевременый*, и — *данный*, *бездыханный*, *деревянный*, *совершенный*, *сокращенный*; очевидно, что тутъ между обоими случаями невозможно провести ясной границы. Вмѣсто *выжжешь*, *выжженый*, онъ по тому же соображенію пишетъ *вызжешь* (забывая, что корень слова *жг* и что *г* неминуемо переходитъ въ *ж*); далѣе на томъ же основаніи мы находимъ у него: *вобще*, *вображеніе*, *воружать*, *сотвѣтствовать*, но — не рѣшаясь слѣдовать этому во всѣхъ случаяхъ, онъ въ то же время пишетъ: *сообщать*, *соображеніе*, *соотечественникъ*. Иногда Даль предлагаетъ въ пользу выговора ужъ слишкомъ большія уступки: такъ онъ не разъ замѣчаетъ, что для отличія глаголовъ *стоя́ть* и *сто́ить* можно бы, не стѣсняясь грамматикой, писать какъ говорится: *сто́ютъ* и *сто́ющій*, и даже: онъ *сто́етъ*[2].

---

[1] Сл., ч. I, стр. 2.

[2] Сл., ч. I, стр. 372, 373, 427.

— Подобныя грамматическія замѣтки Даля обыкновенно помѣщаются имъ въ выноскахъ. Въ одной изъ нихъ предлагается вопросъ, на который отвѣчу въ выноскѣ же. Принявъ за правило писать въ предложномъ падежѣ: *На*

Вообще, въ словарѣ всего менѣе удобно вводить новую орѳографію.

Прежде нежели будемъ говорить о толкованіи словъ у Даля, обратимся къ весьма существенной и обширной составной части его словаря, къ примѣрамъ. Примѣрами служатъ въ немъ частью

безлюдьи, на безмірьи, а не на безлюдьѣ, на безмірьѣ, и утверждая, что русское ухо требуетъ здѣсь звука *и*, Даль замѣчаетъ: «Говоримъ же мы и «пишемъ: *при окончаніи*, если произвольно оканчиваемъ слово въ им. пад. на «*іе*; а если то же слово кончаемъ на *ье*, то требуемъ въ пред. пад. *ѣ*; для чего «это?» (Сл., ч. I, стр. 57).

Чтобы основательнѣе рѣшить этотъ вопросъ, надобно вспомнить, что имена на *е* бываютъ двоякія: одни передъ этимъ окончаніемъ имѣютъ согласную (*поле, море*), другія гласную *і*, то полную (*іе*), то сокращенную въ *ь* (*ье*).

Имена какъ *поле, море* склоняются подобно именамъ на *о* и потому въ предл. падежѣ принимаютъ *ѣ*: въ *полѣ*, въ *морѣ*.

Имена на *ье* склоняются точно такъ же, что всего виднѣе тогда, когда на послѣдній слогъ падаетъ удареніе: *копьё, ружьё, пньё, питьё, житьё, бытьё*; въ предл. падежѣ мы говоримъ и пишемъ: *на копьѣ, въ ружьѣ, при пньѣ, въ питьѣ, о житьѣ-бытьѣ*. Поэтому слѣдуетъ писать: *въ платьѣ, въ зельѣ*.

Окончаніе *іе* — собственно црк. славянское, и потому въ предл. падежѣ такихъ именъ сохраняется также форма первоначальная (*іи*), которая впрочемъ по закону уподобленія звуковъ не противна и русскому слуху (*при окончаніи, о равновѣсіи, въ сочувствіи*). Какъ скоро предпослѣдняя буква *і* сокращается въ *ь*, то собственно исчезаетъ и причина измѣненія *ѣ* въ *и*, а потому и можно позволять себѣ писать, какъ напр. Крыловъ въ этомъ стихѣ:

«Миръ курамъ давъ лиса, постится *въ подземельѣ*». (*Моръ звѣрей*).

Но такъ какъ наше ухо уже привыкло къ окончанію *іи* и сокращеніе *і* въ *ь* въ другихъ падежахъ остается безъ вліянія на прочія буквы, то мы и въ этомъ случаѣ склонны сохранять въ предл. пад. окончаніе *ьи*. Это окончаніе, какъ менѣе отступающее отъ полнаго первоначальнаго, многимъ кажется даже правильнѣе и потому вообще предпочитается (напр. пишутъ: *о здоровьи, о самовластьи, на новосельи, на жалованьи*). Форма же *ьѣ* (безъ ударенія) въ предлож. пад. остается принадлежностью только немногихъ чисто-русскихъ именъ существит. (въ *платьѣ, на раздольѣ*), или употребляется въ стихахъ подъ рифму именительному падежу (такъ у Крылова *въ подземельѣ* поставлено въ созвучіе слову *веселье*). Что языкъ дѣйствительно допускаетъ и ту и другую форму, видно опять изъ такихъ словъ, гдѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ: говорятъ одинаково и *въ забытьѣ* и *въ забытьи*.

Указанное выше правило измѣненія *и* въ *ѣ* послѣ *ь* подтверждается и именами, кончающимися въ имен. пад. на *ія*. При полномъ окончаніи они принимаютъ въ дат. и предл. пад. *іи*, напр., *въ молніи, къ Софіи, при Наталіи*; а при сокращеніи *і* въ *ь*, говорятъ и пишутъ: *къ Софьѣ, при Натальѣ*. Для повѣрки этого стоитъ равнымъ образомъ только взять слово съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, напр. *судья, скуфья, семья*; мы говоримъ; *къ судьѣ, въ скуфьѣ, о семьѣ*, а не *къ судьи* и т. д.

фразы, составленныя самимъ лексикографомъ; частью, впрочемъ въ весьма рѣдкихъ только случаяхъ, выписки изъ писателей съ указаніемъ ихъ именъ, или извлеченія изъ старинныхъ памятниковъ; примѣры послѣднихъ двухъ разрядовъ всегда заимствуются Далемъ уже готовые изъ академич. словарей. До какой степени онъ не считалъ необходимымъ пользоваться для своей цѣли непосредственно книжною литературой, видно изъ того, что онъ не извлекъ всѣхъ словъ даже изъ такихъ писателей, которые, прибѣгая часто къ народному языку, должны бы имѣть особенное право на его вниманіе. Въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова и даже Крылова есть слова, которыхъ нельзя найти въ словарѣ Даля. Не воспользовался онъ также областными словами, собранными въ разныхъ отдѣльныхъ сборникахъ и другихъ изданіяхъ, напр. въ изданіяхъ Географическаго общества, въ *Морскомъ Сборникѣ*, въ *Изслѣдованіяхъ* Н. Я. Данилевскаго о рыболовствѣ въ Россіи. Нѣкоторые примѣры берутся Далемъ изъ слышанныхъ имъ разговоровъ, разсказовъ или анекдотовъ; при чемъ передаются и самые анекдоты, напр. подъ словами: *апропо*, *присланивать*, *пила*, *пристрѣливать*, *стричь*, *книга*.

Безъ всякаго сравненія значительнѣйшую часть примѣровъ въ словарѣ Даля составляютъ пословицы и поговорки. Въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ, собственно говоря, двойной словарь: словарь языка и вмѣстѣ словарь пословицъ; слѣдовательно, одною половиной своей онъ повторяетъ сборникъ, уже прежде изданный Далемъ отдѣльно[1]. Нѣтъ сомнѣнія, что въ пословицахъ выражаются не только умъ и міровоззрѣніе народа, но и языкъ его со всѣми своими особенностями; онѣ служатъ важнымъ средствомъ для точнаго опредѣленія значенія словъ и для историческихъ надъ ними наблюденій, и потому въ словарѣ, гдѣ на первый планъ поставленъ языкъ народный, пословицы и поговорки весьма умѣстны. Но для объясненія слова нѣтъ надоб-

---

[1] *Пословицы русскаго народа* М. 1862 (б. 4-ка; xl, 1095 и 6 стр.). Но здѣсь порядокъ размѣщенія пословицъ — систематическій, т. е. по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся.

ности собирать всѣ пословицы, гдѣ оно встрѣчается; нужно было бы только имѣть при каждомъ словѣ выборъ тѣхъ пословицъ, гдѣ оно употреблено съ различнымъ оттѣнкомъ значенія. Впрочемъ, конечно, нельзя отвергать интереса и пользы обзора всѣхъ случаевъ, въ которыхъ обнаружилась игра народнаго ума надъ тѣмъ или другимъ представленіемъ; но это къ изученію языка прямо не относится. Такая полнота собранія пословицъ въ словарѣ имѣетъ только то неудобство, что слишкомъ увеличиваетъ объемъ его, а слѣдовательно уменьшаетъ его доступность, вредитъ его распространенію. Мы не будетъ слишкомъ строго судить Даля за то, что нѣкоторыя пословицы у него повторяются въ двухъ разныхъ мѣстахъ словаря, напр. извѣстная пословица: «Не всякое лыко въ строку», помѣщена подъ обоими употребленными въ ней именами. Пословица: «Борода съ возъ, а ума съ накопыльника нѣтъ» попадается и подъ словомъ *борода*, и подъ словомъ *накопыльникъ*. Дважды помѣщены также пословицы: «Кукушка безъ гнѣзда за то, что завила его на Благовѣщенье» и «Пей-ка, на днѣ копейка: еще попьешь, грошъ найдешь»; при послѣдней каждый разъ повторено и объясненіе: «отъ свадебнаго обычая класть въ вино за окупъ невѣсты деньги». Къ сожалѣнію, объясненія при пословицахъ слишкомъ рѣдки у Даля: ихъ часто не находишь даже и при такихъ пословицахъ, которыя не всѣмъ понятны, напр. не пояснены слѣдующія: «Нужда велитъ калачи ѣсть», или: «На людяхъ и смерть красна». Нѣкоторыя всѣмъ извѣстныя поговорки пропущены Далемъ, напр. эта: «пьянъ какъ стелька»; а между тѣмъ при словѣ *стелька* мы находимъ толкованіе «мертвецки пьяный человѣкъ». Тутъ недоразумѣніе: въ этой поговоркѣ *стелька* сохраняетъ именно то значеніе, какое на первомъ мѣстѣ указываетъ Даль: «постилка на подошву внутри обуви»; съ нею-то и сравнивается пьяный, потому что онъ пропитанъ влагой такъ, какъ эта настилка, когда промокнетъ обувь[1]. Такія же

[1] При словѣ *стелька* мы не находимъ еще одного значенія, указаннаго Далемъ въ другомъ мѣстѣ, именно подъ словомъ *карьеръ* сказано: «скачка во весь опоръ, стелька».

недомолвки и повторенія представляетъ словарь и въ другихъ случаяхъ: одна и та же поговорка или реченіе повторяются иногда подъ однимъ и тѣмъ же словомъ; по два раза помѣщены, напр. подъ *гнѣздо:* «гнѣздо цѣло, а птицы у(вы)летѣли»; подъ словомъ *охота:* «охота пуще неволи», или подъ *чай:* «чай съ позолотой» (съ ромомъ). Слóва же *позолота* мы не находимъ въ азбучномъ порядкѣ.

Всего страннѣе, что иногда подъ словомъ поставлены такіе примѣры, гдѣ этого слова вовсе нѣтъ, и они относятся къ нему только по смыслу или по переводу слова. Напр. подъ словомъ *трауръ* читаемъ примѣры: «Онъ въ жалевомъ ходитъ. Семья эта въ печали, въ жали, въ жаляхъ» и т. д. Всѣ примѣры приведены тутъ на сущ. *жаль*, которое находится только въ толкованіи слова *трауръ*. Между тѣмъ такое значеніе слова *жаль* объяснено только однимъ примѣромъ на настоящемъ мѣстѣ, въ гнѣздѣ глагола *жалѣть*. Такимъ же образомъ подъ словомъ *май* мы находимъ между прочимъ собраніе примѣровъ на имя *Никола*, потому только, что Николинъ день бываетъ въ маѣ. Такіе примѣры встрѣчаются еще подъ словами: *быза* и *постъ*. Названіе *бызы* означаетъ въ народѣ 13-е іюня, Акулининъ день, а потому подъ словомъ *быза* и помѣщены примѣры на имя *Акулина*, и тутъ же находимъ напечатанныя шрифтомъ примѣровъ поясненія: «Мірская каша для нищей братіи. Праздникъ кашъ». Подъ словомъ *постъ* помѣщенъ примѣръ на имя *Предтечи* на томъ основаніи, что *Предтечу* иногда называютъ *Иваномъ постнымъ*. И затѣмъ, шрифтомъ же примѣровъ, прибавлено: «Послѣднее стлище на льны. Коли журавли на Кіевъ пошли, — ранняя зима». При этомъ случаѣ насъ еще поражаетъ то, что въ главѣ гнѣзда поставлено не имя *постъ*, какъ бы слѣдовало, а глаголъ *поститъ*, *постовать*, *поститься*, *постничать*: слово *постъ* мы тутъ даже не безъ труда отыскиваемъ, потому что оно стоитъ послѣднимъ въ ряду слѣдующихъ за глаголами и примѣрами существительныхъ: «пощенье, постованье, постничанье, постъ». Впрочемъ на подобныхъ отступленіяхъ отъ правильнаго порядка въ размѣ-

щеніи словъ мы не будемъ останавливаться, потому что они встрѣчаются безпрестанно.

Тотъ же недостатокъ системы замѣчается у Даля нерѣдко и въ толкованіи словъ. Переходя къ этой важной статьѣ словаря, вспомнимъ, что́ составитель его говоритъ въ своемъ *Напутномъ словѣ*: «При объясненіи и толкованіи слова вобще избѣгались сухія, безплодныя опредѣленія, порожденія школярства, потѣха зазнавшейся учености, не придающая дѣлу никакого смысла, а напротивъ, отрѣшающая отъ него высокопарною отвлеченностію. Передача и объясненіе одного слова другимъ, а тѣмъ паче десяткомъ другихъ, конечно вразумительнѣе всякаго опредѣленія, а примѣры еще болѣе поясняютъ дѣло. Само собою, что переводъ одного слова другимъ очень рѣдко можетъ быть вполнѣ точенъ и вѣренъ; всегда есть оттѣнокъ значенія, и объяснительное слово содержитъ либо болѣе общее, либо болѣе частное и тѣсное понятіе; но это неизбѣжно, и отчасти исправляется большимъ числомъ тождеслововъ, на выборъ читателя»[1]. Изъ этихъ строкъ видно, что Даль при объясненіи словъ особенно заботился 1) о простотѣ и наглядной ясности толкованій, и 2) о подборѣ возможно бо́льшаго числа синонимовъ. Такъ, къ прилагательному *бодрый* приставлены слѣдующія слова: «свѣжій собою на видъ, бойкій, живой, не сонный, не вялый, бдительный, смѣлый, мужественный, дюжій, здоровый, сильный, осанистый, видный, молодцоватый». Здѣсь насъ поражаютъ двѣ вещи: во 1-хъ, присутствіе нѣкоторыхъ словъ, по значенію слишкомъ мало подходящихъ къ объясняемому, каковы: дюжій, осанистый, видный; во 2-хъ, ненадлежащій порядокъ словъ: на первомъ мѣстѣ поставлено: *свѣжій на видъ*, слѣд. прежде всего выставлено наружное, второстепенное значеніе, а не внутреннее и первичное, лежащее въ самомъ понятіи прилаг. *бодрый* (отъ бдѣть); между тѣмъ это второстепенное значеніе повторяется въ концѣ словомъ, имѣющимъ гораздо обширнѣйшій смыслъ: *видный*; ясно, что слова́ «свѣжій на видъ»

---

[1] Сл. ч. I, стр. IX.

и «видный» должны бы стоять рядомъ въ объясненіи прилаг. *бодрый*. Посмотримъ, какъ это же слово объяснено въ академическомъ словарѣ. Тамъ мы читаемъ: «1) Бдительный. *Бодрая стража.* 2) Неустрашимый, храбрый, смѣлый. *Бодрый воинъ.* 3) Имѣющій горделивую поступь. *Бодрый конь.* 4) Имѣющій достаточныя силы. *Ему минуло 70 лѣтъ, однако онъ еще бодръ».* Сравнивая съ этимъ толкованія Даля, находимъ, что онъ прiискалъ, правда, нѣсколько новыхъ соотвѣтствующихъ слову *бодрый* синонимовъ, но поставилъ ихъ не въ надлежащей постепенности, которая удовлетворительно соблюдена въ академ. словарѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы открываемъ, что примѣры у Даля собраны уже не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположены оттѣнки значенія, а размѣщены совершенно случайно, именно: *Бодрый всадникъ на бодромъ конѣ. Сиди бодро, всю ночь не дремли. Иди бодрѣе, не робѣй. Онъ еще бодрый старикъ*, не хилой. *Духъ бодръ, да плоть немощна. Бодрый самъ натечетъ, на смирнаго Богъ нанесетъ. Садился, бодрился, а сѣлъ свалился.* Здѣсь неумѣстенъ только послѣдній примѣръ, въ которомъ вмѣсто прилаг. *бодрый* мы неожиданно встрѣчаемся съ глаголомъ *бодриться*. Не будемъ винить Даля за то, что въ примѣрахъ на прилагательное поставлены здѣсь нарѣчія: *сиди бодро, иди бодрѣе*; положимъ, что это все равно, такъ какъ въ основномъ значеніи обѣихъ частей рѣчи въ настоящемъ случаѣ нѣтъ различія.

Часто Даль, при подборѣ синонимовъ, ставитъ и областныя выраженія, полагая, что они «большею частью могутъ войти въ общій расхожій запасъ». Такъ при словѣ *говорить* онъ въ числѣ другихъ «однослововъ» помѣщаетъ: «баять, гуторить, бакулить, голдить, го́лчить *вм.* говчить». Такое собраніе провинціализмовъ можетъ, пожалуй, представлять для любителя свою занимательную сторону; но общепрактической пользы оно не имѣетъ.

Возьмемъ теперь случай совсѣмъ другого рода. Какъ объясняетъ Даль, напр., глаголъ *ткать?* Развернемъ прежде акад. словарь. Вотъ какъ тамъ объяснено это дѣйствіе: «Дѣлать на ткальномъ стану нераспускаемую связь изъ нитей; производить

ткань». Это объясненіе новый *Толковый Словарь* поправляетъ слѣдующимъ образомъ: «Работать на ткацкомъ стану, пропускать утокъ по основѣ, дѣлать изъ нитокъ полотно». Сравнивая толкованія въ обоихъ словаряхъ, мы замѣчаемъ въ нихъ одинъ и тотъ же недостатокъ: они объясняютъ понятіе такими признаками, въ которыхъ встрѣчаются либо то же объясняемое слово въ другомъ видѣ, либо такія частности понятія, которыя не могутъ быть извѣстны тому, кто не знакомъ и съ общимъ его содержаніемъ. Оба лексикона забываютъ существенное правило, что неизвѣстное можетъ быть объясняемо только извѣстнымъ, и что въ противномъ случаѣ происходитъ такъ называемый на схоластическомъ языкѣ circulus in definiendo или idem per idem. Что скажетъ *ткальный* или *ткацкій станъ*, *утокъ* и *основа* тому, кто ищетъ значенія слова *ткать?* Такъ какъ слово это имѣетъ на всѣхъ языкахъ совершенно тожественное, вполнѣ опредѣленное значеніе, то посмотримъ, какъ оно объяснено однимъ изъ европейскихъ лексикографовъ. При словѣ Weben Гейзе говоритъ: «Посредствомъ накрестъ переплетенныхъ, протянутыхъ туда и сюда нитей изготовлять матерію, при чемъ въ натянутый строй пропускаются нити въ противоположномъ направленіи (ткать полотно, сукно, кружева)» [1]. Всякій согласится, что такое объясненіе правильнѣе, хотя конечно безъ нагляднаго знакомства съ производствомъ толкуемое слово все-таки не будетъ вполнѣ понятно; но такова вообще участь всѣхъ описаній сложныхъ техническихъ производствъ. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ той несообразности, которая неизбѣжна, когда послѣ предложенныхъ объясненій слова *ткать*, говорится: «*ткань* — все, что ткано; *ткальный*, *ткацкій* — ко тканію относящійся» и т. п. Непонятно, почему Даль произведеніемъ тканья назвалъ только полотно.

---

[1] Durch in einander gefügte, hin und her gezogene Fäden Zeug verfertigen, indem in einen ausgespannten Aufzug Fäden in entgegengesetzter Richtung eingeschossen werden (Leinwand, Tuch, Spitzen). Heyse, «Handwörterbuch der deutschen Sprache», Magdeburg, 1833—1849.

Приведенные примѣры показываютъ, что объясненія Даля не всегда достигаютъ той степени точности и опредѣленности, къ которой онъ стремился. Сюда относится и превратный иногда порядокъ толкованія разныхъ значеній слова. Такъ слово *цвѣтъ* начинается объясненіемъ: «краска, родъ или видъ, масть, колеръ», а уже потомъ слѣдуетъ значеніе: «часть растенія». Очевидно, что послѣднее есть первоначальное понятіе слова, выражающееся и въ коренномъ глаголѣ *цвѣсти*; значеніе *краски* — позднѣйшее, развившееся изъ понятія о наружныхъ признакахъ цвѣтка. Въ акад. словарѣ эти разныя значенія расположены какъ слѣдуетъ.

Но въ словарѣ Даля есть родъ объясненій, который сообщаетъ этому труду особенную важность и вполнѣ оправдываетъ данное ему въ заглавіи названіе *толковаго*. Это реальныя, или вещественныя толкованія при такихъ словахъ, которыя относятся къ быту, къ нравамъ, обычаямъ, повѣрьямъ русскаго народа, къ промысламъ, торговлѣ, мореплаванію, наконецъ къ естественнымъ наукамъ. Въ этомъ-то, рядомъ съ богатствомъ запаса собранныхъ Далемъ словъ и примѣровъ, заключается главное, неотъемлемое достоинство его словаря. Доказательства этой заслуги почтеннаго автора такъ многочисленны, что затрудняешься выборомъ словъ, которыя могли бы самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердить такой отзывъ. Приведемъ однакожъ два-три примѣра.

Противъ слова *лапоть* въ академическомъ словарѣ мы находимъ самое коротенькое объясненіе: «Обувь, сплетенная изъ лыкъ, бересты или пеньки» и примѣръ: *плести лапти*. Эти полторы строки развиты у Даля такимъ образомъ: «Ла́поть, лапото́къ, лапти́шка, лапти́ща. Плетеная, короткая обувь, въ родѣ грубаго башмака, изъ лыкъ, иногда изъ бересты, шелюги, таловой, ивовой, вязовой коры: это *берестяники, шелюжники, бахоры, сту́пни, босовики*; изъ драни молодого распареннаго дуба (*чрнг.*); есть и соломеные, *курск.*, и пеньковые *курпы*[1], *крутцы*, изъ оческовъ или изъ ветхихъ развитыхъ веревокъ, *шептуны*, и *волосяники*, изъ конскихъ гривъ и хвостовъ. *Лапоть* плетется въ 5 — 12 лыкъ,

[1] Не *курцы* ли? См. ниже.

на колодкѣ, кочедыкомъ, и состоитъ изъ *плетня́* (подошвы), *головы́* (переду), *обу́шника* (боковъ) и *запя́тника*; обушникъ или кайма сходится концами на запятникѣ, и связываясь, образуетъ *обо́рникъ*, родъ петли, въ которую продѣваются *оборы*. Поперечныя лыка, загибаемыя на обушникѣ, называются *ку́рицами*; въ *плетнѣ* обычно десять *курицевъ*. Иногда лапоть еще *подковыриваютъ*, проводятъ по плетню лыкомъ же или паклею; а *пи́саные лапти* украшаются узорною подковыркою».

Подъ словомъ *рукобитье* собраны слѣдующія подробности свадебныхъ обычаевъ: «Битье по рукамъ отцевъ жениха и невѣсты, обычно покрывъ руки полами кафтановъ, въ знакъ конечнаго согласія; конецъ сватовства и начало свадебныхъ обрядовъ: помолвка, сговоръ, благословенье, обрученье, зарученье, большой пропой; мѣстами (*ярс.*) рукобитье бываетъ у отца жениха, гдѣ они ломаютъ пирогъ; но болѣе въ домѣ отца невѣсты, и тогда затѣмъ бываетъ еще другой сговоръ; въ такомъ случаѣ на *рукобитіи* опредѣляютъ *кладку* или *столовыя деньги*, отъ отца жениха, и приданое невѣсты, а на сговорѣ благословляютъ со священникомъ и вѣнчальными свѣчами; сама невѣста потчуетъ, раздаетъ дары, дѣвки величаютъ гостей и плачу нѣтъ. Черезъ день пиръ у жениха: *смотрятъ домъ или дворъ*; черезъ день пирушка у невѣсты, гости идутъ съ гостинцами; затѣмъ *дѣвичникъ*, гдѣ женихъ остается не долго, а уходитъ домой пировать съ товарищами. На *рукобитье* или на сговоръ ѣдутъ поѣздомъ: дьяконъ съ дружкой, священникъ съ женихомъ, тамъ поѣзжане, а послѣднею сваха съ большимъ пряникомъ». Находя столько подробностей свадебныхъ обрядовъ подъ словомъ *рукобитье*, можно только пожалѣть, что онѣ не помѣщены предпочтительно подъ словомъ *сватьба*, гдѣ читатель ничего подобнаго не находитъ. Въ такомъ случаѣ при словѣ *рукобитье* достаточно было бы одной ссылки на слово *сватьбу*, къ которому конечно скорѣе обратится всякій, кто пожелаетъ ознакомиться съ этимъ отдѣломъ народныхъ обычаевъ.

Слово *домовой* объяснено у Даля слѣдующимъ образомъ: «Домовой, домовикъ, дѣдушка, постѣнъ, по́стень, ищунъ, до-

можилъ, хозяинъ, жаровикъ; не́жить, другая половина (*олон.*), сусѣдко, батанушка; духъ хранитель и обидчикъ дома; стучитъ и водится по ночамъ, проказитъ, душитъ, ради шутки, сошнаго; гладитъ мохнатою рукою къ добру и пр. Онъ особенно хозяйничаетъ на конюшнѣ, заплетаетъ любимой лошади гриву въ колтунъ, а нелюбую вгоняетъ въ мыло и иногда *осаживаетъ* ее, разбиваетъ параличемъ, даже протаскиваетъ въ подворотню. Есть домовой *сараешникъ, конюшникъ, ба́енникъ,* и женск. банный *волосатка*; все это *нежить* ни человѣкъ, ни духъ, жильцы стихійные, куда причисляютъ и полеваго лѣшаго, кикимору, русалокъ (шутовокъ, лопастъ) и водянаго; но послѣдній всѣхъ злѣе и его нерѣдко зовутъ нечистымъ, сатаной. Домоваго можно увидать въ почи на Свѣтлое Воскресенье въ хлѣву; онъ косматъ, но болѣе этой примѣты нельзя упомнить ничего; онъ отшибаетъ память». Затѣмъ слѣдуютъ поговорки.

Подобныя вещественныя толкованія въ словарѣ Даля относятся къ столь разнороднымъ предметамъ, что мы никакъ не можемъ взять на себя критической ихъ повѣрки: это потребовало бы особенныхъ разысканій, къ нашей задачѣ не относящихся; указываемъ только на тотъ обширный кругъ свѣдѣній о русскомъ народѣ, который охватилъ Даль въ своемъ словарѣ, а вмѣстѣ и на разнородность замѣтокъ, которыя онъ собралъ, изучая народный языкъ. Найдутся конечно и между ними многія, требующія поправокъ и дополненій; тѣмъ не менѣе однакоже самая масса ихъ, почерпнутая не изъ книгъ, а изъ непосредственнаго общенія съ народомъ и изъ нагляднаго знакомства съ предметами, составляетъ уже дѣло чрезвычайно важное какъ въ лингвистическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ. Собраніе такихъ указаній должно быть высоко цѣнимо какъ основаніе для дальнѣйшихъ разысканій и болѣе полныхъ, приведенныхъ въ систему свѣдѣній.

Мы бы могли сдѣлать еще множество выписокъ въ свидѣтельство того, какъ богатъ словарь Даля объясненіями разныхъ сторонъ жизни русскаго народа и русской природы; но предѣлы

разбора заставляютъ насъ удовольствоваться предложенными примѣрами. Назовемъ лишь нѣсколько словъ, подъ которыми читатель можетъ самъ найти болѣе или менѣе подробныя и интересныя толкованія этого рода: баба (бабка), багренье, береза, бирка[1], бичева, бурлакъ, гвоздь, гряда, десятина, жало, замокъ, запѣвала, завѣщаніе, закромить, запой, изба, сайка, телега; дерево, бобръ, гора, горло, жало, лягушка, легкія, сыртъ, сусло, увалъ, учугъ; кладъ, кукушка, навье, нежить. Подъ словомъ *вѣтеръ* изчислены всѣ употребительныя въ Россіи названія вѣтровъ. Иногда къ толкованію слова, для большей ясности, присоединены чертежи. Такъ при словѣ *говядина* нарисованъ быкъ, съ означеніемъ названія каждой части его мяса. Такимъ же образомъ представлены въ своемъ мѣстѣ рисунки разныхъ сортовъ *шляпъ* и каждая форма отмѣчена свойственнымъ ей именемъ[2]. Слово *грибъ* сопровождается обширною номенклатурой всѣхъ видовъ этого растенія; при объясненіи *дерева* показаны всѣ разнообразныя части его и употребительныя въ народѣ названія ихъ.

Относительно словъ, принадлежащихъ къ области ботаники и зоологіи, Отдѣленіе сочло нужнымъ просить гг. академиковъ Рупрехта и Шренка высказать свое мнѣніе о достоинствѣ словаря Даля по этимъ частямъ. Ф. И. Рупрехтъ отозвался, что, приготовляя самъ къ изданію собранныя имъ русскія народныя названія растеній, онъ часто съ пользою обращался къ разбираемому нами словарю и въ этомъ отношеніи долженъ отдать ему предпочтеніе передъ словаремъ Академіи, который, не имѣя въ виду какой-либо спеціальной цѣли, построенъ главнымъ образомъ на языкѣ литературномъ. Л. И. Шренкъ въ подробной запискѣ о зоологическихъ названіяхъ словаря, заявилъ, что несмотря на отысканные въ немъ пропуски и промахи, авторъ однакоже и съ

---

[1] Правильнѣе: *бечева*, не имѣющая ничего общаго ни съ *бичемъ*, ни вообще съ гл. *бить*.

[2] Образцомъ подобныхъ иллюстрацій, очевидно, послужилъ Далю англійскій словарь американца Вебстера, о чемъ слѣдовало бы упомянуть въ *Напутномъ словѣ*. Впрочемъ такіе рисунки прилагаются у Даля только изрѣдка, въ видѣ исключенія.

этой стороны вообще заслуживаетъ одобреніе и благодарность[1].

Разсмотрѣвъ словарь съ разныхъ сторонъ, перейдемъ теперь къ общему о немъ заключенію. Хотя онъ и не отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ строго-ученой критики, однакожъ его богатое содержаніе, лексическое и вещественное, въ значительной мѣрѣ искупаетъ указанные недостатки. Собранныя Далемъ сокровища языка и ума народнаго даютъ цѣлую массу новаго матеріала не только для науки русскаго слова, но и для этнографіи. Въ послѣднемъ отношеніи заслуга автора уже публично засвидѣтельствована Географическимъ обществомъ, присудившимъ ему за словарь Константиновскую медаль. Къ труду этому будутъ обращаться всѣ, кому нужно изучать съ какой бы ни было стороны народную жизнь; онъ долженъ также сдѣлаться настольною книгою всякаго, кто вдумывается въ родной языкъ, кто хочетъ короче узнать его богатства, а тѣмъ болѣе, кто трудится надъ изслѣдованіемъ его законовъ. Но словарь Даля — книга не только полезная и нужная, это — книга занимательная: всякій любитель отечественнаго слова можетъ читать ее или хоть перелистывать съ удовольствіемъ. Сколько онъ найдетъ въ ней знакомаго, родного, любезнаго, и сколько новаго, любопытнаго, назидательнаго! Сколько вынесетъ изъ каждаго чтенія свѣдѣній драгоцѣнныхъ и для житейскаго обихода, и для литературнаго дѣла! Въ современной русской лексикографіи это безъ всякаго сравненія самый полный и многообъемлющій словарь; притомъ это трудъ, задуманный смѣло и оригинально, выполненный самостоятельно. Совершеніе подобнаго труда, при всѣхъ его недостаткахъ, есть подвигъ важный, рѣдкій въ нашей литературѣ: давно уже у насъ не было такого обширнаго и вѣскаго по русскому языку сочиненія, которое могло бы итти въ сравненіе съ этимъ. Едва ли скоро можно ожидать подобнаго. Составленіе словаря есть во-

---

[1] Отзывы гг. Рупрехта и Шренка см. въ VII томѣ *Сборника Отдѣленія русскаго яз. и слов.*

обще дѣло особенно трудное, менѣе другихъ видное и благодарное, требующее значительнаго самоотверженія, на которое по тому самому не многіе рѣшаются. Тѣмъ замѣчательнѣе такой трудъ, когда онъ ведется отъ начала до конца однимъ лицомъ, безъ сотрудниковъ и помощниковъ. Книга, которая въ настоящемъ случаѣ подлежитъ нашему суду, не есть, конечно, трудъ ученаго, стоящаго въ уровень съ современнымъ состояніемъ своей науки; но это трудъ мыслящаго писателя, который всего себя посвятилъ практическому изученію русскаго языка съ одной опредѣленной точки зрѣнія, въ виду одной ясно сознанной имъ цѣли; это — плодъ добросовѣстныхъ занятій цѣлой жизни. Автору не удалось обнять своего предмета со всѣхъ сторонъ; онъ не записной филологъ, не проникъ во всѣ тайны законовъ языка; но и то, что́ онъ сдѣлалъ для родного слова, останется почетнымъ памятникомъ его дѣятельности, навсегда сохранитъ значеніе въ исторіи русскаго языка и русской лексикографіи. Его словарь есть первый въ обширныхъ размѣрахъ опытъ построить разработку и употребленіе языка на новыхъ основаніяхъ. Множество поднятыхъ имъ вопросовъ должно быть поставлено Далю въ существенную заслугу; конечно, не всѣ они имъ самимъ удовлетворительно рѣшены; но и то уже важно, что онъ ихъ возбудилъ: подвергая ихъ общему обсужденію, онъ вызываетъ къ пересмотру того, что обратилось въ безсознательную привычку.

Въ трудѣ Даля насъ поражаетъ два личныя достоинства автора, безъ которыхъ онъ не могъ бы и выполнить своей задачи: это прежде всего энергическая настойчивость и упорное постоянство въ преслѣдованіи цѣли, не только при окончательномъ осуществленіи плана, но и при подготовительномъ, многолѣтнемъ собираніи матеріаловъ. Другимъ важнымъ условіемъ для совершенія такого обширнаго труда было скромное сознаніе авторомъ мѣры своихъ силъ и той доли пользы, какую онъ могъ принести русскому слову. «Всего одному не дано», говоритъ онъ въ *Напутномъ словѣ*, «да и не обнять, а дана всякому своя часть, свой талантъ, который онъ и обязанъ пускать въ оборотъ, а не зары-

вать, вмѣстѣ съ собою, въ землю... Найдутся болѣе даровитые и ученые труженики, коимъ уже легче будетъ дополнить то, чего недостаетъ, найдя одну часть дѣла готовою. Можетъ быть, именно тотъ, кто успѣшно введетъ въ руской словарь сравненія со всѣми славянскими нарѣчіями, кто вставитъ и нашъ древній языкъ и указанія на начальные корни, можетъ быть онъ-то именно и затруднился бы составленьемъ той части, которая образуетъ основу и сущность моего словаря; во всякомъ же случаѣ дополнять и исправлять полегче, чѣмъ составлять вновь»[1]. Такимъ образомъ самъ Даль прямо высказалъ свое убѣжденіе, что главное достоинство его словаря заключается въ богатствѣ представляемаго имъ матеріала. Замѣчая, что собранные имъ издавна запасы давали ему право или, вѣрнѣе, налагали на него обязанность, и безъ достаточной учености, предпринять такой трудъ, авторъ прибавляетъ, что рядомъ съ тѣмъ нашлось у него «сильное сочувствіе къ живому рускому языку, какъ ходитъ онъ устно изъ конца въ конецъ по всей нашей родинѣ и нѣкоторое пониманіе его, близкое съ нимъ знакомство, могущее, хотя въ одномъ этомъ направленіи, замѣнить ученость; нашлась наконецъ и любовь къ нему, ручавшаяся за одолѣніе труда, за стойкую, усидчивую работу надъ этимъ дѣломъ, по конецъ жизни[2]». Эту горячую любовь къ русскому языку Даль убѣдительно доказалъ своимъ послѣднимъ трудомъ. И самая идея, положенная въ основу его, хотя въ проведеніи ея авторъ не уберегся отъ нѣкоторыхъ увлеченій, заслуживаетъ полнаго нашего сочувствія; къ тому же она и вполнѣ современна: въ такую пору, когда русскій народъ, освобожденный по великодушному слову своего Государя, начинаетъ жить новою жизнью и сознавать свои духовныя потребности, — какъ кстати воздвигается хранилище его словесныхъ богатствъ, какъ во-время собиратель ихъ напоминаетъ намъ, что мы слишкомъ удалились отъ естественныхъ источниковъ рѣчи, и, предостерегая

---

[1] Сл., ч. I, стр. IV—V.
[2] Сл., ч. I, стр. IV.

насъ отъ дальнѣйшихъ въ этомъ смыслѣ уклоненій, указываетъ намъ на чистый и здравый родникъ языка народнаго, который, по его словамъ, «силенъ, свѣжъ, богатъ, кратокъ и ясенъ». Такой взглядъ совершенно согласенъ съ желаніемъ Ломоносова возбудить «ревность тѣхъ, которые къ прославленію отечества природнымъ языкомъ усердствуютъ, вѣдая, что съ паденіемъ онаго безъ искусныхъ въ немъ писателей затмится слава всего народа»[1]. Не случайно произносится здѣсь имя перваго законодателя нашей письменности. Мы знаемъ, какъ пламенно онъ любилъ русскій языкъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ о немъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ предъ всѣми въ Европѣ... Ежели чего точно изобразить не можемъ, — не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широе поле или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море[2]».

Въ разсмотрѣнномъ словарѣ мы видимъ смѣлую попытку охватить это безбрежное море русскаго слова. Можно съ увѣренностью сказать, что никакой другой трудъ не былъ бы привѣтствованъ самимъ Ломоносовымъ съ такою задушевною радостью, какъ именно словарь, поставившій себѣ задачей обнять все неисчерпаемое богатство родного языка и содѣйствовать чистотѣ его. И потому награда, учрежденная въ честь великаго русскаго ученаго для увѣнчанія трудовъ, обогащающимъ науку, по всей справедливости должна выпасть на долю словаря, направленнаго къ обозначенной цѣли. Отдѣленіе русскаго языка и словесности тѣмъ съ бóльшимъ удовольствіемъ присуждаетъ ее нынѣ, что думаетъ принести этимъ новую дань уваженія памяти

---

[1] *Соч. Лом.*, т. I, стр. 533, 534.
[2] Тамъ же, т. III, стр. 250.

Ломоносова. Академія наукъ ничѣмъ инымъ не могла бы лучше выразить своего одобренія заслуженному ветерану нашей литературы, неутомимому подвижнику и собирателю живого русскаго слова.

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Пересмотръ вопроса о началѣ «новаго слога».

Современники Карамзина признали его преобразователемъ литературнаго языка. Въ разборѣ *Разсужденія* Шишкова *о старомъ и новомъ слогѣ* Макаровъ въ 1803 году сказалъ: «Г. Карамзинъ сдѣлалъ эпоху въ Исторіи Русскаго языка. Такъ мы думаемъ, и, сколько намъ извѣстно, такъ думаетъ Публика»[1]. Самъ Шишковъ не отвергалъ этого безусловно, и возражая Макарову, замѣтилъ: «Я не знаю сдѣлалъ ли г. Карамзинъ эпоху въ исторіи русскаго языка, но ежели сдѣлалъ, такъ это очень худо; ибо естьли *сдѣлать эпоху* значитъ *произвесть нѣкоторую перемѣну въ слогѣ*, то въ книгѣ моей пространно и ясно показано, какая перемѣна воспослѣдовала съ языкомъ нашимъ»[2].

Позднѣе (1823) А. Бестужевъ (Марлинскій) такъ отозвался о Карамзинѣ: «Онъ преобразовалъ книжный языкъ Русскій, звучный, богатый, сильный въ сущности, но уже отягчалый въ рукахъ безталантныхъ Писателей и невѣждъ-переводчиковъ. Онъ двинулъ счастливою новизною ржавыя колеса его механизма,

---

[1] *Москов. Меркурій*, дек. 1803, стр. 190. Такъ какъ въ настоящей статьѣ дѣло идетъ о языкѣ, то приводимыя въ ней мѣста изъ прежнихъ писателей сообщаются съ соблюденіемъ ихъ первоначальной орѳографіи и пунктуаціи.— О Петрѣ Ивановичѣ Макаровѣ и его журналѣ см. статью г. Геннади въ *Современникѣ* 1854 г., т. XLVII, отд. III, стр. 66—94.

[2] *Прибавленіе къ Разсужд. о стар. и нов. слогѣ*, 1804, стр. 147.

отбросилъ чуждую пестроту въ словахъ, въ словосочиненіи, и далъ ему народное лице»[1]. Этотъ взглядъ до сихъ поръ никѣмъ не былъ оспариваемъ, и еще недавно его снова высказали многіе при праздновапіи юбилея Карамзина. «Поколѣнія младшія», говоритъ, напримѣръ, Ф. И. Буслаевъ[2], «учились и теперь еще учатся мыслить и выражать свои мысли по его сочиненіямъ, на которыхъ и доселѣ основываются и русскій синтаксисъ, и русская стилистика». Но въ то же время явился другой взглядъ, сильно ограничивающій значеніе Карамзина въ исторіи литературнаго языка. «Если посмотрѣть», сказалъ въ Харьковѣ профессоръ Н. А. Лавровскій[3], «на языкъ Карамзина съ внѣшней стороны, то-есть, на исключеніе изъ него церковно-славянской примѣси, на краткость и отрывочность предложеній, вообще на то сближеніе его съ языкомъ образованнаго общества, которое прежде всего ставятъ ему въ заслугу; то нельзя не замѣтить, что все это сдѣлано еще задолго до него... Если посмотрѣть на языкъ лучшихъ статей нашихъ сатирическихъ журналовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, на языкъ Фонъ-Визина, или хоть на языкъ Вступленія къ Почтѣ Духовъ Крылова, писаннаго въ 1789 году, то едва ли въ этомъ отношеніи можно замѣтить большое различіе сравнительно съ языкомъ Писемъ Русскаго Путешественника; въ этомъ смыслѣ едва ли будетъ справедливо повторять старую фразу о преобразованіи Карамзинымъ литературнаго языка... Языкъ Карамзина, вовсе не новый по внѣшнему построенію фразы, былъ дѣйствительно новымъ по мыслямъ, чувствованіямъ и образамъ, выраженіемъ которыхъ онъ явился и которые были плодомъ всего новаго образовательнаго содержанія, усвоеннаго имъ; онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина. Въ этомъ смыслѣ, если

---

[1] *Полярная Звѣзда* 1823 г. — «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», стр. 15.

[2] *Рѣчь о Письмахъ Русскаго Путешественника*, въ *Москов. Университет. Извѣстіяхъ* 1866, № 3, стр. 185.

[3] *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 40.

хотите, онъ былъ преобразователемъ литературнаго языка, но преобразователемъ безъ собственнаго вѣдома».

Такимъ образомъ авторъ этихъ строкъ находитъ, что Карамзинъ, несмотря на новость содержанія своихъ сочиненій, на новость пущенныхъ имъ въ ходъ идей, чувствованій и образовъ, обошелся безъ новыхъ способовъ выраженія, безъ сообщенія словамъ болѣе опредѣленнаго или разнообразнаго смысла, безъ новаго строя рѣчи. Но выражать по-старому новыя мысли не значитъ преобразовывать языкъ, и, признавъ въ сочиненіяхъ Карамзина только внутреннюю сторону новою, слѣдовало бы выразиться рѣшительнѣе и уже вовсе не оставлять за нимъ права на названіе преобразователя языка. Допустивъ, что Карамзинъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, все-таки заслужилъ это названіе, хотя и безъ собственнаго вѣдома, г. Лавровскій говоритъ однакоже: «Карамзинъ, воспитанный на произведеніяхъ первоклассныхъ писателей, произведенія которыхъ выражаютъ мысли, чувствованія и образы фантазіи со всею непосредственностію языка, не могъ допустить и въ своемъ языкѣ ни малѣйшей искусственности, стремился къ той же непосредственности выраженія, работалъ долго надъ собою, устраняя всѣ препятствія, затрудняющія эту непосредственность выраженія, всякую фальшь, затемняющую его искренность». Но развѣ такой трудъ, такая упорная борьба мысли съ словомъ въ языкѣ, еще не установившемся, можетъ успѣшно совершиться безъ замѣтной и притомъ сознательной обработки самаго языка?

Чтобы во всей подробности разъяснить вопросъ о значеніи Карамзина въ этомъ отношеніи, намъ недостаетъ еще обширныхъ приготовительныхъ работъ по исторіи языка вообще, недостаетъ, между прочимъ, словарей отдѣльныхъ писателей, хотя бы одного ломоносовскаго періода. Тѣмъ не менѣе мы и теперь уже можемъ достигнуть довольно положительныхъ выводовъ, если сравнимъ съ разныхъ сторонъ языкъ Карамзина съ языкомъ ближайшихъ его предшественниковъ, современниковъ и писавшихъ непосредственно за нимъ, если рядомъ съ первымъ его журна-

ломъ поставимъ другія періодическія изданія за то же время, если далѣе внимательно разсмотримъ обвиненія противниковъ и возраженія приверженцевъ его. Это и должно составить главный предметъ настоящей статьи.

Никакое развитіе не происходитъ внезапно, безъ послѣдовательной работы; въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ. Тѣ улучшенія въ русской письменной рѣчи, на которыя указываетъ г. Лавровскій какъ на явленія, совершившіяся еще до Карамзина, дѣйствительно *начались* прежде него; но достигли ли они уже тогда достаточнаго развитія, были ли они кѣмъ-нибудь проведены въ общее сознаніе и даже сознавались ли они самими писателями, у которыхъ встрѣчаются? Не Карамзинъ ли первый возвелъ ихъ въ систему? Не онъ ли болѣе всѣхъ содѣйствовалъ ихъ распространенію и торжеству въ литературѣ? Несомнѣнно, что потребность всякихъ улучшеній прежде всего, хотя еще и смутно, ощущается въ массѣ общества; новыя идеи зарождаются у многихъ вдругъ, носятся въ воздухѣ; но онѣ до тѣхъ поръ не осуществляются вполнѣ, не входятъ окончательно въ жизнь, пока человѣкъ, сильнѣе другихъ ими проникнутый, не выяснитъ ихъ и не пуститъ съ особенной энергіей въ оборотъ. Бываютъ передовые люди во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности: они бываютъ и въ развитіи не установившагося еще литературнаго языка. Они-то становятся надолго образцами, увлекаютъ другихъ за собою. Употребленіе письменной рѣчи подчинено особымъ законамъ, которыхъ сознаніе выработывается постепенно. До ея установленія, или вѣрнѣе, до возведенія ея на извѣстную степень опредѣленности, происходила у насъ борьба между ею и языкомъ народнымъ. Долго господствовалъ особый книжный языкъ, который только мало-по-малу уступалъ вліянію разговорнаго, и примиреніе между ними совершилось не прежде, какъ когда примѣръ тому увидѣли въ произведеніяхъ замѣчательнаго таланта. Правда, къ такому примиренію стремилась уже и прежде нѣкоторая часть писателей; но оно въ первый разъ было достигнуто однимъ, который и провелъ это явленіе въ сознаніе

общества: въ трудахъ Карамзина совершилось рѣшительное вступленіе языка въ новый періодъ его литературнаго развитія.

Въ чемъ же именно состояла заслуга Карамзина въ этомъ отношеніи?

Уже Ломоносовымъ собственно русскому, народному языку была отведена въ литературѣ нѣкоторая область: ее составлялъ такъ называемый низкій или простой слогъ, назначенный въ удѣлъ пѣснямъ, эпиграммамъ, комедіямъ, дружескимъ письмамъ и «описаніямъ обыкновенныхъ дѣлъ»[1]. Изъ этихъ-то тѣсныхъ границъ должны были постепенно итти завоеванія народной рѣчи въ литературѣ. Естественно было, что тѣ писатели, которые предпочтительно разрабатывали одинъ изъ названныхъ видовъ сочиненій, находились относительно языка въ выгоднѣйшемъ положеніи, нежели другіе. Сюда принадлежали издатели сатирическихъ журналовъ, въ томъ числѣ и Крыловъ; въ такомъ же положеніи былъ Фонъ-Визинъ, какъ комикъ и авторъ писемъ. Въ исчисленныхъ видахъ сочиненій мы дѣйствительно замѣчаемъ послѣ Ломоносова, какъ уже и подъ собственнымъ его перомъ, успѣшное употребленіе просторѣчія. Но тутъ насъ поражаютъ два явленія: во-первыхъ, невыдержанность этого языка и часто возвращающаяся примѣсь книжныхъ церковно-славянскихъ словъ, особливо частицъ, и во-вторыхъ, чуждый синтактическій складъ, который беретъ верхъ всякій разъ, какъ только авторъ выйдетъ изъ тѣсной рамки чисто-повѣствовательной рѣчи.

Въ сатирическихъ журналахъ 1770-хъ и 80-хъ годовъ очень гладкія фразы смѣняются нерѣдко такими, которыя страдаютъ дикостью формъ и оборотовъ. Такъ, напримѣръ, въ *Живописцѣ* Новикова мы читаемъ: «Желалъ бы я, чтобъ Россія, любезное мое отечество, меньше имѣло нужды въ типографическихъ товарахъ, выписываемыхъ по милости иностранцевъ»! Но тотчасъ за этою безукоризненною фразой слѣдуетъ такая: «Естьли какое находитъ она препятство къ тому, чтобъ нарещися ей за превос-

[1] Ломоносовъ — *О пользѣ книгъ церковныхъ*. Ср. выше, стр. 5.

ходныя свои совершенства несравненною подъ солнцемъ страною, то другаго нѣтъ, какъ сей токмо недостатокъ»[1]. Не значитъ ли это, что тогда писали по большей части безсознательно, то лучше, то хуже? Подобную неровность и смѣсь выраженій, даже въ сатирическихъ и шуточныхъ статьяхъ, представляетъ еще и *Собесѣдникъ Любителей Россійскаго Слова* (1783—1784), хотя онъ начался только за 8 лѣтъ до *Московскаго Журнала* Карамзина.

Въ сатирическихъ письмахъ *Почты Духовъ* (1789) языкъ Крылова замѣчательно простъ, и если не смотрѣть на грамматику и ороографію, въ которыхъ небрежность доведена тутъ до послѣдней крайности, то можно даже сказать, что онъ отличается чистотой; но, отдавъ въ этомъ полную справедливость Крылову, мы вмѣстѣ съ его біографомъ прибавимъ: «Въ его стихотвореніяхъ, относящихся къ этому періоду жизни его, вы чувствуете, какъ рабски подчиняется онъ образцамъ, заимствуя изъ нихъ выраженія, изысканность украшеній, обороты и неестественный тонъ»[2]. Мало того: и въ прозаическихъ статьяхъ смѣшаннаго содержанія Крыловъ выражается совсѣмъ не такъ, какъ въ сатирическихъ. Въ разборѣ комедіи Клушина *Смѣхъ и горе*, писанномъ уже въ 1793 году, онъ, напримѣръ, говоритъ: «Самая развязка не иное есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія, она прекрасна, естьли судитъ и смотрѣть ее одное; но излишна, естьли взять ее въ связь поэмы. Никогда хитрость достигнуть къ цѣли, не должна быть труднѣе препятствъ къ тому противу положенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большей хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которые бы ее оправдывали!»[3]. Любопытно, что въ поэтическомъ языкѣ

---

[1] *Живописецъ*, изд. VII, стр. 83.

[2] Плетневъ — *Полное собр. соч. И. Крылова*, Спб. 1847, т. I, стр. XXIII.

[3] *С.-Петербургскій Меркурій*, ч. I, стр. 121. Здѣсь выписано это мѣсто во всей точности, съ удержаніемъ всѣхъ особенностей подлиннаго текста. Замѣтимъ кстати, что въ юнгмейстеровомъ изданіи Крылова не только исправлены грамматическіе промахи, но и языкъ подновленъ, такъ что желающій читать Крылова съ цѣлью изученія его долженъ обратиться къ первоначальнымъ изданіямъ его журнала. Такъ и въ приведенныхъ мною строкахъ сдѣлано въ

Крыловъ никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой шероховатости выраженія, и до конца не усвоилъ себѣ легкости и гладкости, выработанныхъ писателями карамзинскаго періода.

Въ письмахъ и комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ, вообще говоря, также простъ и чистъ; но какъ скоро авторъ *Недоросля* обращается къ предметамъ болѣе важнымъ, выходящимъ изъ предѣловъ вседневнаго быта, рѣчь его начинаетъ то пестрѣться славянизмами, то отзываться латино-нѣмецкимъ словосочиненіемъ. Такъ Стародумъ въ одномъ изъ писемъ своихъ говоритъ: «Мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь въ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалою, но Претурою, Архонціями и Консульствами вознаграждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ одних похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина; а Прокоповичъ, Ломоносовъ, Елагинъ и Поповскій въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны; по крайней мѣрѣ церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что Россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ»[1]. Въ «Словѣ на выздоровленіе великаго князя», въ «Описаніи житія графа Н. И. Панина», даже въ «Чистосердечномъ признаніи» встрѣчается много славянскихъ словъ, частицъ и оборотовъ. Въ самыхъ письмахъ Фонъ-Визина не мало устарѣлыхъ реченій, постепенно отброшенныхъ Карамзинымъ, по крайней мѣрѣ

названномъ изданіи нѣсколько измѣненій: вмѣсто *не иное что есть* напечатано: *есть не что иное*, вмѣсто *одное—одну*, вмѣсто *противу положенныхъ—противоположныхъ* (Полн. собр. соч. Крылова, ч. I, стр. 332). Въ другихъ статьяхъ есть еще гораздо значительнѣйшія поправки; мѣстами передѣланы цѣлыя фразы. Напримѣръ, въ *Похвальной рѣчи Ермалафиду*, вмѣсто: *едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отданъ онъ*, напечатано: «герой нашъ лѣтъ 15-ти отданъ былъ»; вмѣсто: *когда я буду читать, то когда жъ писать останется мнѣ время*,—«если я безпрестанно буду читать, то когда жъ я буду писать»; вмѣсто: *толико то глубокое спокойствіе* — «такое глубокое спокойствіе», и проч., и проч. Забота о подновленіи текста Крылова доходила до того, что въ названномъ изданіи мѣстоименіе *сей* въ большей части случаевъ замѣнено словомъ *этотъ*.

[1] Соч. Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 248.

въ извѣстномъ смыслѣ, какъ напримѣръ *упражняться* въ значеніи *заниматься*. Такъ въ письмѣ къ Стародуму сказано: «...Какъ болѣзнь не позволяетъ мнѣ *упражняться* въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, *каковыя* потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ; съ другой же стороны привычка *упражняться* въ *писаніи* сдѣлала сіе *упражненіе* для меня нуждою: то и рѣшился я издавать періодическое *твореніе*, гдѣ разность матерій не требуетъ непрерывнаго вниманія, а *паче* можетъ служить мнѣ забавою»[1]. Поэтому нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Бѣлинскаго, что хотя «языкъ Фонъ-Визина рѣзко отдѣляется отъ языка ломоносовскаго и близко подходитъ къ карамзинскому, но тѣмъ не менѣе Фонъ-Визинъ относится къ писателямъ ломоносовскаго періода русской литературы»[2]. Можно прибавить, что до Карамзина было въ ней нѣсколько человѣкъ, которые писали лучше другихъ, но они никому не передавали началъ, принятыхъ ими въ руководство, и такъ какъ въ сочиненіяхъ ихъ господствуетъ языкъ неровный, разнохарактерный, то мы въ правѣ заключить, что они въ сущности держались еще ломоносовскаго ученія о трехъ родахъ слога, отличающихся между собою разною мѣрою славянской примѣси. Замѣчательно, что почти до самаго появленія Карамзина большинство писателей, въ высшихъ родахъ сочиненій, выражались гораздо хуже Ломоносова, и, не имѣя ни его теоретическихъ познаній въ языкѣ, ни его яснаго ума и такта, запутывались въ лабиринтѣ латинскаго словорасположенія; къ тому же имъ недоставало и его строгой разборчивости въ употребленіи славянскихъ формъ и реченій. Отъ этихъ недостатковъ не убереглись даже многіе изъ профессоровъ

---

[1] Соч. Фонъ-Визина, стр. 228. Сначала и Карамзинъ употреблялъ слово *упражняться* въ такомъ смыслѣ; но потомъ оно получило у него болѣе тѣсное значеніе.

[2] Соч. Бѣлинскаго, ч. VIII, стр. 136. — Позволяю себѣ сослаться здѣсь и на свою статью о *Фонъ-Визинѣ* князя Вяземскаго (*Спб. Вѣдом.* 1848 г., № 281—283), въ которой показано, что языкъ Фонъ-Визина представляетъ три разные оттѣнка, и обращено уже вниманіе на успѣхъ русской письменной рѣчи у нашихъ сатирическихъ писателей.

Московскаго университета, не только въ концѣ прошлаго вѣка, но еще и въ началѣ нынѣшняго. Въ ихъ рѣчахъ попадаются, правда, очень гладкія, чистымъ языкомъ написанныя мѣста, но чуть только ораторъ, по важности предмета, хочетъ подняться выше уровня вседневной рѣчи, у него является обычная примѣсь славяно-латинской схоластики; вообще запутанные и длинные періоды господствуютъ въ этихъ рѣчахъ надъ простотою русскаго синтаксиса[1].

Такимъ-то образомъ, въ исходѣ 18-го столѣтія нашъ письменный языкъ дѣлился какъ бы на двѣ струи, изъ которыхъ одна, дѣйствительно, болѣе и болѣе освобождалась отъ чуждыхъ церковно-славянскихъ элементовъ, сближаясь съ языкомъ народнымъ, а другая представляла испорченный ломоносовскій языкъ *высокаго штиля*, то-есть, языкъ, наружно построенный по началамъ геніальнаго образца, но лишенный его зиждительнаго духа. Первая, очищенная струя проходила почти исключительно чрезъ извѣстные только виды сочиненій, и тѣ самые писатели, у которыхъ она пробивалась, готовы были, при измѣненіи предмета и тона рѣчи, тотчасъ же обратиться къ другой, мутной и ложной струѣ, такъ что обѣ онѣ безпрестанно сливались, даже у одного и того же автора, иногда въ одномъ и томъ же сочиненіи.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ *Московскій Журналъ*, въ Петербургѣ стало появляться (1788) еженедѣльное изданіе *Утренніе Часы*. По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ нравоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Иванъ Рахманиновъ[2], въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе *Почты Духовъ*. Оба журнала печатались, одинъ за другимъ, въ той же

---

[1] См. ниже образчики въ Приложеніи I.

[2] Не *Рахмановъ*, какъ названъ въ біографіи Крылова (стр. XXI Юнгмейстерова изданія) товарищъ его по изданію *Почты Духовъ*. Эта погрѣшность перешла уже и во множество другихъ статей о Крыловѣ.

типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издавательской дѣятельности еще до 1789 года и не участвовалъ ли Крыловъ уже и въ изданіи *Утреннихъ Часовъ*, въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ *издателяхъ*. Но рѣшеніе этого вопроса сюда не относится, и я перехожу къ другому журналу, который здѣсь нужнѣе принять въ соображеніе. Это — *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, возникшее въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Въ изданіи *Чтенія* главное участіе принимали Сохацкій и Подшиваловъ[1]. Ихъ называютъ то предшественниками, то сподвижниками Карамзина въ дѣлѣ улучшенія литературнаго языка[2]. Но вполнѣ ли это вѣрно? Сохацкій и Подшиваловъ были почти ровесниками Карамзина[3]. Первый, уроженецъ Полтавской губерніи, учился сперва въ Кіевской духовной академіи, а потомъ уже въ Московскомъ университетѣ; во всю жизнь занимался онъ преимущественно древней литературой и никогда не могъ усвоить себѣ легкаго слога. «Казалось», замѣтилъ его біографъ еще въ 1821 году[4], «что изустное объясненіе его имѣло болѣе занимательности и пріятности, нежели самый слогъ, въ коемъ видна нѣкоторая принужденность, происходившая отъ старанія быть точнымъ и выразительнымъ». Словомъ, языкъ Сохацкаго навсегда сохранилъ отпечатокъ происхожденія и семинарскаго воспитанія

---

[1] Имя Сохацкаго упомянуто при этомъ журналѣ въ смирдинской Росписи. Въ біографіяхъ какъ его, такъ и Подшивалова говорится объ участіи перваго только въ позднѣйшихъ изданіяхъ послѣдняго. Впрочемъ, такъ ли было, или иначе, здѣсь это не важно; дѣло въ томъ, что Сохацкій и Подшиваловъ дѣйствительно трудились вмѣстѣ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ.

[2] Еще и въ одной рѣчи, произнесенной 1-го декабря 1866 г., Подшиваловъ названъ предшественникомъ Карамзина. Это можно сказать развѣ въ томъ только отношеніи, что Подшиваловъ участвовалъ въ изданіи нѣкоторыхъ сборниковъ прежде чѣмъ появился *Московскій Журналъ*; но вѣдь и Карамзинъ не этимъ изданіемъ началъ свое литературное поприще.

[3] Сохацкій умеръ на 44-мъ году 18-го марта 1809; слѣдовательно, онъ родился въ 1766. Подшиваловъ род. 2-го марта 1765 г.

[4] *Рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Москов. универс.*, ч. III, стр. 64.

этого ученаго. Ни изъ чего не видно, чтобы Сохацкій сочувствовалъ Карамзину: извѣстно напротивъ, что онъ въ своемъ журналѣ *Иппокрена или Утѣхи любословія* (характеристическое заглавіе!) помѣстилъ, 1799 г., направленные противъ Карамзина стихи: *Ода въ честь моему другу*. Совершенно въ другомъ положеніи былъ Подшиваловъ. Подмосковный уроженецъ, солдатскій сынъ, съ 1782 г. студентъ Московскаго университета и вскорѣ «учитель россійскаго стиля», потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ литературнаго собранія при университетѣ, онъ соединялъ въ себѣ гораздо болѣе условій къ тому, чтобы содѣйствовать успѣхамъ языка, и въ самомъ дѣлѣ усердно пошелъ по стопамъ Карамзина. При его главномъ участіи университетское общество издавало, одинъ за другимъ, періодическіе сборники: *Вечерняя Заря* (1782), *Покоящійся Трудолюбецъ* (1785), *Чтеніе для вкуса* (1791). Послѣдній изъ нихъ, какъ уже замѣчено, возникъ одновременно съ *Московскимъ Журналомъ*, въ которомъ Подшиваловъ также принималъ нѣкоторое участіе. О дружескихъ отношеніяхъ между нимъ и Карамзинымъ есть нѣсколько свидѣтельствъ. Карамзинъ самъ не разъ говоритъ о немъ въ своей перепискѣ съ Дмитріевымъ, называя его *нашъ пріятель* и упоминая о получаемыхъ отъ него письмахъ. Подшиваловъ читалъ корректуру сочиненій Дмитріева, когда печатались *И мои бездѣлки*, а потомъ имѣлъ попеченіе о продажѣ этой книжки. Въ біографической статьѣ о немъ [1] Владиміръ Измайловъ говоритъ: «....Лучшимъ утѣшеніемъ были для него новая связь и новое знакомство съ человѣкомъ, который начиналъ украшать россійскую словесность и выдавалъ тогда *Московскій Журналъ*. Сей отличный авторъ полюбилъ въ немъ хорошій характеръ и талантъ, и естьли на пути литературной славы они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи одинъ отъ другаго, то согласіе добрыхъ сердецъ сближало ихъ въ сношеніяхъ общественной жизни и уничтожало разстояніе авторское. Къ чести Подшивалова, его талантъ, безъ досады и за-

---

[1] *Вѣстникъ Европы* 1814, № 13, стр. 33.

висти, отдавалъ всегда справедливость таланту гораздо превосходнѣйшему: нравственная черта рѣдкая, особливо между авторами!» При такомъ отношеніи одного писателя къ другому, особенно любопытно сравнить между собою ихъ одновременныя изданія. Не говоря уже о безжизненности содержанія подшиваловскаго *Чтенія*, объ отсутствіи въ немъ всякаго современнаго интереса, всякой оригинальности, и преобладаніи отвлеченно-нравоучительнаго характера, при обиліи бывшихъ тогда въ модѣ восточныхъ повѣстей, замѣтимъ, что языкъ въ статьяхъ *Чтенія* представляетъ ту же неровность и пестроту, которая господствуетъ почти во всѣхъ изданіяхъ того времени. Поучительно сличить самыя объявленія объ изданіи *Московскаго Журнала* и *Чтенія для вкуса*, напечатанныя одно за другимъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*[1]. Объявленіе Карамзина извѣстно[2]; о *Чтеніи* было возвѣщено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дабы доставить публикѣ періодическое полезное чтеніе, могущее занимать удовольственнымъ образомъ духъ и сердце читающаго, и чрезъ то самое подавать ему доброе времяпровожденіе, издаваемо будетъ съ начала будущаго года, при каждомъ номерѣ *Вѣдомостей* по одному листу, сочиненіе подъ титуломъ *Чтеніе для вкуса, разума и чувствованій*, которое заключать въ себѣ будетъ статьи различнаго содержанія въ стихахъ и прозѣ, не менѣе полезныя, любопытныя, какъ пріятныя и забавныя. Издатели стараться будутъ, сообразуясь названію сего изданія, довольствовать онымъ вкусъ читателей своихъ, занимать разумъ ихъ и возбуждать благородныя и пріятныя чувствованія, наблюдая для сего величайшую разборчивость, дабы не токмо помѣщаемы были приличныя матеріи, но и предлагаемы были онѣ чистымъ и пріятнымъ слогомъ: кратко сказать, ничего не опустятъ, чтобы листы сіи приносили удоволь-

---

[1] Объявленіе объ изданіи *Чтенія* см. въ *Моск. Вѣд.* 1790 г. № 88 (2-го ноября). Объявленіе о *Московскомъ Журналѣ* приложено особо при № 89 (6-го ноября).

[2] Оно перепечатано въ книгѣ М. П. Погодина: *Карамзинъ* и проч., ч. I, стр. 170.

ствіе и пользу читателямъ всякаго рода и званія, дабы каждый изъ нихъ могъ находить въ изданіи семъ что нибудь такое, что бы удовлетворять могло вкусу и склонностямъ его»[1]. Какой способъ изложенія, между прочимъ, издатели относили къ *чистому* и *пріятному* слогу, можно видѣть изъ статьи «День», которою открывается 1-й листъ *Чтенія* и которая начинается такъ: «Пробудитесь смертные! воспряните изъ безмолвнаго усыпленія, васъ одержащаго, да узрите блистающій въ свѣтлой ясности прекрасный день. Пробуждаются они; и се я зрю чувствительныя сердца, исполняющіяся радости при воззрѣніи на чудеса природы и проливающія тихую мольбу къ Существу существъ: — Творецъ нашъ! свѣтъ, утѣшеніе и надежда наша! колико ты изливаешь благостей, да не скорбитъ духъ нашъ, совершенствуясь въ сей мрачной юдоли». Сравнимъ съ этимъ 1-ую страницу прозы *Московскаго Журнала*: это — знаменитое письмо «Русскаго Путешественника» изъ Твери, начало цѣлаго ряда писемъ и статей, писанныхъ тѣмъ же языкомъ. Но вотъ и въ *Чтеніяхъ* «Отрывокъ чувствительнаго путешествія» (ч. I, стр. 26). Посмотримъ, какъ онъ начинается: «Писателю не можетъ то служить попрекомъ, когда онъ то тѣ, то другія большія и малыя вещи выводитъ на зрѣлище публики. Когда кажется ему вещь довольно важною и онъ думаетъ, что сему или тому читателю можетъ его сочиненіе служить полезнымъ и хотя пріятнымъ препровожденіемъ времени, то, что тогда должно его удерживать зажечь свѣчу и вывесть дѣла свои изъ мрака?» Здѣсь, конечно, не все дурно; встрѣчаются, далѣе, и цѣлыя страницы, довольно чистою прозою написанныя; ни нигдѣ нѣтъ языка, выдержаннаго въ цѣлой статьѣ; вездѣ хорошее является только какъ случайность или исключеніе. У одного Карамзина, въ это время, мы ви-

---

[1] Въ № 103 *Моск. Вѣд.* 25-го декабря перепечатано это объявленіе съ нѣкоторыми измѣненіями: тутъ два-три выраженія исправлены, напр. вмѣсто: *могущее занимать удовольственнымъ образомъ* сказано — *которое могло бы съ удовольствіемъ занимать*, вмѣсто: *доброе времяпровожденіе — пріятное препровожденіе времени.*

димъ рѣчь вездѣ ровную, свидѣтельствующую о ясномъ пониманіи условій чистоты и изящества языка, о разумной строгости въ выборѣ словъ и ихъ расположеніи. Требованія Карамзина въ этомъ дѣлѣ выразились, между прочимъ, въ критическихъ статьяхъ *Московскаго Журнала*, которыя сами по себѣ составили явленіе до тѣхъ поръ небывалое въ русской литературѣ. Вошедшая въ нихъ стилистическая критика, которая теперь въ совершенномъ пренебреженіи, тогда имѣла особенную важность. Въ *Систематическомъ обозрѣніи литературы въ Россіи*, Шторха и Аделунга (Спб. 1810, стр. xv), замѣчено: «Изъ Россіянъ Карамзинъ, въ издашномъ имъ въ 1791 году *Московскомъ Журналѣ*, подалъ первый примѣръ критики литературы. Съ того времени нашелъ онъ себѣ многихъ преемниковъ». Замѣтимъ однакожь, что начатки литературной критики встрѣчаются уже въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778—1781), но они еще не выдерживаютъ сравненія съ разборами Карамзина, которые притомъ въ первый разъ обращаютъ особенное вниманіе на языкъ. Изъ нихъ видно, какъ Карамзинъ уважалъ духъ языка, какъ онъ, преслѣдуя славянизмы, вмѣстѣ съ тѣмъ вооружался и противъ галлицизмовъ, въ которыхъ послѣ слишкомъ упрекали его; онъ дорожилъ и замѣною иностранныхъ терминовъ русскими всякій разъ, когда она была возможна съ соблюденіемъ точности идеи и безъ натяжекъ. Въ особенности требовалъ онъ чистоты, ясности, гладкости, простоты, пріятности выраженія, и потому нападалъ между прочимъ на дикія для разговорнаго языка частицы: *какъ бы*, *колико*, *дабы*. Тутъ же встрѣчаются у него насмѣшливыя выходки противъ писателей, позволявшихъ себѣ неумѣстныя заимствованія изъ церковно-славянскаго. Такъ, онъ говоритъ въ разборѣ перевода Клариссы Ричардсона: «Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Русскій слогъ *голѣмыми претолковниками NN, иже отрѣваютъ все, еже есть Руское, и блещаются блаженнѣ сіяніемъ славяномудрія*[1]. Кого разумѣлъ Ка-

---

[1] *Московскій Журналъ* 1791, ч. IV, стр. 112. — Замѣчанія Карамзина о языкѣ, встрѣчающіяся въ этомъ журналѣ, см. ниже въ Прилож. II.

рамзинъ подъ *голѣмыми* (то-есть, великими) *претолковниками?* Записки Дмитріева облегчаютъ намъ рѣшеніе этого вопроса. Говоря о писателяхъ, которые послѣ Елагина и Фонъ-Визина начали еще болѣе ихъ употреблять славянскіе реченія и обороты, Дмитріевъ называетъ *усерднѣйшими славянофилами*, между прочими, извѣстнаго переводчика И. С. Захарова, Якимова, Пахомова и Сидоровскаго[1]. Якимовъ перевелъ Иліаду, коллежскій же ассесоръ Матвѣй Пахомовъ, служившій при Смольномъ монастырѣ, и священникъ Иванъ Сидоровскій, свояки, трудились совокупно и переводили общими силами «Павсанія, или Павсаніево описаніе Еллады»; послѣднимъ переведены сверхъ того «Разговоры Лукіана Самосатскаго» и «Творенія велемудраго Платона». Въ ихъ трудахъ, по словамъ Дмитріева, можно найти: *тако мнѣ глаголющу, воставшу солнцу* и т. п. На этихъ же переводчиковъ 1780-хъ годовъ намекалъ можетъ-быть другъ Карамзина Петровъ, когда совѣтовалъ ему: «...лучше пиши все свое сочиненіе на русско-славянскомъ языкѣ, долгосложно-протяжно-парящими словами»[2]. Итакъ мы знаемъ, кого разумѣлъ Карамзинъ подъ именемъ *голѣмыхъ претолковниковъ*. Изъ нихъ Захаровъ и Сидоровскій были членами Россійской Академіи, первый съ 1786 года, второй еще съ 1783. Понятно, кто былъ задѣтъ выходкою *Московскаго Журнала*. Здѣсь начало гнѣва, впослѣдствіи породившаго *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*.

Новый духъ, новое пониманіе журнальнаго дѣла, проникавшіе *Московскій Журналъ*, не могли не отразиться и на самомъ языкѣ его. Впрочемъ, здѣсь замѣтна еще большая разница между языкомъ Карамзина и немногихъ сотрудниковъ его, даже и Подшивалова, хотя послѣдній во взглядѣ на этотъ предметъ совершенно примкнулъ къ талантливому издателю. Разница между ними, какъ стилистами, по крайней мѣрѣ за то время, наглядно выдается въ двухъ критическихъ статьяхъ Подшивалова о *Палефатѣ* Туман-

[1] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 85; ср. тамъ же, стр. 45.
[2] *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 480.

скаго. На варварскій языкъ этого перевода (съ греческаго) Подшиваловъ взглянулъ снисходительнѣе, нежели какъ могъ смотрѣть самъ Карамзинъ, судя по другимъ разборамъ его. «Сей переводъ въ сравненіи со многими другими», говоритъ рецензентъ, «конечно, хорошъ; однакожь онъ и не совсѣмъ чистъ. Сверхъ многихъ славянскихъ словъ, не кстати употребленныхъ, напримѣръ *дондеже*, *весь* (село), *якобы*, онъ *могль видѣть*, и проч.; сверхъ неприличной смѣси Славянскаго съ Русскимъ, напр. стр. 5: *уста и глотка возсѣли на обрѣжженныхъ лошадей*, и стр. 9: *не могъ рѣшиться на убіеніе отрочати*; наконецъ сверьхъ грамматическихъ мѣлочей, напр. *Греческого*, *никакого*, *бѣлого*, *укушенна будучи*, *все соединенно—къ баснѣ*, *въ роскошѣ*,—замѣтили мы еще большія странности» [1].

Понятно, что и самъ Карамзинъ, въ *Московскомъ Журналѣ*, еще далекъ отъ тѣхъ успѣховъ языка и слога, которыхъ онъ достигъ въ своихъ послѣдующихъ трудахъ. Какъ вообще въ области литературы, такъ и въ дѣятельности каждаго замѣчательнаго писателя, языкъ постепенно совершенствуется, и условія такого развитія у отдѣльнаго автора заключаются, съ одной стороны, въ собственномъ его духѣ, безпрестанно идущемъ впередъ, съ другой—въ совокупномъ движеніи всего общества, которое, подчиняясь вліянію передовыхъ мыслителей, въ свою очередь взаимно дѣйствуетъ на нихъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительно было бы прослѣдить всѣ труды Карамзина, начиная отъ самыхъ раннихъ его переводовъ и сочиненій; но къ предмету настоящаго изслѣдованія все предшествовавшее *Московскому Журналу* не относится, такъ какъ насъ занимаетъ вопросъ не столько о ходѣ развитія литературной рѣчи Карамзина, сколько о свойствѣ ея и вліяніи на общій письменный языкъ русскій. Вліяніе же Карамзина, естественно, могло начаться только со времени из-

---

[1] *Моск. Журн.*, ч. V, январь и мартъ, стр. 137 и 379. Въ февральской книжкѣ, стр. 277, помѣщено возраженіе Туманскаго подъ заглавіемъ: *О сужденіи книгъ*, съ любопытными примѣчаніями Карамзина.

данія *Московскаго Журнала*, доставившаго ему значительный кругъ читателей и громкую извѣстность.

Само собою разумѣется, что дѣйствіе этого журнала было двоякое: однихъ онъ привлекъ къ Карамзину; другихъ, хотя далеко не столь многихъ, оттолкнулъ отъ него. Тогда-то стали явственно обозначаться двѣ школы писателей, и разногласіе ихъ должно было вскорѣ обратиться въ борьбу. Уже въ 1792 году, слѣдовательно когда *Московскій Журналъ* еще продолжалъ выходить, явились два изданія, враждебно къ нему относившіяся, именно *Зритель* Крылова и *Россійскій Магазинъ* Туманскаго. Первый, подражаніе аддисонову «Спектетеру», имѣлъ шуточно-сатирическое направленіе; естественно поэтому, что въ большей части статей такого содержанія языкъ простъ, хотя часто совсѣмъ не изященъ и вообще крайне небреженъ. Какъ замѣтилъ уже Пекарскій, журналы Крылова и Клушина «отличались особенною неряшливостію и промахами противъ грамматики»[1]. Разномысліе *Зрителя* съ Карамзинымъ во взглядѣ на языкъ обнаруживается не въ одномъ способѣ выражаться. Вотъ, напримѣръ, сужденіе этого журнала о Ломоносовѣ: «Сей безсмертный отецъ нашего стихотворства доказалъ, что понятіе его изобрѣло такія красоты, которыхъ никто еще не имѣлъ; онъ первый доказалъ свѣту, что можно Россіянину только превзойти въ картинахъ стихотворческихъ и самого Виргилія, гдѣ онъ не встрѣчался съ нимъ вездѣ его превозходилъ: описаніе бури у Ломоносова несравненно живѣе... Языкъ Россійскій отъ его пера явился сильнѣйшимъ всѣхъ Европейскихъ: Ломоносовъ имъ изображалъ все, до чего только можетъ достигнуть пламенное воображеніе витіи»[2] и т. д. Карамзинъ, хотя также признавалъ превосходство Ломоносова въ лирической поэзіи, однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ, что онъ и Сумароковъ «еще не образовали Россійскаго слога» и

---

[1] *Письма* Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 025.

[2] *Зритель*, ч. I, «О враждебномъ свойствѣ Россіянъ» (Плавильщикова), стр. 172.

замѣчалъ: Проза Ломоносова не можетъ служить для насъ образцемъ; *длинные періоды* его утомительны, *расположеніе* словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха»[1]. Извѣстно, что товарищемъ Крылова по изданію *Зрителя* былъ Клушинъ; къ числу сотрудниковъ ихъ принадлежали Дмитревскій, Плавильщиковъ, Эминъ и Туманскій[2]. Въ журналѣ ихъ Карамзинъ задѣтъ, между прочимъ, за свои критическіе разборы. Въ такомъ смыслѣ написана цѣлая статья *Критикъ*, въ которой представленъ сердитый человѣкъ съ книгою въ рукахъ. Онъ готовится писать рецензію на эту книгу и говоритъ: «Переводъ сей гадокъ; не имѣетъ въ себѣ ни правилъ языка, ни правилъ грамматики; *достоинства чувствованій автора изкажены*; и сверхъ того есть слова, которыхъ я не понимаю». Далѣе приведено въ такомъ же тонѣ нѣсколько отдѣльныхъ примѣчаній критика; между прочимъ, осмѣяна прихотливость легко-оскорбляющагося слуха («вы не можете представить, какъ это деретъ уши»), и въ заключеніе сказано: «Можно быть увѣрену, что съ его неусыпнымъ попеченіемъ о Русскомъ языкѣ, и въ самыхъ типографіяхъ опечатокъ будетъ гораздо менѣе. Правда, онъ не касается до разсматриванія Авторскихъ мыслей, плана сочиненія, характера дѣйствующихъ лицъ, ума и способностей — да и хорошо, что не за свое не берется — какъ заниматься такою мелочью?»[3]. При совершенномъ невниманіи издателей *Зрителя* къ требованіямъ грамматики, понятно, какъ долженъ былъ имъ не нравиться пуризмъ Карамзина съ особеннымъ характеромъ его прозы. Что его слогъ не ускользнулъ отъ ихъ вниманія, видно изъ выходки противъ «рѣдкихъ и избранныхъ изображеній» *Московскаго Журнала*, на

---

[1] Сочиненія Карамзина, изд. Смирд., т. I, «Похвальное слово Екатеринѣ II», стр. 363, и «Пантеонъ Россійскихъ авторовъ», стр. 591.

[2] *Письма* къ Дм., стр. 17, 28, 33.

[3] *Зритель*, ч. I, стр. 161. Эти и подобныя выходки *Зрителя* были хорошо извѣстны Карамзину, который упоминаетъ о враждѣ его издателей въ своихъ *Письмахъ* къ Дмитріеву. Въ маѣ мѣсяцѣ (1792 г.) оба друга подписались на этотъ журналъ (*Зр.* ч. II, стр. 86).

которыя они въ своихъ *рецептахъ* указывали какъ на средство отъ безсонницы [1].

Другой журналъ, обнаружившій непріязненное отношеніе къ Карамзину, былъ *Россійскій Магазинъ*, хотя онъ и имѣлъ преимущественно характеръ историческаго сборника. Издатель его, Ѳедоръ Туманскій, котораго языкъ отличался особеннымъ безобразіемъ, былъ конечно плохимъ цѣнителемъ искуства писать; притомъ *Московскій Журналъ* не совсѣмъ благосклонно принялъ его *Палефата*, и наконецъ, Карамзинъ не печаталъ «піэсъ», которыми Туманскій «задавилъ» его, по выраженію самого Карамзина въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 17 и 19). Вотъ почему *Россійскій Магазинъ*, при появленіи Оссіана въ переводѣ Кострова, воспользовался случаемъ «зацѣпить» (опять выраженіе изъ писемъ къ Дмитріеву) Карамзина, который также переводилъ Оссіана въ *Московскомъ Журналѣ*. «Къ щастію», говоритъ Туманскій, «Г. Кострова, въ переводѣ нѣкоторыхъ Оссіановыхъ сочиненій предшественникъ» (въ выноскѣ сказано: *Г. К. писатель Московскаго Журнала*) «нѣкоторою частію читателей одобряемый, самъ и съ братіею своею Судія многихъ чуждыхъ трудовъ и часто подписывающій опредѣленія безъ позволенія переноса, или силящійся сужденіе другихъ поддержать своими примѣчаніями, предоставилъ случай сличить сей переводъ, сдѣлать обоимъ сравненіе и поставя цѣну тому и другому заключить и о прочемъ. Сравненіе съ таковымъ переводчикомъ у мѣста, и чья побѣда, того знаменитѣе торжество» [2]. Затѣмъ напечатаны рядомъ тѣ же мѣста Оссіана изъ обоихъ переводовъ, сравненіе, прямо подходящее къ предмету настоящей статьи. Предоставляя любопытнымъ обратиться къ самому *Магазину*, считаю здѣсь достаточнымъ сослаться на тотъ краснорѣчивый фактъ, что Туманскій отдаетъ рѣшительное предпочтеніе переводу Кострова.

---

[1] *Зритель*, ч. II. «Прогулки», стр. 158, и *Письма* Карамзина къ Дмитріеву стр. 019.

[2] *Россійскій Магазинъ*, ч. I, стр. 198—205.

Нападенія на Карамзина продолжались и по прекращеніи его журнала; въ 1793 году главнымъ поприщемъ ихъ служило новое ежемѣсячное изданіе Крылова и Клушина *С.-Петербургскій Меркурій*[1], въ языкѣ котораго, впрочемъ, ничего новаго замѣтить нельзя.

Нѣкоторыя изъ обвиненій, которымъ Карамзинъ подвергался, показываютъ, что онъ возстановилъ противъ себя журналы не только своею критикой, своеобразіемъ своихъ взглядовъ, но отчасти и новостью своего языка, въ которомъ, какъ и вообще въ его дѣятельности, видѣли отступленіе отъ правилъ и отъ принятыхъ образцовъ. Посмотримъ теперь, какое дѣйствіе онъ производилъ на примкнувшихъ къ нему писателей. Поразительнымъ въ этомъ отношеніи явленіемъ служитъ журналъ *Пріятное и полезное препровожденіе времени*, которое Подшиваловъ началъ издавать въ Москвѣ въ 1794 году, то-есть, черезъ годъ послѣ удаленія Карамзина съ журнальнаго поприща. Въ статейкѣ Подшивалова *Къ сердцу*, которою открывается новое изданіе, мы находимъ доведенное до крайности восхваленіе *чувствительности* и между прочимъ такое восклицаніе: «*Простосердечіе, чистосердечіе!* надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена: но ты, любезный К** (*Карамзинъ*), иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!» Не только въ содержаніи, но и во всемъ складѣ рѣчи подобныхъ статеекъ, повторяющихся въ началѣ каждаго изданія, какъ и вообще въ цѣломъ составѣ этого журнала, отразилось сильное вліяніе Карамзина. Самъ Подшиваловъ въ *Чтеніи для вкуса* писалъ совсѣмъ не такъ. Новою рѣчью заговорили и сотрудники его. Такъ въ письмѣ, при которомъ кто-то предлагаетъ издателямъ стихи для помѣщенія въ журналѣ, сказано: «Естьли они вамъ понравятся, естьли угодно вамъ будетъ оные напечатать въ вашемъ пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени, и естьли чувствительной, нѣжной, любез-

---

[1] См. Приложеніе III.

ной и привлекательной нашъ Стернъ, читая ихъ, произнесетъ: *изрядные*; то я постараюсь и впредь доставлять» и проч., а въ выноскѣ объяснено: «Я подъ симъ разумѣю почтеннаго нашего Издателя Московскаго Журнала и Сочинителя Аглаи. Весьма прискорбно нѣжной душѣ взирать на благодѣтельную Натуру, начинающую раздавать намъ дары свои, и не имѣть второй книжки Аглаи, которая чувствительнымъ слогомъ поблагодарила бы за оные»[1]. Не отзывается ли здѣсь каждая строчка подражаніемъ слогу и языку Карамзина?

Такимъ образомъ Подшиваловъ является ближайшимъ послѣдователемъ и подражателемъ Карамзина, хотя ему и не удалось вполнѣ усвоить себѣ чистоту, правильность и легкость рѣчи послѣдняго. Но мы имѣемъ возможность еще точнѣе узнать понятія Подшивалова о слогѣ, окончательно развившіяся, очевидно, уже въ школѣ карамзинскаго языка. Изъ автобіографической записки его извѣстно, что *имъ* продиктованъ «Сокращенный курсъ Россійскаго слога»[2], изданный въ 1796 году (въ Москвѣ) ученикомъ его Скворцовымъ. Разсмотримъ же, какъ понималъ искусство писать подражатель Карамзина въ такое время, когда тотъ уже проложилъ новый путь въ этомъ дѣлѣ. Правда, что Подшиваловъ, указывая на книги, «къ основательному познанію Россійскаго языка много способствующія», не называетъ сочиненій Карамзина; но послѣ того, какъ онъ на словахъ и на дѣлѣ уже высказалъ свое уваженіе къ этому писателю, такое молчаніе можно объяснить только тѣмъ, что недавній примѣръ Карамзина, какъ видно изъ намека въ другомъ мѣстѣ книжки (на который ниже будетъ указано), и безъ того уже вызвалъ много неискусныхъ ему подражателей, употреблявшихъ во зло нѣкоторыя особенности

---

[1] *Пріятн. и Полезн. препр. времени* 1794, ч. II, стр. 230.

[2] «Намѣревался я также», говоритъ Подшиваловъ, «выдать *Начальныя основанія Россійскаго слога* въ трехъ томахъ.... Матеріалы готовы; лѣнь и недостатокъ времени помѣшали трудъ сей окончить. Между тѣмъ, чтобъ пощупать пульсъ у публики, какъ она его приметъ, я заставилъ ученика своего Скворцова издать по временамъ мною диктованный ему *Курсъ Россійскаго слога*» (*Москвитянинъ*, 1842 г., № 1, стр. 179).

его слога. Причиной, почему здѣсь не названъ Карамзинъ, могло быть еще и то, что онъ, вслѣдствіе связей съ Новиковымъ, подвергся подозрѣніямъ со стороны властей, и еще въ концѣ 1795 г. ходили о немъ *разные слухи, разсѣянные злобой и глупостью*, напримѣръ будто онъ сосланъ[1]. Выдавать за образецъ такого человѣка въ учебникѣ могло казаться не совсѣмъ благовиднымъ и безопаснымъ. Это тѣмъ правдоподобнѣе, что Дмитріевъ уже поименованъ между извѣстнѣйшими писателями[2], и что въ главѣ: *Нѣчто о поэзіи* выписаны, въ числѣ другихъ стиховъ, и отрывки изъ стихотвореній Карамзина, но безъ имени его и только со ссылками на *Московскій Журналъ*, откуда они взяты. Не касаясь недостатковъ принятой въ основаніе *курса* системы и несоразмѣрности разныхъ частей ея, ограничусь выборомъ нѣкоторыхъ существенныхъ понятій изъ разныхъ мѣстъ этой книги.

Слогъ раздѣляется въ ней попрежнему на *высокій*, *посредственный* и *простой*; но въ основу такого дѣленія положены уже не ломоносовскіе, а другіе признаки: «*Простой* (слогъ) вообще не имѣетъ почти никакихъ украшеній, хотя и наблюдаетъ во всемъ нѣкоторую пристойность; *посредственный* напротивъ того имѣетъ свои украшенія, а *высокой* слова отборныя, мысли важныя и острыя, страсти великія и благородныя, фигуры для возбужденія оныхъ пристойныя». Въ этомъ дѣленіи смѣшаны внѣшніе признаки съ внутренними, и ничего опредѣлительнаго не сказано; но за то оно и поставлено какъ бы на второмъ планѣ. Въ основаніе же ученія о слогѣ положено вѣрное начало: «Всякой почти различно мыслитъ, слѣдовательно всякой имѣетъ и свой стиль»; къ чему прибавлено замѣчаніе, явно согласное съ ученіемъ Карамзина: «но мы того только называемъ хорошимъ стилистомъ, кто пишетъ *правильно* и *пріятно*». По отношенію къ своимъ внутрен-

---

[1] *Письма* къ Дм., стр. 62.

[2] Образцами признаны, для прозы: сочиненія Ломоносова, Феофана, Гедеона, Платона и св. Дмитрія, особливо Четьи Минеи; для стиховъ: сочиненія Ломоносова же, Хераскова, Майкова, Сумарокова, Державина, Княжнина, *Дмитріева*, Богдановича и проч

нимъ качествамъ, слогъ раздѣленъ вообще на *худой* и *хорошій*. Худое выраженіе мыслей приписано незнанію языка и не довольно очищенному вкусу (опять та же карамзинская идея). Затѣмъ объяснено, что худо пишетъ тотъ, кто пишетъ: 1) *темно*; 2) *педантически*: «когда кто слишкомъ привязанъ къ *школярщинѣ*, къ древностямъ и чужестраннымъ вещамъ, не всякому извѣстнымъ»; 3) *принужденно*: «когда подражаетъ кто великимъ писателямъ, но не искусною рукою, или выказываетъ свою ученость, которой очень мало»; 4) *высокопарно* или *надуто*: «когда кто, говоря о маловажныхъ вещахъ, употребляетъ пышныя выраженія, или ложными прикрасами убираетъ матерію важную»; 5) *слишкомъ низко:* «когда кто употребляетъ простонародныя слова, охотникъ до пословицъ и побасенокъ и кажется, хочетъ увеселить только шутливаго ротозея; 6) *слишкомъ растянуто*, и 7) *слишкомъ коротко*[1]. О нѣкоторыхъ изъ этихъ свойствъ разсѣяны въ другихъ мѣстахъ книги еще подробнѣйшія замѣчанія. Такъ объ устарѣвшихъ словахъ сказано, что ихъ «не долженъ употреблять хорошій писатель, хотя бы и разумѣлъ ихъ, выключая нѣкоторыхъ славенскихъ, въ высокомъ слогѣ употребительныхъ»[2]. Высокопарныя реченія, упомянуто далѣе, «часто затмѣваютъ стиль и болѣе изобличаютъ педанта или школьника, безпрестанно проповѣдующаго о миріадахъ, лабиринтахъ, сферахъ, серафимахъ и пр. Въ семъ случаѣ не надобно подражать и великимъ людямъ, иногда въ томъ погрѣшающимъ, дабы не уподобиться придворнымъ Александра Великаго, которые для того держали голову на одну сторону, что государь ихъ былъ кривошея[3]. Здѣсь довольно ясно высказано предостереженіе тѣмъ молодымъ писателямъ, которые, встрѣчая у Карамзина иностранныя слова, стали слиш-

---

[1] *Сокращенный курсъ Росс. слога*, стр. 87—97.

[2] Тамъ же, стр. 43.

[3] Тамъ же, стр. 52. Слова́ *миріады* и *сфера* встрѣчаются въ слѣдующей фразѣ Карамзина: «Кто чрезъ *миріады* блестящихъ *сферъ*, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ» и т. д. (*Аглая* I, *Нѣчто о наукахъ* и пр., стр. 69). Извѣстно другое его выраженіе: «святое, никакими *сферами* неограниченное желаніе всеобщаго блага». (Тамъ же, *Что нужно автору?* стр. 29).

комъ неумѣренно употреблять ихъ. Въ подкрѣпленіе совѣта избѣгать простонародныхъ словъ приведены примѣры: *моркотно*, *обизорно*, *трелюдитъ*, *разчетверивать*, *чичаговать*. (Сюда же отнесены и слова *провинціальныя*, которыя въ другихъ мѣстахъ Россіи понятны)[1]. Припомнимъ, что и Карамзинъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ своего поприща, смотрѣлъ такимъ же образомъ на простонародныя слова, когда они сообщаютъ низкую идею. Такъ онъ (въ 1793 г.) совѣтовалъ Дмитріеву исключить изъ одного стихотворенія «отвратительное» слово *парень*, и находилъ, что при этомъ словѣ «являетси мыслямъ дебелый мужикъ, который чешется неблагопристойнымъ образомъ и утираетъ рукавомъ мокрые усы свои, говоря: *ай парень! что за квасъ!* Надобно признаться, что тутъ нѣтъ ничего интереснаго для души нашей!»[2].

Изъ свойствъ дурного слога выведены принадлежности хорошаго, который долженъ быть: 1) ясенъ; 2) негрубъ; 3) безъ всякаго принужденія; 4) натураленъ; 5) благороденъ; 6) обиленъ и 7) хорошо связанъ. Ясность признана первымъ свойствомъ «стиля», требующимъ употребленія такихъ словъ, которыя были бы «понятны и несомнительны». Условіемъ для того, чтобы писать негрубо, постановлено «обхожденіе съ просвѣщенными людьми» и тутъ же оговорено: «мы не разумѣемъ однакожъ тѣхъ полуфранцузовъ, которые портятъ и наконецъ забываютъ свой языкъ»[3]. Наконецъ, существеннымъ признакомъ хорошаго языка заявлена «совершенная одинаковость или единообразіе въ словахъ и теченіи оныхъ, безъ всякихъ скачковъ и неравностей»[4], то-есть именно то свойство, которымъ проза Карамзина отличается отъ всего, что́ до тѣхъ поръ писалось.

Ученіе о періодахъ и предложеніяхъ представляетъ сбивчивость, происходящую отъ неточнаго разграниченія самыхъ понятій, выражаемыхъ этими словами. Между прочимъ, однакожъ,

---

[1] Тамъ же, стр. 43 и 44.
[2] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 39.
[3] *Сокращ. курсъ*, стр. 92.
[4] Тамъ же, стр. 44.

очень опредѣлительно сказано, что промежутки отъ одной точки до другой «въ старину бывали очень велики, такъ что періода однимъ духомъ весьма часто выговаривать было не можно; но нынѣ употребляются по большей части пункты коротенкіе, по причинѣ труднаго пониманія длинныхъ. Словъ 8, 10 и 15 въ періодѣ, такъ и довольно»[1]. Прежде, при долгихъ періодахъ, «союзы были необходимы; но нынѣ опущеніе ихъ, то-есть союзовъ соединительныхъ, особливую составляетъ пріятность; а особливо *стиль Французской, отъ всѣхъ нынѣ принимаемой*, не мало заимствуетъ отъ сего красы своей»[2]. Здѣсь подчеркнутыя мною слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они показываютъ, какъ современники Карамзина смотрѣли на способъ изложенія, начинавшій распространяться въ русской литературѣ вслѣдствіе успѣха его сочиненій. И не удивительно, что такъ разумѣли карамзинскій слогъ, понявъ несообразность *латино-германскаго* строя рѣчи, который введенъ былъ Ломоносовымъ и такъ долго послѣ него держался.

Сообразно съ предыдущимъ, въ главѣ о переводахъ замѣчено, что требованіе вѣрности «не препятствуетъ иногда, для большей ясности и вразумительности, раздроблять большіе періоды, которые на Россійскомъ языкѣ могутъ быть и скучны и темны. Да и сверхъ того есть такіе случаи, въ которыхъ по необходимости можно нарушить дальнѣйшую точность въ переводѣ, и во 1-хъ несходство языковъ въ выраженіи можетъ побудить насъ къ такому поступку, а потому требуемая въ переводѣ ясность и удержаніе важности подлинника весьма часто помянутой точности бываютъ противны». Въ такомъ же смыслѣ Подшиваловъ совѣтуетъ переводчикамъ «выражать все такими словами и съ такими притомъ оборотами, которые на нашемъ языкѣ не странны, не противны, но оному свойственны. Каждый языкъ имѣетъ свои собственныя выраженія, которыхъ на другой въ точности никакъ

---

[1] Тамъ же, стр. 20.
[2] Тамъ же, стр. 29.

перевесть не можно, и тогда переводчикъ долженъ ставить на мѣсто ихъ другія, но близкія и красоту и силу подлинника точно выражающія»[1]. Вообще писатели должны остерегаться «не передѣлывать своего языка на образецъ чужестранныхъ»[2] и, безъ особенной надобности, не заимствовать реченій изъ другихъ языковъ: «если провинціальныя слова хулы достойны, то тѣмъ болѣе чужестранныя, а особливо развратителями языка безъ нужды употребляемыя»[3]. Такому осужденію подвергнуты «тѣ вновь произведенныя слова, которыя скованы или вышечены молодыми, богатства нашего языка не знающими людьми, безъ всякой нужды и изъ одной безвременной щекотливости, чтобъ чрезъ то выказать себя или представить что либо особливое. Довольно примѣровъ тому въ новыхъ книгахъ, и жалко, естьли послѣдуетъ онымъ молодой съ дарованіями писатель, ибо таковыя слова отчасти непонятны, отчасти невыразительны, а отчасти совершенно смѣшны»[4].

Всѣ эти наставленія въ книгѣ, изданной въ послѣдній годъ царствованія Екатерины II, очень замѣчательны, доказывая, какъ нелѣпыя подражанія Карамзину осуждались самими разумными его послѣдователями гораздо прежде Шишкова, и какъ несправедливо послѣдній распространилъ свои обвиненія на всю новую школу и на самого ея основателя. Мнѣ казалось нелишнимъ остановиться нѣсколько долѣе на этой теперь уже рѣдкой книжкѣ, такъ какъ она, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не обращала на себя ничьего еще вниманія, а между тѣмъ необходимо имѣть ее въ виду и для ближайжаго опредѣленія началъ *новаго слога*, и для полной оцѣнки *Разсужденія* Шишкова. Сознавались ли эти начала до появленія Карамзина? По крайней мѣрѣ, мы не видимъ, чтобъ они были кѣмъ-нибудь выражены или приложены къ дѣлу: видимъ только частное осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ

[1] *Сокращ. курсъ Росс. слога*, стр. 38.
[2] Тамъ же, стр. 52.
[3] Тамъ же, стр. 45.
[4] Тамъ же, стр. 46.

извѣстныхъ, прежде поименованныхъ мною родахъ сочиненій, которые писались *низкимъ* слогомъ. Не слышалось прежде и упрека въ излишнемъ употребленіи иностранныхъ словъ и галлицизмовъ. Усвоить себѣ тѣ новыя качества, которыя поражали въ рѣчи Карамзина, было не легко безъ особенныхъ свойствъ его духа, безъ его многосторонняго образованія и глубокаго знанія русскаго языка. Удивительно ли, что писатели, имѣвшіе всю добрую волю итти вслѣдъ за нимъ, но лишенные этихъ внутреннихъ условій, могли овладѣть только нѣкоторыми внѣшними признаками его рѣчи и, желая щеголять ими, довели ихъ до крайности? Фактъ одновременнаго появленія, въ 1790-хъ годахъ, множества неискусныхъ подражателей языку Карамзина убѣдительнѣе всего доказываетъ образованіе въ его сочиненіяхъ *новаго слога*, — новаго не только своимъ содержаніемъ, но и формою.

Не всегда ли счастливо проложенный путь въ литературѣ привлекаетъ къ себѣ множество охотниковъ итти по свѣжимъ слѣдамъ смѣлаго пролагателя, и часто ли подражаніе удается?

Встрѣчая у Карамзина не употрбелявшіяся до тѣхъ поръ слова и выраженія, авторы-новички хотѣли отличиться такими же нововведеніями, но не имѣли той же удачи въ своихъ попыткахъ. Мы знаемъ, что самъ Карамзинъ еще долго не былъ доволенъ господствовавшимъ въ литературѣ языкомъ: ему не нравился способъ изложенія не только противниковъ его, но и подражателей. Въ разговорѣ съ Каменевымъ (1800) онъ отозвался не очень благопріятно объ Измайловѣ[1]. Къ Дмитріеву же онъ писалъ (1798), когда готовилъ сборникъ своихъ переводовъ, — *Пантеонъ иностранной словесности:* «Пока не выдаю собственныхъ своихъ бездѣлокъ, хочу служить публикѣ собраніемъ чужихъ піэсъ, не противныхъ вкусу и писанныхъ не совсѣмъ

[1] «Въ письмахъ Измайлова замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно, — онъ по-русски не читалъ ничего кромѣ *Моихъ бездѣлокъ*» (*Вчера и сегодня*, 1845. Письмо Каменева).

обыкновеннымъ Русскимъ—то-есть, не совсѣмъ *пакостнымъ слогомъ»* [1].

Само собою разумѣется, что тѣ, которые хотѣли остаться неподвижными въ старыхъ привычкахъ и пріемахъ письменнаго языка, не могли простить Карамзину его нововведній и лучшее противъ него оружіе находили въ томъ, что писали неловкіе его подражатели. Болѣе всѣхъ должна была оскорбляться новымъ слогомъ Россійская академія, считавшая себя *законодательницей языка и вкуса*. Выше было уже показано, что Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* бросилъ перчатку академическимъ славяноманамъ, и вотъ одинъ изъ новобранцевъ академіи (избранный въ члены ея 16-го дек. 1796 г.) выступаетъ впередъ рьянымъ борцомъ стараго слога. Книга Шишкова, за которую онъ, по собственному его сознанію, сидѣлъ три года [2], до сихъ поръ еще не оцѣнена по всей справедливости. Правда, что уже Макаровъ, Мартыновъ, Дашковъ и Каченовскій отмѣтили въ ней много нелѣпостей; но ограниченность, безвкусіе, недостатокъ основательной учености и добросовѣстной критики, обнаруженные ея авторомъ, еще ждутъ себѣ заслуженнаго приговора.

Говорятъ, что книга Шишкова все-таки принесла свою пользу, и это несомнѣнно: всякая крайность имѣетъ ту хорошую сторону, что она предостерегаетъ отъ крайности противоположной; но парадоксъ тѣмъ не менѣе остается парадоксомъ. Говорятъ также, что Шишковъ въ сущности ратовалъ не за языкъ, а за чистоту вѣры и нравственности. Съ этимъ нельзя согласиться: сначала не было и рѣчи о чемъ-либо иномъ, кромѣ *слога*, котораго порча приписывалась только пристрастному предпочтенію французскаго языка и французскому воспитанію [3]; потомъ, уже

---

[1] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 99.

[2] «Меркуріи станутъ долговременные плоды упражненія моего въ языкѣ и трехъ-лѣтній трудъ мой, употребленный на сочиненіе сей книги, опровергать двухъ-дневною работою своею!» (*Прибавленіе къ разсужд. о ст. и нов. сл.* Спб. 1804, стр. 96).

[3] Шишковъ не замѣтилъ, что Карамзинъ въ *Вѣстникѣ Европы* самъ съ

въ концѣ своего *Разсужденія*, Шишковъ, чувствуя недостаточность прямыхъ доводовъ, прибѣгнулъ къ другимъ и задѣлъ своихъ противниковъ опасеніемъ за ихъ религіозныя и патріотическія чувства[1]. Чѣмъ далѣе шла полемика, тѣмъ болѣе пользовался онъ этою уловкой; но споришіе съ нимъ очень хорошо понимали настоящій смыслъ ея, и Дашковъ умно замѣтилъ: «Онъ считаетъ всякое *оружіе* противъ соперниковъ своихъ законнымъ»[2], а въ другомъ мѣстѣ: «Зачѣмъ къ обыкновеннымъ сужденіямъ о словесности примѣшивать постороннія укоризны въ неисполненіи обрядовъ, предписанныхъ церковію?»[3] Тѣ, которые защищались въ этой полемикѣ, вели себя гораздо благороднѣе Шишкова и отзывались о немъ, въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ своихъ, очень снисходительно.

Въ «Предувѣдомленіи» къ первому изданію *Разсужденія* (1803) прямо говорится: «Сочиненіе сіе не иное что есть, какъ родъ веденной мною записки всему тому, что мнѣ при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ, *касательно до языка и слога*, замѣтить случилось».

Въ заглавіи *Разсужденія* противопоставлены между собою *старый* и *новый слогъ*. Слѣдовательно, былъ *новый*, то-есть недавно образовавшійся слогъ. Откуда же онъ явился? съ чего или съ кого начался? Намъ говорятъ, что онъ былъ уже и прежде, въ сатирическихъ журналахъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина и Крылова; но если такъ, то отчего же въ 1803 году онъ названъ *новымъ?* Или онъ названъ такъ потому только, что къ нему примѣшались нѣкоторыя иностранныя слова?

жаромъ возставалъ противъ такого пристрастія и во всемъ направленіи этого журнала обнаруживалъ патріотизмъ, который стоялъ никакъ не ниже *его* собственнаго (шишковскаго).

[1] *Разсужд.*, стр. 303: «Сія ненависть къ языку своему (а съ нимъ понемногу, постепенно и къ сродству и къ обычаямъ и къ вѣрѣ и къ отечеству) такъ сильно вкоренилась въ насъ» и проч.

[2] *Легчайшій способъ возражать на критики*, стр. 30.

[3] *Цвѣтникъ*, изд. В. Измайловымъ и П. Никольскимъ (декабрь 1810 года). Ч. VIII, стр. 431.

Попытаюсь расположить въ нѣкоторомъ порядкѣ безсвязныя, безпрестанно повторяющія одно и то же обвиненія Шишкова; можетъ-быть, изъ нихъ уже видно будетъ отчасти, что́ именно сдѣлалъ Карамзинъ въ отношеніи къ языку.

Первымъ и важнѣйшимъ недостаткомъ *новаго слога* въ глазахъ Шишкова было исключеніе изъ него церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ. Въ самомъ началѣ своего *Разсужденія* онъ жалуется, что *въ большей части нынѣшнихъ нашихъ книгъ* господствуетъ странный слогъ, и главную причину того видитъ въ пренебреженіи къ церковно-славянскому языку, *корню и началу русскаго.* Ошибочное понятіе объ отношеніи между обоими языками и было источникомъ всего неудовольствія Шишкова. Онъ не догадывался, что долговременное преобладаніе перваго надъ послѣднимъ въ литературѣ было явленіемъ, хотя и неизбѣжнымъ, но незаконнымъ, игомъ, которое могучій народный языкъ долженъ былъ рано или поздно сбросить съ себя. Произнеся свою жалобу, Шишковъ направляетъ первый ударъ не на Фонъ-Визина, не на Крылова или прежнихъ сатириковъ, а прямо на Карамзина. Онъ выписываетъ нѣсколько строкъ изъ *Пантеона Россійскихъ Авторовъ*[1], только что изданнаго. Итакъ вотъ чтеніе, послужившее ему непосредственнымъ поводомъ къ начатію войны противъ новаго слога. Какое же мѣсто болѣе всего обратило на себя его вниманіе? Это слѣдующія слова изъ замѣтки о Кантемирѣ: «Раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ Славяно-русскихъ г. Елагина, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, *называемая Французами*

---

[1] *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, ч. I, Москва, 1801. Изданіе Пл. Бекетова (въ листъ; печат. у Селивановскаго). Любопытно, что Карамзинъ, сообщая выдержки изъ своего текста къ этому изданію въ № 20 *Вѣстника Европы* 1802 года, пишетъ: «Пантеонъ *Русскихъ*» (а не Россійскихъ) «*авторовъ*». Въ *Письмахъ къ Дмитріеву* (стр. 115) онъ называетъ *нотицами* эти свои замѣтки о русскихъ писателяхъ. Изъ рѣдкаго экземпляра *Пантеона* въ здѣшней Публичной библіотекѣ бо́льшая часть портретовъ, къ сожалѣнію, вырѣзана какимъ-то безсовѣстнымъ читателемъ.

élégance» (послѣднія три слова исключены Карамзинымъ изъ позднѣйшихъ изданій *Пантеона* въ собраніи его сочиненій). Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ Шишкову представилась многообразная ересь: 1) неуваженіе къ славяно-русскому языку; 2) мысль, что слогъ нашъ сталъ пріобрѣтать пріятность независимо отъ церковно-славянскаго; 3) означеніе этого новаго свойства французскимъ словомъ; 4) отнесеніе Ломоносова къ законченному уже періоду развитія литературнаго языка. Шишковъ не могъ простить Карамзину, что не видѣлъ у него «краснорѣчиваго смѣшенія Славенскаго величаваго слога съ простымъ Россійскимъ» и умѣнія «высокій Славенскій слогъ съ просторѣчивымъ Россійскимъ такъ искусно смѣшивать, чтобъ высокопарность одного изъ нихъ пріятно обнималась съ простотою другаго»[1]. Такое смѣшеніе, какъ выше показано, встрѣчалось у всѣхъ прежнихъ писателей, не исключая Фонъ-Визина и Крылова, когда они сходили съ почвы *низкаго штиля:* оно составляло принадлежность стараго слога, переходившаго иногда въ то *славяномудріе*, противъ котораго Карамзинъ, первый, открыто возсталъ еще въ *Московскомъ Журналѣ.* Шишковъ не забылъ одной сказанной тамъ фразы и теперь повторяетъ ее: «Слогъ нашего переводчика (то-есть переводчика *Неистоваго Роланда*) можно назвать изряднымъ: онъ не надутъ славянщизною и довольно чистъ»[2].—«Что иное значитъ слово сіе» (*славянщизна*), спрашиваетъ Шишковъ съ негодованіемъ, «какъ не презрѣніе ко всему Славенскому языку?»

Вторымъ обвинительнымъ пунктомъ его было излишнее употребленіе французскихъ словъ и оборотовъ, какъ-то: *моральный, эстетическій, эпоха, гармонія, энтузіазмъ, катастрофа, серіозно, меланхолія, миѳологія, религія, рецензія, героизмъ, быть на сценѣ, выходить на сцену* и т. п. Не находя у самого Карамзина довольно словъ и реченій этого рода, онъ отыскиваетъ ихъ у са-

---

[1] *Разсужд.*, стр. 14.
[2] *Моск. Журн.* 1791, ч. II, стр. 324.

мыхъ плохихъ писакъ и призываетъ своего противника къ отвѣту за всѣ ихъ нелѣпыя заимствованія. Онъ не замѣчаетъ, что́ самъ часто грѣшитъ галлицизмами, что способенъ, какъ указалъ Дашковъ, «соблюсти даже цѣлыми страницами французское словосочиненіе», и не перестаетъ «вопіять противъ галлицизмовъ»[1].

Въ связи съ этимъ онъ упрекаетъ Карамзина за его начитанность, за его знакомство съ Боннетомъ, Вольтеромъ, Юнгомъ, Томсономъ, Оссіаномъ, Стерномъ, Лафатеромъ, Кантомъ и другими писателями, которыхъ тотъ будто бы «твердитъ на каждой страницѣ», выучившись у нихъ русскому, *на бредъ похожему* языку. Вмѣсто ихъ, критикъ ставитъ въ образецъ, между прочимъ, труды Ломоносова, Сумарокова, Мотониса, Крашенинникова[2], Полѣтики, Павла Кутузова и Ивана Захарова. При чтеніи *Пантеона Россійскихъ авторовъ*, отъ вниманія Шишкова страннымъ образомъ ускользнуло, что составитель этихъ замѣтокъ также былъ знакомъ съ древнею русскою литературой, что кромѣ Боннета, Вольтера, Юнга и проч. онъ читалъ Нестора, пѣснь о Полку Игоревѣ, Ѳеофана, Димитрія Ростовскаго, и словомъ, если не все, то по крайней мѣрѣ многое изъ того, что́ читалъ самъ защитникъ стараго слога, поражающій насъ слабыми познаніями своими въ иностранныхъ языкахъ и литературахъ.

Далѣе новые писатели обвиняются въ составленіи русскихъ словъ и реченій по иностранному образцу (въ *юродивомъ переводѣ и выдумкѣ словъ и рѣчей*), какъ-то: *трогательный, занимательный, сосредоточить, представитель, начитанность, обдуманность, оттѣнокъ, страдательная* роль, *гармоническое* цѣлое и

---

[1] *Легчайшій способъ*, стр. 10.

[2] Въ *Пантеонѣ Росс. авторовъ* есть замѣтка и о Крашенинниковѣ (1713—1755). Въ его описаніи Камчатки Карамзинъ видитъ недостатокъ «пріятности»; въ переводѣ же Квинта-Курція, который въ свое время считался классическимъ, признаетъ нѣкоторое достоинство въ сравненіи съ другими переводами древнихъ писателей (см. выше стр. 76). Но въ статьѣ *о русской грамматикѣ француза Модрю* (1803) онъ говоритъ: «Классическій авторъ Русскаго языка есть для г. Модрю Крашенинниковъ; изъ его Квинта-Курція приведены сіи щастливыя фразы». (Слѣдуетъ выписка дурныхъ выраженій).

мн. др. При этомъ Шишкова особенно сердитъ, что многимъ словамъ, уже прежде существовавшимъ, придается новое, болѣе духовное значеніе,—напримѣръ, что слова *развить*, *развитіе*, *утонченный*, *утонченность*, *переворотъ* стали употребляться въ смыслѣ не собственномъ (подобно французскимъ développer, raffiné, révolution). Болѣе всего не нравится ему слово *развитіе*, напримѣръ въ выраженіи *развитіе характера*, и онъ считаетъ совершенно равносильнымъ *прозябеніе*, которое и употребляетъ такимъ образомъ въ своемъ *Разсужденіи* (напримѣръ, пишетъ: «прозябеніе талантовъ»)[1]. «Какъ же», спрашиваетъ онъ, «вводимъ мы съ Французскаго языка въ Русской такое выраженіе, которое сами Французы на своемъ языкѣ употреблять сочли бы за безобразіе? По истинѣ разумъ и слухъ мой страдаютъ, когда мнѣ говорятъ: *Ночныя бесѣды, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія*». Фраза эта взята изъ статьи Карамзина: *Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона*[2]. «Для чего», замѣчаетъ критикъ далѣе, «въ вышесказанной рѣчи не сказать: въ которыхъ первыя мои понятія *прозябали*?»[3] Такъ же строго осуждаетъ онъ выраженіе Карамзина: «когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей»[4] и спрашиваетъ: «Свойственно ли по-русски говорить: *потребность души моей*, и можно ли путешествіе назвать *потребностію*, *надобностію*, или *нуждою* души? Естьли сочинителю мало показалось сказать: *когда я любилъ путешествовать*, то могъ бы онъ премногими другими сродными языку нашему оборотами рѣчь сію выразить, какъ напримѣръ: *когда душа моя питалась, услаждалась путешествіями;* или *когда путешествіе было единымъ изъ вождѣлѣннѣйшихъ желаній моихъ*». Въ наше время подобныя сужденія такъ много говорятъ сами за себя, что нѣтъ уже надобности, вмѣстѣ съ Макаровымъ[5], разбирать это мѣсто.

---

[1] *Разсужд.*, стр. 164, 422.

[2] и [4] Соч. Карамз., изд. Смирд., т. III, стр. 361 и 363.

[3] *Разсужд.*, стр. 290, 291.

[5] *Моск. Меркурій*, декабрь 1803, стр. 191, 192.

Не менѣе усердно Шишковъ, въ своей книгѣ, преслѣдуетъ неправильное, то-есть, несогласное съ законами русскаго языка образованіе нѣкоторыхъ словъ и реченій, наприм., *вліяніе на*—, *будущность;* сюда же относитъ онъ сравнительныя: *картиннѣе, напряженнѣе, человѣчнѣе,* а равно несообразное, по его понятіямъ, словосочетаніе, напримѣръ: *излишнее* самолюбіе (въ чемъ, какъ онъ увѣряетъ, нѣтъ смысла) или *лошадь, покрытая пѣтомъ* («ибо простыя и низкія понятія важнымъ и возвышеннымъ слогомъ описывать неприлично»). Что касается слова *вліяніе,* то оно употреблялось еще до Карамзина, между прочимъ въ рѣчахъ московскихъ профессоровъ, но прежде дополнялось различными предлогами: то *въ,* то *надъ,* то *на.* Въ примѣръ неудачныхъ нововведеній Шишковъ приводитъ такую, по его мнѣнію, *вздорную рѣчь:* «авторскою дѣятельностью имѣть вліяніе на современниковъ», или выставляетъ на позоръ изъ *Писемъ Русскаго путешественника* слѣдующій переводъ замѣтки Лафатера: «Мудрый отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенасладительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе мы сами, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше,—тѣмъ мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе, любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе, человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія нашего сообразнѣе»[1]. Но Карамзинъ и самъ не выдавалъ этого перевода за образцовый: онъ хотѣлъ только въ точности передать мысли швейцарскаго мудреца (какимъ считалъ Лафатера) и для того переводилъ слово въ слово, ставя въ скобкахъ нѣкоторыя слова подлинника. Это не что иное, какъ смѣлая попытка. Тѣмъ не менѣе Шишковъ говоритъ: «Я не знаю, Лафатеръ ли взлетѣлъ выше предѣловъ моего ума, или переводчикъ его туда поднялъ, но дѣло въ томъ, что я изъ нихъ ни того, ни другаго не понимаю. Положимъ, что я по тупости моего ума (хотя уже лѣтъ десятка три и

[1] Соч. Карамз., т. II, стр. 243, 244.

побольше упражняюсь въ наукахъ) не могу понимать высокихъ мыслей; но я не разумѣю словъ, то какъ же требовать отъ меня, чтобъ я разумѣлъ мысль, которая безъ словъ существовать не можетъ?»[1] Замѣтимъ однакожъ, что о приведенномъ мѣстѣ можно судить только въ связи съ другими мыслями, которыми Лафатеръ отвѣчалъ на вопросъ русскаго путешественника: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно достижимая для мудрыхъ и слабоумныхъ?»

Для объясненіи, какъ Карамзинъ поступалъ при употребленіи еще необработаннаго литературнаго языка, чрезвычайно важна статья его въ *Вѣстникѣ Европы:* «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»[2] Шишковъ не могъ ею не воспользоваться для своей цѣли, и дѣйствительно въ его *Разсужденіи* мы находимъ длинный разборъ нѣкоторыхъ мѣстъ ея, между прочимъ слѣдующаго: «Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской Кандидатъ Авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски!... Чтожъ остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія Дамы не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ?... Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ кар-

---

[1] *Разсужд.*, стр. 348, 349.

[2] *Вѣстникъ Европы* 1802, № 14, стр. 124.

тинкахъ), а Русской только отчасти; Французы пишутъ, какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ». Далѣе, замѣчая, что у насъ такъ много обстоятельствъ, отвлекающихъ молодого человѣка отъ ученья, Карамзинъ спрашиваетъ: «Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее?» Въ цѣломъ этомъ отрывкѣ каждое слово заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что Карамзинъ очевидно выражаетъ здѣсь пріобрѣтенное опытомъ сознаніе тѣхъ трудностей, съ которыми самъ онъ въ началѣ своего поприща долженъ былъ бороться, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаетъ, въ указаніяхъ своихъ, и собственные свои пріемы въ авторскомъ дѣлѣ. Не о себѣ ли онъ говорилъ не разъ, что взялъ свой языкъ *изъ камина?*[1] — Если такимъ образомъ послѣдняя фраза приведеннаго отрывка имѣетъ отношеніе къ нему самому, то тѣмъ вѣрнѣе и все предыдущее, какъ болѣе существенное, должно быть примѣнено къ собственной его дѣятельности.

Это подтверждается какъ другимъ его же свидѣтельствомъ, такъ и отзывомъ Макарова. Прежде нежели была написана статья *Вѣстника Европы*, Карамзинъ говорилъ Каменеву: «Вознамѣрясь выйти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ Русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить штиль его *дикій, варварскій,* вовсе не свойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ Авторовъ: сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже *своимъ,* ни отъ кого *не заимствованнымъ* слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочи-

---

[1] Изъ рукописныхъ воспоминаній Ѳ. Н. Глинки: «Я спросилъ еще его: откуда взяли вы, Николай Михайловичъ, такой чудный слогъ? — Онъ отвѣчалъ: Изъ камина. — Какъ, изъ камина? — А такъ: я переводилъ одно и то же разъ, два и три раза, и прочитавъ и обдумавъ, бросалъ *въ каминъ,* пока наконецъ доходилъ до того, что могъ издать въ свѣтъ».

нителямъ, чтобы не всегда и не вездѣ держаться *оборотовъ моихъ*, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе»[1]. Макаровъ, упомянувъ объ успѣхахъ просвѣщенія Россіи въ царствованіе Екатерины II, доказываетъ необходимость новыхъ словъ для новыхъ понятій, которыхъ, по его замѣчанію, тысячи порождены въ умѣ нашемъ чужестранными обычаями: «вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей Рускаго Словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать *новыхъ средствъ изъясняться*». Эти разсужденія прямо приводятъ Макарова къ указанію на Карамзина, который, какъ онъ выражается, «очистилъ, украсилъ нашъ языкъ»[2].

Но Шишковъ этого не призналъ, и, разбирая приведенныя выше строки изъ статьи *Вѣстника Европы*, онъ останавливается почти надъ каждымъ словомъ то съ софизмомъ, то съ ироніей. Между тѣмъ однакожъ самъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ[3], что «изобрѣтать и распространять знаменованіе словъ есть дѣло искусныхъ писателей»; только къ этому онъ прибавляетъ: (писателей) «знающихъ корни языка своего и умѣющихъ производить отъ нихъ сродныя имъ отрасли, которыя, хотя при первомъ появленіи своемъ и кажутся для отвыкшихъ отъ нихъ ушей нѣсколько странны, но вскорѣ, по отысканіи источника ихъ, становятся понятны разуму и пріятны слуху»[4]. Въ первой части этой оговорки выражено очень вѣрное начало, которое, какъ увидимъ ниже, признавалъ и самъ Карамзинъ. Но какія опасности оно представляетъ въ исполненіи, убѣдительно доказалъ самъ Шишковъ. Совѣтуя, для передачи новыхъ мыслей, держаться исключительно церковныхъ книгъ и старинныхъ писателей, онъ предлагаетъ, между прочимъ, *наитіе* или *наитствованіе* вмѣсто «вліяніе», отвергаетъ *развитіе* только потому, что его нѣтъ въ старыхъ

---

[1] *Вчера и сегодня*, изд. гр. Соллогубомъ, кн. I, Спб. 1845.
[2] *Моск. Мерк.*, дек., стр. 162—164. Ср. тамъ же апр., стр. 73.
[3] *Разсужд.*, стр. 290.
[4] *Разсужд.*, стр. 291.

книгахъ, и предпочитаетъ ему *прозябеніе;* далѣе требуетъ удержанія такихъ словъ, какъ *непщевать*, *гобзованіе*, *одебелѣть*, *приснотекущій*, *любомудріе*, *умодѣліе*, *ядца* (плоти) и *пійца* (крови). Даже нѣкоторые техническіе термины, по его мнѣнію, прекрасно переведены, какъ напримѣръ, параллельныя линіи названы *минующими чертами*, хорда—*подтягающею*, діаметръ—*размѣромъ*, центръ — *остію* и проч. «Таковыя и симъ подобныя слова», полагаетъ онъ, «нужны намъ, онѣ обогащаютъ языкъ нашъ и наполняютъ его новыми понятіями.... Бросимъ», заключаетъ Шишковъ въ одномъ примѣчаніи въ *Разсужденію*[1], «чужеземный составъ рѣчей, придержимся собственнаго своего слога и станемъ *новыя мысли свои* выражать *стариннымъ предковъ нашихъ складомъ*». Во взглядѣ на этотъ предметъ, Шишкова значительно опередилъ даже Ломоносовъ, который допускалъ только, и то въ высокомъ слогѣ, слова, понятныя всякому Русскому и не слишкомъ обветшалыя. Въ концѣ *Разсужденія* помѣщена элегія, представляющая въ каждомъ стихѣ пародію на языкъ Карамзина. Вотъ первыя стихи ея:

> «*Потребностей* моихъ единственный *предметъ!*
> Красотъ твоей души *моральный*, *милый* свѣтъ
> Всю *физику* мою *приводитъ въ содраганье:*
> Какое на меня ты дѣлаешь *вліянье!*»

Такимъ образомъ книга о старомъ и новомъ слогѣ начинается и кончается выходками противъ Карамзина: хотя онъ въ ней нигдѣ и не названъ, хотя бóльшая часть ея выписокъ сдѣлана изъ разныхъ плохихъ и посредственныхъ писателей, подражавшихъ Карамзину безъ всякаго умѣнья, однакожъ очевидно, что она направлена собственно противъ него, какъ родоначальника новаго слога. Когда Макаровъ, издававшій *Московскій Меркурій* въ самый годъ выхода въ свѣтъ *Разсужденія*, въ послѣднемъ нумерѣ своего журнала напечаталъ разборъ этой книги, то Шишковъ,

---

[1] Тамъ же, стр. 420.

возражая ему, объявилъ, «что онъ въ то время, когда писалъ ее, не только журнала, называемаго Московскимъ Меркуріемъ, не читалъ, но ниже слышалъ, что оный есть на свѣтѣ»[1]. Итакъ Шишковъ не замѣтилъ самаго разумнаго и ловкаго изъ послѣдователей Карамзина, и обратилъ вниманіе на бездарныхъ его подражателей, которые не могли имѣть никакого значенія для судьбы литературнаго языка. Изъ сочиненій же самого Карамзина не приведено имъ, кромѣ нѣсколькихъ иностранныхъ словъ, ничего такого, что̀ бы дѣйствительно доказывало недостатки новаго слога.

Переходя затѣмъ къ заключеніямъ, которыя могутъ быть выведены изъ всего изложеннаго, отдѣлимъ сперва чисто-внутреннюю сторону сочиненій Карамзина, *матерію* или содержаніе, новость котораго въ нихъ можетъ быть такъ же мало оспариваема, какъ и значеніе этого элемента для другой ихъ стороны, или *формы*. Въ послѣдней отличимъ опять *слогъ* и *языкъ*. Согласимся, что *слогъ*, въ тѣсномъ смыслѣ, — это характеръ изложенія, это въ отношеніи къ рѣчи то же, что̀ походка въ движеніи тѣла, почеркъ въ письмѣ, физіономія въ чертахъ и выраженіи лица; *языкъ* писателя—это общее орудіе мысли въ распоряженіи отдѣльнаго лица, орудіе, употребляемое каждымъ съ бо̀льшимъ или меньшимъ знаніемъ или умѣньемъ.

Во время Карамзина у насъ еще не отличали слога отъ языка писателя: этихъ двухъ понятій не раздѣляли ни самъ онъ, ни его противники; какъ онъ, въ приведенныхъ отрывкахъ, такъ и Шишковъ, во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, говорятъ о слогѣ вообще, то-есть въ обширномъ смыслѣ, разумѣя и слогъ собственно и языкъ. Но для точнаго опредѣленія особенностей писателя въ изложеніи, необходимо строго держаться обозначеннаго нами различія.

Слогъ Карамзина — это собственно то, что̀ г. Лавровскій называетъ «совершенно органическимъ продуктомъ врожденныхъ

---

[1] *Прибавленіе* къ Разсужденію, стр. 170.

способностей его, духовной организаціи и всего его образованія, всей совокупности образовательныхъ элементовъ, вошедшихъ въ его душу и участвовавшихъ въ окончательной выработкѣ его общаго душевнаго настроенія»[1]; къ слогу Карамзина относится сказанное далѣе тѣмъ же авторомъ: «онъ былъ дѣйствительно новымъ по симпатичности, нѣжности, сердечности, исходившимъ изъ природы Карамзина»[2]. Можно прибавить, что въ его слогѣ выразилась также его потребность въ гармоніи, въ музыкальности языка, потребность придать своей рѣчи тѣ мягкіе и нѣжные тоны, которые бы соотвѣтствовали самому настроенію его души. Это былъ опять новый элементъ рѣчи, котораго, по крайней мѣрѣ *въ прозѣ*, не было еще ни у кого изъ русскихъ писателей, и который пришелся такъ по вкусу тогдашняго русскаго общества. Ломоносовъ и его преемники обращались преимущественно къ уму и воображенію; Карамзинъ заговорилъ языкомъ сердца, и ему понадобилось новаго рода сладкозвучіе.

Слогъ не подлежитъ ни точному опредѣленію правилами, ни заимствованію; ему можно болѣе или менѣе удачно подражать, можно подъ него поддѣлываться; но онъ все-таки остается индивидуальною принадлежностью каждаго писателя[3]. Поэтому, оставляя въ сторонѣ *слогъ* Карамзина, обратимся теперь къ его *языку*, и здѣсь опять, прежде всего, припомнимъ, что языкъ вообще представляетъ двѣ стороны — *синтактическую* (строй рѣчи) и *лексическую* (составъ и формы языка).

«Было бы странно», замѣчаетъ справедливо г. Лавровскій, «говорить въ настоящее время о какомъ-то намѣренномъ сближеніи Карамзинымъ нашего языка съ французскимъ или англій-

---

[1] и [2] *Карамзинъ и его литературная дѣятельность*, стр. 41.

[3] Иногда слогъ, еще и теперь, принимается въ болѣе обширномъ смыслѣ, — какъ особенный складъ рѣчи, свойственный каждому языку (*О преподаваніи отечественнаго языка*, г. Буслаева, изд. 1844, ч. II, стр. 375). Но при анализѣ формы изложенія мыслей у отдѣльнаго писателя необходимо давать слогу болѣе тѣсное значеніе. Въ этомъ только смыслѣ вѣрно извѣстное замѣчаніе Бюффона, что *въ слогѣ весь человѣкъ* (Le style est tout l'homme).

скимъ»[1]. Дѣйствительно, нельзя принять, чтобъ онъ, какъ утверждали у насъ прежде и какъ нѣкоторые до сихъ поръ повторяютъ (со словъ Шевырева), *«сблизилъ* русскій языкъ *съ тѣми европейскими*, которые въ своей конструкціи слѣдуютъ простому и естественному порядку»[2]. Какъ же понимать признаніе Карамзина Каменеву, что онъ сначала *подражалъ иностраннымъ авторамъ?* Мы знаемъ, что Карамзинъ въ молодости восхищался первостепенными французскими, нѣмецкими и англійскими писателями. Читая въ то же время и русскія книги, онъ не могъ не чувствовать разности впечатлѣнія, какое тѣ и другія на него производили языкомъ своимъ. У однихъ онъ находилъ легкость, простоту, непринужденность изложенія, соединенныя съ изяществомъ, съ красотою; въ другихъ его непріятно поражали неровность языка, шероховатыя, часто грубыя выраженія, тяжелый строй рѣчи, неестественное словорасположеніе. Понятно, что онъ сталъ думать о томъ, какъ бы и русской рѣчи придать свойства, которыя производили бы такое же благопріятное впечатлѣніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ онъ сталъ подражать иностраннымъ писателямъ. Это никакъ не значитъ, чтобъ онъ въ строеніи русской рѣчи примѣнялся къ французскому или англійскому синтаксису. Замѣчая, что въ богатѣйшихъ литературахъ мало разницы между языкомъ книжнымъ и разговорнымъ образованнаго общества, онъ попалъ на справедливую мысль сблизить русскій письменный языкъ съ русскимъ разговорнымъ, не столько удалившимся отъ народнаго, какъ первый. Когда же разговорный языкъ не представлялъ достаточныхъ средствъ для выраженія новыхъ идей, Карамзинъ естественно призналъ необходимымъ прибѣгать или къ заимствованію готовыхъ иностранныхъ словъ, или къ образованію соотвѣтствующихъ русскихъ. Въ случаяхъ, когда русская разговорная рѣчь оказывалась не довольно обработанною, онъ совѣтовалъ и наоборотъ *говорить* такъ, какъ сталъ бы *писать* чело-

---

[1] *Карамзинъ и его литер. дѣят.*, стр. 41.

[2] *Рѣчи, произнесенныя въ университетѣ св. Владиміра*: «Карамзинъ, какъ преобразователь русскаго языка», рѣчь г. Линниченко, стр. 35.

вѣкъ съ талантомъ[1], то-есть, онъ старался въ подобныхъ случаяхъ такъ выражаться на письмѣ, чтобъ его языкъ годился и для разговора въ образованномъ обществѣ. Въ такомъ смыслѣ и Макаровъ, вполнѣ усвоившій себѣ понятія Карамзина въ этомъ дѣлѣ, говорилъ, что современные писатели стараются образовать *одинъ* языкъ «для книгъ и для общества, чтобы писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ»[2]. На исходную точку Карамзина въ стилистикѣ очень опредѣлительно указываютъ слѣдующія слова того же Макарова: «Фоксъ и Мирабо говорили отъ лица и передъ лицемъ народа, или передъ его повѣренными, такимъ языкомъ, которымъ всякой, естьли умѣетъ, можетъ говорить въ обществѣ; а языкомъ Ломоносова мы не можемъ и *не должны* говорить, хотя бы умѣли.... Есть *правила общія* для сочиненія на всѣхъ языкахъ.... есть *вкусъ*, который пріобрѣтается единственно посредствомъ сравненія.... Хотимъ сочинять фразы и производить слова по *своимъ* понятіямъ, *нынѣшнимъ*, умствуя какъ Французы, какъ Нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы»[3]. Какъ вѣрно здѣсь переданы мысли самого Карамзина, видно изъ словъ его въ академической рѣчи 1818 года: «Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса»[4].

Ясно, что прежде всего Карамзинъ озабоченъ былъ тѣмъ, чтобъ языкомъ своихъ сочиненій удовлетворять образованному эстетическому чувству: онъ захотѣлъ придать слогу *пріятность*, или изящество (élégance), писать *со вкусомъ*. Мы уже видѣли изъ собственныхъ его выраженій, что онъ находилъ «длинные» ломоносовскіе періоды «утомительными», расположеніе ихъ не «всегда сообразнымъ съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятнымъ для

---

[1] См. выше, стр. 96, отрывокъ изъ статьи: «Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?»

[2] *Московскій Меркурій*, декабрь 1803 г., стр. 180.

[3] Тамъ же, стр. 180, 183, 168, 170.

[4] Соч. Карамзина, т. III, стр. 649.

слуха». Было также показано, что до Карамзина господство ломоносовскаго синтаксиса въ русской прозѣ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ родовъ сочиненій, не прекращалось; иначе и быть не могло: Ломоносовъ еще всѣми былъ признаваемъ за образецъ языка и слога. Карамзинъ отнесся къ нему критически и высказалъ неодобреніе его стилистическихъ началъ. Въ противоположность имъ онъ считалъ нужнымъ:

1) Писать *недлинными, неутомительными* предложеніями.

2) Располагать слова *сообразно съ теченіемъ мыслей* и съ особыми *законами* языка. «Лучшій, то-есть истинный порядокъ», по замѣчанію Карамзина, «всегда *одинъ* для расположенія словъ; Русская грамматика не опредѣляетъ его: тѣмъ хуже для дурныхъ писателей!»[1].

Эти два правила относятся къ синтаксису, котораго упрощеніе, такимъ образомъ, совершилось въ сочиненіяхъ Карамзина вовсе не въ силу подражанія французскому или англійскому языку, а въ силу потребности русскаго ума и вкуса.

Были ли у Карамзина новые обороты? Нынѣшній читатель почти не замѣтитъ ихъ въ его сочиненіяхъ; между тѣмъ мыслящіе люди изъ его современниковъ, Макаровъ, Дашко́въ и др., находили у него новизну и въ этомъ отношеніи. Самъ онъ также высказалъ убѣжденіе, что писателю его времени нужно было нѣкоторое творчество въ выраженіяхъ, и сверхъ того прямо свидѣтельствовалъ (въ приведенномъ отвѣтѣ Каменеву) о самобытности своихъ оборотовъ. Ключемъ къ уразумѣнію этихъ показаній можетъ служить его же поясненіе, что надобно «предлагать слова въ новой связи, но такъ искусно, чтобъ скрыть отъ читателя необыкновенность выраженія». Величайшее искуство Карамзина, какъ стилиста, въ томъ и обнаружилось, что онъ безъ всякихъ повидимому усилій, безъ рѣзкихъ и разительныхъ нововведеній, рѣшилъ задачу мыслящаго писателя, имѣющаго дѣло съ неустановившимся и мало разработаннымъ литературнымъ языкомъ. Еще

---

[1] *Вѣстникъ Европы* 1803, № 15, и Соч. Карамзина, т. III, стр. 600.

и въ наше время всякій русскій писатель по опыту знаетъ, легка ли борьба мысли съ выраженіемъ на языкѣ, менѣе другихъ развитомъ; а между тѣмъ русскій языкъ послѣ Карамзина конечно ушелъ впередъ. Чтобъ оцѣнить заслугу Карамзина съ этой стороны, всего поучительнѣе опять сравнить его изложеніе съ тѣмъ, что̀ писалось другими до него и еще долго при немъ. Уже Макаровъ предлагалъ, вмѣсто длинныхъ толкованій о фразахъ, «сравнить два хорошихъ сочиненія *одного рода*, старое и новое, двухъ писателей одной степени», и для примѣра совѣтовалъ «взглянуть на три разные перевода одного мѣста Бюффона»[1]. Читая Карамзина со вниманіемъ даже въ первоначальныхъ изданіяхъ его сочиненій[2], мы по большей части бываемъ поражены только непринужденною простотою его оборотовъ, почти всегда согласныхъ съ нынѣшнимъ языкомъ. У него вовсе нѣтъ тѣхъ неловкихъ и странныхъ въ наше время выраженій, о которыя мы безпрестанно спотыкаемся у другихъ тогдашнихъ прозаиковъ. Вотъ почему современники Карамзина и находили его слогъ новымъ. Обыкновенно думаютъ, что въ болѣе раннихъ его сочиненіяхъ много галлицизмовъ. Между тѣмъ у него и въ первое время его журнальной дѣятельности очень рѣдко встрѣтится выраженіе, напоминающее иностранный оборотъ, да и тогда скорѣе замѣтно сходство съ нѣмецкимъ языкомъ, нежели съ французскимъ. Такъ въ Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II есть фраза: «Народы.... благодарны *противъ* (gegen) царей добродѣтельныхъ!»[3]. Къ числу не часто попадающихся у него галлицизмовъ можно отнести выраженія въ родѣ слѣдующихъ, которыя, впрочемъ, въ наше

---

[1] Макаровъ (*Моск. Мерк.*, дек., стр. 178) указываетъ для этого извѣстный монологъ, влагаемый Бюффономъ въ уста перваго человѣка, сознающаго свое бытіе, — въ переводахъ Малиновскаго, Лепехина и Карамзина. Читатели найдутъ начало всѣхъ трехъ переводовъ означеннаго мѣста въ Приложеніи IV-мъ къ этой статьѣ. Вслѣдъ за ними, въ Прил. V, помѣщены небольшіе отрывки изъ трехъ журналовъ 1790-хъ годовъ.

[2] Необходимое условіе для исторической оцѣнки его языка, потому что въ послѣдующихъ изданіяхъ онъ исправлялъ нѣкоторыя выраженія.

[3] Соч. Кар., т. I, стр. 378.

время сдѣлались почти общими: «дѣлать свободнымъ», «имѣть алчность къ богатству», «имѣть довѣренность», «*надобно* имѣть очень здоровую голову, *чтобы* отъ ихъ краспорѣчія не почувствовать въ ней боли»[1]. Стараніе Карамзина избѣгать несвойственныхъ русскому языку оборотовъ было такъ велико, что даже въ пріятельскихъ письмахъ онъ себѣ не позволялъ, безъ оговорки, употреблять выраженій, отзывающихся чужимъ происхожденіемъ. Такъ, еще въ 1793 г. онъ писалъ къ Дмитріеву: «Изъ политическихъ стиховъ можно и должно сдѣлать другое употребленіе (*прости мнѣ сей галлицизмъ*)»[2]. Такъ и въ Письмахъ Русскаго Путешественника: «Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, *какъ Французы говорятъ*, превосходилъ въ искуствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди»[3]. Выраженіе: *превосходить самого себя*, безъ оговорки, казалось Карамзину въ то время слишкомъ еще новымъ и смѣлымъ. Постепенное совершенствованіе языка въ отношеніи къ силѣ, выразительности и чисто-русскому характеру очень замѣтно въ сочиненіяхъ Карамзина. Онъ самъ заботился о томъ, и въ «эпилогѣ» къ *Московскому Журналу* обѣщалъ между прочимъ, что *Аглая*, которая заступитъ его мѣсто, «будетъ отличаться отъ него... вообще чистѣйшимъ, то-есть, болѣе выработаннымъ слогомъ; ибо», прибавлено къ этому, «я не принужденъ буду издавать ее въ срокъ».

Въ *Вѣстникѣ Европы* успѣхъ языка поразителенъ. Наблюдая характеръ карамзинской прозы съ синтактической стороны, мы придемъ къ заключенію, что новость ея для современниковъ состояла не столько въ томъ, что́ мы собственно разумѣемъ подъ *оборотами*, сколько въ цѣломъ строѣ его рѣчи, въ гладкости и чистотѣ ея, въ смѣлыхъ сочетаніяхъ и сопоставленіяхъ словъ,

---

[1] *Аглая* (2-е изд.), I, стр. 62, 69; II, стр. 108, 157. — Ср. нынѣшнее выраженіе: «Совѣщаніе слишкомъ много надѣлало шума, чтобъ остаться безъ послѣдствій» (*Спб. Вѣдом.* 1874, № 357).

[2] *Письма* къ Дмитріеву, стр. 38.

[3] *Аглая*. II, стр. 134.

въ живыхъ и яркихъ выраженіяхъ. Все это можно видѣть болѣе изъ совокупности его первыхъ сочиненій, нежели изъ отдѣльныхъ выраженій.

Приведу однакоже нѣсколько примѣровъ:

«Пришла весна, и благодѣтельныя *вліянія* сего прекраснаго времени года *возвратили* мнѣ друга; бальзамическія *испаренія* зеленѣющихъ травъ *освѣжили его сердце;* вмѣстѣ съ цвѣтами *разцвѣтала душа его*, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый *духъ* его *оперялся;* — «*знанія разливаются* какъ волны морскія»; — «помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда.... *ловили* въ исторіи всѣ благородныя *черты* души человѣческой», — «доказательство, что сердца ихъ *отверзались впечатлѣніямъ* изящнаго» [1]; — «такія великодушныя, безкорыстныя чувства трогательны для всякаго, еще *не мертваго душею* человѣка. Разныя *обстоятельства* измѣняли нашъ простой, добрый характеръ и *запятнали его* на время; видимъ людей, *углубленныхъ въ свою личность* и *холодныхъ для* всего народнаго» [2].

Въ отношеніи къ лексическому составу литературнаго языка, у Карамзина замѣчаются слѣдующіе элементы рѣчи:

1) Большее и большее ограниченіе нелюбимыхъ имъ славянизмовъ, рѣдкое заимствованіе изъ *церковно-славянскаго* языка словъ и формъ. Карамзинъ понималъ его отдѣльность отъ другого славянскаго языка, издревле употреблявшагося въ Россіи и получившаго (по его мнѣнію, отъ Норманновъ) названіе *русскаго*. Въ доказательство того онъ, еще въ 1803 году, противополагалъ переводъ Библіи языку Слова о Полку Игоревѣ. Но Карамзинъ ошибочно думалъ, что такое раздѣленіе древнеславянскаго языка произошло только вслѣдствіе перевода Св. Писанія. «Авторы и переводчики нашихъ духовныхъ книгъ», говоритъ онъ, «образовали языкъ ихъ совершенно по Греческому, наставили

---

[1] *Аглая*. I, 16, 55, 62; II, 64.

[2] *Вѣст. Евр.* 1803, № 8: «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей», стр. 326.— Въ дополненіе къ этому см. въ Приложеніи VI еще образчики карамзинскаго языка.

вездѣ *предлоговъ*, растянули, соединили многія слова, и сею *химическою операціею* измѣнили первобытную чистоту древняго Славянскаго». До сихъ поръ не видно еще ложнаго пониманія, но къ этому прибавлено: «Слово о Полку Игоревѣ, драгоцѣнный остатокъ *его*» (то-есть того же древняго славянскаго), «доказываетъ, что *онъ* былъ весьма отличенъ отъ языка нашихъ церковныхъ книгъ» [1]. Какъ бы ни было, Карамзинъ, а за нимъ и его послѣдователи очень хорошо понимали, что церковно-славянскій и русскій разные, хотя и имѣвшіе общее происхожденіе, языки. Смѣшеніе ихъ Дашковъ назвалъ *мнимымъ славянороссійскимъ языкомъ* [2]; Карамзинъ находилъ этотъ языкъ въ переводахъ Елагина и велъ отъ нихъ до своего времени особый періодъ русской прозы. Макаровъ прямо отвергалъ надобность церковно-славянской стихіи даже въ высокомъ слогѣ: «Высокій слогъ», говоритъ онъ, «долженъ отличаться не словами или фразами, но содержаніемъ, мыслями, чувствованіями, картинами, цвѣтами поэзіи» [3]. Само собою разумѣется, что это мнѣніе не могло быть осуществлено во всей своей крайности, по тѣсному племенному родству и историческому сочетанію обоихъ языковъ. Въ прозѣ высшаго настроенія, у самого Карамзина, славянская стихія никогда не исчезаетъ вполнѣ, и какъ ни мало онъ ею пользуется уже въ началѣ своего поприща, но въ болѣе раннихъ трудахъ его есть еще такія черты ея, которыя лишь впослѣдствіи пропадаютъ (напр. «осьмой на десять» вѣкъ, окончаніе *ыя* въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ женскаго рода). Задача состояла только въ вѣрномъ проведеніи границы, до которой эта стихія можетъ быть допущена. Удаляя изъ своихъ сочиненій устарѣлыя слова, Карамзинъ еще въ *Московскомъ Журналѣ* порицалъ ихъ, когда они встрѣчались ему у другихъ писателей (доказательство, что исключеніе изъ языка церковно-славянской примѣси не совершилось

---

[1] *Вѣст. Евр.* 1803, № 13: «О русской грамматикѣ Француза Модрю».
[2] *Легчайшій способъ*, стр. 3.
[3] *Моск. Меркурій*, дек. 1803, стр. 181.

задолго до Карамзина). Такъ онъ охуждалъ слова: *учинить*, *изрядство*, *обращенія* (во множественномъ числѣ) и мн. др. Такъ онъ съ самаго начала пересталъ употреблять въ прежнемъ смыслѣ слова: *изрядный* (вм. превосходный), *подлый*[1] (вм. низкій по происхожденію), а впослѣдствіи и *довольный* (вм. *достаточный*), *упражняться*, *упражненіе* (вм. заниматься, занятіе). Это было конечно дѣломъ отрицательнымъ, но оно имѣло свою великую важность для слога, а притомъ сопровождалось и положительною замѣной такихъ словъ другими, болѣе точными или болѣе соотвѣтствовавшими духу новаго времени. Уже тогда Карамзинъ охуждалъ также (хотя еще только въ комедіяхъ) употребленіе мѣстоименій *сей* и *оный*[2].

2) Введеніе иностранныхъ словъ для новыхъ понятій. «Нѣкоторыя чужестранныя слова», объяснялъ Макаровъ, «совершенно необходимы; ими только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (Французское, Арабское, Нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно.... Потерять счатливую мысль, или выразить ее слабо, для нѣкоторой чистоты языка, будетъ непростительное педанство[3]. Впрочемъ, Карамзинъ никогда не позволялъ себѣ необдуманнаго излишества въ употребленіи иностранныхъ словъ. Правда, что въ первыхъ его сочиненіяхъ они попадаются чаще нежели въ позднѣйшихъ, и даже въ первоначальныхъ ихъ изданіяхъ чаще нежели въ послѣдующихъ, однакожъ уже въ *Московскомъ Журналѣ* Карамзинъ одобрялъ счастливый *переводъ* научныхъ терминовъ; слѣдовательно, онъ не былъ противъ развитія языка путемъ образованія новыхъ словъ отъ собственныхъ его корней. Такъ, разбирая переводъ Естественной Исторіи Бюффона, сдѣланный Румовскимъ и Лепехинымъ, онъ замѣтилъ: «Самыя труднѣйшія

---

[1] Слово *подлый* въ этомъ значеніи встрѣчается еще во время *Моск. Журнала.* Такъ, въ изданіи *Дѣло отъ бездѣлья* 1792 г. (ч. I, стр. 95) говорится: «...пѣвцовъ, которые знакомы ученому свѣту, а болѣе *подлому* народу».

[2] *Моск. Журн.*, ч. I, стр. 357.

[3] *Моск. Меркурій*, дек., стр. 166.

физическія слова перевели они въ сей части весьма удачно»[1]. Но при этомъ онъ, разумѣется, требовалъ точности, и потому, похваливъ вообще счастливую попытку переводчиковъ, онъ указалъ нѣкоторыя слова, которыя, по его мнѣнію, «могли быть иначе переведены»; именно ему не понравилось, что они перевели: jurisconsultes *правовѣдцы*, classes *статьи*, ordres *семейства*, minéraux *ископаемыя*, subdivision *подраздѣленіе*. Разсматривая подробно каждое изъ этихъ словъ, онъ между прочимъ говоритъ: «Я не знаю, для чего бы minéraux не назвать минералами; сіе слово извѣстно всѣмъ тѣмъ, которые и никакихъ иностранныхъ языковъ не знаютъ. Названіе *ископаемыя* скорѣе могло бы означать fossiles, *фоссиліи*, слово не столь уже извѣстное въ Русскомъ языкѣ, какъ минералы. Какъ же мы будемъ переводить eaux minérales? Къ тому же минералы лежатъ и на поверхности земли: слѣдственно ископаемость не есть общій отличительный характеръ ихъ. Что принадлежитъ до *подраздѣленія*, то Русскому трудно понять, какъ можно что нибудь *подраздѣлять:* не лучше ли было бы сказать, вмѣсто *подраздѣленіе*, *передѣленіе*»[2]? Послѣдній вопросъ время рѣшило противъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе эти строки замѣчательны, показывая, какъ онъ вообще вдумывался въ значеніе словъ и какъ смотрѣлъ на замѣну иностранныхъ названій русскими, которую въ принципѣ одобрялъ: мы видимъ отсюда, что и чужеязычныя слова допускалъ онъ не безъ разбора, требуя, между прочимъ, чтобъ они не слишкомъ поражали слухъ своею новизною. Иногда онъ предпочиталъ иностранное слово потому, что оно опредѣленнѣе русскаго; такъ, въ одной рецензіи онъ спрашиваетъ, зачѣмъ не сказано *публичный* вмѣсто *всенародный*[3]. Нѣкоторыя французскія слова, встрѣчающіяся у прежнихъ писателей, отвергнуты имъ, напримѣръ: *резонъ, эстима, консидерація, универсальная апробація*, употреблявшіяся Фонъ-Визинымъ. Въ Письмахъ Русскаго Путешественника онъ посто-

[1] *Москов. Журн.*, ч. I, стр. 242.
[2] Тамъ же, стр. 246.
[3] Тамъ же, ч. IV, стр. 111.

янно пишетъ *приборы* вмѣсто *мебель*, слово, только въ позднѣйшіе годы принятое имъ во французской формѣ (*мёбли*, множ. ч.); тамъ же вмѣсто *мёблированный* онъ пишетъ *прибранный*. Многихъ иностранныхъ словъ, впослѣдствіи вторгнувшихся въ языкъ, Карамзинъ вовсе не допускалъ. Такъ вмѣсто полюбившагося въ наше время *факта* онъ иногда употреблялъ *случай;* напримѣръ, въ статьѣ *О тайной канцеляріи:* «.... могъ ли г. Шлецеръ не усомниться въ истинѣ такого случая (fait)?»[1]. Слова́: *моральный*, *интересный*, *натура* (которое онъ употреблялъ попеременно съ словомъ «природа», но кажется, отличалъ въ каждомъ особые оттѣнки) и многія другія впослѣдствіи замѣнялись у него русскими: *нравственный*, *любопытный*, *занимательный для любопытства* и т. п. Однакожъ, изъ всѣхъ обвиненій Шишкова упрекъ въ употребленіи французскихъ словъ наиболѣе подходитъ къ истинѣ; Карамзинъ принялъ его къ свѣдѣнію, и насколько было возможно, исправился отъ этого недостатка. Галлицизмы, въ которыхъ его укоряли, состояли почти исключительно въ отдѣльныхъ словахъ.

3) Сообщеніе прежнимъ словамъ новаго значенія. Эту сторону обращенія Карамзина съ языкомъ лучше всего объяснилъ самъ Шишковъ, указавъ въ его сочиненіяхъ новое употребленіе словъ *потребность* и *развитіе*. Вмѣстѣ съ первымъ изъ нихъ онъ осудилъ и цѣлое выраженіе, которое показалось ему не русскимъ: «путешествіе сдѣлалось потребностію души моей». Что касается до слова *развитіе*, то въ тогдашнемъ академическомъ словарѣ его нѣтъ вовсе, а есть только глаголъ *развиваю* и причастіе *развитый* въ собственномъ, чисто вещественномъ смыслѣ[2]. Примѣровъ употребленія извѣстныхъ словъ въ новомъ, распространенномъ или болѣе опредѣленномъ значеніи можно найти у него не мало. Такъ онъ вводитъ слово *образъ* въ примѣ-

---

[1] *Вѣстн. Евр.* 1803, № 6, стр. 123. Ср. тамъ же, стр. 229: «они сохранили нить случаевъ».

[2] «Свернутое что въ клубъ развертываю, раскатываю; свитое, заплетенное, закрученное, вертя въ противную сторону, разнимаю, раскручиваю, раз-

неніи къ поэзіи; называетъ situations въ драмѣ *положеніями*, Flickwort (cheville) *подставнымъ словомъ;* говоритъ о *выработанномъ* слогѣ и языкѣ; находитъ, что лучше сказать: «всѣ части учености *обработываются*, нежели *воздѣлываются*»[1]. Онъ же первый употребляетъ во множествомъ числѣ слово *вкусъ*[2], которое Шишковъ такъ преслѣдовалъ «въ смыслѣ разборчивости, потому что наши предки, вмѣсто *имѣть вкусъ*, говорили *толкъ вѣдать*, *силу знать*.

4) Составленіе новыхъ словъ. Насильственное составленіе новыхъ словъ было несогласно съ характеромъ всего существа Карамзина и могло бы только мѣшать тому дѣйствію, какое онъ стремился сообщить своей рѣчи. Поэтому естественно, что новыя имъ составленныя слова встрѣчаются у него рѣдко, и наиболѣе смѣлыя изъ нихъ сопровождаются оговоркой. Таковы употребленныя имъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника *промышленность*[3] и *достижимая*[4] цѣль; кромѣ того онъ тамъ же замѣтилъ, что *тротуары* можно по-русски назвать *намостами*[5].

Какъ смотрѣлъ онъ на творчество въ языкѣ, на «непосредственное обогащеніе» его, видно изъ собственнаго размышленія его объ изобрѣтеніи словъ. «Они», говоритъ онъ въ своей академической рѣчи, «раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка, или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова входятъ въ языкъ самовластно»[6]. Чѣмъ безыскуственнѣе новосоставлен-

---

сучиваю, расплетаю»; — «раскрученный, расплетенный, разсученный, распустившійся». (*Слов. Ак. Рос.*, ч. I. Спб. 1789).

1 *Москов. Журн.*, ч. VI, стр. 232, 41; II, 209; VIII, 336; VI, 177; III, 222.

2 *Аглая.* I, стр. 11: «одинакіе вкусы».

3 *Москов. Журн.*, ч. III, стр. 298, съ выноскою: «Не можетъ ли сіе слово означать латинскаго industria, или французскаго industrie?» (Соч. Кар. т. II, стр. 168). Вспомнимъ, что уже существовали и были употребительны слова: *промыселъ, промышлять, промышлёный, промышленикъ* (послѣднее соотвѣтствовало старинному *промысленникъ*). См. *Словарь Росс. Ак.*

4 «То-есть, до которой достигнуть можно; я осмѣлился по аналогіи употребить это слово». (Соч. Кар. т. II, стр. 244).

5 Тамъ же, стр. 680.

6 Соч. Кар., т. III, стр. 644.

ное слово, чѣмъ оно сообразнѣе съ прежними, чѣмъ менѣе бросается въ глаза, тѣмъ легче оно входитъ въ языкъ и тѣмъ прочнѣе въ немъ утверждается. У Карамзина разсѣяно много новыхъ или, по крайней мѣрѣ, до него не установившихся словъ этого рода, изъ которыхъ одни по простотѣ своей остались незамѣченными и не попали въ словари, какъ напр., *общественность*, *младенчественный*, *всемѣстный* (см. повсемѣстный), *всетворящій*, *оттѣняемый*, *живодѣтельный*[1] (вм. животворный); другія сдѣлались общимъ достояніемъ, напримѣръ *усовершенствовать*[2], *человѣчный*[3], *общеполезный*[4]. Для выраженія множества понятій Карамзинъ рано почувствовалъ недостаточность существующаго запаса словъ русскаго языка, и еще во время своего путешествія, намѣреваясь переводить книгу Боннета, говорилъ въ письмѣ къ автору ея о необходимости составлять при томъ, по примѣру Нѣмцевъ, новыя слова[5]. Мы уже видѣли опытъ исполненія такой мысли надъ замѣткой Лафатера. И въ послѣдующихъ переводахъ Карамзина встрѣчаются слова частью новыя, подобныя выписаннымъ, частью прежнія, но съ новыми оттѣнками значенія или въ новомъ примѣненіи, при чемъ онъ иногда ставитъ въ скобкахъ подлинное слово. Примѣры послѣдняго случая были уже приведены выше; можно прибавить къ нимъ еще нѣсколько: *общія положенія* (въ законодательствѣ, dispositions générales), *отношенія* (rapports[6]), *тонкости*, *отвлеченія* и др.

Таковы были неологизмы Карамзина до «Исторія Государства Россійскаго», въ которой онъ, какъ извѣстно, сталъ болѣе и болѣе оживлять свое изложеніе словами, заимствованными изъ лѣтописей. При всей осмотрительности въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ однакоже далъ значительный толчекъ лексическому развитію и обогащенію языка, и Шишковъ въ своемъ *Разсужденіи* съ до-

---

[1] *Аглая.* I, стр. 38, 34; II, 65, 86, 90.
[2] Тамъ же, стр. 88.
[3] См. выше, стр. 95, переводъ изъ Лафатера.
[4] *Вѣстн. Евр.* 1803, № 8, «О вѣрномъ способѣ имѣть учителей».
[5] Соч. Кар., т. II, стр. 345 (*Моск. Журн.*, ч. VI, стр. 350).
[6] *Вѣстн. Евр.* 1802, № 2, стр. 83. № 3, стр. 71.

садою замѣтилъ: «Академическій Словарь нашъ хотя и недавно сочиненъ, однако послѣ того уже такое множество новыхъ словъ надѣлано, что онъ становится обветшалою книгою, не содержащею въ себѣ новаго языка»[1]. Положимъ, что между вновь появившимися словами было большое число неудачно скованныхъ подражателями Карамзина и потому непрочныхъ; однако жалоба Шишкова, какъ и прежде уже произнесенная Подшиваловымъ (см. выше, стр. 84 и 85), показываетъ, какъ сильно было движеніе, возбужденное въ литературѣ примѣромъ Русскаго Путешественника.

Въ началѣ настоящей статьи были приведены отзывы: трехъ свидѣтелей этого движенія о значеніи Карамзина въ исторіи нашей письменной рѣчи. Для дополненія данныхъ къ сужденію по этому предмету припомнимъ показанія двухъ близкихъ къ Карамзину лицъ. Дашко́въ, не называя его, говорятъ однакоже съ явною о немъ мыслію: «Языкъ можетъ образоваться не словами, но твореніями хорошихъ писателей, которые даютъ словамъ *новый вѣсъ* и *значеніе*, *опредѣляютъ просодію* языка» (то-есть, теченіе рѣчи) «и обогащаютъ оный множествомъ *выраженій* и *оборотовъ*, служащихъ къ изображенію новыхъ понятій, извѣстныхъ однимъ просвѣщеннымъ народамъ»[2]. Еще гораздо важнѣе однородное свидѣтельство Дмитріева. Раздѣливъ исторію нашего книжнаго языка на два періода, онъ считаетъ началомъ второго изъ нихъ послѣднее десятилѣтіе царствованія Екатерины II. Къ ученикамъ Ломоносова относитъ онъ между прочими Елагина и Фонъ-Визина, которые, по словамъ Дмитріева, «захотѣли сами быть начальниками школы. Первый обратился къ *славянчизнѣ*... другой, хотя и съ бо́льшимъ вкусомъ, полагалъ, будто въ высокомъ слогѣ надлежитъ мѣшать русскія слова съ славянскими и для благозвучія наблюдать нѣкоторый размѣръ, называемый у Французовъ *кадансированною прозою*.... Послѣдователи ихъ захотѣли

[1] *Разсужд.*, стр. 69.—Всѣ ссылки на эту книгу здѣсь по изданію 1818 г., согласному впрочемъ, за исключеніемъ предисловія, съ изд. 1803.

[2] *Легч. способъ*, стр. 60.

перещеголять своихъ учителей и уже начали еще болѣе употреблять славянскія реченія и обороты[1].... «Въ такомъ состояніи», продолжаетъ Дмитріевъ, «находилась наша словесность, когда Карамзинъ...., возвратясь изъ Парижа и Лондона, выступилъ на авторское поприще. *Обдуманная система уже предшествовала его началу:* вникая въ свойство языка и въ тогдашній механизмъ нашего слога, онъ находилъ въ послѣднемъ какую-то пестроту, неопредѣленность и вялость или запутанность, происхождящія отъ раболѣпнаго подражанія синтаксису не только славянскаго, но и другихъ, древнихъ и новыхъ, европейскихъ языковъ, и по *зрѣломъ размышленіи пошелъ своей дорогой* и началъ писать языкомъ, подходящимъ къ *разговорному образованнаго общества* семидесятыхъ годовъ, когда еще родители съ дѣтьми, Русскій съ Русскимъ не стыдились говорить на природномъ своемъ языкѣ[2]; въ составленіи частей періода употреблять возможную сжатость и притомъ воздерживаться отъ частыхъ союзовъ и мѣстоименій: *который* и *которыхъ*[3], а въ добавокъ еще и *коихъ*, наконецъ наблюдать естественный порядокъ въ словорасположеніи... Съ того времени такъ-называемый высокій, полуславянскій слогъ и растянутый, вялый средняго рода, стали мало по малу выходить изъ употребленія»[4]. Присоединимъ къ этому еще признанія молодыхъ писателей начала нынѣшняго вѣка (особенно Макарова и Дашкова), которые, разумно слѣдуя тѣмъ же указаніямъ и содѣйствуя къ утвержденію *новаго слога*, открыто провозглашали Карамзина своимъ учителемъ.

---

[1] Здѣсь Дмитріевъ называетъ нѣсколькихъ переводчиковъ (см. выше, стр. 76).

[2] На этомъ же самомъ основаніи и Подшиваловъ въ своемъ *Курсѣ росс. слога* говоритъ, что свойства русскаго языка «можно болѣе примѣтить изъ *обращенія съ людьми не знающими кромѣ Русскаго никакого другаго языка.* (*Сокращ. курсъ русск. слов.*, стр. 28).

[3] Точно такъ же Подшиваловъ совѣтуетъ «не избѣгать употребленія причастій, которыя болѣе Россійскому языку свойственны, нежели безпрестанное: который, который» (тамъ же, стр. 52, 53).

[4] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 86.

Изслѣдовяніе привело насъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ показаніями современниковъ Карамзина. Сущность этихъ заключеній можетъ быть представлена въ слѣдующихъ общихъ и краткихъ выводахъ:

Карамзинъ былъ недоволенъ языкомъ, который онъ засталъ въ литературѣ, приступая къ самостоятельной дѣятельности.

Онъ захотѣлъ писать иначе.

Онъ захотѣлъ писать такъ же «пріятно», то-есть сообразно съ здравымъ вкусомъ, изящно, какъ пишутъ лучшіе иностранные авторы.

Для этого онъ принялъ въ руководство не французскій или англійскій синтаксисъ[1], а русскій разговорный языкъ, развивая и обогащая его по возможности изъ собственныхъ его началъ, но въ случаѣ надобности заимствуя изъ другихъ языковъ отдѣльныя слова, иногда же и обороты, не противные духу русскаго языка.

Устранивъ господствовавшее прежде словосочиненіе съ частыми славянизмами, онъ отбросилъ также все шероховатое, грубое, устарѣлое.

Новый, такимъ образомъ, по своему строю, а отчасти и по составу языкъ его былъ новъ также по своей строгой правильности логической и грамматической, по точности и опредѣленности словъ и выраженій, по установленію твердыхъ началъ въ словоуправленіи[2].

Сверхъ того и слогъ Карамзина былъ новъ по своей пластичности, по богатству образовъ и живописи выраженій, въ кото-

[1] Уже одинъ изъ критиковъ Шишкова опровергалъ его мнѣніе, будто новые писатели начали *вновь созидать* русскій языкъ на *скудномъ основаніи французскаго*: «Я всегда думалъ», говоритъ этотъ критикъ, «что лучшіе наши писатели и переводчики заимствуютъ изъ Французскаго и другихъ языковъ только нѣкоторыя слова и выраженія» и проч. (*Сѣв. Вѣстникъ*, 1804, ч. I, стр. 19).

[2] Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательна, напримѣръ, по внимательности къ требованіямъ языка, фраза Карамзина: «слѣдовалъ ихъ *волѣ* и *за* ихъ *знаменами*» (*Вѣстн. Евр.* 1803, № 5: «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи»).

рыхъ слова являлись въ новой связи, въ новыхъ счастливыхъ сочетаніяхъ.

Такъ возникла въ первый разъ на русскомъ языкѣ проза ровная, чистая, блестящая и музыкальная, въ выразительности и изяществѣ не уступавшая прозѣ самыхъ богатыхъ литературъ Европы.

Эта проза имѣла еще свои недостатки; иногда ей вредила нѣкоторая искуственность, имѣвшая цѣлію удовлетворить особеннымъ, своенравнымъ требованіямъ слуха. И замѣчательно, что такой недостатокъ развился наиболѣе въ послѣдній и самый важный періодъ дѣятельности Карамзина. Высшей степени простоты и естественности проза его достигла въ *Вѣстникѣ Европы* (если исключить «Мароу Посадницу»).

Карамзинъ далъ русскому литературному языку рѣшительное направленіе, въ которомъ онъ еще и нынѣ продолжаетъ развиваться.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ:

КАРАМЗИНЪ ВЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

I. (Къ стр. 70.)

ОТРЫВКИ ИЗЪ РѢЧЕЙ, ПРОИЗНЕСЕННЫХЪ ПРОФЕССОРАМИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СЪ 1787 ПО 1805 ГОДЪ.

1. Изъ «Слова похвальнаго Екатеринѣ Второй», Зыбелина, произнесеннаго при окончаніи 25-ти-лѣтія ея царствованія, 30-го іюня 1787 года:

«Хочу упомянуть о томъ, что легко бы, хотя и не простительно, упустить было можно. Какъ пріобыкшіе къ истекающимъ всегда отъ солнца благодѣяніямъ, едва или рѣдко оныя воспоминаютъ, хотя и главное вся природа отъ него получаетъ оживленіе: равнымъ образомъ милосердіе Всемилостивѣйшей нашей Монархинѣ толь есть свойственно и толь всѣмъ намъ оное извѣстно и обыкновенно, что во множествѣ щедротъ, безпрестанно изливаемыхъ, какъ въ обыкновеніе вшедшее, древнее и самоперсвѣйшее двадцатипятилѣтняго благополучнаго Ея царствованія благодѣяніе, могло бы изъ памяти вытти; но благодарность многихъ тысящей обязанныхъ, наполняющая безпрестанно всѣхъ слухъ, заставляетъ чувствительное сердце провозвѣстить, или по крайней мѣрѣ повторить, какъ первой знакъ чадолюбивой Матери сіе Ея милосердіе, разумѣю, вѣрно служившимъ благодѣтельное по жизнь содержаніе и награжденіе» (*Рѣчи профессоровъ Москов. унив.*, ч. I, стр. 145).

2. Изъ Слова Страхова «О вліяніи наукъ въ общее и каждаго человѣка благоденствіе», произнесеннаго 30-го іюня 1788 года:

«Торжественное воспоминаніе знаменитыхъ происшествій тѣмъ живѣйшею радостію и усердіемъ наполняетъ сердца празднующихъ, чѣмъ

большихъ благъ оныя учинились причиною. Съ какимъ же чувствіемъ радости, усердія и благодарности ко Всевышнему долженствуютъ всѣ сыны отечества торжествовать благословенный день восшествія на Всероссійскій Престолъ Всеавгустѣйшія нашея Монархини! ибо коликихъ благъ источникомъ для Россіи учинилось сіе важное и во вѣки незабвенное происшествіе! Коль великія и неизреченныя милости всещедрая Десница Творца изліяла на насъ, оправдавъ царствовати надъ нами Великую Екатерину»! (Тамъ же, ч. II, стр. 228).

3. Изъ Слова Брянцева «О связи вещей во вселенной», произнесеннаго 30-го іюня 1790 года:

«Естьли, по мнѣнію общему, Государи, получившіе отъ Бога величество, власть и силу, суть на земли изображеніемъ Божества, благодѣянія свои человѣческому роду священными ихъ дланьми подающаго: то въ такомъ случаѣ всѣ ихъ дѣйствія нераздѣльнымъ соединены союзомъ съ пользою ввѣренныхъ имъ народовъ; и естьли отъ нападенія внѣшнихъ враговъ преоруженіе мужествомъ и силою, для безопасности отъ сограждань огражденіе законами и правосудіемъ, для изгнанія невѣжества распространеніе знаній клонятся къ единой цѣли, т. е. къ благосостоянію общества: то въ дѣлахъ Государей, къ единому концу стремящихся, не ясно ли усматриваемъ взаимную связь? Чего для всеподданнѣйше свидѣтельствуя нашу благодарность Августѣйшей Монархинѣ и мыслями нашими благопримѣняясь къ связи, въ дѣйствіяхъ Ея находящейся, торжествующему нынѣ съ нами собранію намѣренъ я въ посильномъ разсужденіи предложить о *«связи вещей во вселенной»* (Тамъ же, ч. III, стр. 17).

4. Изъ Слова Чеботарева, произнесеннаго въ 1800 году по случаю кончины И. И. Шувалова:

«... И потому, не возносясь дерзновенно выше сферы нашей и не касаясь тѣхъ отличныхъ добротъ, тѣхъ высокихъ министерскихъ, да тако скажу, и государственныхъ свойствъ патріотическаго духа, — которыя даровали Меценату нашему то, чего и самая превратность щастія похитить у него была не въ силахъ; — которыя въ теченіи цѣлаго полувѣка сохранили къ нему благоволеніе четырехъ великихъ нашихъ Государей; — которыя и проч.» ...«но оставляя все сіе, яко нѣчто великое и кругу нашихъ свѣдѣній несоразмѣрное, — ограничу себя, Слушатели, тѣмъ, что мѣсту сему приличнѣе, что намъ и всякому благомыслящему любезнѣе; — ограничу себя, при открытіи печальной сей бесѣды, простымъ и *краткимъ показаніемъ* тѣхъ только *отличительныхъ добротъ нашего Мецената* и тѣхъ услугъ его къ отечеству, — которыя въ лѣтописяхъ Рускихъ, предавъ

имя *Шувалова* безсмертію, за любовь его къ Наукамъ, за одобреніе и распространеніе ихъ въ отечествѣ нашемъ, память его содѣляютъ любезною во всѣ грядущіе роды, доколѣ слава Россіи, слава Мудрыхъ, Человѣколюбивыхъ ея Монарховъ, — и слава самихъ Наукъ пребудутъ въ подсолнечной» (Тамъ же, ч. I, стр. 332).

5. Изъ Слова Сохацкаго «На полувѣковой юбилей Московскаго университета», произнесеннаго 30-го іюня 1805 года:

«Но и гдѣ жь — скажите! гдѣ есть толико великодушныя, несравненныя, истинно царственныя способствованія народному просвѣщенію, какъ въ высокомъ примѣрѣ зиждущихъ благоденствіе Россіи мудрыхъ ея и благопромыслительныхъ Государей? Благословенны будутъ сердцами Россовъ священныя имена Ихъ навѣки!...

«Радостотворныя мыслы и чувствованія!...

«Здѣсь, погрузясь въ глубокомъ безмолвіи, надлежало бы совсѣмъ остановиться, и исчисляя мысленно спасительныя отъ того послѣдствія, предаться всею душею пріятнымъ и неизъяснимымъ чувствіямъ сердечной благодарности, заключить предъ вами, Почтеннѣйшіе Слушатели, краткое сіе, по приличію торжества нашего изображеніе.

«Но се! — Геній-Покровитель Наукъ, коего именемъ вся Европа и цѣлый свѣтъ гордится, предъ коимъ осчастливленная Россія съ восхищеніемъ благоговѣетъ; — се! Великій въ чистой, небесной добротѣ своей Александръ I, о семъ торжествующемъ университетѣ, въ сей самый вѣчно достопамятный годъ, въ Высочайше дарованной Грамотѣ являетъ отъ Престола свѣту и потомству несказанное Монаршее благоволеніе», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 92).

II. (Къ стр. 75.)

ЗАМѢЧАНІЯ КАРАМЗИНА О ЯЗЫКѢ, ИЗЪ РАЗБОРОВЪ ЕГО, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ЖУРНАЛѢ (1791 И 1792 ГОДОВЪ).

1. Изъ разбора комедіи *Оптимистъ*:

«Что принадлежитъ до перевода піесы, то онъ чистъ и гладокъ. Только занемногія выраженія покритиковать можно. Напримѣръ: *Естьли бы я захотѣлъ къ слову прицѣпиться, я бы больно его этимъ убилъ*. Прицѣпкою людей не убиваютъ; а это еще говоритъ оптимистъ, который вообще такъ краснорѣчивъ. — *Кажется, чувствую какъ бы новую сладость жизни*, говоритъ Извѣда; но говорятъ ли такъ молодыя женщины? *Какъ бы* здѣсь очень противно.

«*Я имѣлъ съ собою Руссо.* Это слишкомъ по-французски. *Какъ безстрашно онъ вдавался въ огонь!* Въ огонь можно броситься, а *вдаваться* въ него такъ же нельзя, какъ и въ воду. — *Человѣкъ при самомъ уже рожденіи плачетъ и производитъ вопли.* Производить вопли! — *Оно* (воспоминаніе) *ничего произвесть не можетъ, развѣ учинитъ навсегда меня несчастною.* Здѣсь и галлицизмъ и славянизмъ вмѣстѣ. Любезная Премила, которая это говоритъ, перевела съ Французскаго: il ne fera que; а *развѣ* — въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово здѣсь употреблено — и *учинить*, вмѣсто сдѣлать, нельзя сказать въ разговорѣ, а особливо молодой дѣвицѣ. — *Я буду жить*, говоритъ Зланѣтъ, *посреди милой жены и моей дочери.* Лучше бы было сказать: «я буду жить съ милою моею женою и дочерью», — а то здѣсь сообщается какая-то нехорошая идея. — Я сказалъ все то, что замѣтилъ. Естьли бы переводъ вообще не такъ хорошъ былъ, кто бы захотѣлъ имъ заниматься»?

Тамъ же о содержаніи: «Тутъ также видно что-то не Русское»; далѣе о неестественности названій Зланѣтъ, Буремыслъ, Милоумъ и проч. и о необходимости ввести въ комедію имена и отчества (*Московскій Журналъ*, ч. I, стр. 232—235).

2. Изъ разбора перевода *Краткой исторіи королевской шведской фамиліи:*

«Что касается до перевода, то для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ; а Рускому, казалось бы, нельзя было написать: «У Петерсберга *раззорены* были Баннеромъ 12 полковъ», или: «Крѣпость, которая стоила Императору *столько тысячи* людей» или: На Нѣмецкой колокольнѣ *учреждены были куранты*» (Тамъ же, ч. II, стр. 84).

3. Изъ разбора перевода *Генріады:*

«Здѣсь надобно не только выразить мысли Поэтовы, но и выразить ихъ съ такою же точностію, съ такою же чистотою и пріятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе поэма потеряетъ почти всю свою цѣну. Но какія препятствія надобно переодолѣть переводчику! Кромѣ нѣкоторой *негибкости* нашего языка, мѣра и риѳма составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Рускаго, преодолѣть могъ... 2-й переводъ сей поэмы (такъ же какъ и 1-й, *вышедшій* за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Петербургѣ) ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Читатель позволитъ мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ онаго и сравнить ихъ съ подлинникомъ».

Выписавъ начало подлинника, Карамзинъ приводитъ и первые шесть стиховъ перевода:

Пою Героя, кто, разрушивши коварство,
Оружіемъ досталъ Французско государство;
Кто долго странствуя межъ сопротивныхъ силъ,
Наслѣдіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Злыхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель.

Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Число стиховъ то же; но есть ли въ переводѣ гладкость, опредѣленность, пріятность, сила оригинала?—Въ первомъ полустишіи, вмѣсто *кто*, надлежало бы, по Грамматикѣ, употребить возносительное мѣстоименіе *которой*. — Откуда зашло въ первый стихъ *коварство?* Въ оригиналѣ его нѣтъ. Да и можно ли *разрушить коварство?* — Второй стихъ таковъ, что иной не захочетъ уже и читать далѣе. *Достать Французско государство!* Къ тому же здѣсь не выражено того, что Французская корона принадлежала Генрику и по праву наслѣдственности. Подъ *сопротивными силами* не льзя разумѣть ничего инаго, кромѣ непріятельскихъ войскъ; и такъ Генрихъ долго странствовалъ между непріятельскими войсками? Но Вольтеръ и не думалъ сказать сего. *Нещастія*, говоритъ онъ, научили его *царствовать*... Confondit значитъ *постыдилъ*, а не *гналъ:* съ чего же въ пятомъ стихѣ перевода названъ Генрихъ гонителемъ, и притомъ Гишпанцевъ? Сего не узнаешь и тогда, когда всю поэму прочитаешь. Въ шестомъ стихѣ не выражено того, что король *побѣдилъ* своихъ подданныхъ, и *потомъ* сталъ ихъ отцемъ. *Покровитель* есть здѣсь ничто иное, какъ *подставное* слово (или, какъ Нѣмцы говорятъ, Flickwort), не сообщающее никакой новой идеи послѣ *отца*».

Сравнивъ еще нѣсколько мѣстъ въ подлинникѣ и въ переводѣ, Карамзинъ такъ заключаетъ:

«Конечно, во всякой пѣсни сей Руской Генріады можно найти нѣсколько хорошихъ стиховъ; но отъ переводчика такой поэмы, какъ Генріада, требуется, чтобы онъ *все* перевелъ хорошо, или по крайней мѣрѣ *почти* все». (Тамъ же, ч. II, стр. 207—214).

4. Изъ разбора перевода *Неистоваго Роланда.*

.... «Рецензентъ съ своей стороны *желаетъ* того, чтобы слогъ былъ въ нихъ (въ слѣдующихъ частяхъ) еще правильнѣе и чище, нежели въ первой, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются такія выраженія: «Онъ клялся, что *не иной какой* шишакъ будетъ прикрывать его голову, *какъ не тотъ*, который Роландъ нѣкогда отнялъ» и проч. «Графъ былъ *не меньше* учтивъ и человѣколюбивъ, *сколько* былъ храбръ» и проч. «Въ слѣдствіе чего, дабы» и проч. (Это слишкомъ по-приказному, и очень противно въ устахъ та-

кой женщины, которая, по описанію Аріостову, была прекраснѣе Венеры).—«Она (т. е. Аріостова Комедія) изъ числа самыхъ вольныхъ Аристофановыхъ Комедій...» (Естьли піеса Аріостова, то она не можетъ быть изъ числа Аристофановыхъ піесъ. Надлежало бы сказать: «Она принадлежитъ къ роду *такихъ-то* Комедій» и проч.). Г. переводчикъ, конечно, не осердится на Рецензента за сіе *желаніе*». (Тамъ же, ч. II, стр. 324, 325).

5. Изъ разбора перевода *Опытъ о Швейцаріи:*

«Надлежало бы сказать не *обнаружить*, а *узнать* или *угадать* (склонности)». Похваливъ вообще отрывокъ, къ которому относится это замѣчаніе, Карамзинъ говоритъ: «Но, къ сожалѣнію, не все такъ чисто и ясно. Нельзя на примѣръ похвалить слѣдующихъ мѣстъ: «Сіе увѣреніе *сильно было* другими *отвергнуто. Я много силился* узнать, правда ли сіе. — Всѣ части учености *воздѣлываются* тамъ съ успѣхомъ. (Лучше бы было въ семъ смыслѣ сказать по-Руски *обработываются*). — Прогулки и забавы народа смѣшаны съ полезными *обращеніями; изрядство и чистота составляютъ предметъ самыхъ ученыхъ разсужденій* (Рѣчь идетъ о Женевѣ. Я жилъ въ семъ городѣ около шести мѣсяцевъ, а не понимаю, что хочетъ здѣсь сказать Г. Переводчикъ)», и проч. (Тамъ же, ч. III, стр. 221, 222).

6. Изъ разбора перевода *Клариссы* Ричардсона:

«Всего труднѣе переводить романы, въ которыхъ слогъ составляетъ обыкновенно одно изъ главныхъ достоинствъ»...

Выписавъ начало перевода, Карамзинъ приводитъ нѣсколько отдѣльныхъ выраженій. «*Ни мало не сомнѣваешься въ томъ, какое участіе*, и проч., сказано не правильно; *какое* не можетъ отвѣчать *тому*. Надлежало бы сказать: «ты конечно не сомнѣваешься *въ томъ, что* я беру великое участіе. — ... *Безпокойства возставшія въ твоемъ семействѣ*. Безпокойства ни *ложиться*, ни *возставать* не могутъ. — *Колико для тебя чувствительно* и проч. Дѣвушка, имѣющая вкусъ, не можетъ ни сказать, ни написать въ письмѣ *колико*[1]. Впрочемъ Г. Переводчикъ хотѣлъ здѣсь послѣдовать модѣ, введенной въ Руской слогъ «голѣмыми претолковниками» и проч. (см. выше, стр. 76). — *Отличившій себя отмѣнными дарованіями* и проч. *Отличить* и *отмѣнить* все одно. Если Кларисса *отличила* себя дарованіями, то онѣ конечно были уже *отмѣнны*. Къ тому же во Французскомъ

---

[1] Ср. въ *Вѣстникѣ Европы* 1802 г., № 3, стр. 22:

«Понеже, въ силу, поелику,
Творятъ довольно въ свѣтѣ зла».

подлинникѣ (подлинникѣ въ разсужденіи Рускаго перевода) говорится здѣсь не о *дарованіяхъ*, а о *свойствахъ* или *качествахъ* (qualités). — *Учинившейся предметомъ общаго почтенія* и проч. L'objet du soin public есть болѣе предметъ общаго *вниманія*, нежели *почтенія*. Въ простомъ слогѣ лучше сказать *сдѣлаться предметомъ* чего-нибудь, нежели *учиниться*. — *Узнать все о томъ подробности* и проч. Подробности *чего-нибудь*, а не о *чемъ-нибудь*» и т. д. (Тамъ же, ч. IV, стр. 113).

III. (Къ стр. 81.)

КРЫЛОВЪ ПРОТИВЪ КАРАМЗИНА.

С.-Петербургскій Меркурій, по своему расположенію, пріемамъ и претензіямъ, представлялъ какъ будто сколокъ съ *Московскаго Журнала*, который только-что прекратился, когда Крыловъ и Клушинъ въ 1793 году предприняли свое новое изданіе.

Уже въ *предисловіи*, подписанномъ ими обоими и очень напоминающемъ *предувѣдомленіе* Карамзина, видна замашка поперечить ему, особенно въ слѣдущемъ заявленіи: «Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, подражанія и переводы издателей будутъ печататься съ ихъ именами. Какая цѣль скромничать именемъ, ежели цѣль сочиненія не противна благонравію и не нарушаетъ ни чьего спокойствія?» Притомъ издатели, конечно также не безъ намека, предупреждаютъ: «Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части» (то-есть, по обѣщанной ими критикѣ *книгъ* и *театра*) «не есть сужденія *деспотическія*»; читатели уже видѣли, что и *Зритель* и *Росс. Магазинъ* обвиняли Карамзина въ безусловности его приговоровъ. Но прежде всего Крыловъ и Клушинъ выражаютъ притязаніе издавать журналъ, *подобный журналамъ иностраннымъ* и не похожій на большую часть русскихъ періодическихъ изданій, въ которыхъ «или мало, или совсѣмъ ничего нѣтъ свойственнаго журналамъ». Идея этой потребности и первый примѣръ удовлетворенія ея были поданы Карамзинымъ, и вотъ ими пользуются сами противники его. Въ числѣ неблаговолящихъ къ нему самъ Карамзинъ, въ Письмахъ къ Дмитріеву (стр. 33), назвалъ Крылова, говоря о *Зритель*; но въ *Меркуріи* будущій баснописецъ и членъ шишковской *Бесѣды* еще гораздо прямѣе и рѣшительнѣе высказался противъ будущаго же исторіографа и идеала Арзамасцевъ. Подписанная именемъ Крылова «Похвальная Рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей», явно содержитъ въ себѣ многія черты, которыя могутъ относиться только къ Карамзину. Главное достоинство Ермала-

фида[1], выставляемое здѣсь на посмѣяніе, состоитъ въ томъ, что онъ не слѣдуетъ никакимъ правиламъ и не подражаетъ красотамъ прежнихъ писателей. Онъ начинаетъ свое поприще трагедіей, въ которой герои «превыше всѣхъ страстей». Естественно, что противники Карамзина должны были въ сочиненіяхъ его находить прежде всего отступленіе отъ правилъ (то есть отъ рутины) и отъ старыхъ образцовъ. Что касается до трагедіи, написанной Ермалафидомъ, то подъ нею разумѣется переведенная Карамзинымъ Лессингова Эмилія Галотти. О драмѣ у Англичанъ и Нѣмцевъ и о драмѣ у Французовъ издатели *Меркурія* имѣли понятія совершенно противоположныя взгляду Карамзина. Въ 1-й же книжкѣ этого журнала напечатано «Разсужденіе объ Англинской трагедіи, изъ сочиненій г. Вольтера» (стр. 66), причемъ Клушинъ въ особомъ примѣчаніи называетъ нѣмецкія драматическія произведенія *безобразными выродками литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ...., которые суть ни трагедіи, ни комедіи; гдѣ смѣшенъ плачь съ смѣхомъ безъ всякой нужды;* въ числѣ упоминаемыхъ имъ пьесъ этого рода не забыта и *Эмилія Галотти.* Кончаетъ онъ словами: «И есть люди, которые предпочитаютъ Нѣмецкія драмы Французскимъ.... Что думать о сихъ знатокахъ? Или, что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма; или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ Нѣмчизнѣ». О дѣйствіи трагедіи Ермалафида Крыловъ замѣчаетъ между прочимъ: «Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью.... и естьли бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то бы конечно онъ подумалъ, что Греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ Математики». Не надобно забывать, что Карамзинъ въ *Московскомъ Журналѣ* (ч. I, стр. 61) помѣстилъ разборъ *Эмиліи Галотти* и что онъ перевелъ также Шекспирова *Юлія Кесаря.*—Разберемъ еще нѣкоторыя черты Ермалафида. «Великій духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, и сдержалъ свое слово. Удивительная способность, Мм. Гг.! часто, дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ, ода или сатира это будетъ; но всего удивительнѣе, что и то и другое названіе было прилично; а можетъ быть и всѣ его сочиненія со временемъ воздвигнутъ между Академіями войну

---

[1] Это имя произведено отъ семинарскаго слова *ермолафія* (котораго нѣтъ еще въ нашихъ словаряхъ, — вѣроятно, искаженнаго греческаго *ирмологій*); оно означаетъ дребедень, многословную чепуху. См. въ IV томѣ академическаго изданія *Сочиненій* Державина, стр. 558, и объясненіе этого слова въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ. Рѣчь Ермалафиду напечатана во II-й части *С.-Петербургскаго Меркурія* (апрѣль 1793 г.), стр. 26—55.

за споры, къ какому роду ихъ причислить». Здѣсь Карамзинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотворцами *Московскаго Журнала*, осуждается за несоблюденіе наружныхъ формъ различныхъ родовъ поэзіи, что въ то время было еще ново. Но этого мало: положивъ не слѣдовать никакимъ правиламъ, Ермалафидъ «вздумалъ свободные часы свои посвятить удовольствію Публики.... и для того то рѣшился онъ во всякое *новолуніе* разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія—короче сказать: началъ журналъ.... Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить Вселенную.... съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо на бѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предметахъ!... Критика также получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ, проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ слогомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія, суть ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы; но его это не устрашило» и проч. Далѣе: «Пріятно было смотрѣть, Мм. Гг., съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ; и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ трагедіи Корнелія». Всѣ эти выходки, несомнѣнно, направлены на *Московскій Журналъ* съ его критикою; послѣднее замѣчаніе относится къ сужденіямъ, высказаннымъ въ разборѣ русскаго подражанія *Сиду* Корнеля [1]. Здѣсь Карамзинъ, показавъ, что подлинная пьеса «имѣетъ пороки, и великіе пороки», выписываетъ отзывъ д'Аламбера о французскихъ трагедіяхъ вообще, кончающійся словами: «Потому-то нынѣ почти никто не бываетъ въ театрѣ, когда играютъ Корнелевы трагедіи и очень не много, когда Расиновы представляютъ», и затѣмъ произноситъ свой собственный приговоръ французскимъ трагикамъ въ сравненіи съ Шекспиромъ. «Письма Русскаго Путешественника», въ которыхъ высказано подобное же мнѣніе объ этомъ предметѣ [2], также задѣты въ похвальной рѣчи Крылова. Именно онъ говоритъ о Ермалафидѣ: «Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстатѣ о Гомерѣ, напомнить, что дрова дороги;—и, хваля Юнговы нощи, замѣтить, что Нѣмцы обучаются щеголеватѣе Французовъ». Вѣроятно, это намекъ на одно мѣсто «Писемъ» изъ южной Франціи, напечатанныхъ въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Журнала* (декабрь 1792): послѣ разныхъ литературныхъ воспоминаній, въ которыхъ приведены имена Петрарки, Оссіана, Гомера и др., въ одномъ письмѣ встрѣчается такая замѣтка: «Но весьма не по-

[1] *Моск. Журн.*, ч. III, стр. 84 и сл.
[2] Тамъ же, ч. VIII, стр. 86.

любились мнѣ деревянные башмаки французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ»[1]. Противъ Карамзина же направлена слѣдующая выходка похвальной рѣчи: «Я знаю—говоритъ Ермалафидъ—склады на многихъ языкахъ, но Россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ». Это относится къ одному мѣсту письма русскаго путешественника къ Боннету. Собираясь переводить его Contemplation de la Nature, Карамзинъ говоритъ: «Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе[2].

Конечно, далеко не все въ Ермалафидѣ можетъ быть примѣнено къ Карамзину: иное относится къ другимъ; такъ, напримѣръ, подъ комедіей, написанной Ермалафидомъ послѣ трагедіи, разумѣется, вѣроятно, какое-нибудь современное подражаніе *Мельнику* Аблесимова, или *Сбитенщику* Княжнина: «На сценѣ появляется цѣлый народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ — въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія» и т. д.[3]. Тѣмъ не менѣе, изъ всего вышеприведеннаго, кажется, ясно, что похвальное слово Ермалафиду есть въ особенности замаскированная аттака на Карамзина и на многочисленныхъ приверженцевъ, которыхъ уже доставилъ ему *Московскій Журналъ*: онъ иронически выставляется какъ образецъ «для подражанія молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности, ожидаютъ только случая кому послѣдовать, и за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать; или занимать ихъ у Сумарокова».

IV. (Къ стр. 105.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ БЮФФОНА ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ А. Ѳ. МАЛИНОВСКАГО, ЛЕПЕХИНА И КАРАМЗИНА.

1. Алексѣя Малиновскаго, въ книгѣ *Духъ Бюффона* (1783, стр. 1).

«Я вспоминаю о той исполненной веселія и смущенія минутѣ, въ

---

[1] *Моск. Журн.* ч. VIII, стр. 318.

[2] Тамъ же, ч. VI, стр. 350.

[3] Крыловъ уже прежде, въ разборѣ комедіи *Смѣхъ и Горе* своего товари-

которую въ первой разъ возчувствовалъ отмѣнное мое бытіе: тогда я не могъ себѣ представить, что я, гдѣ былъ и откуда взялся. Я открылъ глаза; коль превосходное чувствованіе! свѣтъ, небесная твердь, зеленѣющая земля, прозрачныя воды, все меня занимало, одушевляло и несказаннымъ образомъ чувства мои увеселяло. Изъ чего я заключилъ, что всѣ сіи предметы находились во мнѣ и составляли часть самаго меня».

2. Ив. Лепехина, въ 1-й части *Естественной Исторіи* Бюффона (1792, стр. 61).

«Исполненъ веселія и смущенія привожу я на память ту минуту, въ которую я первый разъ ощутилъ чудное бытіе мое; я не зналъ, что я такое былъ, гдѣ находился и откуда пришелъ. Открывъ глаза какое приращеніе ощутилъ въ чувствованіяхъ! Свѣтъ, сводъ небесный, зеленѣющая земли поверхность, кристалловидныя воды, всего меня занимали, оживляли, и возбуждали во мнѣ неизреченное чувствованіе удовольствія; въ началѣ мнилъ я, что всѣ сіи предметы во мнѣ находяся составляли существенную моего сложенія часть».

3. Карамзинъ, въ *Пантеонѣ Иностранной Словесности* (1798, кн. II, стр. 58).

«И теперь еще живо помню ту минуту радости и смятенія, какъ въ первый разъ ощутилъ я чудное бытіе свое. Не зная, что я, гдѣ, откуда взялся, открываю глаза: какое неописанное чувство! Свѣтъ, небесный сводъ, зелень травы, кристаллъ воды, все занимаетъ, трогаетъ, веселитъ меня несказанно. Мнѣ кажется, что всѣ предметы во мнѣ и составляютъ часть моего существа»

V. (Къ стр. 105.)

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА ИЗЪ ЖУРНАЛОВЪ НАЧАЛА 1790-ХЪ ГОДОВЪ.

1. Изъ московскаго изданія *Сатирическій Вѣстникъ*, «удобоспособствующій разглаживать наморщенное чело старичковъ, забавлять и купно научать молодыхъ барынь, дѣвушекъ, щеголей, вертопраховъ, волокитъ, игроковъ и прочаго состоянія людей, писанный небывалаго года, неизвѣстнаго мѣсяца, несвѣ-

---

ща, Клушина, высказался противъ подобныхъ комическихъ оперъ: «Какъ сіи же рукоплесканія не рѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ». *Спб. Меркурій*, ч. I, стр. 104.

домаго числа, незнаемымъ сочинителемъ». (Издавался въ 1790 и 1791 годахъ Н. И. Страховымъ; въ 1795 онъ напечатанъ вторично въ 9 частяхъ, составившихъ три томика. Объявленіе о 5-й части его см. въ *Моск. Вѣдом.* 1790, № 91). Вотъ отрывокъ изъ 1-й части, стр. 63—65.

....«Желательно, чтобъ тѣ молодые люди, которые имѣли прежде въ г. Псолюбовѣ одобрителя своего, послѣдовали его примѣру, оставя таковыя праздныя упражненія; а тѣ, кои равноподобно ему содержатъ великія стаи собакъ, число оныхъ содѣлали бы соотвѣтствующимъ цѣли, для которой принято упражненіе сіе, или бы лучше совсѣмъ истребили такую склонность, которая вмѣсто того, что должна была служить пріятною заманкою къ движенію, поспѣшествующему здравію, бодрости и веселію нрава, по злоупотребленію своему сдѣлалась напротивъ того такою страстію, которая занимаетъ цѣлую жизнь, расточаетъ цѣлыя имѣнія, разоряетъ бѣдныхъ крестьянъ, и доставляетъ въ насъ цѣлымъ уѣздамъ и обществамъ юношъ худой и растлительной примѣръ добрыхъ нравовъ. При томъ колико удивительно и жалко видѣть такихъ людей, которые для доставленія себѣ минутныхъ зрѣлищъ на зайца и бѣгущихъ за нимъ собакъ, въ сихъ упражненіяхъ провели всю жизнь, прожили все имѣніе, разорили всѣхъ крестьянъ, и не иное что оставили въ наслѣдіе бѣднымъ и безпомощнымъ своимъ дѣтямъ, какъ одинъ только хорошо устроенный собачій дворъ, но опущенное жилище; хорошихъ псарей, но разоренныхъ крестьянъ; многія своры собакъ, но и многія тысячи долгу!»

2. Изъ журнала *Дѣло отъ бездѣлья*, «или пріятная забава, рождающая улыбку на челѣ угрюмыхъ, умѣряющая излишнюю радость вертопраховъ и каждому по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повѣстьми, въ стихахъ и прозѣ состоящими, угождающая». (Выходилъ въ Москвѣ въ 1792 году, слѣдовательно, въ одно время съ *Московскимъ Журналомъ*. Издателемъ *Дѣла отъ бездѣлья* былъ Андрей Рѣшетниковъ, составитель первоначальныхъ учебниковъ русскаго языка и географическаго руководства). Отрывокъ изъ статьи *Человѣкъ* (ч. IV, стр. 59—61):

«Много было нравоучителей, да и нынѣ находятся между человѣками пресмыкающіеся духи, которые человѣческую природу столь страшно унижаютъ, что естьли бы возможно было имъ повѣрить, надлежало бы стыдиться быть человѣкомъ. Иные думаютъ, что божественное смирен-

номудріе требуетъ, дабы о человѣчествѣ имѣть толь низкія понятія; и потому почитаютъ за должность свою презрительнѣйшими и груснѣйшими образованіями учинить человѣческую природу ненавистною. Но человѣкъ себя за ничто почитающій не можетъ и къ другимъ имѣть никакого почтенія, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низость мыслей... Внѣ человѣка находится Виновникъ природы и весь міръ. И такъ естьли мы возхотимъ разсматривать человѣка въ отношеніи его ко всѣмъ веществамъ, внѣ еще существующимъ; тогда долженствуемъ обозрѣть не токмо то, въ какомъ отношеніи находится онъ къ Богу, но и сіе, сколь тѣсно связанъ онъ со всемірнымъ зданіемъ».

3. Изъ изданія Академіи наукъ: *Новыя ежемѣсячныя сочиненія* (Выходило съ 1786 по 1796 годъ подъ главнымъ наблюденіемъ тогдашняго директора Академіи, княгини Дашковой). «При изданіи этого журнала не была выпущена изъ виду одна изъ главныхъ цѣлей періодическихъ изданій Академіи 18-го вѣка—вводить въ область науки и тѣхъ читателей, которые не имѣли случая пріобрѣсть прочное учебное образованіе»[1].

Вотъ какъ выражался въ 1790 году, описывая *аккулу*, знаменитый академикъ Лепехинъ, непремѣнный секретарь Россійской академіи (*Нов. ежемѣс. соч.*, ч. XLVI, май, стр. 43):

«Сколь ни ужасна сія рыба человѣку и морскимъ животнымъ, однако не можетъ защищаться отъ небольшой рыбки *задержкою* называемыя, которая къ ней прилепляется, и преплываетъ съ нею морскія пространства; ибо въ Индійскомъ морѣ рѣдко ловятъ Аккулъ, на коихъ бы не были прицѣпившись сіи рыбки. Другое обстоятельство, заслуживающее вниманіе при Аккулахъ, болѣе удивительно: ибо, а наипаче въ жаркихъ климатахъ, видны всегда впереди въ нѣкоемъ отстояніи плывущіе передъ Аккулою провозвѣстники называемые *костера путеводитель*. Если бы сіе было примѣчено токмо изрѣдка, то можно бы приписать оное случайности: но какъ сіе не токмо простые мореходцы, но и странствовавшіе Природы испытатели согласно утверждаютъ, то не можно не принять сего за истину; хотя въ прочемъ заподлинно утверждать не можно, какая причина побуждаетъ сихъ малыхъ рыбокъ сопутствовать, или предшествовать сему человѣкоядцу: ибо обыкновенное о семъ случаѣ мнѣніе, будто сіи малыя рыбки предшествуютъ Аккулѣ въ томъ намѣреніи, чтобы

[1] *Учен. Записки Академіи Наукъ по I и III Отдѣленіямъ*, ч. I, стр. LXXXIX.

предувѣдомлять ее о приближеніи ея гонителя Кашалота, и будто она изъ благодарности къ нимъ не токмо не дѣлаетъ вреда, но и удѣляетъ имъ отъ своей добычи, тѣмъ болѣе походитъ на вымышленную басню, что зубы у нее устроены не для раздробленія добычи, но для придержанія оныя и поглощенія цѣлкомъ; слѣдодательно она и не можетъ ничего удѣлять малымъ своимъ сопутникамъ».

(VI. Къ стр. 106).

ОБРАЗЧИКИ ЯЗЫКА КАРАМЗИНА ВЪ ПЕРВОЕ ВРЕМЯ ЕГО АВТОРСТВА.

1. Изъ «Цвѣтка на гробъ моего Агатона» (*Аглая*, ч. I, стр. 14):

«Наконецъ я возвратился — (тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и моральнаго міра) — спѣшилъ обнять повѣреннаго души моей; воображалъ его пріятное удивленіе, его радость.... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣдномъ лицѣ его; въ тусклыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни простылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минуту является и въ облакахъ исчезаетъ».

«Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества? — Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опытъ!»

2. Изъ статьи «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» (*Аглая*, ч. I, стр. 63—65) [1]:

«Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозар-

[1] Здѣсь, какъ и во всей этой статьѣ, ссылки на *Аглаю* по 2-му ея изданію, 1796 года.

ной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, придемъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство.... Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять оными всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ трауръ; когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пастухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ жилищахъ?»

3. Изъ перевода рѣчи Порталиса въ *Вѣстникѣ Европы* (1802, февраль, стр. 70):

«Правда, что для государствъ бываютъ нѣкоторыя рѣшительныя эпохи, въ которыя отъ чрезвычайныхъ случаевъ перемѣняется ихъ свойство, подобно какъ темпераментъ въ человѣкѣ. Тогда нужно и необходимо вводить новое; тогда народъ, подъ вліяніемъ щастливаго Генія, можетъ уничтожить разныя злоупотребленія и воспріять нѣкоторымъ образомъ новую жизнь. Но и тогда сей народъ, естьли онъ уже давно существуетъ и давно занимаетъ мѣсто между первыми націями, долженъ поступать осторожно, и возвышаясь съ пылкостью новаго народа, сохранять всю зрѣлость древняго. Въ дикой землѣ можно всячески дѣйствовать остріемъ косы; но земля обработанная требуетъ вниманія: надобно скосить однѣ вредныя травы».

ОБЛАСТНЫЕ СЛОВАРИ.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ издало въ 1852 году «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря»; получивъ потомъ новые матеріалы того же рода, оно признало полезнымъ сдѣлать и ихъ доступными публикѣ. Трудами покойнаго А. Х. Востокова напечатанъ въ 1858 г. дополнительный томъ Областного Словаря. «Опытъ» встрѣченъ былъ съ полнымъ сочувствіемъ филологами и вообще людьми, понимающими важность подобныхъ предпріятій не только для разработки языка, но и въ этнографическомъ отношеніи. Такъ какъ однакожъ это было у насъ дѣломъ еще совершенно новымъ, то не удивительно, что польза его не тотчасъ была всѣми оцѣнена. Желая содѣйствовать къ правильному обсужденію предмета, я намѣренъ указать на то, что̀ сдѣлано въ этомъ отношеніи у Нѣмцевъ, и примѣнить эти указанія къ оцѣнкѣ важности русскаго Областного Словаря.

Германская литература представляетъ изумительное богатство пособій для изученія областныхъ нарѣчій нѣмецкаго языка. Въ 1854 г. напечатана въ Галле книжечка: «Die Litteratur der Deutschen Mundarten» (Литература нѣмецкихъ нарѣчій)[1]. Это систематическій каталогъ всѣхъ сочиненій, относящихся къ означенному въ заглавіи предмету. Число ихъ простирается тутъ до

---

[1] Ein bibliographischer Versuch von Paul Trömel. Aus Petzoldt's Anzeiger für Bibliographie und Bibliothekwissenschaft, besonders abgedruckt Halle, 1854. Само собою разумѣется, что съ тѣхъ поръ литература этого предмета еще значительно обогатилась; въ Германіи ежегодно появляются новые словари мѣстныхъ нарѣчій. Изъ числа вышедшихъ послѣ изданія названнаго указателя замѣтимъ: 1) Ostfriesisches Wörterbuch, von C. H. Stürenburg (Aurich, 1857); 2) Wb. der niedersächsischen Mundart der Fürstenth. Göttingen u. Gruben-

446. Сюда входятъ конечно не только словари, грамматики и другіе филологическіе труды, но также сборники народныхъ пѣсенъ и всякія вообще сочиненія на провинціальныхъ діалектахъ. Послѣ исчисленія трудовъ, гдѣ разсматриваются вообще нарѣчія германскія, обзоръ раздѣленъ на 3 большіе отдѣла по тремъ главнымъ отраслямъ нѣмецкаго языка: южной, средней и сѣверной. Потомъ въ каждой отрасли идутъ одно за другимъ мѣстныя нарѣчія, напримѣръ: аллеманское, швабское, нижне-лотарингское, вестфальское и т. д., всего 44 нарѣчія; изъ нихъ нѣкоторыя опять подраздѣляются на болѣе спеціальныя отличія. Наконецъ, въ заключеніи, помѣщены еще нарѣчія нѣмецкаго языка, употребляемыя въ Венгріи, Трансильваніи и въ нашихъ Остзейскихъ губерніяхъ. Самые первые опыты, въ которыхъ обнаруживается пробудившееся вниманіе къ различію германскихъ нарѣчій, отмѣчены первыми годами 16-го столѣтія и относятся къ нижне-саксонскому діалекту (plattdeutsch), какъ составляющему противоположность такъ называемаго верхне-нѣмецкаго языка (hochdeutsch). Но только около средины прошлаго вѣка труды подобнаго рода начинають являться чаще, а еще многочисленнѣе становятся они съ 1770-хъ годовъ. Съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія эта отрасль филологической литературы болѣе и болѣе развивается.

---

hagen, von G. Schambach (Hannover, 1858); 3) Wb. der Altmärkisch-plattdeutschen Mundart, von J. F. Danneil (Salzwedel, 1859); 4) Kärntisches Wb., von V. M. Lexer (Leipzig, 1862); 5) Beiträge zu einem Wb. der Siebenbürgisch-sächsischen Mundart, von I. K. Schuller (Prag, 1865); 6) Idiotikon von Kurhessen, von A. F. C. Vilmar (Marb. u. Leipzig, 1868); 7) Wb. der Coblenzer Mundart. (Cobl., 1869); 8) Karl Weinholds Beiträge zu einem schlesischen Wb., и 9) W. v. Gutzeits Wörterschatz der deutschen Sprache Livlands. Появившіеся въ 1866 г. труды этого рода исчислены въ Bibliographisehe Uebersicht etc. von K. Bartsch (изъ Pfeiffer's Germania, XII, Wien 1867), гдѣ въ отдѣлѣ VI (Deutsche Mundarten) одни словари занимаютъ №№ 69—84. Указаніемъ этихъ пособій обязанъ я А. А. Шифнеру. Между исчисленными выше словарями особеннаго вниманія заслуживаютъ №№ 2 и 6. Послѣдній составленъ по образцу упоминаемаго ниже въ настоящей статьѣ шмеллерова баварскаго словаря. Въ 1881 году явилась въ Лейпцигѣ книга: Die Leipziger Mundart. Grammatik u. Wbuch der Leipziger Volkssprache, von K. Albert. Mit einem Vorwort von Rud. Hildebrand.

Чтобы ознакомить интересующихся вопросомъ о собираніи областныхъ словъ со взглядомъ германскихъ ученыхъ на этотъ предметъ, я отдѣляю изъ ряда подобныхъ книгъ тѣ, которыхъ составители высказали наиболѣе опредѣлительно свои воззрѣнія, и предлагаю здѣсь въ переводѣ нѣкоторыя изъ ихъ замѣчаній. Начнемъ съ нижне-нѣмецкаго (plattdeutsch) словаря, напечатаннаго 1781 г.[1]. Вотъ что между прочимъ сказано въ предисловіи: «Я не хотѣлъ оставлятъ безъ вниманія выраженій, формъ и пословицъ, употребляемыхъ простонародьемъ и даже самою грубою чернью. Приличіе не должно изгонять ихъ изъ книги такого рода, если мы желаемъ придать ей нѣкоторую полноту. Чей нѣжный слухъ не въ состояніи выносить ихъ въ общежитіи, тотъ воленъ миновать ихъ съ зажмуренными глазами». Слѣдующее за тѣмъ замѣчаніе показываетъ, какъ умно авторъ смотритъ на географическіе предѣлы языка, который долженъ входить въ составъ словарей этого рода. «Я не ограничивался», говоритъ онъ, «особенностями нижне-нѣмецкаго языка, встрѣчающимися исключительно въ избранныхъ мною мѣстностяхъ (Помераніи и Рюгенѣ). Это, кажется, имѣли въ виду всякій разъ, когда областнымъ словарямъ давали заглавіе: idiotica. Но я еще не знаю ни одного труда, который по справедливости могъ бы такъ называться: немногое, что въ нихъ есть вполнѣ особеннаго, бываетъ всегда перемѣшано съ словами, употребляемыми и въ другихъ мѣстностяхъ. Я старался включить въ свой словарь весь нижне-нѣмецкій языкъ, но только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ употребляетя у насъ въ Помераніи и на о. Рюгенѣ, не разбирая, что́ въ немъ есть согласнаго или несогласнаго съ языкомъ нашихъ сосѣдей. Наши идіотизмы легко замѣтитъ всякій, кто въ нихъ имѣетъ надобность; а что́ употребительно въ другихъ мѣстахъ, намъ же чуждо, того и искать здѣсь не слѣдуетъ».

Въ 1800 году Шютце сталъ издавать въ Гамбургѣ голштин-

---

[1] J. K. Dähnert. Platt-Deutsches Wb. nach der alten u. neuen Pommerschen u. Rügischen Mundart. Stralsund.

скій «Idiotikon»[1] или, какъ онъ прибавляетъ въ заглавіи, матеріалы для исторіи народныхъ нравовъ. Заглавіе это въ самомъ дѣлѣ оправдывается множествомъ помѣщенныхъ въ словарѣ поговорокъ, пословицъ, народныхъ стиховъ и объясненій обычаевъ, нравовъ, игръ и праздниковъ голштинскихъ. Такой важный трудъ долженъ былъ получить довольно обширный объемъ и составилъ постепенно четыре тома. Авторъ въ своемъ вступленіи самъ говоритъ, что «въ этомъ дѣлѣ никто прежде него не поставлялъ себѣ цѣли такъ серьезно», хотя и увѣренъ, что «послѣ него многіе конечно будутъ ставить ее столь же серьезно и еще лучше».

«Виландъ говоритъ: ‹Духъ націи всего живѣе отражается въ ея языкѣ: эта лучшая ея характеристика. Французскому можно позавидовать въ томъ, что онъ такъ богатъ подслащающими и прикрывающими оборотами, которые приходятъ на помощь страждущему тщеславію и набрасываютъ легкую тѣнь на предметы, для которыхъ полный свѣтъ былъ бы неблагопріятенъ›. Нижненѣмецкій языкъ поступаетъ совершенно наоборотъ. Онъ не прикрываетъ, но подслащаетъ, а обыкновенно называетъ всякую вещь настоящимъ ея именемъ. Должно ли это уменьшать для насъ цѣну его? Чтобы глубже проникнуть въ оригинальный характеръ этого языка (говорю это для тѣхъ, которые меня спрашивали: зачѣмъ я мараю себя обращеніемъ съ такимъ грязнымъ языкомъ), я старался различать и разработывать двоякій голштинскій языкъ. Одинъ называется простонароднымъ, потому что на немъ говоритъ низшее сословіе, стараясь по-своему украшать и обогащать его. Другой употребляется образованнымъ городскимъ обществомъ въ дружескихъ сношеніяхъ, конечно съ приличіемъ, но къ сожалѣнію не съ надлежащею правильностію и чистотою. Чтобы яснѣе показать духъ народа въ языкѣ его, я не хотѣлъ стѣснять правъ ни той, ни другой рѣчи и не могъ уступить убѣжденіямъ тѣхъ, которые умильно просили меня обращаться съ ребенкомъ опрятно и особенно соблюдать строгую

[1] J. F. Schütze. Holsteinsches Idiotikon (1800—1806).

разборчивость при сообщеніи народныхъ поговорокъ, присловій и пѣсенъ, потому-де, что нѣкоторыя изъ нихъ какъ ни остроумны, но могутъ оскорбить чувство читателя. Однакожъ, такъ какъ, къ сожалѣнію, богатство и грязь въ физическомъ и въ нравственномъ быту человѣка бываютъ въ тѣсной связи между собой, и большая часть простонародныхъ реченій и оборотовъ именно и составляетъ богатство голштинскаго нарѣчія, то я долженъ былъ послѣдовать мнѣнію, которое со мной раздѣляютъ многіе достойные и свѣдущіе сотрудники мои, признавшіе такую осторожность и чопорность неумѣстными. Sit venia linguae! naturalia non sunt turpia! Для чистыхъ все чисто! Этого, надѣюсь, достаточно въ оправданіе богатства и непринужденности языка, который въ этомъ отношеніи конечно совершенно противоположенъ французскому».

Составитель геннебергскаго идіотикона[1] въ предисловіи ко 2-й части этого сборника такъ выражаетъ нѣкоторыя изъ правилъ, принятыхъ имъ въ руководство:

«Я уже въ 1-й части замѣтилъ, что слишкомъ мѣстные идіотизмы подозрительны, хотя бы они были придуманы фамиліями, имѣющими большой вѣсъ, и распространялись ихъ приверженцами. Напротивъ, такіе, которые слышатся во многихъ областяхъ — если притомъ они германскаго происхожденія — носятъ на себѣ отпечатокъ истинной національности и прививаются къ языку. Но если они — мѣстные въ томъ смылѣ, что указываютъ на какую-нибудь географическую или историческую черту края, то они драгоцѣнны для науки, какъ памятники и свидѣтельства. — Еще я долженъ оправдаться въ томъ, что привелъ нѣкоторыя дѣтскія слова, особенно же такія, которыми кличутъ животныхъ. Пусть они до времени остаются на своемъ мѣстѣ: можетъ-быть, между ними есть первобытныя названія, восходящія далеко за начало нашего лѣтосчисленія, какъ напримѣръ Äte (у Ульфилы Atta)

---

[1] W. F. Hm. Reinwald. Hennebergisches Idiotikon, mit etymol. Anmerkgen. 2 Thle. Berl. u. Stettin. 1793. 1801.

отецъ, husj и wiberle, употребляемыя для скликанія гусей и изъ которыхъ первое—славянское, а другое—нѣмецкое слово. Напротивъ того, я исключилъ съ намѣреніемъ множество ругательныхъ словъ и синонимы выраженій, означающихъ побои».

Въ «Опытѣ швейцарскаго идіотикона[1], перемѣшаннаго этимологическими замѣчаніями» (1812, ч. I, предисловіе), находимъ слѣдующія интересныя для насъ поясненія:

«Пусть швейцарскій идіотиконъ выставляетъ наружу разные грамматическіе грѣхи, разныя варварскія отступленія отъ чистоты языка: тѣмъ не менѣе нѣмецкіе филологи найдутъ здѣсь богатую сокровищницу годныхъ словъ для означенія понятій, не имѣющихъ въ общеупотребительномъ языкѣ соотвѣтственныхъ выраженій; они найдутъ здѣсь чисто-нѣмецкія реченія въ почтенной прадѣдовской одеждѣ, затерянные корни, кроющіеся въ вѣковыхъ родникахъ языка, и особенно обиліе звукоподражательныхъ словъ.

«Подъ швейцарскимъ идіотизмомъ я разумѣю: а) всякое въ народномъ языкѣ еще теперь живущее слово, которое въ языкѣ письменномъ или вовсе не находится, или и есть, но не въ полной силѣ, и б) всякое даже въ общемъ нѣмецкомъ языкѣ принятое слово, какъ скоро оно имѣетъ значеніе, которое въ письменномъ языкѣ либо не было извѣстно, либо затерялось.

«Поэтому мною выпущены: а) всѣ въ мѣстномъ нарѣчіи только искаженныя или испорченныя слова письменной рѣчи, а равно незначительныя отъ нѣмецкаго языка отступленія, напр. Ambeis, Ambeiski вм. Ameise, Birre вм. Birne и т. п.; б) простыя междуметія или и членораздѣльные звуки, выражающіе чувство, такъ какъ они почти одинаковы, и в) сокращенія крестныхъ именъ, употребительныя въ просторѣчіи, напримѣръ Elsi вм. Elisabeth.

«То, что я кое-гдѣ отмѣчалъ о происхожденіи словъ, считалъ

---

[1] Fr. Jos. Stalder. Versuch eines Schweizerischen Idiotikons mit etymol. Bemerkungen untermischt. 2 Bde. Aarau.

я дѣломъ второстепеннымъ, и желаю, чтобы критики такъ же смотрѣли на эти отрывочныя замѣчанія. Никогда бы я не рѣшился предпринять опытъ обще-швейцарскаго идіотикона, если бъ долженъ былъ присоединить къ нему этимологическій глоссарій, или, какъ безсмертный Лейбницъ удачно переводитъ это иностранное выраженіе,—ключъ языка (eine Sprachquelle)».

Употребляемыя въ Баваріи нарѣчія (Mundarten) разсмотрѣны грамматически незабвеннымъ Шмеллеромъ[1], умершимъ въ 1852 году. Вотъ какъ онъ между прочимъ разсуждаетъ:

«Излишне было бы распространяться о важности подобныхъ изслѣдованій и о значеніи народныхъ нарѣчій. Мыслящимъ любителямъ языкознанія я бы ничего новаго не могъ сказать. Тѣхъ же, которые привыкли считать слово и духовную жизнь девяти десятыхъ народа за ничто въ сравненіи съ тѣми же проявленіями въ остальной десятой части его, трудно было бы убѣдить, что свойственный массѣ народа языкъ, переходящій изъ рода въ родъ съ своими измѣненіями, есть фактъ, въ которомъ болѣе нежели въ чемъ-либо другомъ выражается какъ духовная, такъ и физическая жизнь и дѣятельность народа во времени, и что поэтому такіе факты столько же заслуживаютъ быть передаваемы грядущимъ поколѣніямъ для сравненія и поученія, сколько многіе другіе, составляющіе обычный предметъ такъ называемой политической исторіи.

«Для меня народныя нарѣчія передъ письменнымъ языкомъ то же, что богатый рудникъ передъ запасомъ добытаго уже и очищеннаго металла или нетронутый тысячелѣтній лѣсъ передъ такою частью его, которая обращена въ рощу. Если на явленія мѣстныхъ нарѣчій обыкновенно смотрятъ такъ, какъ простолюдинъ Италіи или Греціи смотритъ на окружающіе его повсюду обломки и развалины зданій, т. е. съ жалкою мыслью, какъ бы убрать ихъ или пожалуй употребить съ пользою: то они могутъ

---

[1] J. And. Schmeller. Die Mundarten Bayerns grammatisch dargestellt etc. München 1821.

разсматриваться и иначе, именно съ тѣмъ чувствомъ благоговѣнія, какое пробуждаютъ остатки сѣдой старины, — разумѣется въ томъ, кто понимаетъ ихъ значеніе. Признаюсь, что нѣчто подобное внушило мнѣ любовь къ этому роду изслѣдованій и терпѣніе, безъ котораго они невозможны».

Тотъ же Шмеллеръ позднѣе (1827 — 1837) издалъ Баварскій словарь[1]. Изъ предисловія къ этой превосходной книгѣ выпишу лишь нѣсколько строкъ, многозначительныхъ для сужденія объ однородномъ трудѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности.

«Сборниковъ такого рода никогда нельзя считать конченными; для нихъ много уже сдѣлано, когда имъ положено начало, и дѣлается все возможное, когда работа хоть сколько-нибудь продолжается». Передъ этимъ авторъ говоритъ о несовершенствѣ своего труда и въ подкрѣпленіе такого сознанія предлагаетъ всякому, кто пріобрѣтетъ его книгу, прибавить къ ней нѣсколько бѣлыхъ листовъ и записывать на нихъ всѣ слова, которыя окажутся недостающими или неудовлетворительно занесенными въ словарь, для пополненія и исправленія его при новомъ изданіи. Желаніе это выражаетъ онъ особенно относительно тѣхъ экземпляровъ, которые будутъ находиться для общаго употребленія въ публичныхъ библіотекахъ, присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ.

Швабскій словарь Шмида (1831)[2] снабженъ этимологическими и историческими примѣчаніями. Авторъ, какъ самъ онъ высказываетъ, старался стать въ уровень съ современнымъ состояніемъ филологіи и прибавляетъ, что онъ счелъ бы потеряннымъ время, употребленное на этотъ трудъ, если бъ тутъ не было ни-

---

[1] Шмеллеръ, котораго высоко цѣнилъ Яковъ Гриммъ, и послѣ того усердно продолжалъ собирать мѣстныя слова, дополнялъ и исправлялъ свой трудъ. Накопившіеся такимъ образомъ рукописные матеріалы доставили г. Фромману, по смерти Шмеллера, возможность предпринять новое, значительно распространенное изданіе его словаря, которое уже и начало появляться въ 1869 году (Bayrisches Wörterbuch).

[2] J. Cp. Schmid. Schwäb. Wb. mit etymol. u. histor. Anmerkg. (2-е изд. Stuttg. 1849).

чего кромѣ собранія словъ въ алфавитномъ порядкѣ, хотя и тогда, конечно — замѣчаетъ онъ — словарь не былъ бы безполезенъ. Здѣсь же кстати привести нѣсколько строкъ изъ книжки, хотя и совсѣмъ другого рода, но по содержанію близкой къ занимающему насъ вопросу: «Der Oldenburger in Sprache und Sprüchwort»[1]. Такова особенно первая глава ея: «Языкъ есть народъ», въ которой находимъ слѣдующее замѣчаніе: «Каждая особенность языка—состоитъ ли она въ необыкновенномъ выговорѣ или удареніи, открываемъ ли ее у цѣлаго народа или у нѣкоторой части его,—не должна казаться намъ одной случайной, смѣшной привычкой или чѣмъ-либо подобнымъ; не надобно никогда забывать, что всякая такая особенность языка находится въ связи съ своеобразною духовною жизнью цѣлаго народа или части его. Случайная особенность, не соотвѣтствуя потребностямъ духа, не могла бы распространиться, или, еслибъ по какой-нибудь модѣ и сдѣлалась до нѣкоторой степени общею,—все-таки была бы вскорѣ оставлена, какъ неловкая и стѣснительная».

Авторъ нижненѣмецкаго словаря, изданнаго 1858 г. въ Ганноверѣ (см. выше на стр. 133), выставляетъ еще новую научную сторону важности подобныхъ трудовъ. «Въ нихъ», говоритъ онъ, «удовлетворяется не одинъ литературный интересъ.... Какъ ни высоко должно цѣнить мѣстныя нарѣчія для болѣе глубокаго изученія всего языка,—они имѣютъ еще высшее значеніе для разнообразнѣйшихъ областей исторіи, особенно же для возникающей только въ наше время культурной исторіи. Для разысканія древнихъ племенныхъ отношеній кроется въ народныхъ нарѣчіяхъ богатѣйшій источникъ, и будущій бытописатель при помощи ихъ можетъ проникнуть въ такую эпоху, которая восходитъ далеко за предѣлы письменныхъ памятниковъ».

Сравнивая всѣ эти выписки, мы находимъ, что нѣмецкіе мыслители, которыхъ труды передъ нами, совершенно согласны между собою въ главномъ, т. е. въ общемъ воззрѣніи на языкъ

---

[1] Von Dr. J. Goldschmidt. Oldenburg 1847.

народный, на мѣстныя нарѣчія, какъ на драгоцѣнное и существенное, даже необходимое дополненіе къ языку литературному. Только въ подробностяхъ выполненія задачи мнѣнія лексикографовъ нѣсколько расходятся, и именно тутъ можно отличить два главныя направленія: одни вносятъ въ словарь всѣ безъ изъятія слова мѣстнаго нарѣчія, находя, что только въ массѣ всѣхъ разнообразныхъ явленій языка можно видѣть отраженіе народнаго духа; другіе исключаютъ извѣстные разряды словъ, напримѣръ слова ругательныя, или вообще служащія для выраженія слишкомъ низкихъ понятій, междуметія, сокращенныя имена собственныя, звуки, употребляемые для скликанія животныхъ, слова слишкомъ мѣстныя или повидимому недолговѣчныя, также тѣ, которыя въ звукахъ представляютъ только видоизмѣненіе другихъ извѣстныхъ словъ. Сверхъ того одни ограничиваются простымъ объясненіемъ значенія, другіе присоединяютъ къ тому замѣтки о происхожденіи словъ, о мѣстныхъ обычаяхъ, играхъ и пр. Понятно, что такія дополненія могутъ придать словарю много интереса и достоинства; но отсутствіе ихъ не отнимаетъ цѣны у такого труда, въ основаніе котораго положенъ менѣе сложный планъ. А что касается до опущенія разнаго рода словъ, то также ясно, что оно требуетъ большой осторожности, потому что, отбрасывая повидимому только лишнее, легко наложить руку и на такія слова, которыя имѣли бы свою относительную, а иногда и безусловную важность для полноты соображеній изслѣдователя. По этому предмету приведу мнѣніе современнаго скандинавскаго филолога Осена (Aasen), выраженное имъ въ замѣчательномъ словарѣ народнаго норвежскаго языка[1]. Разсуждая объ исключеніи словъ, отличающихся только видоизмѣненіемъ звуковъ, онъ такъ оговаривается:

«Однакожъ часто случается, что слово, которое такимъ образомъ кажется неважнымъ по значенію, бываетъ важно по формѣ,

[1] Ordbog over det Norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania 1850. — Въ 1873 году напечатано 2-е, значительно распространенное изданіе этого словаря.

когда имъ поясняется какой-нибудь переходъ звуковъ въ языкѣ или цѣлое семейство словъ. Поэтому надо быть осмотрительнымъ въ такихъ опущеніяхъ: въ отвергнутомъ словѣ можетъ впослѣдствіи оказаться польза, какой въ немъ сперва не подозрѣвали. Въ началѣ моего труда я былъ очень склоненъ къ исключенію подобныхъ словъ, опасаясь, что ихъ наберется слишкомъ большое множество и что они повредятъ достоинству языка. Но по мѣрѣ того, какъ мнѣ становилось яснымъ, что многія слова этого рода имѣютъ глубокое основаніе въ законахъ языка и находятся въ связи съ истинно-древними формами, я все менѣе и менѣе брезгалъ излишними на первый взглядъ словами; итакъ они у меня включены, но съ возможною краткостью въ объясненіяхъ, отчасти съ одною ссылкою на другое болѣе извѣстное слово того же значенія».

Представленныя мною сужденія иностранныхъ лингвистовъ достаточно показываютъ, какъ должно смотрѣть съ точки зрѣнія европейской науки на предпріятіе 2-го Отдѣленія Академіи наукъ собрать всѣ областныя слова великорусскаго языка; слѣдовательно вопросъ только въ томъ, какъ это предпріятіе выполнено? Опытъ Областного Словаря былъ изданъ до моего поступленія въ Академію; я не принадлежалъ къ ней и тогда, когда уже приготовлялись Дополненія къ Опыту: итакъ могу говорить объ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастно. При обширности съ одной стороны плана, обнимающаго всѣ великорусскія нарѣчія, а съ другой — непомѣрнаго пространства, въ предѣлахъ котораго они живутъ въ устахъ народа, Отдѣленію предлежалъ трудъ огромный, возможный только при тѣхъ способахъ, какіе предоставлены были Академіи содѣйствіемъ Министерства народнаго просвѣщенія. Изъ напечатаннаго при Словарѣ указанія источниковъ видно, какое множество лицъ, по большей части училищнаго вѣдомства, занималось на мѣстахъ собираніемъ словъ и слѣдовательно приготовленіемъ матеріаловъ для задуманнаго изданія. При всемъ томъ эти матеріалы не могли быть полны, и Отдѣленіе, какъ показываетъ помѣщенное передъ Словаремъ предисловіе, само ясно

сознавало ихъ недостаточность. Но какимъ правиламъ Отдѣленіе слѣдовало въ подробностяхъ труда своего, объ этомъ, къ сожалѣнію, оно не сочло нужнымъ распростаняться. Изъ его предисловія мы узнаемъ только слѣдующее относительно состава Словаря: «Между областными словами языковъ обыкновенно различаютъ три рода реченій: первый родъ составляютъ слова, уклонившіяся отъ нормальнаго употребленія языка, нерѣдко искаженныя до крайности, или иноземныя слова, заимствованныя отъ сосѣднихъ инородцевъ, частію вѣрно сохранившіяся, частію измѣненныя; ко второму роду относятся слова, нѣкогда принадлежавшія къ общему языку народа и вытѣсненныя изъ него другими, а уцѣлѣвшія въ народѣ вмѣстѣ съ завѣтною прародительскою пѣснью, сказкой, пословицею; третьяго рода слова родились вслѣдствіе понятій, образовавшихся отъ предметовъ окружающей человѣка природы и отъ особенныхъ занятій народа. Издаваемый Словарь содержитъ въ себѣ реченія всѣхъ трехъ родовъ. Такое собраніе безъ сомнѣнія драгоцѣнно; въ немъ даже удержаны слова, обезображенныя мѣстнымъ выговоромъ, тѣмъ не менѣе подтверждающія опредѣленные законы звукосочетанія». — Но употреблены ли въ дѣло всѣ безъ изъятія слова, доставленныя въ Отдѣленіе, или оно пользовалось ими съ нѣкоторыми ограниченіями, и вообще, какими соображеніями оно руководствовалось, поступая такъ, а не иначе, все это вопросы, которые въ предисловіи не разрѣшаются. Впрочемъ многое объясняетъ намъ самый текстъ Словаря. Каждое слово обозначается въ немъ троякимъ образомъ, т. е. мы узнаемъ: 1) его удареніе, 2) его значеніе, нерѣдко подкрѣпляемое фразами, 3) губерніи и иногда уѣзды, гдѣ слово подслушано собирателями. Изъ этихъ трехъ указаній наименѣе удовлетворяетъ насъ послѣднее: намъ важно знать не то, гдѣ слово случайно, такъ сказать, уловлено, а далеко ли употребленіе его распространяется. Конечно, на первый случай необходимо и то неполное указаніе мѣстностей, какое намъ даетъ Словарь, но на это указаніе надобно смотрѣть только какъ на матеріалъ для болѣе точныхъ и полныхъ по этому предмету свѣдѣній

впослѣдствіи. Покуда мы можемъ только, по характеру, образованію или происхожденію слова, догадываться о степени обширности его географическихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи слова, входящія въ составъ Словаря, раздѣляются повидимому на 3 категоріи: 1) слова, принадлежащія дѣйствительно одной только или нѣсколькимъ мѣстностямъ—слова областныя; 2) слова, употребляемыя великорусскими простолюдинами по всему или почти по всему пространству Россіи — слова народныя, и 3) слова, не чуждыя даже и языку образованныхъ сословій Великороссіянъ— слова общеупотребительныя. Словъ этого послѣдняго разряда въ лексиконѣ конечно не много и Отдѣленіе вносило ихъ, въ видѣ исключенія, только въ такомъ случаѣ, когда они опущены въ академическомъ Словарѣ общеупотребительнаго языка, или хотя и находятся въ немъ, но не во всѣхъ своихъ значеніяхъ объяснены. Поступая такъ, Отдѣленіе безъ сомнѣнія побуждалось тѣмъ соображеніемъ, что всѣ его лексическіе труды составляютъ какъ бы одно цѣлое и должны пополнять другъ друга. Этотъ взглядъ оправдывается практическою его пользою при употребленіи лексикографическихъ изданій Академіи. Сказанное мною до сихъ поръ о разсматриваемомъ Словарѣ приводитъ къ заключенію, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, и именно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это въ собственномъ смыслѣ не областной словарь, а словарь народнаго языка или, еще вѣрнѣе,—въ совокупности народнаго великорусскаго языка и областныхъ его различій. У насъ на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Великороссіянами, слышится одинъ и тотъ же народный языкъ [1], и отличія его въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ограничиваются, вообще говоря, либо оттѣнками выговора, либо частностями въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Во-вторыхъ, въ настоящемъ своемъ видѣ это изданіе представляетъ не болѣе какъ *матеріалы* для полнаго словаря такого рода.

[1] Та же мысль высказана Далемъ въ статьѣ, еще неизвѣстной мнѣ въ то время, когда я писалъ эти строки. См. выше, стр. 27 и 28.

Но эти матеріалы такъ драгоцѣнны, что изданіе ихъ всегда будетъ составлять эпоху въ исторіи разработки русскаго языка и одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности 2-го Отдѣленія Академіи наукъ. Такое значеніе Опыта Областного Словаря, какъ перваго начинанія въ дѣлѣ, которое должно имѣть обширное развитіе въ будущемъ, — кажется, налагало на Отдѣленіе обязанность сообщить собранные имъ матеріалы во всей ихъ полнотѣ и цѣлости. Въ виду разнообразнаго примѣненія, какое подобный словарь можетъ имѣть при всякихъ разысканіяхъ надъ языкомъ, еще весьма недостаточно изслѣдованнымъ, не должно было пренебрегать никакимъ словомъ, никакимъ измѣненіемъ звуковъ или ударенія въ словахъ уже извѣстныхъ, ничѣмъ, что можетъ послужить сколько-нибудь полезнымъ указаніемъ наблюдателю, желающему изучить современный намъ языкъ во всѣхъ его явленіяхъ. Повидимому Отдѣленіе такъ и поступило. Если при этомъ въ словарь вошли кое-какія невѣрности или излишества, то съ ними легче примириться, нежели съ невознаградимыми пропусками и недомолвками, которые были бы неизбѣжны при большей заботливости объ очищеніи словаря отъ словъ сомнительныхъ. Слова, которыя впослѣдствіи окажутся невѣрно записанными или излишними, легко могутъ быть исправлены или отброшены: для пріобрѣтенія болѣе дѣятельной помощи въ этомъ отношеніи, а также для постояннаго пополненія словаря, надлежало, кажется, разослать экземпляры его ко всѣмъ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ получаемы были матеріалы, — съ просьбою заняться просмотромъ словъ, относящихся къ мѣстности, гдѣ живетъ каждый изъ этихъ сотрудниковъ.

Такимъ образомъ Опытъ Областного Великорусскаго Словаря уже и въ настоящемъ своемъ видѣ представлаетъ трудъ чрезвычайно полезный для изученія русскаго языка и народа. Въ краткомъ предисловіи, напечатанномъ при Словарѣ[1], объ этой пользѣ говорится съ замѣчательною сдержанностью и даже какъ

[1] Оно было составлено покойнымъ И. И. Давыдовымъ.

будто безъ полнаго сознанія всей важности труда. Если бъ нужно было точнѣе опредѣлить услуги, обѣщаемыя подобнымъ словаремъ, то можно бы обозначить ихъ слѣдующимъ образомъ:

1) Областныя слова дополняютъ и поясняютъ общеупотребительныя, указывая часто ихъ корень, составъ или первоначальное значеніе. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ:

Въ общеупотребительномъ языкѣ часто слышится прилагательное *безалаберный*, но нѣтъ слова, отъ котораго можно бы произвести его; въ нашемъ Областномъ Словарѣ находимъ существительное *алаборъ*, порядокъ, записанное въ Тверской губерніи.

Въ общеупотребительномъ языкѣ не видимъ, откуда взялось имя *оскомина*; въ народномъ же открываемъ глаголы *скомить*— имѣть боль въ какой-либо части тѣла — и *скомлѣть* — страдать объ болѣзни: лошадь скомитъ на заднюю ногу, онъ что-то скомитъ лѣвой рукой.

Извѣстный глаголъ *угомонить* объясняется областнымъ словомъ *гомонъ* — громкій говоръ, шумъ въ толпѣ людей, крикъ. Въ томъ же смыслѣ слышится мѣстами *гомь*, или *гомъ*, а это — то же самое, что болѣе употребительное слово *гамъ*, отъ котораго въ народномъ языкѣ произведены еще глаголы: *гамить*, *гамѣть* и *гамять*. Переходъ отъ значенія имени *гомонъ* къ значенію общеупотребительнаго глагола *угомонить* объясняется намъ областнымъ безпредложнымъ *гомонить* въ смыслѣ говорить потихоньку, дружески: что вамъ за дѣло? мы гомонимъ про себя, а не про другихъ.

Первоначальное значеніе глагола *страдать* — работать — является еще очевиднѣе въ областномъ языкѣ, нежели въ извѣстныхъ словахъ: *страда* и *страдная* работа. Въ Арх. губ. говорятъ: сей годъ мы рано *пострадали*, вмѣсто: рано кончили работы. Тамъ же имя *страда́лъ* означаетъ работника въ полѣ, и такимъ образомъ вполнѣ выясняетъ намъ старинное употребленіе слова *страдалецъ* въ смыслѣ подвижника.

Мы знаемъ слово *опоекъ* только въ значеніи выдѣланной телячьей кожи, но Областной Словарь знакомитъ насъ съ настоя-

щимъ, кореннымъ значеніемъ этого имени — теленокъ (опивающійся молокомъ). Въ Вятской губерніи, гдѣ оно замѣчено, говорятъ *опойчина* вмѣсто телятина.

Въ сѣверной же Россіи сохранилось древнее значеніе имени *стогъ*, т. е. куча вообще, тогда какъ до сихъ поръ это слово было извѣстно намъ только въ своемъ частномъ примѣненіи къ означенію кучи сѣна. Подтвержденіе того, что имя *стогъ* первоначально означало вообще кучу, представляютъ намъ языки германскіе въ своихъ подобозвучныхъ именахъ stock (нѣм.), stack (шв.) и пр.

Происхожденіе имени *рычагъ* ясно видно изъ областной болѣе чистой его формы *ручагъ* (отъ руки). Есть языки, въ которыхъ понятіе рычага выражается, между прочимъ, сложнымъ существительнымъ, первою частію котораго служитъ именно слово *рука* (ср. англ. handspike).

Въ акад. Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка слово *тло* объяснено такъ: «то же, что *тлѣнъ*; употребляется только въ выраженіи: до тла. Пожаръ истребилъ мой домъ до тла». Это же слово встрѣчаемъ въ Опытѣ Областнаго Словаря съ такимъ объясненіемъ: «Дно въ ульѣ». Дальнѣйшія изслѣдованія, къ которымъ это указаніе приводитъ насъ, при помощи другихъ славянскихъ нарѣчій, убѣждаютъ, что *тло* не имѣетъ ничего общаго съ *тлѣномъ*, а значитъ и въ приведенномъ выраженіи: *дно, земля:* домъ сгорѣлъ до тла, значитъ — до самаго основанія, до поверхности земли[1].

Приведенныхъ примѣровъ уже достаточно, чтобы доказать, какое обильное средство для полнѣйшаго пониманія общеупотребительнаго языка представляютъ слова областныя.

2) Посредствомъ областныхъ словъ объясняются также многія имена собственныя, которыя вслѣдствіе того иногда оказываются нарицательными или по крайней мѣрѣ имѣющими корень

---

[1] Ср. выше стр. 39.

въ языкѣ. Такъ въ именахъ *Ильмень, Ряса, Соловки* открывается опредѣленное значеніе: *ильмень* есть озеро, поросшее камышомъ; *ряса*, названіе многихъ рѣчекъ въ Рязанской губерніи, означаетъ вообще топкое или просто мокрое мѣсто (то же, что Нева, по-фински newo). Сло́ва *соловки* собственно нѣтъ въ Областномъ Словарѣ, но мы находимъ тамъ почти тожественное съ нимъ по своей формѣ и вѣроятно подобозначающее *соловцы*—бѣлые валы на рѣкѣ во время вѣтра. Не называются ли волны на Бѣломъ морѣ въ бурную погоду *соловками* у прибрежныхъ жителей? Любопытно также объясненіе именъ *Кострома, Калуга.*

3) Областныя русскія слова дополняютъ и поясняютъ другія славянскія нарѣчія и вообще доставляютъ важный матеріалъ для сравнительной филологіи. Въ общеупотребительномъ языкѣ нѣтъ многихъ корней, которые отыскиваются въ его нарѣчіяхъ. Такъ для выраженія понятія *кусокъ* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи слово, котораго корень встрѣчается во всѣхъ сѣверныхъ языкахъ, но которое у насъ въ литературномъ нарѣчіи неизвѣстно. Это слово—*ковáлокъ*, находящееся и въ польскомъ языкѣ (kawał, kawałek); — въ исландск. kafli, въ финск. kappale. Подобныя наблюденія иногда могутъ вести къ интереснымъ результатамъ.

4) Областныя нарѣчія служатъ къ поясненію старинныхъ памятниковъ языка, представляя слова, хранящіяся въ этихъ письменныхъ памятникахъ, но исчезнувшія изъ образованной рѣчи: такимъ образомъ живой народный языкъ подтверждаетъ и какъ бы воскрешаетъ ихъ настоящее значеніе. Въ этомъ отношеніи любопытно, напримѣръ, что слово *навье*, которое недавно еще извѣстно было только изъ остатковъ древняго языка, живетъ и нынѣ въ устахъ народа въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ: «навье — мертвецъ (Орл.); навій — относящійся къ мертвецу (Кур., Тул.)». Сравненіе же съ чеш. nawiti (утомлять) приводитъ насъ къ заключенію, что эти слова въ этимологическомъ родствѣ съ нашими *ныть, унывать* (слава, слыть). Слова́ *туга* (то-

ска) и *буесть* (отвага), вслѣдствіе появленія Областного Словаря, должны быть также исключены изъ числа обветшалыхъ, и даже прозваніе перваго великаго князя Московскаго — *калита* употребляется до сихъ поръ, какъ нарицательное имя, въ разныхъ губерніяхъ.

5) Въ областныхъ нарѣчіяхъ можно найти иногда указаніе, что то или другое общеизвѣстное слово искажено употребленіемъ и первоначально имѣло другую болѣе правильную форму. Такъ по значенію, въ которомъ мѣстами употребляется слово *сланецъ* (мелкій кустарникъ, стелющійся по землѣ), становится очевиднымъ, что собственно это слово, извѣстное у насъ въ другомъ смыслѣ, должно писаться *стланецъ* (вмѣсто *постлать* такимъ же образомъ слышится *послать*). А по аналогіи можемъ предположить, что слова *слой* и *слюда* того же происхожденія и по-настоящему также должны бы имѣть форму: *стлой*, *стлюда* (слюда состоитъ изъ тончайшихъ пластинокъ или слоевъ).

6) Находимыя въ Областномъ Словарѣ ударенія, то сходныя съ удареніями общеупотребительныхъ словъ, то отличающіяся отъ нихъ, составляютъ весьма существенное пособіе при изслѣдованіи законовъ просодіи русскаго языка.

7) Областныя нарѣчія могутъ служить къ обогащенію общеупотребительнаго языка, представляя часто матеріалы для удачнаго выраженія такихъ понятій, для которыхъ въ немъ недостаетъ соотвѣтствующихъ словъ. Въ примѣръ подобныхъ случаевъ приведу два слова, означающія довольно обыкновенныя естественныя явленія: *подина* — ледъ, находящійся въ землѣ и тающій позднѣе прочаго, — и *временить* или *времениться* — измѣнять видъ свой вдали, отъ преломленія лучей въ воздухѣ: острова временятъ. Такихъ, не только не излишнихъ, но и необходимыхъ новыхъ реченій для понятій всякаго рода можно отыскать въ Областномъ Словарѣ очень много.

8) Областныя слова, выражая часто черты мѣстной физіономіи края или населенія, представляютъ драгоцѣнныя указанія для изученія нравовъ и обычаевъ народа.

Наконецъ, чтобъ однимъ словомъ опредѣлить всю важность Опыта Областного Словаря, несмотря на его относительное несовершенство, скажемъ, что безъ помощи его не можетъ уже обойтись ни одно изслѣдованіе въ области русскаго языка, сколько-нибудь полное и основательное.

ПО ПОВОДУ НѢМЕЦКОЙ БРОШЮРЫ ПРОФ. КЛАУСА ГРОТА

О МѢСТНЫХЪ НАРѢЧІЯХЪ.

Über Mundarten und mundartige Dichtung. Von Claus Groth. Berlin 1873.

Авторъ, пріобрѣтшій своими стихотвореніями на нижненѣмецкомъ нарѣчіи громкую извѣстность въ цѣлой Германіи (его «Quickborn» имѣлъ нѣсколько изданій), собралъ всѣ свои прежнія статьи по этому вопросу и является въ нихъ горячимъ защитникомъ областныхъ нарѣчій противъ тѣхъ, которые признаютъ за ними слишкомъ мало значенія въ общемъ движеніи литературы. По мнѣнію автора, общеупотребительный письменный языкъ есть не болѣе какъ равнымъ образомъ нарѣчіе, но только искуственное, въ которомъ многія особенныя и истинныя формы языка искажены неумѣстнымъ усердіемъ и произволомъ преобразователей книжной рѣчи. Къ числу ихъ онъ относитъ особенно Опица и Готшеда, и упрекаетъ самого Якова Гримма въ несовершенно правильномъ пониманіи настоящаго отношенія образованнаго письменнаго языка къ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Эти нарѣчія, говоритъ авторъ брошюры, вовсе не суть отрасли, постепенно образовавшіяся искаженіемъ изъ одного цѣлаго, а составляютъ скорѣе корни, если смотрѣть на письменный языкъ какъ на стволъ; это естественные притоки, постоянно долженствующіе приносить жизнь и обиліе общеупотребительному языку. Онъ изсякнетъ, если отъ него отрѣзать нарѣчія, доставляющія ему жизненные соки.

Очень любопытны въ разсматриваемой брошюрѣ свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о развитіи въ послѣднее десятилѣтіе литературы германскихъ нарѣчій, не только сѣверныхъ, давно уже разработываемыхъ, но и южныхъ, пробудившихся къ литературной жизни особенно вслѣдствіе появленія, въ началѣ нынѣшняго вѣка, знаменитаго Гебеля. Его стихотворенія на аллеманскомъ нарѣчіи, извѣстныя отчасти и у насъ по переводамъ Жуковскаго, доказали, что мѣстныя формы языка не могутъ мѣшать распространенію въ образованномъ свѣтѣ произведеній замѣчательнаго таланта. Гебель причисленъ къ общегерманскимъ писателямъ, и стихамъ его даютъ мѣсто въ поэтическихъ сборникахъ на ряду со стихами Гэте и Шиллера.

Такимъ образомъ въ Германіи областныя нарѣчія не только подвергаются изслѣдованію въ ученыхъ трудахъ, которыхъ обиліе было показано мною въ предыдущей статьѣ, но разработываются и въ художественной литературѣ. Если отъ Германіи обратимся къ Россіи, то найдемъ, что у насъ дѣло областныхъ нарѣчій находится совершенно въ другомъ положеніи. На обширной русской равнинѣ такое раздробленіе нарѣчій вовсе невозможно, и литературы на нихъ, за исключеніемъ малороссійскаго языка, мы не знаемъ. Но что касается научнаго изученія нашихъ мѣстныхъ говоровъ, то въ этомъ отношеніи желательно было бы видѣть болѣе дѣятельности. Во-первыхъ, и въ самомъ собираніи словъ и въ повѣркѣ собранныхъ остается еще весьма много сдѣлать; во-вторыхъ, столько же важно было бы изучать наши нарѣчія въ фонетическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ. То, что у насъ до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету, слишкомъ маловажно. Весьма полезно было бы, если бъ между разсѣянными по нашимъ губерніямъ преподавателями русскаго языка пробудилась охота подмѣчать особенности мѣстныхъ говоровъ, собирать, сличать ихъ и доставлять свои наблюденія Отдѣленію.

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНОГО АРХАНГЕЛЬСКАГО НАРѢЧІЯ

въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи. Собралъ на мѣстѣ и составилъ Александръ Подвысоцкій. Рукопись листоваго формата, 559 стр. кромѣ предисловія [1].

Извѣстно, какой важный элементъ въ изученіи родного языка составляютъ мѣстныя нарѣчія. Отдѣленіе русскаго языка и словесности давно сознавало это, какъ доказываетъ изданный имъ въ 1852 году «Опытъ Областного Великорусскаго Словаря». Впрочемъ значеніе мѣстныхъ нарѣчій понимали у насъ еще гораздо ранѣе: свидѣтельство тому мы видимъ въ Трудахъ московскаго Общества любителей Россійской Словесности, гдѣ еще въ началѣ 1820-хъ годовъ печатались списки словъ, собранныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи. Къ сожалѣнію, въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія помянутаго словаря, сдѣлано въ этомъ отношеніи очень мало. Единственнымъ трудомъ, существенно обогатившимъ съ тѣхъ поръ нашу лексикографію, является безспорно словарь Даля, хотя и ему однимъ изъ главныхъ источниковъ послужили академическіе словари, и между прочимъ нашъ Областной Словарь. Нападая, иногда очень рѣзко, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, на лексикографическіе труды Академіи, Даль черпалъ однакожъ изъ нихъ полною рукою; такъ изъ Областного

---

[1] На основаніи этого разбора г. Подвысоцкому въ 1881 году присуждена Ломоносовская премія. Впослѣдствіи словарь этотъ доставленъ въ академію въ переработанномъ видѣ вдовою составителя, умершаго 22-го февраля 1883 г.

нашего Словаря заимствовано имъ не только большинство находящихся у него провинціальныхъ словъ, но и самые примѣры къ нимъ, равно какъ имъ извлечены изъ большого академическаго словаря всѣ выраженія, служащія подтвержденіемъ старинныхъ словъ. Если кромѣ словаря Даля, мы назовемъ еще Бѣлорусскій словарь Носовича и нѣсколько краткихъ, далеко не полныхъ малорусскихъ глоссаріевъ, то этимъ исчерпается почти вся наша лексикографическая литература за послѣднія три десятилѣтія. Касательно *архангельскаго нарѣчія* напечатано у насъ до сихъ поръ лишь нѣсколько небольшихъ списковъ принадлежащихъ ему словъ. Нѣкоторые изъ этихъ списковъ относятся къ годамъ, предшествовавшимъ изданію нашего Областного Словаря. Такъ въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 годъ (часть неофиціальная) съ № 4-го по 41-й помѣщено составленное Павломъ Кузмищевымъ довольно значительное «Собраніе особенныхъ словъ, употребляемыхъ жителями Архангельской губерніи и мореходами на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ». Въ Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (книга IV, 1850 г. стр. 121—167) мы находимъ весьма дѣльную статью покойнаго А. И. Шренка[1] со спискомъ 374-хъ словъ, подъ заглавіемъ: «Областныя выраженія русскаго языка въ Архангельской губерніи». Въ новѣйшее же время въ «Трудахъ Арханг. Статистическаго Комитета» (кн. I, 1866, стр. 45—49) напечатано небольшое собраніе провинціализмовъ этой губ. и въ особенности Кемскаго уѣзда, доставленное Р. Колповскимъ. Къ списку словъ приложено нѣкоторое число пословицъ и поговорокъ, загадокъ, прибаутокъ и баекъ или колыбельныхъ пѣсенъ (стр. 50—59), сообщенныхъ А. К. Шешенинымъ. Наконецъ, въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности (томъ VII) въ 1869 г. напечатаны извѣстнымъ нашимъ ученымъ Н. Я. Данилевскимъ дополненія къ академическому областному словарю, въ которыхъ всего многочисленнѣе слова, записанныя имъ, по

---

[1] Брата нашего академика Леопольда Ивановича.

просьбѣ Отдѣленія, во время путешествія по Архангельской губерніи[1].

Нынче представленъ въ Отдѣленіе рукописный «Словарь областного архангельскаго нарѣчія въ его бытовомъ и этнографическомъ примѣненіи», составленный управляющимъ Архангельскою конторою Государственнаго банка Александромъ Осиповичемъ Подвысоцкимъ. Здѣсь количество словъ, занимающихъ 450 страницъ въ листъ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ; въ концѣ на 8 страницахъ помѣщено собраніе употребительныхъ въ губерніи загадокъ. Составитель этого труда, уроженецъ Малороссіи, прожившій 10 лѣтъ безвыѣздно въ Архангельской губерніи и такимъ образомъ обладающій преимуществомъ полнаго практическаго знакомства съ двумя главными нарѣчіями русскаго языка, изучилъ этотъ край въ разныхъ направленіяхъ, бывалъ на Мурманскомъ берегу и даже прошелъ Сѣверный океанъ, отъ Норвежской границы до Новой Земли включительно. Во время своихъ переѣздовъ онъ постоянно записывалъ поражавшія его своими особенностями слова, обороты, поговорки и т. п., и такимъ-то образомъ составился находящійся нынѣ въ рукахъ нашихъ словарь.—Собранныя г. Подвысоцкимъ народныя изреченія, пословицы, загадки и пр. послужили ему примѣрами для подкрѣпленія расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ словъ. Кромѣ того онъ пользовался въ этомъ случаѣ академическимъ Областнымъ Словаремъ и Толковымъ Словаремъ Даля, насколько они представляли подходящихъ къ специальной цѣли его матеріаловъ, и вдобавокъ отмѣтилъ соотвѣтственными объясненіями тѣ изъ словъ архангельскаго нарѣчія, которыя въ томъ же видѣ и значеніи встрѣчаются также въ польскомъ языкѣ и малорусскомъ нарѣчіи. Но особенный интересъ его труду придаютъ помѣщенныя при множествѣ словъ бытовыя подробности по разнымъ отраслямъ

[1] Не упоминаю о спискѣ словъ, собранныхъ въ Вологодской губерніи Суровцовымъ и Фортунатовымъ и помѣщенныхъ въ Трудахъ моск. Общества люб. р. слов., такъ какъ между говорами употребительными въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, при многихъ сходныхъ провинціализмахъ, могутъ быть и значительныя различія

народной жизни.—Намѣреваясь представить нѣсколько образчиковъ содержанія словаря въ этомъ отношеніи, займемся напередъ вопросомъ о степени полноты его.

Уже и самое поверхностное сличеніе этого труда съ тѣми списками словъ архангельскаго нарѣчія, которые выше мною исчислены, показываетъ, что они по количеству содержащихся въ нихъ словъ не могутъ даже и итти въ сравненіе съ словаремъ г. Подвысоцкаго. Но затѣмъ можетъ оставаться сомнѣніе, не заключаютъ ли они въ себѣ такихъ словъ или поясненій къ нимъ, которыхъ нѣтъ въ настоящей рукописи. Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, я, при разсмотрѣніи словаря г. Подвысоцкаго, безпрестанно обращался то къ тому, то къ другому изъ помянутыхъ списковъ и, наоборотъ, отыскивалъ въ немъ слова, разсѣянныя въ спискахъ, и убѣдился, что за весьма рѣдкими исключеніями онъ соединяетъ въ себѣ не только все, что разбросано въ этихъ спискахъ, но по большей части при тѣхъ же словахъ, которыя помѣщены и въ нихъ, содержитъ поясненія, болѣе обстоятельныя и болѣе полныя. Приведу тому нѣсколько примѣровъ, при чемъ однакоже я долженъ заранѣе сдѣлать оговорку, что разультатъ сравненія никакъ не можетъ служить въ укоръ предшественникамъ г. Подвысоцкаго, такъ какъ они, при собираніи словъ, и не имѣли въ виду того сравнительно обширнаго плана, какимъ онъ задался, записывая слова большею частію только случайно и, такъ сказать, мимоходомъ.

О словѣ *пахать*, имѣющемъ въ Архангельской губерніи свое особенное значеніе, на которое уже было обращено вниманіе въ нашемъ Областномъ Словарѣ, у одного изъ прежнихъ собирателей (Ш.) сказано только: «*мести*; такъ *подпахать*, *выпахать* вм. *подмести*, *вымести*, напр. *выпаши дворъ*»; у другого (К.): «кромѣ извѣстной земледѣльческой работы, значитъ еще: мести полы, подметать соръ въ комнатѣ. И съ предлогомъ: *вы*, *под*. *Подпахнуть* полъ въ избѣ. Трубу *пахать*— очищать отъ сора дымовую трубу у печки». Г. Подвысоцкій, не довольствуясь этими поясненіями и примѣрами, приводитъ подъ словомъ *пахать* цѣлый рядъ

фразъ, въ которыхъ выражаются любопытныя народныя примѣты и повѣрья: *соръ при паханьи вынести на улицу—вынести богатство изъ дому* (слѣдуетъ сожигать въ печи); *избу паши, сору на улицу не мечи; послѣ отъѣзда кого-либо изъ домашнихъ не пашутъ три дня полу, а выпашешь—уѣхавшій не воротится; пахать полъ, когда обѣдаютъ — къ убытку; кто не сойдетъ съ мѣста когда пашутъ полъ, и его обметутъ вокругъ, — того будутъ обходить люди; не чисто пашетъ дѣвушка полъ, — мужъ будетъ бѣдный и въ долгахъ; отойдетъ дѣвушка, не окончивъ паханье пола, къ другому дѣлу—мужъ будетъ буйный и натерпится она отъ побоевъ*».

Затѣмъ приведено еще употребленіе того же слова въ выраженіи: «пахать смолу» (производить смолокуренный промыселъ). Это послѣднее употребленіе указано впрочемъ уже и нашимъ Областнымъ Словаремъ, а затѣмъ отмѣчено и Далемъ.

Слово: *дворъ* въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ объяснено только слѣдующимъ образомъ: «Мѣсто на морѣ, огороженное сѣтями, когда промышляютъ бѣлугъ». У г. Данилевскаго сказано: «то же, что *разъѣздъ:* широкое отверстіе, образуемое большимъ обручемъ или, лучше сказать, передняя часть мережи»... Г. Подвысоцкій соединяетъ оба эти значенія слова въ слѣдующемъ подробномъ толкованіи: «Дворъ: 1) Огороженное сѣтями пространство въ морѣ для ловли бѣлухъ обмётными неводами (составной изъ многихъ сѣтей ставной неводъ). Освѣдомившись о мѣстѣ, гдѣ появились бѣлухи, промышленники отправляются туда съ порядочнымъ числомъ карбасовъ съ неводами, и окружая осторожно, чтобы не спугнуть звѣря, данную мѣстность, обставляютъ ее со всѣхъ сторонъ неводами какъ бы стѣною. Обходить такимъ образомъ мѣстность карбасами и обставлять ее неводами называется: *сдвáривать*, а обходъ—*сдвáриваніе*. Когда начинается сдвариваніе, два среднихъ карбаса,—такъ называемые *корневы́е кáрбасы*, — сблизившись между собою, остаются нѣсколько назади, между тѣмъ какъ остальные карбасы продолжаютъ обходное движеніе, подаваясь справа и слѣва впередъ;

изъ числа ихъ два крайнихъ карбаса, т. е. по одному съ той и съ другой стороны, называются: *клячевые* или *заѣздные карбасы*, и, какъ руководящіе всѣмъ дѣломъ едвариванія, управляются самыми опытными промышленниками (Кем. Онеж.). 2) Мотня у невода, сажня въ четыре длины, ширины и вышины, для ловли сельдей (Онеж. Кем. Кол.)».

Возьмемъ еще слово *маниха*, которому уже прежними собирателями дано довольно полное опредѣленіе, и посмотримъ, что въ этомъ случаѣ говоритъ отъ себя г. Подвысоцкій. *Маниха*, по объясненію Кузмищева, — «ложный, кратковременный отливъ моря, замѣчаемый на прибрежьяхъ Бѣлаго моря. Около середины прилива вода пріостановится въ своемъ возвышеніи или, какъ говорится, *дрогнетъ* на убыль ненадолго и потомъ опять продолжаетъ приливать до максима».

Г. Данилевскій говоритъ: «явленіе замѣчаемое въ части Бѣлаго моря, прилежащей къ устью Двины: въ половинѣ времени прилива вода останавливается и даже упадаетъ, а потомъ снова продолжаетъ возвышаться». Почти то же самое находимъ въ словарѣ Даля. А. И. Шренкъ для объясненія разсматриваемаго термина пользуется путешествіемъ къ Новой Землѣ нашего маститаго президента, адмирала Литке, и выписываетъ изъ его описанія слѣдующее: «Въ устьяхъ Двины и далѣе отъ оныхъ къ морю... періодическое теченіе показываетъ весьма замѣчательныя явленія. Три часа послѣ начала прилива вода останавливается на одномъ горизонтѣ и потомъ падаетъ на $^1/_2$ или на 2 дюйма, при чемъ иногда замѣчается въ глубь направленное теченіе. Такое замедленіе прилива продолжается отъ 30 до 45 минутъ и называется *манихою*. Послѣ того приливъ возобновляется, и говорятъ: идетъ *большица*, которая въ 2 или въ $2^1/_2$ часа, или ровно черезъ 6 часовъ по начатіи прилива, приводитъ полный приливъ». Г. Подвысоцкій съ своей стороны такъ опредѣляетъ *маниху*: «случающаяся на побрежьяхъ Бѣлаго моря неправильность прилива, состоящая въ томъ, что вмѣсто постояннаго въ продолженіе шести часовъ возвышенія воды отъ малой до полной, — воз-

вышеніе это продолжается только около $2^1/_2$ часовъ, послѣ чего, въ продолженіе около часа, вода возвышается чуть замѣтно, или же вовсе не возвышается, а иногда даже понижается вершка на три (это называется: *маníха пáлая*, — говорятъ въ такомъ случаѣ: *вода дрогнула на убыль*) и затѣмъ снова правильно возвышается до окончанія прилива (это называется: *маníха прибылáя*). Въ устьяхъ Сѣверной Двины образуется прибылою манихою на мелкихъ мѣстахъ опасный для судовъ ложный фарватеръ или такъ называемая *заманíха*». Мы видимъ, что наблюдательность нашего лексикографа дала ему возможность сообщить относительно этого явленія нѣсколько любопытныхъ дополнительныхъ подробностей. Но кромѣ того ему извѣстно еще другое значеніе слова *маниха*, ускользнувшее отъ вниманія остальныхъ собирателей: «Глубокое замкнутое съ трехъ сторонъ отмелями мѣсто въ морѣ, откуда зашедшія по невѣдѣнію суда вынуждены направляться обратно». Что касается упоминаемой графомъ Литке *большицы*, то и это слово не пропущено г. Подвысоцкимъ и записано имъ въ своемъ мѣстѣ съ такимъ поясненіемъ: «дѣйствительная, правильная послѣ *манихи* прибылая вода».

Кромѣ сличенія подлежащаго суду нашему словаря съ имѣющимися списками словъ Архангельской губ., я, для повѣрки полноты и точности его, прибѣгалъ къ появившимся въ разное время описаніямъ этого края и упоминаемыя въ нихъ провинціализмы разыскивалъ въ доставленномъ намъ трудѣ. Такъ, много такихъ словъ найдено мною въ IV части «Путешествій» Лепехина, который напр. *маниху* называетъ «малымъ приливомъ и отливомъ» (стр. 35). У него же встрѣтились мнѣ между прочимъ слѣдующія слова, которыя всѣ нашлись и у г. Подвысоцкаго: 1) *алапера*. По объясненію Лепехина это кожица на тѣлѣ бѣлухъ (25). Г. Подвысоцкій опредѣляетъ это слово съ большею точностью. 2) *Бѣлуха* или *бѣлуга*. Лепехинъ подробно описываетъ ловлю этого морского звѣря (22—25). Г. Подвысоцкій правильно приводитъ научный терминъ его (Delphinopterus leucos), но напрасно отожествляетъ его съ морской коровой, видомъ, который, какъ из-

вѣстно давно уже вымеръ, развѣ можетъ-быть названіе его сохранилось въ неточномъ значеніи у промышленниковъ Сѣвернаго Океана. 3) *Весновальный ка́рбасъ*—гребное, парусное судно для весенняго промысла трески и морского звѣря, къ чему г. Подвысоцкій прибавляетъ: «ко дну его придѣлываются, для удобнѣйшаго вытаскиванія на берегъ или на ледъ, два въ видѣ полозьевъ, въ равномъ разстояніи отъ килевой части, бруса, называемые *крень, кренья*». 4) *Жѐлѣзныя ворота* — морской заливъ, мѣсто котораго опредѣлительно указано г. Подвысоцкимъ. 5) *Залёжка*—стадо моржей и тюленей, отдыхающихъ на прибрежныхъ льдахъ. Къ этому значенію, сходному съ тѣмъ, какое находимъ у Лепехина, г. Подвысоцкій присоединяетъ еще два: а) мѣсто, гдѣ залегаютъ моржи и тюлени; б) засада, гдѣ охотники подстерегаютъ дикихъ оленей или другую дичь. 6) *Клетчина*. Лепехинъ говоритъ (стр. 5): «Поморки довольно искусны въ тканіи узорныхъ скатертей и салфетокъ, что́ все они подъ именемъ *клетчины* продаютъ въ городѣ Архангельскомъ и весною съ своимъ издѣльемъ ходятъ по городу стадами». У г. Подвысоцкаго находимъ такое же объясненіе этого слова. Такимъ же образомъ, согласно съ ученымъ путешественникомъ, хотя совершенно самостоятельно и иногда подробнѣе, объяснены у г. Подвысоцкаго слова: *котляна* (артель промышленниковъ), *корешки* (корюхи), *кутило* (острога для битья морскаго звѣря), *покрученикъ* (работникъ, нанятый изъ условленнаго пая на промысловое судно), *рявца* (порода рыбы) и мн. др. Нѣсколько разъ употреблено Лепехинымъ слово *юрка́*, но для читателя остается не совсѣмъ яснымъ его значеніе: «случается» говоритъ онъ (12), «что на одномъ торосѣ (льдинѣ) столько звѣрей побиваютъ, что одинъ карба́съ всего юрка́ къ берегу притащить не можетъ» или далѣе: «всѣ промышленныя суда съ своими *юрками* выгребаютъ къ берегамъ». У г. Подвысоцкаго читаемъ: «*юрокъ, вьюрокъ, юрка* — связка сырыхъ шкуръ морскихъ звѣрей, нанизанныхъ на веревку или ремень изъ моржовой кожи; въ такомъ видѣ шкуры эти тянутъ по льду до берега или же буксируютъ по водѣ, привязавъ къ прикрѣпляемой у кормовой части

судна *стягъ*». Шренкъ даетъ слову *юрокъ* болѣе обширное значеніе: по его толкованію, это — «извѣстное количество вмѣстѣ собранныхъ однородныхъ предметовъ, напр. юрокъ оленей, юрокъ звѣриныхъ кожъ, юрокъ вицей (прутьевъ)». Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что изъ прежнихъ собирателей словъ Архангельской губерніи покойный Шренкъ даетъ наиболѣе полныя и обстоятельныя объясненія.

Недостаетъ у г. Подвысоцкаго слѣдующихъ трехъ словъ, приводимыхъ Лепехинымъ: *щапъ*, *смольё* и *пѣкъ* (*Путеш. IV*, стр. 435, 440 и 450). *Щапъ* — это, по словамъ ученаго путешественника, топорная засѣчка, наискось въ дерево углубляемая; *смолье* — расколотыя и расщепленныя при смолокуреніи полѣнья, наконецъ *пѣкъ* есть очевидно нѣсколько измѣненное нѣмецкое Pech и означаетъ такую смолу, которая кипяченіемъ совершенно освобождена отъ всякой влажности.

Рядомъ съ *Путешествіемъ* Лепехина, я, для повѣрки словаря г. Подвысоцкаго, пользовался: 1) Появившимся въ 1828 г. *Четырехкратнымъ путешествіемъ* флота капитанъ-лейтенанта Ѳ. Литке въ Сѣверный Ледовитый океанъ, 2) *Очерками Архангельской губерніи*, сочиненіемъ молодого, весьма даровитаго, но къ сожалѣнію рано умершаго литератора Верещагина, изданнымъ въ 1849 году, и 3) книгою г. Максимова: *Годъ на Сѣверѣ*. И результатъ моихъ сличеній былъ тотъ же. Примѣръ изъ Путешествія графа Литке былъ уже приведенъ выше. Укажу здѣсь на 2-3 слова, встрѣчающіяся въ остальныхъ двухъ сочиненіяхъ. Верещагинъ, исчисляя разныя роды судовъ, употребительныхъ на Поморьѣ, упоминаетъ, послѣ извѣстныхъ шнякъ, *раньшины*, легкія палубныя суда съ двумя мачтами. «Имя свое, прибавляетъ онъ, получили онѣ отъ того, что на нихъ раньше всѣхъ прочихъ судовъ промышленники привозятъ рыбу для продажи». Г. Подвысоцкій даетъ этому слову формы: *раньшина* и *раньщина* съ такимъ болѣе обстоятельнымъ объясненіемъ: «Небольшое въ родѣ шняки мореходное судно съ возвышенными бортами, иногда съ навѣсомъ посрединѣ и съ двумя мачтами. Называется такъ

оттого, что ходитъ на промыслъ раннею весною и ранѣе другихъ судовъ возвращается съ промысла. На нихъ же привозятъ въ Архангельскъ первую весенняго укола свѣжепросольную треску. Рабочій на раньшинѣ называется *раньшикъ, раньщикъ*».

Г. Максимовъ (стр. 405 и 406) въ разсказѣ о дружелюбныхъ сношеніяхъ Лопарей съ Русскими, говоритъ между прочимъ: «патріархально гостепріимный въ своей вѣрѣ Лопарь любитъ заводить (съ Русскими) тѣсную дружбу, родъ братства, однимъ словомъ, любитъ блюсти вѣковой обычай «*крестованья*» и предлагаетъ знакомцу-помору «*покрестоваться*», то есть обмѣняться крестами, сдѣлаться крестовыми братьями». Этотъ обычай упомянутъ и г. Подвысоцкимъ при словѣ *крестованье*. Отъ него мы узнаемъ сверхъ того, что *крестовымъ братомъ* или *крестовушкой* называется также мужчина, имѣющій однихъ и тѣхъ же съ кѣмъ-либо воспріемниковъ. Часть этихъ поясненій находимъ уже и въ нашемъ Областномъ Словарѣ. Даль прибавляетъ: «Если у заболѣвшаго на ходу бурлака есть на судѣ крестовый братъ, то этотъ покидаетъ судно, лишаясь заработковъ поколѣ не пристроитъ брата», при чемъ однакожъ не объяснено, къ какой мѣстности относится это замѣчаніе: можетъ-быть тотъ же обычай встрѣчается не въ одной Архангельской губерніи.

Изъ сдѣланныхъ сличеній мы убѣждаемся, что словарь г. Подвысоцкаго относительно полонъ и въ такъ называемой номенклатурѣ, и въ сообщаемыхъ имъ объясненіяхъ словъ. Употребляю выраженіе *относительно*, потому, во 1-хъ, что совершенной полноты трудно и едва ли возможно достигнуть въ такомъ дѣлѣ даже соединенными силами многихъ, а тѣмъ болѣе трудомъ одного лица, а во 2-хъ, что дѣйствительно, уже и въ находящихся передъ нами спискахъ словъ Архангельской губерніи есть нѣсколько такихъ реченій, которыя не вошли въ разбираемый словарь, напр. въ немъ пропущено слово *теленокъ*, означающее оленя на 1-мъ году. Это оказывается изъ слѣдующаго замѣчанія Верещагина (65): «олени отъ своего рожденія до 5-ти лѣтъ имѣютъ особенныя названія; именно: на 1-мъ году олень

называется *теленкомъ*, на 2-мъ самецъ — *уракомъ*, самка — *вóнделкою;* на 3-мъ самецъ — *убáрсомъ*, самка — *вонделважен-кою;* на 4-мъ самецъ — *кундусомъ*, самка — *важенкою*, и это имя остается ей на всегда; самецъ же съ 5-го года носитъ названіе *быка*». Всѣ эти термины, кромѣ перваго и пятаго, показаны въ томъ же значеніи и г. Подвысоцкимъ. Мы узнаемъ у него вдобавокъ, что *важенкою* собственно называется телившаяся уже самка, и что для означенія трехлѣтней вполнѣ развившейся самки употребляется еще слово *я́рица*. Названія же *вонделваженка* въ словарѣ нѣтъ. За то г. Подвысоцкій прибавляетъ слова: *лóпанка* (такъ называется олень моложе годового возраста) и *хора* — трехлѣтній взрослый самецъ [1].

Пропускъ нѣкотораго количества словъ въ трудѣ г. Подвысоцкаго произошелъ, очевидно, отъ того, что онъ работалъ совершенно одинъ и не имѣлъ въ рукахъ трудовъ своихъ предшественниковъ по собиранію провиніализмовъ Архангельской губерніи. Но этого недостатка нельзя считать особенно важнымъ, такъ какъ при печатаніи словарь легко можетъ быть дополненъ составителемъ по тѣмъ пособіямъ, которыя указаны въ нашемъ разборѣ. За то, съ другой стороны, въ совершенной самостоятельности труда г. Подвысоцкаго нельзя не признать своего рода достоинства: почти весь содержащійся здѣсь богатый матеріалъ собранъ изъ перваго источника, изъ устъ живыхъ людей, и такимъ образомъ можетъ служить незамѣнимымъ матеріаломъ для повѣрки собранныхъ другими, ранѣе г. Подвысоцкаго, словъ и выраженій изъ народнаго быта въ той же губерніи.

Перейдемъ теперь къ той сторонѣ словаря г. Подвысоцкаго, которая заключается въ приведенныхъ имъ подъ множествомъ словъ примѣрахъ и придаетъ его словарю особенную цѣну, дѣлая

---

[1] Обиліемъ названій оленя въ разныхъ возрастахъ особенно отличается списокъ Шренка (стр. 148 и 149). У него также приведено слово *теленокъ;* вм. *убарсъ* пишетъ онъ *уварсъ;* вм. *кундусъ* — *контусъ*. Изъ названій этого разряда, отмѣченныхъ Шренкомъ, у г. Подвысоцкаго недостаетъ только *шаламатъ* — олень на 4-мъ году возраста.

его важнымъ пособіемъ для ближайшаго изученія природы, обычаевъ, нравовъ и повѣрій населенія сѣверной части Европейской Россіи. Въ этомъ отношеніи свѣдѣнія, почерпаемыя изъ словаря г. Подвысоцкаго, могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) Естествовѣдѣніе, 2) Бытъ: обычаи, игры, въ особенности свадебные обряды; 3) примѣты, заклинанія, повѣрья; 4) мореплаваніе; 5) охота и рыболовство; 6) земледѣліе. По части быта особенно много свѣдѣній представляютъ слова, касающіяся женитьбы, такъ что по нимъ легко составить довольно полное описаніе относящихся сюда обычаевъ. Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ и выпишемъ для примѣра цѣлый рядъ словъ съ помѣщенными подъ ними объясненіями, чтобы показать, какой богатый матеріалъ для мѣстной этнологіи можно извлечь изъ разсматриваемаго словаря. Подъ выраженіемъ *барина женить* мы узнаемъ, что такъ называется употребительная на вечеринахъ игра съ хоровыми пѣснями, въ которой одинъ изъ парней, при содѣйствіи другихъ участвующихъ, продѣлываетъ всѣ отъ начала сватовства свадебные пріемы. Подъ словомъ *заручение* находимъ слѣдующія подробности: «обрядъ благословенія жениха и невѣсты родителями этой послѣдней при формальномъ изъявленіи согласія на ея замужество; также устраиваемое по этому поводу домашнее празднество. Обыкновенно, когда сватъ является сватать невѣсту и проситъ дать ему приказъ или отказъ, родители невѣсты не даютъ рѣшительнаго отвѣта, а просятъ отсрочки, чтобы поспѣшнымъ отвѣтомъ *не подвести себя подъ сомнѣние* или не оскорбить жениха, если имѣется въ виду отказъ. Если по собраннымъ свѣдѣніямъ женихъ оказывается подходящимъ, то родители невѣсты извѣщаютъ его о днѣ, въ который онъ можетъ *узнать приказъ*, приглашая въ то же время къ себѣ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, и когда приходитъ женихъ, то, вмѣстѣ съ объявленіемъ согласія, предъявляютъ ему невѣсту (*позволяютъ смотрѣть ее*), при чемъ конечно происходитъ и посильное угощеніе. Этотъ-то домашній обрядъ, празднество, и называется: *заручёнье*, также: *рукобитье*, *пропой* (говорятъ:

пропиваютъ невѣсту), *смотрины*, *маленькое смотрѣніе*, *смотрѣньице*; просватать же невѣсту называется: *пропи́ть*, *просанда́лить дѣвку*. Обыкновенно женихъ является на смотрины въ сопровожденіи своихъ родственниковъ, предварительно собирающихся въ его домѣ (у Кореловъ въ Кем. у. ихъ сзываютъ ружейными выстрѣлами). Смотрѣніе же невѣсты начинается съ того, что невѣсту, прячущуюся обыкновенно въ такъ называемомъ *бабьемъ углѣ*, выводятъ какъ бы насильно къ жениху, при чемъ дѣлаютъ они другъ другу подарки».

«*Запла́чка:*—старинный предсвадебный обрядъ, состоящій въ томъ, что невѣста, въ промежутокъ времени между сговоромъ и свадьбой, оплакиваетъ свою судьбу и прощается съ родителями, родственниками и дѣвушками-подругами. Это необходимый обрядъ приличія, и каждая порядочная дѣвушка, хотя бы выходила замужъ вполнѣ добровольно и по горячей любви, непремѣнно должна плакать и даже *биться по модѣ*, такъ чтобы руки и ноги опухли и посинѣли (говорится также: *убиваться*). Это-то дѣйствіе и называется: *заплачка*, также: *плакище*, *голоше́ніе* (говорятъ: *сегодня у невѣсты плакище*, *голошеніе*), такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ невѣста, обращаясь къ отцу, *припла́киваетъ*, *бѣднится: отдалъ ты меня, батюшка, да приневолилъ*,—а отецъ отвѣчаетъ на это: *некуда тебя пасти, дитятко, съ Богомъ, живи хорошенько*».

«*Па́ра:* стариннаго покроя крытая штофомъ шубейка (называемая полушубокъ) съ юбкою къ нему. Одежда эта, вмѣстѣ съ повязкою, надѣвается невѣстою во время *заплачки* и передается выходящею замужъ слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ; послѣдняя же выходящая замужъ сестра оставляетъ себѣ ее въ собственность, въ видѣ приданаго. Какъ обычная одежда, *пара* уже вышла изъ употребленія, и дѣвушки надѣваютъ ее иногда только на гуляньяхъ. *Такъ-то ужъ баско, очень басисто какъ наша краля материнску пару надѣла*». Обрядъ, соблюдаемый передъ свадьбой, описанъ подъ словомъ *Гомылька:*—«большой платокъ, даримый женихомъ невѣстѣ передъ отъѣздомъ къ вѣнку.

Когда передъ отъѣздомъ къ вѣнцу, родители благословляютъ невѣсту, женихъ набрасываетъ на нее *гомыльку*, такъ, чтобы лицо было закрыто и въ это время свадебницы поютъ: *пала гомылька на буйную голову, ее вѣтромъ не сдуетъ и частымъ дождёмъ не смочитъ.* При входѣ въ церковь, сватья снимаетъ гомыльку, а послѣ *окрутки* снова накрываетъ ею невѣсту, которая не открывается и по пріѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха,—даже и на свадебномъ обѣдѣ, пока не поставятъ на столъ сладкій пирогъ. Тогда свекровь благословляетъ молодыхъ хлѣбомъ, обращается къ гостямъ съ словами: *свадебники и свадебницы, сусѣди и сусѣдушки, смотрите на мою невѣстушку, какова*, и затѣмъ снимаетъ съ молодой гомыльку. Что слѣдуетъ далѣе, объяснено подъ словомъ *Приводно*: «обрядъ вступленія новобрачной въ домъ мужа послѣ вѣнчанія. Новобрачныхъ встрѣчаютъ родители молодого съ иконою и благословляютъ; потомъ молодой садится, а молодая, у которой лицо закрыто платкомъ, стоитъ передъ нимъ нѣкоторое время, кланяется ему и наконецъ садится рядомъ съ нимъ. Послѣ этого начинается обѣденный столъ (называется приводной столъ), въ продолженіе котораго голова молодой прикрыта платкомъ, а по окончаніи обѣда *вѣжливый*, помахавъ надъ головами новобрачныхъ хлыстомъ, снимаетъ имъ платокъ съ молодой и спрашиваетъ у присутствующихъ: *какова молодая?* на что всѣ отвѣчаютъ одобрительно».

«*Сторожъ* — одно изъ важныхъ должностныхъ лицъ при свадьбѣ, то же что въ другихъ мѣстностяхъ *вѣжливый*. Состоя главнымъ образомъ при женихѣ, онъ распоряжается брачнымъ обиходомъ и поѣздомъ въ видахъ предохраненія жениха и невѣсты отъ порчи: устраиваетъ столъ для брачнаго пира, и при этомъ непремѣнно самъ разстилаетъ скатерть; разсаживаетъ участниковъ пира на надлежащихъ мѣстахъ; рѣжетъ хлѣбъ, благословясь предварительно у хозяина и хозяйки; читаетъ молитву передъ столомъ; распоряжается подачей кушаньевъ, наконецъ отводитъ новобрачныхъ на подклѣтъ къ брачному ложу, при чемъ даетъ имъ напиться вина, пошептавъ предварительно

извѣстныя слова, долженствующія внушить молодымъ страстную на всю жизнь взаимную любовь».

«*Подклѣтъ*—одинъ изъ свадебныхъ обрядовъ, именно встрѣча возвращающихся отъ вѣнца новобрачныхъ родителями жениха съ хлѣбомъ и солью, подъ которыми должны они пройти въ домъ молодого, — а затѣмъ, когда молодые станутъ на своихъ мѣстахъ у свадебнаго стола, отецъ молодого беретъ два калача, обводитъ ими вокругъ головъ новобрачныхъ и открываетъ закрытую до того времени гомылькою новобрачную».

«*Почёстный столъ, почёстье:* 1) обѣденный столъ у жениха послѣ заручeнья, 2) обѣденный столъ у новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ у родителей молодой для родственниковъ молодого».

«*Хлѣбины, Красный столъ*—обѣденный, дня черезъ два или три послѣ свадьбы, столъ у отца невѣсты для новобрачныхъ; послѣ этого стола, молодая получаетъ окончательно приданое отъ своихъ родителей».

Теперь приведемъ нѣсколько примѣровъ объясненій, относящихся къ другимъ сторонамъ народнаго быта.

«*Бородá завúть* — окончить полевыя работы по уборкѣ сѣна или хлѣба. *Сѣнная борода завить*—сгрести и поставить въ стоги сѣно. *Хлѣбная борода завúть* — сжать и убрать съ поля хлѣбъ. Обыкновенно, во второй половинѣ или въ концѣ августа, для уборки остающагося еще на поляхъ хлѣба, зажиточнѣйшіе крестьяне заколачиваютъ дѣвушекъ, жонокъ и парней на *бороду*, т. е. просятъ дожать общими силами въ одинъ день остающійся на полѣ хлѣбъ или убрать на пóжнѣ сѣно. Такая уборка называется: *борода,* а звать на помочь для уборки—*звать на бороду*. Говорятъ напримѣръ: *у дѣдушки Пантелѣя сегодня борода*, или *бороду завили*, т. е. окончили жатву или уборку сѣна. При окончательномъ дожинѣ хлѣба, оставляютъ на нивѣ кучку стеблей съ колосьями, горсти въ три объемомъ, связываютъ всѣ стебли лентой и срѣзываютъ колосья, а оставшуюся солому разгибаютъ сверху въ стороны и кладутъ туда горсть земли, послѣ чего дѣ-

лается собственно завитіе бороды: дѣвушки, распѣвая веселыя пѣсни, собираютъ на межѣ около поля цвѣты, убираютъ ими оставленную кучку соломы и землю вокругъ нея, и затѣмъ, вмѣстѣ со всѣми участвовавшими въ помочи, идутъ въ домъ хозяина и поздравляютъ его съ окончаніемъ работы, а тотъ предлагаетъ имъ угощеніе, въ заключеніе котораго водятъ хороводы, поютъ пѣсни и играютъ въ разныя игры».

Подъ словомъ *Бѣжня* узнаемъ, что на Сѣверѣ до сихъ поръ употребительна въ народѣ игра, похожая на метаніе дисковъ у древнихъ: «каждый участвующій бросаетъ покатомъ по землѣ деревянный кружокъ, называемый *бѣжня*, и догоняетъ его: кто дальше закатитъ и прежде всѣхъ догонитъ, тотъ выигрываетъ». *Молить вѣтеръ*—суевѣрный обрядъ, соблюдаемый женщинами прибрежныхъ селеній Кемскаго уѣзда по случаю ожидаемаго осенью возвращенія ихъ мужей и родственниковъ съ мурманскихъ промысловъ: вечеромъ выходятъ онѣ всѣмъ селеніемъ *молить вѣтеръ, чтобы* не *серчалъ и давалъ льготу дорогимъ лѣтникамъ;* на слѣдующую же ночь отправляются къ берегу рѣчки или ручья, моютъ котлы, бьютъ полѣномъ флюгеръ (чтобы тянулъ повѣтерье), и при этомъ стараются насчитать трижды девять плѣшивыхъ односельчанъ или иныхъ знакомыхъ, отмѣчая числа ихъ углемъ на лучинахъ съ крестообразною вверху поперечкою; затѣмъ всѣ отправляются съ этими лучинами на задворки, выкрикиваютъ тамъ во все горло: *встокъ да обѣдникъ пора потянуть, западъ да шалоникъ пора покидать, тридевять плѣшей, всѣ сосчитанныя, пересчитанныя, встокова плѣшь напередъ пошла,*—бросаютъ лучинки назадъ себя черезъ голову, обратясь лицомъ къ востоку, и припѣваютъ: *встоку да обѣднику каши наварю и блиновъ напеку, а западу шалонику спину оголю, у встока да обѣдника жена хороша, а у запада шалоника жена померла.* По окончаніи этого припѣва осматриваютъ брошенныя лучины, такъ какъ въ которую сторону легли онѣ крестомъ, съ той стороны будетъ вѣтеръ; если же по которой-нибудь лучинѣ окажется вѣтеръ неблагопріятный, то, посадивъ на щепку тара-

кана, пускають ее на воду, приговаривая: *поди тараканъ въ воду, подними тараканъ сѣверá*, т. е. сѣверные вѣтры, самые благопріятные для возвращающихся съ Мурманскаго берега».

«*Уличный уставъ.* Въ Архангельской губерніи почти каждый крестьянинъ, независимо отъ фамиліи, подъ которой записанъ въ ревизскихъ сказкахъ, имѣетъ еще такъ называемый уличный уставъ, т. е. прозвище по-уличному, даваемое нерѣдко еще въ ребячествѣ своими собратами, иногда въ насмѣшку, а иногда по какой-нибудь внѣшней особенности. Такія же вторыя, только между крестьянами употребительныя названія имѣютъ, помимо офиціальныхъ, и весьма многія населенныя мѣстности».

Наконецъ остановимся на замѣчательномъ словѣ *выть*, которое обратило на себя вниманіе уже со времени изданія академическаго Областного Словаря, потомъ полнѣе объяснено Далемъ, а теперь въ трудѣ г. Подвысоцкаго является еще въ болѣе точномъ толкованіи и обширнѣйшемъ примѣненіи.

«*Выть.* 1) Старинная земельная мѣра (Обжа).—2) Ѣда, количество употребляемой за разъ ѣды (франц. repas). *Давать одну выть въ день* — кормить по разу въ день. *Заѣлъ три выти* — съѣлъ втрое. *Ѣшь, не ѣшь, а за выть сочтутъ*, т. е. будутъ считать, что ѣлъ. *По три выти за разъ охлестывать. Позолотить выть*—полакомиться чѣмъ-либо послѣ ѣды. *Маловытное содержаніе*, — харчи, недостаточная скудная пища.—3) Пора ѣды и, въ связи съ этимъ, такъ какъ потребленіе пищи происходитъ въ различные часы дня, извѣстное пространство времени; говорятъ напримѣръ: въ *три выти дрова свозилъ*, т. е. въ періодъ времени, въ продолженіе котораго обыкновенно три раза ѣдятъ; *по зимамъ выти коротки*, т. е. короткіе дни. Крестьяне, смотря по большей или меньшей продолжительности рабочаго дня, ѣдятъ 3—4 раза въ день, или, по туземному выраженію, у нихъ 3—4 выти въ день: 1-я выть — завтракъ, между 4 и 6 часами утра, смотря по досугу и работѣ; 2-я выть — обѣдъ; 3-я выть—между обѣдомъ и ужиномъ; 4-я выть—ужинъ. У промышленниковъ въ морѣ двѣ главныя выти: 1-я, когда придетъ къ обѣднику, т. е.

въ 9 часовъ утра, и 2-я, когда солнце на шалоникѣ, т. е. въ три часа пополудни. *Во втору вытъ былъ я у ево, а онъ, сказывали въ дому, ужъ со три выти спитъ* (т. е. три четверти дня). Поговорки: *хоть звать не зови, только вытью корми; каковъ у выти, таковъ и у дѣла; съ выти на вытъ, и не знаемъ какъ быть; для одной выти да руки мыти; за кажду вытъ да руки мытъ.* Въ приглашеніяхъ на угощеніе поморы зовутъ *на вытъ* (на такую-то), напр., въ случаѣ спуска новопостроеннаго судна, является къ приглашаемому мальчишка-подростокъ и говоритъ: *дядя* (положимъ Пантелей) *на первую вытъ звалъ тебя на лодейку спущаться, пожалуй-ко.* — 4) Всякіе вообще съѣстные припасы. — 5) Позывъ на ѣду, аппетитъ. *У ево за все больша вытъ. Коли нѣтъ выти, пущай и не ѣстъ. Заморить вытъ* — утолить аппетитъ. *Маловытной*, не имѣющій аппетита. *Съ измала онъ у насъ такой маловытной*».

Въ числѣ примѣровъ, приводимыхъ для подтвержденія словъ, въ трудѣ г. Подвысоцкаго разсѣяно множество мѣстныхъ поговорокъ, въ концѣ же помѣщенъ, расположенный въ азбучномъ порядкѣ по первому слову, списокъ загадокъ, употребительныхъ въ Архангельской губерніи.

Къ достоинствамъ словаря г. Подвысоцкаго слѣдуетъ отнести и то, что надъ каждымъ словомъ означено его удареніе, весьма важное руководство для правильнаго воспроизведенія его, и что кромѣ того при каждомъ словѣ показано, въ какихъ именно уѣздахъ губерніи оно слышано. Конечно, словарь еще значительно выигралъ бы въ научномъ отношеніи, если бы составитель при словахъ, заимствованныхъ у инородцевъ (которыхъ, особенно Финновъ, много въ Архангельской губерніи), означалъ какому именно племени они принадлежатъ, но съ другой стороны надо согласиться, что такое дѣло во многихъ случаяхъ представляетъ большія трудности и требуетъ обширныхъ лингвистическихъ познаній, не легко соединимыхъ съ другими условіями, которыя нужны были для доставленія возможности къ появленію такого словаря. Задача, какую предположилъ себѣ составитель, сама по

себѣ удовлетворяетъ весьма важной потребности: именно она состояла въ томъ, чтобы «изъ живого источника собрать матеріалъ областного народнаго языка въ томъ видѣ, какъ онъ живетъ на мѣстѣ и въ связи съ дѣйствующими на говоръ этнографическими условіями». Эта задача выполнена составителемъ вполнѣ успѣшно: мы обязаны ему первымъ въ русской филологической литературѣ цѣлымъ словаремъ значительнаго объема по одному областному нарѣчію. Если бы примѣръ этотъ нашелъ послѣдователей и мало по малу явились такіе же словари и по другимъ мѣстнымъ говорамъ нашего народа, то какимъ богатымъ матеріаломъ могла бы располагать русская филологія! — Дальнѣйшая научная разработка ихъ была бы уже дѣломъ сравнительно легкимъ и не замедлила бы послѣдовать. Поэтому нельзя не цѣнить высоко настоящаго труда, какъ перваго въ своемъ родѣ опыта, могущаго сдѣлаться началомъ весьма желательнаго развитія у насъ діалектологіи, столь богатой у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ и Итальянцевъ. Трудъ г. Подвысоцкаго представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что въ немъ разработано нарѣчіе края, бывшаго родиной отца нашей новой художественной литературы, — нарѣчіе, котораго слѣды легко отыскать и въ собственныхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

По всѣмъ выставленнымъ здѣсь качествамъ словаря г. Подвысоцкаго, Отдѣленіе русскаго языка и словесности не обинуясь признало его достойнымъ Ломоносовской преміи, которую и присуждаетъ ему тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что этотъ трудъ конечно заслужилъ бы полное сочувствіе и одобреніе со стороны геніальнаго виновника находящейся въ распоряженіи нашемъ преміи.

КЪ СООБРАЖЕНІЮ

БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I. ШВЕДСКІЙ АКАДЕМИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Въ Швеціи есть нѣсколько академій и ученыхъ обществъ, какъ-то: Академія наукъ, Академія словесности, исторіи и древностей, Академія свободныхъ искуствъ, Академія военныхъ наукъ, Земледѣльческая, Музыкальная, Общество для изданія рукописей относительно скандинавской исторіи—все это въ Стокгольмѣ; кромѣ того Ученое общество въ Упсалѣ, Физіографическое общество въ Лундѣ, Общество наукъ и словесности въ Готенбургѣ, Общество военнаго морскаго искуства въ Карлскронѣ, и множество другихъ частныхъ обществъ для разныхъ спеціально-ученыхъ, педагогическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и промышленныхъ цѣлей.

Изъ всѣхъ этихъ академій и ученыхъ обществъ для насъ особенный интересъ представляетъ такъ называемая *Шведская академія*, о дѣятельности которой и считаю нужнымъ сообщить нѣсколько свѣдѣній. Эта академія основана въ 1786 году Густавомъ III. Уже самое названіе ея показываетъ, что по цѣли учрежденія она сходствуетъ съ академіями Французскою и нашею Россійскою, т. е. ей была дана двоякая цѣль или, вѣрнѣе, даны двѣ цѣли, трудно соединимыя въ дѣятельности одного и того же общества: академія обязана заниматься краснорѣчіемъ и поэзіею, воз-

величивая память славныхъ соотечественниковъ, и въ то же время не только заботиться о чистотѣ, силѣ и благородствѣ родного языка, но и составить его словарь и грамматику. Число членовъ должно всегда простираться до 18. Трудность соединить обѣ разнородныя цѣли — причиною, что Шведская академія вынуждена главнымъ образомъ посвящать себя одной изъ нихъ: именно она, и по составу своему съ самаго своего учрежденія, и по духу того времени, и по общественнымъ требованіямъ, поставила себѣ на первомъ планѣ литературную задачу. Она задаетъ художественныя темы, разбираетъ представленныя на судъ ея сочиненія, награждаетъ ихъ преміями, пишетъ похвальныя слова своимъ умершимъ членамъ. Впрочемъ и другая цѣль Шведской академіи, т. е. филологическая, никогда не была вполнѣ выпускаема ею изъ виду: еще въ концѣ прошлаго столѣтія она трудами своихъ членовъ Леопольда и Чельгрена (Kellgren), хотя и поэтовъ по преимуществу, способствовала къ уясненію и упрощенію правилъ правописанія, а въ 1830-хъ годахъ издала грамматику отечественнаго языка. Что касается до словаря, то эта задача находилась въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, и до сихъ поръ остается еще далеко не разрѣшенною; сдѣлано только начало и идутъ подготовительныя работы, хотя стокгольмская академія, учрежденная только тремя годами позже Россійской, существуетъ уже 97 лѣтъ. Своею медлительностью въ этомъ дѣлѣ она вновь доказала, что напрасно, для достиженія окончательнаго совершенства, отлагать выполненіе труда, который и въ менѣе безукоризненномъ видѣ могъ бы удовлетворить первымъ потребностямъ и послужить побужденіемъ къ дѣятельному продолженію дѣла. Въ 1850-хъ годахъ покойный непремѣнный секретарь Шведской академіи баронъ Бесковъ (Beskow) представилъ отчетъ о ходѣ ея словарнаго труда, и здѣсь сообщается въ переводѣ извлеченіе изъ этой любопытной записки.

Баронъ Бесковъ умеръ въ 1868 году, 72-хъ лѣтъ отъ роду. Имя его незабвенно въ исторіи шведской литературы, и особенно академіи. Онъ принадлежалъ этому учрежденію сорокъ лѣтъ, и

изъ этого числа около тридцати пяти былъ непремѣннымъ секретаремъ академіи. По своему независимому положенію, онъ смолоду могъ посвятить себя почти исключительно литературѣ; будучи близокъ къ королевской фамиліи, онъ занималъ придворную должность, а въ 1830-хъ годахъ принялъ-было и мѣсто директора театра, но трудности этого управленія не согласовались ни съ характеромъ, ни съ главными занятіями его, и онъ съ небольшимъ черезъ годъ попросилъ увольненія отъ театра. Авторская дѣятельность Бескова была очень разнообразна; въ молодости онъ не безъ успѣха испытывалъ себя въ разныхъ родахъ поэзіи, но особеннымъ уваженіемъ пользуются его историческія драмы и читанныя имъ въ академіи и внѣ ея, при разныхъ случаяхъ, біографіи знаменитыхъ соотечественниковъ. Позднѣйшая половина его поприща была преимущественно посвящена послѣднему роду сочиненій: онъ написалъ около сорока біографій, отчасти государственныхъ людей, но болѣе писателей и ученыхъ; всѣ онѣ отличаются истиннымъ ораторскимъ талантомъ, большимъ обиліемъ положительныхъ свѣдѣній, вѣрностью оцѣнки всякаго дѣятеля и прекраснымъ языкомъ. По этой отрасли литературы за Бесковомъ признано одно изъ первыхъ мѣстъ между шведскими писателями. Какъ членъ академіи, онъ во все продолжительное время своего секретарства былъ душою этого учрежденія, но и внѣ академіи онъ пріобрѣлъ большое значеніе, какъ человѣкъ, который, и по своему общественному положенію, и по своимъ средствамъ, могъ дѣлать много добра. Горячо любя литературу и искуство, онъ поддерживалъ начинающіе таланты то дружескимъ пріемомъ и ободреніемъ, то матеріальными, часто очень значительными пожертвованіями. Такимъ образомъ смерть барона Бескова была для Шведской академіи очень чувствительною потерей.

Множество начатыхъ, но неконченныхъ словарей, говоритъ одинъ стокгольмскій журналъ по поводу его записки, уже доказываетъ, какія усилія дѣлаемы были въ Швеціи для составленія сколько-нибудь полнаго лексикона; это еще болѣе подтверждаютъ

старанія ученыхъ обществъ съ давнихъ временъ: особенно эпоха Густава III отличалась усердіемъ въ разработкѣ родного языка. Тѣмъ не менѣе ея стремленія не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, такъ какъ всѣ извѣстные доселѣ шведскіе словари сравнительно не полны. Еще не успѣли собрать той богатой жатвы словъ, какую могутъ доставить разнообразныя областныя нарѣчія. Объ этомъ давно уже помышляли, и Ире въ свое время много сдѣлалъ по этому предмету, но вѣроятно еще болѣе остается сдѣлать. Еще въ 1720-хъ годахъ Линдестольпе говорилъ: «Очень желательно было бы, чтобъ заботливое правительство избрало ученыхъ и толковыхъ людей, въ провинціяхъ, изъ судей, пасторовъ, бургомистровъ и др., — которые бы записывали всѣ добрыя старинныя слова, еще понынѣ употребительныя въ простомъ народѣ, и идіотизмы, господствующіе въ каждой мѣстности, а также, чтобы изъ древнихъ сагъ, хроникъ и уложеній собирали годныя къ употребленію слова: послѣ чего можно бы учредить académie suédoise (по примѣру парижской) для разсмотрѣнія отысканныхъ словъ». Однакожъ это патріотическое и благоразумное предположеніе, въ которомъ выразилась первая мысль о Шведской академіи, долго оставалось безъ исполненія. Словарей послѣ того издано не мало, но между ними нѣтъ ни одного вполнѣ удовлетворительнаго.

Большія — чтобъ не сказать непреодолимыя трудности — (такъ начинаетъ Бесковъ) сопряжены съ работой, которая, болѣе всякой другой требуя единства, поручается обществу, не только состоящему изъ членовъ съ различными и часто даже противоположными взглядами, но періодически измѣняющемуся въ своемъ составѣ. Эти трудности не могли укрыться отъ вниманія членовъ, съ которыми учредитель академіи король Густавъ III совѣщался о задачѣ составленія словаря. Въ соображенія ихъ входило между прочимъ то обстоятельство, что члены Шведской академіи не живутъ, подобно французскимъ академикамъ, почти всѣ въ столицѣ, а разсѣяны по всему краю, такъ что вопросы по составленію словаря, даже различныя мнѣнія о правописаніи или

значеніи словъ, должны бы разсматриваться не иначе какъ перепискою. Далѣе было приводимо, что число членовъ Шведской академіи, 18, не равняется и половинѣ состава Французскаго учрежденія, которое, несмотря на то, употребило 60 лѣтъ на приготовленіе перваго изданія своего словаря; почему и можно бы ожидать, что на шведскій потребуется вдвое болѣе времени (!);— что при Французской академіи находился для этой работы получавшій особое жалованье словарный комитетъ, члены котораго исключительно занимались своимъ порученіемъ, тогда какъ члены Шведской академіи почти всѣ либо несутъ разныя должности по службѣ гражданской, духовной или учебной, либо живутъ частнымъ литературнымъ трудомъ и потому могутъ посвящать академической дѣятельности немногіе только часы; — что Французская академія въ дѣлѣ лексикографіи имѣла нѣсколько счастливыхъ предшественниковъ, между тѣмъ какъ Шведская на предстоящемъ ей поприщѣ не можетъ воспользоваться чужими приготовительными работами[1]; — что въ Швеціи тогда не было какого-нибудь лексикографическаго генія, который подобно Джонсону или Аделунгу[2] могъ бы взять на себя главное наблюденіе за такимъ трудомъ, и что къ сожалѣнію превосходные лексикографы вообще рѣдки во всякой литературѣ; — что поэты и ораторы, составляющіе двѣ трети всего числа членовъ Шведской академіи, менѣе всѣхъ годны для работы, въ которой много механическаго, и болѣе способны создавать и обогащать языкъ нежели собирать и распредѣлять входящія въ составъ его реченія. На остальную же треть членовъ, какъ любителей словесности, равнымъ образомъ нельзя разчитывать для такой задачи; — что въ

---

[1] Это однакожъ не совсѣмъ точно: есть очень хорошій шведско-латинскій словарь Линдфорса, есть шведско-русскій словарь, изданный въ Финляндіи при пособіи правительства; наконецъ послѣ составленія настоящей записки напечатанъ въ Стокгольмѣ довольно полный словарь Далина (на одномъ шведскомъ языкѣ), изъ котораго самимъ составителемъ впослѣдствіи извлеченъ словарь меньшихъ размѣровъ (т. е. безъ фразеологіи), но за то съ корнесловными поясненіями. Далинъ ум. въ 1873 году.

[2] Или Литтрэ, имени котораго въ настоящее время нельзя здѣсь не прибавить.

члены поступаютъ люди по большей части уже пожилые, дѣятельность которыхъ или уже вполнѣ опредѣлилась, или закончена совершенно (изъ числа первыхъ академиковъ четверымъ было болѣе 70 лѣтъ, другимъ около 50 и 60), когда уже невозможно ожидать новыхъ, незнакомыхъ имъ прежде утомительныхъ трудовъ; — что наконецъ языкъ, которымъ учредитель справедливо восхищался, языкъ, пріобрѣтавшій тогда новый блескъ подъ перомъ писателей Густавова вѣка, еще продолжалъ развиваться,— замѣчаніе тѣмъ болѣе основательное, что многіе изъ лучшихъ произведеній этихъ талантовъ тогда или еще не были написаны, или по крайней мѣрѣ оставались неизвѣстными публикѣ. Можно сказать, что языкъ, на который король смотрѣлъ какъ на основу предположеннаго словаря, еще не вполнѣ выработался, когда надо было приступить къ этому труду.

Между тѣмъ, для исполненія воли своего покровителя, окружавшіе его писатели тотчасъ занялись существенными вопросами по составленію лексикона. Вскорѣ совѣщанія коснулись спорнаго пункта, предмета, о которомъ и теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, мнѣнія еще не вполнѣ согласились и по которому между лексикографами конечно всегда будетъ разномысліе, — именно вопроса о томъ, какъ поступать съ вошедшими въ языкъ иностранными словами. Встрѣтилось разногласіе и по другимъ предметамъ. Черезъ нѣсколько времени Густавъ III скончался; избраніе одного новаго члена, не понравившагося правительству, послужило поводомъ къ тому, что Академіи приказано было пріостановить свои занятія.

По возобновленіи ихъ чрезъ два года, Шведская академія признала нужнымъ прежде всего опредѣлить начала правописанія. Она издала по этому предмету сочиненіе, стоившее ей многолѣтнихъ соображеній; трудность рѣшенія этой задачи оцѣнитъ всякій, кто знаетъ, что для образованнаго языка правила не могутъ быть составляемы произвольно, но должны быть результатомъ вѣрныхъ наблюденій и совершеннаго пониманія духа языка. Вѣроятно, безъ этого изданія установленіе точныхъ орѳографи-

ческихъ законовъ замедлилось бы еще надолго; важность труда академіи легко понять, сравнивъ разнообразіе и произволъ, господствовавшіе въ правописаніи до появленія его, съ тѣмъ по крайней мѣрѣ относительнымъ единообразіемъ, какое замѣчается у хорошихъ шведскихъ писателей нашего времени. Можетъ-быть, вліяніе этого труда было бы еще рѣшительнѣе, если бъ черезъ нѣсколько лѣтъ не было повелѣно академіи и другимъ общественнымъ учрежденіямъ снова измѣнить правописаніе и писать иностранныя слова такъ, какъ издавна было принято, вслѣдствіе чего правительственныя мѣста удержали старинное правописаніе, а въ общій обычай вошло предложенное академіею[1]. Однакожъ въ новѣйшее время вездѣ стали брать верхъ принятыя академіей основанія.

Другой важный трудъ, долженствовавшій предшествовать словарю, составляла грамматика, которая поэтому и была издана академіею вслѣдъ за сочиненіемъ о правописаніи. Французская академія по истеченіи 200 лѣтъ еще не издала грамматики, — что̀ доказываетъ какъ трудно̀ обществу изъ разномыслящихъ дѣятелей согласиться въ основаніяхъ труда, требующаго въ малѣйшихъ частяхъ своихъ единства и послѣдовательности. Въ примѣръ затрудненій, всегда встрѣчающихся при совокупной работѣ многихъ, можно бы еще привести датское Ученое общество, которое въ цѣлое столѣтіе не окончило своего словаря, хотя могло пользоваться множествомъ приготовительныхъ работъ и имѣло въ своемъ распоряженіи, между прочимъ, извѣстнаго лексикографа[2].

Если бъ Шведская академія была основана — такъ какъ La Crusca и академія Испанская — главнымъ образомъ для разработки языка, то она могла бы исключительно посвятить себя филологическому труду. Но мы видимъ совершенно противное. Пред-

---

[1] По старинному способу греческія, французскія и другія иностранныя слова пишутся у Шведовъ съ точнымъ соблюденіемъ первоначальной ихъ орѳографіи, напр. philosophie, lieutenant, capitaine; академія же установила писать: filosofi, löjtnant, kaptén — по произношенію.

[2] См. объ этомъ ниже особую замѣтку.

назначенная съ самаго начала служить литературнымъ судилищемъ, она должна была и въ дѣятельности своей, и въ избраніи своихъ членовъ руководствоваться прежде всего этимъ назначеніемъ. Съ наступленія октября мѣсяца до годовщины своей (5-го апрѣля) академія бываетъ непрерывно занята чтеніемъ и разсмотрѣніемъ сочиненій, представленныхъ къ соисканію наградъ: число ихъ простирается иногда до 30, 40 и даже 50-ти. Послѣ годичнаго торжества многіе изъ получившихъ преміи, а часто и изъ неудостоенныхъ ими писателей просятъ о сообщеніи имъ замѣчаній академіи; совѣщанія по этому предмету наполняютъ большую часть засѣданій въ послѣдующіе мѣсяцы; къ чему надобно прибавить, что и другіе авторы литературныхъ сочиненій или словарей, грамматикъ, разсужденій о правописаніи и т. п. просятъ отзывовъ академіи о своихъ трудахъ: слѣдовательно и ихъ необходимо подвергать разбору и составлять о нихъ письменныя мнѣнія. Затѣмъ на болѣе постоянныя занятія по словарю только и можетъ быть употреблено остальное время до 1-го іюня, когда начинаются академическія вакаціи[1]. Но само собою разумѣется, какъ медленно такой обширный трудъ долженъ подвигаться при столь ограниченномъ времени и какъ вредятъ успѣху его продолжительныя остановки. Не говорю уже о томъ, что встрѣчающіяся недоумѣнія разсматриваются въ общемъ собраніи и что, такъ какъ въ случаѣ разногласія вопросы рѣшаются большинствомъ голосовъ, то окончательный приговоръ зависитъ отъ случайнаго обстоятельства, сколько на лицо членовъ, раздѣляющихъ такое-то мнѣніе. Гораздо благопріятнѣе для строгой послѣдовательности въ частностяхъ было бы, если бъ работа, какъ во Французской академіи, исполнялась комитетомъ изъ одномыслящихъ по главнымъ вопросамъ членовъ: только въ такомъ случаѣ и можно бы достигнуть (сколько вообще подобный трудъ допускаетъ это) двойственной цѣли — единства и скорости въ работѣ.

---

[1] Вакаціи Шведской академіи продолжаются отъ 1-го іюня до 1-го октября.

Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія шведскій языкъ обогатился многими реченіями и оборотами, извлеченными изъ библіи и изъ сагъ, или заимствованными изъ нѣмецкаго языка, какъ прежде слова почерпались изъ французскаго. Составъ академіи не могъ не подвергнуться измѣненію сообразно съ новымъ литературнымъ направленіемъ. Изъ членовъ, участвовавшихъ въ первыхъ совѣщаніяхъ о словарѣ, почти никого уже не было въ живыхъ. Ихъ замѣнили новыя лица, явились иные образцы краснорѣчія и поэзіи, предѣлы отечественнаго языка раздвинулись, филологическія изслѣдованія проложили себѣ невѣдомыя прежде стези, и потребность въ болѣе обширномъ лексиконѣ сдѣлалась настоятельною.

Извѣстно, что при составленіи такого пособія для живого языка есть два исходные пункта: можно либо, по примѣру Французской академіи, довольствоваться объясненіемъ употребленія словъ посредствомъ придуманныхъ самими составителями примѣровъ, либо, поступая какъ La Crusca, какъ Испанская академія, какъ Джонсонъ, Ричардсонъ и др., можно, такъ сказать, извлекать словарь изъ классическихъ писателей приведеніемъ примѣровъ изъ ихъ сочиненій. Находя, что послѣдній способъ ближе къ настоящей цѣли словаря, Шведская академія рѣшилась измѣнить свой первоначальный планъ. Вслѣдствіе этого необходимо было просмотрѣть всѣхъ хорошихъ писателей какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, за тотъ періодъ, въ который сложился шведскій языкъ, т. е. отъ короля Густава I и введенной имъ реформаціи до настоящаго времени; при чемъ надлежало выписывать — во 1-хъ, старинныя, теперь забытыя слова, которыя заслуживаютъ быть возстановленными; во 2-хъ, годные и по возможности полные образцы правильнаго употребленія современныхъ словъ, и въ 3-хъ, указанія на исторію языка, которыя можно было получить этимъ путемъ. Ясно, что приготовительныя работы для словаря такого рода требуютъ несравненно болѣе труда и времени, нежели означеніе словъ съ особо составленными для нихъ примѣрами изъ современнаго языка. Сколько извѣстно ака-

деміи, ни для какого шведскаго словаря еще не было изготовляемо такихъ сборниковъ словъ, которые должны заключать въ себѣ какъ бы пересмотръ всего языка за 300 лѣтъ слишкомъ. Такое измѣненіе плана принято окончательно послѣ академическаго торжества 1836 года, и легко понять, что академія не иначе какъ вслѣдствіе продолжительныхъ разсужденій могла рѣшиться на заключеніе, послѣ котораго она не только должна была пожертвовать большею частью прежнихъ приготовительныхъ работъ, но и отказаться отъ болѣе или менѣе близкаго окончанія своего предпріятія. Итакъ приступлено было къ составленію выписокъ изъ произведеній старинной и новой литературы; до сихъ поръ просмотрѣно 400 томовъ и изъ нихъ извлечено до 128,000 образцовъ языка, въ которыхъ множество словъ, не вошедшихъ въ изданные доселѣ словари. Такъ какъ пріисканіе примѣровъ для употребленія одного лишь слова въ разныхъ его значеніяхъ иногда требуетъ просмотра нѣсколькихъ писателей, то легко судить, сколько времени и труда потребно на эти выписки. Безусловной полноты невозможно ожидать въ первомъ опытѣ подобной работы, особенно въ живомъ языкѣ, котораго составныя части безпрестанно обновляются; это всего убѣдительнѣе доказывается образцовымъ словаремъ La Crusca, 5-е изданіе котораго, вышедшее черезъ 200 лѣтъ послѣ учрежденія этой академіи, потребовало весьма значительныхъ дополненій и поправокъ.

Между тѣмъ собранныхъ образцовъ оказалось достаточнымъ для приведенія матеріаловъ въ порядокъ, послѣ чего надлежало продолжать отдѣльные сборники для каждой буквы, чтобы по возможности пополнять пропуски. Всякій, кто знакомъ съ подобною работою, можетъ засвидѣтельствовать, что всѣ болѣе замѣчательныя сочиненія надобно перечитывать по нѣскольку разъ (иначе многія частности ускользаютъ отъ вниманія) и что очень часто чтеніе остается безплоднымъ, потому что фразы, заключающія въ себѣ искомое слово, либо оказываются слишкомъ длинными и не могутъ служить примѣрами въ словарѣ, либо, отдѣленныя отъ цѣлаго, не довольно ясны. Случается также, что вы-

писанные образцы излишни оттого, что уже пріисканы другіе примѣры для того же слова, такъ какъ и самая счастливая память при чтеніи разныхъ писателей въ разное время, иногда спустя цѣлый годъ, не можетъ удержать всего записаннаго. Такимъ образомъ, по расположеніи выписокъ въ алфавитномъ порядкѣ, многіе превосходные примѣры приходится отбрасывать, тогда какъ ради словъ, для которыхъ еще не найдено образцовъ, необходимо снова перечитывать тѣ же сочиненія, а для этого требуется напряженіе, на которое не всякій способенъ. Съ другой стороны, посредствомъ приведенія примѣровъ словарь пускаетъ въ оборотъ множество прекрасныхъ мыслей и важныхъ истинъ, выраженныхъ на родномъ языкѣ; образцы же, почерпнутые изъ старинныхъ памятниковъ, объясняютъ производство и образованіе словъ, а указаніе ударенія при каждомъ реченіи составляетъ также важное дополненіе къ изученію его.

Всякій, кто сколько-нибудь ознакомился съ литературою словарей и понимаетъ трудность или, вѣрнѣе, невозможность составить совершенно удовлетворительный лексиконъ живого языка, конечно не можетъ ласкаться надеждою произвести трудъ, который былъ бы исключеніемъ изъ общихъ правилъ, тѣмъ болѣе, что лексиконъ не имѣетъ, какъ всякій другой ученый или литературный трудъ, своего особаго круга читателей, а находитъ судей на всѣхъ возможныхъ ступеняхъ образованія; то́, что одному кажется излишнимъ, другой считаетъ не досказаннымъ, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ другихъ разногласій въ сужденіяхъ. Если бы задача была такъ проста, какъ многіе воображаютъ, то безъ сомнѣнія она уже давно была бы рѣшена какимъ-нибудь однимъ литераторомъ, который могъ бы посвятить ей все свое время и всѣ свои силы, и которому при единствѣ и постоянномъ ходѣ работы легче было бы достигнуть цѣли. Если бы Швеція произвела Джонсона или Аделунга, или если бъ Ире принадлежалъ нашему времени и академія не воспользовалась такимъ талантомъ для выполненія порученнаго ей дѣла, то конечно она заслужила бы обвиненія, иногда на нее возводимыя за неизданіе

словаря. Въ настоящихъ же обстоятельствахъ она сдѣлала все, что отъ нея зависѣло. Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы литературный талантъ могъ съ успѣхомъ быть употребленъ на составленіе словаря, и неизбѣжное противорѣчіе между составомъ академіи, какъ литературнаго общества, и лексикографическою ея задачею въ высшей степени затрудняетъ замѣщеніе открывающихся въ ней вакансій. Конечно, естественно желать, чтобъ достойнѣйшіе члены ея дѣятельно участвовали въ составленіи лексисона; но этого никакъ нельзя обратить имъ въ непремѣнную обязанность. Она не исполнила бы возложеннаго на нее перваго долга пещись о поэзіи и краснорѣчіи, если бъ стала требовать, чтобы такіе писатели, какъ напримѣръ: Чельгренъ, Оксеншерна, Франце́нъ, Валли́нъ, Тегне́ръ, Гейеръ, оставили лиру или каѳедру, или отказались отъ трудовъ, украшающихъ отечественную словесность, и наперекоръ своему призванію подвергли бы себя тяжелому труду изъ старыхъ и новыхъ сочиненій откапывать и выписывать слова, разставлять ихъ въ азбучномъ порядкѣ, отмѣчать ихъ грамматическія свойства и т. д.; что́ все конечно достойно уваженія, но для мыслителя и поэта такъ же мало сообразно съ его назначеніемъ, какъ если бъ зодчаго, создавшаго идею прекраснаго зданія, заставили самого складывать матеріалы для строенія. Всѣ изложенныя трудности достаточно объясняютъ замедленіе, происшедшее въ изготовленіи шведскаго словаря.

Но теперь, когда академія, несмотря на ограниченныя средства свои, уже приготовила значительную часть своего труда, для него начинается новый періодъ. Приведеніе въ систему образцовъ и списковъ реченій (тѣ и другіе составляютъ уже около трехъ тысячъ листовъ), а также переписываніе ихъ въ алфавитномъ порядкѣ требуютъ особыхъ сотрудниковъ, которые могли бы употребить на это всю свою дѣятельность. Сто́итъ только взглянуть на списокъ академиковъ, чтобы убѣдиться, что нынѣ, какъ и прежде, согласно съ основаніями учрежденія академіи, оказывается чрезвычайно мало такихъ членовъ, которымъ постороннія обязанности или другіе литературные труды не мѣшали

бы заняться этимъ дѣломъ, и что сверхъ того эти немногіе по лѣтамъ своимъ уже выслужили право на пенсію, а слѣдовательно и на отдыхъ. Притомъ, такая почти совершенно механическая работа справедливо покажется многимъ недостойною академика, если бъ даже время и здоровье не служили къ тому препятствіемъ. Итакъ необходимо прибѣгнуть къ помощи стороннихъ лицъ. Однакожъ здѣсь нельзя употребить обыкновенныхъ писцовъ: при редакціи каждаго слова надобно наблюдать много мелочей; нужно много внимательности къ каждой части труда, въ которомъ встрѣчаются безпрестанныя ссылки, и малѣйшая неисправность можетъ произвести неясность и замѣшательство; поэтому для окончательной редакціи цѣлой работы нуженъ человѣкъ, который съ лексикографическимъ тактомъ соединялъ бы общее образованіе, особливо если предположить, что для бо́льшаго удобства ему же впослѣдствіи поручено будетъ чтеніе первой корректуры при печатаніи словаря, такъ какъ соблюденіе множества объяснительныхъ знаковъ, сокращеній, особенныхъ шрифтовъ для разныхъ случаевъ подъ каждымъ словомъ и проч. требуетъ нѣкотораго навыка въ лексикографическомъ дѣлѣ. Изъ опытовъ извѣстно, что такому сотруднику по редакціи нельзя назначить въ вознагражденіе менѣе 600 руб. въ годъ. Помощника ему для переписки словъ и примѣровъ въ алфавитномъ порядкѣ можно найти за 300 руб. Если прибавить 100 руб. на наемъ, по мѣрѣ надобности, переписчиковъ для техническихъ и научныхъ словъ, то составится годовая сумма въ 1,000 руб. для приведенія матеріаловъ въ порядокъ передъ окончательною редакціею словаря. Ясно, что если бъ можно было имѣть болѣе сотрудниковъ, то дѣло пошло бы еще скорѣе. Помянутому комитету Французской академіи ассигнована была немаловажная сумма. Мы въ основаніе своей смѣты положили самый умѣренный разчетъ (NB. переведенный здѣсь на русскія деньги), чтобы хоть сколько-нибудь ускорить работу.

Однакожъ эти сторонніе сотрудники должны будутъ работать подъ надзоромъ особо избранныхъ академиковъ, которымъ предстоитъ не только продолжать отдѣлку неконченныхъ частей сло-

варя, но и просматривать весь трудъ и заниматься окончательной его редакціей. Уже давно предполагалось составить, по примѣру Французской академіи, словарный комитетъ; но отъ этой мысли надобно было отказаться, потому что не предвидѣлось возможности доставить членамъ его ни необходимаго при этомъ увольненія отъ другихъ важныхъ обязанностей, ни справедливаго вознагражденія за прекращеніе частной литературной дѣятельности. По настоящему положенію приготовительныхъ работъ конечно желательно было бы, чтобъ образованіе такого комитета состоялось; но издержки, которыхъ оно бы потребовало, не позволяютъ, по крайней мѣрѣ впредь до времени, думать объ осуществленіи этого плана. Между тѣмъ, здѣсь не излишне упомянуть, что Французская академія, какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, получаетъ 3,000 руб. сер. для своего словарнаго комитета, да сверхъ того почти столько же на уплату стороннимъ сотрудникамъ, на покупку книгъ и проч., всего около 6,000 руб. ежегодно, на расходы по этой статьѣ. Такая сумма не покажется слишкомъ значительною, если сообразить, какъ трудно между литераторами, уже избравшими опредѣленный кругъ дѣйствія, найти готовыхъ принять на себя однообразный трудъ составленія словаря. Многолѣтняя опытность достаточно показываетъ, что изъ всѣхъ родовъ авторства, участіе въ этомъ трудѣ, даже и при сравнительно выгодныхъ условіяхъ, привлекаетъ наименѣе дѣятелей. При всемъ томъ теперь представляется уже неизбѣжнымъ назначить опредѣленное жалованье одному члену или и нѣсколькимъ совокупно, съ тѣмъ чтобы они болѣе дѣятельно участвовали въ трудѣ и наблюдали за работою стороннихъ помощниковъ. Кажется, на этотъ предметъ надлежало бы назначить по меньшей мѣрѣ 500 руб. въ годъ. Такимъ образомъ итогъ расходовъ на изготовленіе словаря составлялъ бы по 1,500 руб. ежегодно.

Желательно было бы, чтобъ академія могла изъ собственныхъ средствъ покрыть этотъ расходъ. Но это къ сожалѣнію невозможно, потому что доходы ея, особливо въ послѣднія 20 лѣтъ, безпрестанно были уменьшаемы, тогда какъ издержки увеличи-

вались, и то и другое по причинамъ, отъ нея не зависѣвшимъ. Въ доказательство представимъ краткій обзоръ ея экономическаго положенія.

Первоначально на содержаніе Шведской академіи ассигновано было изъ государственной казны около 2,000 рублей сер.; но мало по малу, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, сумма эта уменьшилась почти на цѣлыя двѣ трети. Ежегодныя издержки академіи на награды и медали за лучшія сочиненія, на изданіе ея записокъ, на публичныя собранія, на наемъ квартиры для библіотеки, на жалованье секретарю и другимъ лицамъ, уже равнялись означенной суммѣ, и потому академія давно была бы вынуждена объявить себя несостоятельной къ исполненію возложенныхъ на нее обязанностей, если бъ учредитель ея не даровалъ ей другого источника доходовъ, который, хотя и назначался имъ на частное вспомоществованіе академикамъ, но, составляя ея собственность, могъ быть добровольно употребляемъ ею и на покрытіе издержекъ, необходимыхъ для достиженія предлежавшей ей цѣли. Такимъ источникомъ доходовъ было право располагать газетою, которая вначалѣ пользовалась исключительной привилегіей сообщать политическія извѣстія, распоряженія правительства, и освобождена была отъ взноса на почтѣ вѣсовыхъ денегъ, вслѣдствіе чего число подписчиковъ въ самое благопріятное время возросло до 7,000. Но когда, послѣ извѣстнаго переворота 1809 года, право изданія политическихъ газетъ сдѣлалось общимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространены на нихъ тѣ же льготы, кругъ читателей офиціальной газеты уменьшился въ четыре раза, и изъ выручаемой съ нея суммы уже ничего нельзя было откладывать въ академическую кассу. Въ такихъ обстоятельствахъ тогдашній попечитель академіи разрѣшилъ отдать эту газету на откупъ за 2,500 руб. въ годъ.

Съ помощью этой добавочной суммы и съ пожертвованіемъ тѣхъ денежныхъ пособій, которыми до сихъ поръ пользовались достойнѣйшіе члены академіи, она могла пополнять недостатокъ въ ассигнованныхъ ей доходахъ. Но для значительныхъ издер-

жекъ, требующихся, какъ выше показано, по изданію словаря, она не имѣетъ средствъ, будучи прежде всего, на основаніи своего устава, литературнымъ обществомъ, учрежденнымъ для поощренія лучшихъ писателей и поэтовъ, для увѣнчанія преміями превосходнѣйшихъ сочиненій и для сохраненія въ біографіяхъ памяти знаменитыхъ заслугами соотечественниковъ. Она не должна вмѣстѣ съ тѣмъ забывать, что одною изъ цѣлей Густава III при учрежденіи ея было: въ странѣ, гдѣ литературная дѣятельность рѣдко обезпечиваетъ безбѣдное состояніе и гдѣ молодые таланты часто изнемогаютъ подъ бременемъ нищеты или отъ недостатка поощреній, — доставлять вспоможеніе лицамъ, оказавшимъ услуги шведской литературѣ, или пещись о дальнѣйшемъ воспитаніи талантливыхъ юношей. Такимъ образомъ академія способствовала къ тому, что такіе люди, какъ Гюлленборгъ, Чельгренъ, Леопольдъ, Розенстейнъ и другіе, могли въ лучшую пору жизни почти исключительно посвящать себя литературѣ. Послѣ нихъ подобныя пособія производились Валлину, Францéну, Тегнéру и др., въ такія эпохи ихъ дѣятельности, когда это хотя и незначительное вспомоществованіе было имъ очень важно. Нѣтъ надобности прибавлять, что такія пособія въ настоящее время столько же или еще болѣе нужны и желательны: всякому любителю литературы извѣстно, что академія при Густавѣ III и въ послѣдующее время состояла на половину изъ членовъ, которые по своему общественному и экономическому положенію находились въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, что могли изъ собственныхъ средствъ производить пенсіи; теперь же большая часть сочленовъ не могутъ обойтись, если не постоянно, то по крайней мѣрѣ временно, безъ выдаваемыхъ ею пособій. Такъ академія главнымъ образомъ изъ доходовъ съ официальныхъ объявленій въ вѣдомостяхъ доставляла нѣкоторымъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей Швеціи пособія, на которыя въ другихъ странахъ ассигнуются значительныя суммы изъ государственной казны. Но академія, при назначеніи такихъ вспоможеній, не ограничивалась своимъ собственнымъ составомъ: она поддерживала и

такіе таланты, которые къ ней не принадлежали, каковы напримѣръ г-жа Ленгренъ, Галленбергъ, Никандеръ, не говоря о другихъ, еще живыхъ писателяхъ. Кромѣ того академія выдавала пособія оставшимся въ бѣдности вдовамъ и семействамъ заслуженныхъ литераторовъ. Наконецъ, академія имѣла возможность воздвигать памятники нѣкоторымъ изъ поэтовъ Швеціи, напр. Бельману, или по крайней мѣрѣ участвовать въ сооруженіи монументовъ другимъ, какъ-то: Тегнéру, Берцеліусу и Гейеру; или же сохранять черты геніальныхъ писателей въ мраморныхъ изваяніяхъ, выполненныхъ отличнѣйшими художниками Швеціи. Всѣ такіе знаки уваженія къ литературнымъ заслугамъ отражаютъ на себѣ духъ учредителя; все это долги, уплаченные именемъ отечества, согласно съ волею Густава, чтобы академія дѣйствовала для «славы и безсмертія», почему и суммы, которыми располагала она, конечно были употребляемы сообразно съ своимъ назначеніемъ.

Таково, съ нѣкоторыми сокращеніями, содержаніе записки Бескова. Изъ донесенія, впослѣдствіи представленнаго академіею королю, видно, что во вниманіи къ затрудненіямъ, которыя она встрѣчала въ своемъ предпріятіи, государственные чины, въ 1854 году, ассигновали ей на четыре года дополнительную сумму по 1,200 руб. ежегодно. Получивъ такимъ образомъ средства назначить особое вознагражденіе одному изъ членовъ своихъ, который будетъ имѣть возможность постоянно заниматься редакціею словаря, Шведская академія предложила эту работу профессору Лундскаго университета Гагбергу (Hagberg) и для того испросила ему на первый случай двухлѣтнее увольненіе отъ должности. Отдавая королю отчетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ трудовъ по словарю, она указываетъ на число листовъ (2,500), наполненныхъ выписками, и статей (30,000), обработанныхъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но какъ шло составленіе и изданіе словаря со времени порученія названному профессору? Нынѣ уже покойный Гагбергъ, извѣстный очень удачными переводами изъ Шекспира, не былъ

въ собственномъ смыслѣ филологомъ. По мѣрѣ изготовленія словарныхъ работъ, онъ долженъ былъ посылать ихъ въ Стокгольмъ на разсмотрѣніе учрежденнаго между тѣмъ особаго академическаго комитета. Главнымъ членомъ этого комитета былъ покойный Рюдквистъ (Rydqvist), пріобрѣтшій съ 1850 года почетное имя своимъ обширнымъ филологическимъ сочиненіемъ «Законы шведскаго языка» (Svenska språkets lagar). Непривычка Гагберга къ лексикографическимъ трудамъ, отсутствіе системы въ его работѣ и произвольность нѣкоторыхъ его взглядовъ, которыхъ не могъ раздѣлять стокгольмскій комитетъ, естественно замедляли ходъ дѣла. Наконецъ однакожъ профессоръ представилъ отдѣланное имъ собраніе словъ на букву А, которое, по пересмотрѣ комитетомъ, и было издано въ 1870 году въ видѣ перваго выпуска Шведскаго академическаго Словаря, подъ заглавіемъ: «Ordbok öfver Svenska Språket utgifven af Svenska Akademien». Между тѣмъ Гагбергъ умеръ, и главное веденіе труда перешло въ руки Рюдквиста; онъ же первымъ условіемъ поставилъ чтобы прежде всего удовольствовались составленіемъ полнаго алфавитнаго списка словъ, которыя должны войти въ лексиконъ, съ главными грамматическими обозначеніями, но безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій и подробностей[1].

Изданный въ 1870 г. первый выпускъ Шведскаго академическаго словаря, содержащій, какъ сказано, слова на букву А, заключаетъ въ себѣ 358 стр. in 4⁰ средняго формата. Изъ иностранныхъ словъ приняты только вполнѣ усвоенныя языкомъ, пе-

[1] Начало этого труда и появилось въ Стокгольмѣ подъ заглавіемъ: Ordlista öfver Svenska Språket, utgifven af Svenska Akademien. Въ 1874 году оно вышло уже 2-мъ изданіемъ. Рюдквистъ умеръ въ Стокгольмѣ въ концѣ 1877 года. За нѣсколько недѣль до его кончины я видѣлъ тамъ престарѣлаго филолога, но уже на одрѣ неизлѣчимой болѣзни. Это было вскорѣ послѣ четырехсотнаго юбилея Упсальскаго университета, на которомъ я присутствовалъ въ качествѣ делегата отъ нашей Академіи наукъ. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также объ этимологическомъ словарѣ шведскаго языка, составляемомъ доцентомъ Упсальскаго университета г. Таммомъ. Сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ вышло его два выпуска (1874 и 1875 г.), содержащіе двѣ первыя буквы алфавита.

редѣланныя, издавна въ немъ обращающіяся или вошедшія въ составъ собственно шведскихъ словъ. Остальныя чужеязычныя слова, заимствованныя въ новѣйшее время, устранены до окончанія словаря и будутъ помѣщены въ особомъ къ нему прибавленіи. Что касается плана и состава вышедшаго выпуска, то объясненіе каждаго слова вмѣщаетъ въ себѣ слѣдующія части: 1) краткія грамматическія замѣчанія; 2) производство слова и формы его въ родственныхъ языкахъ; 3) опредѣленіе значеній слова съ примѣрами изъ современнаго языка и изъ писателей, начиная съ прошлаго вѣка; 4) указаніе употребленія слова въ разныхъ сочетаніяхъ его или примѣненіяхъ, опять съ фразеологіею, иногда съ приведеніемъ пословицы или поговорки; 5) въ случаѣ надобности замѣтки по исторіи слова. Изъ древняго и стариннаго языка въ алфавитномъ порядкѣ помѣщены только такія слова, которыя могутъ служить къ объясненію словъ современнаго языка или которыя бы заслуживали быть возстановленными въ употребленіи. Итакъ начало словаря, по положенному въ основаніе его плану, близко подходитъ къ требованіямъ настоящей лексикографіи, и самое выполненіе вообще удовлетворительно; но, къ сожалѣнію, мало ручательствъ за приведеніе предпріятія къ окончанію, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ предисловія къ первому выпуску: «Исполненіе возложенной на академію задачи остается, какъ оно и до сихъ поръ было, въ зависимости отъ обстоятельствъ, надъ которыми она невластна, особенно же отъ недостатка не только матеріальныхъ средствъ, но и значительной руководящей силы, которая могла бы направлять все дѣло въ области, все болѣе расширяющейся въ наше время при безпрестанно возрастающихъ требованіяхъ какъ въ самой наукѣ, такъ и внѣ ея, требованіяхъ, нисколько не уменьшаемыхъ въ приложеніи къ литературному обществу, которое нынѣ всего менѣе имѣетъ возможности совершить подобное предпріятіе. Добросовѣстно взвѣсивъ все это и лежащія въ основѣ того обстоятельства, академія, при изданіи настоящаго 1-го выпуска словаря, не можетъ принять на себя передъ публикою положи-

тельнаго обязательства относительно продолженія или окончанія его, и обѣщаетъ только со всею заботливостью, по улучшенному плану, вести далѣе приготовительные труды для окончательной обработки; однакожъ и это только по мѣрѣ денежныхъ средствъ и рабочихъ силъ. Первыя, въ довольно кругломъ размѣрѣ, составляютъ необходимое условіе для надлежащаго выполненія дѣла, но не всегда могутъ доставить послѣднія, для вызова которыхъ нужны часто особенно счастливыя обстоятельства или другія неизчислимыя напередъ случайности».

Чтобы вполнѣ понять смыслъ этихъ словъ, надобно знать, что Шведская академія давно была предметомъ нареканій и упрековъ за медленность въ составленіи словаря, и что вслѣдствіе того она, на одномъ изъ послѣднихъ сеймовъ, отказалась отъ суммы, которая ежегодно отпускалась ей отъ правительства (5,000 риксд. = 2,000 руб. сер.). Тѣмъ не менѣе дѣло въ то время не вполнѣ остановилось, какъ видно изъ упомянутаго выше, изданнаго, согласно съ обѣщаніемъ академіи, томика.

Изъ всего здѣсь сообщеннаго можно заключить, что причины, почему Шведская академія до сихъ поръ еще не кончила давно начатаго ею словаря, главнымъ образомъ состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Изготовленіе словаря соединенными силами многихъ вообще представляетъ большія затрудненія по недостатку при такомъ условіи единства, необходимаго во всякомъ сложномъ предпріятіи, а особливо въ предпріятіи этого рода.

2) Такая совокупная работа тѣмъ болѣе трудна для стокгольмской академіи, что это общество основано преимущественно для поощренія въ Швеціи изящной литературы; — что всѣ члены его обременены другими, болѣе обязательными занятіями либо по государственной службѣ, либо по литературѣ, которыя доставляютъ имъ средства къ существованію или болѣе удовлетворяютъ ихъ духовнымъ потребностямъ; — что многіе изъ нихъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, ни охоты къ напряженной дѣятельности, и что

наконецъ, между ними нѣтъ человѣка, который, подобно Джонсону, Аделунгу или Литтрэ, соединялъ бы въ себѣ всѣ качества для обширнаго лексикографическаго труда.

3) При такихъ обстоятельствахъ и такомъ взглядѣ на дѣло Шведская академія прибѣгла къ единственному средству, которое еще могло почетнымъ образомъ вывести ее изъ затрудненія: она передала весь трудъ одному изъ живущихъ внѣ Стокгольма членовъ своихъ, назначивъ особыя денежныя вознагражденія какъ ему, такъ и другимъ стороннимъ сотрудникамъ, которые будутъ въ его распоряженіи для окончательныхъ работъ по редакціи словаря.

Примѣръ Шведской академіи въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно поучителенъ для всѣхъ ученыхъ обществъ, которымъ предлежитъ рѣшеніе однородной задачи. Вникнувъ во всѣ затрудненія, столь откровенно ею самою сознанныя, нельзя не согласиться, что они въ большей или меньшей степени неизбѣжны для всякой коллегіи, и что если, несмотря на то, задача составленія словаря иногда успѣшно выполнялась академіями, то такое явленіе принадлежитъ къ числу исключеній и было всегда результатомъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ. Составленіе словаря, какъ и всякій другой обширный и многосложный трудъ, требуетъ со стороны занявшагося имъ воодушевленія, изъ котораго рождается другое столь же рѣдкое и для такого предпріятія необходимое свойство — неистощимое самоотверженіе и терпѣніе. Такое плодотворное воодушевленіе къ дѣлу, для большей части людей вовсе не привлекательному, дается только тому, кто къ этому дѣлу *призванъ*, т. е. соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя для успѣшнаго выполненія его свойства и надлежащую подготовку. Если и предположить, что эти условія въ равной степени соединяются въ нѣсколькихъ членахъ даннаго общества, то все-таки различіе ихъ взглядовъ, началъ и другихъ особенностей составитъ почти непреодолимое препятстіе къ единству и равномѣрности совокупнаго труда. Съ другой стороны, самый способъ раздѣленія работы между сотрудниками представляетъ задачу не легкую. Есть два главные

рода такого раздѣленія. Можно либо раздать всю работу, на цѣломъ ея протяженіи, по разнороднымъ предметамъ, какъ-то: 1) по собиранію и размѣщенію словъ; 2) по грамматическому ихъ опредѣленію; 3) по объясненію ихъ значеній; 4) по прiисканію къ нимъ примѣровъ и т. д., смотря по принятому плану. Либо можно раздать работу по частямъ внѣшняго ея состава, по буквамъ, съ тѣмъ, чтобы каждый сотрудникъ обработалъ порученныя ему буквы по всѣмъ внутреннимъ отдѣламъ. Сравнивая оба способа, нельзя не убѣдиться, что если первый въ сущности раціональнѣе въ отношеніи къ цѣли единства, то онъ на практикѣ менѣе удобенъ нежели второй, который доставляетъ возможность болѣе скораго и живаго труда, но за то подвергаетъ словарь той опасности, что онъ можетъ состоять изъ частей, не совсѣмъ равномѣрныхъ между собой по внутреннему содержанію и достоинству. Собственно говоря, если дѣйствительно дорожить условіемъ строгаго единства, то коллективный трудъ надъ словаремъ можетъ быть допущенъ только развѣ въ приготовительныхъ къ нему работахъ, именно въ чтеніи различныхъ писателей или памятниковъ, съ выборкою изъ нихъ словъ и примѣровъ. Окончательная же редакція словаря должна быть предоставлена одному лицу, разумѣется, при помощи нѣсколькихъ отданныхъ въ его распоряженіе помощниковъ. Если бъ Шведская академія въ самомъ началѣ своего предпріятія поступила такъ, какъ она рѣшилась сдѣлать послѣ долговременнаго опыта, то по всей вѣроятности задуманный ею словарь давно былъ бы уже изданъ.

Кончая здѣсь первый отдѣлъ предлагаемыхъ мною соображеній, не могу не упомянуть о трехъ статьяхъ И. И. Срезневскаго, относящихся къ этому же предмету и помѣщенныхъ имъ въ *Извѣстіяхъ* 1854 года подъ общимъ заглавіемъ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей». Эти статьи никакъ не должны быть выпущены изъ виду при настоящемъ вопросѣ. Въ нихъ авторъ сперва разсматриваетъ общія требованія, которымъ въ наше время долженъ удовлетворять словарь отечественнаго языка, а потомъ разбираетъ важнѣйшіе труды этого

рода у Французовъ, у Англичанъ и отчасти у Нѣмцевъ, сравнивая главныя начала, которымъ слѣдовали составители. Я съ своей стороны преимущественно обращаю вниманіе на практическую часть составленія словарей, представляю матеріалы къ рѣшенію вопроса, ка́къ вести дѣло, и разсматриваю ходъ лексикографіи у народовъ, не затронутыхъ или только слегка затронутыхъ И. И. Срезневскимъ. Такимъ образомъ наши труды по этому предмету, сходясь въ общемъ своемъ направленіи, различаются въ точкѣ зрѣнія, съ которой каждый изъ насъ смотритъ на предметъ, и необходимо дополняютъ другъ друга въ дѣлѣ, занимающемъ Отдѣленіе.

II. ПРОГРАММА СЛОВАРЯ БРАТЬЕВЪ ГРИММОВЪ,

составленная

Яковомъ Гриммомъ [1].

Все, что мнѣ надо сказать, изложу я отъ своего собственнаго имени; когда Вильгельмъ впослѣдствіи возьметъ свое болѣе мягкое перо, ему легко будетъ подтвердить и дополнить мое первое объясненіе. Преданный безпрерывному труду, который привлекаетъ меня тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе я съ нимъ знакомлюсь, чувствую въ преклонные годы, что надъ нимъ обрываются нити другихъ начатыхъ мною работъ, другихъ книгъ, съ которыми я долго носился и которыя теперь еще держу въ своихъ рукахъ. Какъ снѣгъ, иногда по цѣлымъ днямъ падающій съ неба мелкими, частыми хлопьями, наконецъ непомѣрнымъ слоемъ покрываетъ всю окрестность, такъ меня засыпаетъ масса словъ, которыя тѣснятся ко мнѣ изъ всѣхъ угловъ и щелей. Иногда

---

[1] Предлагается здѣсь въ извлеченіи изъ Deutsches Wörterbuch. Erster Band. Leipzig, 1854. Въ выводахъ предыдущей статьи утвердился я еще болѣе, найдя имъ подкрѣпленіе въ мысляхъ Як. Гримма, развитыхъ имъ во вступленіи къ нѣмецкому его словарю. Вопросъ чрезвычайно важенъ для нашей молодой литературы, и мы при разрѣшеніи его не можемъ не принимать въ соображеніе взгляда одного изъ знаменитѣйшихъ филологовъ нашего времени. Это не значитъ, чтобъ мысли его по этому предмету во всемъ могли служить для насъ непреложнымъ руководствомъ; напротивъ, есть между ними такія, съ которыми трудно согласиться, другія у насъ непримѣнимы; но за всѣмъ тѣмъ въ идеяхъ Як. Гримма остается еще довольно такого, чѣмъ мы можемъ и должны воспользоваться. Къ нѣкоторымъ мѣстамъ его программы прилагаю особыя примѣчанія.

мнѣ хотѣлось бы подняться и разомъ все стряхнуть съ себя, но чрезъ минуту не могу не опомниться. Безразсудно было бы стремиться упорно къ менѣе важнымъ цѣлямъ и упустить высшую.

И если я достигну этой цѣли, значеніе которое кроется болѣе въ самомъ предпринятомъ дѣлѣ нежели въ моихъ способахъ, какая бѣда, что я не пойду по потаеннымъ стезямъ, по которымъ хотѣлъ итти, что будетъ недоставать подтвержденій, которыя привели бы къ тому же результату? Они могли бы присоединиться, но въ нихъ нѣтъ крайней надобности. Я убѣдился, что основа органовъ человѣческаго слова, прирожденныя намъ условія языка подчинены таинственнымъ законамъ, которые естествознаніе вездѣ являетъ намъ неизмѣнными; но въ то же время я понялъ, что въ языкѣ есть еще другой, болѣе теплый и подвижной элементъ развитія его, усвоенія, перехода изъ рода въ родъ и усовершенствованія, — элементъ, который вводитъ его въ область исторіи и даетъ начало всему великому разнообразію литературы. Отношеніе языка къ естественнымъ звукамъ на безчисленныхъ ступеняхъ должна показать преимущественно грамматика, а изобразить приливъ и отливъ ихъ явленій во времени есть дѣло словаря, для котораго богатѣйшіе сборники запасовъ языка такъ же необходимы, какъ акты для исторіи.

Подобный трудъ тогда только можетъ итти успѣшно, если начало его озарено свыше благодатнымъ созвѣздіемъ. Такое свѣтило стало мнѣ ясно въ двухъ знакахъ, которые обыкновенно далеки другъ отъ друга, но на этотъ разъ сблизились, движимые однимъ и тѣмъ же внутреннимъ побужденіемъ, — въ быстромъ развитіи нѣмецкой филологіи и въ живомъ сочувствіи народа къ родному слову, возбужденныхъ укрѣпившеюся любовью къ отечеству и неугасимымъ желаніемъ ему болѣе твердаго единенія. Что же у насъ общаго, если не языкъ и литература?

Великіе поэты доказали предъ цѣлымъ народомъ, какая сила въ нашемъ языкѣ, а иноземное иго въ началѣ нынѣшняго столѣтія убѣдило всѣхъ, съ какою гордостью мы должны держаться сокровища родного языка. Съ той поры сознаніе искони кро́ю-

щихся и въ немъ основныхъ законовъ было такъ облегчено, что оно вдругъ могло сдѣлаться нагляднымъ при самыхъ простыхъ средствахъ. Это радушно принятое сознаніе, къ счастію, встрѣтилось съ появленіемъ вызванной санскритомъ сравнительной филологіи; не гнушаясь никакою принадлежностью языка, она тѣмъ болѣе не могла не отдать справедливости отечественному слову, которое многими струнами еще откликалось на болѣе полные звуки достопочтеннаго прародителя. Такъ при разныхъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ постепенно образовалась, въ большемъ объемѣ чѣмъ когда-либо прежде, нѣмецкая филологія. Бывало, все что съ трудомъ было издано изъ памятниковъ нашей старины могло совмѣститься въ какихъ-нибудь двухъ фоліантахъ или квартантахъ; теперь же въ библіотекахъ цѣлыя полки уставлены древне-нѣмецкими книгами, и уже книгопродавцы издатели не боятся этой литературы. Сколько бы ни оставалось еще сдѣлать, видно похвальное усердіе пополнить всѣ пробѣлы и вытѣснить плохія изданія болѣе удовлетворительными. Уже источники нашего языка не остаются закрытыми; ихъ ручьи и рѣки можно иногда прослѣдить до самаго того мѣста, гдѣ они впервые пробились; но за то впредь нѣмецкая грамматика, нѣмецкій словарь, чуждые этихъ изысканій и всѣхъ вызванныхъ ими требованій, не могутъ ни имѣть значенія, ни служить къ дѣйствительной пользѣ.

Въ настоящее время уже и серьезное настроеніе народа начинаетъ отвращаться отъ всякаго поверхностнаго труда. При расположеніи къ разработкѣ естественныхъ наукъ, которыя занимаютъ умъ и самыми простыми средствами производятъ полезнѣйшія дѣйствія, народъ нашъ вообще гнушается всѣмъ безполезнымъ и дурнымъ. На что ему вѣчные ручные словари и извлеченія изъ сокровищницы нашего могучаго языка, нашего древняго наслѣдія? Эти пособія только отталкиваютъ отъ него и предлагаютъ безвкусный отваръ его силы и полноты, неспособный ни питать, ни насыщать, какъ будто нельзя подойти къ языку прямо и наблюдать его лицомъ къ лицу. Изслѣдованіе силъ без-

конечной природы успокоиваетъ и возвышаетъ, но не есть ли самъ человѣкъ благороднѣйшее ея произведеніе, не составляютъ ли плоды его духа высшую цѣль? Теперь народъ болѣе прежняго желаетъ наслаждаться своими поэтами и писателями, не только нынѣшними, но и отжившими; надобно открыть шлюзы, чтобъ волны старины доходили до настоящаго. Немногіе чувствуютъ призваніе къ изслѣдованію свойствъ древняго языка, но въ массѣ есть потребность, влеченіе, любопытство узнать весь объемъ живой рѣчи, не раздробленной и не разложенной. Грамматика для ученыхъ, словарь для всѣхъ; рядомъ съ ученою и вмѣстѣ живою основой, онъ имѣетъ цѣль и назначеніе, которыя въ благороднѣйшемъ смыслѣ заслуживаютъ названія практическихъ.

Теплое участіе народа было необходимымъ условіемъ появленія этого нѣмецкаго словаря, который такимъ образомъ составляетъ рѣзкую противуположность съ словарями другихъ языковъ, возникшими въ ученыхъ обществахъ и изданными на счетъ правительствъ, какъ было во Франціи, въ Испаніи и въ Даніи; нынче академія словесности въ Стокгольмѣ готовитъ шведскій словарь. На такое сотрудничество надобно смотрѣть различно, смотря по неодинаковому положенію народовъ. Гдѣ, какъ во Франціи, языкъ вполнѣ опредѣлился утонченностью общественнаго быта, тамъ онъ едва ли и можетъ инымъ путемъ найти и выяснить свой свѣтскій тонъ; по крайней мѣрѣ Dictionnaire de l'académie утвердилъ его на нѣсколько поколѣній; когда-нибудь, конечно, сбросятъ его невыносимыя оковы; отъ истиннаго же понятія словаря dictionnaire съ самаго начала былъ далекъ. Но въ другихъ странахъ выгоды совокупнаго труда исчезаютъ передъ сопряженными съ нимъ препятствіями и недостатками: посреди дѣятельности и согласія могутъ возникать предлоги къ лѣни и раздору. Поэтому вся дѣйствительная тягость труда должна бы быть предоставлена въ руки одного или нѣсколькихъ лицъ, сознающихъ въ себѣ настоящее призваніе къ дѣлу. Но тогда такой трудъ могъ бы развиваться и независимо, внѣ круга общества, которое бы взяло на себя только покрытіе вполнѣ или отчасти издержекъ по пред-

пріятію и такимъ образомъ стало бы въ главѣ всего дѣла. Съ этой стороны нельзя конечно отрицать благотворнаго участія ученаго общества въ составленіи словаря. Но въ Германіи, при маломъ уваженіи, которымъ пользовался отечественный языкъ, академіи, охраняющія преимущественно классическую и восточную филологію, естественныя науки и исторію, никогда не оказывали содѣйствія ни къ начертанію новаго, ни къ поддержанію начатаго уже нѣмецкаго словаря. Отъ первыхъ нашихъ лексикографовъ до Аделунга и Кампе, вообще всѣ наши словари печатались безъ всякаго общественнаго поощренія или пособія, и къ стыду нашему, памятники отечественнаго языка, по большей части, издавались при самыхъ скудныхъ средствахъ, чуть не противъ воли бравшихъ на себя издержки, почти безъ всякаго вознагражденія издателямъ [1].

Перехожу къ частнымъ замѣчаніямъ:

1. Словарь есть азбучная роспись словъ какого-нибудь языка. Понятіе о немъ обнаруживаетъ основную разность древнихъ и новыхъ временъ. Выраженія Wörterbuch не знало еще 17-е столѣтіе; сколько мнѣ извѣстно, первый употребилъ его Крамеръ (1719) по образцу нидерландскаго woordenboek; отъ насъ оно перешло къ Шведамъ и Датчанамъ. Но прекраснѣе несложное славянское *словарь*, *словникъ*, *рѣчникъ* отъ *слова*, *рѣчь*. Греческое ῥηματικόν (т. е. βιβλίον) соотвѣтствовало бы нынѣшнему значенію, но древними оно такъ не употреблялось.

Греки и Римляне не знали словарей, и названія, впослѣдствіи образовавшіяся въ ихъ языкѣ: lexicon, glossarium, dictionarium,

[1] Въ русской литературѣ нельзя не признать благотворнаго значенія академіи въ дѣлѣ выполненія задачи составленія словаря. Кажется, Я. Гриммъ выпустилъ тутъ изъ виду весьма важную сторону вопроса, именно степень литературнаго развитія націи. Безъ Россійской академіи, которая въ 11 лѣтъ составила свой первый словарь, у насъ можетъ быть еще и до сихъ поръ не было бы подобнаго труда. Но точно такъ же думается, что теперь, послѣ всѣхъ изданій академіи по этому предмету, дѣло усовершенствованія русскаго словаря успѣшно можетъ быть ведено частными лицами, лишь бы нашлись приготовленные къ тому люди, которые имѣли бы возможность посвятить ему всю свою дѣятельность.

vocabularium, заключаютъ въ себѣ другой смыслъ: λεξικόν (βιβλίον) отъ λέξις, dictionarium отъ dictio, есть сборникъ оборотовъ, выраженій; glossarium объясняетъ старинныя, непонятныя реченія, содержитъ въ себѣ глоссы; vocabularium предлагаетъ немногія только слова, собранныя для учащихся или вообще съ какою-нибудь особенной цѣлью. Такъ Дюканжъ и Орбелинъ справедливо называютъ свои труды глоссаріями, французскіе академики свою превосходную выборку—dictionnaire; но отдѣльные, къ изданію какого-нибудь писателя приложенные реестры не должны бы называться словарями. Если Французы когда-нибудь дождутся полнаго словаря своего языка, то они конечно дадутъ ему болѣе вѣрное названіе нежели dictionnaire или lexique. Понятіе словаря, во всей его обширности, часто выражали еще заглавіемъ: thesaurus, tesoro, trésor, sprachschatz, или присоединеніемъ прилагательнаго (totius latinitatis lexicon).

Самимъ древнимъ никогда не приходило на мысль собирать *всѣ* слова своего языка, а тѣмъ болѣе языковъ сосѣднихъ варваровъ; они любили только объяснять отдѣльные слои или ряды словъ, преслѣдовать въ нихъ извѣстные грамматическіе законы образованія или выяснять темныя, забытыя выраженія. Ихъ этимологія, иногда замысловатая и мудреная, по большей части не знала правилъ науки. Самая твердая память не могла бы удержать всѣхъ выраженій, которыя у Грековъ и безъ того способны были къ безконечному развитію; а если бъ до этого и можно было постепенно дойти совокупными усиліями многихъ, то оно ни къ чему не повело бы. Какая была бы польза отъ собранія массы словъ, которое никого не интерессовало и могло быть распространено не иначе какъ посредствомъ списковъ, стоившихъ и много труда и большихъ издержекъ? Греки и Римляне еще и не думали о сравненіи языковъ; они не чувствовали къ тому ни малѣйшей охоты; не то, конечно сдѣлали бы въ этой области изумительныя открытія.

Рѣшительную перемѣну произвело только книгопечатаніе, преобразовавшее всѣ науки; послѣдствія этого великаго изобрѣ-

тенія, какъ и паровой силы, до сихъ поръ неисчислимы. Какъ въ глубокой древности письмо впервые доставило людямъ возможность употреблять руку самымъ духовнымъ образомъ, дало имъ средства пересылать свои мысли и передавать ихъ потомству, такъ распространеніе письма въ печати удесятерило эти средства. Безъ этого изобрѣтенія, послѣдовавшее за нимъ возрожденіе классической литературы и реформація были бы невозможны или по крайней мѣрѣ не вполнѣ успѣшны. Съ тѣхъ поръ какъ писанное печатается и повсюду читается, возникли словари, и для языкознанія проложены совершенно новые пути; это произошло конечно не вдругъ, а дѣлалось мало по малу, сперва случайно, потомъ все сознательнѣе: наконецъ поняли, какъ важны полныя хранилища языковъ. Въ филологическомъ направленіи нынѣшнихъ миссіонеровъ языкоученіе можетъ со временемъ пріобрѣсти такую опору, что оно часто будетъ въ состояніи замѣнять отсутствіе или утрату историческихъ памятниковъ богатствомъ и остроуміемъ своихъ соображеній: это мы уже и теперь предвкушаемъ въ нѣкоторой степени. Но на участіе въ этой новой филологіи всѣ языки земного шара имѣютъ равное право, и ни одинъ не долженъ быть презираемъ, точно такъ, какъ всѣ слова равно принадлежатъ словарю и въ немъ пользуются одинаковыми правами. Итакъ стремленіе къ полнотѣ въ собираніи и разработкѣ составляетъ для словаря первую потребность и этимъ обусловливается всесторонность его употребленія. Ибо все что́ выходитъ изъ печати назначено для всѣхъ безъ исключенія; что́ всѣмъ должно и можетъ служить, не имѣетъ права исключать или отвергать что-либо.

Столько же необходимъ для словаря азбучный порядокъ, отъ котораго зависитъ съ одной стороны возможность полнаго занесенія и разработки словъ, а съ другой — вѣрность и скорость употребленія. Кто располагаетъ богатыми матеріалами, долженъ въ точности знать, куда ихъ помѣстить, и не быть принужденнымъ искать, чтобъ удостовѣриться, включено ли уже такое-то слово, или нѣтъ: пчела напередъ знаетъ, въ какую ячейку ей

положить медъ. Кому была бы охота рыться въ словахъ, когда неизвѣстно, гдѣ ихъ найти? Уже древніе въ своихъ ограниченныхъ сборникахъ соблюдали алфавитный способъ размѣщенія, а кто теперь отъ него отступаетъ, тотъ грѣшитъ противъ филологіи.

Но никакой порядокъ такъ не противенъ цѣлямъ словаря, какъ расположеніе словъ по корнямъ, за которыми слѣдуютъ производныя и сложныя реченія; многіе даже при составленіи глоссаріевъ и списковъ не могутъ воздержаться отъ страсти систематизировать, и отнимаютъ у грамматики то, что ей принадлежитъ. Заботиться и въ словарѣ объ этимологіи естественно и неизбѣжно; но такъ какъ она, безостановочно развиваясь, во всѣхъ направленіяхъ расширяетъ познаніе корней, то порядокъ словъ не долженъ быть ею сбиваемъ; иначе всякая этимологическая находка влекла бы за собой измѣненія, и въ словарѣ ни одно слово не стояло бы прочно на своемъ мѣстѣ. Когда уже есть другіе словари, можно съ пользою располагать по алфавиту и изслѣдованіе надъ корнями, какъ напр. Миклошичъ издалъ разные труды этого рода, или Розенъ собралъ особо санскритскіе корни[1]. Но одинъ азбучный порядокъ упрочиваетъ за отдѣльными словами до времени ихъ независимость и нейтральность, которыхъ не должно нарушать прежде завершенія разысканій, не относящихся къ словарю.

2. Что составляетъ цѣль словаря? По обширности своего назначенія онъ долженъ имѣть цѣль великую и далекую.

Онъ долженъ быть святилищемъ языка, хранить все богатство его и содержать открытый къ нему доступъ. Собраніе словъ растетъ какъ соты и становится драгоцѣннымъ памятникомъ народа, котораго прошедшее и настоящее въ немъ сливаются.

Языкъ есть общее достояніе и вмѣстѣ тайна. Сильно привлекая ученаго, онъ возбуждаетъ и въ толпѣ естественное

---

[1] Здѣсь нельзя не вспомнить и нашего Шимкевича.

къ себѣ сочувствіе и охоту: «Какъ бишь такое-то слово, котораго я не припомню?».... «Этотъ человѣкъ странно выражается: что бы онъ хотѣлъ сказать?».... «На это слово можно найти лучшіе примѣры: поищемъ въ словарѣ».

Такая охота много облегчаетъ пониманіе. Словарю вовсе не нужно стремиться къ пошлой ясности; онъ можетъ спокойно прибѣгать къ обычной обстановкѣ, безъ которой наукѣ такъ же трудно обойтись, какъ и ремеслу, и читатель либо уже приноситъ съ собой нужное умѣнье обращаться съ нимъ, либо пріобрѣтаетъ къ тому навыкъ безъ особенныхъ усилій. Спросите о чемъ-нибудь сапожника или булочника, и онъ отвѣтитъ вамъ своими словами, которыя рѣдко потребуютъ толкованія.

Да и нѣтъ никакой надобности, чтобы все было всѣмъ понятно, чтобы каждое слово было объяснено каждому; пусть онъ пройдетъ мимо непонятого: можетъ-быть, оно въ слѣдующій разъ сдѣлается ему доступнѣе. Назовите хоть одну хорошую книгу, которой пониманіе было бы всякому легко и не оставляло за собой неизмѣримой бездны смысла. Содержаніе словаря обыкновенно бываетъ такъ полновѣсно, что многое и ученѣйшихъ ставитъ въ тупикъ, или по крайней мѣрѣ затрудняетъ. Въ безчисленныхъ случаяхъ и другіе читатели могутъ оставлять въ сторонѣ то, чтó имъ не подъ силу, чтó не входитъ въ ихъ кругозоръ или даже отталкиваетъ ихъ. Читатели всякаго званія и возраста, на необозримыхъ пространствахъ языка, должны поступать по обычаю пчелъ, спускаться только на тѣ травы и цвѣты, которые ихъ привлекаютъ и нравятся имъ.

Есть множество книгъ съ неудачно-придуманными заглавіями, которыя ходятъ по бѣлу свѣту и предлагаютъ самую пеструю и неудобоваримую смѣсь разнородныхъ знаній. Если бъ распространился вкусъ къ простой пищѣ родного языка, то словарь могъ бы сдѣлаться предметомъ домашняго обихода, и его стали бы читать съ охотой, иногда даже съ благоговѣніемъ. Только не надо сравнивать привлекательную силу рога изобилія, какъ обыкновенно называютъ словарь, и оказываемую имъ пользу съ жал-

кими услугами скуднаго ручного словаря, который раза два въ годъ снимаютъ съ запыленной полки, чтобы рѣшить споръ, какое изъ двухъ плохихъ правописаній заслуживаетъ предпочтенія, или отыскать натянутый переводъ всѣмъ извѣстнаго иностраннаго выраженія.

Какъ велико благотворное вліяніе словаря въ томъ смыслѣ, что онъ противодѣйствуетъ людямъ, которые щеголяютъ чужеземными языками, и заставляетъ живѣе чувствовать достоинство, часто даже превосходство своего; а запасъ наглядныхъ примѣровъ, независимо отъ прямой ихъ цѣли, усиливаетъ любовь къ отечественной литературѣ. Блескъ древнихъ языковъ возвышали и поддерживали поэзія и произведенія духа; кажется, словарямъ предназначено способствовать къ упроченію новѣйшихъ языковъ: вотъ еще причина, почему надо стараться о распространеніи хорошихъ словарей. Если они не въ силахъ охранять всѣхъ словъ, то по крайней мѣрѣ оберегаютъ большую часть ихъ; не многіе изъ читателей какого-нибудь словаря станутъ отрицать, какъ много они ему обязаны въ частностяхъ. Конечно, всего живѣе слова передаются изъ устъ въ уста; и смотря по различію странъ, одно племя бываетъ развязнѣе другого и ловчѣе справляется съ языкомъ, нежели другое. Но брошенное сѣмя можетъ оплодотворять и запустѣвшія поляны.

Успѣхамъ языковѣдѣнія благопріятно все, что дѣлается для памятниковъ, и поприще его неизмѣримо. Но безъ всякаго сравненія важнѣйшую помощь оказываетъ ему словарь, который всѣ реченія представляетъ на опредѣленномъ мѣстѣ въ такомъ удобномъ для обзора порядкѣ, какого и самый неутомимый трудъ ничѣмъ не можетъ замѣнить. Словарь похожъ на вооруженное, готовое къ битвѣ войско, съ которымъ можно совершать чудеса и противъ котораго безсильны отдѣльные, хотя и самые отборные отряды. Я это испыталъ на себѣ, когда хотѣлъ построить древнюю грамматику еще безъ помощи словаря, а теперь при полной азбучной разработкѣ языка замѣчаю, что только такимъ твердымъ и равномѣрнымъ шагомъ можно дойти до самыхъ отдален-

ныхъ мѣстъ, которыя иначе остались бы въ сторонѣ. Подобно часамъ, словарь и для простолюдина долженъ быть устроенъ съ тою же точностью, къ какой стремится астрономъ, и вообще онъ можетъ быть вполнѣ полезнымъ только тогда, когда удовлетворяетъ строгимъ требованіямъ науки.

3. До сихъ поръ понятіе и значеніе словаря разсматривались столь общимъ образомъ, что выводы отсюда могутъ быть примѣняемы ко всѣмъ языкамъ; теперь поговоримъ о нѣмецкомъ словарѣ въ особенности.

(Здѣсь считаю нужнымъ передать только вкратцѣ слишкомъ частныя для насъ замѣчанія Якова Гримма).

Объемъ словаря, говоритъ онъ, опредѣляется границами самого языка. Подъ нѣмецкимъ языкомъ въ собственномъ смыслѣ надобно разумѣть употребляемый тѣми Нѣмцами, которые остались въ политическомъ союзѣ. Этотъ языкъ раздѣляется на верхне- и нижненѣмецкое нарѣчіе, между которыми передвижка звуковъ полагаетъ такое рѣзкое различіе, что послѣднее изъ обоихъ болѣе сходно съ другими германскими языками, нежели съ верхненѣмецкимъ нарѣчіемъ. Поэтому нижненѣмецкія реченія не могутъ найти мѣста въ нѣмецкомъ словарѣ. Но за то для него чрезвычайно важно познаніе всѣхъ верхненѣмецкихъ народныхъ говоровъ, и здѣсь Яковъ Гриммъ съ особенной похвалой отзывается объ областныхъ словаряхъ: баварскомъ Шмеллера и швейцарскомъ Стальдера, изъ которыхъ первый онъ ставитъ еще гораздо выше послѣдняго. Упомянувъ потомъ объ эльзасскомъ и аллеманскомъ отличіяхъ, онъ прибавляетъ: «однакожъ изъ всѣхъ этихъ нарѣчій нельзя заимствовать непосредственно, т. е. безъ устраненія звукового различія, съ которымъ отчасти теряется и прелесть ихъ».

4. Мы видѣли, какому ограниченію подлежитъ понятіе нѣмецкаго словаря по пространству; спрашивается, какіе предѣлы должны быть положены ему во времени?

Верхненѣмецкій языкъ распадается на три періода. Древнѣйшіе памятники его, отъ 7-го до 11-го столѣтія, образуютъ древне-верхненѣмецкій періодъ; отъ 12-го же до середины

15-го идетъ средне-верхненѣмецкій; необходимо отличать оба эти періода какъ между собой, такъ и отъ ново-верхненѣмецкаго, потому что формы стараго языка полнѣе и благороднѣе формъ средняго, а эти чистотою далеко превосходятъ нынѣшніе. Въ словарѣ часто нужно было прибѣгать къ древне-верхненѣмецкому и даже къ готскому, чтобы добраться до самой древней и правильнѣйшей формы какого-нибудь реченія. Еще чаще, и особенно ради живости выраженій, вносимы были средне-верхненѣмецкіе примѣры, такъ что иному читателю можетъ даже показаться, что ихъ слишкомъ много. Необходимость ихъ понималъ иногда уже Аделунгъ, но древне-верхненѣмецкіе приводитъ онъ рѣдко, готскихъ у него вовсе нѣтъ.

Главное дѣло въ томъ, чтобы по возможности исчерпать объемъ всего ново-верхненѣмецкаго періода и тамъ не только достигнуть пониманія отдѣльныхъ выраженій, но и возбудить снова любовь къ забытымъ писателямъ. Всего ошибочнѣе было бы отвернуться отъ старины и самодовольно отмежевать нѣмецкому словарю тѣсное пространство настоящаго, какъ будто какое-нибудь время можетъ быть понято только изъ самого себя и обойтись безъ того, что̀ устарѣло, вышло изъ употребленія. Уже и у Гэте надо часто отличать прежній способъ выраженія отъ позднѣйшаго, потому что онъ въ теченіе своей долгой, богатой жизни постепенно обращался къ другимъ формамъ и словамъ. Еще чаще попадаются у Виланда слова, которыхъ новѣйшіе писатели почти никогда или даже вовсе не употребляютъ[1].

Каждый языкъ находится подъ вліяніемъ не только ближайшаго къ нему круга, но отчасти и болѣе отдаленныхъ, обширнѣйшихъ круговъ, которыхъ сознаніе еще не вполнѣ имъ утрачено,

---

[1] Вопросъ о періодѣ времени, какой долженъ войти въ предѣлы словаря, особенно важенъ у насъ. Мѣра включенія въ него церковно-славянскихъ словъ всегда будетъ самымъ затруднительнымъ пунктомъ задачи. Кажется, всего справедливѣе и проще было бы отдѣлить на первый случай всю ту часть литературы, которая отмѣчена церковнымъ шрифтомъ, и ограничиться тою, которая живетъ въ гражданской грамотѣ. Русскій словарь обнялъ бы слѣдовательно, собственно говоря, только 18-й и 19-й вѣкъ. Но къ нему надо бы еще

какъ иногда передъ памятью внезапно возстаютъ самые отдаленные предметы. Невыносимымъ стѣсненіемъ для языка было бы лишеніе его права брать назадъ свою собственность и пользоваться знаменательными словами, отъ древности получившими торжественность. Языкъ, который, сверхъ своего наличнаго ходячаго запаса, не имѣлъ бы прибереженной денежки и кое-какихъ рѣдкихъ монетъ, былъ бы бѣдный языкъ; выставить эти сокровища есть дѣло словаря.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы познакомились съ забытыми поэтическими произведеніями среднихъ вѣковъ, а за ними еще открываемъ угасающую древне-верхненѣмецкую поэзію, намъ вдругъ представились въ благопріятнѣйшемъ свѣтѣ и всѣ послѣдующія столѣтія, потому что точное познаніе старины не допускаетъ пробѣловъ и въ позднѣйшемъ времени. Геллерта и Гагедорна мы не понимаемъ безъ Каница и Гюнтера, а этихъ безъ Опица и Флеминга: какъ же намъ отказаться отъ бóльшаго могущества 16-го столѣтія? Языкъ Лютера, доселѣ живущій въ библіи, не могъ бы быть вполнѣ изученъ, если бъ былъ вырванъ изъ цѣпи явленій своего времени. Никакой нѣмецкій словарь не можетъ обойтись безъ Лютера и Гансъ-Сакса; слѣдовательно ему принадлежатъ и современники этихъ мужей, а еслибъ онъ не выполнилъ такого требованія, то не имѣлъ бы существеннаго достоинства и значенія.

5. Какіе у насъ предшественники и что ими сдѣлано?

(Пропуская здѣсь мало поучительныя для насъ замѣчанія Якова Гримма о первыхъ начаткахъ и опытахъ нѣмецкихъ словарей, обратимся къ тому, что онъ говоритъ о трудахъ Аделунга, Кампе и ихъ послѣдователей).

присоединить: 1, русскія слова изъ древнихъ памятниковъ исторіи и народной литературы, грамотъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ и т. п. 2, корни церковно-славянскіе, встрѣчающіеся въ производныхъ или составныхъ русскихъ словахъ. Само собою разумѣется, что въ этотъ словарь должны бы войти и тѣ церковно-славянскія слова, которыя употреблялись нашими свѣтскими писателями послѣ введенія гражданской печати. Что касается до писателей духовныхъ, то изъ ихъ трудовъ слѣдовало бы извлекать слова съ осмотрительностью.

По смерти Готшеда (1766), который незадолго передъ тѣмъ издалъ неудовлетворительные образцы пространнаго нѣмецкаго словаря, Аделунгъ взялся за это дѣло и въ послѣдующее время трудился надъ нимъ неутомимо. Можно принять, что оно исключительно занимало его во все продолженіе 70-хъ годовъ; второе изданіе, появившееся постепенно въ 90-хъ годахъ, стоило уже меньшихъ усилій. Оно, по многимъ пропускамъ, которые не вознаграждаются кое-какими дополненіями, стоитъ ниже перваго, а въ языкоизслѣдованіи не подвигаться впередъ, но стоять на мѣстѣ — почти то же, что итти назадъ.

Несмотря на употребленный имъ непомѣрный трудъ, скромный ученый назвалъ первое изданіе опытомъ. Надо согласиться, что никогда еще не было столь тщательно и настойчиво выполненнаго труда по нѣмецкому языку, и этотъ словарь долженъ былъ произвести самое благопріятное впечатлѣніе. Его главное достоинство заключалось, во-первыхъ, въ богатомъ запасѣ словъ, который составленъ былъ хотя съ нѣкоторою сдержанностью, но за то въ строжайшемъ порядкѣ, и превосходилъ по обилію всѣ прежніе сборники, а во вторыхъ — въ спокойномъ и осмотрительномъ развитіи значеній, правда ужъ слишкомъ широкомъ, но подкрѣпленномъ хорошо прибранными примѣрами. Все здѣсь носитъ отпечатокъ невозмутимаго, равномѣрнаго труда, который скоро достигъ высшей точки, какой только могъ достигнуть, и остался свободнымъ отъ всякаго вліянія фантазіи.

Здѣсь, послѣ долгаго времени, снова соблюденъ былъ строгій азбучный порядокъ, и всѣ увидѣли его преимущества; но первый законъ для словаря — безпристрастное принятіе и охраненіе всѣхъ выраженій — принесенъ былъ въ жертву ошибочному взгляду Аделунга на свойства нашей письменной рѣчи. По его мнѣнію, только употребительный въ верхней Саксоніи утонченный нѣмецкій языкъ, какъ бы придворный языкъ учености, можетъ служить нормою, хотя ни одинъ классическій писатель не употреблялъ его. Изъ высокаго тона, такъ думалъ онъ, языкъ спускается въ благородный, изъ благороднаго въ фамильярный,

а потомъ въ низкій и простонародный; простонародный же недостоинъ вниманія языкоизслѣдователя, который низкое принимаетъ въ соображеніе только изъ уваженья къ комическому: словъ этого рода, говоритъ онъ, въ первомъ пылу допущено въ словарь слишкомъ много. Сверхъ того словарь не глоссарій и не долженъ быть слишкомъ щедръ на устарѣлыя слова. Такъ разсуждалъ Аделунгъ.

Между тѣмъ нѣмецкая поэзія достигла блестящаго развитія, а онъ не показалъ ни малѣйшей воспріимчивости къ ней, и второе изданіе его словаря нисколько не обогатилось тѣмъ, что̀ всѣхъ воодушевляло. Его равнодушіе должно было непріятно поражать всѣхъ людей съ поэтическимъ настроеніемъ; наконецъ Фоссъ высказалъ долго сдержанную хулу, — высказалъ ее умно и рѣзко, но несправедливо, потому что не умѣлъ оцѣнить той обильной общеполезной жатвы, какую собралъ Аделунгъ въ тѣсныхъ, добровольно назначенныхъ себѣ предѣлахъ. Фоссъ лучше его былъ знакомъ съ литературой 16-го и 17-го столѣтій, но въ древнемъ языкѣ познанія обоихъ были слишкомъ недостаточны, и нельзя назвать удачною такую хулу, изъ которой для хулящаго проистекаетъ еще большее осужденіе. Несмотря на частые промахи Аделунга, доказывающіе незнакомство съ старинными формами языка, словарь его выдержитъ еще не одинъ порывъ вѣтра, еще долго будетъ сохранять свое значеніе, и долго изыскатели будутъ съ нимъ совѣтоваться.

Вскорѣ по окончаніи второго изданія Аделунга и послѣ долгихъ приготовительныхъ работъ, явился въ 1807—1811 годахъ нѣмецкій словарь Кампе, — тяжелый, далеко уступающій предыдущему трудъ, вызванный желаніемъ съ одной стороны пополнить сборникъ недостающими у Аделунга словами (которыя, при алфавитномъ порядкѣ, легко было отыскать), а съ другой стороны, изъ угожденія неосновательному пуризму, изгнать изъ нѣмецкаго языка всѣ иностранныя реченія. У Аделунга все какъ будто вылилось съ разу и зрѣло обдумано; здѣсь же, вмѣстѣ съ Кампе, работали двое сотрудниковъ разныхъ свойствъ и спо-

собностей; они старались наскоро сработать словарь, который могъ обойтись безъ учености, такъ какъ отбросилъ всѣ этимологическія производства, и «рѣчь ежеминутно мучащаяся въ родахъ» служила пищею торопливо схватывающей, а не спокойно-прилежной дѣятельности собирателя.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сказать, что многія изъ пропущенныхъ Аделунгомъ словъ помѣщены у Кампе и что въ набросанномъ со всѣхъ сторонъ сорѣ могутъ скрываться годныя зерна, которыхъ расположеніе въ азбучномъ порядкѣ заслуживаетъ благодарности; но не видно ни плана, ни точности въ занесеніи какъ старинной, такъ и новой литературы; выписки же обезображены множествомъ опечатокъ. Масса дополненій состоитъ преимущественно изъ сложныхъ словъ, какихъ, по свойству нашего языка, можно образовать цѣлыя сотни. Исчисленіе ихъ въ словарѣ доказываетъ не богатство языка, а только насиліе синтаксису его. Что касается до частицъ, то конечно допустить присоединеніе каждой изъ нихъ къ простымъ словамъ во всѣхъ возможныхъ случаяхъ значило бы открыть широкій путь произволу: тогда языкъ сталъ бы походить на неестественное дерево, у котораго сучья, вѣтки и листья разрослись во всѣ стороны. Въ аналогіи данъ языку могущественный законъ; но въ исключеніяхъ и отступленіяхъ отъ нея опять-таки скрываются правила, которыя должны быть соблюдаемы. Я не утверждаю, чтобы трудившіеся надъ словаремъ Кампе хотѣли собрать всѣ возможныя словосоставленія съ частицами, но для многихъ словъ этого рода они довольствуются тѣмъ, что слѣдуютъ одной аналогіи или приводятъ такіе примѣры, которые не въ состояніи доказать живого происхожденія сложнаго слова. Не всѣ подобныя слова рѣшительно негодны, но они непріятны, когда не могутъ быть достаточно подкрѣплены, и большая часть ихъ возбуждаетъ сомнѣніе. Если прибавимъ, что сверхъ этой страсти употреблять во зло способность нѣмецкаго языка къ произведенію и составленію словъ, Кампе придерживается несноснаго пуризма, о которомъ скоро будетъ говорено подробнѣе, что онъ съ другой стороны не вос-

пользовался болѣе близкими и существенными дополненіями къ Аделунгову труду, которыя представляетъ наша литература, то трудно будетъ признать разсматриваемый словарь дѣйствительно годнымъ къ употребленію и полезнымъ для успѣховъ нѣмецкаго языка. Поставленные передъ словами знаки конечно не заслуживаютъ одобренія и только увеличиваютъ безжизненность, которою эта книга безъ того страдаетъ.

Нѣтъ надобности распространяться о прочихъ, со времени Аделунга явившихся, нѣмецкихъ словаряхъ, ручныхъ, полныхъ словаряхъ Морица, Гейнзіуса, Гейзе, Кальтшмидта и другихъ. Они различнаго вида и устройства, предприняты съ благимъ намѣреніемъ и составлены отчасти съ умѣніемъ; но я сомнѣваюсь, чтобы хоть одинъ изъ нихъ оказалъ истинныя и прочныя услуги самому языку. Они считаютъ потребностью описывать, извлекать и сокращать добытые доселѣ результаты, вмѣсто того, чтобы возвышать и увеличивать ихъ. Зачѣмъ, въ отсутствіи земледѣльцевъ, столькимъ ногамъ утаптывать обширную ниву слова? лучше бы ей было пролежать нѣсколько времени въ пару.

6. Иноземныя слова.

Всѣ языки, пока они въ здоровомъ состояніи, имѣютъ естественное побужденіе отстранять отъ себя чужое, а если оно разъ уже вторглось, — вытѣснять его снова или, по крайней мѣрѣ, сглаживать туземными элементами. Нѣтъ народа способнаго къ развитію всѣхъ возможныхъ звуковъ, и всякій языкъ избѣгаетъ тѣхъ, которые ему несвойственны и противны. Чтó справедливо о звукахъ, то еще болѣе относится къ словамъ.

Когда чуждое слово случайно западетъ въ воды какого-нибудь языка, то оно носится по нимъ, пока не приметъ его цвѣта и, наперекоръ своей натурѣ, не станетъ похоже на туземное. Это видно въ особенности на множествѣ мѣстныхъ названій, но также и на другихъ словахъ: Abenteuer, Armbrust, Eichhorn представляютъ совершенно нѣмецкіе звуки, хотя не имѣютъ ничего общаго съ понятіями: Abend, theuer, Arm, Brust, Eiche, Horn. Все равно, чтó они повидимому значатъ; всякій знаетъ,

что́ они дѣйствительно выражаютъ, и слухъ нашъ не возмущается ими. Иногда и чисто нѣмецкія, но затемнившіяся выраженія этимъ же способомъ становятся яснѣе, хотя и безъ смысла: такъ Moltwurf, съ тѣхъ поръ какъ перестали понимать его, превратилось въ Maulwurf[1].

Путемъ христіанства, латинской учености и сношеній съ сосѣдями, иноплеменныя слова врывались къ намъ во множествѣ. Нѣкоторыя были удачно и смѣло передаваемы по-нѣмецки, какъ-то: Taufe, Sünde, Hölle, Ostern и др. Гораздо большее число удержалось съ передѣлкою, напр. Engel, Teufel, Priester, Altar и проч.; изъ peregrinus сдѣлалось pilgrim, изъ pyrethrum Bertram[2]. Ассимиляція была всего сильнѣе, когда словамъ придавалась и наша своеобразная флексія, напр. глаголы schreiben и preisen спрягаются въ прошедшемъ schrieb, pries.

Къ принятію иноземныхъ реченій наша старина побуждалась не только ихъ связью съ преданіями церкви и школы, вмѣстѣ съ разительнымъ сходствомъ искони родственныхъ словъ, но также ихъ благообразіемъ и удобствомъ, или лѣнью пріискивать на своемъ языкѣ соотвѣтствующія имъ выраженія.

Мало по малу отвращеніе къ чуждымъ звукамъ стало ослабѣвать и уступать мѣсто педантической заботѣ о сохраненіи полнаго ихъ выговора; съ этимъ чутье къ родному языку еще болѣе притупилось, и иноземнымъ словамъ безъ нужды облегченъ до-

---

[1] Есть и у насъ примѣры словъ, осмысленныхъ народнымъ употребленіемъ или просто измѣненныхъ по недоразумѣнію. Таковы взятыя первоначально изъ другихъ языковъ: *высокосный*, *шировары*, *крылосъ*. Подобное нѣмецкому Maulwurf представляетъ наше прилаг. *близорукій*, передѣланное изъ *близорокій* или правильнѣе *близзорокій* (зоркій), которое до сихъ поръ сохранило свою настоящую форму въ Псковской губ. (см. Опытъ областного словаря). Такое измѣненіе словъ, по требованію народной этимологіи, замѣтно у насъ особенно въ собственныхъ именахъ; такъ изъ *Сарскаго села* народъ, еще прежде офиціальнаго переименованія этого города, сдѣлалъ *Царское село*; такъ въ нашихъ историческихъ актахъ, вмѣсто *Стокгольмъ*, изстари писалось до самаго Петра Великаго *Стеколна*.

[2] У насъ: налой, просвира, паникадило, исполать, вмѣсто: аналогій, просфора, поликандило, исполлети.

ступъ: считали какой-то заслугой оставлять свое и замѣнять его чужимъ.

Языкоизслѣдованіе и въ особенности словарь обязаны противодѣйствовать безмѣрному и незаконному наплыву чуждыхъ элементовъ и полагать строгое различіе между двумя весьма несходными видами иноземныхъ словъ, хотя граница между ними иногда довольно неопредѣленна.

Невозможно исключить всѣхъ тѣхъ, которыя давно укоренились на почвѣ нашего языка и пустили изъ нея новые отпрыски; посредствомъ многообразныхъ производствъ и составленій, они такъ срослись съ нѣмецкою рѣчью, что мы безъ нихъ уже не можемъ обойтись. Сюда относятся напр. имена всѣхъ завезенныхъ къ намъ изъ другихъ странъ животныхъ и растеній, для которыхъ нѣтъ нѣмецкихъ названій: кто бы хотѣлъ наприм. отказаться отъ словъ Rose, Röschen, Viole, Veilchen? Сюда принадлежатъ также онѣмечившіяся уже лѣтъ тысячу тому назадъ реченія, какъ-то: Fenster, Kammer, Tempel, Pforte, Schule, Kaiser, Meister, Arzt, которыхъ туземныя имена либо забыты, либо замѣнены болѣе опредѣлительными чужими названіями.

Напротивъ того, нѣмецкій словарь отвергаетъ множество изъ греческаго, латинскаго, французскаго и другихъ языковъ заимствованныхъ словъ, которыхъ употребленіе у насъ сильно распространилось, или по крайней мѣрѣ допускается, хотя они и не могутъ считаться окончательно усвоенными нашему языку. Правда, они пытались утвердиться и занять мѣсто, которое оставалось свободнымъ или изъ котораго они уже вытѣснили было туземное слово; но имъ не удалось въ собственномъ смыслѣ водвориться. Они у насъ во многихъ случаяхъ, кажется, только гости и никто не замѣтитъ ихъ удаленія, какъ скоро настоящее слово займетъ принадлежащее ему мѣсто. Хотя такія иноземныя выраженія и слышатся каждый день, но нѣмецкому языку до нихъ дѣла нѣтъ, потому что у него есть свои, столь же хорошія слова, или что онъ не старается обозначать заключающихся въ нихъ понятій: для чего напр. сталъ бы онъ пускать въ ходъ боль-

шое число иностранныхъ цвѣточныхъ названій, употребительныхъ въ садахъ или теплицахъ? Пусть остаются въ оборотѣ латинскія техническія названія. Другія конечно болѣе касаются насъ; въ наукѣ и училищѣ, на войнѣ и посреди мира, во вседневномъ обиходѣ, завелось такъ много иностранныхъ словъ, что только съ помощію ихъ можно заставить понять себя. Когда сдѣлается яснѣе сознаніе въ достоинствѣ нашего языка и усилится знакомство со всѣми средствами, которыя онъ предлагаетъ намъ для пріисканія болѣе опредѣлительныхъ и соотвѣтственныхъ выраженій, тогда уменьшится и употребленіе иностранныхъ словъ. Вообще не надо забывать, что чужеземныя стихіи занесены въ нашъ языкъ не изъ среды народа, а введены къ намъ княжескими дворами, приверженными къ иностраннымъ обычаямъ, принужденнымъ слогомъ присутственныхъ мѣстъ и канцелярій, а также стремленіемъ всѣхъ наукъ приноравливать свои термины къ иноземнымъ и предоставлять послѣднимъ преимущество передъ каждымъ своимъ словомъ.

Этой привязанности къ иноземному, этого смѣшенія языковъ словарь не долженъ поддерживать; онъ долженъ, напротивъ, честно противодѣйствовать имъ, стараясь однакожъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя вводятъ непризнанные очистители слова. Не умѣя вполнѣ оцѣнить красоту и богатство нашего языка, этотъ докучный пуризмъ преслѣдуетъ и истребляетъ чужое, гдѣ бы оно ему ни попалось; неуклюжимъ молотомъ куетъ онъ свое негодное оружіе. Что́ языкъ давно уже имѣлъ, или въ чемъ вовсе еще не нуждается, то этотъ пуризмъ старается навязать ему, надѣвая на него силою платье, вывороченное на изнанку[1].

---

[1] Братья Гриммы, какъ и нѣкоторые другіе изъ нѣмецкихъ лексикографовъ, совершенно изгнали изъ словаря иностранныя слова, кромѣ тѣхъ, которыя искони слились съ языкомъ: такъ вы у нихъ напр. не найдете именъ: Uniform, Universität. Другому правилу слѣдовала наша Академія въ своемъ словарѣ: въ немъ помѣщены всѣ вошедшія у насъ въ общее употребленіе иностранныя слова. Такая метода русской лексикографіи вполнѣ оправды-

7. Собственныя имена.

Нашъ словарь строго осуждали за то, что онъ опускаетъ собственныя имена нѣмецкія. Никакое другое обвиненіе не могло обнаружить такого незнанія дѣла; но, говоря объ этомъ предметѣ, я долженъ отличить имена мѣстъ отъ именъ лицъ.

Имена странъ, городовъ, мѣстечекъ, деревень, рѣкъ, рѣчекъ, горъ, долинъ, низменностей, холмовъ, полей и лѣсовъ очень многочисленны, и такъ какъ нашъ словарь долженъ бы заняться ими съ большею основательностію, нежели съ какою разсматриваютъ ихъ имѣющіеся географическіе словари, то отъ этого слишкомъ увеличился бы объемъ изданія. Конечно, познаніе и объясненіе этихъ именъ чрезвычайно важно для языка вообще; но при изслѣдованіи ихъ встрѣчается великое затрудненіе. Эти наименованія мѣстъ произошли въ разныя времена, и нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ за эпоху переселенія нѣмецкаго племени въ наши страны. Когда дѣло идетъ о кельтскихъ и римскихъ остаткахъ въ предѣлахъ Германіи, то прежде всего слѣдуетъ искать ихъ въ именахъ мѣстъ. Сверхъ того, въ большей части нѣмецкихъ земель племена въ разное время смѣнялись, и удаляющіяся или вытѣсняемыя налагали на отдѣльныя мѣста печать своего особеннаго нарѣчія. Отсюда слѣдуетъ, что исчисленіе именъ съ большимъ основаніемъ должно бы войти въ средне- или древне-верхненѣмецкій словарь, нежели въ ново-верхненѣмецкій, отъ словъ котораго они бы слишкомъ рѣзко отличались, несмотря на ихъ многократное подновленіе. Но если впослѣдствіи кому-нибудь удастся, всего лучше въ особомъ сочиненіи, изслѣдовать ихъ точнѣе, то ново-верхненѣмецкій словарь извлечетъ изъ нихъ болѣе пользы, чѣмъ могъ бы извлечь теперь въ отдѣльныхъ случаяхъ.

вается потребностью нашей публики въ словарѣ, который бы заключалъ въ себѣ весь запасъ языка. У насъ еще нѣтъ удовлетворительныхъ сборниковъ иностранныхъ словъ, которые у Нѣмцевъ издаются подъ именемъ Fremdwörterbuch и такимъ образомъ дополняютъ словари, исключительно посвященные ихъ собственному языку. Русскій словарь, въ которомъ не было бы употребительныхъ иностранныхъ словъ, представлялъ бы весьма существенный пробѣлъ.

Личными именами, даваемыми при крещеніи, ново-верхненѣмецкій языкъ чрезвычайно бѣденъ. Къ чему послужило бы помѣстить здѣсь пятьдесятъ или сто нѣмецкихъ именъ, жалкій остатотъ безпредѣльнаго богатства нашей старины? Нельзя же было бы допустить иноземныхъ, по большей части библейскихъ, которыхъ число почти такъ же велико. Относительно собственно-нѣмецкихъ надо повторить то, что замѣчено было о мѣстныхъ названіяхъ: наши личныя имена также возникли у разныхъ племенъ и потомъ уже распространились далѣе, напр. Сигфридъ произошло въ другой мѣстности нежели Густавъ, Конрадъ не тамъ, гдѣ Фердинандъ; ихъ разсмотрѣніе не входитъ въ тѣсный кругъ ново-верхненѣмецкаго словаря. Хотя они моложе приросшихъ къ самой землѣ именъ мѣстностей, однакожъ также принадлежатъ отдаленной старинѣ. Нѣкогда ихъ насчитывались не сотни, а тысячи, такъ что одно собраніе ихъ, если бъ оно обнимало всѣ формы и видоизмѣненія, составило бы болѣе тома и только полнотою могло бы дѣйствительно оживиться. Такой сборникъ прольетъ когда-нибудь неожиданный свѣтъ на всѣ части и времена нашего языка. Въ словарь должны войти только нѣкоторыя ласкательныя формы именъ, какъ-то: Benz, Kunz, Götz и друг., которыя болѣе въ связи съ особенностями нынѣшняго языка. Все прочее надо было исключить.

Наконецъ, позднѣйшія прозванія или родовыя имена (фамиліи), какъ образованныя изъ употребительныхъ словъ, существительныхъ или прилагательныхъ, мало поучительны, но весьма многія состоятъ изъ названій мѣстъ, передъ которыми выпущено означеніе лица, напр. Vogelweide, Keisersberg означаютъ человѣка изъ Фогельвейде, изъ Кейзерсберга.

8. Языкъ пастуховъ, охотниковъ, птичниковъ, рыболововъ и т. д.

Я тщательно отыскивалъ всѣ слова древнѣйшихъ состояній народа, находя, что они доставляютъ самые обильные матеріалы для исторіи языка и нравовъ. Главные слѣды пастушескаго быта нашей старины найдутся конечно въ Альпахъ Швейцаріи, Тироля

и Штиріи; у Штальдера и у Шмеллера есть драгоцѣнныя, но еще недостаточныя извѣстія: кто сообщитъ мнѣ новыя свѣдѣнія, заслужитъ живѣйшую мою признательность. Всѣ выраженія егерей, сокольниковъ и птичниковъ привлекательны по своей свѣжести и простотѣ; они также восходятъ до глубокой древности и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія; бѣднѣе повидимому языкъ рыболововъ, которые какъ будто такъ же нѣмы, какъ животныя, ими преслѣдуемыя. Тѣмъ оживленнѣе по всей вѣроятности бытъ моряковъ, но ново-верхненѣмецкое нарѣчіе представляетъ весьма скудный запасъ словъ этого разряда: изъ нижней Германіи и Нидерландовъ заимствованы мало по малу почти всѣ слова, относящіяся къ мореплаванію, вмѣсто которыхъ наша старина конечно имѣла многія собственныя, несходныя съ нынѣшними названія. Но, наравнѣ съ другими нижнегерманскими словами, и большая часть морскихъ реченій не могли найти мѣста въ словарѣ. Бывшія у меня въ рукахъ пособія для языка виноградарей, который мнѣ бы хотѣлось изслѣдовать, не облегчили употребленнаго на эту часть труда. Жаль, что и изданные по горнозаводскому языку сборники не исчерпываютъ его и составлены безъ ученыхъ объясненій. Болѣе сдѣлано для словъ, относящихся къ пчеловодству, садоводству и вообще къ земледѣлію, словъ, которыя не такъ рѣзко отдѣляются отъ остальнаго состава языка и болѣе извѣстны въ народѣ. То же можно сказать и о ремесленныхъ выраженіяхъ, на которыя еще Аделунгъ обращалъ вниманіе. Поваренныхъ и врачебныхъ книгъ издавна очень много, и между ними есть полезныя для языкоизслѣдованія. Смѣшанный языкъ нищихъ, воровъ и мошенниковъ, который отчасти состоитъ изъ нѣмецкихъ стихій, былъ собираемъ въ новѣйшее время часто и всего удовлетворительнѣе; желательно, чтобы языкъ стариннаго ратнаго дѣла подвергнутъ былъ особенному изслѣдованію; нѣкоторыми сторонами онъ сближается съ языкомъ стариннаго рыцарскаго сословія, другими — съ охотничьимъ.

Въ нашемъ ученомъ сословіи нѣтъ уже болѣе своеобразнаго навыка въ употребленіи и развитіи нѣмецкаго слова. Духовное

краснорѣчіе совершенно подчинено закону общаго хода языка и само себя лишило, въ изреченіяхъ и пѣсняхъ, большей части своего древняго могущества. Однакожъ между духовными какъ протестантской, такъ и католической церкви, продолжаетъ обнаруживаться похвальное вниманіе къ народному языку и заботливость о собираніи его. Между законовѣдами почти совершенно изгладились всѣ слѣды стариннаго богатаго судебнаго языка, который сохранялся еще до 16-го или 17-го столѣтія; нынѣшній юридическій языкъ, болѣзненный и сухой, сильно обремененъ римской терминологіей.

Долгое время врачи, болѣе всякаго другого сословія, заботились о разработкѣ нѣмецкаго языка, можетъ-быть оттого, что ихъ подстрекали къ тому туземныя названія болѣзней или лѣкарствъ, въ особенности же травъ и животныхъ; пріятно видѣть, что со времени изобрѣтенія книгопечатанія преимущественно врачи переводили иностранныя книги на нѣмецкій языкъ; составители нашихъ древнѣйшихъ словарей были врачи же или естествоиспытатели. И въ нынѣшнее время врачи, при частыхъ сношеніяхъ съ людьми всякаго рода, съ которыми они разговариваютъ о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, могли бы въ точности узнать весь объемъ языка и взять простое изложеніе Гиппократа за образецъ, какъ сдѣлать разсказъ о болѣзняхъ поучительнымъ и для искуства и для жизни; но, сколько мнѣ извѣстно, въ послѣднія сто лѣтъ между ними не было ни одного языкоизслѣдователя. Вошедшіе во всеобщее употребленіе латино-греческіе термины еще затрудняютъ ихъ движенія на родной почвѣ и отбиваютъ у нихъ охоту воздѣлывать ее. — Химія выражается на ломаномъ латинскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; только въ устахъ Либиха она мастерски владѣетъ словомъ. — Философамъ, которые понимаютъ точную связь между представленіями и словами, должно бы быть сродно углубляться въ тайны языка, но ихъ превосходство развивается болѣе изнутри и такъ много зависитъ отъ особенности собственной натуры каждаго, что они мало обращаютъ вниманія на общеупотребительный языкъ и часто безъ

причины отъ него отступаютъ. — Всѣхъ болѣе соображается съ нимъ Кантъ, и потому словарь не могъ не пользоваться его живою рѣчью, насколько она относится къ области нѣмецкаго языка.

9. Непристойныя слова.

Раздѣлять языкъ вообще на возвышенный, благородный, дружескій, низкій и простонародный—ни къ чему не ведетъ, и Аделунгъ этимъ путемъ придалъ многимъ словамъ ложное значеніе. Какъ часто онъ измѣняетъ призванію языкоизслѣдователя, говоря: «эти слова такъ низки, что ихъ почти не стоило бы приводить», и ка́къ смѣшиваетъ онъ всѣ эти разряды!

Прилагая непосредственно къ языку сословныя отношенія, въ томъ видѣ, какъ они являются въ древненѣмецкомъ правѣ, я замѣтилъ слѣдующую простую трилогію. Свободный человѣкъ занимаетъ середину, изъ которой съ одной стороны отдѣляется благородный, а съ другой несвободный.—Такъ точно изъ свободнаго языка, изображающаго полную мѣру естественной способности слова, выходитъ съ одной стороны благородная, а съ другой — несвободная рѣчь. — Благородное называемъ мы также возвышеннымъ, высокимъ, утонченнымъ; несвободное—низкимъ (bas langage), плоскимъ, пошлымъ, мужиковатымъ, грубымъ, жесткимъ. — Естественный языкъ заключаетъ въ себѣ расположеніе къ обоимъ видоизмѣненіямъ — къ утонченной и къ грубой рѣчи: изъ благороднаго языка устранена грубая стихія, изъ грубаго — благородная: грубое, жесткое легко становится нечистымъ, грязнымъ (sordidum, turpe), утонченное — украшеннымъ и чопорнымъ (ornatum, molle) или даже соблазнительнымъ (lubricum).

Природа научила человѣка скрывать отъ другихъ актъ произрожденія и испражненія, а также прятать служащія къ тому части; все, что оскорбляетъ это чувство цѣломудрія и стыдливости, называется непристойнымъ (obscoenum). А что не выставляется на глаза толпы, того не захотимъ мы передать и слуху, того не станемъ произносить. Но такое запрещеніе не безу-

словно: такъ какъ эти отправленія естественны, даже необходимы (naturalia non sunt turpia), то они не всегда могутъ быть называемы, только тайно: въ извѣстныхъ обстоятельствахъ позволительно означать ихъ и публично.

И здѣсь-то является различіе между украшенной и грубой рѣчью. Грубая бываетъ часто расположена называть неприличныя вещи, не прикладывая листа ко рту; утонченная же старается избѣгать какъ этого, такъ и всего, что имѣетъ не только близкое, но и отдаленное къ тому отношеніе, или стремится по крайней мѣрѣ прикрывать все нечистое. Конечно, при этомъ надо имѣть въ виду различныя степени и настроенія въ нравахъ народовъ. Свобода языка и поэзіи Грековъ смѣло пользовалась грубою стихіей; римскому языку указаны были болѣе тѣсные предѣлы, и въ этомъ отношеніи замѣчательно одно письмо Цицерона (Fam. 9, 32). Неоспоримая, можно сказать, цѣломудренная жесткость нѣмецкой литературы всего 16-го столѣтія далека отъ французскаго распутства, отъ чопорности нашего нынѣшняго утонченнаго общества (моднаго свѣта), которое, напримѣръ, боится произнести такое слово какъ Durchfall (поносъ) и вмѣсто того употребляетъ чужеземное Diarrhöe, подъ которымъ Грекъ разумѣлъ совершенно то же самое, что́ выражаетъ приведенное нѣмецкое слово! Давность употребленія могла же, въ иномъ французскомъ реченіи, привести въ забвеніе самую грубую основу, напр. reculer, culbuter, culotte. Находить неприличнымъ честное древнее слово hose (франц. chausse), въ высшей степени нелѣпо.

Помѣщать ли въ словарѣ зазорныя слова, или исключать ихъ? Въ пособіяхъ, которыя даютъ одни лохмотья языка, можно и должно, не колеблясь, опускать подобныя слова; это доставитъ такимъ словарямъ хоть кажущееся достоинство. Иначе они подверглись бы упреку, что съ намѣреніемъ принимаютъ въ себя то, что подобно многому иному легко могло бы остаться въ сторонѣ.

Словарь не заслуживалъ бы своего названія, если бы онъ умалчивалъ слова, вмѣсто того, чтобъ выставлять ихъ наружу

Онъ не скрадываетъ ни одного жесткаго словечка, ни одной дѣйствительно живущей въ языкѣ формы, а тѣмъ болѣе — цѣлыхъ рядовъ названій, которыя существуютъ съ незапамятныхъ временъ и по необходимости придаются тому, что есть въ природѣ.— Такихъ реченій мы не имѣемъ права устранять точно такъ же, какъ не можемъ уничтожить естественныхъ предметовъ, которые насъ безпокоятъ.

Никому не пришло бы въ голову исключить ихъ изъ греческаго или латинскаго словаря, обнимающаго весь составъ языка; и у Гейнриха Стефануса, у Форчеллини не пропущено ни одного непристойнаго слова, которое можно было отыскать въ источникахъ. Какъ и въ другихъ областяхъ языковъ, такъ и здѣсь обнаруживается несомнѣнное древнее родство, и здѣсь находимъ общее достояніе почти всѣхъ одноплеменныхъ народовъ. Языкосравненію вообще и полному знанію связи нѣмецкихъ нарѣчій между собою вредило бы несправедливое ограниченіе собранія этихъ словъ, ученая разработка которыхъ и безъ того уже уменьшаетъ впечатлѣніе ихъ непристойности.—Негодующій читатель легче примиряется съ неприличнымъ словомъ, когда онъ рядомъ съ нимъ встрѣчаетъ соотвѣтствующее латинское или греческое. Нерѣдко также дурной смыслъ пропадаетъ, когда мы приблизимъ слово къ его происхожденію, и первоначальное значеніе оказывается благороднымъ.

Въ нѣмецкомъ словарѣ тѣмъ необходимѣе помѣстить и всѣ эти реченія, что они почерпнуты изъ источниковъ нашего древняго языка и употреблялись людьми, которые, бывъ одарены болѣе крѣпкими нервами, нежели говорящіе нынѣ, не отступали передъ рѣзкимъ, грубымъ словцомъ, когда надо было придать силу тому, что они хотѣли сказать. Правда, самое ихъ время привыкло къ языку болѣе непринужденному, суровому и безыскусственному, который, по нынѣшнимъ понятіямъ, слишкомъ любилъ грязное; но какъ умѣли уже Кейзерсбергъ, Лютеръ и особенно Фишартъ умѣрять излишество, а гдѣ нужно было, они смѣло давали волю языку. Еще и Гэте очень хорошо понималъ, что

крѣпкое словцо иногда бываетъ чрезвычайно кстати. Въ языкѣ нѣтъ ни одного слова, которое бы гдѣ-нибудь не было самымъ лучшимъ и не стояло на своемъ мѣстѣ. Сами по себѣ всѣ слова чисты и невинны; они только оттого стали двусмысленными, что употребленіе смотритъ на нихъ съ боку и извращаетъ ихъ. Притомъ, часто было бы невозможно выразить гнѣвъ или презрѣнье, сказать насмѣшку, остроту, брань или проклятіе безъ задорнаго слова, которое насильно срывается съ языка, и комизмъ потерялъ бы много силы и разнообразія красокъ, если бъ онъ не могъ свободно со всѣхъ сторонъ запасаться выраженіями. Такъ поступалъ Аристофанъ, и слова его вошли въ глоссаріи.

Словарь пишется не для нравоученія; это—научное предпріятіе, которое должно удовлетворять самымъ многобразнымъ потребностямъ. Даже въ библіи нѣтъ недостатка въ словахъ, которыя изгнаны изъ утонченнаго общества. Кого смущаютъ нагія статуи или восковые анатомическіе препараты, ничего не опускающіе, тотъ пусть и въ этой залѣ не останавливается передъ неприличными словами и разсматриваетъ несравненно большее число другихъ.

10. Источники.

Сказано было, что словарь долженъ обнять весь верхненѣмецкій письменный языкъ, отъ 15-го столѣтія донынѣ, за исключеніемъ собственныхъ именъ и, какъ само собою разумѣется, большей части обращающихся между нами чужеземныхъ словъ. Количество книгъ, написанныхъ и напечатанныхъ въ четыре столѣтія, неисчислимо, и конечно принятое правило должно понимать въ такомъ смыслѣ, что никакая книга не устраняется преднамѣренно какъ источникъ, ибо очевидно, что нѣтъ возможности, уже въ началѣ этого труда, дѣйствительно обозначить всѣ книги или хотя большую часть тѣхъ, которыя будутъ употреблены въ продолженіе его.

Нигдѣ нѣтъ полныхъ росписей этимъ книгамъ; между самыми опытными знатоками нѣтъ такого, которому всѣ онѣ были бы извѣстны, а тѣмъ болѣе нѣтъ мѣста, гдѣ бы всѣ онѣ были со-

браны. Многихъ сочиненій, не только изъ первыхъ двухъ столѣтій, но и изъ послѣднихъ, нельзя найти даже и въ богатыхъ библіотекахъ. Наше собственное собраніе книгъ, при всей своей ограниченности, имѣло по необходимости то значеніе, что давно знакомыя намъ изданія, бывшія у насъ подъ руками, предпочитались тѣмъ, хотя и лучшимъ, которыя можно было бы достать въ другихъ мѣстахъ. Итакъ въ распоряженіи нашемъ была только малая часть обширной нѣмецкой литературы, и иногда въ несовершенныхъ изданіяхъ.

Изъ нѣкоторыхъ книгъ заимствованы нами только немногія мѣста, изъ иныхъ даже только отдѣльныя выраженія, попадавшіяся намъ случайно или съ намѣреніемъ отысканныя. Какая была бы возможность прочесть отъ доски до доски всѣ указанныя нами книги, сдѣлать изъ нихъ извлеченія и занести эти выписки въ словарь? Назначенный ему объемъ въ такомъ случаѣ распространился бы неимовѣрно.

Къ предположенной полнотѣ надо было стремиться совершенно въ другомъ смыслѣ. Она должна состоять не въ утомительномъ накопленіи отрывковъ, а въ точномъ отысканіи всѣхъ отдѣльныхъ словъ, при которыхъ слѣдуетъ приводить достаточныя, хорошо прибранныя подтвержденія — когда ихъ много, и не опускать даже самыхъ скудныхъ — когда нельзя найти лучшихъ. Богатыя и господствующія слова должны быть выясняемы; бѣдными и забытыми не надо пренебрегать.

Надлежало въ каждомъ столѣтіи призвать на помощь самыхъ могучихъ и знаменательныхъ свидѣтелей языка и внести въ словарь по крайней мѣрѣ важнѣйшія ихъ сочиненія. Изъ Кейзерсберга, Лютера, Ганса-Сакса, Фишарта, Гэте не было еще ни въ одномъ словарѣ представлено хоть сколько-нибудь удовлетворительныхъ, а тѣмъ менѣе обильныхъ извлеченій. Они и теперь не исчерпаны, но путь указанъ и проложенъ. Къ полному употребленію сочиненій Гэте были, по счастью, приняты самыя тщательныя мѣры; пусть изъ другихъ писателей будетъ недоставать многаго: изъ Гэте должно быть опущено какъ можно менѣе.

Намъ предлежала между прочимъ задача представить все богатство поэзіи, которая во всякомъ языкѣ дѣйствуетъ всего могущественнѣе, — и гдѣ ни развернете нашъ словарь, вы найдете явственно отдѣляющіеся стихи. Это обстоятельство—не маловажное, а существенное, и должно доставить ему болѣе читателей. Уже присоединеніе къ прозѣ стиховъ, которые все выясняютъ, и какъ мѣсяцъ появляются изъ-за облаковъ, составляетъ неоцѣненную выгоду. При этомъ становится также несравненно легче находить снова то, что разъ было пріискано. Уже Аделунгъ и Кампе понимали, какъ необходимо поступать такимъ образомъ, но они не довольно выписывали изъ стихотвореній. Линде и Юнгманъ въ своихъ превосходныхъ словаряхъ, польскомъ и чешскомъ, составленныхъ съ примѣрнымъ прилежаніемъ, затрудняютъ доступъ поэзіи и печатаютъ ее какъ прозу. Но трата мѣста съ лихвой вознаграждается наглядностью.

Естественно было, при самомъ началѣ работы, искать помощи для просмотра источниковъ и изготовленія выписокъ: къ доставленію ея ничего не было упущено со стороны издателей, съ готовностью принявшихъ на себя и значительныя, сопряженныя съ тѣмъ издержки. Такимъ образомъ произошли весьма полезные и дѣйствительно необходимые сборники; но, несмотря на то, что для составленія ихъ былъ начертанъ и принятъ въ основаніе точный планъ, эти сборники, по разнымъ свойствамъ писателей и по различію умѣнія и вкуса дѣлавшихъ выписки, вышли очень разнообразнаго достоинства. Нѣкоторыя извлеченія были вполнѣ удовлетворительны, другія требовали бо́льшихъ или меньшихъ исправленій. Иныя очень запоздали или и вовсе не были доставлены.

11. Подтвержденіе словъ примѣрами.

Слова требуютъ примѣровъ, примѣры нуждаются въ надежномъ ручательствѣ, безъ котораго значеніе ихъ было бы не полно. Не довольно и самаго имени автора; надобно дать возможность отыскать всякое мѣсто въ книгѣ, откуда оно взято. Такая легкость отысканія очень пріятна читателю, потому что какъ ни искусно извлечены примѣры, онъ нерѣдко чувствуетъ потреб-

ность видѣть ихъ въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ: вникая глубже, онъ рядомъ съ приведенными выраженіями находитъ еще что-нибудь такое, что сообщено не было, и такимъ образомъ все становится ему понятно. И въ классической филологіи принято за правило указывать на источники всякаго заимствованія. Ссылки безъ надлежащихъ подкрѣпленій то же, что случайно набранные, недостовѣрные, не присяжные свидѣтели. Самымъ удобнымъ способомъ указаній представляются ссылки на томъ и страницу. Само собою разумѣется, что съ старинными, особенно книгами 16-го столѣтія, это не всегда возможно и что въ такомъ случаѣ надобно придумать другой способъ указаній.

Могутъ замѣтить, что иногда помѣщено слишкомъ много выписокъ, особенно изъ Лютера и изъ Гэте. Но надобно было вполнѣ и наглядно показать вліяніе перваго на языкъ, и силу, съ какою второй владѣетъ имъ; всякій согласится, что даже въ повторяющихся выраженіяхъ каждый оборотъ заключаетъ въ себѣ особенный интересъ. При множествѣ словъ примѣры помѣщены въ такомъ изобиліи съ намѣреніемъ, чтобы нельзя было сомнѣваться въ обширности употребленія этихъ словъ; и наоборотъ, малое число примѣровъ даетъ знать, что слово употребляется неохотно. Выписки должны не только сами по себѣ нравиться своимъ содержаніемъ, но и раскрывать полную исторію слова, давая проникнуть во всѣ изгибы его значенія.

12. Терминологія.

Между филологами давно утвердились латинскіе термины, которые даже въ употребительныхъ сокращеніяхъ всѣмъ понятны и которыхъ безъ неудобства нельзя измѣнять. Къ чему въ нѣмецкихъ или славянскихъ словаряхъ замѣнять ихъ туземными выраженіями? Такіе новые термины не только были бы неясны для Нѣмцевъ и Славянъ, но и мѣшали бы распространенію сочиненій въ другихъ странахъ. Датчанинъ Раскъ испестрилъ свои труды неловкими грамматическими наименованіями этого рода, а за нимъ многіе Исландцы стали придумывать и другіе. Объ этихъ

нововведеніяхъ можно то же сказать, что выше замѣчено было о неалфавитной системѣ звуковъ: никакая память не удержитъ ихъ; они стоятъ пугалами только въ книгахъ, которыя себѣ же во вредъ приняли эти безплодныя изобрѣтенія. Хотя пуризмъ всегда спѣшилъ передавать эти выраженія на нѣмецкій языкъ, однакожъ его неуклюжія составныя слова оставались безъ пользы, и давнишнія названія всякій разъ возвращались на прежнее мѣсто.

Буквами m. f. n. всего проще означаются роды: вмѣстѣ съ тѣмъ эти три буквы однѣ уже показываютъ, что слово есть имя существительное; прилагательное, не способное принимать всѣ три рода, остается безъ этого означенія. — Указывать въ словарѣ различіе склоненій, кажется, излишне; всякое замѣчательное отступленіе отъ правилъ обозначается особо, или слѣдуетъ изъ примѣровъ.

Глаголъ въ нѣмецкомъ языкѣ узнается по самому окончанію. — Отдѣлять залоги дѣйствительный, страдательный и medium нѣтъ надобности, или вѣрнѣе—возможности, такъ какъ въ нашемъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ двухъ послѣднихъ формъ. Но кажется, вмѣсто того чтобы принимать дѣйствительные и средніе глаголы, точнѣе было бы противополагать между собою переходящіе и непереходящіе (transitiva и intransitiva), потому что наши глаголы по большей части способны принимать и то и другое значеніе: называть переходящій глаголъ имѣющимъ цѣль (zielend), а непереходящій — безцѣльнымъ (ziellos) неудобно. Нидерландцы зовутъ первый побудительнымъ (bedrijend), а второй безстороннимъ (onzijdig), что́ соотвѣтствуетъ названію neutrum въ именахъ, однакожъ вовсе не указываетъ на непереходящее значеніе глагола: ходящій можетъ двигаться вправо или влѣво и слѣдовательно непремѣнно направляется въ какую-нибудь сторону. — По примѣру Нидерландцевъ нѣкоторые пробовали такъ называемый правильный глаголъ означать ровнотекущимъ (gelijkvloeijend), а неправильный неровнотекущимъ (ongelijkvloeijend); но такъ какъ отступленія именно показываютъ древнѣйшій законъ флек-

сіи, то кажется, нельзя было выбрать менѣе удачнаго наименованія. — По важности признаковъ такъ называемой неправильности, я всегда давалъ такимъ формамъ мѣсто въ алфавитномъ порядкѣ, что́ всего явственнѣе выставляетъ ихъ; все же прочее видно изъ примѣровъ.

13. Опредѣленія.

Труднѣе будетъ оправдать присоединеніе къ слову латинскихъ выраженій, объясняющихъ значеніе его, хотя необходимость латинской терминологіи уже пролагаетъ имъ путь. — Въ обоихъ случаяхъ одинаковая польза.—Можно бы видѣть въ томъ ошибочное возвращеніе къ старинному обычаю, оставленному Аделунгомъ и всѣми позднѣйшими лексикографами нашими.—Почти всѣ словари другихъ языковъ, нынѣ появляющіеся, отвергаютъ помощь латыни, однакожь Boiste, напр., часто еще прилагаетъ латинское слово къ французскому. Считаютъ всякій языкъ освобожденнымъ отъ школьнаго ига латыни и видятъ какую-то честь въ томъ, чтобы объяснять его одними собственными средствами.—Составители словаря La Crusca конечно любили свой родной языкъ, но они нисколько не затруднялись придавать итальянскому слову латинское въ проводники и помощники.—Толкуемъ же мы готское или древне-верхненѣмецкое слово посредствомъ нововерхненѣмецкаго; такъ точно почти нѣтъ надобности доказывать, что всякое слово всего лучше объясняется не само собой, а другими словами.

Чего достигаютъ отклоненіемъ помощи, какую намъ доставляетъ извѣстнѣйшій и точнѣшій изъ всѣхъ языковъ? Обременяютъ себя самыми подробными и безполезными толкованіями.

Когда я къ слову Tisch (столъ) приставляю лат. mensa, то на первый случай сказано довольно, а что́ нужно еще прибавить, видно изъ послѣдующаго. Вмѣсто того *столъ* опредѣляютъ такъ: возвышенная доска, передъ которою стоятъ или сидятъ для отправленія на ней разныхъ работъ, или еще: возвышенная или покоящаяся на ножкахъ плоскость, передъ которою или у которой исполняютъ разныя занятія.—Впрочемъ и то правда, что въ

словѣ τράπεζα вм. τετράπεζα, не заключается ничего кромѣ представленія четвероногости,—свойства, принадлежащаго одинаково и стулу и всякой другой утвари, устроенной на этомъ числѣ ножекъ.

Опредѣленіе *носа* гласитъ: выдающаяся или возвышенная часть человѣческаго или животнаго лица непосредственно надъ ртомъ, сѣдалище и орудіе органа обонянія. Опредѣленіе кисти руки: членъ у человѣка для хватанія и держанія.—Это было бы коротко и ясно; итакъ надо подробнѣе: крайняя часть руки у человѣческаго тѣла отъ конца локотной кости до оконечностей пальцевъ со включеніемъ ихъ. Подобныя опредѣленія относятся къ физіологіи, такъ точно какъ слѣдующее было бы прямо взято изъ ботаники: лилія есть растеніе съ цвѣткомъ, имѣющимъ видъ колокольчика, принадлежащее къ разряду растеній съ шестью тычинками и однимъ пестикомъ.—О такомъ многорѣчіи скучныхъ опредѣленій, которое со времени Аделунга наполняетъ нѣмецкіе словари, Фришъ и Штилеръ еще не имѣли ни малѣйшаго понятія и спасались отъ этого хлама употребленіемъ латинскихъ словъ.

Это вовсе не значитъ, чтобы языкоизслѣдователь вездѣ могъ обойтись безъ частностей, которыя заключаются въ объясненіи; наравнѣ съ другими признаками, отличающими предметъ, онъ ихъ выставитъ на видъ, какъ скоро въ томъ почувствуется надобность и когда нужно будетъ связать съ ними развитіе какого-нибудь значенія; но въ большей части случаевъ оказывается излишнимъ за каждымъ словомъ, котораго понятіе разомъ передано латинскимъ выраженіемъ, исчислять еще всѣ его свойства.

Отъ прилагаемыхъ латинскихъ словъ никакъ нельзя требовать, чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовали нѣмецкимъ, что при различіи языковъ было бы невозможно. — Они должны какъ бы только указывать путь къ центру слова, къ той точкѣ его главнаго значенія, откуда уже можно свободно и непринужденно осматриваться во всѣ стороны. — Какъ опредѣленіе не имѣетъ возможности исчислить всѣ существенные и слу-

чайные признаки предмета, такъ латинскій языкъ еще менѣе стремится исчерпать толкованіе слова; это всего лучше можетъ быть достигнуто прибавленіемъ нѣмецкаго поясненія.

Нельзя также требовать, чтобы всѣ употребленныя въ словарѣ латинскія выраженія были понятны для всѣхъ его читателей; не понимающіе по-латыни, перескакиваютъ ихъ и все-таки пользуются словаремъ; точно такъ же какъ не останавливаются на словахъ, которыя по своему содержанію вовсе не привлекаютъ ихъ. — Для образованныхъ женщинъ латинскія выраженія столько же мало будутъ помѣхою при чтеніи словаря, какъ ихъ не отталкиваютъ отъ чтенія газетъ встрѣчающіеся здѣсь юридическіе, военные и дипломатическіе термины.—Каждый читатель приноситъ съ собой множество разнообразныхъ условій пониманія, которыя облегчаютъ ему доступъ къ словарю: желаніе руководить его на всякомъ шагу — не можетъ входить въ планъ научнаго труда, который преслѣдуетъ высшія цѣли. — Способность пользоваться словаремъ будетъ увеличиваться отъ самаго употребленія его. Когда одной говорливой француженкѣ хотѣли навязать грамматическія правила, то она съ живостью отвѣчала: mais je suis la grammaire en personne; такъ тотъ, кто самъ въ себѣ носитъ и предполагаетъ способность къ языкамъ, можетъ совѣтоваться съ этою книгой, не смущаясь латинскими реченіями[1].

---

[1] Съ мнѣніемъ Я. Гримма о безусловномъ превосходствѣ способа объясненія словъ латинскимъ ихъ переводомъ нельзя согласиться. Для кого назначается словарь? безъ сомнѣнія, для массы общества, для людей всѣхъ званій, между прочимъ и для женскаго пола. Что такова именно мысль самого Я. Гримма о назначеніи словаря, видно изъ многихъ мѣстъ его вступленія. Но латинскія объясненія даютъ словарю характеръ ученый и дѣлаютъ цѣлую, весьма существенную часть состава его недоступною большинству націи. Это конечно и было однимъ изъ основаній того упрека, который германская критика уже сдѣлала словарю братьевъ Гриммовъ: она обвинила его въ слишкомъ ученомъ характерѣ, въ непрактичности, и замѣтила, что съ этой стороны онъ много уступаетъ Аделунгову лексикону, который, несмотря на свою старину, остается покуда незамѣнимымъ. Такой взглядъ германскихъ критиковъ можетъ служить намъ весьма важнымъ указаніемъ относительно правилъ составленія русскаго словаря: то, что слишкомъ учено для германской публики, конечно еще менѣе было бы пригодно для русской. Вотъ почему мы въ сво-

14. Средства къ образованію словъ.

Никакой языкъ не можетъ развить въ себѣ всѣхъ звуковъ, или сохранить безъ измѣненія тѣ, какіе въ немъ есть; такъ же точно ему принадлежатъ далеко не всѣ формы, и многія, которыми онъ прежде владѣлъ, съ теченіемъ времени утратились.— Уклоненіемъ различныхъ нарѣчій изъ великаго круга исконнаго родства ихъ, отдѣльные языки вступаютъ въ особые вновь образовавшіеся круги, которымъ можетъ быть чужда своебытность остальныхъ. Такъ объясняется разнообразіе происшедшихъ изъ одного источника языковъ. Въ каждомъ языкѣ нарушенное равновѣсіе опять возстановляется.

Таково исторически пріобрѣтенное достояніе языка, какъ оно ни богато или ни бѣдно; совсѣмъ другое — считающееся только возможнымъ, вымышленное, но не дѣйствительное расширеніе его по всѣмъ способамъ образованія. Тамъ, т. е. въ историческомъ

ихъ лексикографическихъ трудахъ должны, кажется, еще болѣе брать въ примѣръ Французовъ, нежели Нѣмцевъ: словари первыхъ отличаются особенно своею примѣнимостью къ потребностямъ общества. Отсюда не слѣдуетъ, чтобъ намъ не нужно было принимать въ соображеніе и началъ, которыми руководствуются Нѣмцы; но при этомъ мы должны остерегаться ихъ умозрительныхъ увлеченій. На употребленный братьями Гриммами способъ объясненія словъ одинаково со мной смотритъ и И. И. Срезневскій. Въ своей статьѣ: «Обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ изъ современныхъ словарей» *) онъ между прочимъ говоритъ: «Едва ли, впрочемъ, убѣжденіе братьевъ Гриммовъ, по которому значеніе большей части словъ совершенно ясно можетъ быть только тому нѣмцу, который очень силенъ въ латинскомъ языкѣ, можно считать дѣйствительнымъ убѣжденіемъ, а не простымъ рѣшеніемъ, и то вынужденнымъ случайно отчасти неудачами Аделунга въ опредѣленіяхъ словъ и непобѣдимостью трудностей этого дѣла, отчасти нежеланіемъ входить въ подробности, принадлежащія не филологіи, а другимъ наукамъ». Далѣе акад. Срезневскій справедливо указываетъ еще на затрудненіе, происходящее отъ того, что латинскій языкъ есть «языкъ мертвый, книжный, недостаточный для выраженія всѣхъ понятій и условій быта народовъ новой Европы». Потомъ онъ разсуждаетъ о необходимости опредѣлять на родномъ языкѣ значеніе каждаго слова безъ исключенія. Соглашаясь и съ этимъ, я съ своей стороны считаю однакожъ нужнымъ сдѣлать здѣсь оговорку, что степень подробности и точности въ опредѣленіяхъ можетъ быть очень различна и должна зависѣть отъ степени надобности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Къ чему наприм. педан-

*) Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ, т. III, л. 10 (1854 г.).

развитіи, всѣ движенія языка естественны и непринужденны; здѣсь онъ являлся бы искаженнымъ и изувѣченнымъ.

Кто бы могъ придать нашему языку хоть одну двугласную, которая никогда не была ему свойственна? Легче, повидимому, размножать употребительныя производства или соединять слова, которыя никогда не бывали между собой связаны, но и этому противится обычай языка, когда слово не оправдывается необходимостью или ловкостью его составленія. Одна возможность слова не есть еще доказательство его дѣйствительности или годности.

Способность нашего языка къ словосоставленіямъ такъ велика, что никакъ нельзя привести всѣхъ употребительныхъ, а тѣмъ менѣе всѣхъ возможныхъ составныхъ словъ. По первой или второй части каждаго такого составленія можно представить

тическая точность въ опредѣленіи общеизвѣстнаго слова *столъ?* Она становится только смѣшною и все-таки не достигаетъ цѣли, потому что чѣмъ болѣе вы соберете частныхъ признаковъ, тѣмъ труднѣе будетъ обнять ими всѣ возможные виды столовъ. Поэтому въ опредѣленіи такихъ понятій всего лучше держаться самыхъ общихъ признаковъ, и наприм., при словѣ *столъ* сказать только: «мебель (утварь) объ одной или нѣсколькихъ ножкахъ, служащая для помѣщенія на ней предметовъ». Не вѣрнѣе ли это было бы, чѣмъ то, что сообщаетъ Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка: «широкая доска, утвержденная на ножкахъ, на которую что-нибудь кладется или ставится?» Изъ этого опредѣленія выходитъ: 1) что столомъ собственно называется не весь столъ съ ножками, а только доска, на нихъ утвержденная, т. е. то, что народъ мѣстами называетъ *столешница*; 2) что если эта доска будетъ узкая или круглая, то она перестанетъ быть столомъ, и 3) что широкая скамейка, на которую положенъ напр. платокъ или поставлена бутылка, тоже будетъ столъ. Выписанное опредѣленіе между прочимъ доказываетъ, что не всякая поправка ведетъ къ лучшему, потому что въ словарѣ Соколова, изданномъ за 13 лѣтъ до академическаго, слово *столъ* опредѣлено такъ: «Домашняя утварь, состоящая изъ деревянной, мраморной или другой какой-либо доски, на ножкахъ утвержденная и служащая для разныхъ употребленій». Хотя и противъ этого опредѣленія можно сдѣлать кое-какія замѣчанія, однакожъ кто не отдастъ ему преимущества передъ приведеннымъ выше? Что касается въ особенности до техническихъ терминовъ, то словарь конечно не обязанъ во всей подробности объяснять или описывать выражаемые ими предметы, что составляетъ дѣло науки. При именахъ растеній достаточно, кажется, какъ и сдѣлано въ нашемъ академическомъ словарѣ, объяснять ихъ латинскимъ названіемъ, прибавляя по-русски только слово: *растеніе.*

себѣ цѣлые ряды аналогій, но излишне было бы всякій разъ выставлять ихъ въ словарѣ.

Правильнѣе всего будетъ помѣщать въ немъ всѣ употребительныя и не противныя слуху образованія этого рода, не заботясь о странной и дикой аналогіи другихъ; все то, въ чемъ еще не оказалось надобности при употребленіи языка, должно оставаться въ сторонѣ. Вообще же словарь долженъ заботиться болѣе о производствахъ, нежели о составленіяхъ, болѣе о простыхъ, нежели о производныхъ словахъ: несоблюденіе этого основного правила было причиною того, что наши нѣмецкіе словари, при всемъ ихъ мнимомъ богатствѣ, до сихъ поръ остаются такъ бѣдны.

15. Частицы.

Особеннаго вниманія требуетъ присоединеніе частицъ къ другимъ словамъ. Если вообще всѣ слова вначалѣ имѣли внутреннее значеніе, которое впослѣдствіи было, такъ сказать, растянуто и разведено, то кажется, надо согласиться, что оно въ частицахъ всего болѣе затемнилось, что частицы между всѣми простыми словами языка самыя отвлеченныя, и слѣдовательно составлены позже другихъ. Если мы примемъ глаголъ за корень и допустимъ, что непосредственно изъ него произошло причастіе, изъ причастія прилагательное, а изъ прилагательнаго существительное: то за частицами должно будетъ признать преимущественно номинальное значеніе; оно же всего рѣшительнѣе выразилось въ нарѣчіи и въ предлогѣ. Когда и предлогъ застываетъ, когда онъ утрачиваетъ силу управленія, то остается одна адвербіальная частица, какъ самая безжизненная стихія языка. Таковъ самый правильный ходъ, но конечно онъ не единственный: мы часто видимъ, что глаголъ переходитъ въ существительное или въ нарѣчіе, а эта частица становится управляющею, т. е. опять возводится на степень предлога.

Какъ греческій языкъ, такъ и нѣмецкій пользуется неимовѣрною свободой составлять слова съ помощію частицъ, и едва ли можно найти болѣе обширное поприще для аналогіи. Если го-

ворятъ anregnen, anschneien, то почему же нельзя также сказать anblitzen, anleuchten и т. д.? Потому и принято нами за правило: для такихъ образованій всегда ожидать достаточнаго подтвержденія.

16. Объясненіе словъ.

Въ основѣ всѣхъ отвлеченныхъ значеній слова лежитъ чувственное и наглядное, которое при происхожденіи его было первымъ. Это его тѣло, иногда закрываемое духовно, распространенное или улетученное; но его необходимо всякій разъ отыскать и развить; иначе словообъясненіе будетъ недостаточно. Это значеніе кроется обыкновенно въ простыхъ глаголахъ.

Ясно, что изъ чувственнаго содержанія слова возникаютъ, при его употребленіи, нравственныя и духовныя представленія, изъ которыхъ оно мало по малу заимствуетъ богатство своихъ отвлеченныхъ значеній. Нельзя принять обратнаго случая, чтобы напр. изъ разнообразныхъ понятій tractare, adhibere, explanare проистекло названіе чувственнаго дѣйствія.

Указывать и прежде всего выставлять эти чувственныя значенія — было въ цѣломъ словарѣ однимъ изъ стараній нашихъ; но невозможно было вездѣ итти этимъ путемъ, потому что есть много простыхъ глаголовъ, которыхъ чувственное значеніе уже непонятно и приняло уже постороннюю примѣсь, и кромѣ того есть большое число такихъ словъ, у которыхъ въ основаніи производства нѣтъ глагола, или къ которымъ онъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть пріисканъ безъ глубокихъ изслѣдованій. Такъ въ глаголѣ sein (быть) не видно чувственной основы, на которой онъ утверждается, и трудно съ достовѣрностью указать ее при глаголахъ geben (давать) и finden (находить). Означало ли geben —класть въ руку или, можетъ быть, лить въ сосудъ? Заключалось ли въ finden понятіе: замѣтить, узнать или только подойти? Или какого глагола, и слѣдовательно какого смысла можно искать въ существительныхъ: дитя, сынъ, дочь? Ихъ значеніе всѣмъ извѣстно, но не какъ отвлеченное, приложенное къ понятіямъ, которыя они выражаютъ. Еще труднѣе рѣшить, какое предста-

вленіе первоначально скрывалось въ словахъ: вѣра и грѣхъ, свободный или глупый, и въ безчисленномъ множествѣ другихъ; всего же темнѣе остается смыслъ частицъ. Здѣсь словообъясненіе всегда можетъ подвигаться только медленными шагами и должно оставаться на поверхности.

Но каково бы ни было словотолкованіе, никакой словарь не можетъ обойтись безъ него; уже прежде было сказано, что мы въ самыхъ рѣдкихъ только случаяхъ прибѣгали къ опредѣленіямъ, обыкновенно же старались разомъ давать объясненіе посредствомъ латинскаго слова. Это только первая жатва въ области слова, гдѣ солома срѣзается надъ землею; изслѣдованіе словъ должно проникать глубже и вырывать самый корень.

17. Словоизслѣдованіе.

Этимологія составляетъ соль или пряность словаря; безъ этой приправы предлагаемая имъ пища была бы не вкусна, хотя иное и пріятнѣе было бы сырое или не пересоленое.

Словопроизводство нажило себѣ дурную славу, потому что въ прежнее время, естественно, его искали въ одной игрѣ словъ и употребляли во зло. Долго оно только предугадывало свои правила и не сознавало ихъ; и теперь еще безпрестанно отыскиваются новыя.

Можно понимать слово изъ него самого и изъ ближайшаго къ нему круга, но можно также брать на помощь родственныя семейства и ряды словъ, а оттуда уже переходить къ смежнымъ нарѣчіямъ и языкамъ. Какъ скоро замѣтили и наконецъ обозрѣли связь нѣсколькихъ языковъ, то явилось, съ неизвѣстными прежде законами и выводами, сравненіе языковъ, которое, какъ выше было сказано, утвердилось научнымъ образомъ только съ помощію книгопечатанія и словарей.

Латинскій и греческій языки представляютъ намъ драгоцѣнное собраніе классическихъ памятниковъ, изъ которыхъ можно почерпнуть множество грамматическихъ правилъ, отчасти примѣнимыхъ къ нашему собственному языку. Только прежде привыкли навязывать эти правила насильно и подчинять имъ всѣ домашнія

требованія, вмѣсто того чтобъ и этимъ предоставлять ихъ законную силу. Филологія, возникшая изъ знакомства съ санскритомъ, болѣе справедлива, и признаетъ за всѣми остальными языками равныя права. Однакожъ чистота и глубокая древность его источниковъ доставляетъ ему естественное и заслуженное уваженіе, такъ что этотъ языкъ, кажется, призванъ разрѣшать сомнѣнія относительно звуковъ и корней; но судилище, прежде разъясненія спорнаго дѣла, должно принять въ соображеніе и силу доводовъ, которые оно представляетъ. Какъ ни велики надежды, возбуждаемыя санскритомъ въ изумленномъ изслѣдователѣ, какъ ни вѣрны многія производства, которыя изъ него извлечены или еще могутъ быть заимствованы, — все-таки каждый изъ исконно-родственныхъ языковъ сохраняетъ свою собственную прозрачность, которая должна имѣть силу въ надлежащихъ случаяхъ. Мнѣ кажется, что внутренніе, съ значеніемъ словъ тѣсно связанные результаты, часто заслуживаютъ предпочтенія передъ самыми остроумными догадками, основывающимися на однихъ звуковыхъ отношеніяхъ и на перемѣнѣ или опущеніи отдѣльныхъ согласныхъ. Съ нашими нѣмецкими словами надобно прежде всего пробовать, нельзя ли ихъ объяснить дома, на родной почвѣ, что́ конечно заставляетъ подвигаться не столь быстрыми, но за то часто болѣе вѣрными шагами.

Если корень многихъ словъ донынѣ еще ясно виденъ, то почему бы нельзя было собственными средствами доискаться и помутившагося или затемненнаго? По моему мнѣнію, этимологія, подвигаясь впередъ, должна быть все болѣе склонна и способна не увеличивать, а уменьшать число корней; она будетъ находить средства къ облегченію перехода отъ одного корня къ другому и къ поддержанію между ними сообщенія по проведенному мосту. При этомъ въ каждомъ языкѣ отдѣльные корни должны чрезвычайно распространиться по объему и богатству производствъ.

На волнистомъ морѣ языковъ слова́ всплываютъ и снова погружаются, въ этимологіи растутъ и расплываются. Часто одна форма въ правильномъ разнообразіи проходитъ чрезъ цѣлые ряды

словъ, и потомъ опять встрѣчаются рѣзкія различія, пробѣлы и пропасти, такъ что сходство, которое, казалось, уже въ рукахъ у насъ, вдругъ ускользаетъ. Въ нѣмецкомъ словарѣ мы считали обязанностію отыскивать всѣ средства и пріемы, предлагаемые собственнымъ нашимъ языкомъ, и такого взгляда будутъ требовать отъ насъ даже тѣ, которые не ждутъ отъ этого словаря много добра и далеко не все здѣсь одобрятъ. Съ успѣхами изслѣдованія получатся новые результаты, къ которымъ будутъ служить побужденіемъ самые недостатки честно веденнаго труда.

18. Нравы и обычаи.

Для объясненія многихъ словъ необходимо было обращать вниманіе на бытъ и воззрѣнія старины и древности, которыхъ точнѣйшее изученіе много зависитъ отъ знанія языка. Потому-то словари областныхъ нарѣчій, если они составлены съ трудолюбіемъ и тонкимъ умомъ Шмеллера, служатъ столь важнымъ матеріаломъ для исторіи и нравовъ какъ настоящаго времени, такъ и прошлыхъ столѣтій.

Если трудъ нашъ когда-либо будетъ приведенъ къ концу, то очень будетъ полезно, по примѣру Дюканжа, приложить къ нему разнаго рода списки и росписи, по которымъ можно бы было обозрѣть всѣ отдѣльные обычаи, а также замѣчательныя слова и выраженія отдѣльныхъ званій, расположенныя въ строгомъ порядкѣ.

19. Форма буквъ и печать.

(Хотя эта статья повидимому относится только къ внѣшней сторонѣ нѣмецкаго словаря, однакожъ я рѣшился и ее сохранить въ извлеченіи, какъ любопытный историческій очеркъ употребительнаго въ Германіи письма, имѣющій притомъ косвенное примѣненіе и къ нѣкоторымъ сторонамъ нашей ореографіи.

Чтобы предлагаемыя здѣсь замѣчанія были понятнѣе для русскихъ читателей, считаю нелишнимъ напомнить, что у Нѣмцевъ до сихъ поръ употребляется двоякій шрифтъ: одинъ готическій, т. е. угловатый или ломаный, а другой подобный латинскому—круглый. Я. Гриммъ рѣшительный противникъ перваго и доказываетъ исторически всю его несостоятельность; ученые Германіи въ этомъ от-

ношеніи мало по малу переходятъ на сторону славнаго филолога; при всемъ томъ осуждаемый имъ шрифтъ все еще остается тамъ господствующимъ).

Естественно было устранить изъ нашего словаря тотъ безобразный шрифтъ, который большей части нашихъ книгъ придаетъ столь варварскій наружный видъ въ сравненіи съ книгами всѣхъ другихъ образованныхъ народовъ и останавливаетъ ихъ распространеніе.

Къ сожалѣнію, этотъ испорченный и некрасивый шрифтъ называютъ даже нѣмецкимъ, какъ будто всѣ злоупотребленія, какія у насъ въ ходу, можно извинить, наложивъ на нихъ штемпель нѣмецкаго происхожденія. Но такое мнѣніе ни на чемъ не основано, и всякому образованному человѣку извѣстно, что въ средніе вѣка во всей Европѣ и для всѣхъ языковъ употреблялось одно только письмо, именно латинское. Съ 15-го и 16-го столѣтій писцы начали заострять круглыя очертанія на поворотахъ, и придѣлывать крючки къ большой буквѣ, которая встрѣчалась почти только въ заглавіяхъ и въ началѣ отдѣловъ.

Изобрѣтатели книгопечатанія выливали свои буквы совершенно такъ, какъ находили ихъ въ рукописяхъ, и такимъ образомъ первыя печатныя книги 15-го вѣка сохранили тѣ же угловатыя острыя буквы, все равно были ли онѣ на латинскомъ, французскомъ, или нѣмецкомъ языкѣ. Этими же буквами печатались потомъ и всѣ датскія, шведскія, чешскія, польскія книги. Но въ Италіи, гдѣ писцы болѣе придерживались круглаго письма, имѣя передъ глазами прекрасныя древнія рукописи классиковъ, въ Италіи еще въ 15-мъ столѣтіи болѣе чистый вкусъ возвратилъ во многихъ книгопечатняхъ неискаженныя буквы для латинскаго или народнаго языка, и отъ другихъ народовъ зависѣло послѣдовать этому примѣру. Латинскаго письма нельзя было не измѣнить, и въ 16-мъ столѣтіи благородный почеркъ проникъ и въ тѣ классическія сочиненія, которыя выходили изъ французскихъ и нѣмецкихъ типографій; ученые дорожили этимъ. Напротивъ, дурной шрифтъ удержался для народа, который уже при-

выкъ къ нему, во Франціи только на нѣкоторое время, но въ Германіи рѣшительно и упорно; этимъ самымъ утвердилось вредное различіе между латинскими и общеупотребительными буквами, Vulgarbuchstaben, которое стало господствовать не только въ типографіяхъ, но и въ школахъ. Но этого общеупотребительнаго письма никакъ нельзя называть нѣмецкимъ, потому что оно, кромѣ Германіи, было въ ходу также въ Англіи, Нидерландахъ, Скандинавіи и у Славянъ латинской церкви. Англичане и Нидерландцы мало по малу отказались отъ него совершенно. Поляки также оставили его, нынѣшніе Чехи и Шведы по большей части; въ настоящее время оно, внѣ Германіи, держится еще въ чешскихъ и шведскихъ газетахъ, въ Даніи, Лифляндіи и Финляндіи, гдѣ однакоже всѣ писатели расположены перейти, а по большей части уже и перешли къ чистому латинскому шрифту.

Сначала всѣ буквы имѣли видъ прописныхъ; такъ высѣкали ихъ на камнѣ; для скорописи на папирусѣ и пергаменѣ связывали и уменьшали буквы, отчего очертанія ихъ болѣе или менѣе измѣнялись. Изъ начальныхъ буквъ, которыя на рукописяхъ расписывались кистью, проистекла вычурная и искаженная форма большой буквы, которая еще и въ древнѣйшихъ печатныхъ книгахъ не набиралась, а вносилась красками. Въ латинскихъ книгахъ, кромѣ иниціаловъ, только собственныя имена означались большою буквою, какъ дѣлается и теперь для облегченія читателя. Въ теченіе 16-го столѣтія ввелось, сперва шатко и неопредѣленно, а потомъ уже рѣшительно — злоупотребленіе распространять это отличіе на всякое существительное, вслѣдствіе чего оно уже не достигало своей цѣли: собственныя имена сдѣлались незамѣтны во множествѣ существительныхъ и вообще письмо получило пестрый, неуклюжій видъ, такъ какъ большая буква занимаетъ вдвое или втрое болѣе мѣста, нежели маленькая. Я увѣренъ, что обезображенное письмо было въ тѣсной связи съ безполезнымъ размноженіемъ большихъ буквъ; въ этомъ искали мнимой красоты и тѣшились какъ самыми крючками, такъ и размноженіемъ ихъ.

Едва ли кто изъ читателей этого словаря будетъ недоволенъ его латинскими и маленькими буквами[1], или по крайней мѣрѣ не примирится съ ними легко; всякій же безпристрастный конечно согласится, что онѣ пріятнѣе для глазъ и сберегаютъ много мѣста. Если хоть одно поколѣніе пріучится къ новому способу письма, то въ послѣдующемъ никто и не подумаетъ возвращаться къ старому. Кто находитъ, что все равно какъ поступать въ подобныхъ вопросахъ, и всякій дурной обычай считаетъ неизмѣнною особенностью націи, тотъ не можетъ ни къ чему прикасаться и въ каждой порчѣ языка долженъ видѣть дѣйствительное улучшеніе. Но въ языкѣ нѣтъ ничего малаго, что бы не имѣло вліянія на великое, ничего неблагороднаго, что бы не наносило чувствительнаго вреда доброй его натурѣ. Вѣдь мы выводимъ же изъ обыкновенія на домахъ щипцы и выдающіяся балки, а на волосахъ пудру: зачѣмъ же намъ на письмѣ удерживать всякую дрянь?

20. Правописаніе.

Латинское письмо издавна перешло въ нашъ языкъ со стороны, и не безъ опасности оно было примѣнено къ нѣмецкимъ звукамъ; очень было дурно, что небрежный и превратный способъ писанія, вмѣсто того чтобъ примирить оба начала, ввелъ постепенно несообразности, которыхъ сперва нигдѣ не было. Въ послѣднія три столѣтія нѣмецкое письмо представляетъ такую шаткую и позорную непослѣдовательность, какой не видано ни въ какомъ языкѣ, и поправить дѣло чрезвычайно трудно. Къ этимъ несообразностямъ всѣ привыкли съ дѣтства, и никого не встрѣчаютъ такъ дурно, какъ того, кто противъ нихъ возстаетъ. Отступленія въ мелочахъ только слегка осмѣиваютъ и еще терпятъ кое-какъ, но кто предлагаетъ коренныя преобразованія, тотъ можетъ быть увѣренъ, что встрѣтитъ величайшее равнодушіе и

---

[1] Я. Гриммъ давно употребляетъ большія буквы только въ началѣ строки и въ собственныхъ именахъ. Даже послѣ точки по серединѣ строки онъ пишетъ маленькую букву.

невѣжество. Какая нужда до измѣненій писателю, который заботится только о безпрепятственномъ и непринужденномъ выраженіи своихъ мыслей, которому тяжело было бы задерживать и себя самого и своихъ читателей недоумѣніями въ формѣ, которую, какъ ему кажется, онъ давно побѣдилъ. Только втайнѣ безпокоитъ его мозоль на ногѣ, когда онъ иногда вдругъ замѣтитъ у себя неточное или невѣрное выраженіе. Совершенный переворотъ можетъ, повидимому, произойти только тогда, когда, при подготовленной грамматической основѣ, въ воспріимчивую эпоху, ему окончательно будетъ проложенъ путь словаремъ. Настоящій словарь можетъ только имѣть въ виду изрѣдка пробивать дорогу и подготовлять преобразованіе. Языкъ не можетъ терпѣть въ себѣ ничего нечистаго, чтó противится естественному его теченію. Въ области его нѣтъ приказаній и, какъ есть république des lettres, такъ и о словахъ и способѣ писанія ихъ окончательно рѣшаетъ обычай и народный судъ; начальство и правительство могутъ только подавать добрый примѣръ, такъ же точно, какъ они иногда подавали дурной. Справедливо было прежде всего обратить вниманіе на основательное опасеніе издателей, что публика, готовая принимать частныя улучшенія правописанія, испугалась бы слишкомъ сильнаго потрясенія того, что издавна принято и утверждено обычаемъ. При всей предоставленной намъ свободѣ, мы охотно подчинились благоразумнымъ ограниченіямъ: почти всегда умѣренныя и постепенныя реформы принимались, а слишкомъ крутыя встрѣчали сопротивленіе. Во всѣхъ ли случаяхъ мы держались надлежащей мѣры, покажетъ время.

21. Удареніе.

Аделунгъ въ своемъ второмъ изданіи означилъ произношеніе многихъ отдѣльныхъ словъ посредствомъ удареній, но сомнительно, доставилъ ли онъ тѣмъ этому изданію преимущество передъ первымъ. Такое обозначеніе не совсѣмъ сходно съ употребительнымъ въ латинскомъ языкѣ и въ сущности мало приноситъ пользы. Ново-верхненѣмецкое удареніе падаетъ такъ однообразно, что оно почти всегда и безъ того извѣстно: въ простыхъ сло-

вахъ оно бываетъ на коренномъ слогѣ, въ составныхъ слѣдуетъ также опредѣленнымъ правиламъ.

(Здѣсь въ подлинникѣ слѣдуетъ краткое развитіе этихъ правилъ, подкрѣпленное примѣрами. Такъ какъ въ русскомъ языкѣ, напротивъ, удареніе чрезвычайно разнообразно и законы его до сихъ поръ еще вполнѣ не изслѣдованы, да если и будутъ опредѣлены, должны оказаться довольно сложными, то ясно, что русскій словарь наоборотъ не можетъ обойтись безъ удареній).

22. Раздѣленіе труда.

Когда два каменщика вмѣстѣ всходятъ на лѣса и одинъ работаетъ справа, а другой слѣва, то стѣны, колонны, окна и карнизы дома подымаются съ обѣихъ сторонъ совершенно единообразно, потому что все напередъ указано въ чертежѣ и размѣривается по снурку. Случается также, что по натянутому холсту пишутъ два живописца, одинъ ландшафтъ, а другой фигуры, и первый оставляетъ послѣднему сколько нужно простора для разстановки и развитія ихъ. Можно бы подумать, что такимъ же образомъ и передъ словаремъ стоятъ два человѣка, которые, начертавъ себѣ опредѣленный планъ, кладутъ слоями и вправляютъ слова, попеременно подаютъ другъ другу камни и передаютъ изъ рукъ въ руки инструменты, и что одинъ занимается этимологіей и формой, а другой значеніемъ словъ.

Но изслѣдованіе словъ требуетъ сосредоточенной умственной работы и уединеннаго размышленія; кто нашелъ происхожденіе слова, тотъ видитъ и проистекающія отсюда значенія, а кто съ одушевленіемъ углубился въ значенія, тотъ долженъ составить себѣ понятіе и о происхожденіи и корнѣ слова. Одно условливаетъ другое, и нити рвутся, какъ скоро выпустишь ихъ изъ рукъ. Иногда грунтъ, приготовленный однимъ изъ трудящихся, не былъ бы занятъ фигурами, придуманными другимъ, иногда такого грунта было бы недостаточно для этихъ фигуръ. На этомъ поприщѣ самыя сродныя мнѣнія легко расходятся, и уступчивое согласіе столь же вредно, какъ упорная настойчивость. Требовать, чтобы каждый изъ трудящихся подвергалъ свое оконченное изслѣдованіе суду сотрудника, было бы противно чувству

самостоятельности, да притомъ такой судъ былъ бы неисполнимъ, потому что тутъ исправленіе стóитъ столько же труда, какъ и самая работа: вмѣсто того, чтобъ мнѣ шагъ за шагомъ итти по слѣдамъ другого и снисходительно взвѣшивать всѣ его пріемы, лучше я не буду беречь самого себя и одинъ пойду тѣми же путями. При томъ, когда оба работника стоятъ слишкомъ близко другъ къ другу, то они не свободны въ употребленіи инструментовъ.

Ясно, что участіе съ равными правами въ трудѣ словаря возможно только тогда, когда каждый изъ сотрудниковъ возьметъ на себя опредѣленныя части цѣлаго и на всемъ пространствѣ этихъ частей будетъ обращаться съ полною свободой. Чтó онъ отдѣлаетъ, должно безъ предварительнаго просмотра сотрудника входить въ составъ всей работы. Выборъ такихъ частей или отдѣловъ можетъ быть предоставленъ почти случаю, такъ какъ все въ области языка равно трудно и равно привлекательно. Но непримѣтно сообщество обращается къ взаимной пользѣ тѣмъ, что каждый изъ обоихъ сотрудниковъ съ своей точки зрѣнія, но при тѣхъ же средствахъ, въ то же время и, можно сказать, въ той же атмосферѣ, смотритъ, какъ товарищъ его выполняетъ общій планъ, и такимъ образомъ достигается необходимое единство цѣлаго труда. Они подобны двумъ поварамъ, которые, смѣняясь понедѣльно, подходятъ къ тому же очагу и готовятъ одинакую пищу въ той же самой посудѣ; пусть публика сама замѣчаетъ, гдѣ иногда одинъ положитъ слишкомъ мало соли, а другой пересолитъ; надѣюсь, что ни тотъ, ни другой не дастъ кушанью пригорѣть.

Въ первую недѣлю была моя очередь. Когда надо было приступить къ труду, я сказалъ Вильгельму: «Я возьму А, а ты возьми В.» — Это для меня слишкомъ скоро, отвѣчалъ онъ: дай мнѣ начать съ D. — Это казалось очень удобнымъ, потому что буквы А, В, С должны были составить первый томъ, и справедливо было предоставить каждому сотруднику особые томы. Но въ продолженіе работы оказалось, что букву В лучше раз-

бить, чтобы не дать первому то́му слишкомъ большого объема. Вотъ почему мнѣ приходилось отдѣлать еще и порядочную долю второго тома.

23. Сторонняя помощь.

Когда наконецъ дѣло должно было завязаться, то выступавшее, все еще не вполнѣ вооруженное словесное войско, въ рядахъ котораго открывались порожнія мѣста, не получало подкрѣпленій съ разныхъ сторонъ, откуда оно наиболѣе ожидало ихъ. Ящики съ карточками, устроенные друзьями, которые ежедневно обращаются съ источниками языка, оставались пусты или нетронуты: такъ было трудно поддержать, въ виду обширности предпріятія, первоначальный жаръ и не дать ему превратиться въ лѣнивую дремоту. Тѣмъ пріятнѣе была неожиданная помощь.

(Упомянувъ здѣсь о двухъ принесенныхъ ему въ даръ богатыхъ собраніяхъ словъ, которыя составлялись не съ этою цѣлью, Я. Гриммъ называетъ потомъ 83 человѣкъ, дѣлавшихъ, по его порученію, разныя выписки собственно для словаря. Между этими лицами, прибавляетъ онъ, было человѣкъ 12 профессоровъ, 2—3 пастора; всѣ остальные были филологи, и ни одного юриста или врача, чѣмъ опять подтверждается сказанное выше на стран. 219-й. Не всѣ изыскатели равно ясно сознавали цѣль задачи, не всѣ работали съ тою же постоянною настойчивостью, такъ что многіе важные писатели едва только половиною своихъ трудовъ вошли въ словарь).

III. СЛОВАРНЫЕ ТРУДЫ ДАТЧАНЪ.

Есть хорошій словарь датскаго языка, составленный покойнымъ Мольбекомъ. Сверхъ того, болѣе ста лѣтъ тому назадъ Королевское Общество наукъ въ Копенгагенѣ предприняло словарь; но онъ и до сихъ поръ не конченъ. Еще въ 1745 г., вскорѣ послѣ основанія Общества, въ немъ возникъ вопросъ о составленіи словаря; — но не прежде какъ черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1776 году, окончательно согласились въ основаніяхъ этого труда: положено было составлять словарь по идеѣ англичанина Джонсона. Въ самомъ началѣ уже дѣло шло вяло, редакторы мѣнялись, и къ концу 1780 г. отпечатана была только буква А. Первый же томъ (до конца буквы Е) явился не прежде 1793 г., при чемъ тогдашній редакторъ подавалъ надежду, что весь трудъ будетъ конченъ чрезъ 15 лѣтъ. Но какимъ образомъ это могло осуществиться, когда на одинъ первый томъ употреблено было болѣе времени? Дѣйствительно, словарь и послѣ подвигался тихо; назначенная для изданія его коммиссія дѣйствовала безъ всякаго одушевленія и усердія, пересматривала изготовленныя буквы медленно, часто мѣнялась въ своемъ составѣ и избирала редакторовъ не всегда удачно, такъ что выходившія части словаря справедливо подвергались строгой критикѣ и не удовлетворяли требованіямъ науки. Такъ продолжается дѣло до сихъ поръ: отпечатана только 7-я часть словаря, доведеннаго до буквы U; наконецъ уже виденъ берегъ, но это будетъ мозаика, весьма неудовлетворительная въ цѣломъ, какъ и въ частяхъ. Въ числѣ ны-

нѣшнихъ членовъ словарной комиссіи есть люди съ высокимъ ученымъ достоинствомъ и съ громкими именами, но они не могутъ смотрѣть съ любовью на дѣло, начатое безъ нихъ и успѣхъ котораго отъ нихъ уже не зависитъ. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія шла рѣчь о томъ, чтобъ оставить это дѣло; однакожъ ученое общество не сочло себя въ правѣ отказаться отъ предпріятія, на которое было положено столько трудовъ и издержекъ и которое сверхъ того было начато и ведено по волѣ правительства.

Словарь датскаго Общества наукъ служитъ новымъ доказательствомъ истины, въ которой мы и прежде уже убѣдились: что такое сложное и трудное дѣло, болѣе всякаго другого требующее постоянныхъ, напряженныхъ усилій и единства въ исполненіи, не можетъ быть съ успѣхомъ ведено многими; не можетъ быть также поручаемо тому или другому лицу, которое не чувствуетъ особаго къ тому влеченія и принимается за это дѣло не по призванію, а по какимъ-нибудь внѣшнимъ соображеніямъ. Вообще въ умственныхъ трудахъ, требующихъ присутствія одной мысли и таланта, коллективная работа невозможна. Идея, будто цѣлое ученое общество можетъ общими силами трудиться за однимъ какимъ-нибудь предпріятіемъ, ошибочна. Фенелонъ желалъ, чтобы Французская Академія составила піитику; но, замѣтилъ г. Вильмень, разсуждая со мною объ этомъ[1], есть ли возможность, чтобы люди, имѣющіе каждый свой самостоятельный образъ мыслей, сошлись по такому предмету, который допускаетъ наиболѣе разнообразія мнѣній и вкуса? На вопросъ мой Якову Гримму, кѣмъ онъ замѣнитъ покойнаго брата своего въ изданіи словаря, онъ отвѣчалъ мнѣ, что будетъ стараться обойтись безъ сотрудника, потому что только братъ его и былъ способенъ трудиться съ нимъ вмѣстѣ, не мѣшая ему.

Въ Копенгагенѣ нашелъ я человѣка, который въ тишинѣ и неизвѣстности съ изумительнымъ терпѣніемъ трудился надъ сло-

---

[1] Во время моего заграничнаго путешествія въ 1860 году.

варемъ своего народа. Это г. *Левинъ,* уже лѣтъ тридцать собиравшій матеріалы для такого труда. При мнѣ онъ былъ занятъ выписываніемъ словъ и выраженій изъ писателей, изъ историческихъ и юридическихъ актовъ. Составившіяся такимъ образомъ карточки—каждая носитъ одно только слово съ одною выпискою—распредѣляются по шкапикамъ, изъ которыхъ въ каждомъ по 96-ти ящичковъ. Въ выпискахъ г. Левину помогаютъ два студента, и, по его увѣренію, такіе два молодые сотрудника могутъ очень легко быть пріучены въ совершенствѣ къ подобному труду. Если г. Левинъ съ своимъ рѣдкимъ трудолюбіемъ и любовію къ избранному дѣлу соединяетъ такую же свѣтлость мысли и пониманіе дѣла, то можно надѣяться, что трудъ, который онъ совершаетъ въ одиночествѣ, далеко превзойдетъ словарь Общества наукъ[1].

---

[1] Недавно я прочелъ въ одной шведской газетѣ о смерти Левина въ маѣ 1883 года. Ему было лѣтъ 75. Къ этому извѣстію прибавлено, что онъ оставилъ богатое собраніе матеріаловъ для словаря.

IV. РУССКО-ФРАНЦУЗСКІЙ СЛОВАРЬ

Н. П. Макарова (Спб. 1867 г.).

Потребность въ подробномъ русско-французскомъ словарѣ ощущалась у насъ очень давно[1], и недостатокъ такого пособія, при значительной распространенности у насъ французскаго языка, служилъ однимъ изъ прискорбныхъ доказательствъ того, какъ бѣдна наша учебная и ученая литература и какъ мало у насъ охотниковъ предпринимать серіозные многолѣтніе труды.

Наконецъ нашелся человѣкъ, задумавшій составить такой словарь обоихъ языковъ, который въ неслишкомъ большомъ объемѣ представлялъ бы возможно-полное и надлежащимъ образомъ разработанное содержаніе. И эта нелегкая задача выполнена г. Макаровымъ въ замѣчательной степени успѣшно. Употребивъ на то не болѣе трехъ лѣтъ, г. Макаровъ подалъ отрадный примѣръ настойчивой дѣятельности. Словарь его удовлетворяетъ бóльшей части требованій, существующихъ для пособій этого рода, и можно, кажется, съ увѣренностью предсказать, что онъ сдѣлается надолго необходимою книгою для всякаго, кто захочетъ изучать одинъ изъ двухъ языковъ съ помощію другого; особенно будетъ

---

[1] Т. е. съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ изъ продажи весьма хорошо составленный словарь И. И. Татищева, изданный въ 1824 году Глазуновымъ.

онъ нуженъ при переводахъ съ русскаго на французскій, и всего болѣе для учащагося юношества.

Одно изъ главныхъ достоинствъ въ подобномъ трудѣ есть полнота, — полнота, во 1-хъ, въ собраніи словъ объясняемаго языка, во 2-хъ — въ объясненіи этихъ словъ и въ указаніи всѣхъ случаевъ разнообразной передачи ихъ на другомъ языкѣ. Въ обоихъ отношеніяхъ новый словарь довольно близко подходитъ къ цѣли своей, и притомъ въ объясненіи словъ г. Макаровъ постоянно держится разумной системы: сначала идутъ соотвѣтствующія русскому слову, въ разныхъ значеніяхъ его, французскія слова, а потомъ, въ такомъ же порядкѣ, относящіяся къ каждому значенію фразы. Со стороны фразеологіи этотъ словарь отличается рѣдкимъ богатствомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ немъ пословицы, въ бо́льшей части случаевъ передаваемыя пословицами же; только тогда, когда недостаетъ подобозначащихъ, ихъ замѣняетъ объясненіе; то и другое всякій разъ обозначается особымъ указаніемъ. Такимъ образомъ трудъ г. Макарова, выполненный съ добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, долженъ быть признанъ заслуживающимъ одобренія. Само собою разумѣется однакожъ, что въ изданіи такого объема неизбѣжны недосмотры и неисправности. Отдавая полную справедливость достоинствамъ словаря, считаю себя не вправѣ умолчать о нѣкоторыхъ пропускахъ и промахахъ, которые въ немъ замѣчены мною. Остановиться на нихъ обязанъ я тѣмъ болѣе, что самъ авторъ выразилъ желаніе узнать недостатки своего словаря для исправленія ихъ въ будущемъ.

Хотя г. Макаровъ и внесъ въ свой трудъ многія общеупотребительныя русскія слова, которыхъ, по крайней мѣрѣ до толковаго словаря Даля, не было въ нашихъ лексиконахъ (напримѣръ: обусловливать, объединять, научный, клумба и др.), однакожъ и въ разсматриваемомъ словарѣ мы не находимъ еще многихъ словъ; нѣкоторыя изъ нихъ, правда, еще новы, но и тѣ уже пріобрѣли или по крайней мѣрѣ болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ право гражданства. Г. Макаровымъ, между прочимъ, пропущены слѣ-

дующія слова [1]: бытовой, водораздѣлъ, главенство *, голосованіе *, дословный, завзятый, законоположеніе, замкнутость, издѣльный (— ая повинность), корениться, крѣпостникъ *, мѣропріятіе, набросокъ *, накидокъ * (esquisse), настроеніе, непререкаемый, обрядовый, общеніе, орудовать, отступное, передвиженіе, плоскогорье, полноправный *, правомѣрный, представительство, пререканіе, принудительный, противовѣсъ (—вѣсіе) *, проходимецъ *, равноправный, самовосхваленіе *, самодуръ, самодѣятельность, самообольщеніе*, самосознаніе*, самоуправленіе*, сдержанность* (и сдержка), собственникъ *, сопоставлять, сторонникъ, стушеваться, суть (имя сущ.), творчество, хлыщъ *, цѣлесообразный*, человѣчный, численность.

Кромѣ того забыты еще нѣкоторыя слова другого рода, хотя не столь употребительныя, болѣе спеціальныя, но также несомнѣнно принадлежащія къ составу языка: они частью встрѣчаются у писателей не слишкомъ давняго періода (напр. заимословіе, нѣщечко), частью слышатся въ общежитіи (взбуровить, ерунда, калика, живейный, неумѣлый, обознаться, посовѣть, раздробь), частью же извѣстны какъ научные или ремесленные термины (хрусталикъ, засидки [2]).

Наконецъ, между вошедшими въ русскій языкъ иностранными словами недостаетъ у г. Макарова нѣкоторыхъ весьма замѣтныхъ. Конечно, не всѣ употребляемыя современными писателями иноязычныя слова заслуживаютъ сохраненія, но многія не хуже прежде-утвердившихся; въ этомъ отношеніи важно имѣть въ виду степень потребности въ словѣ, и кажется, современный лексикографъ не можетъ отвергать такихъ словъ, какъ напр., солидарность, организовать, централизація, соціальный, принципъ, или: кепи, керосинъ и проч., которымъ однакожъ въ словарѣ г.

---

[1] Обозначаю звѣздочкой такія слова, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ вышедшихъ до сихъ поръ русскихъ словарей.

[2] Описаніе засидокъ (Lichtbraten) на одной петербургской фабрикѣ см. въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866, № 232.

Макарова менѣе посчастливилось чѣмъ другимъ, въ родѣ амплуа, ангажировать, сидръ, папироска и т. п.

Объясненія и переводы въ новомъ словарѣ вообще вѣрны и удачны. Есть въ немъ однакожъ слова, которыя объяснены не во всѣхъ своихъ значеніяхъ или вообще не совсѣмъ полно и не довольно точно. Вотъ тому примѣры.

«Говоръ, le bruit de gens qui parlent». Здѣсь упущено изъ виду значеніе, усвоенное этому слову въ послѣднія десятилѣтія, именно: patois, jargon (мѣстное нарѣчіе).

«Грамотность, l'écriture et la lecture». Но *грамотность* означаетъ преимущественно *умѣнье* читать и писать.

«Дѣятель, acteur, agent». Очевидно, что ни то, ни другое изъ этихъ французскихъ словъ не годится для передачи столь общеупотребительныхъ выраженій: *дѣятель общественный*, *дѣятель* такой-то *эпохи*. Надобно было перифрастически объяснить употребленіе этого слова.

«Задатокъ, les arrhes». Русское слово употребляется въ смыслѣ гораздо обширнѣйшемъ, напр. въ выраженіи: задатки будущаго развитія.

«Наплясаться, danser tout son soûl, jusqu'à satiété». Это только собственное значеніе слова; но есть еще и другое: натерпѣться, намаяться.

«Направленіе, direction». Надо было прибавить: tendance.

«Насущный,—хлѣбъ, le pain quotidien». Но русское прилагательное соединяется не съ однимъ словомъ *хлѣбъ*; въ предисловіи къ своему словарю самъ г. Макаровъ употребилъ выраженіе: «одна изъ насущнѣйшихъ потребностей». Quotidien не выражаетъ коренного значенія слова *насущный*, которое прямо переведено съ греческаго ἐπιούσιος (*на существованіе* нужный). Слѣдовало прибавить: vital, и потомъ приведенное выраженіе съ объясненіемъ его: besoin impérieux или т. п.

«Оброчный, de redevance, payant une redevance». Забыто реченіе: *оброчныя статьи*.

«Печать, le cachet, sceau; le scellé; impression; les caractè-

res». Здѣсь недостаетъ еще presse, въ значеніи котораго слово *печать* въ недавнее время стало удачно употребляться.

«Починъ, le commencement, étrenne; frontière». И тутъ недостаетъ недавно приданнаго слову значенія: initiative.

«Присяжный, de serment, assermenté; le juré, membre du jury». Не объясненъ терминъ *присяжный повѣренный*, котораго не находимъ и подъ словомъ *повѣренный*.

«Протестъ, protêt». Слово взято только въ самомъ спеціальномъ своемъ значеніи, какъ коммерческій терминъ, тогда какъ общій смыслъ его остался не означеннымъ.

«Путевой, de voyage». Не занесено реченіе *путевой дворъ*, которое начали употреблять въ значеніи французскаго gare du chemin de fer (нѣмецкаго Bahnhof).

«Разбирать». Между многими приведенными при этомъ глаголѣ значеніями забыто одно, соотвѣтствующее выраженію: быть разборчивымъ (напр. въ пищѣ), être difficile dans le choix de...

«Разборчивый». Здѣсь напротивъ указано значеніе, ускользнувшее при глаголѣ *разбирать*, но не приведено то, которое встрѣчается напр. въ выраженіи: довольно разборчивый почеркъ.

«Разводить». Забытъ случай употребленія этого глагола съ творительнымъ: *руками*.

«Рознь, la différence, diversité». A divergence въ смыслѣ разномыслія, несогласія, désunion, division?

«Сводиться, être mené (du haut en bas)». Не показано значеніе слова въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: всѣ эти толки сводятся къ одной главной мысли.

«Черный». Не выставлено названіе *черная рыба*, которымъ означаются всѣ виды мелкой рыбы въ отличіе отъ крупной, называемой *красною*, какъ и показано подъ этимъ послѣднимъ словомъ.

Фразы, которыхъ переводъ вообще свидѣтельствуетъ объ основательномъ знаніи французскаго языка, помѣщены не всегда въ надлежащемъ мѣстѣ; напр. выраженія: «Онъ очень занятъ собою, онъ занятъ чтеніемъ» должны бы находиться не подъ не-

опредѣленнымъ наклоненіемъ *занимать*, а подъ причастіемъ *занятой*, такъ-какъ оно поставлено, по общему правилу автора, особо.

Особо поставлены также косвенные падежи личныхъ мѣстоименій, и г. Макаровъ справедливо указываетъ въ предисловіи на это преимущество своего словаря. Но на томъ же основаніи слѣдовало бы помѣщать особо и тѣ глагольныя формы, которыя своими начальными буквами отличаются отъ неопредѣленнаго наклоненія. Такъ нужно бы, кромѣ *здать*, *итти*, *молоть*, *стлать*, *брать*, *жать*, *мять* и т. п. выставить на своемъ мѣстѣ, по азбучному порядку, и формы: *зижду*, *шелъ*, *мелю*, *стелю*, *беру*, *жму*, *жну*, *мну* и проч.

Выше сказано было, что нѣкоторыя фразы встрѣчаются не тамъ, гдѣ ихъ должно искать. Въ примѣръ того приведу еще одинъ случай. Пословица: «не всякое лыко въ строку» помѣщена подъ словомъ *всякій*, тогда какъ настоящее мѣсто ей было бы подъ словами *лыко* или *строка*. Притомъ и объясненіе этой пословицы: «Il ne faut pas regarder de trop près, или: il faut être indulgent quelquefois» не совсѣмъ удовлетворительно. Подъ словами *лыко* и *строка* читатель не найдетъ разгадки, почему въ народномъ изреченіи соединены эти два понятія. Имя сущ. *строка* переведено только словомъ *ligne*, но въ сущности смыслъ его гораздо обширнѣе: оно значитъ вообще *рядъ* (напр. въ шитьѣ), и на этомъ основаніи употребляется также, когда рѣчь идетъ о плетеніи лаптей. Мастеръ этого дѣла отбрасываетъ тѣ лыки, которыя кажутся ему недовольно чисты и гладки для употребленія въ строку или полосу. Вотъ начало пословицы. Уже позднѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали говорить: «Не всякое слово въ строку». Снегиревъ объясняетъ пословицу о лыкѣ такъ: «не всякія мелочи, пустяки вводить въ дѣло». Даль даетъ ей слѣдующее толкованіе, принятое и въ разбираемомъ словарѣ: «не будь чрезмѣру строгъ и взыскателенъ». Кажется, точнѣе былъ бы такой переводъ: «не всякое слово, необдуманно сказанное, стóитъ вниманія и должно вмѣняться».

Указавъ на нѣкоторые частные недостатки въ словарѣ г. Макарова, охотно сознаю однакоже, что они не могутъ и не должны заслонять собою огромной массы всего хорошаго, чтó въ немъ заключается. Безъ критическихъ указаній со стороны, такой обширный трудъ никогда не можетъ приблизиться къ желаемому совершенству. Въ настоящемъ же случаѣ они казались мнѣ тѣмъ нужнѣе, что неутомимый авторъ уже перешелъ къ другому однородному предпріятію: онъ готовитъ въ тѣхъ же или, можетъ быть, еще въ бóльшихъ размѣрахъ французско-русскій словарь. Пожелаемъ ему въ этомъ новомъ предпріятіи такого же успѣха, какого заслуживаетъ недавно изданный трудъ его.

V. ПЛАНЪ СЛОВАРЯ ВЪ НОВОМЪ РОДѢ.

Die Silbenanalyse als sprachliches Lehr- und Lern-Mittel. Ein Beitrag zur Reform der Lexicographie, von A. Castle Cleary. In ihrer Anwendung auf das Deutsche mit Belegen aus andern europäischen Sprachen dargestellt von I. Th. Dann, Ph. D. London, 1877 (8⁰, 48 стр.).

Автору изданной подъ этимъ громкимъ заглавіемъ брошюры и нѣмецкому ея переводчику показалось, что словари, составленные въ азбучномъ порядкѣ, не годятся, потому что неудобны для чтенія, такъ какъ при такомъ расположеніи между словами нѣтъ связи: поэтому гг. Клири и Даннъ предлагаютъ другой порядокъ, основаніемъ котораго должно служить прежде всего словопроизводство, а потомъ извѣстныя созвучія внутри и въ концѣ словъ, такъ что словарь, по этой методѣ составленный, былъ бы чѣмъ-то въ родѣ словаря рифмъ. «Устроенный такимъ образомъ словарь», говоритъ на стр. 32-й г. Даннъ, «имѣлъ бы ту неоцѣненную выгоду, что фактически представлялъ бы словарь рифмъ въ первоначальномъ значеніи (?) этого слова, а не просто алфавитный, убійственный для духа рутинный словарь». Не совсѣмъ понятно однакожъ, какъ соединить принятый сперва принципъ корнесловія съ расположеніемъ по созвучіямъ. Для большей ясности спишемъ съ той же 32-й стр. нѣсколько примѣровъ изъ представляемаго переводчикомъ, для образца, списка словъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ предполагаетъ размѣщать ихъ:

Arg,	Arche
ragen	Rache,
fragen	Rachen,
kragen	brach, (adj.)
prügeln	Fracht
tragen,	Krach и т. д.

Изъ этого видно, что мысль автора нельзя назвать особенно счастливою. Читатель, ожидающій, по заглавію брошюры, разрѣшенія важнаго вопроса, испытываетъ полное разочарованіе. Въ ней очень много словъ и разглагольствія, но мало дѣла. Самая основная идея совершенно ошибочна; словари издаются не для чтенія, а для справокъ, и главное условіе ихъ цѣлесообразности заключается въ легкости отысканія каждаго слова, а этого-то именно удобства и недоставало бы прежде всего словарю, составленному по мысли г. Клири. Было много опытовъ этимологическихъ словарей: они имѣютъ свое неоспоримое значеніе, но для практическаго употребленія самый годный словарь есть конечно чисто алфавитный, что́ было сознано и убѣдительно высказано еще Яковомъ Гриммомъ. Брошюра г. Данна, вдобавокъ, не щеголяетъ и основательностью свѣдѣній; для примѣра достаточно указать на его замѣчанія о русскомъ и славянскихъ языкахъ. Такъ на стр. 20-й, выписавъ фразу: «огонь, воздухъ, земля и вода суть четыре стихіи», онъ увѣряетъ, что «только въ словѣ *во́здухъ* удареніе падаетъ на *коренной* слогъ»; а на стр. 28-й, замѣтивъ, между прочимъ, что наша буква *г* произносится 5-ю различными способами, онъ говоритъ: «Древнеславянскій языкъ имѣетъ сорокъ два начертанія, и хотя намъ совершенно неясно ихъ истинное произношеніе въ устахъ Рюрика, не нынѣшнихъ поповъ (nicht in der heutigen Popen Munde), однакожъ мы можемъ по пріемамъ сына судить о нравѣ отца и принять за вѣроятное, что въ вѣкъ Чингисхана и Тамерлана было въ этомъ отношеніи (?) столько же мало единства языка, какъ и въ наше время. Польскій и чешскій находятся въ нѣсколько лучшемъ, сербскій и кроатскій въ немного худшемъ положеніи, и одно несомнѣнно, что во второстепенныхъ языкахъ славянской семьи фонетицизмъ (вѣроятно въ правописаніи) имѣетъ такъ же мало простора, какъ и въ московитскомъ»!

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ:

КЪ СООБРАЖЕНІЮ БУДУЩИХЪ СОСТАВИТЕЛЕЙ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

МНѢНІЕ СПЕРАНСКАГО О НОВОМЪ ИЗДАНІИ СЛАВЯНО-РОССІЙСКАГО СЛОВАРЯ[1].

I. О правилахъ.

Комитетъ принялъ къ сочиненію словаря нѣкоторыя правила: но принялъ ихъ *на первый случай*, слѣдовательно впослѣдствіи они могутъ измѣниться. Когда же измѣнятся? Когда словарь будетъ сочиненъ, и слѣдовательно надобно будетъ его передѣлывать.

Мнѣ кажется, главное состоитъ въ правилахъ, не на первый разъ, но навсегда твердо установленныхъ. Безъ сего все сочиненіе непрестанно будетъ колебаться. Безъ сего нельзя членамъ и разсматривать пробныхъ листовъ: ибо важнѣйшая часть сего разсмотрѣнія именно должна состоять въ соображеніи исполненія съ правилами.

Для установленія сихъ правилъ надлежало бы, кажется, прежде всего собрать и разсмотрѣть правила, кои наблюдаемы были въ другихъ государствахъ; не мы первые сочиняемъ словарь: нужно посмотрѣть, на какихъ основаніяхъ составляли его въ Академіи Делла Круска, въ Парижской и Джонсонъ въ Англіи. То, что тамъ придумано основательно, принять; другое смѣнить своимъ. Первое и важнѣйшее изъ сихъ правилъ есть установить съ точностію предѣлы словаря по двумъ главнымъ вопросамъ: для кого и для чего онъ сочиняется? Мнѣ кажется, онъ сочиняется для людей знающихъ языкъ русскій (всѣ изъясненія и опредѣленія его составляются по-русски), и слѣдовательно не для того, чтобъ

---

[1] Въ протоколахъ Россійской Академіи за 1831 годъ найдено мною мнѣніе М. М. Сперанскаго, незадолго передъ тѣмъ избраннаго въ дѣйствительные члены ея. Нелишнимъ считаю помѣстить здѣсь въ видѣ приложенія эти замѣчанія знаменитаго своимъ умомъ человѣка.

учить русскому языку иностранцевъ или дѣтей, но для того: 1) чтобъ мнѣніемъ цѣлаго ученаго сословія утвердить истинное значеніе русскихъ словъ, и разрѣшить сомнѣнія въ разнообразномъ или спорномъ ихъ употребленіи; 2) чтобъ изъяснить нѣкоторыя слова русскія обветшалыя или мало употребительныя; 3) чтобъ изъяснить такъ называемыя слова славянскія, т. е. церковныя. Посему въ Славяно-Россійскій словарь не должно допускать никакихъ словъ иностранныхъ, исключая только греческихъ словъ церковныхъ и малаго числа словъ, принятыхъ не обычаемъ, но закономъ, какъ-то: сенатъ, и тому подобныхъ; для иностранныхъ же словъ приложить къ словарю алфавитную роспись, съ краткимъ изъясненіемъ реченій, болѣе или менѣе употребительныхъ, но къ составу языка не принадлежащихъ. Это не есть гоненіе на слова иностранныя: обычай ихъ ввелъ, обычай и выведетъ; но Академія не должна, мнѣ кажется, укоренять ихъ, давая имъ право гражданства и вводя ихъ въ составъ нашего языка. Изъ снисхожденія къ обычаю она можетъ удѣлить имъ мѣсто при своемъ языкѣ, но мѣсто отдѣльное, означивъ ихъ въ особой росписи.

Издательный комитетъ въ защиту ихъ приводитъ то, что они обрусѣли, и что безъ нихъ обойтись не возможно. Пусть они и остаются въ употребленіи; но сіе не даетъ имъ права на помѣщеніе въ словарь Славяно-Россійскій — иначе назовите его *словаремъ реченій, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, въ россійскомъ словѣ употребляемыхъ.* И какіе же будутъ словарю сему предѣлы! Кусокъ толстаго бѣлаго сукна на турецкой границѣ называется аба; но онъ вѣрно иначе называется въ Оренбургѣ, въ Сибири и проч. Почему аба будетъ стоять въ словарѣ, а другихъ названій, столько же или можетъ быть и болѣе въ другихъ мѣстахъ употребительныхъ, не будетъ?—Сколько словъ иностранныхъ, при Петрѣ Великомъ и при императрицѣ Елисаветѣ бывшихъ въ употребленіи, и нынѣ совершенно падшихъ въ забвеніе! Гдѣ нынѣ циркумстанціи, конциліумы, консидераціи, пропозиціи и множество имъ подобныхъ? Не та же ли судьба ожидаетъ и наши: абонированія, абонименты, адресованія, адресовать и проч. и проч. Они покружатся нѣсколько времени, какъ кружились наприм. выраженія: *строить куры* и тому подобныя, и исчезнутъ. Всѣхъ нелѣпостей и измѣненій обычая и небрежнаго или затѣйливаго пустословія никакимъ словаремъ обнять не возможно. Нѣкоторые изъ нихъ необходимы и можетъ быть навсегда останутся на языкѣ, и пусть остаются: отъ того, что они будутъ или не будутъ помѣщены въ словарѣ, необходимость ихъ не возрастетъ, ни уменшится. Но помѣщеніе ихъ, *во первыхъ,* обезобразитъ словарь Славяно-Россійскій; *во вторыхъ,* вмѣсто полнаго словаря представитъ сборникъ словъ весьма неполный;

нбо всѣхъ иностранныхъ словъ въ областяхъ нашихъ, русскими людьми употребляемыхъ, собрать почти не возможно; то, что въ одномъ краю считается словомъ необходимымъ, въ другомъ совсѣмъ не извѣстно, и замѣняется инымъ; *въ третьихъ*, сія смѣсь даетъ словарю видъ временнаго періодическаго сборника; ибо, какъ выше было примѣчено, сколько есть иностранныхъ словъ, кои въ свое время считались необходимыми, а теперь употребленіе ихъ показалось бы страннымъ и не совмѣстнымъ.

Во всѣхъ почти основательныхъ словаряхъ означаются корни словъ. Я не разумѣю здѣсь того высшаго изысканія корней, которое составляетъ особую и весьма важную часть филологіи; но разумѣю простое словопроизводство изъ ближайшихъ корней. На прим. *Подразумѣваю* очевидно слагается изъ предлога *подъ* и *разумѣваю*, а *разумѣваю* изъ предлога *разъ* и *умѣю*; слѣдовательно корень: *умѣю* или *умъ*. Въ ожиданіи лучшаго и глубокаго изысканія и сіе словопроизводство было бы, кажется, для утвержденія первообразнаго значенія словъ, во многихъ случаяхъ весьма полезно.

Еще одно примѣчаніе. Словарь именуется: по азбучному порядку расположеннымъ. Я не знаю, можетъ ли быть какой-либо словарь даже и словопроизводный, расположенъ иначе, какъ по азбучному порядку. Если симъ желали выразить: ordine analogico или analytico, то сіе не есть азбучный порядокъ. Должно постараться пріискать другое слово.

II. Пробные листы.

1) Послѣ двухъ первыхъ *А*, послѣдующія пять суть простые звуки, коихъ значеніе опредѣляется: 1) образомъ ихъ произношенія, и 2) послѣдующими выраженіями мыслей. Они могутъ быть безчисленны и находятся во всѣхъ языкахъ; но нигдѣ не даютъ имъ мѣста въ словаряхъ: ибо какъ описать значеніе звука, зависящее отъ голоса, и разнообразныя его сопряженія съ мыслями? *А.* союзъ противоположный, часто токмо раздѣлительный; даже первый примѣръ есть только раздѣленіе, а не противоположность: ибо нельзя тутъ поставить *но* тьму, а можно поставить: тьму *же*, — что означаетъ раздѣленіе. *А! а!* то же примѣчаніе, какъ и въ пяти предыдущихъ. Смыслы сего восклицанія безчисленны. Всѣ гласныя буквы имѣютъ свое свойство, напр. И! какой вздоръ! О! О! ты уже началъ сердиться.

2) О всѣхъ иностранныхъ словахъ, коими буква сія испещрена, выше сдѣлано одно общее примѣчаніе.

3) *Августѣйшій* не есть высочайшій: ибо *augeo* не значитъ: возвышаю, но умножаю, увеличиваю—слѣдовательно: великій, или величайшій.

4) *Авторовъ. Авторскій.* Сомнѣваюсь, чтобы сей родъ прилагательныхъ особагo устроенія могъ имѣть мѣсто въ словарѣ. Они принадлежатъ къ грамматикѣ; тамъ должно показать, какимъ образомъ и въ какихъ предѣлахъ нѣкоторые существительныя въ родительномъ падежѣ пріемлютъ видъ прилагательныхъ. Въ старину у насъ писали даже *еговъ*, такъ какъ нынѣ въ грубомъ просторѣчіи употребляютъ: ихные, ихныхъ; грамматика должна показать, что́ тутъ правильно, и что́ неправильно.

5) *Агнецъ* — не вижу, почему съ латинскаго: Agnus. Это просто *ягнецъ*. У насъ есть вся его фамилія и даже глаголъ *ягнюся*, коего нѣтъ въ латинскомъ. Въ концѣ сей статьи о просфорѣ нужно справиться: на одной ли той просфорѣ, изъ коей вынимается Агнецъ, находятся слова: IC. XC. VIKA. Если на всѣхъ, то изъясненіе лишнее и было бы неправильно.

6) *Адажіо.* Слово сіе, какъ и другія иностранныя, принадлежитъ къ словоистолкователю г-на Яновскаго, или къ расписанію иностранныхъ реченій. Но и тамъ не худо изъяснить, что́ собственно значитъ adagio— *на досугѣ, не спѣша, à son aise.*

7) *Адъ,* ἅδης, ᾅδης, собственно значитъ: 1) мѣсто или состояніе умершихъ, мрачное и незримое обиталище погребенныхъ. См. Lexicon Damm et Duncan. Въ семъ-то смыслѣ, а не въ смыслѣ гроба и могилы, должно понимать слова Іосифа; 2) преисподній міръ, когда пріемлется въ смыслѣ страны; 3) мѣсто мученій; 4) крайнее несчастіе и проч. Но къ чему тутъ поговорка: *этотъ домъ сущій* адъ? Мало ли что говорится! Четвертое значеніе есть излишнее потому, что оно есть именно собственное значеніе Ада. Примѣры же тутъ не нужны, ибо и безъ нихъ ясно.

8) Не *азарничать,* а *озорничать* и принадлежитъ къ буквѣ О. Иначе всѣ слова, по московскому произношенію превращаемыя изъ О въ А, должно бы было помѣщать вдвойнѣ. Въ Москвѣ говорятъ: *атлажилъ, аткинулъ.* Дѣло словаря есть именно истреблять, а не утверждать сіи отступленія.

9) *Академиковъ* — то же примѣчаніе, что и къ слову *авторовъ.* Оно принадлежитъ вообще ко всѣмъ словамъ сего рода.

10) *Академія.* Къ чему тутъ примѣры? Вообще примѣры должно приводить токмо для утвержденія значеній сомнительныхъ, рѣдкихъ или особенныхъ.

М. Сперанскій.

23 Февраля
1831 г.

ЗАМѢТКА О НАЗВАНІЯХЪ МѢСТЪ.

Въ октябрьской книжкѣ *Журнала Министерства народнаго просвѣщенія* за 1867 годъ помѣщена замѣтка гг. Эрбена и Ламанскаго «о славянскихъ топографическихъ названіяхъ». Любопытное содержаніе ея подаетъ мнѣ поводъ поговорить о географическихъ именахъ вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе географіи пріобрѣло бы несравненно болѣе смысла и интереса, если бы встрѣчающіяся въ ней названія мѣстъ и урочищъ были, болѣе нежели до сихъ поръ дѣлалось, освѣщаемы филологіей, то-есть, по мѣрѣ возможности объясняемы и переводимы. Топографическое имя рѣдко бываетъ случайнымъ и лишеннымъ всякаго значенія. Въ немъ по большей части выражается или какой-нибудь признакъ самаго урочища, или характеристическая черта мѣстности, или намекъ на происхожденіе предмета, или наконецъ какое-нибудь обстоятельство, болѣе или менѣе любопытное для ума или воображенія, Такъ, напримѣръ, извѣстно, что высочайшія горы на самыхъ разнообразныхъ языкахъ называются по имени покрывающаго ихъ *снѣга* или его *бѣлизны:* Mont-Blanc значитъ бѣлая гора; Sierra Nevada (въ Испаніи)—снѣжная цѣпь; Snowdon (въ Валлисѣ) — снѣжный холмъ; Snöhätta (на Сканд. полуостр.) — снѣжная шляпа; Schneekorpe или Sněžka (въ Чехіи)—снѣжная вершина; Бѣлуха въ Сибири; Гималаай—жилище снѣга или зимы; Давалагири — бѣлая гора[1], и проч. Для насъ наглядны стано-

---

[1] Можетъ-быть, и слово *Альпы* сродни латинскому albus; по мнѣнію другихъ, оно на кельтскомъ языкѣ значитъ *гора.*

вятся многія урочища, когда намъ объяснится ихъ названіе: такъ, имя длиннѣйшаго въ мірѣ горнаго хребта, Cordilleras de los Andes, перестаетъ быть мертвымъ звукомъ, когда мы узнаемъ, что Anta у туземцевъ значитъ мѣдь или вообще металлъ, а Cordillera на испанскомъ языкѣ — цѣпь, и такимъ образомъ это названіе сближается съ германскимъ Erzgebirge, Рудный хребетъ[1]. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ немногія географическія имена такъ ясны, какъ приведенныя названія горъ.

Конечно, большое число именъ, по древности своего происхожденія или по неизвѣстности языковъ, на которыхъ они возникли, уже не могутъ быть теперь объяснены; но сколько еще остается такихъ, которыхъ значеніе понятно или можетъ сдѣлаться понятнымъ при помощи лингвистики, этнографіи или исторіи, и — прибавлю — которыхъ объясненіе можетъ, наоборотъ, оказать большую услугу этимъ наукамъ. Потому очень желательно было бы, чтобъ языкознаніе болѣе и болѣе вносило въ область свою и этотъ предметъ изслѣдованія. Самою удобною формой для изложенія результатовъ изысканій надъ географическими названіями была бы форма лексикона или глоссарія въ алфавитномъ порядкѣ. Попытка этого рода сдѣлана уже въ Англіи небольшою книжкой подъ заглавіемъ: «The Geographical Word-Expositor or Names and Terms occurring in the Science of Geography, etymologically and otherwise explained by *Edwin Adams*»[2]. Но попытка эта, къ сожалѣнію, очень несовершенна: 1) «Словотолкователь» г. Адамса далеко не полонъ и не содержитъ въ себѣ даже множества такихъ именъ, которыя объяснить было бы очень легко при болѣе обширномъ знаніи языковъ, нежели какимъ рас-

---

[1] По другому толкованію, Anti на языкѣ Перуанцевъ значитъ *востокъ*.

[2] То-есть, Географическій Словотолкователь или имена и термины, встрѣчающіеся въ наукѣ землеописанія, съ этимологическими и другими объясненіями, соч. Эдвина Адамса. Книжка эта вышла въ Лондонѣ, 2-мъ изданіемъ, въ 1856 году. Впослѣдствіи появилось въ Германіи болѣе обширное и болѣе ученое по этому предмету сочиненіе д-ра Эгли: «Nomina geographica. Versuch einer allgemeinen geographischen Onomatologie. Leipzig, 1872», о которомъ читатель найдетъ нѣсколько свѣдѣній въ дополненіяхъ къ настоящей статьѣ.

полагалъ авторъ; 2) многія толкованія у него совершенно не вѣрны. Такимъ образомъ, за книжкою его остается почти только одно достоинство идеи и начала выполненія ея. Въ особенности неудовлетворительно у него все относящееся къ сѣверному и восточному міру. Такъ, напримѣръ, при имени *Muscovy* замѣчено, что оно означаетъ преимущественно тѣ части Россіи, которыя лежатъ около Чернаго и Каспійскаго морей, и что онѣ такъ названы по первобытному своему населенію, потомству шестого Іафетова сына «Meschech». Такимъ же образомъ и міръ западнославянскій остался для автора совершенною *terra incognita*. Кромѣ названій мѣстъ собственно, онъ счелъ нужнымъ вносить въ свой словарь и *термины* географическіе, напримѣръ, reefs, straits и т. п., что по-настоящему уже не относится къ предмету его сочиненія, тѣмъ болѣе что эти термины объясняетъ онъ только по ихъ вещественному значенію, оставляя въ сторонѣ словопроизводство, которое при именахъ собственныхъ составляетъ главную его задачу.

Что касается до славянскихъ именъ мѣстъ, то въ нашей литературѣ уже давно была заявлена мысль о необходимости умѣть приводить ихъ въ подлинникѣ (см. *Сѣв. Пчелу* 1849, №№ 6—15 [1]); но эта мысль, теперь возобновленная въ научной обстановкѣ г-мъ Эрбеномъ, можетъ быть вполнѣ осуществлена только тогда, когда

[1] Въ № 6 авторъ статьи, *Іоаннъ Рыльскій*, подписавшійся С., такъ жалуется на господствующее у насъ незнаніе первобытныхъ именъ мѣстъ въ странахъ, искони населенныхъ славянскими племенами: «Географическіе учебники, по большой части передѣлываемые съ нѣмецкихъ, наполнены искаженіями именъ городовъ и мѣстечекъ славянскихъ; еслибы хоть въ скобкахъ ставили настоящее имя, какъ оно произносится тамъ славянскими туземцами, напримѣръ: Лембергъ (Львовъ), Аграмъ (Загребъ), Эссекъ (Осѣкъ) и т. д., но и того нѣтъ! Славянскій міръ, начинающій занимать любопытство всей Европы, остается совершенно неизвѣстнымъ нашему юношеству, поучающемуся изъ учебныхъ книжекъ всякаго рода ошибкамъ историческимъ и географическимъ». Въ № 15 самъ издатель *Сѣв. Пчелы*, покойный Н. И. Гречъ, хотя и глумится надъ мыслію замѣнять нѣмецкія географическія названія славянскими, однакожъ не отвергаетъ необходимости знать ихъ и приводитъ азбучный списокъ такихъ именъ (около 300), извлеченный изъ брошюры, напечатанной въ 1847 г. въ Вѣнѣ на *иллирійскомъ* языкѣ.

будетъ составленъ соотвѣтствующій практической потребности словарь такихъ именъ: надобно, чтобы возлѣ каждаго установившагося давнимъ употребленіемъ нѣмецкаго имени можно было отыскивать первоначальное славянское, и наоборотъ. Примѣромъ для подобнаго труда можетъ служить словарь латинскихъ географическихъ названій, изданный въ 1861 году въ Дрезденѣ подъ заглавіемъ: «Orbis latinus oder Verzeichniss der lateinischen Benennungen der bekanntesten Städte etc., Meere, Seen, Berge und Flüsse in allen Theilen der Erde, nebst einem deutsch-lateinischen Register derselben, von Dr. J. G. Th. *Graesse*»[1]. Въ славяно-нѣмецкомъ и нѣмецко-славянскомъ географическомъ словарѣ представилось бы много случаевъ для любопытныхъ лингвистическихъ сближеній и соображеній. Мимоходомъ позволю себѣ указать на одинъ подобный случай: мѣста, обильныя производствомъ соли, называются у Славянъ и у Нѣмцевъ подобозвучнымъ именемъ, находящимъ себѣ объясненіе въ греческомъ названіи соли, ἅλς: Галиція, Галичъ (Сольгаличъ), Halle, Hallein, Hallstadt, Reichen-Hall, и проч.

Независимо отъ общаго географическаго словотолкователя или корнеслова, о какомъ выше упомянуто, для насъ особенный интересъ имѣлъ бы этимологическій словарь многоязычныхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россіи. Богатый матеріалъ для подобнаго словаря заключается уже въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большому Чертежу. Въ древней Руси обнаруживается замѣчательное стремленіе переводить инородческія названія мѣстъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ вошли въ лѣтопись въ своемъ первоначальномъ и не всегда легко-объяснимомъ видѣ, какъ-то: Колывань (Ревель), Ругодивъ (Нарва), Раковоръ (Везенбергъ), Кесь (Венденъ), Людеревъ (Або)[2]; но многія другія, финскія,

---

[1] То-есть, Списокъ всѣхъ латинскихъ названій извѣстнѣйшихъ городовъ и проч., морей, озеръ, горъ и рѣкъ во всѣхъ частяхъ земного шара, съ приложеніемъ нѣмецко-латинскаго реестра ихъ, доктора Грессе.

[2] См. объ этихъ именахъ особое примѣчаніе въ концѣ настоящей статьи.

шведскія и нѣмецкія названія являются либо переведенными по-русски, либо передѣланными на русскій ладъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ того и другого случая.

1) *Примѣры перевода.*

Подъ 1054 г. Кединивъ, по другимъ спискамъ Кепедивъ, Декипивъ, переведено: *Солнца рука.* Это переводъ слова käde-päiwä; состоящаго изъ käsi (родит. пад. käden)—рука, и päiwä—солнце. Вѣроятно, финское слово было искажено лѣтописцемъ или переписчикомъ его. (См. Соф. Лѣт. I, 156; Никон. I, 144, и Карамз. II, пр. 144).

Подъ 1116 г. Оденпе — *Медвѣжья голова*; по-настоящему должно бы быть: Ohdonpää—городъ недалеко отъ Дерпта. (Объ этомъ во многихъ спискахъ; ср. Кар. II, прим. 217, 218).

Подъ 1300 г., при описаніи похода Торкеля Кнутсона и построенія имъ города на Невѣ, сказано: «похвалившеся окаяньніи, нарекоша его Вѣнецъ земли» (Нов. I, 67). Такъ переведено имя Landskrona; на нынѣшнемъ языкѣ точнѣе было бы: вѣнецъ края или страны.

Подъ 1311 г., въ описаніи похода на Емь, упомянуты разныя урочища, которыхъ мѣстоположеніе до сихъ поръ сомнительно, между прочимъ рѣки: Купецкая и Черная; подлинныя финскія имена нигдѣ не означены. (Новг. лѣт. I, 69; Соф. I, 295. Ср. Карамз. IV, 107 и прим. 214).

Подъ 1318 г. Aurajoki переведено: *Полная рѣка.* Настоящее финское названіе Awara joki (awara—обильный, обширный): Аурою и теперь называется рѣка, на которой стоитъ городъ Або. (Нов. I, 72. Ср. Кар. IV, 112, пр. 228, и еще Арх. Лѣт. подъ 1496 г.).

Подъ 1342, 1370, 1406 и 1444 г. Neuhausen переведено *Новый городокъ, Новгородокъ* (Новгор., Соф. и др. лѣтоп. Ср. Кар. IV, пр. 336, 338).

Подъ 1407 г. Вейсенштейнъ названъ *Бѣлый камень* (Псков.

лѣт.). Въ другихъ мѣстахъ онъ иногда означается еще и чудскимъ именемъ Пайда.

Подъ 1496 г., въ описаніи похода въ Каянскую землю, *на десять рѣкъ*, упомянуты между прочимъ рѣки: *Сиговая* и *Снѣжная*—названія, до сихъ поръ сохранившіяся въ финскихъ именахъ двухъ рѣкъ Siikajoki и Lumijoki, текущихъ по Остроботніи: обѣ впадаютъ въ Ботническій заливъ къ югу отъ Улеоборга. Имя Сикаіоки является вторично въ исторіи Финляндскаго похода 1808 г. (См. Описаніе Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 84; ср. Соф., Никон., Арх. лѣт. и Кар. VI, пр. 432).

Подъ 1582 г. городъ Вольмаръ названъ *Володимерцемъ* въ спискѣ договора Запольскаго (Кар. IX, пр. 600). Это названіе встрѣчается и въ лѣтописи.

Потребность уяснять себѣ значеніе иноязычныхъ названій мѣстъ замѣчается рѣже у Шведовъ: даже названіе рѣки *Сестры*, по которой Орѣховскимъ миромъ утверждена граница между обоими смежными государствами, не переведено въ шведской редакціи договора 1323 года[1]. Тамъ рѣка эта называется *Sester*;

---

[1] Шведскій текстъ этого договора см. въ журналѣ *Suomi*, Helsingfors 1841, стр. 64, и статью о нотеборгскомъ мирѣ въ *Kongl. Vitterhets &c. Academiens, Handlingar*, XX d., Sth. 1852, стр. 179 и 180. Въ этой статьѣ г. Гильдебрандтъ, авторъ ея, упоминаетъ, что въ стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ есть русскій текстъ орѣховскаго договора. Вслѣдствіе того я въ 1856 году письменно отнесся къ умершему недавно (1874) государственному архиваріусу Нордстрэму, бывшему сослуживцу моему по Гельсингфорсскому университету, съ просьбою доставить мнѣ свѣдѣніе объ этомъ любопытномъ документѣ, такъ какъ въ Россіи текстъ древнѣйшаго договора съ Швеціею не сохранился ни въ подлинникѣ, ни въ переводѣ. Г. Нордстрэмъ тогда же обязательно доставилъ мнѣ списокъ шведскаго текста; относительно же русскаго отвѣчалъ, что онъ куда-то заложенъ и его на этотъ разъ не удалось отыскать. Въ 1875 году шведскій посланникъ въ Петербургѣ г. Дуэ передалъ мнѣ на просмотръ фотографическіе снимки съ двухъ, дѣйствительно найденныхъ въ томъ архивѣ, г. Рюдбергомъ, русскихъ текстовъ означеннаго договора, изъ которыхъ одинъ носитъ всѣ признаки подлинника, а другой—переводъ съ шведскаго или латинскаго. Вскорѣ послѣ того г. Рюдбергъ издалъ оба эти текста въ книгѣ: Sverges traktater med främmande magter (Договоры Швеціи съ иностранными державами. Стокгольмъ, 1877). Снимокъ съ русскаго текста тогда же былъ приложенъ мною къ статьѣ: «Библіографическія и историческія замѣтки» въ XVIII томѣ *Сборника Отдѣленія р. яз. и сл.*

да еще и гораздо позднѣе, въ 16-мъ вѣкѣ, встрѣчается она подъ этимъ именемъ въ шведскихъ актахъ. Нынѣшнее ея переводное названіе, отчасти употребляемое и у насъ — Systerbäck — утвердилось въ шведской дипломаціи не прежде какъ во второй половинѣ 16-го столѣтія[1]. Настоящее финское имя этой рѣки — Rajajoki — явно возникло тогда, когда она сдѣлалась пограничною рѣкой (raja — граница, край[2], а joki — рѣка); впрочемъ, это значеніе имѣла она съ незапамятныхъ временъ, ибо договоръ Орѣховскій заключенъ былъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, «по старой пошлинѣ», то-есть, по старинѣ.

Въ этомъ договорѣ, какъ и въ другихъ шведскихъ памятникахъ, Новгородъ постоянно называется *Nogard* или *Nougardt*; такъ и въ названіи *Нижняго* Новгорода ни Шведы, ни другіе иностранцы никогда не давали себѣ труда объяснить и перевести приданный собственному имени эпитетъ.

Касательно названія *Орѣховъ*, *Орѣховецъ* или *Орѣшекъ*, замѣтимъ, что Русскіе, построивъ эту крѣпость въ 1323 году, наименовали ее такъ потому, что Финны самый островъ звали Päähkinä-saari (Орѣховый островъ). Впослѣдствіи и Шведы, овладѣвъ этою крѣпостію, перевели на свой языкъ русское ея названіе словомъ Nöteborg.

2) *Примѣры передѣлокъ.*

Рядомъ съ переводными названіями попадаются въ древней русской географіи и такія, которыя составлены безъ всякой мысли о значеніи ихъ на другомъ языкѣ; тутъ проявляется часто та же потребность въ другомъ видѣ: чуждымъ звукамъ придается та-

---

[1] Древнѣйшее названіе этой рѣки, финское — Siestarjoki, отчасти еще и теперь употребляется рядомъ съ болѣе извѣстнымъ Rajajoki, а уже отъ финскаго произошли русское и шведское, сходныя по звукамъ названія; по-фински же *siestain* зн. черная смородина. (Альквистъ.)

[2] Любопытно это слово raja въ финскомъ языкѣ: по санскр. râjis, по русски *край* значатъ то же самое. Вѣроятно, Финны заимствовали это слово у Русскихъ, откинувъ начальную согласную, какъ часто бываетъ при переходѣ иноязычныхъ словъ въ финскій языкъ.

кая форма, въ которой бы они представляли уму какой-нибудь смыслъ, хотя бы и ни на чемъ не основанный. Это бываетъ особенно тогда, когда подлинное названіе трудно объяснить, или когда происхожденіе его сомнительно. Сюда надо отнести названіе *Сердоболя* (ф. Sortawala), города впрочемъ новаго, возникшаго уже послѣ Столбовского мира. Была высказываема догадка, что оно происходитъ отъ фин. причастія sortawa, *разсѣкающій*, потому что селеніе построено у залива, далеко вдавшагося въ берегъ Ладожскаго озера[1], слогъ же *la* служитъ часто окончаніемъ въ именахъ мѣстъ. Городъ *Стокгольмъ* называли у насъ постоянно и очень долго, даже въ началѣ 18-го столѣтія (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»)—*Стеколна*[2]. Подлинное названіе значитъ *островъ бревна* и основано, по преданію, на томъ, что когда Новгородцы и Чудь разорили городъ Сигтуну, то жители этого города спрятали много золота и серебра въ бревно, которое и пустили по озеру Мелару, съ тѣмъ чтобы заложить новое селеніе на мѣстѣ, куда бревно будетъ прибито волнами: оно остановилось у острова, гдѣ и основался Стокгольмъ (при Биргерѣ Ярлѣ, въ 13-мъ столѣтіи). *Царское Село* первоначально называлось *Сарскимъ* отъ финскаго слова *saari*, означающаго островъ или возвышенность посреди большого ровнаго мѣста, на какой построено это селеніе; названіе *Царское*, вѣроятно, утвердилось въ народѣ еще прежде нежели оно перешло въ офиціальный языкъ[3]. Ливонскій городъ *Виндау* въ нашихъ лѣтописяхъ попадается подъ именемъ *Вдовъ* (Кар. IV, прим. 304).

---

[1] См. мои «Переѣзды по Финляндіи», стр. 14. Профессоръ Гельсингфорскаго университета г. Альквистъ, который обязательно сообщилъ мнѣ нѣсколько замѣтокъ къ моимъ *Разысканіямъ*, отвергаетъ это производство и полагаетъ, что корень названія города *Сердоболя* покуда долженъ считаться неизвѣстнымъ. Любопытно, что русское имя, данное ему по созвучію съ финскимъ, въ црк.-сл. яз. значитъ родственникъ, а въ сербскомъ сходное съ нимъ «срдобоља»—dysenteria.

[2] Мнѣ случилось еще недавно слышать это названіе изъ устъ простолюдина.

[3] Въ офиціальныхъ актахъ это селеніе называлось *Царскимъ* уже съ 1725 года, но въ письменномъ языкѣ употреблялось еще долго и прежнее названіе; напримѣръ, оно встрѣчается у Ломоносова и Державина.

Касательно имени *Холмогоры* были въ нашей литературѣ разныя объясненія (см. между прочимъ Карамз. II, прим. 62, и статью Верещагина въ *Иллюстраціи* 1847, № 25). Замѣтимъ, что оно въ лѣтописяхъ чаще пишется *Колмогоры*, а у Никона находимъ даже *Калмогары* (ч. IV, стр. 303). Основываясь на этомъ, покойный финляндскій профессоръ Акіандеръ (Utdrag ur Ryska Annaler, стр. 129) предлагалъ новую догадку: такъ какъ есть поводъ думать, что чудское кладбище находилось близъ Колмогаръ на Куръ-островѣ[1], то первую половину имени можно производить отъ финскаго слова *kalma*—трупъ, покойникъ. Что касается второй половины, то у Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ *kar* значитъ городъ, и около рѣки Оби есть много названій, въ составъ которыхъ входитъ *kar*—Войкаръ, Уркаръ, Шеркаръ, Искаръ (см. *Книга Большому Чертежу*, изд. г. Спасскимъ, стр. 204—207); все это были имена городовъ. Въ историческомъ атласѣ Павлищева, а также на Шубертовой подробной картѣ названіе *Гари* означено во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда жили финскія племена, напримѣръ, близъ впаденія Унжи въ Волгу, и проч.

Нѣкоторыя имена мѣстъ являются просто передѣланными по требованіямъ народнаго слуха или выговора. Такъ, подъ 1310 г. встрѣчается названіе рѣки *Узьерва* (Новг. лѣт.; Урзево и Узерва по *Кн. Больш. Черт.*): оно взято съ финскаго uusi-järwi, что́ значитъ: новое озеро, то-есть, такое озеро (не рѣка), которое образовалось на глазахъ народа,—вѣроятно, нынѣшнее *Су́ванто* близъ зап. берега Ладожскаго озера. Это Су́ванто произошло, какъ думаютъ, такимъ образомъ, что рукавъ Вокши, который здѣсь также вливался въ Ладожское озеро, запрудился въ своемъ устьѣ—отъ того ли, что вода въ озерѣ убыла, или отъ устроенія искуственной плотины; притомъ же и слово *Су́ванто* по фински значитъ: тихая вода въ *рѣкѣ, плесо*. Неудивительно, что лѣтописецъ по преданію назвалъ это озеро рѣкою. Въ 1850-хъ го-

---

[1] См. статью Базилевскаго въ *Сынѣ Отечества* 1847 г.

дахъ перешеекъ, отдѣлявшій Суванто отъ Ладожскаго озера, прорытъ, и обѣ массы воды опять слились.

Карамзинъ (ч. IV, пр. 214) говоритъ: «Нынѣ обѣ сіи рѣки, Узерва и Вокса, называются Вокшею». Остановимся нѣсколько и на этомъ послѣднемъ названіи. *Wuoksi*, финское названіе рѣки, славящейся водопадомъ Иматрою, есть нарицательное имя и значитъ: теченіе, потокъ; Русскіе называютъ ее Окса, Вокша (Кар. VII, прим. 154). Вѣроятно, того же происхожденія имя *Векса*, принадлежащее нѣсколькимъ рѣчкамъ въ губерніяхъ Ярославской, Костромской и Владимірской.

Названіе *Устюгъ* въ первой половинѣ своей русское, а во второй—финское: *югъ* образовалось изъ juga или правильнѣе joki (у Зырянъ ju), что значитъ *рѣка;* потому Устюжане въ финскихъ памятникахъ иногда зовутся joensuiset, то-есть, живущіе при *устьѣ рѣки*. Вторая половина приведеннаго имени (Устюгъ) встрѣчается и въ названіи *Пинега*, которое въ переводѣ значитъ: *малая рѣка* (pieni=маленькій, ioga=рѣка). Покойный П. Г. Бутковъ высказалъ предположеніе, что имя *Ока* есть также измѣненное финское слово *joki*. Это съ перваго взгляда можетъ показаться невѣроятнымъ потому, что Русскіе, заимствуя иностранныя слова, иногда не только не отбрасываютъ въ началѣ ихъ звукъ йота, но, напротивъ, приставляютъ его, когда слово начинается чистою гласною. Такъ имя *якорь* соотвѣтствуетъ греческому ἄγκυρα, др. шведскому ankari и проч. Но съ другой стороны, въ русскомъ языкѣ еще болѣе случаевъ противоположнаго измѣненія; то-есть, при заимствованіи собств. имени, имѣющаго въ началѣ своемъ йотъ, эта послѣдняя откидывается, и звуки *йе*, *йо* превращаются въ *о* или *а*. Такъ, изъ именъ Евстафій, Іосифъ, Евдокія, Елена образованы Остафій, Осипъ, Овдотья, Олена. Первообразомъ такого явленія служатъ нѣкоторыя нариц. имена, начинающіяся съ буквы *о*, какъ напр. озеро, олень, осень, коимъ въ церковно-славянскомъ соотвѣтствуютъ начинающіяся съ *е*: езеро, елень, есень. То же требованіе языка могло обнаружиться при передѣлкѣ слова *joki*, которое, впрочемъ, въ другихъ

частяхъ Россіи, какъ показано, перешло къ намъ въ иномъ видѣ.

Въ древнѣйшей изъ новгородскихъ подлинныхъ грамотъ (Кар. IV, прим. 114) между волостями новгородскими упоминается и *Перемь:* вотъ, слѣдовательно, первоначальная у насъ форма названія страны, которую Скандинавы переименовали въ Біармію. Объясненія имени *Пермь* должно, повидимому, искать въ сложномъ финскомъ словѣ: *Perämaa*, которое значитъ задняя, дальняя страна (perä = позади, maa = земля). Въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, подъ словомъ Пермяки, приведено сообщенное Лепехинымъ преданіе, будто на Камѣ, верстахъ въ 50-ти отъ Гойны, жилъ необыкновенный силачъ, племени чудского, который назывался *Перя*, отъ чего, по мнѣнію составителя словаря, сначала семейство этого Геркулеса получило прозваніе *Перяковъ*, а потомъ и весь народъ стали, «для удобнѣйшаго выговора», звать *Пермяками*. Коренные жители Перми сами себя называютъ *Коми* (Komi, Komilaiset, Komy)[1], по имени р. Камы или, по ихъ произношенію, *Кумы*, почему Акіандеръ и думаетъ, что Куманы, иначе Команы или Каманы, народъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Половцевъ, были одного происхожденія съ Пермяками, то-есть, Зыряне.

Здѣсь стóитъ нѣсколько остановиться на названіяхъ финскихъ народовъ вообще. По замѣчанію Кастрéна[2], они или получили имена свои отъ какой-нибудь опредѣленной водной мѣстности, или слово *вода* просто входитъ въ составъ ихъ именъ. Такъ, *Мордва* въ переводѣ значитъ: народъ у воды; *Зыряне*, *Мокшане*, *Печора*—также названія, заимствованныя отъ водъ. Отъ финскихъ словъ, означающихъ *воду*, удобно производятся также названія Води, Вотяковъ и Веси[3]. Это понятіе на финскихъ языкахъ выра-

[1] Кастренъ въ Suomi 1845, стр. 9, и Акіандеръ въ Utdrag, стр. 123.

[2] Suomi 1845, стр. 7.

[3] Люди народа *Водь* сами себя называютъ Watja, Watjalaiset, а *Весь*—Watjäläiset: слѣдовательно мнѣніе Кастрена, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и правдоподобное, въ отношеніи къ этимъ двумъ названіямъ не оправдывается. (Альквистъ).

жается звуками: wa (зыр.), wu (вот.), wit (черем.), wesi или собств. wete (финск.), wäd (морд.); тотъ же корень встрѣчается во многихъ индо-европейскихъ языкахъ: вода, Wasser, vatten. Нѣкоторые финскіе народы сами себя называютъ просто людьми— mort (Зыряне) или mara (Черемисы). Отъ послѣдняго изъ этихъ словъ произошло, по мнѣнію Кастрена, встрѣчающееся у Нестора названіе финскаго народа Мери, жившаго къ западу отъ Черемисы около древняго Ростова. Такъ какъ этотъ теперь исчезнувшій народъ носилъ одно имя съ своими сосѣдями, Черемисою, то можно съ вѣроятіемъ принять, что Меря находилась въ близкомъ съ ними родствѣ. Другой, также не существующій болѣе народъ жилъ къ югу отъ Мери или къ западу отъ нынѣшней Мордвы, въ странѣ, гдѣ находится городъ Муромъ. Слово *Мурома* составлено изъ *mur* (а это то же, что mort или murt — человѣкъ) и *ma*, земля, край. Итакъ, въ буквальномъ переводѣ, Мурома значитъ народъ на землѣ, какъ Мордва—народъ у воды. Такимъ образомъ, судя по этимъ названіямъ, оба народа принадлежали къ одному и тому же племени, которое раздѣлялось на двѣ отрасли: жилища одной (Мордвы) были при рѣкѣ или озерѣ, а другая (Мурома) жила въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воды. Чтобы совершенно выяснить генеалогію Мери и Муромы, надобно бы внимательно разсмотрѣть всѣ географическія имена не русскаго происхожденія, какія можно отыскать въ предѣлахъ древнихъ жилищъ обоихъ этихъ народовъ [1].

Эти замѣчанія естественно приводятъ насъ къ одному названію, употребляемому петербургскими жителями для означенія Финновъ, населяющихъ окрестныя мѣста: разумѣю названіе *Маймистъ*. Оно образовалось изъ финскаго сложнаго слова *maa mies*, или *maan-mies* (maa—земля, mies—мужъ), которое значитъ: сельскій житель, туземецъ, землякъ. Отсюда видно, какъ нелѣпо мнѣніе тѣхъ, которые объясняли приведенное названіе финскимъ словомъ *en muista*—«не понимаю».

[1] Кастренъ въ упомянутой статьѣ.

Страна, въ которой возникъ Петербургъ, издревле называлась Ижерскою землею по имени обитавшаго въ ней финскаго народа, который самъ себя называлъ Ingrikot[1], а въ нашей лѣтописи и другихъ старинныхъ памятникахъ именуется Ижерянами, Ижерцами или Ижерою. Это русское названіе очевидно передѣлано изъ иноземнаго съ опущеніемъ несвойственнаго намъ носового звука послѣ начальной гласной и съ обращеніемъ буквы *г*, по общему закону, въ *ж* передъ гласною *е* (Ingermanland). Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя географическія имена въ здѣшнемъ краю. Ладожское озеро, какъ было извѣстно и Карамзину (И. Г. Р. I, пр. 485, и III, пр. 244), нѣкогда называлось *Альдога*, отъ чего получилъ названіе и городъ *Альдейгаборгъ* (вѣроятно, старая Ладога), упоминаемый въ скандинавскихъ сагахъ. Имя Альдога легко могло обратиться у насъ въ Ладога, потому что такое перемѣщеніе звуковъ—въ духѣ славянскихъ языковъ, которые вообще не начинаютъ словъ съ буквы *а*. Но чтó за слово *Альдога?* Финск. Aalto зн. волна: озеро, грозное своими бурями, легко могло отъ этого признака получить свое названіе на языкѣ прибрежныхъ обитателей; въ такомъ случаѣ первоначальною формою имени его было бы Aaltoka. Впрочемъ надобно прибавить, что нынѣшніе Финны зовутъ это озеро, по примѣру Русскихъ — Laatoka и что съ другой стороны волна по др.-сканд. alda, откуда Финны могли заимствовать свое aalto[2].

Въ Лѣтописи и въ *Кн. Большому Чертежу* это озеро носитъ еще названіе *Нево*, которое на финскомъ языкѣ (newa) значитъ болото или топь[3]. Замѣчательно, что подобно нашей Невѣ многія рѣчки Рязанской губерніи означаются именемъ, которое на мѣстномъ нарѣчіи имѣетъ то же значеніе; это имя: *Рáса*[4]; оно такъ

---

[1] Отъ слова inger — рѣчка (Акіандеръ въ Utdrag, стр. 54).

[2] Ср. Приложенія А. А. Куника къ статьѣ Б. А. Дорна *Каспій* въ *Зап. Ак. Наукъ*, т. XVI, стр. 393 и др. мѣста.

[3] Слово newa, по всей вѣроятности, сродни нашему *нива*, первоначальное значеніе котораго есть также — низменное, топкое мѣсто.

[4] Конечно, отсюда и названіе города Ряска, который давно забылъ свое

объяснено въ Опытѣ Областного Словаря: «топкое или просто мокрое мѣсто». Шведы передѣлали финское названіе нашей Невы въ Nyen (произн. Нюэнъ), такъ что когда въ 17-мъ столѣтіи они построили на ней новое укрѣпленіе, то наименовали его *Nyenskans*, то-есть, Невскій шанецъ. Такое сложное слово для Русскихъ было слишкомъ мудрено, и при взятіи Нюэнсканса Петромъ Великимъ, они сократили это имя и стали произносить его просто: *Канцы*[1] (см. «Первыя Русскія Вѣдомости»); государь переименовалъ новозавоеванное укрѣпленіе въ *Шлотбургъ* (шв. slott = нѣм. Schloss, замокъ).

Названіе озера *Ильмень*, или *Ильмерь*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, передѣлано изъ финскаго *yli-meri*, верхнее море. Можно бы также думать, что оно въ родствѣ съ финскимъ прилагательнымъ *ilmeinen* — открытый, обширный; но отъ этого сближенія заставляетъ отказаться свѣдѣніе, доставляемое Областнымъ Словаремъ. Тамъ мы находимъ слово *ильмень*, какъ нарицательное имя съ двоякимъ значеніемъ: 1) широкій разливъ рѣки, похожій на озеро; 2) озеро, обросшее камышемъ. Въ первомъ значеніи слово подслушано въ Астраханской губерніи, во второмъ оно отнесено къ Землѣ Донскихъ казаковъ. Первое напоминаетъ слово *Лиманъ;* мы и его находимъ въ Областномъ Словарѣ съ такимъ объясненіемъ: «Чистое озеро, безъ камыша и тростника. Дон.». Итакъ, и Ильмень и Лиманъ означаютъ: во 1-хъ, широкій разливъ рѣки; во 2-хъ, озеро. Отсюда рождается вопросъ: не одно ли это слово въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ послѣдняя представляетъ только перемѣщеніе звуковъ въ началѣ слова и другую гласную въ срединѣ его? Такое предположеніе совершенно подкрѣпляется Книгою Большому Чертежу, гдѣ о рѣкѣ

происхожденіе и въ книжномъ языкѣ принялъ форму *Ряжска*. Народное чутье до сихъ поръ отвергаетъ эту форму, и окрестные жители называютъ этотъ городъ всегда прилагательнымъ именемъ *Ряское* (село); они говорятъ: *изъ Ряскаго, въ Ряскомъ.*

[1] Эта форма имени заимствована, вѣроятно, съ финскаго: Финны не могутъ произнести шведскаго skans иначе какъ kansi.

Днѣпрѣ нѣсколько разъ упоминается, что она впадаетъ въ «проливу морскую въ *Ильмень*» (см. изд. Спасскаго, стр. 77, 99 и 102). Тожество обоихъ словъ было уже замѣчено г. Спасскимъ, который поставилъ ихъ рядомъ въ своемъ Указателѣ, а въ примѣчаніяхъ говоритъ: «Лиманъ, а по старинному Ильмень». Только напрасно, кажется, онъ производитъ эти названія отъ греческаго слова Λίμνη — озеро, прудъ, «отъ котораго», прибавляетъ г. Спасскій, «вѣроятно получило свое имя и озеро Ильмень близь Новгорода». Сходство звуковъ здѣсь объясняется скорѣе родствомъ языковъ одного корня: слово *Ильмень*, конечно, славянское. Вѣроятно, въ родствѣ съ нимъ находится и названіе германской рѣки Ilmenau, впадающей въ Эльбу (Лабу), по берегамъ которой нѣкогда жили Славяне (въ Ilmenau окончаніе есть нарицательное имя *au*, *aue*, которое сродни латинскому aqua, готскому ahwa и значитъ: 1) рѣка, 2) страна, лежащая при водахъ и плодородная. Есть и городъ Ilmenau.

Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ первобытное населеніе состоитъ, или прежде состояло, изъ инородцевъ, которыхъ языки не исчезли, большое число названій объясняется очень легко. Это относится, между прочимъ, къ Сѣверной Россіи: въ Олонецкой и въ Архангельской губерніяхъ многія, повидимому, русскія мѣстныя имена образованы изъ финскихъ словъ. Нѣсколько примѣровъ тому уже приведено выше; такъ и названіе извѣстнаго водопада *Кивачъ* происходитъ отъ слова kivi (камень, порогъ); названіе *Кандалажской* губы состоитъ изъ словъ: kanta (край, уголъ, рогъ, отъ нѣм. Kante) и lahti (заливъ): это угóльная, рогообразная губа Бѣлаго моря. Легко было бы привести цѣлый рядъ такихъ именъ. Извѣстно, что иногда и коренныя русскія названія мѣстъ и урочищъ объясняются областными или и общеупотребительными нарицательными именами: напримѣръ, Кострома, Калуга, Тула, Великія Луки, Свирь, Мотыра, Лукавка (см. Словари Областной и Даля). Особенно интересную сторону дѣла представило бы сравненіе русскихъ названій мѣстъ съ западно- и южно-славянскими.

Вотъ нѣсколько, хотя и скудныхъ, матеріаловъ и намековъ для русскаго географическаго словотолкователя. Но покуда осуществится идея подобнаго труда, требующаго большой учености и даже участія нѣсколькихъ лицъ, на первый случай было бы весьма полезно издать, по мысли покойнаго академика Кеппена, простой алфавитный списокъ всѣхъ географическихъ именъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи съ означеніемъ на каждомъ имени ударенія. Это было бы тѣмъ нужнѣе, что въ издаваемомъ П. П. Семеновымъ «Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ» произношеніе именъ не отмѣчено, тогда какъ оно во многихъ случаяхъ сомнительно; напримѣръ, не всѣ знаютъ, какъ выговаривать: Сухона, Кубенское (оз.), Мезень, и къ сожалѣнію, въ общемъ употребленіи этихъ и другихъ названій преобладаетъ произношеніе ошибочное. При такихъ именахъ какъ *Мезень*, надобно бы означать и родъ ихъ (муж. или женск.).

ДОПОЛНЕНІЯ.

I (къ стр. 264).

Относительно именъ: *Колывань*, *Ругодивъ*, *Раковоръ*, *Людеревъ* и другихъ имъ подобныхъ мы находимъ объясненія и догадки въ брошюрѣ покойнаго Нейса (H. Neus), изданной въ Ревелѣ 1849 года подъ заглавіемъ: «Revals sämmtliche Namen, nebst vielen andern, wissenschaftlich erklärt».

Раковоръ образовано изъ эстонскаго Rakwer, Rakkowerre, въ которомъ, по мнѣнію Нейса, окончаніе werre соотвѣтствуетъ слогу fer въ нѣмецкихъ названіяхъ эстляндскихъ имѣній, а этотъ слогъ можно сопоставить съ гот. fera, др. верх. нѣм. fiara, страна, край, и съ финскимъ wieri, кайма, сторона. Нейсъ полагаетъ, что придуманная къ объясненію приведеннаго имени финская форма Rahkawuori (болотистая гора) произвольна.

Названіе *Ругодивъ*, какъ онъ думаетъ, можетъ происходить отъ имени Röge, которымъ въ книгѣ Liber census Daniæ озна-

чается страна по берегу Пейпуса, къ сѣверу отъ Дерпта, и которое можетъ быть объяснено эстонскимъ roog, тростникъ, камышъ.

Городъ *Людеревъ* (Або), по изслѣдованіямъ Лерберга (Untersuchungen, стр. 191, 196 и д.) получилъ это имя отъ своего строителя Людера.

Что касается до названія *Колывань* (Ревель), то производство его отъ имени Св. *Олава*, которому посвящена знаменитая церковь въ этомъ городѣ, кажется мнѣ въ высшей степени натянутымъ, и такъ какъ авторъ брошюры самъ напослѣдокъ отказывается отъ этого производства, то не совсѣмъ понятно, къ чему можетъ служить длинный рядъ сближеній для покрѣпленія его. То же можно сказать и о стараніи пріурочить *Колывань* къ мифическому Kallevi. Всего важнѣе для объясненія этого имени приводимое въ книжкѣ указаніе покойнаго Святнаго на существующее въ народномъ языкѣ слово *голыванъ*, что значитъ скала или, въ бранномъ смыслѣ, бѣдняга, хотя впрочемъ и это сходство звуковъ еще не разрѣшаетъ вопроса: отчего бы *г* превратилось въ *к?* Но существованіе двухъ городовъ этого имени въ двухъ отдаленныхъ концахъ Россіи заслуживаетъ вниманія. Имя это можетъ быть сродни литовскому kalwas, холмъ, латыш. kalws, мысъ, эст. kaljo, скала, гора (Нейсъ, стр. 66). Съ другой стороны однакожъ надо имѣть въ виду, что въ одной изъ скандинавскихъ сагъ рѣчь идетъ о горѣ Kallava, въ которой жили два карла, самые искусные въ кузнечномъ дѣлѣ. Такъ какъ Финны славились этимъ мастерствомъ, то позволительно считать названную гору финскою[1].

Къ числу топографическихъ именъ, переведенныхъ въ русской лѣтописи, относится еще названіе *Клинъ*, встрѣчающееся подъ 1132 годомъ (I *Новг.* стр. 383. II *Новг.* стр. 15). Оно

---

[1] Изъ доставленной мнѣ А. А. Куникомъ рукописной замѣтки его съ выпискою изъ Saga Điđriks konungs af Bern. Christiania 1853 (Гл. 58, стр. 66). Ак. Куникъ прибавляетъ, что такъ какъ въ имени Kallava первое a, судя по двойной согласной, было короткое, то оно должно было въ русской передѣлкѣ слова перейти въ o (Колывань). Впрочемъ онъ сознается, что вопросъ этимъ еще не разъясненъ.

объяснено покойнымъ академикомъ Шегреномъ, который узналъ въ немъ переводъ подобозначащаго эстонскаго имени Wagia или Waiga, служившаго названіемъ части нынѣшняго Дерптскаго округа. При этомъ Шегренъ приводитъ также имена: *Медвѣжья Голова* (см. выше стр. 265) и *Городъ Воробіинъ*, эст. Warbale (I *Новг.* стр. 451). См. Mém de l'Ac. Imp. d. Sc., VI Série, Sc. pol. &c., t. I, pag. 325.

II (къ стр. 262).

Упомянутое выше сочиненіе профессора Цюрихскаго университета д-ра Эгли, «Nomina geographica», по самой новости своего содержанія, не могло избѣгнуть многихъ пробѣловъ и даже невѣрностей въ объясненіи географическихъ именъ. Но важно то, что авторъ со времени изданія этой книги (1872 г.) остается вѣренъ своей задачѣ и не перестаетъ стремиться къ возможно удовлетворительному ея рѣшенію. Какъ скоро я узналъ о существованіи его труда вскорѣ по выходѣ перваго изданія «Филологическихъ Разысканій» (1873), я послалъ г-ну Эгли въ Цюрихъ оттиски моихъ статей: «О названіяхъ мѣстъ» и «Откуда слово Кремль». Ознакомившись съ ними черезъ переводчика, швейцарскій ученый вступилъ со мною въ переписку и недавно прислалъ мнѣ оттискъ своей статьи: «Über den gegenwärtigen Standpunkt der geographischen Onomatologie» (О настоящемъ состояніи географической ономатологіи) изъ IX тома «Geographisches Jahrbuch». Этотъ трудъ распадается на два отдѣла: общій и частный. Въ началѣ перваго авторъ съ особеннымъ сочувствіемъ останавливается на моей статьѣ о названіяхъ мѣстъ, и изложивъ ея содержаніе съ дословнымъ извлеченіемъ основныхъ мыслей, замѣчаетъ: «Gewiss hat der Verfasser das Verdienst in geschickter Weise das onomatologische Studium angeregt zu haben, und es bedarf besonderer Anerkennung, dass er in demselben keineswegs eine blosse philologische Arbeit, sondern eine allseitig zu beleuchtende Untersuchung erblickt. Es darf wohl als mehr denn ein zufälliges Zusammentreffen betrachtet werden,

dass, während der russische Sprachforscher diese Anregung schrieb, die von ihm gewünschte Arbeit schon seit Jahren in Angriff genommen war (ja bald zum Drucke gehen sollte), und zwar nicht bloss in dem Sinne eines Lexikons, sondern zugleich einer Verwerthung des Sammelmaterials zu dem Zwecke, eine förmliche Disziplin daraus hervorgehen zu lassen»[1]. Подъ этимъ трудомъ г. Эгли разумѣетъ именно свою книгу «Nomina geographica» (Лейпцигъ, 1870—1872, VIII и 928 стр.). Она состоитъ изъ двухъ частей: 1) словаря, и 2) разсужденія. Словарь содержитъ болѣе 17,000 географическихъ именъ, и при каждой статьѣ, сверхъ толкованія именъ, означено положеніе мѣста или урочища, а также сдѣлана попытка тщательно мотивировать номенклатуру. Во второй части авторъ между прочимъ приходитъ къ заключенію, что географическія названія бываютъ двоякія: естественныя и культурныя, смотря по тому, истекли ли они изъ самыхъ особенностей мѣстности, или даны извнѣ вслѣдствіе разныхъ культурныхъ соображеній. Каждая изъ этихъ точекъ зрѣнія распадается опять на множество частныхъ видовъ, смотря по особеннымъ наклонностямъ и направленіямъ, свойственнымъ той или другой ономатологической средѣ. Общій выводъ автора тотъ, что географическая ономатологія есть результатъ духовныхъ особенностей народа или эпохи и отражаетъ какъ степень просвѣщенія, такъ и культурное направленіе различныхъ центровъ (Herde, очаговъ). Здѣсь авторъ видитъ одинъ изъ пробныхъ камней будущей психологіи народовъ; здѣсь, говоритъ онъ, географія и культурная исторія братски подаютъ другъ другу руку.

---

[1] Т. е. «Автору безспорно принадлежитъ та заслуга, что онъ умѣлъ возбудить интересъ къ изученію ономатологіи, и надо съ особенною признательностью отмѣтить, что она для него составляетъ предметъ не одной только филологіи, но область изслѣдованія, требующую всесторонняго освѣщенія. Можно видѣть не одно случайное совпаденіе въ томъ, что въ то самое время когда русскій филологъ писалъ это, трудъ, какого онъ желалъ, уже много лѣтъ подготовлялся (и даже долженъ былъ вскорѣ поступить въ печать), притомъ не въ видѣ словаря только, а съ разработкою всего матеріала, дабы послужить основаніемъ особой отрасли науки».

Далѣе г. Эгли указываетъ на другую статью свою: «Der Dienst der geographischen Namen im Unterrichte» (Услуга географическихъ именъ въ преподаваніи), напечатанную въ «Zeitschrift für Schulgeographie» (1880). Въ ней онъ весьма убѣдительно развиваетъ мысль, что объясненіе именъ можетъ придать совершенно новый интересъ изученію географіи и служить важною опорой для памяти. «Эти іероглифы, эти странныя фигуры для зрѣнія и слуха, которыя лишь по принужденію поддаются памяти, могутъ обратиться въ привѣтливыя свѣтила, въ пріятные звуки и сдѣлаться намъ родными на всю жизнь..... Вслѣдствіе многолѣтняго опыта могу завѣрить, что тутъ кроется богатый источникъ плодотворнаго интереса, которымъ до сихъ поръ вовсе не пользовались, о которомъ даже и не помышляли въ учебной практикѣ». Мысль эта отчасти уже осуществлена въ изданной тѣмъ же г. Эгли «Praktische Erdkunde» (во 2-мъ изданіи: Neue Erdkunde). Недавно (1881) нѣмецкій педагогъ Волькенгауэръ въ томъ же журналѣ сочувственно отозвался объ этой попыткѣ и замѣтилъ, что послѣ поданнаго г-мъ Эгли примѣра многіе географическіе учебники уже обратили вниманіе на эту сторону преподаванія.

Въ частномъ отдѣлѣ своей брошюры (Über den gegenwärtigen Standpunkt и пр.) г. Эгли сообщаетъ библіографическій обзоръ всѣхъ относящихся къ его предмету статей и книгъ, какія за послѣднее время (большею частью не далѣе 1870 г.) появились въ разныхъ странахъ Европы. Многія изъ нихъ заслуживали бы особеннаго вниманія и въ нашемъ ученомъ и педагогическомъ мірѣ, гдѣ до сихъ поръ вопросъ о важности объясненія географическихъ именъ оставался почти не тронутымъ.

Въ концѣ брошюры, г. Эгли обращается ко всѣмъ авторамъ и издателямъ какихъ бы ни было сочиненій, статей или матеріаловъ по географической ономатологіи, на какомъ бы ни было языкѣ, съ просьбою присылать ихъ къ нему или хоть сообщать ему точныя ихъ заглавія, адресуя: Professor J. J. Egli in Zürich.

ОТКУДА СЛОВО КРЕМЛЬ?

Укрѣпленная, стѣнами огражденная часть Москвы и многихъ другихъ старинныхъ городовъ русскихъ называется *кремлемъ*, а одно изъ укрѣпленій древняго Пскова извѣстно было подъ именемъ *крома:* не одного ли происхожденія эти два названія, столь близкія одно къ другому и по формѣ и по значенію?

Нарицательное имя *кромъ* до сихъ поръ не исчезло изъ языка, по крайней мѣрѣ въ соединеніи съ предлогомъ *за: закромъ* означаетъ «забранное досками мѣсто въ видѣ неподвижнаго ларя» (*Толковый Словарь* Даля). То же самое, но въ болѣе обширномъ смыслѣ, значило старинное слово *кромъ*, часто встрѣчающееся въ Псковской лѣтописи какъ названіе укрѣпленія. Въ первый разъ оно употреблено тамъ подъ 1393 (6901) годомъ въ слѣдующемъ извѣстіи: «Заложиша Псковичи перси[1] у крома, стѣну камену». Слѣдовательно, псковской *кромъ* былъ прежде деревянный. Кажется, онъ, согласно съ нынѣшнимъ значеніемъ *закрома*, служилъ сверхъ того запаснымъ хлѣбнымъ магазиномъ. Это заключеніе можно вывести изъ словъ лѣтописца при описаніи голода подъ 1422 годомъ: «А въ Псковѣ тогда быша старыхъ лѣтъ клѣтки всякаго обилія изнасыпани на *крому*» (*Пск. вторая лѣт.*). Авторъ *Историческаго описанія города Пскова* (Спб. 1790), Ильинскій, постоянно и принимаетъ это слово въ исключительномъ значеніи запаснаго хлѣбнаго магазина и пишетъ *кромъ* съ маленькой буквы (см. въ его книгѣ стр. 38 и 43). Онъ старается опредѣлить и мѣсто *крома:* по его мнѣнію, оно было «близь соборной Троицкой церкви за Домантовой стѣной, на Псковѣ рѣкѣ». Съ конца 14-го столѣтія лѣтописецъ нерѣдко

---

[1] Брустверъ (Примѣч. издателя лѣтописи).

упоминаетъ, что на *крому* то ставили *костеръ* (башню), то закладывали *перси*. Такимъ образомъ *кромъ* получилъ значеніе укрѣпленія, но первоначально это слово означало только огороженное мѣсто, охранное строеніе.

Изъ положенія *псковского крома* наши лексикологи заключили, что *кромъ* значитъ вообще «*внѣшнее* городовое укрѣпленіе». Но это трудно доказать даже съ помощію нарѣчія *кромѣ:* въ основаніи его лежитъ конечно понятіе исключенія, — пожалуй, сторонности, внѣшности, но только въ такомъ смыслѣ, что все, заключающееся въ *крому*, будетъ находиться внѣ прочаго. Что имя *кромъ* встарину дѣйствительно употреблялось въ значеніи крѣпости *вообще*, доказывается однимъ мѣстомъ синодальной библіи 1499 года, гдѣ сказано: «Обиташе же Давидъ въ *крому*» (1 *Паралип.* 11, 7). Тутъ слово *въ крому* соотвѣтствуетъ выраженію Вульгаты «in arce» и въ Острожской библіи замѣнено словомъ: *во обдержаніи* (въ Лютеровомъ переводѣ: «auf der Burg», во французскомъ «dans la citadelle»). Противъ приведеннаго мѣста въ синодальной библіи на полѣ приписано: инъ арце или въ вышегородцѣ[1].

При словѣ *кромъ* должно упомянуть и объ особенномъ мѣстномъ употребленіи множественнаго числа его. *Кромы* во Владимірской губерніи означаетъ «ткацкій станъ со всѣмъ приборомъ и съ основою». Даль въ своемъ Толковомъ Словарѣ выводитъ изъ этого и названіе извѣстнаго города Орловской губерніи, но тутъ нашъ почтенный лексикографъ едва ли правъ: городъ *Кромы* названъ такъ по имени рѣчки *Кроми*, которая протекаетъ подъ нимъ и впадаетъ въ Оку[2].

---

[1] Указаніемъ этого мѣста изъ синодальной библіи обязанъ я И. И. Срезневскому.

[2] Въ Воскресенской лѣтописи упомянутъ городъ *Кромъ* одновременно съ Москвою, т. е. около середины 12-го столѣтія (*И. Г. Р.*, т. II, пр. 302). Вновь построенъ онъ при Θеодорѣ Ивановичѣ, какъ пограничное укрѣпленіе противъ Татаръ, и тогда уже названъ *Кромы*. Заключается ли въ названіи рѣки *Кромъ* какое-нибудь понятіе, объ этомъ трудно судить безъ точнаго знакомства съ мѣстностью.

Рядомъ съ именемъ муж. р. *кромъ* есть еще имя женское, *крома* — ломоть хлѣба во всю ковригу (по Далю), или и вообще толстый ломоть чего-нибудь (по акад. словарю), и уменьшительное его *кромка* — тотъ завершённый край матеріи, гдѣ нитка не высыпается; иногда же и просто край, кайма и т. д.

Особенно любопытно записанное Востоковымъ (см. *Церк.-Слав. словарь* его) старинное слово *кромьство* — внутренность.

Изъ предложныхъ именъ этого корня замѣтимъ *укроміе* — воздержаніе.

Между другими частями рѣчи того же происхожденія первое мѣсто принадлежитъ нарѣчію *кромѣ*, которое собственно не что иное какъ мѣстный падежъ имени *кромъ*[1]. Встарину это нарѣчіе встрѣчалось еще въ формѣ *кромь* (Словарь Востокова). Его значеніе было: *опричь*, *внѣ*, *въ сторонѣ*.

Присоединимъ къ этому глаголъ *кромить* — отдѣлять, отгораживать (закромить, напр. гряду — «поставить кромки, обнести досками, чтобы не осыпалась» — Даль) и старинныя прилагательныя *кромный* и *кромѣшній* — внѣшній, также *укромный* (уютный, въ церк.-слав. воздержный) и *скромный* (воздержный, въ самомъ себѣ замкнутый). Ср. чеш. kromni, частный.

Изъ противоположности въ значеніи словъ *кромьство* и *кромѣ, кромный* слѣдуетъ, что понятіе внѣшности не есть существенное въ корнѣ слова и что *кромъ* означаетъ только нѣчто отдѣльное, само въ себѣ замкнутое, особо стоящее, а не именно наружное. Понятіе внѣшности придано его производнымъ по отношенію содержанія его къ постороннимъ предметамъ.

Переходя теперь къ слову *кремль*, замѣтимъ, что поводъ къ сближенію обоихъ названій заключается уже въ томъ, что самое

---

[1] Будучи мѣстнымъ падежомъ и соотвѣтствуя нынѣшнему *кромѣ*, это нарѣчіе первоначально должно было выражать идею изъятія посредствомъ огражденія отъ всего окружающаго: предполагаемый именительный падежъ долженъ быть *кромъ*, а не *крома*. Впослѣдствіи исконное значеніе слова забылось, и *кромѣ* дѣйствительно сдѣлалось равносильнымъ областному *сторонѣ*, приводимому г. Буслаевымъ.

слово *кромъ* въ эрмитажномъ спискѣ *Псковской лѣтописи* написано однажды *кремъ*, что и означено между варіантами текста, изданнаго Археографическою коммисіею (*Первая лѣт.* стр. 194). Эта форма *кремъ* псков. лѣтописи указана уже Шимкевичемъ подъ словомъ *кремень* и едва ли можетъ считаться простою опиской, если принять въ соображеніе, что самое нарѣчіе *кромѣ* встрѣчается въ видѣ *кремѣ* (*Изборн.* 1073 г., 253: «еже *кремѣ* сихъ то не въ роцѣ»[1]. Изъ другихъ славянскихъ языковъ, въ которыхъ оно равнымъ образомъ довольно распространено, словацкій имѣетъ также форму krem, kreme (см. Линде и Юнгмана).

Весьма важно для нашего сближенія извѣстіе, прочитанное Карамзинымъ въ Троицкой (впослѣдствіи утраченной) лѣтописи: «погорѣ (1331 мая 3) городъ *Кремникъ* на Москвѣ». Здѣсь *Кремникъ* есть, кажется, не что иное какъ видоизмѣненіе знакомаго намъ слова *кромъ* чрезъ посредство прилагательнаго *кромный*, или *кремный* (замкнутый въ себѣ, огороженный). П. М. Строевъ, справедливо отвергая догадку Карамзина, будто *кремль* происходитъ отъ *кремня*, замѣчаетъ: «Въ лѣтописи могло быть *кромникъ:* цитадель псковская называлась *кромъ*»[2]. Здѣсь Строевъ уже весьма близко подходитъ къ истинѣ; но ему неизвѣстна была другая форма слова *кромъ* съ гласною *е*, и онъ не имѣлъ въ виду той легкости, съ какою звуки *о* и *е* смѣняются въ словахъ одного корня. Поэтому вѣроятно, что уже въ первые вѣки послѣ построенія Москвы укрѣпленная ея часть, вышгородъ, называлась *кремникомъ*, и такъ какъ тогда городъ еще не могъ имѣть каменныхъ стѣнъ, то ясно, что *кремникъ*, такъ же какъ и *кромъ*, вначалѣ означалъ обнесенное деревянными стѣнами укрѣпленіе. *Кремникъ* и *кремль* — конечно слова одного происхожденія. Послѣднее названіе, по замѣчанію Строева, въ нашихъ историческихъ актахъ встрѣчается не прежде временъ Ѳеодора Ивано-

---

[1] По указанію И. И. Срезневскаго.

[2] См. *Указатель* при *Выходахъ царей и великихъ князей*. М. 1844.

вича[1]; но слѣдуетъ ли изъ этого, что и въ народѣ оно не употреблялось ранѣе? Доказательство, что оно было извѣстно и до указанной г. Строевымъ эпохи, представляетъ опять синодальная библія 1499 г., гдѣ въ 1 *Ездр.* 6, 2, имя *кремль* придано Экватанѣ[2]. Что оно имѣло значеніе не мѣстное, не собственнаго имени, а общее, какъ имя нарицательное, въ этомъ удостовѣряетъ насъ, сверхъ появленія *кремлей* во многихъ городахъ, еще и образъ письменнаго употребленія слова: кромѣ приведеннаго случая изъ синодальной библіи, важно въ этомъ отношеніи также мѣсто, выписанное Востоковымъ изъ хронографа 16-го вѣка, гдѣ слово *кремль* означаетъ дворецъ болгарскихъ государей: «црь Никифоръ на болгары поиде.... и побѣди ихъ крѣпко, яко и г лемаго двора князя ихъ иже есть *кремль* пожещи его». Правда, Востоковъ прибавляетъ: «Не ошибка ли вмѣсто *Крумъ*, имени князя болгарскаго[3]? И дѣйствительно», продолжаетъ онъ «въ Амартолѣ 1456 г.: яко и г лемаго двора князя их иже апто крумля пожещи». Но для насъ знаменательна именно ошибка, доказывающая близкое знакомство переводчика или переписчика съ словомъ *кремль*[4].

Впрочемъ, это или подобозвучное имя, въ значеніи крѣпости, было извѣстно не однимъ Русскимъ, а и другимъ Славянамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ, какъ видно изъ слѣдующаго стиха народной хорутанской пѣсни:

Oj ti preljuba kremliza, ki si nasabraniza[5].

---

[1] Тамъ же.

[2] *Историч. Грамм.* Буслаева, ч. II, стр. 9.

[3] Крумъ, или Кремъ, сильный болгарскій государь въ началѣ 9-го столѣтія (*Сл. др.* Шафарика, т. II, кн. I, стр. 281).

[4] Нужнымъ считаю однакожъ оговориться: здѣсь *кремль* могло быть и не ошибкою, а правильнымъ притяжательнымъ отъ личнаго имени *Кремъ*, какъ *Ярославль* отъ *Ярославъ*. Итакъ наше *кремль* ужъ не названіе ли болгарскаго Кремова замка, перенесенное на всѣ подобныя постройки? Допустить этого нельзя, тѣмъ болѣе, что, какъ увидимъ сейчасъ, и въ другихъ славянскихъ земляхъ встрѣчаются сходныя названія. Да и чѣмъ бы объяснялся тогда *кремникъ* 1331 года?

[5] Urban Jarnik, Versuch eines Etymologikons der slowenichen Mundart, Klagenfurt 1832, стр. 237.

Сюда же относится, вѣроятно, и названіе древней венгерской крѣпости Kremnitz (кремница = кремникъ). Если бъ имѣть въ рукахъ точные указатели названій мѣстъ въ разныхъ славянскихъ странахъ, то можетъ-быть, нашлись бы и другія мѣста, отмѣченныя подобными именами. По Россіи разбросано много древнихъ городовъ и селеній, въ названіяхъ которыхъ слышатся звуки, принадлежащіе, кажется, тому же корню. Не легче ли объясняются такимъ образомъ имена: *Кременецъ*, *Кременчугъ* (первоначально Кременчикъ?), *Кременчуки*, *Кременичи*, *Кременки*, *Кременскъ*, *Кременная* слобода, *Кременская* станица и *Кремлево*[1], нежели съ помощью *кремня?* Непонятно было бы, отчего въ Россіи такъ много селеній названо по имени этого твердаго камня, тогда какъ далеко не всѣ исчисленныя названія означаютъ сильныя крѣпости, да и тѣ изъ нихъ, которыя издревле составляли укрѣпленныя мѣста, въ началѣ конечно не имѣли каменныхъ укрѣпленій. Гораздо естественнѣе принять, что въ этихъ име-

---

[1] 1) *Кременецъ*, уѣзд. гор. Волынской губ. Полагаютъ, что онъ былъ основанъ въ 8-мъ или 9-мъ в. Дулебами. Во всякомъ случаѣ замокъ уже упоминается въ Польской исторіи подъ 1068 г., когда владѣтель его, какой-то Моносей, изъ рода Денисковъ, сдалъ его Болеславу Смѣлому.

2) *Кременчугъ*, уѣзд. гор. Полтавской губ. Время основанія достовѣрно не извѣстно, и только Маркевичъ въ своей Исторіи Малороссіи упоминаетъ о томъ, что Кременчугъ былъ заложенъ въ 1571 г. Въ книгѣ Большому Черт. Крем. не упоминается, но Бопланъ, посѣтившій этотъ городъ въ 1655 г., нашелъ уже Крем. довольно красивымъ городомъ.

3) *Кременчуки*, небольшое село Волынской губ. Заславскаго уѣзда.

4) *Кременичи*, или *Кременецкій* погостъ Новгородской губ. Тихвинскаго уѣзда. Упоминается въ писцов. книгахъ 1582 г. (въ Обонежской пятинѣ); существуетъ и нынѣ.

5) *Кременки*, значительное село Нижегородской губ. Ардатовскаго уѣзда.

6) Тоже, значит. село Самарской губ. Ставропольскаго уѣзда.

7) Тоже, значит. село Симбирской губ. и уѣзда.

8) *Кременскъ*, небольш. село Калужской губ. Медынскаго уѣзда съ остатками стараго городища. Городъ Крем. упоминается въ Кн. Больш. Чертежу.

9) *Кременная* слобода Харьковской губ. близь города Славянска.

10) *Кременская* станица и при ней Кременецкій мон. въ области В. Донскаго Усть-Медвѣдицкаго окр.

11) *Кремлево*, значит. село Рязанской губ. Скопинскаго уѣзда въ 15 верстахъ отъ уѣздн. города. (Изъ матеріаловъ П. П. Семенова).

нахъ основное понятіе есть именно то, которое заключается въ словѣ *кромъ*, т. е. понятіе мѣста огороженнаго, обнесеннаго стѣнами, какъ бы закромленнаго. То же самое значилъ первоначально *городъ*, и мы также находимъ селенія подъ названіями *Городецъ*, *Городня*, *Городище*, и т. п. Московская крѣпость въ письменномъ языкѣ долго называлась *Городъ*, *Каменный городъ*, послѣ построенія Китая — *Старый Каменный городъ*, а по заложеніи Бѣлаго города (Царева) — *Кремль*[1]. Отсюда видно, что послѣднее названіе окончательно утвердилось только тогда, когда слово *городъ* утратило свое первобытное тѣсное понятіе и для выраженія этого послѣдняго потребовалось другое слово. Замѣчательно, что у западныхъ Славянъ, напротивъ, *градъ* сохранилъ свое первобытное значеніе и мѣстами соотвѣтствуетъ нашему *кремлю* (*Градчаны* въ Прагѣ).

Чтобы убѣдиться въ этимологическомъ родствѣ *кремля* съ *кромомъ*, надобно разсмотрѣть первое изъ этихъ словъ: а) со стороны его значенія, и б) со стороны его формы.

Въ разсужденіи значенія имени *кремль*, мы находимъ близкія къ нему слова, которыя безъ всякаго отношенія къ укрѣпленной постройкѣ заключаютъ въ себѣ, такъ же какъ и производныя отъ *крома*, понятіе отдѣльности, особности въ пространствѣ. Первообразное жен. р. *кремь* значитъ, по академическому словарю, «ту часть засѣки, гдѣ растетъ лучшій строевой лѣсъ», слѣдовательно нѣчто выдѣляющееся изъ цѣлаго; оттуда *кремлевое* дерево — которое растетъ на краю лѣса, одиноко и на просторѣ, крѣпкое, здоровое (по Далю), и *кремлевникъ* — хвойный лѣсъ на болотистомъ мѣстѣ (Обл. Словарь). Мы не знаемъ, съ достаточною ли точностью опредѣлены здѣсь эти слова, и догадываемся, что въ опредѣленіи первыхъ двухъ нѣсколько участвовало предвзятое понятіе, что они происходятъ отъ имени *кремль* въ значеніи крѣпости, тогда какъ они только параллельныя съ нимъ отрасли того же корня. Замѣчательно, что и по-польски слово

[1] Строевъ.

«krem» означаетъ дерево, отобранное для улья, но еще не выдолбленное (см. Словарь Линде)[1].

Что касается до формы слова *кремль*, то для удостовѣренія въ возможности его родства съ именемъ *кромъ* стоитъ только припомнить, какъ часто въ славянскихъ нарѣчіяхъ одни и тѣ же слова, или слова одного корня, принимаютъ въ помощь, при своемъ образованіи, то *о*, то *е*, напр. *моръ* — *смерть*, *воля* — *велѣть*, *доля* — *дѣлить*, *звонить* — *звенѣть*, и т. п. Правда, что все это слова глагольнаго корня; однакожъ есть подобные случаи и другого рода, напр. *Волосъ* и *Велесъ*, и въ ц.-слав. языкѣ слова: *столя* и *стеля* (потолокъ), *громъ* и *гремъ* (въ значеніи куста, см. Сл. Востокова)[2]. Не говорю уже о томъ, что есть слова, которыя въ одномъ славянскомъ нарѣчіи являются съ *о*, а въ другомъ съ *е*, напр. осень, озеро, — есень, езеро. Букву *л* въ концѣ слова *кремль* надобно признать слѣдствіемъ умягченія согласной, какъ въ словахъ *земля* (земь, оземь), *журавль* (журавъ) и др. *Кремль* относится къ *крому* точно такъ же, какъ *граждь* (церк.-слав. = огражденіе) къ *граду*.

Начиная отъ словаря Россійской академіи, всѣ наши лексиконы при опредѣленіи слова *кремль* ограничиваютъ его понятіе признакомъ *внутренней* крѣпости. Даль, пріурочивая названіе *кремль* по-прежнему къ *кремню* (впрочемъ съ вопросительнымъ знакомъ), даже противополагаетъ *кремль крому*, какъ означаю-

---

[1] Любопытно, что какъ у насъ слова *кремь*, *кремлевый* (у Поляковъ также krem), употребляются въ отношеніи къ лѣсу, такъ у нѣкоторыхъ другихъ Славянъ къ тому же служатъ *гремъ* (серб. дубъ), germ (хорут. кустъ): въ церк.-слав. *громъ* и *гремъ* знач. кустъ. Вниманія заслуживаетъ также слѣдующее обстоятельство: по сербски гра̑д зн. крѣпость, а гра̑ђа—строевой лѣсъ; гра̀ђевина — строеніе, постройка изъ строевого лѣса (какъ по-русски слово *деревня* первоначально значило: постройка изъ дерева). Поэтому могутъ еще спросить: не значило ли первоначально и названіе *кремль*—строеніе изъ *кремя*, т. е. лучшаго строевого лѣса?

[2] Явленіе это замѣчается особенно при согласныхъ *р* и *л*. Ср. Johannes Schmidt. Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus. II, 54. 55. Къ этой же категоріи словъ можно отнести нѣсколько именъ съ другими гласными буквами, напр. кудесникъ и чудо (кюдо), кукла и чучела (кюкьла).

щему *наружное укрѣпленіе*. Отвергнувъ такое ограниченіе при словѣ *кромъ*, я долженъ отвергнуть его и при словѣ *кремль*, которое, по моему мнѣнію, значитъ вообще крѣпость: въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Буслаевымъ (*Истор. Грам.* ч. II, § 109). Если обратимъ вниманіе на кремли разныхъ городовъ, то увидимъ, что и въ дѣйствительности они далеко не вездѣ находятся внутри города, напр. въ Нижнемъ.

Но что же мы сдѣлаемъ съ словомъ *кремень?* Неужели точно столь явное для многихъ сродство его съ словомъ *кремль* есть только видимое? Кажется, этотъ результатъ самъ собой вытекаетъ изъ предыдущихъ замѣчаній. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе слова *кремень*, которое повело бы меня слишкомъ далеко, позволю себѣ только заявить сильное сомнѣніе, чтобы имя *кремень* можно было этимологически сближать съ глаголомъ *кресать*, какъ обыкновенно дѣлаютъ. Во-1-хъ, невѣроятно, чтобы первоначальное названіе этой породы камня дано было ей отъ самаго случайнаго ея свойства; правда, кремень и по-гречески называется πυρίτης и по-нѣмецки Feuerstein, но это уже позднѣйшія его названія, какъ по-русски *кресиво* или *огниво*, исконное же названіе кремня и у Грековъ и у Нѣмцевъ совсѣмъ другое (κόχλαξ, Kiesel). Во-2-хъ, какъ могло *кресать* перейти въ *кремень:* гдѣ же осталось коренное *с*, и откуда окончаніе *мень?* Нельзя согласиться съ тѣми, которые въ этомъ слогѣ видятъ другую форму окончанія *мя* именъ *сѣмя, племя, пламя* или *пламень*. Нѣтъ примѣра, чтобы такое окончаніе носило удареніе, и въ родит. падежѣ принимало признакъ мужескаго рода съ исключеніемъ гласной *е (мня)*[1]. По виду, въ какомъ попадается *кремень* внутри известковыхъ холмовъ (кругляками) и по легкости его отдѣленія отъ нихъ можно бы прямо признать это слово происходящимъ отъ того же корня, какъ имена *кромъ* и *кремль*,

[1] Напротивъ, слово *кремень* по образованію подходитъ къ именамъ *камень, ремень, кистень; плетень*, гдѣ окончаніе составляютъ буквы *ень;* предыдущая же буква принадлежитъ къ корню.

если бъ не останавливало то соображеніе, что въ чешскомъ и польскомъ языкахъ въ словѣ *кремень р* является умягченнымъ, чего не предполагаютъ слова *кромъ* и *кремль*.

По поводу моего изслѣдованія о словѣ *кремль*, въ *Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн.* 1873 года (кн. IV) появилась длинная статья г. Кубарева. Въ ней онъ старается доказать, что это слово передѣлано изъ греческаго κρημνός, но забываетъ, что изъ другихъ языковъ заимствуются только слова́, означающія именно то понятіе, для котораго на родномъ языкѣ не достаетъ выраженія. Какимъ же образомъ для понятія отдѣльно стоящей крѣпости Русскіе могли заимствовать слово, значащее *скатъ*, *крутизну*, *пропасть?* Г. Кубаревъ, желая придать правдоподобіе своему увѣренію, весьма упорно имъ защищаемому, считаетъ достаточнымъ слѣдующее объясненіе: «Въ мечтахъ моихъ, говоритъ онъ, я воображаю, что нѣкоторый именитый греческій гость изъ Царяграда пріѣхалъ посѣтить юную столицу единовѣрнаго князя. Князь приглашаетъ гостя къ себѣ, роскошно угощаетъ его и потомъ ведетъ его съ собой прогуляться по окраинѣ горы, возвышающейся надъ рѣкою, гдѣ спрашиваетъ: какъ такое мѣсто называется по-гречески? Гость отвѣчаетъ: κρημνός»... Вообще изъ статьи г. Кубарева видно, что ему вовсе не знакомы ни главныя основанія, ни пріемы сравнительной филологіи, а при такомъ условіи научныя пренія въ этой области безполезны. Доказательствомъ, какъ мало авторъ вникъ въ прочитанныя имъ соображенія, служитъ между прочимъ то, что онъ приписываетъ мнѣ такія мнѣнія, которыхъ я вовсе не выражалъ. Такъ ему кажется, что я утверждаю будто имя московскаго *кремля* заимствовано отъ названія псковскаго *крома*, и онъ серьезно ратуетъ противъ этой мысли, которая конечно и не приходила мнѣ въ голову. Нѣтъ, для заключенія, что такое-то слово заимствовано изъ другого языка, мало одного звукового сходства его съ иноземнымъ словомъ. Тѣмъ способомъ, какой описываетъ г. Кубаревъ, слова́ не пе-

реходятъ изъ одного языка въ другой. Для перехода къ намъ греч. слова нужно было бы, чтобъ оно значило именно то, что выражаетъ наше *кремль*, и чтобы оно въ этомъ значеніи было у насъ извѣстно; такъ перешли къ намъ напр. названія *цитадель* и нѣкогда употреблявшееся *фортеція*. Существенное значеніе слова *кремль*, какъ вытекаетъ изъ моего изслѣдованія, не имѣетъ никакого отношенія къ понятіямъ *ската*, *крутизны* и проч., для которыхъ Славяне всегда обладали своими вполнѣ равносильными словами. Вдобавокъ замѣтимъ, что въ 11-мъ или 12-мъ столѣтіи, когда могло бы произойти предполагаемое заимствованіе, буква η въ χρημνός произносилась какъ *и*, а этимъ однимъ разрушается вся гипотеза г. Кубарева.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ СТАРИННЫХЪ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНАХЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Гравированье началось въ Россіи съ 1647 года. При оружейной серебряной палатѣ въ Москвѣ состояли фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастера. Граверы въ то время подписывали: *рѣзалъ;* гравюры назывались *рѣзными* листами, упоминались также *рѣзныя* доски. Петръ Великій, во время своего перваго путешествія за границу, пригласилъ въ Россію находившихся тогда въ Амстердамѣ граверовъ Шонебека и Пикара. Въ челобитной, поданной первымъ въ 1697 году боярину Головину, еще встрѣчается выраженіе: «могу служить въ *рѣзаніи* мѣдныхъ досокъ»; и въ письмѣ Головина 1698 года, говорится о Шонебекѣ, какъ о *рѣзномъ* мастерѣ, упоминается о *рѣзаніи* на мѣди и о мастерствѣ *рѣзьбы*[1].

Но въ 1701 году подана челобитная Алексѣемъ Зубовымъ, который въ ней уже называетъ себя ученикомъ *градировальнаго* дѣла, учителя же своего Шонебека пріѣзжимъ иноземцемъ, *грыдоровальнаго* дѣла мастеромъ. Въ подкрѣпленіе просьбы своей о прибавкѣ жалованья Зубовъ приложилъ гравюру своей работы. У Шонебека потребовали свидѣтельства о справедливости этого показанія, и онъ удостовѣрилъ, что представленный Зубовымъ листъ печатанъ *грыдоровальною* доскою, которую ученикъ его *грыдоровалъ* самъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ томъ же году,

---

[1] См. Д. Ровинскаго *Русскіе граверы,* стр. 29, 70, 73. Автору этой книги обязанъ я и нѣкоторыми рукописными указаніями, которыхъ въ ней нѣтъ.

другой ученикъ Шонебека, Петръ Бунинъ, представилъ свою работу, названную въ тогдашнихъ актахъ листомъ *грыдорованья*[1]. Съ тѣхъ поръ граверы, въ подписяхъ подъ трудами своими, стали употреблять это слово въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, какъ-то: *градировалъ*, *грыдировалъ*, *грыдоровалъ*, *гридоровалъ*.

Въ указѣ Петра Великаго 1724 года объ учрежденіи Академіи сказано между прочимъ: «Безъ живописца и *градировальнаго* мастера обойтися невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и *градированы* быть[2]. Въ 1754 году, въ спискахъ лицамъ и учрежденіямъ при Академіи наукъ показаны между прочимъ типографіи *гридорованныхъ* фигуръ, *грыдоровальный* департаментъ или *грыдоровальная* палата, и объ ученикахъ говорится, что они *грыдоруютъ* или *грыдеруютъ* ландкарты, литеры, проспекты «и прочія всякія дѣла и портреты»[3].

При письмѣ своемъ въ академическую канцелярію отъ 28-го ноября 1750 года Тредьяковскій приложилъ, «Прожектъ *грыдорованнаго* листочка, имѣющаго быть при моей трагедіи»[4] и т. д.

Въ 1757 году Ломоносовъ писалъ къ И. И. Шувалову о своемъ *нагрыдорованномъ* портретѣ, и, прилагая нѣсколько экземпляровъ его, говорилъ: «стыжусь, что я *нагрыдорованъ*»[5].

Слово это давно уже вышло изъ употребленія и не занесено ни въ одинъ изъ нашихъ словарей; но оно остается въ исторіи русскаго языка и требуетъ объясненія. Начала его надобно искать въ нѣмецкихъ глаголахъ *gradieren* и *radieren*. Первый означаетъ рѣзанье при помощи крѣпкой водки, способъ, которымъ преимущественно работалъ Шонебекъ съ своими учениками, а значеніе второго видно, напр., изъ скульптурнаго термина

---

[1] Тамъ же, стр. 75.
[2] П. С. З. VII, 4443, стр. 223.
[3] *Русскіе граверы*, стр. 84 — 98.
[4] Пекарскаго *Исторія Академіи Наукъ*, II, стр. 157.
[5] Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову. *Зап. Ак. Н.*, т. X.

Gradier-Eisen, подъ которымъ разумѣется особенный родъ рѣзца[1]. Глаголъ *gradieren* происходитъ отъ нѣмецкаго существит. *Grath* или *Grad*, означающаго между прочимъ полоски мѣди, которыя выковыриваются изъ доски рѣзцомъ[2]. Такимъ образомъ два термина, которые, кажется, и у самихъ Нѣмцевъ по сходству звуковъ смѣшивались въ употребленіи, могли оба участвовать въ образованіи искаженныхъ русскихъ формъ этого слова[3].

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія терминъ *грыдоровать* начинаетъ уступать мѣсто взятому съ французскаго слову *гравировать*, которое первоначально обязано этимъ чуть ли не знаменитому граверу Шмидту, выписанному къ намъ при Елисаветѣ Петровнѣ и до того долго жившему въ Парижѣ. На портретѣ графа М. Л. Воронцова въ 1758 году подписано: gravé par G. F. Schmidt. Изъ учениковъ его Герасимовъ, первый, подписалъ въ 1771 году по-русски: *гравировалъ*. Съ этого времени послѣдняя подпись дѣлается уже почти исключительною и замѣняетъ другія, какъ-то: *сдѣлалъ*, *вырѣзалъ* (Чемесовъ), *гридоровалъ* (Васильевъ 1759).

Въ отношеніи къ старинным типографскимъ терминамъ весьма важно и любопытно замѣчаніе г. Румянцова, сдѣланное въ 1869 году на московскомъ археологическомъ съѣздѣ, объ итальянскомъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ. Г. Гат-

[1] Gradier-Eisen od. Meissel der Bildhauer (franz. gradine) ein stählener Meissel mit drei breiten Zähnen, welcher den Bildhauern... nöthig ist (Krünitz. Oekonomisch-technologische Encyklopädie. Th. LXXXVIII, *Meissel*).

[2] Рукописное показаніе г. Ровинскаго. Въ приведенномъ словарѣ Крюница (Ч. XIX) слово Grad или Grath объяснено между прочимъ такъ: «die Späne kleiner Aeste u. s. f., welche beim Fällen und Bearbeiten des Holzes abgehn». Относительно корня слова Grad или Grath Крюницъ, а за нимъ и нѣкоторые другіе лексикографы (Аделунгъ, Гейзе) полагаютъ, что оно одного происхожденія съ лат. radius, и только случайно приняло въ началѣ звукъ g, какъ это нерѣдко встрѣчается и въ другихъ словахъ. Послѣднее замѣчаніе можетъ относиться и къ сходству словъ *radieren* и *gradieren*.

[3] Есть еще третій нѣмецкій глаголъ, относящійся къ гравированію, именно grundieren (наводить лакъ для приготовленія грунта къ вытравленію водкой), который могъ бы также содѣйствовать къ образованію слова *грыдоровать*, но для этого предположенія нѣтъ однакоже достаточнаго основанія.

цукъ, въ статьѣ «Очеркъ исторіи книгопечатнаго дѣла въ Россіи»[1], хотя и не допускаетъ, чтобы эти названія были заимствованы непосредственно изъ Италіи, и именно изъ Венеціи, однакожъ приводитъ ихъ съ указаніемъ тѣхъ итальянскихъ словъ, изъ которыхъ они передѣланы: *тередорщикъ* отъ tiratore (нѣм. drucker, печатникъ); *батырщикъ*, накладчикъ краски на литеры, набойщикъ—отъ battitore; *маца*—отъ mazza (ново-нѣм. ballen); *марзанъ*—margina (нѣм. stege); *тимпанъ*—отъ timpano (нѣм. deckel); *фрашкетъ*—отъ frascato; *пунсонъ*, рѣзанная на стали буква для выбиванія изъ мѣди матрицъ,—отъ punzone (нѣм. stempel); *штанба*, книгопечатный станокъ и всѣ вообще принадлежности—отъ stampa (нѣм. druckerei).

Авторъ названной статьи не хочетъ вмѣстѣ съ г. Румянцовымъ видѣть въ этихъ терминахъ доказательство мнѣнія, что книгопечатаніе перенесено въ Москву изъ Италіи и что вообще строителями, учителями, и руководителями здѣсь книгопечатанія были итальянскіе мастера. Хотя рѣшеніе этого вопроса и не относится къ предмету настоящей замѣтки, позволю себѣ однакожъ упомянуть, что если и въ самомъ дѣлѣ приведенные термины изъ Италіи перешли ранѣе въ другія страны, то они въ этихъ послѣднихъ передѣлывались по мѣстному выговору, и оттуда были бы перенесены къ намъ въ другомъ видѣ: слово *пунсонъ*, напр., Нѣмцы передѣлали въ *Випге*[2], и конечно оттуда не явилось бы оно у насъ въ своей первоначальной, чистой формѣ. Да и почему же невѣроятно, чтобы эти термины были заимствованы Русскими прямо изъ источника, когда сношенія съ Италіею и знакомство Москвы съ итальянскимъ искуствомъ начались уже за цѣлое столѣтіе до введенія книгопечатанія въ Россіи?

---

[1] *Русскій Вѣстникъ* 1872, май, стр. 333.

[2] По словарю братьевъ Гриммовъ—«Signum, forma, stempel, franz. matrice» (Wb. II, 531).

О ПРОИЗНОШЕНІИ БУКВЪ Э, Е, Ѣ.

Употребленіе трехъ буквъ, означенныхъ мною въ заглавіи этой статьи, представляетъ не мало затрудненій. Есть случаи, въ которыхъ особенно нелегко опредѣлить, правильнѣе ли написать *е* или *ѣ*. Но здѣсь я намѣренъ разсматривать ихъ не со стороны этого вопроса, а въ отношеніи собственно къ звуку ихъ. Прежде всего постараюсь рѣшить, есть ли въ произношеніи разница между *ѣ* и *е* (когда е не превращается въ ё, о чемъ здѣсь и не будетъ рѣчи). Многіе отвѣтятъ на это утвердительно; но если бъ было такъ, то природное русское ухо должно бы во всѣхъ случаяхъ указывать, гдѣ слѣдуетъ писать *е* и гдѣ *ѣ*; между тѣмъ мы видимъ, что люди, въ одинаковой степени знающіе языкъ и въ произношеніи которыхъ не замѣтно особенной разности, не всегда согласны между собой касательно употребленія *е* и *ѣ* (напр. въ словахъ: хмель, затменіе, лѣкарь). Случается, что одинъ и тотъ же человѣкъ перемѣняетъ въ этомъ отношеніи прежнее свое правописаніе на новое, хотя въ выговорѣ его не произошло никакой перемѣны. Отсюда надобно вывести заключеніе, что буквы *е* и *ѣ* произносятся совершенно одинаково. Въ этомъ всякому легко убѣдиться, произнося одно за другимъ, напр., слѣдующія слова: *лѣнь* и *олень*, *въ морѣ* и *въ море*, *членъ* и *плѣнъ*, *ѣли* и *ели*.

Итакъ надобно согласиться, что какъ въ началѣ, такъ и въ серединѣ и въ концѣ слога, *е* и *ѣ* суть, по произношенію, буквы тожественныя; въ началѣ слога каждая изъ нихъ служитъ двугласною (съ помощію *й* передъ звукомъ), въ серединѣ же и въ концѣ гласною. Буквой *э* изображается тотъ же звукъ, когда онъ

въ началѣ слога долженъ быть произносимъ чисто, безъ помощи *й*: *это*, *поэтъ*.

Въ произношенiи каждой изъ этихъ трехъ буквъ есть одинъ общiй законъ, о которомъ кажется еще не было упоминаемо въ русской грамматикѣ. Чтобы яснѣе представить его, напомню, что въ русскомъ языкѣ какъ гласныя, такъ и согласныя раздѣляются на твердыя и мягкiя. Гласныя *а*, *о*, *у*, *ы* справедливо называть твердыми въ противоположность мягкимъ: *э*, *е*, *ѣ*, *i*, *и*[1]; точно такъ же и согласныя, въ свою очередь, бываютъ либо: *бъ*, *въ*, *дъ*, либо: *бь*, *вь*, *дь* и проч. Далѣе надобно замѣтить, что согласныя бываютъ то твердыми, то мягкими или сами по себѣ (напр. въ концѣ словъ), или отъ присоединенiя къ нимъ мягкихъ гласныхъ, напр. въ сочетанiяхъ: *бѣ*, *ве*, *ти*.

Если станемъ внимательно сравнивать слова, въ которыхъ встрѣчаются буквы *э*, *е*, *ѣ*, то найдемъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ *двоякiй* звукъ, смотря по тому, стоитъ ли она передъ твердою, или передъ мягкою буквою, гласною или согласною. Сличите напр. слова:

э-то	и	*э-ти*
чле-ны	и	*въ чле-нѣ*
вѣ-ру	и	*вѣ-рю*
мѣ-ръ	и	*мѣ-рь*.

Чтобы увѣриться, какъ несходны по выговору буквы *ѣ*, *е*, *э* первой колонны съ тѣми же буквами во второй, стóитъ только попробовать, начавъ произносить первый слогъ одной изъ колоннъ, приставлять къ нему второй слогъ изъ другой; произнеся

---

[1] Употребленные здѣсь термины не совсѣмъ согласны съ теорiей звуковъ, выработанной мною въ послѣднее время на физiологическомъ основанiи и изложенной въ новомъ моемъ изслѣдованiи о звукахъ и письмѣ; но такъ какъ вся статья «о произношенiи буквъ *э*, *е*, *ѣ*» принадлежитъ другому времени, то я оставляю и эту частность безъ измѣненiя. Впрочемъ, при первомъ изданiи *Филологическихъ Разысканiй*, въ этой статьѣ сдѣланы были мною легкiя измѣненiя вслѣдствiе одного замѣчанiя академика Бэтлинга (см. *Уч. Зап. по I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 90).

вѣ (первой колонны) — прибавьте *рю*, и наоборотъ, произнеся *вѣ* (второй колонны) — прибавьте *ру*: не ясно ли, что звукъ *ѣ* въ первомъ случаѣ совсѣмъ не тотъ, какой слышится во второмъ?

Вотъ еще нѣсколько подобныхъ примѣровъ (чтобы показать разницу ощутительнѣе, буду раздѣлять слова не всегда по слогамъ, а какъ удобнѣе для моей цѣли):

поэ-тъ	*поэ*-зія
Эл-лада	*Эл*(*ль*)-лины
бре-нъ	*бре*-ніе
пе-ры	*пе*-ри
сѣ-ла	*сѣ*-ли
свѣ-тъ	*свѣ*-тикъ

Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э*, *е*, *ѣ*, произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é — accent aigu.

Несправедливо было бы думать, будто въ такихъ словахъ, какъ напр. *звѣрь* и *звѣрскій*, вся разница произношенія ограничивается несходствомъ звуковъ *рь* и *ръ*: внимательное наблюденіе покажетъ, что отъ различія этихъ звуковъ зависитъ и неодинаковое произношеніе буквы *ѣ*. При этомъ случаѣ надобно нѣсколько распространиться вообще о мягкихъ согласныхъ, встрѣчаемыхъ въ серединѣ слова и произносимыхъ такъ, какъ бы за ними слѣдовалъ *ь*, хотя этотъ знакъ часто и опускается. Мы пишемъ *задній*, *горница*, *мысли*, *поздній*, *гвозди*, а выговариваемъ: *задьній*, *горьница*, *мысьли*, *позьдній*, *гвозьди*. На чемъ же это основывается? На томъ, что послѣ согласной, оканчивающей одинъ слогъ, слѣдуетъ другой съ мягкою гласной. По общему закону, изложенному мною касательно буквъ *э*, *е*, *ѣ* происходитъ, что когда одна изъ нихъ случится въ первомъ слогѣ, то и самое ея произношеніе сообразуется съ натурою слѣдующаго слога. Оттого въ

словахъ *привѣтствіе*, *бѣдствіе*, *наслѣдникъ* не только *т* и *д*, но и *ѣ* произносится не такъ, какъ въ словахъ: *привѣтъ*, *бѣдствовать*, *наслѣдство*. Обратимъ также вниманіе на слова: *черви*, *вѣтви*, *терпитъ*, *наперсникъ*, *вѣстникъ*, *если*, произносимыя такъ, какъ будто бы написано было *черьви*, *вѣтьви* и т. д.

Впрочемъ не всѣ согласныя передъ мягкою гласной имѣютъ всегда такое вліяніе на предыдущій слогъ; буквы: *к*, *х*, *г*, *ж*, *ш*, *ч*, *й*, лишены часто этого дѣйствія, что́ видно въ словахъ: *крѣпки*, *дѣвки*, *ветхи*, *биржи*, *вершина*, *старческій*, *въ сердцѣ*. Найдутся можетъ-быть и другіе случаи, въ которыхъ согласная передъ мягкимъ слогомъ остается твердой, а оттого и предшествующее *е* или *ѣ*, ежели оно въ словѣ есть, выговаривается широко. Общее положеніе только то, что произношеніе буквъ *э*, *е*, *ѣ* зависитъ отъ мягкаго или твердаго звука, непосредственно за нимъ слѣдующаго. Въ нѣкоторыхъ словахъ не видно, почему согласная произносится такъ или иначе, но законъ выговора *е* и *ѣ* остается неизмѣннымъ. Такъ *е* произносится сжато въ словахъ: *верхъ*, *церковь*, *первый*, *четвергъ*, оттого что тутъ *р* мягкое, хотя это въ правописаніи и не означается[1]. Въ словахъ: *рѣжь*, *ѣшь*, *тѣшь* буква *ѣ* произносится широко, потому что *ж* и *ш* нельзя выговорить мягко, хотя послѣ нихъ и стоитъ *ь*. Напротивъ, въ словахъ: *мечь*, *свѣчь*, *вещь*, *лещь* слышится сжатое *е*, потому что тутъ знакъ *ь* соотвѣтствуетъ дѣйствительному смягченію согласныхъ *ч* и *щ* въ выговорѣ[2].

Замѣчательно, что и послѣ такъ называемыхъ шипящихъ буквъ, *е* можетъ быть произносимо двояко; сравнимъ *шестъ* и *шесть*, *тщетный* и *дщери*, *чествовать* и *честь*, *жертва* и *жерди*.

---

[1] Объ этомъ случаѣ см. слѣдующую за симъ статью.

[2] Очень было бы хорошо, если бъ слова на *ж*, *ш*, *ч*, *щ*, писались какъ въ старину со знакомъ *ь*, а не *ъ* въ концѣ. Тогда и въ правилахъ склоненія именъ существительныхъ на *ъ* было бы однимъ исключеніемъ меньше: всѣ слова, кончащіяся на эти шипящія буквы, имѣютъ въ родител. падежѣ множ. числа окончаніе *ей*, какъ всѣ имена на *ь*, у которыхъ этотъ падежъ составляетъ собственно единственное отличіе склоненія противъ именъ на *ъ*.

Въ концѣ слова *е* и *ѣ* всегда произносятся широко; напротивъ, слѣдующія за ними буквы *и*, *й*, *е*, *ѣ*, *ю*, *я* придаютъ имъ произношеніе сжатое, напр. *вообще*—*кащей*, *въ добрѣ*—*добрѣй*, *на столѣ*—*веселѣй*, *въ шалашѣ*—*шея*.

Указанный здѣсь законъ произношенія буквъ *э*, *е*, *ѣ* тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что мы не находимъ его въ другихъ языкахъ, гдѣ открытое *е* можетъ, такъ же какъ и сжатое, предшествовать слогу съ мягкою гласной и наоборотъ. Нѣмцы говорятъ: verschmähen, Ähren, Французы—arrêter, mêler, pêcheur. Оттого произношеніе подобныхъ словъ въ иностранныхъ языкахъ особенно затрудняетъ Русскаго, если онъ не преодолѣлъ этой трудности съ дѣтства.

Конечно этотъ законъ въ подробностяхъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія и развитія, мое намѣреніе было только указать на него въ общихъ чертахъ.

ПО ПОВОДУ ПРЕДЫДУЩЕЙ СТАТЬИ.

Etymologische Beiträge und die Aussprache des betonten russischen e, von Dr. Friedrich Haag. Zürich 1880, 8-o. 83 S.

Не останавливаясь на этимологическихъ сближеніяхъ, которыя занимаютъ первую половину этой интересной брошюры и могли бы подать поводъ къ кое-какимъ возраженіямъ, я позволю себѣ нѣсколько замѣчаній только на изслѣдованіе о произношеніи ударяемаго *е*. Прежде всего надо отдать полную справедливость наблюдательности автора и признать, что онъ пополнилъ ученіе объ этомъ предметѣ многими новыми указаніями въ частностяхъ. Но что касается самой сущности явленія, то въ наблюденіяхъ г. Хаага оказывается пробѣлъ, который ему трудно будетъ устранить, если онъ не усвоитъ себѣ болѣе глубокаго практическаго знакомства съ звуковыми особенностями русскаго языка. Только недостаткомъ такого знакомства и происшедшимъ отъ того недоразумѣніемъ можно объяснить то обстоятельство, что авторъ отвергаетъ сдѣланное мною и вскорѣ послѣ того ак. Бэтлингомъ [1] наблюденіе, что чистый звукъ *е* (передается ли онъ на письмѣ начертаніемъ *е*, *ѣ*, или *э*) произносится двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый, или мягкій звукъ. Для боль-

---

[1] Моя замѣтка: «О произношеніи буквъ э, е, ѣ» появилась въ первый разъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1847 г. (№ 173), а статья академика Бэтлинга, въ которой онъ изложилъ свое наблюденіе, не зная о моей статьѣ, напечатана въ Bulletin Академіи Наукъ 1851 г. (т. IX), и позднѣе въ «Уч. Запискахъ I и III Отд.» (т. I).

шей ясности приведу изъ брошюры г. Хаага слѣдующее мѣсто (стр. 43):

«Въ русскомъ языкѣ *е*, замѣнившее прежнее *ѣ*, да и въ другихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ, часто не подвергается подъему въ *о*, хотя бы за послѣдующею согласною стоялъ твердый гласный; въ такомъ случаѣ *е* звучитъ какъ латышское *е* передъ твердыми гласными послѣ чистаго согласнаго, въ немногихъ словахъ, какъ напр. въ нѣтъ, но по большей части какъ перерванное (ein gebrochenes) *i*, — какъ *i*, при произношеніи переходящее въ *е*: въ словѣ хлѣбъ я произношу гласную совершенно такъ, какъ произносится гласная въ lieb у швейцарскихъ Нѣмцевъ. Или возьмемъ словечко это, которое мы безпрестанно слышимъ въ разговорѣ Русскихъ; кто когда-нибудь слышалъ, чтобъ они произносили äto? Когда я пробовалъ такъ выговаривать, то надо мной смѣялись, потому что *э* въ словѣ это произносится указаннымъ мною образомъ. Поэтому я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что Гротъ говоритъ въ своихъ «Филологическихъ Разысканіяхъ» (2-е изд. т. I, стр. 267): «Отсюда должно вывести общее правило, что передъ твердыми звуками буквы *э*, *е*, *ѣ* произносятся широко, близко къ тому какъ во французскомъ языкѣ выговариваютъ букву *е*, когда надъ нею accent grave, а передъ звуками мягкими сжато, какъ бы французское é — accent aigu».

Не считая себя достаточно знакомымъ съ швейцарско-нѣмецкимъ нарѣчіемъ чтобы рѣшить, вполнѣ ли правильно предложенное здѣсь сравненіе, я оставляю его въ сторонѣ. Но я настаиваю на томъ, что́ сказано мною о двоякомъ произношеніи *е* въ русскомъ языкѣ и ссылаюсь въ этомъ на всякаго, кто родился въ Россіи, съ дѣтства говоритъ на этомъ языкѣ и обладаетъ мало-мальски тонкимъ слухомъ. Сравненіе съ Французскими è и é я, разумѣется, позволилъ себѣ только для болѣе нагляднаго уясненія разности обоихъ русскихъ звуковъ, и это замѣчаніе, mutatis mutandis, остается въ своей силѣ [1].

[1] Оно подтверждено уже многими Филологами, изъ числа которыхъ назову гг. Миклошича и Ягича.

Во второмъ томѣ «Филологическихъ Разысканій» (стр. 31—32) я возвратился къ этому предмету и старался подкрѣпить свое наблюденіе новыми примѣрами. Всякій непредубѣжденный Русскій согласится, что въ словахъ грѣтъ и грѣть звукъ ε слышится неодинаково. Укажу еще на нѣсколько поразительныхъ случаевъ. Оспариваемое различіе не можетъ не быть замѣчено въ слѣдующихъ попарно приводимыхъ словахъ:

вѣ̀тръ	вѣ́теръ.	плѣ̀нъ	плѣ́нникъ.
свѣ̀тъ	свѣ́тикъ.	колѣ̀на	колѣ́ни.

Особенно ясно обнаруживается разность звука ε въ словахъ вѣ̀съ и ве́сь, въ которыхъ она зависитъ конечно не отъ различнаго произношенія буквъ *ѣ* и *е*, выговариваемыхъ, какъ всѣми признано, совершенно одинаково, а единственно отъ несходнаго качества послѣдующихъ согласныхъ. Замѣчательно, что твердо звучащее ε въ словѣ нѣтъ становится мягкимъ, когда за этимъ отрицаніемъ слѣдуетъ вопросительная частица *ли:* нѣтъ ли коренными Русскими произносится: нѣ́тьли.

Относительно перехода *е* въ *о*, какъ явленія послѣдственнаго (secundär), надо принять во вниманіе два обусловливающіе его первичные момента: во-первыхъ, твердое или мягкое произношеніе послѣдующаго согласнаго; во-вторыхъ, зависящее отъ того произношеніе самаго звука ε. При этомъ оказывается, что обыкновенно только широкое ε (è) и лишь весьма рѣдко тонкое (é) способно обращаться въ ο: изъ èлка происходитъ ёлка, éль же не можетъ превратиться въ ёль, и непосредственная тому причина заключается не столько въ произношеніи послѣдующей согласной, сколько въ проистекающемъ отъ того свойствѣ самаго звука ε. Это ускользнуло и отъ моего вниманія во 2-мъ томѣ «Филологическихъ Разысканій», гдѣ я разсматриваю произношеніе звука *е* какъ ο.

Упомяну еще о нѣкоторыхъ частностяхъ въ изслѣдованіи г. Хаага. На стр. 37 говорится о мульированіи (Mouillirung) русскихъ согласныхъ. Прежде уже было замѣчено мною, что я

никакъ не могу признать отвѣчающимъ сущности дѣла выраженіе «mouillirter Laut» въ примѣненіи къ русскимъ мягкимъ согласнымъ. Ссылаюсь въ томъ на «Фил. Раз.» II, 23—24 (2-е изд.).

Стр. 38: Правило, что произношеніе *е* какъ *о* явилось только вслѣдствіе ударенія, справедливо лишь въ отношеніи къ московскому нарѣчію и образованному языку. Извѣстно, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи народъ зачастую произноситъ и неударяемое *е* какъ ё. Примѣры тому приводитъ Колосовъ[1], замѣчая: «Начальное *іе* въ *йо* переходитъ въ нѣкоторыхъ словахъ независимо отъ ударенія, какъ и *е* въ *о*. Даже начальное *ѣ*, слившееся по звуку съ *е*, иногда переходитъ въ *йо*: ѣдя́, ѣзжа́ти» и проч.

Еще нѣсколько мелкихъ поправокъ. Произношеніе умёръ (стр. 38) невѣрно: это слово слышится всегда у́меръ. Вмѣсто того можно было привести здѣсь упёръ. Народъ мѣстами говоритъ: моёй, твоёй (стр. 41). Начертанія: пчёльный, пчёльникъ (47), кавёрзникъ (50), пёристый, пёра (51), вылёживать (52), бёмскій (55), рѣшётечка (60), подзёмный (74), вéтошь (83) ошибочны. Ихъ слѣдуетъ такъ исправить: пчéльный, пчéльникъ, ка́верзникъ, пери́стый, пера́, вылéживать, бѐмскій, рѣшёточка, подзѐмный, вётошь. Разчёмистый, разчёмъ — опечатки: вмѣсто *ч* слѣдуетъ читать *г*. Менѣе значительныя погрѣшности опускаю.

---

[1] Какъ-то ёло́ха, ёло́зить, дёржи́, морё, полё, воскресéньё, бѣлыё. (Обзор звуковых и формальных особенностей народнаго русскаго языка. Варшава. 1878. Стр. 71—84).

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЕННОСТЯХЪ ВЪ СИСТЕМѢ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ двухъ предыдущихъ статьяхъ: «О произношеніи буквъ *э, е, ѣ*» было показано, что въ русскомъ языкѣ звукъ ε (на письмѣ э, е, ѣ) выговаривается двояко, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нимъ твердый или мягкій звукъ.

Академикъ Бэтлингъ въ своей статьѣ: «Beiträge zur Russischen Grammatik», напечатанной въ академическомъ «Бюллетенѣ»[1], остановился между прочимъ на томъ же явленіи, подмѣченномъ имъ изъ собственнаго наблюденія. О моей замѣткѣ г. Бэтлингъ узналъ не прежде, какъ когда его разсужденіе почти все уже было набрано; разсказывая о томъ въ припискѣ къ своей статьѣ, авторъ добросовѣстно признаетъ, что я уже за нѣсколько лѣтъ до того указалъ на особенность русскаго языка, о которой, какъ думалъ онъ прежде, у насъ никто еще не упоминалъ[2].

Но у г. Бэтлинга есть другое замѣчаніе, въ которомъ я не могу вполнѣ согласиться съ нимъ. Онъ находитъ, что умягченію передъ мягкой буквой подвергается не только звукъ ε, но и другія гласныя: *а, о, у, і, ы*. Объ этомъ говорится и въ самой его статьѣ, и въ припискѣ къ ней. «Звукъ *а* въ словѣ *бани*» — сказано въ статьѣ

---

[1] Bulletin de la Classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, № 195, 196. T. IX, № 3, 4. Впослѣдствіи та же статья, въ русскомъ переводѣ, напечатана въ *Ученыхъ Записк. I и III Отд. Ак. Н.*, т. I, стр. 58.

[2] См. тамъ же, стр. 90.

г. Бэтлинга — «гораздо мягче, нежели *а* въ словѣ *бабы*, среднее *о* въ *мололи* мягче, нежели въ *молола*; такое же различіе замѣчается въ произношеніи буквы *ы* въ словахъ *была* и *были*, звука *и* въ *била* и *били*, наконецъ звука *у* въ *дула* и *дули*. Кому ухо въ этомъ случаѣ измѣняетъ, тотъ пусть наблюдаетъ положеніе рта, которое при произношеніи одного и того же слова (ба, ло, бы, би, ду) бываетъ очень различно, смотря по тому, слѣдуетъ ли за гласною мягкая, или твердая согласная. Тотъ же звукъ, какой имѣютъ *а*, *о*, *у* передъ умягченными согласными, слышится также въ двугласныхъ: ай (напр. въ *дай*), ой (напр. въ *мой*) и уй (напр. въ пожалуй). А, о, у съ предшествующими имъ умягченными согласными или по русскому правописанію: я, ё, ю, при означенныхъ условіяхъ, также измѣняются въ произношеніи: *я* въ словѣ *мяло*, если примемъ въ разчетъ умягченіе предыдущей согласной, звучитъ совершенно такъ же, какъ *а* въ *бабы*, *я* въ *мяли* — какъ *а* въ *бани*; *ё* въ *зелёный* — какъ среднее *о* въ *молола*, *ё* въ *идёте* — какъ *о* въ *мололи*; *ю* въ *люто* — какъ *у* въ *дула*, *ю* въ *люди* — какъ *у* въ *дули*» [1]. При всемъ моемъ уваженіи къ мнѣнію ученаго филолога, я не могу не замѣтить, что здѣсь слухъ его былъ обманутъ предположеніемъ между ѣ и другими гласными аналогіи, которой я при моемъ изслѣдованіи тоже искалъ, но не могъ найти, потому что дѣйствительно она въ этомъ случаѣ не существуетъ [2]. Въ приведенныхъ г. Бэтлингомъ примѣрахъ вся разница произношенія заключается въ согласной буквѣ, а не въ предшествующей ей гласной, на которую слухъ ошибочно переноситъ такое различіе. Конечно, г. Бэтлингъ и самъ сознавалъ, что предполагаемое имъ несходство произношенія помянутыхъ гласныхъ очень неявственно и сомнительно: потому-то онъ сначала разсмо-

---

[1] Русскій переводъ выписываемыхъ въ моей статьѣ мѣстъ изъ изслѣдованія г. Бэтлинга сдѣланъ мною еще до напечатанія полнаго перевода въ *Уч. Запискахъ* и потому въ выраженіяхъ обоихъ переводовъ неизбѣжна нѣкоторая разница, хотя, разумѣется, смыслъ обоихъ тотъ же самый.

[2] Или если и существуетъ, то развѣ только едва замѣтно и почти неуловимо.

трѣлъ подробно только двоякій выговоръ звука ε, о прочихъ же гласныхъ упомянулъ отдѣльно уже послѣ, и притомъ счелъ нужнымъ опереться на тонкость слуха, потребную для открытія указываемой имъ разницы въ произношеніи буквъ *а*, *о*, *у*, *і*, *ы*. Ниже надѣюсь представить ясное доказательство, что буква *е* въ приведенномъ законѣ произношенія не подходитъ подъ одну категорію съ прочими гласными.

Для этого необходимо изслѣдовать то вліяніе, какое мягкія согласныя имѣютъ на умягченіе предыдущихъ согласныхъ же; но прежде, нежели займемся такимъ изслѣдованіемъ, взглянемъ на общее содержаніе статьи г. Бэтлинга и остановимся въ ней на нѣкоторыхъ пунктахъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Она содержитъ въ себѣ два отдѣла: I. *Какіе звуки знаетъ нынѣшній русскій языкъ?* и II. *О вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предыдущую гласную*. Въ обоихъ отдѣлахъ авторъ часто оспариваетъ мнѣнія русскихъ филологовъ, и особливо Павскаго; но касательно несогласія съ послѣднимъ самъ онъ оговаривается въ выноскѣ (стр. 44), отдавая полную справедливость трудамъ нашего ученаго. «Я бы вообще совсѣмъ не сталъ выставлять слабыхъ сторонъ *Филологическихъ наблюденій* (сказано тамъ же), если бъ это сочиненіе по своимъ достоинствамъ не занимало такого высокаго мѣста въ грамматической литературѣ Русскихъ. Чѣмъ сильнѣе авторитетъ г. Павскаго, тѣмъ рѣшительнѣе должно оспаривать цѣлыя теоремы и частныя объясненія, которыя не могутъ выдержать строгой критики». Здѣсь Павскій не въ первый уже разъ встрѣчаетъ возраженіе на нѣкоторыя изъ своихъ мыслей. Особенно рѣзкую критику на многія мѣста «Филологическихъ наблюденій» находимъ мы въ книгѣ кіевскаго ученаго, Костыря: «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка». Хотя это сочиненіе не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ науки, однакожъ въ немъ есть очень вѣрныя, остроумныя замѣчанія. Г. Бэтлингъ, которому, какъ надобно думать, неизвѣстна была книга Костыря, сходится съ нимъ иногда въ своихъ сужденіяхъ. Приводя объясненіе Павскаго, будто въ глаголахъ

мыть, *крыть* и т. п. буква *о* въ настоящемъ времени явилась для замѣны *ъ*, который, ставъ на мѣсто *ы*, не могъ устоять въ серединѣ слова, г. Бэтлингъ говоритъ: «На общепонятномъ языкѣ это значитъ: гласная *ы* сокращается въ ничто (ъ), а чтобы соединиться съ личнымъ окончаніемъ, это ничто получаетъ въ помощь гласную *о*». Это замѣчаніе напомнило намъ «нигилизмъеровъ» у Костыря, который въ § 9 первой части своего труда подробно разсматриваетъ придуманный Павскимъ законъ и приходитъ почти къ тому же заключенію.

Разсматривая вопросъ, въ какой мѣрѣ русское письмо дѣйствительно соотвѣтствуетъ живой рѣчи, г. Бэтлингъ основательно замѣчаетъ, что въ нашей азбукѣ для гласныхъ по-настоящему слишкомъ много знаковъ, а для согласныхъ слишкомъ мало. Къ этой мысли приводитъ его наблюденіе, что такъ называемыя мягкія гласныя: и, я, ю, ѣ, е (ё) въ сущности не составляютъ самостоятельныхъ звуковъ, и что когда онѣ слѣдуютъ непосредственно за согласною, то собственно смягчается она, а вмѣсто этихъ гласныхъ должны бы стоять твердыя: такимъ образомъ, если разложить слова: *пуля*, *морю* на дѣйствительно находящіеся въ нихъ звуки, то выйдетъ, что надобно бы писать ихъ: *пульа*, *морьу* или *пул'а*, *мор'у*, какъ пишетъ г. Бэтлингъ, принявъ польскій способъ означенія мягкихъ согласныхъ. Та же самая мысль была уже прежде выражена русскимъ филологомъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1844 года (Т. XXXV) остроумный критикъ «Филологическихъ Наблюденій», Н. Н. (Надеждинъ), упоминая о системѣ азбуки, предложенной Сербамъ извѣстнымъ Вукомъ Стефановичемъ, въ которой буквы *я* и *ю* вовсе отброшены, а вмѣсто ихъ пишутся твердыя гласныя *а* и *у* съ предыдущимъ *ь*, примѣняетъ этотъ способъ правописанія и къ русскому языку. «При употребленіи буквъ *я* и *ю*» — говоритъ онъ между прочимъ — «мы принуждены принимать особыя правила склоненія для именъ, кончащихся на *ъ* и на *ь*, и какъ въ склоненіяхъ, такъ и въ спряженіяхъ, допускать исключенія изъ общихъ законовъ вездѣ, гдѣ встрѣчается придыханіе *й* явно или скрытно въ буквахъ *я*, *ю* и *е*.

При системѣ правописанія Вукова, тутъ не требовалось бы никакихъ оговорокъ и различеній: ибо и *конь* склонялся бы совершенно какъ *законъ*: конья, коньу, коньомъ, коньи, коньами т. д.». Совершенно къ тому же заключенію приходитъ и г. Бэтлингъ въ концѣ перваго отдѣла своей статьи. Исключивъ такимъ образомъ мягкія гласныя и введя, на мѣсто ихъ, мягкія согласныя, г. Бэтлингъ представляетъ слѣдующую таблицу звуковъ:

I. Гласныя.

а) *Одногласныя.*

1. а, о, у.
2. і, ε, ӓ (ε выражаетъ у него сжатый звукъ первой гласной въ словахъ: шея, сѣли, эти, а ӓ — широкій звукъ въ словахъ: шестъ, ѣхать, этотъ).
3. ы.

б) *Двогласныя.*

аі, оі, уі, εі (передъ й наши буквы е, ѣ, э никогда не могутъ имѣть широкаго звука ӓ, вотъ почему мы и не находимъ здѣсь сочетанія ӓі).

II. Согласныя.

а) *Простыя:*

Нѣмыя (Mutae) { твердыя: к, т, п. мягкія: г, д, б.
Носовыя (Nasales): н, м.
Придувныя (Spirantes) { полугласная: j. твердыя: х, с, ш, ф. мягкія: ҕ, з, ж, в (ҕ означаетъ мягкое г въ словахъ: Господь, благо).
Звуки л, р.

б) *Сложныя:*

α) т + с : ц.

β) т + ш : ч (щ выпущено, какъ буква составная).

γ) умяченныя посредствомъ j согласныя:

к' т' п'
г' д' б'
н' м'
х' с' ш' ф'
ꙉ' з' ж' в'
л' р'.
ц' ч'.

Ошибочно было бы однакожъ думать, будто г. Бэтлингъ отдаетъ этой азбукѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, преимущество предъ общеупотребительною: онъ свою схему считаетъ только удобнѣйшею для теоретическихъ изслѣдованій языка; что же касается азбуки кирилловской, то онъ сознается, что нельзя безъ удивленія смотрѣть на алфавитъ, который такими малыми средствами можетъ вполнѣ достигать своей цѣли, не оставляя никогда ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ согласная въ показанномъ отношеніи должна быть произносима. Помощію такъ называемыхъ мягкихъ гласныхъ *я* и *ю* и знака умягченія (ь) можно было обойтись безъ j (йотъ) и 20 особыхъ знаковъ для согласныхъ, которыя совершенно слились съ этимъ j». Предложивъ свою систему русской азбуки, г. Бэтлингъ разсматриваетъ отдѣльно каждую букву; остановимся на нѣкоторыхъ изъ частныхъ его замѣчаній.

О гласныхъ *i*, ɛ, *ä* (см. азбуку г. Бэтлинга) онъ говоритъ: «Онѣ соединяются почти исключительно съ умягченными согласными и съ j. Поэтому можно бы ихъ назвать *умягчительными* гласными. Г. Павскій полагаетъ, что *и*, *е*, *ѣ* въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ съ *к*, *г*, *х*, и съ губными буквами должны быть произносимы не мягко, а твердо. Въ переводѣ на нашъ способъ возрѣнія это значило бы, что *к*, *г*, *х* и губныя не умягчаются передъ *i*, ɛ, *ä*. По моему уху слышится умягченіе *к* въ *вѣки*, *сѣки*

и *кѣмъ*, *г*—въ *бѣги*, *х*—въ *грѣхи* и *грѣхъ*. Стóитъ только сравнить приведенное *кѣмъ* (т. е. к'ăм) съ нѣмецкимъ повелительнымъ *kämm*, вмѣсто *kämme*, чтобы убѣдиться, что фонетическое различіе обоихъ этихъ словъ заключается единственно въ томъ, что въ *кѣмъ к* выговаривается умягченно, а въ *kämm'* — неумягченно. Что въ словахъ *вѣки*, *бѣги* и *грѣхи* звуки *к, г, х* умягченные, подтверждается и произношеніемъ буквы *ѣ*, зависящимъ отъ этого умягченія».—Все это совершенно справедливо. Въ подкрѣпленіе выраженной здѣсь мысли приведемъ нѣсколько своихъ замѣчаній. Съ произношеніемъ слова *далёкія* сравните выговоръ небольшого предложенія: *далёкъ и я*. Разница большая, а въ чемъ она заключается? только въ томъ, что въ первомъ случаѣ *к* мягкое (к'), а во второмъ—твердое, или, примѣняясь ко взгляду Павскаго,—что въ первомъ послѣ *к* стоитъ *и*, а во второмъ—*ы*. Сравнимъ еще въ томъ же смыслѣ слѣдующіе примѣры: *смѣхъ и слёзы*—*смѣхи, слезы*; *нѣгъ Италіи*—*нѣги Таліи*; здѣсь различіе произношенія обнаруживается не только на буквѣ *и*, но и на *ѣ*, согласно съ закономъ, о которомъ говорено было въ началѣ нашей статьи; если бъ буквы *х* и *г* въ этихъ примѣрахъ стояли безъ умягченія, то не было бы причины выговаривать предыдущую гласную въ словахъ *смѣхи*, *нѣги* другимъ образомъ, нежели въ словахъ *смѣхъ*, *нѣгъ*. Такъ-то законъ произношенія звука *е* можетъ имѣть во многихъ случаяхъ примѣненіе, служа къ рѣшенію другихъ фонетическихъ вопросовъ. Г. Бётлингъ продолжаетъ: «Когда г. Павскій, въ опору своего мнѣнія, что буква *к* не смягчается въ словахъ *легкій*, *далекій* и *емкій*, ссылается на выговоръ предшествующаго ей *е* за *ё*, то противъ этого довода можно бы привести, что въ прилагательныхъ на *кій*—какъ г. Павскій самъ во многихъ мѣстахъ положительно замѣчаетъ—дифтонгъ произносится какъ *ой*, и въ этомъ случаѣ *к* естественно остается неумягченнымъ». Здѣсь г. Бётлингъ хотя и справедливо опровергаетъ доводъ Павскаго[1], но самъ упустилъ изъ виду, что во

---

[1] Фил. Набл. I, § 121, прим. 2.

множ. числѣ (*далекіе*, — *кихъ* и т. д.) буква *и* удерживаетъ свое собственное произношеніе: слѣдовательно основаніе возраженія должно быть другое. Въ словахъ *легкія* и *емкія* (беремъ нарочно множ. число) не можетъ быть рѣчи о вліяніи мягкаго звука на произношеніе *е*: потому что слоги *лег* и *ем* оканчиваются рѣшительно твердымъ звукомъ (лёхъ, ёмъ), — отъ чего бы это ни происходило: отъ того ли, что слѣдующее за этими слогами *к* дѣйствительно никогда не умягчается, или отъ того, что умягченное *к* не оказываетъ вліянія на предшествующую ему согласную. То же самое находимъ мы въ словахъ: *плётки*, *пелёнки*, *сёмги*, *метёлки*, *ёлки* и многихъ другихъ. Перейдемъ къ слову: *далёкія*. Павскій думаетъ, что тутъ *ё* слышится потому, что за нимъ въ сущности слѣдуетъ не *ки*, а *къи* (кы). Отъ вниманія Павскаго укрылось, что звуковъ *ё* не такъ-то рѣдко кончается слогъ, за которымъ слѣдуетъ мягкій звукъ; для примѣра приведемъ слова: *тё-тя*[1], *тё-тенька*, *Лё-ля*, *рублё-викъ*, *конё-вій*, *Слё-нинъ*, въ *клё-нѣ*, *чернозё-мѣ*, *ведё-те*, о которыхъ никакъ нельзя сказать, чтобы въ нихъ буквы *т*, *л*, *в*, *н*, *м* оставались безъ умягченія передъ гласными *я*, *и*, *і*, *ѣ*, *е*. Итакъ приведенное Павскимъ обстоятельство въ подтвержденіе мысли его, будто *и* послѣ *г*, *к*, *х*, нельзя считать за мягкую букву, не есть доказательство. Впрочемъ, и одинъ слухъ уже достаточно убѣждаетъ, что *ги*, *ки*, *хи* произносятся совсѣмъ не такъ, какъ еслибъ было написано *гы*, *кы*, *хы*, — звуки, которые можно слышать только при сліяніи *ера* въ концѣ слова съ буквою *и* въ началѣ слѣдующаго; примѣры тому мы уже представили. По нашему мнѣнію, *и* произносится какъ *ы* (или почти какъ *ы*) только послѣ буквъ *ж*, *ш*, *ц*, да и то не всегда, или другими словами, только они могутъ оставаться неумягченными передъ звуками *и*, ε. Это видно въ словахъ *невѣ-жи*, *лѣ-шій*, *цифра*. Въ послѣднемъ словѣ ясно слышится *ы*, въ двухъ первыхъ присутствіе его послѣ *ж* и *ш* доказывается широкимъ выговоромъ гласной *ѣ*, которая передъ *і* должна бы

---

[1] Въ словаряхъ находимъ: *тета*, но этому противорѣчитъ живой языкъ.

быть произносима сжато; надобно впрочемъ замѣтить, что иногда ее въ самомъ дѣлѣ такъ произносятъ въ этихъ словахъ; вотъ почему мы и говоримъ, что *ж* и *ш* только *могутъ* оставаться безъ умягченія передъ гласными *и*, *ѣ*. При этомъ нельзя оставить безъ вниманія противорѣчіе, которое находимъ у Павскаго въ разсужденіи буквы *ц*. Въ одномъ мѣстѣ (I, стр. 65) сказано: «хотя нынѣшнее правописаніе въ угодность уху допустило при *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и *ц* твердыя гласныя, смыслъ долженъ видѣть въ сихъ гласныхъ мягкія. Хотя пишемъ, *отецъ*, *стражъ*, *мечъ*, *юноша*, *рощу*, но долженъ воображать *отецьь*» и т. д. Въ другомъ мѣстѣ (I, стр. 91) напротивъ читаемъ: «Сказанное о небныхъ буквахъ *гкх* во всей силѣ относится и къ зубной буквѣ *ц*. И она не терпитъ послѣ себя ѣ-я и передъ нимъ измѣняется на *ч*. Буква *ц* есть то же, что *кь* (ср. § 52). И слѣд. по приложеніи къ ней другаго ѣ-я вышло бы стеченіе двухъ ѣ-ей». Если такъ, то зачѣмъ же намъ вмѣсто *отецъ* воображать *отець*, которое, по 2-му изъ приведенныхъ мѣстъ, то же что *отечь?* Ссылка на § 52-й не разрѣшаетъ этого противорѣчія, хотя здѣсь авторъ «Филолог. Набл.» и признаетъ какое-то колебаніе буквы *ц*, находя, что она иногда допускаетъ послѣ себя мягкія гласныя, а иногда нѣтъ: «слоги *ци*, *це*», замѣчено тамъ, «часто видимъ на бумагѣ, а *ця*, *цю* никогда не слышны въ разговорѣ, и не показываются на письмѣ». Послѣ разсмотримъ мы подробнѣе натуру буквы *ц*, а теперь удовольствуемся предложенными замѣчаніями, такъ какъ предмета этого не возможно исчерпать до тѣхъ поръ, пока не обратимся къ взаимному соотношенію мягкихъ согласныхъ, предыдущихъ съ послѣдующими. Тогда займемся также звукомъ *ч* и увидимъ, справедливо ли Павскій утверждаетъ, будто послѣ *ч*, равно какъ и послѣ *ж*, *ш*, всегда слышится *ы* вмѣсто *и*, означаемаго на письмѣ.

Мы совершенно согласны съ г. Бэтлингомъ, что у звукосочетаній *ай*, *ой* и т. п. никакъ нельзя отнять названія *дифтонговъ*. Справедливо замѣтилъ онъ также, что русскому языку не свойственны двоегласные *ый*, *ій*, которыхъ мы всячески избѣгаемъ, и что вообще языкъ не любитъ двоегласныхъ въ замкнутомъ слогѣ

(in geschlossener Silbe). Сверхъ приведенныхъ имъ примѣровъ этихъ особенностей, надобно упомянуть о прилагательныхъ съ удареніемъ на окончаніи: *кривой*, *глухой* (вм. — ый, ій), также о словахъ: *змѣй*, *соловей*, *воробей*, *Сергѣй*, *лей*, *бей* и др., которыя образовались у насъ изъ первоначальныхъ *змій* и т. д. Дифтонгъ *ій* сохраняется только въ словахъ *витійство*, *убійство* (— ца), *кровопійца*, да въ род. пад. мн. числа такихъ именъ сред. рода, какъ *имѣніе*, *усиліе* и пр., и женскихъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ: *стихія*, *претензія* и т. д.

Переходя къ согласнымъ буквамъ, авторъ статьи въ «Бюллетенѣ» начинаетъ свои замѣтки съ *г*. Нельзя не одобрить, что онъ отличилъ особымъ знакомъ тотъ звукъ этой буквы, который у насъ соотвѣтствуетъ греческому густому дыханію въ именахъ *Гомеръ*, *Гекторъ*, а также слышится въ нѣкоторыхъ русскихъ словахъ, какъ-то *Господь*, *благо* и проч. Надобность въ отличеніи этого звука призналъ и упомянутый нами прежде критикъ «Филологич. Набл.» въ Отеч. Запискахъ, помѣстивъ въ своей схемѣ, сверхъ Г (= g), еще особое Г (= h). Г. Бэтлингъ пошелъ далѣе и отмѣтилъ этотъ звукъ знакомъ ҕ[1], тѣмъ самымъ, который акад. Шегренъ ввелъ для осетинскаго языка, а самъ авторъ употребилъ впослѣдствіи для якутскаго. У насъ, за неимѣніемъ въ языкѣ латинскаго и нѣмецкаго *h*, звукъ ҕ по необходимости заступаетъ мѣсто этого *h*; но конечно г. Бэтлингъ правъ, говоря, что ҕ по выговору гораздо ближе соотвѣтствуетъ нѣмецкому *g* въ *wagen*, *wogen*, *Jugend*. Въ соотвѣтствіе буквѣ ҕ авторъ справедливо поставилъ х. Въ доказательство этого приведу съ своей стороны, что когда слово въ именит. падежѣ кончается на *г*, имѣющее звукъ *х*, то въ косвенныхъ падежахъ онъ превращается въ ҕ, напр. *Богъ*, *Бога*; *Петербургъ*, — *га*, *гу*; *Лейпцигъ*, — *га*, точно такъ же, какъ заключительное *г*, имѣющее въ имен. падежѣ

---

[1] Срезневскій употреблялъ для этого звука также особый знакъ *г*'. См. его статью: «О сродствѣ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ». Журн. М. Н. Пр., т. XLVIII. Тотъ же звукъ г. Катковъ пишетъ ѓ («Объ элем. и фор. славяно-рус. языка»).

звукъ *к*, въ косвенныхъ падежахъ слышится какъ чистое *г: врагъ, врага, лугъ, луга*[1]. Замѣчу еще, что передъ *д* буква *г* звучитъ всегда какъ ҕ, напротивъ передъ *т*—какъ *х:* сравнимъ нарѣчія *когда, тогда, гдѣ* и проч. съ именами *ногти, когти.* Есть два слова, въ которыхъ коренная буква *к* по требованію выговора превратилась въ *г*, но приняла такое же различное произношеніе, смотря по слѣдующей согласной; эти два слова *гдѣ* (вм. кдѣ) и *мягкій* (вм. мягкій). Изъ взаимнаго соотвѣтствія буквъ ҕ и х г. Бэтлингъ вывелъ интересное заключеніе касательно истиннаго выговора *г* въ старо-славянскомъ языкѣ: такъ какъ *х* посредствомъ умягченія превращалось въ *с* и *ш*, а *г*—въ *з* и *ж*, то весьма естественно принять, «что въ этомъ языкѣ *г* было соотвѣтственнымъ мягкимъ звукомъ не *к*, а *х*, и что у Русскихъ звукъ *г* образовался уже въ позднѣйшее время изъ ҕ. Потому насъ не должно поражать, что Малороссіяне до сихъ поръ произносятъ *г* какъ ҕ». Такимъ образомъ буквѣ *к* въ старо-сл. языкѣ не соотвѣтствовало *г*, и этимъ объясняется, почему послѣднее не умягчилось въ *дз* и *дж* подобно тому, какъ *к* получило свое двоякое умягченіе *ц* (тс) и *ч* (тш). «Въ польскомъ языкѣ» (говоритъ г. Бэтлингъ), «гдѣ звукъ *г* болѣе укоренился, нежели въ русскомъ, умягченіемъ *ц* дѣйствительно является соотвѣтствующее ему *дз*: такъ слово *noga* въ дат. и мѣстномъ падежѣ имѣетъ *nodze*».

Въ одномъ примѣчаніи мимоходомъ упоминается о произношеніи гласной *о*, когда на ней нѣтъ ударенія. «Г. Срезневскій»— сказано тутъ—«считаетъ это *о* за звукъ, стоящій посрединѣ между *а* и *о*, и отличаетъ его знакомъ â. Я—продолжаетъ г. Бэтлингъ—при всемъ моемъ стараніи, не могъ подмѣтить никакого различія между *о* безъ ударенія и такимъ же *а*». Въ этомъ случаѣ онъ опять расходится и съ авторомъ «Филолог. Набл.», который также говоритъ (I, § 113), что въ произношеніи *о* безъ ударенія слышится что-то среднее между *о* и *а*: «*олень, говорю* и

---

[1] Сюда же относятся прилагательныя: благъ (х), блага, го (ҕа ҕо), нагъ (к), нага, го и др., и происшедшія отъ нихъ существительныя блаҕость, нагота.

пр. Не произносимъ прямо *аленъ, гаворю*, но вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгаемъ яснаго выговора *о*». При этомъ спрашивается: тѣ, которые не признаютъ тожества выговора *о* безъ ударенія и *а*, не отъ того ли принимаютъ средній звукъ, что при повѣркѣ *о* буквою *а* они повышаютъ голосъ на послѣдней, такъ что она слишкомъ рѣзко слышится? Не имѣетъ ли *а* безъ ударенія также какого-то средняго звука, и не отъ того ли происходитъ, что природные Русскіе, у которыхъ, слѣдовательно, надобно предполагать самый утонченный въ своемъ языкѣ слухъ, нерѣдко пишутъ различно одни и тѣ же слова, напр. *рости* и *расти*, *рождать* и *раждать*, *догорать* и *догарать*, *козакъ* и *казакъ*, *олтарь* и *алтарь*. Предоставляю еще на судъ читателей рѣшить, различается ли чѣмъ-нибудь выговоръ *о* и *а* въ словахъ: *умоляю* и *умаляю*, *притворю* и *предварю*, *разорю* и *озарю*, *наколю*, и *накалю* (только надобно выговаривать, какъ всегда, т. е. умāля̄ю, а не умӑля̄ю). Г. Бётлингъ не останавливается, впрочемъ, на сродствѣ звуковъ *а* и *о*, о которомъ и Павскій упомянулъ только вскользь, но это сродство заслуживало бы болѣе вниманія. Замѣчательно, что *а* съ удареніемъ у насъ иногда произносится какъ *о*, и это не въ одномъ только родит. падежѣ прилагательныхъ (*молодаго*, *большаго*). Павскій, замѣтивъ только этотъ послѣдній случай, объясняетъ его «предположеніемъ, что гласная *а* для сокращенія выпала, и мѣсто ея, какъ слѣдуетъ, заняли ея мѣстоблюстители, послѣ твердыхъ согласныхъ—*ъ*, а послѣ ж ч ш щ—*ь*, которыя по всѣмъ правамъ превратились потомъ въ бѣглое *о*». Этимъ предположеніемъ не объяснятся другіе случаи превращенія *á* въ *ó*. Въ глаголѣ *платить* буква *а* принадлежитъ къ корню; но какъ скоро на нее перейдетъ удареніе, мы говоримъ: *плóтишь*, *плóтитъ*, *заплóчено*, хотя по упрямству грамоты и пишемъ все-же *а*. Правда, такое превращеніе въ этомъ словѣ слышится не всегда, но къ нему слухъ народный обнаруживаетъ рѣшительную наклонность: такъ точно мы въ простонародномъ быту нерѣдко слышимъ: *кóтишь* вмѣсто *кáтишь*, *посóдитъ* вм. *посáдитъ*, а иногда еще *подóришь*, вм. *подаріішь*, *вóлишь*, *вóришь*, *тóщишь*, вм. *вáлишь*, *вá-*

ришь, та́щишь; слово *заря́*, при переходѣ ударенія на первый слогъ, измѣняется въ *зо́рю; кайма* въ род. множ. числа имѣетъ *ко́ймъ.* Бываетъ и наоборотъ, что когда *о* при видоизмѣненіи слова получитъ удареніе, то эта гласная уступаетъ мѣсто буквѣ *а́*. Такъ изъ *смотрѣть, удобрять, колоть* образовались: *разсма́тривать, уда́бривать, раска́лывать.* Случается иногда и просто, что *о́* переходитъ въ *а́:* такъ *настра́ивать* получилось изъ *стро́ить.* Всѣ эти явленія не могутъ быть объяснены ничѣмъ инымъ, какъ тѣснымъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ родствомъ гласныхъ *а* и *о*. Замѣна ихъ одна другою встрѣчается иногда и при умягченныхъ согласныхъ, или, другими словами, *я* превращается въ *ё:* вмѣсто *тре́тьяго дня* говорятъ *третёва дня*, вм. *запря́гъ*— *запрёгъ*, вм. *затря́сся* — *затрёсся.* Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ еще, что иногда предлогъ *раз*, когда на *а* упадаетъ удареніе, превращается въ *ро́з*, а предлогъ *по́* въ *па́:* вм. *ра́зняли* говорятъ *ро́зняли*, вмѣсто *ра́зобрало*—*ро́зобрало*, вм. *ра́зсказни*— *ро́зсказни*, вм. *по́губа* — *па́губа;* въ Тамбовской губерніи землянику называютъ *па́земкой* (не *поземкой*)[1].

До сихъ поръ мы въ статьѣ г. Бэтлинга касались только такихъ пунктовъ, которые болѣе или менѣе въ связи съ предметомъ нашего собственнаго изслѣдованія. Теперь мы могли бы уже перейти къ главной цѣли нашей; но, встрѣтивъ у г. Бэтлинга одну весьма смѣлую этимологическую догадку, требующую ближайшаго разсмотрѣнія, мы сперва займемся ею. Говоря объ умягченіи губныхъ согласныхъ (п, б, м, в) посредствомъ звука *л*, авторъ разбираемой статьи увлекается мыслію, что *л* явилось этимъ путемъ не только въ глаголѣ *плевать*, но и въ словахъ *слюна*, въ которомъ будто бы передъ *л* выпала буква *п*, и такимъ образомъ онъ доходитъ до заключенія, что эти два слова принадлежатъ къ одному корню. Вотъ его доводы: «Латинскому глагольному корню *spu*-o соотвѣтствуетъ въ готскомъ языкѣ *pseiv*-an, въ новомъ верхне-нѣмецкомъ *spei*-en, въ литовскомъ *spjau*-ju,

[1] Слышано мною въ селѣ Мохоновѣ. По-польски земляника — poziomka, poziemka.

въ латышскомъ *spłau*-ju[1]. Сличая всѣ эти формы, невольно приходишь къ мысли, что *плевашь* и *слюна* принадлежатъ къ тому же латинско-нѣмецко-литовскому корню, что *сплеватъ* потеряло *с* въ началѣ, а *слюна* — *п* между двумя согласными (ср. *усну* вмѣсто *успну*). *Сплюна* могло составиться изъ *сплевана*, стрд. причастіе жен. р. отъ *сплеватъ*»[2].

Что въ словѣ *плеватъ* буквы *пл*, каждая сама по себѣ, принадлежатъ къ корню, въ этомъ убѣждаетъ общее въ языкѣ явленіе, что губныя буквы умягчаются съ помощію *л* только въ окончаніяхъ, люблю, грабли, земля, конопля, журавль. Въ подтвержденіе своей мысли г. Бэтлингъ ниже приводитъ слово *плечо* «которое» — говоритъ онъ — «едва ли можно отдѣлить отъ литовскаго pétis, péczio»; но онъ упустилъ изъ виду, что во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, даже и въ тѣхъ, которыя не приняли умягченія губныхъ буквъ посредствомъ *л*, слова *плечо* и *плеватъ* начинаются одними и тѣми же коренными звуками *пл*; для примѣра приведемъ изъ польскаго языка *plecy* (плечи), *pluć*, *plwać* (плевать), хотя слова: *люблю*, *грабли*, *земля*, *конопля* и *журавль* встрѣчаемъ такъ же въ формѣ: *libię*, *grabie*, *ziemia*, *konop* (мн. ч. *konopie*) и *żóraw*. Не касаясь еще вовсе слова *слюна*, посмотримъ теперь, дѣйствительно ли глаголъ *плеватъ* можетъ быть отнесенъ къ одному корню съ латинскимъ *spuo* и нѣмецкимъ *speien*. Правда, и Дифенбахъ, въ своемъ сравнительномъ готскомъ Словарѣ[3], сближаетъ съ этими словами славянскія pljuą, plyvati и проч., но онъ вообще слишкомъ щедръ на сближенія часто вовсе неосновательныя, и въ этомъ случаѣ также ошибается. Spuo, speien соотвѣтствуетъ греческому πτύω, которое ходило также въ видѣ ψύω; перестановкою ps (=ψ) объясняется близкое родство этого слова съ приведенными. Славянское *плеватъ*, напро-

---

[1] Въ латышскомъ языкѣ перечеркнутое ł означаетъ не твердое л, какъ въ польскомъ, а напротивъ умягченное. Прим. г. Бэтлинга.

[2] Bulletin, стр. 55.

[3] L. *Diefenbach*. Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache, 1852. 2-ter Band, s. 295.

тивъ, есть одинъ изъ многочисленныхъ отпрысковъ корня, который пустилъ вѣтви по всѣмъ языкамъ индо-европейскаго происхожденія. Санскритскій корень प्लु (plu, ходить, плавать, течь) является въ греческомъ языкѣ въ двухъ видахъ: какъ πλέω и какъ φλέω, которые въ славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ не знающихъ буквы ф, должны были опять возвратиться къ первоначальному единству. Такъ и въ русскомъ языкѣ мы находимъ обѣ эти вѣтви съ одними согласными *пл*, но въ значеніи словъ этого корня замѣтно у насъ то же раздвоеніе. Такимъ образомъ мы съ одной стороны имѣемъ *плыть* (πλέω) съ его производными, а съ другой, между прочимъ, *плакать* (flere) и *плевать*. Во взаимномъ родствѣ послѣднихъ двухъ словъ мы легко убѣдимся, если вникнемъ въ разнообразныя значенія греческаго глагола φλέω и словъ, отъ него происшедшихъ. Онъ не только значитъ *течь*, *изливаться*, *бить ключемъ*, *изобиловать* (какъ вообще, такъ и въ особенности, говоря о тѣлѣ человѣческомъ, изобиловать соками и слизями); но, какъ глаголъ дѣйствительный, выражаетъ еще слѣдующее: *лить*, *изливать*, вообще *извергать*, съ *усиліемъ изъ себя выбрасывать*, когда рѣчь идетъ объ изверженіи *кипящихъ жидкостей*, *о рвотѣ* и т. п. Изъ основного понятія: течь, изливаться, проистекли латинскіе глаголы: fluo, pluo, fleo[1]. Сюда же должно отнести и наши слова *плевать* и *блевать*, которыхъ значеніе находится въ самой тѣсной связи съ заключающимися въ глаголѣ φλέω понятіями. Родство съ нимъ обоихъ русскихъ словъ тѣмъ очевиднѣе, что и въ греческомъ языкѣ производный глаголъ φλύω (почти однозначащій съ φλέω) принимаетъ иногда форму βλύω (въ доказательство происхожденія гл. плакать можно бы еще привести старо-слав. гл. плакати, lavare, и соотвѣтствующій ему по значенію греч. πλύνειν).

Рейфъ подошелъ довольно близко къ истинѣ, поставивъ въ параллель съ нашими двумя словами греческое φλύζειν, но онъ напрасно выбралъ эту малоупотребительную форму глагола φλύω,

[1] *Passow*. Handwörterbuch der griechischen Sprache. Leipzig, 1831. 2-ter Band. См. φλέω.

тогда какъ надобно было непремѣнно выставить коренное φλέω. Другую ошибку, которую указываетъ и г. Бэтлингъ, сдѣлалъ Рейфъ, помѣстивъ сперва *блевать*, а уже подъ нимъ *плевать*, между тѣмъ какъ слѣдовало поступить наоборотъ: потому что *бл* есть явное усиленіе первоначальнаго звука *пл*. *Плевать* и *блевать* находятся между собой въ такомъ же соотношеніи, какъ звукоподражательныя слова: *пискъ* и *визгъ*, *прыскъ* и *брызгъ*, *свистъ* и *звиздъ*. Послѣднія два соотвѣтствія приняты и Рейфомъ, только опять не въ надлежащемъ порядкѣ; слова́ же *пискъ* и *визгъ* представлены какъ имъ, такъ и Шимкевичемъ, каждое въ видѣ особаго корня. Что касается взаимнаго родства глаголовъ *плевать* и *блевать*, то оно видно уже изъ самаго значенія ихъ, которое въ германскихъ языкахъ соединяется въ одномъ словѣ. Наконецъ, касательно φλέω, какъ ключа для обоихъ нашихъ глаголовъ, нельзя умолчать объ аналогіи его съ ἐρέω, обнаруживающейся тѣмъ, что въ переносномъ смыслѣ какъ тотъ, такъ и другой означаютъ: *болтать*, *врать*, *говорить вздоръ*.

Сказаннаго, кажется, достаточно для удостовѣренія, что герман. глаголъ *speien* и славянскій *плевать*, по происхожденію, чужды одинъ другому; признать между ними этимологическое соотношеніе было бы то же, что признать родство между греческими словами πτύω и φλέω, а это было бы противно всѣмъ основнымъ законамъ словопроизводства. Въ разсужденіи латышскаго spľauju замѣтимъ, что его надобно сблизить съ славянскимъ, а не съ германскимъ корнемъ, и что оно въ началѣ передъ *p* приняло прибавочное *s* — явленіе, нерѣдкое и въ другихъ языкахъ, а въ латышскомъ весьма обыкновенное[1].

---

[1] Боппъ производитъ слово sprechen отъ санскр. brav, объясняя это такъ: «durch Erhärtung des *v* und *den Vorsatz eines dem p befreundeten s*». (Vergl. Gramm., стр. 125). Вотъ примѣры латышскихъ словъ, принявшихъ въ началѣ S передъ *p*: Spigga (фига; буквы ф нѣтъ въ латышскомъ языкѣ), Spohdrs (чистый; санскр. pûtas; латин. putus, фин. puhdas), Spizzeht (печатать), Spreddikis (проповѣдь, Predigt). Что касается литовскихъ словъ: spjauju и péczio, то мы на этотъ разъ удержимся отъ разсмотрѣнія ихъ, которое повело бы насъ слишкомъ далеко.

Перейдемъ теперь къ слову *слюна́*. Г. Бэтлингъ полагаетъ, что первоначальная его форма—*сплевана* и что между *с* и *л* выпало *п*. Не забудемъ, что онъ признаетъ здѣсь *л* только знакомъ умягченія *п*. Это былъ бы безпримѣрный въ русскомъ языкѣ процессъ словообразованія. Да и зачѣмъ бы здѣсь выпасть буквѣ *п*? сочетаніе *спл* совсѣмъ не трудно для выговора, доказательствомъ чего можетъ служить глаголъ *сплю*, гдѣ *л* именно составляетъ необходимое умягченіе *п*. Въ примѣръ опущенія этой послѣдней буквы г. Бэтлингъ приводитъ слово ус(п)*нуть*; но тутъ она выпала, какъ выпадаютъ на ея мѣстѣ и другія согласныя передъ глагольнымъ окончаніемъ *нуть*, наприм. въ *ки*(*д*)*нуть*, *дви*(*г*)*нуть*, *оку*(*п*)*нуть*, *г*(*б*)*нуть* и проч. Далѣе, какъ могло бы страдательное причастіе женскаго рода съ *усѣченнымъ* окончаніемъ явиться въ видѣ существительнаго? Это былъ бы опять единственный случай въ языкѣ. Къ попыткѣ объяснить такимъ образомъ слово *слюна* привело г. Бэтлинга то, что до сихъ поръ оно бюло объясняемо слишкомъ неудовлетворительно. Рейфъ въ Словарѣ своемъ поставилъ при этомъ словѣ въ скобкахъ: *de соль*, *sel?* а Павскій полагаетъ, что въ разсматриваемомъ словѣ *н* заступаетъ мѣсто придыханія *в* и прибавляетъ: *слюна = Лат. saliva* (Фил. Набл. II, стр. 147). Надобно помнить, что, кромѣ приведенной здѣсь формы и другой очень употребительной въ просторѣчіи: *слю́ни*, слово это имѣетъ еще третью: *слина*, и вотъ настоящая первоначальная его форма, что́ видно изъ сравненія всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Я думаю, что оно должно быть поставлено въ параллель совсѣмъ не съ латинскимъ *saliva*, а съ весьма сходнымъ по звукамъ и по значенію словомъ, существующимъ во всѣхъ германскихъ языкахъ. Въ самомъ дѣлѣ сличимъ —

У Славянъ:

слина (старо-сл.), *slina* (хорут., польск. и чеш.), *szlina* (нижнелуж.), *ssljene* (верхнелуж.), *сли́не* (серб.), *слюна* (лит.-русск.) и проч.

У Германскихъ народовъ:

slîm, *slîhmo* (старо-нѣм.), *slim* (исл., англо-сакс. и дат.), *slem* (швед.), *schleim* (нов.-верхнегерм.), *sliem* (нижне-герм.), *slime* (анг.) *sloom* (аллем.) и проч.

По значенію, германское *slîm* весьма близко къ нашему *слина*, означая въ особенности мокро́ту, но сверхъ того и вообще влажность, отдѣляющуюся какъ изъ растеній, такъ и изъ слизистыхъ оболочекъ тѣла животныхъ. Какъ родственны между собою значенія того и другого слова, видно между прочимъ изъ того, что мы находимъ ихъ соединенными въ одномъ польскомъ словѣ, именно въ существительномъ *flegma*, заимствованномъ изъ греческаго языка, но которое, сверхъ первоначальнаго своего значенія (мокро́та), приняло у Поляковъ еще смыслъ: «влага, слизь, вязкая матерія, слюна»[1]. То, что мы въ германскомъ словѣ слышимъ букву *м*, а въ славянскомъ *н*, не можетъ препятствовать намъ признать ихъ родство: мы знаемъ, что буквы *м* и *н* часто замѣняютъ одна другую; давно уже наше *цѣна* отнесено къ одному корню съ греческимъ τιμή, и въ собственномъ нашемъ языкѣ довольно примѣровъ тѣсной связи буквъ *м* и *н*; сто́итъ только обратить вниманіе на: *мы* и *насъ*: *мимо* и *миновать*, *простолюдимъ* и *простолюдинъ* и проч. Сближеніе имени *слюна* съ приведенными германскими ясно доказываетъ, что оно вовсе не одного корня съ глаголомъ *плевать*, въ подтвержденіе чего можно привести еще и то, что оно не у всѣхъ Славянъ имѣетъ даже и значеніе, близкое къ понятію этого глагола: такъ у Сербовъ *сли́не* соотвѣтствуетъ латинскому *mucus*[2].

Мнѣ остается, наконецъ, поговорить о вліяніи умягченныхъ согласныхъ на предшествующія имъ согласныя же. Объ этомъ г. Бэтлингъ замѣчаетъ: «Трудно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ такое вліяніе имѣетъ мѣсто и въ какихъ не имѣетъ. Письмо только тогда означаетъ подобное измѣненіе предыдущей согласной, когда оно въ состояніи употребить для измѣненнаго звука особый знакъ, какъ наприм. въ словахъ: *шлю*, *умерщвленъ* и т. д. Когда же измѣненіе ограничивается однимъ умягченіемъ, которое мы выше отмѣтили знакомъ тонкаго дыханія, то на письмѣ оно обыкно-

---

[1] Словарь польско-россійскій Д. Бартошевича. Варшава, 1841.
[2] Сербскій Словарь Вука Стефановича Караджича. Вѣна, 1818.

нвено остается неозначеннымъ. Такъ пишутъ наприм. *есть*, *пѣсня*, *мысль*, хотя произносятъ *есьтъ*, *пѣсьня*, *мысьль*. У Поляковъ въ этомъ отношеніи болѣе точности: они пишутъ: pieśń и myśl; въ jest они обѣ согласныя выговариваютъ твердо. При *л* и *н* умягченіе означается потому, что тутъ оно слышится всего яснѣе»[1]. Въ концѣ статьи авторъ возвращается къ этому предмету и разсуждаетъ о необходимости означать на письмѣ умягченіе одной согласной передъ другою, находя между прочимъ, что въ противномъ случаѣ «написанное слово слишкомъ неполно изображаетъ произносимое и можетъ легко подать поводъ къ невѣрному выговору, такъ какъ въ сомнительныхъ случаяхъ всякій готовъ тотчасъ сослаться на письмо, какъ на сильный авторитетъ. Случается даже, что въ иномъ словѣ, какъ *первый*, передъ неумягченною согласной стоитъ умягченная, но которая на письмѣ не означена какъ таковая». Предвидя однакожъ, что означеніе умягченныхъ согласныхъ на письмѣ будетъ сочтено затруднительнымъ, г. Бэтлингъ предлагаетъ, «чтобы по крайней мѣрѣ въ толковомъ словарѣ (thesaurus) и въ подробной грамматикѣ русскаго языка рядомъ съ обыкновеннымъ правописаніемъ, когда оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ произношенію, въ скобкахъ присовокупляемо было другое болѣе точное, которое разрѣшало бы всякое сомнѣніе».

Справедливость этихъ замѣчаній никто не станетъ оспаривать; но намъ кажется, что упоминаемое г. Бэтлингомъ затрудненіе всего лучше будетъ устранено, если теорія языка опредѣлитъ, въ какихъ именно случаяхъ однѣ согласныя умягчаются передъ другими умягченными. Вмѣстѣ съ авторомъ разсматриваемой статьи мы сознаемъ трудность этой задачи; но трудность не есть еще невозможность, и мы попытаемся показать здѣсь, что такое умягченіе постоянно происходитъ въ извѣстныхъ только случаяхъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и постараемся исчислить.

Сравнивая одни слова съ другими, мы находимъ, что не всѣ

[1] Bulletin, стр. 56.

согласныя въ одинаковой степени подвергаются умягченію отъ вліянія стоящихъ за ними умягченныхъ. Наприм. въ словѣ *томленіе м* остается твердымъ, несмотря на то, что *л* умягчилось; напротивъ въ словѣ *если с* не можетъ быть произнесено иначе, какъ мягко (сь). Всего легче подвергается такому вліянію *р*, потомъ *н*, *з*, *с*, далѣе *д* и *т*, наконецъ губные звуки.

Въ слѣдующихъ за симъ замѣчаніяхъ знакъ ' будетъ служить отличіемъ умягченныхъ согласныхъ.

1. Общій для всѣхъ согласныхъ законъ есть тотъ, что въ случаѣ удвоенія одной изъ нихъ предыдущая принимаетъ характеръ послѣдующей, т. е. если умягчена вторая, то умягчается и первая. Такъ слова́: *плѣнникъ*, *аллея*, *Россія*, *итти* произносятся какъ будто бъ было написано: *плѣньникъ*, *альлея*, *Росьсія*, *итьти*. Законъ этотъ остается въ своей силѣ и тогда, когда удвоеніе согласной оказывается только въ выговорѣ, а не на письмѣ, т. е. *д* умягчается передъ *т*', и *з* передъ *с*': *подтянуть*, *разсъянъ*.

2. *Умягченіе буквы* р. Прежде всего мы должны замѣтить, что произношеніе нѣкоторыхъ буквъ зависитъ не только отъ слѣдующей за ними умягченной *согласной*, но въ то же время и отъ стоящей впереди *гласной:* если передъ ними звукъ ε, то онѣ иногда умягчаются и въ такомъ случаѣ, когда послѣдующая согласная сама по себѣ не могла бы имѣть на нихъ такого вліянія. Къ числу этихъ буквъ принадлежитъ и *р*, а потому надобно разсмотрѣть:

а) умягченіе *р* независимо отъ предыдущей гласной,
б) умягченіе *р* послѣ звука ε.

а) Независимо отъ гласной, эта буква можетъ умягчаться предъ всѣми согласными, за исключеніемъ *к*', *ж*', *ш*', но только ея умягченіе въ этомъ случаѣ рѣдко бываетъ полное, и потому не всегда даже соблюдается. Смягченіе *р* очень замѣтно въ словѣ *скорбь*, но оно шатко въ словахъ: *сгорбиться*, *армія*, *кормить*, *сварливый*, *портить*, *корзина*, *соловарня*, *спорщикъ* и пр. Напротивъ *р* вовсе не умягчается въ словахъ: горки, Турки, торжище, старшій.

б) За то предыдущіе *е* или *ѣ*, особливо когда на нихъ удареніе, оказываютъ на *р* самое рѣшительное вліяніе. При ихъ участіи *р* произносится мягко:

1) передъ губными: *б', п', в', ф', м':* Сербія, свербѣть, терпитъ, черви, верфь, Пермь, терминъ;

2) передъ *л', н':* стерлядь, сверлить, чернь, терніе;

3) передъ *д', т':* твердь, жерди, че́рти, чертить, смерть;

4) передъ *з', с':* верзило, перси;

5) передъ *ж', ч', ц':* стержень, смерчь, довѣрчивъ; терцина.

Примѣчаніе. Удареніе на *е, ѣ* усиливаетъ вообще умягченіе согласныхъ, подверженныхъ вліянію слѣдующихъ за ними мягкихъ звуковъ. Двоякое произношеніе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ здѣсь словъ будетъ объяснено ниже.

6) передъ *г, к, х.* Звукъ *ер* часто умягчается передъ этими тремя буквами даже и тогда, когда онѣ сами не принимаютъ умягченія. Мы выговариваемъ *р* мягко въ словахъ: *Четвергъ, церковь, коверкать, верхъ, верхомъ,* точно такъ же какъ въ именахъ *Сергій, Аверкій.* Такому же умягченію *ер* подвергается иногда и передъ губными буквами: *в, б, п:* этотъ звукъ обыкновенно произносятъ мягко въ словѣ *первый,* и еще, хотя не такъ часто, въ *верба* и *Серпуховъ*[1].

Особенная измѣняемость буквы *р* въ произношеніи показываетъ, какимъ вѣрнымъ тактомъ руководствовался изобрѣтатель славянской азбуки, когда онъ для наименованія знаковъ ъ и ь избралъ именно эту, а не другую какую-либо согласную. Соединивъ, въ этомъ названіи, съ буквою *р* гласную *е*, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ въ своей азбукѣ различное произношеніе послѣдней, смотря по тому, слѣдуетъ ли за нею твердый или мягкій звукъ: ибо это различіе нигдѣ не можетъ слышаться яснѣе, какъ въ слогахъ *ѐръ* и *е́рь*.

---

[1] Въ Москвѣ многіе, какъ мы сами слышали, говорятъ *Серьпуховскія ворота.*

3. *Умягченіе буквы н.*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, *н* умягчается:

1) передъ *д'*, *т'*: индѣ, Исландія, крендель; франтить, пентюхъ, зонтикъ;

2) передъ *ч'*, *щ'*: кончикъ, вѣнчикъ, нынче; обманщикъ, женщина, деревенщина;

3) передъ *ц'*: Франція, провинція, индульгенція.

б) Послѣ гласной *е* буква *н* умягчается, когда слѣдуетъ *з'* или *с'*: вензель, претензія, пенсія.

4. *Умягченіе буквы з, с:*

1) передъ *д'*, *т'*: ѣздить, гвозди, грузди; расти, есть, гости;

2) передъ *л'*: возлѣ, лѣзли, вязли; отрасль, гусли, послѣ;

3) передъ *н'*: жизнь, изчезнетъ, козни; мясникъ, проснись, пѣсня.

4) передъ *б'*, *в'*: въ избѣ, развѣ, рѣзвиться; косвенный, пресвитеръ. Сверхъ того *с* умягчается передъ *м'*: осмина, присмирѣть.

5. *Умягченіе буквъ д, т:*

а) Независимо отъ предыдущей гласной, эти буквы умягчаются:

1) передъ *л'*: подлѣ, медлить, стыдливый; податливъ, петля, свѣтленькій;

2) передъ *н'*: задній, бредни, рудникъ; братній, сотня, лѣтній;

3) передъ *ч'*: переводчикъ, складчина; отчина, вядчина, клѣтчатый.

б) Послѣ звука ε:

1) передъ *в'*: медвѣдь, четвергъ, вѣтви;

2) передъ *с'*: бѣдствіе, привѣтствіе;

6. *Умягченіе губныхъ буквъ*, а также *г* и *к* встрѣчается только при помощи звука ε, и то не всегда:

1) *б*, *п* передъ *л'*, *р'*, *н'*, *с*: колеблю, дебри, гребни, хлѣбникъ; вепрь, великолѣпнѣе; молебствіе.

2) *в* передъ *н'*: древній, деревни.

3) *м* передъ *л' ч':* зе́мли, дремлетъ; нѣмчикъ.

4) *г* и *к* передъ *л'*, *р':* кегли, избѣгли, сѣкли; негритянка[1].

Почти во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видимъ только двѣ умягченныя согласныя сряду, изъ которыхъ одна находится подъ вліяніемъ другой, но часто встрѣчаются въ такомъ же соотношеніи три и даже четыре согласныя, на прим. въ словахъ: *отверстіе, слѣдствіе.* При этомъ открывается постоянный законъ, что каждая умягченная дѣйствуетъ только на непосредственно-предшествующую ей, которая въ свою очередь можетъ дѣйствовать на стоящую передъ нею и т. д., но случаи такого вліянія остаются тѣ же, какіе были выше указаны. Такъ въ словѣ: *бѣдствіе т* умягчается передъ *в'*, *с*—передъ *т'*, а *ѣд*—передъ *с'*; то же находимъ въ словахъ *привѣтствіе, шерсть, естественный, поздній.*

Разсмотрѣніе это даетъ возможность сдѣлать нѣсколько довольно любопытныхъ выводовъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что вліянію умягченныхъ согласныхъ подвергаются, стоя передъ ними, только буквы: *р, н,*—*з, с,*—*д, т,*—*б, п, в, м,*—послѣднія четыре, впрочемъ, только послѣ звука ɛ; далѣе находимъ, что на *р* могутъ имѣть вліяніе, частью сами по себѣ, но болѣе при помощи ɛ, всѣ слѣдующія за нимъ умягченныя согласныя; самое большое вліяніе вообще на умягченіе предыдущихъ согласныхъ имѣетъ *н'*, за нимъ *д'*, *т'*; прочія буквы оказываютъ только частное вліяніе.

Иногда выговоръ бываетъ двоякій, наприм. одни говорятъ: *крѣпнетъ, дерѐвня, отвѐрзнетъ, твѐрже*, а другіе: *крѣпьнетъ, дере́вьня, отве́рьзнетъ, тве́рьже;* это происходитъ частью отъ того, что умягченіе нѣкоторыхъ буквъ въ извѣстныхъ случаяхъ колеблется, частью отъ того, что иныя согласныя могутъ, передъ такъ-называемыми мягкими гласными, то умягчаться, то оставаться неумягченными. Къ этому разряду согласныхъ принадле-

---

[1] Для повѣрки замѣчанія о смягченіи буквъ *г* и *к* можетъ служить выговоръ звука ɛ, который въ приведенныхъ примѣрахъ произносится сжато; говорятъ обыкновенно не *сѣкли*, а *сѣ́кли* и т. д.

жатъ особенно буквы *ж*, *ш*, *щ*. Отчего звукъ *е* произносятъ то открыто, то сжато въ словахъ: нев*ѣ*жи, пр*е*жде, б*ѣ*шеный, тв*е*рже? Оттого, что въ первомъ случаѣ надобно читать: невѣ*жъ*и, пре*жъ*де и т. д., а во второмъ: невѣ*ж'*и, пре*жь*де и пр. Въ этомъ отношеніи *ч* составляетъ совершенную противоположность буквѣ *ш*; *ч*, по существу своему, не можетъ оставаться безъ нѣкотораго умягченія, и вотъ почему передъ нею звукъ *е* всегда бываетъ сжатый: сравнимъ произношеніе словъ *конечно*, *сердечный*, когда *ч* въ нихъ сохраняетъ свой настоящій звукъ и когда онъ превращается въ *ш*; въ первомъ случаѣ, мы говоримъ *конéчно*, *сердéчный*, а въ послѣднемъ—*конѐшно*, *сердѐшный*. Сравнимъ еще: *бѣ̀шенъ* и *вѣ́ченъ*, *пѣ̀шка* и *рѣ́чка* (слово *пѣшка* опять можно произнести двояко), *мечь* и *тѣшь*, *рѣчь* и *рѣжь*. Отъ мягкости *ч* происходитъ, что буквы *н*, *д*, *т* умягчаются передъ нимъ даже и тогда, когда оно соединяется съ такъ-называемыми твердыми гласными; въ словахъ *кончать*, *вѣнчанный*, *клѣтчатый*, передъ *ч* слышится *ь*. Причина та, что если разложить *ч* на составные звуки его *т* и *ш*, то въ немъ *т* окажется не твердое, а мягкое; *ч*=не *тш*, а *тьш*; передъ мягкимъ же *т* буквы *н*, *д*, *т* не могутъ оставаться безъ умягченія (см. выше 1 и 5). Павскій (I, § 110) находитъ, что буква *ч*, такъ же какъ *ж* и *ш*, не терпитъ послѣ себя *ь*. Касательно *ж* и *ш* онъ отчасти правъ, въ отношеніи же къ *ч* приведенныя выше сравненія достаточно удостовѣряютъ въ противномъ. *Щ*, имѣя въ составѣ своемъ *ч*, находится въ одной съ нимъ категоріи: въ словахъ *лещь*, *вещи* гласная *е* произносится сжато и тѣмъ доказываетъ умягченіе слѣдующей согласной[1]. Слухъ нашъ также никакъ не можетъ убѣдить насъ,

[1] Съ помощію этихъ законовъ произношенія легко рѣшить ороографическій вопросъ: что́ на письмѣ правильнѣе: *мечь*, *куличь*, *лещь*, *хрящь* или *мечъ куличъ*, *лещъ*, *хрящъ*? Отвѣтъ находимъ мы въ сжатомъ звукѣ буквы *е* передъ *ч* и *щ*: словъ *мѐчъ* и *лѐщъ* невозможно выговорить. Напротивъ, передъ *ж* и *ш*, оканчивающими слово, нельзя произнести сжатаго *е*, и потому послѣ этихъ согласныхъ слѣдуетъ писать *ъ*, напр. *манѐжъ*, *рубѐжъ*. Только въ именахъ женскаго рода и въ глаголахъ, послѣ этихъ буквъ должно ставить *ь*, какъ знакъ характеристическій, напр. *мышь*, *плѣшь*, *рѣжь*, *скажешь*. При всемъ томъ обычай утвердилъ *ъ* во всѣхъ мужескихъ именахъ, кончащихся на шипящіе звуки.

чтобы слово *чинъ* выговаривалось, какъ *чынъ* (§ 111). Гораздо слышнѣе *ы* въ *жила* и *шило*, но и тамъ это не настоящій звукъ *ы*, а средній между *ы* и *и*.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ сложный звукъ *ц*. Павскій, распространяя и на него несочетаемость съ *ь*-емъ, находитъ, что послѣ *ц* гласная *і* всегда произносится, какъ *ы*; въ примѣръ приводитъ онъ, рядомъ съ *цыфра* и *цыганъ*, слова́: *порцыя, лекцыя*. Передъ согласными слогъ *ци* дѣйствительно выговаривается по большей части, какъ *цы* (медицина), но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а особливо передъ мягкою гласною *я*, немногіе позволяютъ себѣ такое произношеніе; по крайней мѣрѣ въ образованномъ кругу говорятъ ясно: лек-*ці*-я, провин-*ці*-я, стан-*ці*-я, Гре-*ці*-я. Это доказываетъ, что *ц* можетъ также умягчаться. Передъ такимъ *ц* буква *н* всегда подвергается умягченію: *Франція*, *индульгенція* произносятся какъ *Франьція*, *индульгеньція*. Въ этомъ случаѣ *ц*, бывъ разложено, равняется *тьсь*; во всѣхъ другихъ случаяхъ *ц*=*тс*, какъ видно изъ произношенія буквы *н* въ словахъ: *чужестранцъ, полотенце* и проч. Слоги *ця*, *цю* не появляются въ живой рѣчи потому, что они трудны для выговора: въ глагольныхъ окончаніяхъ (говори*тся*, дѣлае*тся* и т. п.) долженъ бы слышаться слогъ *ця*, но мы его обращаемъ въ *са*. Точно такъ же и въ нарѣчіи *отсюда*, для избѣжанія звука близкаго къ *цю*, буква *ю* произносится почти какъ *у*.

Такимъ образомъ законъ умягченія предыдущихъ звуковъ подъ вліяніемъ послѣдующихъ можетъ вести къ рѣшенію, въ русскомъ языкѣ, разныхъ фонетическихъ вопросовъ. Онъ служитъ и къ уразумѣнію другихъ явленій, которыхъ иначе нельзя объяснить удовлетворительно. Авторъ «Филологическихъ Наблюденій», замѣтивъ, что передъ окончаніемъ *це* буква *л* всегда смягчается, говоритъ (II, § 70): «Передъ *це* всегда подразумѣвать надобно мягкое придыханіе *ь* (це=ьце=ице). Оттого-то *гкх* и *ц*, если бы допустили послѣ себя окончаніе *це*, должны бы были измѣниться предъ нимъ на придыхательныя *ж, ч, щ*. Въ доказательство того, что передъ *це* скрывается *ь* (=и), буква *л* передъ *ц* всегда хо-

дитъ съ ь-емъ, и отъ него получаетъ мягкій выговоръ. Дѣло, шило, мыло измѣняются на *дѣльце*, *шильце*, *мыльце*. Когда надобно будетъ приложить *ьце* къ такому имени, въ окончаніи котораго находится буква ь, происшедшая тоже изъ *и*, тогда одинъ изъ двухъ ь-ей, и именно второй, перейдетъ въ свою гласную *и*, если только удареніе стоитъ передъ ними, а не далѣе ихъ. Тутъ *це* явится въ полномъ своемъ видѣ *ице*. Изъ *имѣнье*, *чтéнье*, дѣлаются уменьшительныя: *имѣньице*, *чтéньице*. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ придыханіе (?) ь, принадлежащее окончаніе *це*, выпадаетъ не оставляя по себѣ слѣда, и согласныя буквы, стоящія предъ *це*, произносятся твердо. Отъ именъ *полотно*, *волокно*, *окно*, *письмо*, произошли: *полотенце*, *волоконце*, *оконце*, *писемцó* и *письмецó* безъ ь-я. Имена, кончающіяся на *ьé*, принимаютъ *це* по этому же закону. Ихъ удареніе перейдетъ на *це* и превратитъ *це* въ *цо*. Наприм. *копьé* — *копьецó*». Появленіе ь послѣ *л* въ уменьшительныхъ *дѣльце*, *шильце* ввело Павскаго въ ошибочную теорію касательно всего окончанія *це*. Объ измѣненіи *гкх* и *ц* въ *жчш* передъ *це* не можетъ быть рѣчи потому, что языкъ не представляетъ тому примѣровъ; но если и допустить такое превращеніе по образцу старо-славянскаго языка, то для объясненія того нѣтъ надобности подразумѣвать мягкое придыханіе или мягкую гласную передъ *ц*[1]. Что касается уменьшительныхъ *имѣньице*, *чтеньице*, то правописаніе колеблется между — *ице* и *еце*[2]: *е* безъ ударенія въ произношеніи часто сближается съ *и* (наприм. въ поѣдемъ; различать формы: *ице* (въ чтень*ице*) и *еце* (въ копь*ецо*)

---

[1] Павскій самъ говоритъ (I, § 123): «Есть случаи, гдѣ *е* безъ ударенія выговоромъ сближается съ *и*», и приводитъ разные тому примѣры.

[2] Г. Миклошичъ, на основаніи церковно-славянскаго языка, также считаетъ нормальнымъ суффиксъ *ьце* (Vergl. Gr. II, 314), но въ другихъ славянскихъ языкахъ, какъ и въ русскомъ, слѣдъ ь-я передъ *ц* въ этомъ суффиксѣ пропалъ. Въ числѣ приводимыхъ Миклошичемъ примѣровъ изъ русскаго яз. только *дыхальцо* и *кольцо* являются съ *еремъ*, но мною достаточно ясно показано, что *л*, въ силу общаго фонетическаго закона, умягчается и передъ другими суффиксами. Изъ всѣхъ же остальныхъ русскихъ примѣровъ, приводимыхъ Павскимъ и Миклошичемъ, только *веслецо* и *письмецо* могутъ указывать на умягчающій элементъ въ началѣ суффикса (таково же уменьш. *сере-*

на основаніи ударенія — произвольно; шаткость этого правила видимъ между прочимъ изъ того, что въ академическомъ Словарѣ помѣщено: *платьеце*, а не *платьице*, хотя тамъ же читаемъ: *имѣньице*, *вареньице*. Перейдемъ къ умягченію *л* передъ *це*. Буква *л* почти передъ всѣми окончаніями находится у насъ въ исключительномъ положеніи. Это видно и въ склоненіи: въ именахъ на *ецъ* косвенные падежи принимаютъ *ь* вмѣсто *е* только тогда, когда этому окончанію предшествуетъ *л*: *конецъ*, *конца*; *старецъ*, *старца*; *отецъ*, *отца*, но—*стрѣлецъ*, *стрѣльца*; *палецъ*, *пальца*. То же замѣчаемъ и въ уменьшительныхъ на *чикъ*: отъ *конецъ*, *ларецъ* образуются: *кончикъ*, *ларчикъ*, а отъ *палецъ*, *малецъ* — *пальчикъ*, *мальчикъ*. Наконецъ это умягченіе *л* повторяется и передъ окончаніями *скій*, *ство*, *ный*, тогда какъ другія буквы не только не принимаютъ здѣсь *ь*-ря, но иногда даже теряютъ его: *звѣрь—звѣрскій*, *звѣрство*; *конь—конскій*; *вздоръ—вздорный*; напротивъ: *нахалъ—нахальный*, *нахальство*; *столъ—застольный*; *генералъ — генеральскій*; *сало — сальный*. Отчего же во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ *л* умягчается? Ужели оттого, что передъ всѣми встрѣчающимися здѣсь окончаніями скрывается *ь* или гласная *и*? Такъ дѣйствительно думаетъ Павскій, основываясь на смягчеиіи *л* и не находя другого средства объяснить это явленіе (см. Фил. Набл. II, стр. 53, 115, также II, Отд. 2-е, стр. 61, 94). Но тщательное сравненіе множества словъ показываетъ, что изъ всѣхъ окончаній только начинающіяся небною буквою *к* не имѣютъ вліянія на умягченіе *л*, которое такимъ образомъ остается твердымъ въ словахъ: *мел-кій*, *кол-кость*, *вил-ка*, *ссыл-ка* и проч. Кромѣ этого случая, твердое *л* передъ согласною въ серединѣ слова встрѣчается у насъ только

брецо); но и это умягченіе можетъ зависѣть отъ фонетическаго требованія. Относительно женскихъ именъ на *ца* авторъ *Сравн. Грам. сл. яз.* замѣчаетъ также: «Das ь von ьca scheint zum suffix zu gehören». Но не противорѣчитъ ли этому тотъ фактъ, что даже женскія имена, оканчивающіяся на *ь*, теряютъ звукъ, имъ означаемый, передъ суффиксомъ *ца*, напр. *дверца*, *памятца*, *лѣнца*, *дрянца* (или *дрянцо*).

тогда, когда слѣдующая за нимъ буква принадлежитъ къ корню слова: *волна*, *полный*, *желтый*, *желчь*, *лба*, *молчать*, *толчетъ*, *толстый*, *молвить*, *холмъ*, *холстъ*, *долго*, *колдунъ*, *ползать*, *должать*, *толпа*. Сравните съ этими, кромѣ приведенныхъ уже словъ, слѣдующія: *гульбище*, *рисовальщикъ*, *корабельщикъ*, *земледѣльческій*, *стрѣльчатый*, *небывальщина*, *генеральша*; здѣсь опять ь явился передъ окончаніями, не какъ ихъ принадлежность, а какъ необходимый спутникъ буквы *л*, что доказывается сравненіемъ примѣровъ: *кладбище* (не кладьбище), *ямщикъ*, *терщикъ*, *старческій*, *створчатый*, *барщина*, *аптекарша*. Если бъ передъ такими окончаніями въ самомъ дѣлѣ находилось ь или и, то не было бы ему причины скрываться послѣ всѣхъ буквъ, кромѣ *л*. Мы это видимъ въ окончаніи *ба*, которому всегда предшествуетъ ь: слова *гоньба*, *ходьба*, *свадьба*, *борьба*, *гурьба*, *рѣзьба*, *просьба*, *женитьба*, принимаютъ передъ послѣднимъ слогомъ умягченіе точно такъ же, какъ *гульба*, *похвальба*, *мольба*[1]. Отсюда нельзя не вывести заключенія, что *л* передъ всѣми окончаніями, кромѣ *кій*, *ка*, *кость*, умягчается по закону чисто-фонетическому. Правда, этотъ законъ существенно отличается отъ того, по которому происходитъ умягченіе другихъ согласныхъ, но онъ такъ же постояненъ и очевиденъ. Только правописатели наши рѣшительно вывели букву *л* изъ ряду остальныхъ, означая всегда ея умягченіе на письмѣ. Отъ этого допущено одно только отступленіе: въ словахъ иностранныхъ, гдѣ встрѣчаются два *л* сряду и первое умягчается по вліянію послѣдняго, ь между ними не пишется (Галлія, Валлисъ[2]). Такому отличію разсматриваемая буква обязана тѣмъ, что между твердымъ и мягкимъ *л* болѣе замѣтное и рѣзкое различіе, нежели между обоими видоизмѣненіями другихъ соглас-

---

[1] Этому окончанію соотвѣтствуетъ латышское *iba*: ween-iba, единство, walst-iba, царство; baggat-iba, богатство; laul-iba, женитьба; leel-iba, похвальба. Только у насъ окончаніе *иба* нѣсколько сократилось и получило болѣе ограниченный смыслъ.

[2] Есть два русскія слова, въ которыхъ также находятся два мягкія *л* сряду: *гульливый* и *шальливый*. Эти слова пишутся различно. Сложныя слова: *пол-листа*, *пол-лота* и т. п., равно какъ и *пол-день*, сюда не относятся.

ныхъ. Между послѣдними при буквѣ *н* чаще нежели при прочихъ умягченіе означается на письмѣ; такъ почти всѣ уже пишутъ: *раньше, тоньше, меньше, уменьшать;* однакожъ и при *н* знакъ *ь* нерѣдко подразумѣвается, наприм. въ словѣ *благоденствіе,* гдѣ *ь* ясно слышится передъ окончаніемъ *ствіе* по требованію послѣдующихъ согласныхъ. Этотъ послѣдній законъ по большей части такъ опредѣлителенъ, что иногда другой, въ случаѣ противорѣчія съ нимъ, ему уступаетъ. Извѣстно, что обыкновенно гласная *е* въ замкнутомъ слогѣ передъ мягкимъ звукомъ не произносится какъ ё (наприм. *ель,* а не *ёль*); но если ей придется стоять передъ звукомъ, умягченнымъ по означенному закону, то такое произношеніе допускается, наприм. въ словахъ: *сплетни, переплетчикъ, клеенчатый,* которыя обыкновенно произносятся: *сплётьни, переплётьчикъ, клеёньчатый.* Первыя два слова слышатся иногда, впрочемъ гораздо рѣже, и въ такомъ видѣ: *сплéтьни, переплéтьчикъ,* но умягченіе *т* передъ *н* и *ч* все же остается въ своей силѣ.

Наконецъ возвратимся къ тому значенію, какое звукъ ε имѣетъ, какъ нами показано прежде, при умягченіи слѣдующихъ за нимъ согласныхъ. Мы видѣли, что буквы *р, н, д, т,* а также и губныя принимаютъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое умягченіе только тогда, когда имъ предшествуетъ гласная *е* или *ѣ*. Наприм. *ь* слышится въ серединѣ словъ *стебль* (бль), *вѣтви* (тьви), *гребля* (бля), но не слышится послѣ тѣхъ же согласныхъ въ *корабль, жатвѣ, грабли.* Эта особенность буквъ *е, ѣ* находится въ тѣсной связи съ ихъ свойствомъ сообразоваться въ произношеніи съ слѣдующимъ за ними звукомъ. Такимъ образомъ мягкій выговоръ промежуточной согласной часто опредѣляется совокупнымъ дѣйствіемъ предшествующаго ε и послѣдующей согласной. Этимъ окончательно опровергается упомянутое выше положеніе г. Бэтлинга, будто двоякое произношеніе, приписанное мною буквамъ *е, ѣ, э,* наравнѣ съ ними свойственно и всѣмъ прочимъ гласнымъ. Если бъ такъ было дѣйствительно, то другія гласныя раздѣляли бы также вліяніе звука ε на умягченіе одной согласной передъ

другою. Если бы *а* могло получить болѣе мягкій звукъ передъ *ль*, нежели передъ *лъ*, то въ словѣ *корабль б* произносилось бы съ такимъ же умягченіемъ, какъ въ словѣ *стебль*, между тѣмъ мы видимъ, что въ первомъ изъ этихъ двухъ именъ *б* вовсе не подчиняется вліянію послѣдующаго *ль*, которому по тому самому такъ трудно удержаться, что оно въ произношеніи охотно скрывается, и тогда *б*, какъ послѣдняя буква, принимаетъ звукъ *п*. Сло́ва *стебль* напротивъ никто не произнесетъ *степъ*.

Удерживаясь отъ дальнѣйшихъ подробностей по предмету нашего разсмотрѣнія, будемъ довольствоваться и тѣмъ, если намъ удалось указать въ системѣ русскихъ звуковъ нѣкоторые общіе законы, которые до сихъ поръ еще не были изслѣдованы.

ЗАМѢТКИ О СУЩНОСТИ НѢКОТОРЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Фонетика, опирающаяся на физіологію звуковъ, есть вообще отрасль науки, еще мало разработанная; тѣмъ болѣе нова она въ области славянскихъ языковъ. Въ своихъ *Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія* я старался поставить русскую фонетику на это единственно надежное основаніе и показать, ка́къ не вполнѣ правильное пониманіе сущности звуковъ языка приводило да́же нѣкоторыхъ изъ лучшихъ филологовъ къ разнымъ недоразумѣніямъ. Германскіе ученые хотя ранѣе насъ сознали необходимость обозначенной мною точки зрѣнія и примѣняли физіологическій методъ отчасти и къ славянскимъ языкамъ, но по недостатку практическаго съ ними знакомства, изучая ихъ звуки главнымъ образомъ по книгамъ, впадали въ ошибки другого рода. Мы, Русскіе, обладая однимъ изъ богатѣйшихъ по звукамъ языковъ и пріобрѣтая съ дѣтства навыкъ въ иностранной рѣчи, или по крайней мѣрѣ слыша ее вокругъ себя, имѣемъ въ этомъ отношеніи значительное передъ другими Европейцами преимущество; но авторитетъ, какимъ пользуется у насъ западная наука, былъ причиною, что иногда наши ученые, принявъ безъ надлежащей критики положенія Нѣмцевъ по нашей фонетикѣ, повторяли и до сихъ поръ повторяютъ въ своихъ сочиненіяхъ нѣкоторые ихъ ошибочные взгляды. Такова между прочимъ ихъ теорія о согласной натурѣ звука *й*, теорія, на основаніи которой они принимаютъ начертанія: *бойъ, гнойъ* и т. п.

Изъ словъ Шлейхера Kirchensl. Formenlehre, стр. 85, видно, что главнымъ основаніемъ этихъ искуственныхъ формулъ служатъ косвенные падежи (*бой-а, бой-у* и т. д.) и что слѣдовательно

ъ въ именительномъ придуманъ для симметріи. Еслибъ послѣдователи этой орѳографіи пристальнѣе обратили вниманіе на сущность звуковъ, на физіологическую сторону дѣла, то можетъ-быть убѣдились бы въ невозможности предполагать послѣ *й* въ древнемъ произношеніи гласный пазвукъ, т. е. нѣчто похожее на *о* или *у*. Иначе почему же тогдашніе писцы не стали бы означать на письмѣ этого добавочнаго звука, который они ставили во всѣхъ другихъ случаяхъ? Нѣтъ сомнѣнія, что первоначальное правописаніе было чисто-фонетическое. Итакъ причина того, что послѣ *й* не ставили *ера*, была конечно попросту та, что его и не слышали. Въ доказательство того, что формула *бой-ъ* не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго древне-славянской фонетикѣ, приводятъ только одно: «*й* есть согласный звукъ», но спрашивается: изъ чего же это видно? Займемся этимъ вопросомъ.

Физіологическое различіе между гласными и согласными заключается существенно въ томъ, что при произнесеніи первыхъ устный проходъ остается болѣе или менѣе открытымъ, для артикуляціи же послѣднихъ двѣ части рта образуютъ между собой затворъ или по крайней мѣрѣ тѣсненіе. Замѣчается ли такая разница при произношеніи *и* и *й*? Если станемъ произносить *и* не переводя дыханія, такъ чтобы онъ звучалъ нѣсколько времени непрерывно, а потомъ вдругъ перейдемъ къ другой гласной, напр. къ *а* или *о*, то непосредственно передъ нею *и* (*i*) непремѣнно обратится въ *й*, въ положеніи же органовъ рѣчи при этомъ не произойдетъ никакой перемѣны. Только въ томъ случаѣ, если непосредственно послѣ *й* (j) надо будетъ опять произнести *и* (*i*), какъ напр. въ англ. словѣ year или въ русскомъ *ихъ*, *имъ*, *ручьи*, то нельзя отрицать, что при переходѣ *и* въ *й* (которое у насъ тутъ не пишется) языкъ нѣсколько приближается къ нёбу, ибо иначе этотъ переходъ былъ бы невозможенъ[1]; во всѣхъ же другихъ случаяхъ всю разницу въ произношеніи обоихъ звуковъ соста-

---

[1] Въ этомъ случаѣ можно согласиться, что звукъ *й* становится дѣйствительно *йотомъ* (j) и принимаетъ натуру согласнаго.

вляетъ только бо́льшая или меньшая продолжительность того и другого, такъ что *й* несомнѣнно оказывается полугласнымъ.

Еще явственнѣе обнаруживается это, если взять слово, оканчивающееся на *й* (напр. *край*) и продолжать произносить послѣдній звукъ, который при этомъ сейчасъ обращается въ чистое *и*: звуковое различіе между *край* и *краи* заключается единственно въ томъ, что первое слово односложно, а второе состоитъ изъ двухъ слоговъ. Въ слогѣ *ай*, какъ и во всякомъ другомъ дифтонгѣ, обѣ составныя части сохраняютъ свою первоначальную натуру. Чтобы доказать противное, къ *и* приравниваютъ звукъ *в*; но это невѣрно, ибо въ составѣ дифтонга звуку *й* соотвѣтствуетъ не *в*, а *у*: если вмѣсто *й* поставимъ *у* рядомъ съ другимъ гласнымъ и соединимъ оба звука въ одинъ слогъ, то при этомъ *у* не сдѣлается согласнымъ, а сохранитъ свою гласную натуру и по краткости своей будетъ признанъ за полугласный, напр. въ англ. we, were, word [1], или how, now; въ нѣм. bau, lau. Въ собственно-русскихъ словахъ *у* никогда не является полугласнымъ членомъ дифтонга, и при сложеніи двухъ словъ въ одно (*за-утра*), гдѣ бы онъ могъ играть эту роль, отверждается въ *в*; то же бываетъ въ нѣкоторыхъ чужеязычныхъ словахъ, каковы напр. *авторъ*, *аврора*, *евангеліе*; но въ другихъ, заимствованныхъ изъ нѣмецкаго, напр. *гауптвахта*, *цейхгаузъ*, *шлагбаумъ*, *у* и у насъ остается полугласнымъ, и Русскіе прекрасно справляются съ произношеніемъ дифтонга *ау*. Въ русскихъ же по происхожденію словахъ, изъ всѣхъ гласныхъ только *и* можетъ сокращаться въ полугласный для образованія дифтонга, при чемъ вторымъ членомъ можетъ служить каждый изъ прочихъ гласныхъ нашихъ, т. е. мы имѣемъ дифтонги: *йа* (*я*), *йэ* (*е*, *ѣ*), *йо* (*ё*), *йу* (*ю*) и *ай*, *эй*, *ой*, *уй* [2].

---

[1] Въ нѣкоторыхъ англійскихъ словахъ начальное w звучитъ не какъ чистое *у*: передъ этимъ звукомъ слышится еще какъ будто нѣчто среднее между *у* и *в*, но всетаки еще не *в*, т. е. не согласный звукъ, хотя суженіе губного отверстія и нѣсколько болѣе нежели при образованіи *у*.

[2] Излишне было бы останавливаться здѣсь на томъ, что звуки *яй*, *ей*, *юй*, собственно говоря, *трифтонги*, почему о нихъ здѣсь и не упоминается.

Къ недоразумѣнію относительне натуры *й* способствовали два обстоятельства:

1) Не всегда точная и послѣдовательная орфографія, какъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ разсматриваемый звукъ изображается то чрезъ j, то чрезъ i, а прежде означаемъ былъ и чрезъ y, напр. jahr, jung, bei, ein, zwey, seyn. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ словахъ слабѣйшій звукъ дифтонга — одинъ и тотъ же, соотвѣтствующій русскому *й*, а едва ли кто захочетъ утверждать, что буква *i* въ ein, dein и проч. есть согласная. Такъ же непослѣдовательны и Русскіе, когда они перваго звука своихъ дифтоговъ *йа*, *йэ*, *йо*, *йу* совсѣмъ не пишутъ, превращая древнія ꙗ, ѥ въ *я*, *е*, и вмѣсто *йо*, *йу* начертывая *е*, *ю*, отчего многіе и не сознаютъ присутствія полугласнаго *й* въ этихъ начертаніяхъ. Только въ иностранныхъ словахъ начали въ новѣйшее время употреблять *й* въ началѣ и въ срединѣ словъ (*йоркъ*, *майоръ*); но во множествѣ случаевъ пишутъ еще по старому *i* вмѣсто *й*, напр. *Iорданъ*, или даже ставятъ лишнее *i* передъ буквою, которая уже сама по себѣ образуетъ дифтонгъ: *Iерусалимъ*, *iюнъ*, *iюль*. Одни Англичане и Шведы остаются вѣрны себѣ въ означеніи краткаго i: первые всегда употребляютъ на то y (whye), а послѣдніе j; Англичане пишутъ: yes, yacht, your; boy, eye; Шведы: ja, jul, hjerta, nej, koja, olja, familj.

2) Для образованія слога слабѣйшій членъ дифтонга дѣйствительно получаетъ значеніе (*функцію*) согласнаго, играетъ *роль* его, почему древніе грамматики и дали йотѣ названіе i consonans (или i consona), но по натурѣ своей этотъ звукъ, какъ было показано, остается гласнымъ.

У Нѣмцевъ jot все еще составляетъ камень преткновенія фонетики. Большая часть филологовъ ихъ считаетъ его, вслѣдствіе сейчасъ объясненнаго обстоятельства, согласнымъ звукомъ; но въ словаряхъ Гримма и Вейганда онъ принимается за полугласный; Лепсіусъ разсматриваетъ его въ разрядѣ согласныхъ, но называетъ его полугласнымъ [1]). Брюкке, пріобрѣтшій сильный авто-

---

[1] Das allgemeine linguistische Alphabet, стр. 29.

ритетъ въ физіологіи звуковъ, въ отношеніи къ jot впалъ въ странное недоразумѣніе и, утративъ свою обычную проницательность, утверждаетъ (Grundzüge, 2-е изд., 91) что при произнесеніи jot не пропадаетъ гласный i, но слышатся одновременно и онъ и *согласный* jot. На несообразность этого мнѣнія я обратилъ уже вниманіе въ *Филологическихъ Разысканіяхъ* (т. II², стр. 30). Недавно въ такомъ же смыслѣ отозвался объ этомъ взглядѣ г. Крейтеръ (Kräuter) въ приложеніи къ своему изслѣдованію Zur Lautverschiebung (см. стр. 115). Какъ г. Крейтеръ, такъ и выступившій ранѣе его г. Сиверсъ (послѣдній въ сочиненіи Die Grundzüge der Lautphysiologie) значительно содѣйствовали къ разъясненію спорнаго вопроса о натурѣ звука jot, и я считаю полезнымъ представить здѣсь нѣсколько выписокъ изъ ихъ замѣчаній по этому предмету. Г. Сиверсъ различаетъ два звука jot, изъ которыхъ одинъ, по его мнѣнію, согласный, а другой полугласный. О первомъ онъ говоритъ (стр. 33): «Если во время образованія i усилить выдыхательное давленіе, не измѣняя гортанной артикуляціи, то постепенно производится проточный звукъ j, какъ его произносятъ въ сѣверной Германіи». Далѣе (стр. 73) авторъ распространяетъ качество спиранта j и на среднюю Германію и прибавляетъ: «необходимо отличать его отъ полугласнаго i, который часто встрѣчается напр. въ южной Германіи». Такъ какъ полугласный большею частью является въ дифтонгахъ, то посмотримъ напередъ, какъ г. Сиверсъ понимаетъ подобную звуковую группу. «Подъ дифтонгомъ, говоритъ онъ (стр. 86), разумѣютъ сочетаніе двухъ, однимъ и тѣмъ же выдыхательнымъ толчкомъ производимыхъ, т. е. образующихъ одинъ лишь слогъ, простыхъ, обыкновенно краткихъ гласныхъ, изъ коихъ первый носитъ болѣе сильный акцентъ.» Гласный, который по отсутствію на немъ акцента ослабѣлъ до функціи согласнаго, признается г. Сиверсомъ за *полугласный*, но вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ замѣчено, что такая смѣна функцій случается только передъ гласнымъ, имѣющимъ болѣе сильное удареніе. «Поэтому, прибавляетъ г. Сиверсъ (стр. 88), можно, согласно съ нашимъ опредѣленіемъ дифтонговъ, сказать также,

что полугласный происходитъ при соединеніи двухъ гласныхъ, изъ которыхъ *второй* носитъ удареніе.» Сознаюсь однакожъ, что мнѣ непонятно, почему послѣдующій гласный не можетъ. наравнѣ съ предшествующимъ, исполнять роль согласнаго: мнѣ напротивъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ, т. е. что какъ въ je (йэ), такъ и въ ej (эй) звукъ jot (й) по своей природѣ остается гласнымъ, но имѣетъ функцію согласнаго. Весьма спаведливо замѣчаетъ въ этомъ отношеніи г. Крейтеръ (стр. 117): Прежде всего предосудителенъ произволъ, съ которымъ сочетанія a͡i, o͡i, a͡u и т. д. разсматриваются совершенно иначе, нежели i͡a, i͡o, u͡a и т. д.; это то же самое, что напр. смотрѣть на l въ al не такъ, какъ въ la». Для краткости не продолжаю этой выписки, но всякому, интересующемуся занимающими насъ вопросами, совѣтую прочесть и слѣдующія за симъ страницы небольшой книги г. Крейтера. Вниманія заслуживаетъ и то, что́ гораздо ранѣе его сказалъ г. Таузингъ въ дѣльномъ своемъ сочиненіи: «Das natürliche Lautsystem» (стр. 90 и сл.): онъ очень основательно принимаетъ два вида дифтонговъ, смотря по тому, имѣютъ ли они *нисходящій* характеръ (какъ въ нѣмец. Haus, heiss), или *восходящій* (какъ во франц. roi, lui). Но замѣчательно, что несмотря на это вѣрное пониманіе дѣла, и г. Таузингъ не замѣчаетъ двугласности слоговъ ja, je и т. п., и вслѣдствіе того равнымъ образомъ видитъ въ jot согласный по его натурѣ. Между тѣмъ отъ этого изслѣдователя можно было бы ожидать болѣе проницательнаго взгляда, такъ какъ онъ нѣсколько далѣе вполнѣ правильно разсуждаетъ: «Если возлѣ гласнаго, образующаго слогъ, дать мѣсто еще другому гласному, то этотъ послѣдній въ силѣ и продолжительности тона долженъ ослабѣть до степени согласнаго, будетъ ли онъ принадлежать къ тому или другому разряду звуковъ» (т. е. хотя бы онъ по своей природѣ оставался гласнымъ).

Къ выпискамъ, дающимъ понятіе о выводахъ г. Сиверса, прибавлю еще слѣдующее его замѣчаніе: «Со спирантами j и w, которые часто отъ болѣе сильныхъ суженій (въ устномъ каналѣ) развиваются изъ i и y, не должно смѣшивать этихъ послѣднихъ»

(Grundzüge, стр. 89). Но г. Крейтеръ съ своей стороны говоритъ (Lautverschiebung, 149, 150): «Нигдѣ въ Германіи я не слышалъ, чтобы j произносили не какъ полугласное i; люди, утверждающіе что j другой звукъ чѣмъ i, приводятъ въ подкрѣпленіе этого только такіе доводы, которые показываютъ, что j Mitlauter (созвучникъ), а не Selbstlauter (самогласъ)». Чтобы понять эти слова въ настоящемъ ихъ смыслѣ, надобно знать различіе, установляемое г. Крейтеромъ между названіями Mitlauter и Consonant (созвучащій и согласный) и явствующее уже изъ заглавія статьи, приложенной къ книгѣ его, именно: «Vokalische Mitlauter und Konsonantische Selbstlauter» (гласные созвучники и согласные самогласы). Съ его точки зрѣнія (стр. 113) терминъ «Konsonant» (σύμφωνον) обозначаетъ не натуру звуковъ, а способъ ихъ употребленія въ языкѣ, слѣдовательно основывается на совершенно другомъ началѣ дѣленія, нежели «Vokal». «Названіе Konsonant, продолжаетъ онъ, придали подлежащимъ звукамъ, потому что они у Грековъ одни, сами по себѣ, не служатъ къ образованію слога, но всегда являются въ немъ только спутниками другихъ звуковъ. Та же наклонность обращать вниманіе болѣе на роль, какую звукъ играетъ въ языкѣ, нежели на существо его, обнаруживается позднѣе и у Римлянъ». Для бóльшаго еще разъясненія дѣла, г. Крейтеръ замѣчаетъ: «Когда симитскіе грамматики разсматриваютъ *двугласные* (Doppellaute), какъ сочетаніе *гласныхъ* и *согласныхъ*, то это по формѣ выраженія конечно неправильно, потому что *i* и *у* нисколько не измѣняетъ своего звука, своей физіологической натуры, слѣдовательно считаются гласными; но по смыслу это совершенно вѣрно, ибо подъ согласнымъ тутъ разумѣется не что иное, какъ то же самое, что́ я называю Mitlauter (созвучникомъ)». Наконецъ, г. Крейтеръ справедливо вызываетъ (стр. 119) одного рецензента разъяснить, въ чемъ же заключается разница между такъ называемымъ двугласнымъ ai и слогомъ ăj, въ которомъ j будто бы выговаривается какимъ-то особеннымъ, нѣмецкимъ способомъ. Обычное выраженіе: «j вокализируется», когда оно должно означать различіе между aj и одно-

сложнымъ ai, изобличаетъ жалкую зависимость отъ правописанія». Сказанное г. Крейтеромъ на той же страницѣ, что «Славяне въ своихъ ои, аи, еи, уи и т. д. видятъ совершенно то же, что въ ой, ай, ей, уй и т. д.» сохраняетъ свою вѣрность и въ обратномъ смыслѣ, т. е.: ой, ай, ей, уй значатъ то же что ои, аи, еи, уи, съ тою только разницею, что первый способъ начертанія указываетъ на возможно-краткую продолжительность звука *и*, который точно такъ же произносится въ нѣмецкихъ словахъ ei, sei, hai, ein, sein, hain, не будучи на письмѣ отличаемъ отъ полнаго *и*. Но что въ такихъ случаяхъ славянское *й* совершенно тожественно съ нѣмецкимъ *i*, что слѣдовательно нѣтъ никакого основанія предполагать за нимъ въ концѣ слова (даже и въ древнемъ языкѣ) еще какой-то призвукъ и означать этотъ послѣдній на письмѣ еромъ, этого конечно не станетъ отрицать ни одинъ безпристрастный читатель.

Правильный взглядъ на *й* находится въ тѣсной связи съ истиннымъ пониманіемъ тѣхъ двухъ звуковыхъ оттѣнковъ, которые означаются *еромъ* и *еремъ* и противоположность которыхъ проходитъ черезъ всю систему русскихъ звуковъ, составляя исконную особенность славянскихъ языковъ. Такъ какъ отмѣчаемый этими полугласными выговоръ почти безслѣдно исчезъ въ большей части названныхъ языковъ, то естественно, что западному европейцу чрезвычайно трудно составить себѣ ясное понятіе о сущности этихъ двухъ звуковъ. Мы лишь приблизительно можемъ уразумѣть древнее значеніе обѣихъ полугласныхъ въ серединѣ словъ, имѣя въ виду неопредѣленный звукъ Англичанъ (напр. въ but), французское e muet или произношеніе у Чеховъ и Сербовъ нѣкоторыхъ слоговъ, которые пишутся безъ гласныхъ. Но значеніе *ера* и *еря*, какъ двоякаго призвука при согласныхъ, сохранилось въ русскомъ языкѣ: въ каждомъ изъ этихъ двухъ полугласныхъ слышится какъ бы приступъ къ произношенію либо широкаго гласнаго (а, о, у), либо тонкаго (э, и)[1]. Отличаемая зна-

[1] У насъ по большей части представляютъ себѣ букву э какъ представительницу широкаго звука, что̀ выражается особенно въ томъ, что въ заим-

ками ъ и ь артикуляція согласныхъ зависитъ отъ особеннаго выговора русскихъ гласныхъ, значительно отступающаго отъ произношенія тѣхъ же звуковъ у западныхъ Европейцевъ. Такъ напр. наши слоги ра, ро, ру, ре, ри звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ французскіе или нѣмецкіе ra, ro, ru, re, ri; та же разница замѣчается и при измѣненномъ порядкѣ звуковъ (ар, ор, ур и т. д.). Если возьмемъ въ этихъ трехъ языкахъ нѣсколько словъ, повидимому составленныхъ изъ тѣхъ же звуковъ, напр. нѣмецкія koth, pott, rad, rath, nie; французскія: côte, cotte, rate, nid и русскія: котъ, потъ, радъ, ни, то найдемъ, что два первые ряда словъ почти однозвучны, послѣдній же звучитъ совершенно иначе. Всего поразительнѣе эта разница при *л*, но она ощутительна и при всякой другой согласной, и происходитъ отъ того, что мы отличаемся отъ прочихъ европейскихъ народовъ какъ самымъ растворомъ рта и движеніемъ органовъ рѣчи, которые точнѣе опредѣлить могутъ лишь физіологи, такъ и большею силой выдыханія. Обстоятельство что ъ и ь никогда не являлись въ началѣ слога, указываетъ на то, что они всегда служили только вспомогательными звуками при согласныхъ, опорою ихъ, хотя можетъ-быть нѣкогда и подходили ближе къ полнымъ гласнымъ.

Нѣкоторые изслѣдователи, считающіе и *й* и *ь* за сокращенное і (Шлейхеръ, Ksl. Form. стр. 9 и 157), не обращаютъ внима-

---

ствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ именахъ ее употребляютъ послѣ согласной не иначе какъ для замѣщенія франц. è, ê или ais, нѣмецк. ä и т. п., напр. *тэма, мэръ, Раблэ, Бэръ,* но при этомъ теряютъ изъ виду, что въ русскомъ языкѣ буква *э,* такъ же какъ и *е, ѣ,* означаетъ двоякій звукъ, какъ легко замѣтитъ всякій одаренный не слишкомъ грубымъ слухомъ, при сравненіи напр. словъ *э*-ти и *э*-та, *э*-рикъ и *э*-ра. Такъ какъ всякая согласная можетъ имѣть у насъ только двоякій звукъ, т. е. одинъ, означаемый *еромъ,* и другой *еремъ,* то очень не трудно убѣдиться, какова гласная, т. е. широкая ли она, или тонкая; для этого стóитъ только приставить ее къ согласной и посмотрѣть, какъ произнесется эта послѣдняя — съ *еромъ* или съ *еремъ*; напр. въ словахъ *Раблэ, атлэтъ л,* несмотря на видимую широкость гласной *э,* будетъ произнесенъ какъ *ль,* а не какъ *лъ*; слѣдов. *э* есть гласная тонкая или, если вы предпочитаете болѣе употребительный терминъ,—мягкая гласная. Не говорю уже о томъ случаѣ, когда *э* и безъ того представляетъ франц. *é* или нѣмецкій сжатый звукъ *е,* напр. въ именахъ *Эмилія, поэзія.*

нія на различную продолжительность и разное значеніе этихъ двухъ краткостей и употребляютъ одинакую транскрипцію, напр. для словъ: крајъ и конјъ. Они не замѣчаютъ, что ь есть низшая степень сокращенія *и*, что *й* есть такъ-сказать удлиненіе *еря* или наоборотъ *ь* есть укороченный *й*[1]. Оттуда превратное мнѣніе, будто отонченныя согласныя (бь, вь и проч.) составляютъ «mouillirte Laute» или «согласные дифтонги». Первое выраженіе примѣнилъ къ этимъ славянскимъ звукамъ Брюкке (Grundzüge[1], стр. 98), второе находимъ у Шлейхера (Ksl. Fl., стр. 34). На невѣрность теоріи Брюкке я указалъ уже прежде[2], такъ какъ у Французовъ l и n mouillés слышатся каждый какъ два звука (lj, nj), тогда какъ въ нашихъ ль, мь, нь и т. д. тонкій пазвукъ совершенно сливается съ согласною въ одинъ звукъ, изъ котораго никакъ нельзя выдѣлить jot. Впрочемъ, говоря объ этомъ предметѣ, я тѣмъ болѣе могу быть краткимъ, что уже г. Сиверсъ (Grundzüge, стр. 105) выяснилъ его и справедливо назвалъ русскій *ь* редуцированнымъ йотомъ. Смѣшеніе jot съ *еремъ* повторяется и у г. Лескина: по его мнѣнію, ль, рь, нь, пишется вмѣсто лјь, рјь, нјь и по-настоящему й должно быть всегда читаемо какъ jĭ (т. е. jь)[3]. Но дѣло въ томъ, что такія слова, какъ напр. голубь, червь, лебедь, князь, гость вовсе не имѣютъ j въ концѣ, ибо иначе предшествующіе *ерю* согласные б, в, д, з, т непремѣнно умягчились бы въ бл, вл, ж или жд, ч или щ, какъ это дѣйствительно произошло въ другомъ разрядѣ словъ, именно въ такихъ словахъ, какъ корабль, журавль, ложь, вождь, кличь, плащь, которыхъ первоначальную форму можно представить себѣ такъ: корабьй, журавьй, логьй, водьй и т. д., т. е. въ послѣднемъ рядѣ словъ смягченіе было двойное и оттого произошло измѣненіе согласныхъ въ ихъ окончаніяхъ; ясно что здѣсь

---

[1] Даже Востоковъ впалъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ изслѣдованій, въ этотъ промахъ, сказавъ, что *ь* и *й* одно и то же (См. его Филолог. наблюденія, стр. 18).

[2] Филол. Разыск. т. II[2], стр. 24.

[3] Handbuch der altbulg. Sprache стр. 15; также Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen (Leipzig 1876), стр. 9, 10, 84 и проч.

j (й) дѣйствительно имѣлъ физіологическое значеніе[1]. Въ первомъ ряду, напротивъ, не видно ничего подобнаго, и нельзя не признать мнѣніе о присутствіи въ этихъ словахъ йота лишеннымъ основанія. Только при переходѣ звука въ другой можно сказать, что ему предшествовало то, что Нѣмцы называютъ Mouillirung. Что касается начертанія jь (ji), то оно представляетъ еще и тотъ абсурдъ, что если въ самомъ дѣлѣ ь значитъ jь, то произойдутъ слѣдующія, до безконечности простирающіяся формулы: конь=конjь=конjjь=конjjjь и т. д.

Ничѣмъ инымъ, какъ такимъ же смѣшеніемъ еря съ йотомъ, можно объяснить, ка́къ могъ такой геніальный филологъ какъ Шлейхеръ не оцѣнить вѣрности различія, указаннаго Миклошичемъ между произношеніемъ е, ё, я, ю въ началѣ слога (praejotirte Laute) и произношеніемъ этихъ же буквъ послѣ согласныхъ (praejerirte Laute): увлеченный своею теоріею цетацизма, онъ въ своей грамматикѣ цсл. языка (стр. 84) рѣшительно высказался противъ этого взгляда.

Но и г. Миклошичъ, ка́жется, не совсѣмъ правъ, находя, что *мои, твои, краи*, въ древнихъ памятникахъ должны быть всегда произносимы какъ моjи, твоjи, краjи. Въ общеупотребительномъ русскомъ языкѣ не слышно въ такихъ словахъ йота, и нѣтъ основанія предполагать этотъ звукъ и въ древней ихъ формѣ, такъ какъ правописаніе не подаетъ къ тому повода. Русскіе (оставляю въ сторонѣ возможныя различія въ діалектическихъ говорахъ) выговариваютъ *и* за *йи* только въ личномъ мѣстоименіи: *ихъ, имъ, ими* и въ такихъ случаяхъ, какъ чьи, соловьи, Натальи. Востоковъ замѣча́етъ: «Надъ *и* древніе писцы не ставили знака краткости, а писали равно именит. ед. и именит. множ. *мои, твои, свои*; однакожъ вѣроятно произносили въ первомъ случаѣ мой, твой,

---

[1] Присутствіе *й* при двойномъ, или полномъ умягченіи звуковъ очевидно особенно въ звукахъ губного органа: *л* послѣ *б, п, в, ф, м* есть не что иное, какъ замѣна йота, который и въ другихъ языкахъ легко подвергается такимъ превращеніямъ или становится на мѣсто другихъ звуковъ. Ср. итал. piantо, piegare, bianco, fiamma съ франц. plante, plier, blanc, flamme.

свой, а въ второмъ мои, твои и пр., какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ». (Фил. Набл., стр. 21).

Показавъ отношеніе между *й* и *ъ*, перейду теперь къ *еру*. Прежде всего надобно замѣтить, что произношеніе согласныхъ, сопровождаемыхъ этимъ звуковымъ элементомъ (отмѣчается ли оно, или нѣтъ на письмѣ), напрасно оставляется изслѣдователями безъ вниманія и они занимаются только *еремъ*. Выше уже, при общемъ разсмотрѣніи обѣихъ полугласныхъ, я замѣтилъ, что по причинѣ элемента ъ у насъ звуки, какъ согласные, такъ и гласные, слышатся совсѣмъ иначе, нежели въ западно-европейскихъ языкахъ. Г. Миклошичъ полагаетъ (Lautl. стр. 379), что «ъ въ произношеніи безслѣдно исчезаетъ, такъ какъ предшествующій ему согласный сохраняетъ свой звукъ». Это выраженіе не только не точно, такъ какъ здѣсь ъ трактуется лишь какъ знакъ, а не какъ звуковой элементъ, но и не совсѣмъ отвѣчаетъ истинѣ: ибо каждый отмѣченный *еромъ* согласный имѣетъ именно тотъ звукъ, который онъ можетъ имѣть передъ широкими гласными или передъ приступомъ къ ихъ произношенію. Что значатъ слова: согласная *сохраняетъ* свой звукъ? Ей свойственны два звука, смотря по тому, который изъ двухъ элементовъ въ данномъ случаѣ дѣйствуетъ. Что *ъ* въ произношеніи безслѣдно не исчезаетъ, видно изъ того, что если непосредственно за словомъ, кончающимся на ъ, произнести другое, начинающееся съ *и*, то этотъ послѣдній звукъ превращается въ *ы*, напр. *идетъ изъ* звучитъ какъ *идетызъ*, *зналъ имя* какъ *зналымя*. Всего яснѣе это обнаруживается при предлогахъ въ, съ, объ, подъ и др., ибо *подъ именемъ*, напр., слышится *подыменемъ*, что̀ особенно наглядно является въ сложныхъ словахъ, гдѣ *ы* даже и пишется, напр. въ *обыскъ*, *предыдущій*, *сызнова*. Широкое произношеніе *и* послѣ *ъ* есть физіологическая необходимость. Поэтому-то для западнаго европейца такъ же трудно усвоить себѣ настоящее произношеніе *ы*, какъ и звуковой элементъ *ъ*: еслибъ было справедливо (какъ часто утверждаютъ), что русскія согласныя, отмѣченныя *еромъ*, звучатъ точно такъ же, какъ согласныя другихъ европейскихъ языковъ, то

нѣмцу было бы столь же естественно звукъ *и* послѣдующаго слова произносить какъ *ы*, и «er ist» слышалось бы какъ: эрыстъ.

Подобно еру, и *еры* составляетъ для большей части германскихъ филологовъ звукъ неразгаданный. Г. Миклошичъ полагаетъ, что *ы* въ древне-славянскомъ всегда было двугласнымъ (Lautl. стр. 112) и что въ односложныхъ русскихъ словахъ онъ звучитъ какъ *ый* (тамъ же, стр. 382). Послѣднее мнѣніе лишено всякаго основанія, а что касается перваго, едва ли можно сомнѣваться, что ы было у славянскихъ народовъ однимъ изъ исконныхъ звуковъ, такъ какъ оно въ тѣсной связи съ *еромъ:* если этотъ послѣдній никогда не былъ яснымъ, полнымъ гласнымъ (что́ признано почти всѣми), то *ъи* должно было естественно звучать простою гласной. Поэтому Шлейхеръ совершенно правъ, ограничивая двугласность ера двумя случаями (Ksl. Formenl., стр. 60). Но о произношеніи *еры* и онъ повидимому не имѣлъ яснаго понятія, приравнивая его не разъ къ нѣмецкому ü. Такъ въ «Транскрипціи кириллицы» (Beiträge I, стр. 31) онъ говоритъ объ этомъ: «можетъ быть, надо произносить его какъ üj, какъ оно и пишется въ кириллицѣ (ъi), а можетъ быть и какъ нѣмецкое ü». Но что сказалъ бы нѣмецъ, еслибъ онъ изъ устъ русскаго услышалъ свое слово müh выговореннымъ какъ *мы?»* Сто́итъ только обратить вниманіе на различное положеніе рта при произношеніи этихъ двухъ звуковыхъ комплексовъ, чтобы убѣдиться, какъ неудачно такое сравненіе.

Г-ну Брюкке (Grundzüge², стр. 30) въ *еры* также слышится не вполнѣ образованный звукъ u^i. Правильное пониманіе звука ы находимъ мы только у г. Лепсіуса: онъ признаетъ, что *ы* дѣйствительно какъ ü представляетъ сліяніе у съ i, но вмѣстѣ съ тѣмъ остроумно разъясняетъ разницу между ü и ы. Вся теорія его объ этомъ послѣднемъ звукѣ такъ интересна, что я считаю полезнымъ привести ее цѣликомъ: «Гласная *е*, говоритъ онъ, не столько занимаетъ середину между *а* и *i*, сколько *ӥ* между *у* и *i;* ибо движеніе отъ *а* къ *i* есть простое, равно устремленное къ одному пункту; движеніе же отъ *у* къ *i*, или обратно, есть двойное, обоюд-

но перебивающееся. Если сравнимъ, какъ образуются *i* и *у*, то увидимъ, что при образованіи *у* губы кругло протягиваются впередъ, языкъ же отдергивается на самого себя, такъ что въ передней части рта образуется пустое пространство, котораго діаметръ больше нежели входъ и выходъ его, и отъ резонанса котораго происходитъ глухой тонъ этого звука. Для произнесенія *ü* дѣлятся функціи обоихъ органовъ: языкъ сохраняетъ то же положеніе, какъ при *i*, губы же принимаютъ положеніе, нужное для *у*. Если слѣдовательно оба эти положенія органовъ рѣчи признаются равно существенными, то *ü* дѣйствительно занимаетъ середину между обоими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что между *i* и *у* должна быть еще *другая середина*, столь же законная. Ибо мы можемъ образовать и такой звукъ, при которомъ губы имѣютъ широкое положеніе для *i*, языкъ же—укороченное положеніе для *у*. Этотъ звукъ не только возможенъ, но и на самомъ дѣлѣ развитъ во многихъ языкахъ, какъ звукъ важный и характеристическій для ихъ фонетики. Это тотъ самый звукъ, который всего болѣе извѣстенъ изъ славянскихъ языковъ, русское *еры*, называемое дебелымъ i (das harte i) и означаемое въ польскомъ чрезъ лат. у. Но этотъ звукъ, по моему мнѣнію, всего первобытнѣе въ татарскихъ языкахъ, какъ то въ турецкомъ, татарскомъ, якутскомъ, гдѣ онъ составляетъ существенную принадлежность соотвѣтствія гласныхъ (Vokalharmonie) и повидимому вызванъ главнымъ образомъ послѣдовательностію этого закона. Слѣды *еры* можно указать и въ родственныхъ съ названными дравидскихъ языкахъ Индіи. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣтимъ только, что различеніе заднихъ, низкихъ и глухихъ гласныхъ *а о у* отъ переднихъ, высокихъ и звонкихъ е, ö, ü, i существуетъ во всѣхъ языкахъ и обнаруживается въ разнообразныхъ явленіяхъ и вліяніяхъ. Его значеніе особенно важно въ тѣхъ языкахъ, гдѣ, какъ въ манджурскомъ, монгольскомъ, калмыцкомъ, турецкомъ, якутскомъ, мадьярскомъ, финскомъ, оно служитъ основаніемъ свойственнаго имъ соотвѣтствія гласныхъ. Такъ называемымъ дебелымъ (harten) гласнымъ *а о у*, произносимымъ съ *отдерну-*

тымъ назадъ языкомъ, соотвѣтствуютъ въ томъ же порядкѣ произносимыя съ *протянутымъ впередъ* языкомъ такъ называемыя мягкія (weichen) гласныя е, ọ̈, ụ̈. Четвертому мягкому гласному *i* не было бы соотвѣтствующаго дебелаго, если бъ въ правильную систему звуковъ не было принято выше описанное *ы*, т. е. такое *i*, которое выговаривается съ *отдернутымъ* до нёбнаго пункта языкомъ. Теперь другъ другу отвѣчаютъ *а о у ы* и е, ọ̈, ụ̈, i»[1]).

Сверхъ твердаго *и* (ы, поль. у) есть въ польскомъ еще твердое *е*, которое особенно ясно слышится послѣ дебелаго *л* (лъ), какъ напр. въ łeb, łecht, łeb, łezka (что по-русски слѣдовало бы писать; лъэбъ, лъэхтъ, и пр.),—звукъ, на который германскіе филологи до сихъ поръ еще не обращали вниманія. Правда, и Русскіе произносятъ его при встрѣчѣ двухъ словъ, изъ которыхъ первое кончается *еромъ*, а второе начинается съ широкаго *э*, какъ напр. въ словахъ: зналъ это; но въ срединѣ словъ это *э* у насъ невозможно: исключая развѣ сложныхъ, напр. *двухъэтажный*. Въ началѣ слова это *э* можетъ образоваться въ русскомъ языкѣ вообще послѣ твердыхъ согласныхъ (отмѣченныхъ *еромъ*), напр. *объ этомъ*, *съ этого*, въ коихъ слоги *бъэ*, *съэ*, *хъэ* звучатъ совсѣмъ не такъ, какъ въ такихъ сочетаніяхъ: объ *этихъ*, съ *этимъ*, гдѣ *э*, несмотря на предшествующій *ъ*, произносится узко, сообразно съ послѣдующимъ мягкимъ звукомъ (ти).

Это различіе основывается на законѣ, давно уже и не разъ указанномъ мною, но до сихъ поръ еще не всѣми признаваемомъ (см. выше, стр. 296 и 305). Впрочемъ г. Миклошичъ (Lautl., стр. 374) уже упомянулъ объ этомъ двоякомъ произношеніи звука э (е, ѣ) по наблюденію нашего академика Бэтлинга, который независимо отъ меня также замѣтилъ эту разницу. Люди, еще сомнѣвающіеся въ справедливости нашего наблюденія, которое подтвердитъ всякій не лишенный сколько-нибудь тонкаго слуха, могутъ для повѣрки вслушаться особенно въ произноше-

---

[1] Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissensch. zu Berlin 1861: «Über die arabischen Sprachlaute und deren Umschrift», стр. 150.

ніе азбучныхъ названій *ѐръ* и *éрь.* Едва ли кто, произнеся ихъ, можетъ не замѣтить поразительной разницы въ выговорѣ не только *р*, но и *е* въ томъ и въ другомъ слогѣ: для этого сто́итъ только, произнеся *е* для *ръ*, вдругъ попробовать приложить къ гласной звукъ *рь* и на оборотъ, т. е. какъ *рь* не придется къ *ѐ*, такъ и *ръ* не придется къ *é*.

Ограничусь на этотъ разъ изложенными замѣчаніями. Само собою разумѣется, что мое несогласіе съ германскими филологами по нѣкоторымъ вопросамъ нашей фонетики нисколько не мѣшаетъ мнѣ высоко цѣнить услуги, оказанныя ими изученію славянскнхъ языковъ, къ оживленію и успѣхамъ котораго они много содѣйствовали не только въ западной Европѣ, но и въ самой Россіи. Не менѣе благодарности заслуживаютъ и тѣ изслѣдователи, которые оказываютъ этому изученію косвенную пользу трудами по физіологіи звуковъ. Изъ новыхъ дѣятелей по этой части я не разъ ссылался на гг. Сиверса и Крейтера. Книга перваго Grundzüge der Lautphysiologie явилась въ 1876 г.[1] какъ введеніе въ библіотеку индо-европейскихъ грамматикъ, изданіе, предпринятое въ Лейпцигѣ обществомъ ученыхъ. О сущности взглядовъ г. Крейтера, выступившаго съ своею Lautverschiebung годомъ позже Сиверса, читатели могли уже судить по сдѣланнымъ мною выпискамъ изъ приложенія къ этому труду.

На ряду съ германскими изслѣдователями, способствовавшими въ недавнее время успѣхамъ физіологіи звуковъ, надо поставить молодого шведскаго ученаго, доцента Упсальскаго университета Леффлера (L. F. Leffler), который въ своемъ трудѣ: Några ljudfysiologiska undersökningar rörande konsonantljuden[2] занялся разсмотрѣніемъ двухъ вопросовъ: 1) дѣйствительно ли артикулуется дважды согласная, удвояемая на письмѣ, напримѣръ въ словѣ *труппа*; и 2) въ чемъ собственно заключается физіо-

---

[1] Вторымъ же изданіемъ въ 1881 г. подъ заглавіемъ: Grundzüge der Phonetik.

[2] Т. е. «Нѣсколько звуко-физіологическихъ изслѣдованій относительно согласныхъ» въ Upsala-Universitets Årsskrift на 1874 годъ.

логическое различіе между такъ называемыми твердыми (mutae tenues: п, т, к) и мягкими мгновенными звуками (mutae mediae: б, д, г).

Не касаясь второго вопроса, разрѣшеніе котораго представляетъ большія трудности, я здѣсь укажу только на выводы, къ которымъ г. Леффлеръ приходитъ по первому, и на употребленные имъ остроумные пріемы для разрѣшенія его. Но прежде надо упомянуть о господствующемъ въ наукѣ, согласно съ заключеніемъ Брюкке, взглядѣ на этотъ предметъ, принятомъ и мною (*Филолог. Разыск.*, т. II², стр. 249). «Въ физіологическомъ смыслѣ удвоенія одного и того же согласнаго звука въ словѣ не бываетъ, а есть только способъ произношенія его, который на письмѣ такъ означается. Когда мы пишемъ: *труппа*, *матта*, *Мекка*, то это не значитъ, что звукъ повторенной буквы долженъ дѣйствительно быть дважды вполнѣ образованъ и произнесенъ: это далеко не то, чтó должно бы слышаться, если бъ мы написали: трупъ-па, матъ-та, Мекъ-ка». Цѣль двойного начертанія согласной — только показать, что при артикулованіи звука дожно произойти его удлиненіе, или, точнѣе, что раздѣленіе слога должно пасть не между гласною и согласною (тру-па), не передъ согласною, а на самую эту букву. При этомъ артикуляція звука, если онъ мгновенный (п, б; т, д; к, г), раздѣляется на двѣ части: сперва органамъ дается положеніе, нужное для образованія преграды, а потомъ, послѣ небольшой паузы, преграда эта разрѣшается (труп-па); длительный же звукъ (в ф, з с, ж ш, м н р л) просто протягивается. Г. Леффлеръ утверждаетъ, что мнѣніе Брюкке относительно мгновенныхъ согласныхъ въ этомъ случаѣ несправедливо, что звукъ дѣйствительно удвояется, съ тою только разницею, что сперва мы образуемъ его *затворомъ*, а потомъ, во второй разъ, *растворомъ*, т. е. что когда мы произносимъ напр. *труп-*, *мат-*, *мек-*, то хотя преграда еще не разрѣшена, однакожъ звукъ уже вполнѣ образованъ. Чтобы доказать это, г. Леффлеръ предварительно пересматриваетъ всю теорію смычныхъ звуковъ (Verschlusslaute),

иначе мгновенныхъ, которые онъ называетъ klusela ljud; по его опредѣленію, это такіе звуки, которые для своего образованія требуютъ прегражденія (afspärring) воздушнаго тока совершеннымъ затворомъ какъ носового канала (посредствомъ небной занавѣски), такъ и полости рта (посредствомъ губъ или языка). Эти смычные звуки онъ раздѣляетъ на два разряда:

1) Звуки, которые происходятъ при образованіи затвора, т. е. когда выдыхаемый воздушный токъ преграждается закрытіемъ носового канала и полости рта: это *затворные* (implosiva) смычные звуки; въ типической системѣ знаковъ буквы для этихъ звуковъ должны бы имѣть особую примѣту, наприм. горизонтальную черточку съ лѣвой стороны: ¯п, ¯т, ¯к; ¯б, ¯д, ¯г.

2) Звуки, происходящіе, когда вогнанный въ полость рта и задержанный преградою воздухъ выпускается открытіемъ загражденнаго пути; это *растворные* (explosiva) смычные звуки; для отличія ихъ отъ предыдущихъ слѣдовало бы отмѣчать ихъ черточкою съ правой стороны: п¯, т¯, к¯; б¯, д¯, г¯.

Эта теорія отличается отъ установленной профессоромъ Брюкке и принятой другими физіологами тѣмъ, что они для полнаго образованія смычного звука считаютъ оба акта необходимыми, и потому даютъ звукамъ этого рода еще другое названіе, обнимающее какъ приготовительный затворъ, такъ и разрѣшеніе его,—названіе explosivae (взрывные). Съ перваго взгляда мнѣніе г. Леффлера представляется совершенно основательнымъ, но при ближайшей повѣркѣ его однакожъ оказывается, что звуки п б, т д, к г, образованные только затворомъ, напр. въ слогахъ: труп¯, аб¯, мат¯, Ад¯, Мек¯, Баг¯, не могутъ считаться вполнѣ образованными пока они не опредѣлятся окончательно растворомъ; безъ этого послѣдняго они такъ неясны, что трудно и распознать ихъ по одному слуху, т. е. не слѣдя за самыми движеніями устныхъ органовъ. Слѣдовательно нельзя не согласиться съ г. Брюкке, что для полнаго образованія звука затворъ долженъ быть дополненъ растворомъ, какъ видно напр. въ словахъ: *трупъ*, *абъ*, *матъ*, *Адъ*, *Мекъ*, *Багъ*. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ:

труп-па, аб-батъ, мат-та, Ад-да, Мек-ка, Баг-ге, чѣмъ отличается произношеніе этихъ звукосочетаній отъ выговора слѣдующихъ: тру-па, а-батъ, ма-та, А-да, Ме-ка, Ба-ге? Въ обоихъ случаяхъ полный звукъ образуется одинакимъ образомъ, но разница въ томъ только, что во второмъ случаѣ мы не отдѣляемъ затвора отъ раствора; въ первомъ же относимъ затворъ къ предъидущему слогу, а растворъ отдѣляемъ отъ него и относимъ къ послѣдующему.

Г. Леффлеръ въ своемъ разсужденіи не касается славянскихъ языковъ, и только однажды, мимоходомъ, замѣчаетъ о ихъ письмѣ, что оно не точно передаетъ произношеніе, не означая начертаніями удвоенія звуковъ. На это слѣдуетъ возразить, что таковъ дѣйствительно обычай въ письменности нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, напр. Чеховъ и Сербовъ, но у насъ преобладаетъ однакожъ правило означать и на письмѣ слышимое въ выговорѣ удвоеніе звуковъ.

О СПРЯЖЕНІИ РУССКАГО ГЛАГОЛА И ВАЖНОСТИ ВЪ НЕМЪ УДАРЕНІЯ.

При всемъ различіи, встрѣчаемомъ у грамматиковъ нашихъ въ системѣ разсмотрѣнія русскихъ глаголовъ, мы находимъ у нихъ однакожъ одинъ общій пріемъ. Признавъ неопредѣленное наклоненіе за основную форму, они либо производятъ отъ него, либо по крайней мѣрѣ вслѣдъ за нимъ приводятъ 1-ое лицо един. числа настоящаго (или будущаго) времени изъявит. накл., а отъ этого лица образуютъ 2-е и всѣ остальныя того же времени[1].

Хотя эти остальныя лица часто отличаются отъ 1-го мѣстомъ ударенія, однакожъ мы въ грамматикахъ не находимъ указанія, сѣмъ надобно руководствоваться въ перемѣнѣ ударенія. Да и самое опредѣленіе того, когда 2-е лицо един. числа должно оканчиваться на *ешь* и когда на *ишь*, очень сложно и сбивчиво.

Ломоносовъ, по образцу латинской грамматики, приводя прежде всего 1-е лицо ед. числа, объясняетъ, какъ отъ него образуются сперва 2-е лицо, а потомъ другія формы глагола, между прочимъ и неопредѣленное наклоненіе. Гречъ показываетъ, наоборотъ, какимъ образомъ 1-е лицо наст. врем. производится отъ неопр. наклоненія. Такъ какъ послѣднее не представляетъ примѣты, которая всегда давала бы знать окончаніе 1-го лица, то разумѣется, это вовлекло Греча въ необходимость высчитывать, съ одной стороны, въ видѣ правилъ, а съ другой, въ видѣ исключеній, всѣ слу-

[1] Подъ остальными лицами я здѣсь, для краткости, разумѣю какъ 3-е лицо единственнаго, такъ и всѣ три лица множ. числа.

чаи, когда при извѣстныхъ окончаніяхъ неопредѣленнаго наклоненія глаголъ образуетъ 1-е лицо един. числа наст. или буд. времени такъ или иначе.

Востоковъ умѣлъ избѣгнуть этого неудобства, но и онъ въ своихъ 10-ти *различіяхъ* глаголовъ показываетъ отношеніе между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и 1-мъ лицомъ наст. времени. Указаніе перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ не вошло у него въ составъ самой статьи о глаголахъ, а отнесено къ общей главѣ о слогоудареніи, составляющей послѣднюю часть его книги.

Павскій отвергъ надобность внѣшнихъ признаковъ для производства главныхъ глагольныхъ формъ, и основалъ свои правила спряженія на внутреннемъ составѣ глагола, на различномъ сочетаніи первоначальнаго, часто скрытаго корня его съ извѣстными окончаніями. Примѣненіе этой методы возможно только для филолога, но какъ могутъ воспользоваться ею учащіеся?

Г. Буслаевъ, показывая отношеніе между неопредѣленнымъ накл. и настоящимъ временемъ изъявительнаго, принимаетъ *различія* Востокова и затѣмъ приводитъ 1-е и 2-е лица един. числа, но не касается вопроса объ удареніи (см. его *Учебникъ русск. Грамматики*, изд. 1874, стр. 34—36).

Существованіе двухъ различныхъ удареній во многихъ русскихъ глаголахъ есть обстоятельство чрезвычайно важное и заслуживающее точно такого же вниманія, какъ и различіе самыхъ окончаній. Ошибка въ удареніи можетъ иногда болѣе поразить слухъ, нежели неправильное окончаніе, какое мы нерѣдко встрѣчаемъ даже и на письмѣ, наприм. въ формахъ: *стелятъ*, *надьятся*, *строютъ*, вмѣсто *стелютъ*, *надьются*, *строятъ*. Правда, въ удареніи природный Русскій не ошибается; но здѣсь дѣло идетъ объ указаніи общихъ явленій языка, и познаніе ихъ важно не потому только, что оно облегчаетъ иностранцамъ его изученіе.

Другое важное обстоятельство—тó, что присутствіе въ глаголѣ двухъ разныхъ удареній—если они есть—по большей части

обнаруживается въ настоящемъ (или будущемъ) времени изъяв. накл., и именно такимъ образомъ, что въ 1-мъ лицѣ един. числа бываетъ одно удареніе, а въ прочихъ лицахъ обоихъ чиселъ — другое (смотрю́, смо́тришь,—итъ,—имъ,—ите,—ятъ).

Далѣе мы замѣчаемъ, что часто однѣ изъ формъ, принимаемыхъ глаголомъ въ спряженіи, бываютъ по ударенію сходны съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а другія отъ него отличаются, и что это различіе въ бóльшей части случаевъ обнаруживается постоянно одинаковымъ образомъ.

Эти наблюденія убѣждаютъ насъ, что для вѣрнаго спряженія извѣстнаго глагола нужно, при самомъ такъ-сказать наименованіи его, уже имѣть указаніе: одно, или два въ немъ ударенія?

Изъ этого ясно видна необходимость, по меньшей мѣрѣ, *двухъ основныхъ формъ* для спряженія глагола. Всѣмъ извѣстно, что въ латинскомъ языкѣ для спряженія большей части глаголовъ надобно знать цѣлыя четыре формы; да и въ новѣйшихъ языкахъ нельзя спрягать глагола, зная одно только неопред. наклоненіе. У насъ всѣ согласны въ томъ, что спряженіе русскаго глагола имѣетъ въ основаніи своемъ *двѣ темы;* но затѣмъ остается рѣшить, какія изъ формъ, подходящихъ подъ эти двѣ темы, должны быть поставлены въ главѣ прочихъ, какъ руководство для спряженія[1]. Вообще считаютъ или подразумѣваютъ нужнымъ знать предварительно три формы: неопред. наклоненіе, 1 и 2 лица един. числа наст. времени; оттого и въ нѣкоторыхъ словаряхъ выставлены именно эти три формы. Разсмотримъ каждую изъ нихъ.

Можетъ ли, во-первыхъ, неопред. наклоненіе служить основною формою?

---

[1] Основныхъ формъ не должно принимать въ смыслѣ *коренныхъ*. Корень глагола часто не бываетъ виденъ въ цѣломъ спряженіи, наприм. въ глаголахъ: *тонуть* (кор. топ) и *гнуть* (кор. гб). Нельзя также сказать, чтобъ которая-нибудь изъ формъ глагола была въ отношеніи къ другимъ коренною, чтобы однѣ отъ другихъ дѣйствительно происходили. Дѣло только въ томъ, что глаголъ въ различныхъ своихъ измѣненіяхъ принимаетъ разныя окончанія, и что между его измѣненіями есть такія, которыя представляютъ вѣрные признаки для образованія всѣхъ остальныхъ.

Общую идею глагола почти на всѣхъ языкахъ принято выражать неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и въ самомъ дѣлѣ оно къ тому всего удобнѣе. У многихъ народовъ оно представляетъ еще и ту выгоду, что во всѣхъ глаголахъ оканчивается одинаково. У нашихъ глаголовъ нѣкогда было также общее окончаніе на *ти*, но впослѣдствіи оно подверглось двоякому измѣненію: 1) въ большей части глаголовъ оно сократилось въ *ть;* 2) стоя послѣ буквъ *г* и *к*, оно вмѣстѣ съ ними (гти, кти) превратилось сперва въ *щи*, а потомъ въ *чь*. Уцѣлѣлъ слогъ *ти* только послѣ буквъ *с* и *з*, и притомъ единственно въ томъ случаѣ, когда на *и* удареніе, да и тутъ онъ почти всегда можетъ сокращаться въ *ть*. Говорятъ, наприм., *нести* и *несть*, *везти* и *везть*. Только въ *расти*, *пасти*, *итти* окончаніе *ти* никогда не измѣняется; въ *трясти* и *ползти* оно сокращается рѣдко. Несмотря на то, что неопредѣленное наклоненіе во многихъ глаголахъ потеряло свой первоначальный видъ, согласимся, что оно, какъ по самому значенію своему, такъ и по удобству образовать съ помощію его разныя другія глагольныя измѣненія, должно быть удержано въ качествѣ первой основной формы глагола. И въ преподаваніи языка, и въ словаряхъ неопредѣленное наклоненіе такъ уже укоренилось на первомъ мѣстѣ, что не легко было бы, да и нѣтъ надобности, замѣнить его въ этомъ смыслѣ какою-либо другою формой.

Можетъ ли 1-е лицо един. числа наст. времени служить второю основною формой?

Разсмотримъ это лицо въ двухъ отношеніяхъ: 1) относительно ударенія, 2) относительно окончанія.

1) Относительно *ударенія* мы находимъ, что это лицо вообще носитъ его на томъ же слогѣ, какъ неопред. наклоненіе, наприм. *по́мнить, по́мню; держа́ть, держу́; пла́кать, пла́чу; трепета́ть, трепещу́*.

Подъ это правило не подходятъ только извѣстные односложные глаголы: *пѣть, пою́; пасть, пасу́; класть, кладу́; клясть, кляну́;* также *берёчь, берегу́* и нѣк. др.

Сверхъ того пять глаголовъ, у которыхъ настоящее время

образуется двояко, представляютъ въ одномъ изъ его окончаній отступленіе отъ означеннаго общаго закона:

алка́ть — *алка́ю* и *а́лчу*,
колыха́ть — *колыха́ю* и *колы́шу*,
страда́ть — *страда́ю* и *стра́жду*,
хрома́ть — *хрома́ю* и *хра́млю*,
колеба́ть — *колеба́ю* (устар.) и *коле́блю*[1].

Особому, но также постоянному закону въ этомъ отношеніи слѣдуютъ глаголы на *чь* и на *ова́ть* и *ева́ть* съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ; о чемъ будетъ говорено ниже.

2) Относительно *окончанія* 1-го лица мы замѣчаемъ, что оно не носитъ въ себѣ довольно характеристическаго признака для спряженія; вотъ наприм. 4 глагола въ этой формѣ: *вяжу*, *вожу*, *сижу*, *держу*, но у каждаго изъ нихъ въ неопредѣленномъ наклоненіи свое особое окончаніе: *вязать*, *водить* (и *возить*) *сидѣть*, *держать*. То же видимъ мы и въ глаголахъ *любить*, *скоблить*, *колебать*, у которыхъ 1-е лицо оканчивается одинаковымъ образомъ: *люблю*, *скоблю*, *колеблю*.

Мы находимъ далѣе, что 1-е лицо, по окончанію, всегда легко образовать отъ одного изъ слѣдующихъ, а для опредѣленія ударенія его, въ сомнительныхъ случаяхъ, указаніемъ служитъ неопредѣленное наклоненіе. Въ подробности это будетъ разсмотрѣно ниже, а здѣсь я удовольствуюсь заключеніемъ, что такъ какъ 1-е лицо всегда можетъ быть отыскано по другимъ формамъ, то нѣтъ причины ставить его въ число формъ основныхъ.

Не болѣе ли права на это имѣетъ которое-либо изъ прочихъ лицъ настоящаго или будущаго времени?

Разсматривая эти лица въ обоихъ числахъ вмѣстѣ, мы открываемъ во всѣхъ ихъ одно общее свойство — одинаковое *уда-*

---

[1] Къ этимъ глаголамъ можно бы причислить еще два: *жада́ть* — *жада́ю* и *жа́жду*; *има́ть* — *има́ю* и *е́млю*; но въ первомъ неопредѣленное наклоненіе устарѣло и вмѣсто его установилась неправильная форма *жаждать*, а послѣдній въ русскомъ языкѣ неупотребителенъ безъ соединенія съ предлогомъ.

реніе, часто отличное отъ того, какое находится въ 1-мъ лицѣ един. числа. При этомъ всегда повторяется одно явленіе, именно то́, что въ 1-мъ лицѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ другихъ оно переходитъ на предпослѣдній, наприм. *рублю́*, *ру́бишь*, *итъ*, *имъ* и т. д.; *держу́*, *дéржишь*; *терплю́*, *тéрпишь*; *могу́*, *мо́жешь*.

Обратной перемѣны, т. е., чтобы удареніе съ предпослѣдняго слога въ 1-мъ лицѣ переходило въ слѣдующихъ на послѣдній — никогда не бываетъ.

Указать средство, какъ по 1-му лицу узнавать *удареніе* слѣдующихъ, нѣтъ возможности; но и образовать *окончанія* остальныхъ лицъ съ помощію 1-го чрезвычайно затруднительно, потому что при этомъ необходимо помнить, какимъ окончаніямъ неопредѣленнаго наклоненія соотвѣтствуютъ извѣстныя окончанія 1-го лица, а на это нѣтъ постоянныхъ правилъ.

Конечно всякій согласится: 1) что если 1-е лицо легче образовать по одному изъ слѣдующихъ, нежели наоборотъ, то лучше рядомъ съ неопред. наклоненіемъ приводить не 1-е, а одно изъ прочихъ, и 2) что если нѣтъ правилъ для объясненія перемѣны ударенія во 2-мъ и слѣдующихъ лицахъ, то нельзя обойтись безъ прямого указанія одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это нужно.

Которое же изъ сходныхъ по ударенію лицъ настоящ. (или будущ.) времени предпочтительно должно быть принято за основную форму?

2-е и 3-е лица един. числа, 1-е и 2-е множественнаго не отличаются одно отъ другого начальною гласною своихъ окончаній, которая всегда бываетъ *е* или *и*; напротивъ, въ 3-мъ лицѣ множ. числа обнаруживается бо́льшее разнообразіе: бер-*утъ*, пор-*ютъ*, вид-*ятъ*, держ-*атъ*, и предшествующія лица (кромѣ 1-го един. числа) не всегда сами по себѣ могутъ рѣшить сомнѣніе, какъ именно (на *утъ* или *ютъ*) должно оканчиваться 3-е лицо множ. числа. Конечно, это сомнѣніе можетъ быть рѣшено 1-мъ лицомъ един. числа, но теперь мы предполагаемъ его еще неизвѣстнымъ;

извѣстность же его прежде другихъ лицъ, какъ мы видѣли, мало доставляетъ выгодъ.

Напротивъ, 3-е лицо множ. числа прямо и несомнѣнно указываетъ окончанія другихъ лицъ обоихъ чиселъ того же времени; притомъ оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраняетъ корень глагола во всей чистотѣ, тогда какъ онъ въ остальныхъ однородныхъ по ударенію лицахъ подвергается измѣненію, наприм. въ глаголахъ *течь*, *тек-утъ* (*теч-ешь* и пр.), *лгать*, *лг-утъ* (*лж-ешь*). Наконецъ прибавимъ, что съ помощію 3-го лица множ. числа давно уже во всѣхъ грамматикахъ образуются нѣкоторыя формы, именно дѣйствит. причастіе и дѣепричастіе настоящаго времени. По всѣмъ этимъ причинамъ, для 2-й основной формы всего удобнѣе оказывается 3-е лицо множ. числа[1].

Отъ этихъ двухъ основныхъ формъ легко образовать всѣ прочія измѣненія глагола по наклоненіямъ, временамъ, лицамъ и числамъ (о *видахъ* здѣсь еще нѣтъ рѣчи). Остановимся только на немногихъ производствахъ, которыя, по новости своей, требуютъ объясненія. Прежде всего надобно доказать, что 1-е лицо единственнаго числа настоящаго (или будущаго) времени дѣйствительно образуется всегда съ помощію 3-го множ. числа, при чемъ для опредѣленія мѣста ударенія служитъ, въ сомнительныхъ случаяхъ, неопред. наклоненіе.

I. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *утъ* или *ютъ*, то для полученія 1-го лица единствен. числа стóитъ только отбросить *тъ*[2].

Что касается до ударенія, то здѣсь могутъ быть два случая:

1) Если оно на *утъ* или *ютъ*, или передъ *ю* гласная буква, то мѣсто ударенія въ 1-мъ лицѣ един. числа никогда не измѣняется

---

[1] Въ этомъ утверждаетъ насъ и аналогія нѣкоторыхъ другихъ языковъ: такъ въ арабскомъ, въ еврейскомъ и въ финскомъ 3-е лицо един. числа наст. времени считается коренною формой.

[2] Конечно, буква *у* въ 1-мъ лицѣ един. числа по происхожденію существенно отличается отъ *у* въ окончаніи 3-го лица множ. числа, но при указаніи съ практическою цѣлью глагольныхъ окончаній такое различіе не можетъ быть принимаемо въ расчетъ.

и нѣтъ надобности имѣть въ виду неопреод. наклоненіе, напр. *даю́-тъ, даю́; плыву́-тъ, плыву́; сѣку́-тъ, сѣку́; пою́-тъ, пою́; мѣняю́-тъ, мѣняю́; дѣйствую-тъ, дѣйствую; образу́ю-тъ; образу́ю.*

2) Если передъ *утъ* или *ютъ* стоитъ *согласная* буква и удареніе на *предпослѣднемъ слогѣ*, то 1-е лицо един. числа принимаетъ удареніе неопредѣленнаго наклоненія, наприм.

Отъ *рѣ́зать, рѣ́жу-тъ — рѣ́жу*; отъ *пла́кать, пла́чу-тъ — пла́чу;* отъ *красть, кра́ду-тъ — кра́ду.*

Напротивъ, отъ *коло́ть, ко́лютъ — колю́;* отъ *вяза́ть, вя́жу-тъ — вяжу́*; отъ *дрема́ть, дре́млю-тъ — дремлю́;* отъ *трепета́ть, трепе́щу-тъ — трепещу́.*

Примѣчаніе. Пять вышеприведенныхъ глаголовъ: *алкать, колыхать, страдать, хромать, колебать,* съ двоякимъ настоящимъ временемъ, отступаютъ въ одномъ изъ его окончаній отъ указаннаго общаго правила и имѣютъ въ 1-мъ лицѣ: *а́лчу, колы́шу, стра́жду, хра́млю, коле́блю.*

Исключеніе составляетъ еще глаголъ: *мочь, мо́гутъ — могу́;* но это—только видимое исключеніе: форма *могу́* по ударенію согласна съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *моги́* (малор. *моги́*).

II. Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *ятъ* или *атъ*, то въ 1-мъ лицѣ един. числа *ятъ* перемѣняется на *ю, атъ* на *у*; касательно же ударенія соблюдаются тѣ же два правила, какія изложены при окончаніяхъ *утъ, ютъ,* именно:

1) Когда удареніе на *ятъ, атъ* или когда передъ *я* гласная буква, то 1-е лицо един. числа всегда удерживаетъ то же удареніе: *вел-я́тъ, вел-ю́; говор-я́тъ, говор-ю́, трещ-а́тъ, трещ-у́; дребезж-а́тъ, дребезж-у́; сто-я́тъ, сто-ю́; сто́-ятъ, сто́-ю; та́я-тъ, та́-ю.*

2) Когда передъ *ятъ, атъ* согласная буква и удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, то 1-му лицу един. числа сообщается удареніе неопредѣленнаго наклоненія:

Отъ *по́мнить, по́мн-ятъ — по́мню*; отъ *тѣ́шить, тѣ́ш-атъ — тѣ́ш-у.*

Напротивъ, отъ *валить, вал-ятъ — валю*; отъ *служить, служ-атъ—служу;* отъ *курить, кур-ятъ—ку-рю;* отъ *держать, держ-атъ — держу;* отъ *волочить, волоч-атъ — волоч-у.*

Примѣчаніе. Глаголъ *гнать, гон-ятъ, — гон-ю* есть только видимое исключеніе, потому что неопредѣл. наклоненіе, соотвѣтствующее настоящему времени изъяв., есть *гонить*, но оно уступило мѣсто другому глаголу: *гнать.*

Случается, что передъ буквою *ю* въ 1-мъ лицѣ един. числа не могутъ устоять нѣкоторыя согласныя, какъ-то: *б, п, в, ф, м; д, т; з, с*; тогда эти согласныя подвергаются извѣстному измѣненію, отъ котораго зависитъ и необходимый иногда переходъ буквы *ю* въ *у*, но самый законъ образованія 1-го лица въ сущности остается тотъ же; вся разница въ томъ, что вмѣсто *бю* произносятъ *блю*, вм. *пю—плю*, вм. *дю—жу* или *жду*, вм. *зю—жу* и проч.

Отъ 3-го лица множ. числа получаются еще проще какъ 2-е и 3-е единств., такъ и всѣ три лица множ., именно перемѣною:

— *ютъ, утъ* на *ешь, етъ; емъ, ете.*
— *ятъ, атъ* на *ишь, итъ; имъ, ите.*

Удареніе во всѣхъ этихъ лицахъ постоянно то же, что въ 3-мъ лицѣ множ. числа.

Если окончанію *утъ* предшествуетъ *г* или *к*, то передъ гласною *е* въ другихъ лицахъ *г* смягчается въ *ж*, а *к* въ *ч*; *берег-утъ, береж-ешь* и т. д., *тек-утъ, теч-ешь* и проч.

Не считаю нужнымъ останавливаться на удобствахъ образованія нѣкоторыхъ другихъ глагольныхъ формъ отъ 3-го лица множ. числа. Упомяну только объ одномъ: страдат. причастіе настоящаго времени на *омый* является только тамъ, гдѣ это лицо оканчивается на *утъ* съ удареніемъ: *несутъ, несомый; влекутъ, влекомый; зовутъ, зовомый* (не подходитъ подъ это замѣчаніе только *искомый* при 3-мъ лицѣ множ. ч. *ищутъ*).

Производство прошедшаго времени изъяв. накл., въ отношеніи къ окончанію, отъ наклоненія неопредѣленнаго давно принято

многими. Но почему слоги *ла*, *ло* въ един. числѣ этого времени и *ли* во множ. иногда носятъ удареніе, а иногда нѣтъ? Отчего въ одномъ случаѣ говорятъ: тек-*ла́*, — *ло́*, — *ли́*, а въ другомъ сѣк-*ла*, — *ло*, — *ли*, хотя неопредѣленное накл. въ обоихъ оканчивается одинаково; также: вез-*ла́*, — *ло́*, — *ли́* и — грыз-*ла*, — *ло*, — *ли*?

Такое различіе зависитъ отъ первоначальной формы неопредѣленнаго наклоненія. Въ глаголахъ, которые, сверхъ окончанія *зть*, *сть*, могутъ имѣть *зти́*, *сти́* или и всегда сохраняютъ одно только послѣднее, полное окончаніе, — удареніе въ прошед. времени постоянно падаетъ на слоги *ла*, *ло*, *ли*, наприм. весть или вез*ти́*: *везла́*, *ло́*, *ли́*; гресть или гре*сти́*: *гребла́*, *ло́*, *ли́*; па*сти́*: *пасла́*, *ло́*, *ли́*. Напротивъ, когда неопред. наклоненіе оканчивается только на *зть*, *сть*, когда слѣдовательно неупотребительное окончаніе его на *ти* не носитъ ударенія, тогда и въ прош. времени удареніе не можетъ падать на слоги *ла*, *ло*, *ли*: грызть, *гры́зла* и проч.; лѣзть, *лѣ́зла*, класть, *кла́ла*; сѣсть, *сѣ́ла*, *ло*, *ли*.

Такъ и въ двухъ глаголахъ на *чь*: *стричь*, *сѣчь* окончаніе *ла*, *ло*, *ли*, въ прош. времени остается безъ ударенія (*стри́гла*, *сѣкла*, *о*, *и*) по той причинѣ, что первоначальное окончаніе ихъ на *гти*, *кти* не носило ударенія, какъ видно донынѣ въ малороссійскомъ нарѣчіи, гдѣ эти глаголы сохраняютъ форму: *стри́гти*, *сѣ́кти*. Во всѣхъ прочихъ глаголахъ на *чь* окончанія прошедшаго времени *ла*, *ло*, *ли* принимаютъ удареніе, сообразуясь съ первоначальнымъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на *гти́*, *кти́*.

Соотношеніе, открывающееся такимъ образомъ между неопредѣленнымъ наклоненіемъ и прошедшимъ врем. изъявительнаго по ударенію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Отсюда вытекаетъ и законъ ударенія въ страд. причастіи прошед. времени у глаголовъ, оканчивающихся на *чь* и на *зть* или *сть*. Когда у нихъ въ прошед. врем. изъяв. накл. послѣдній слогъ *ло*, *ла*, *ли* остается безъ ударенія, тогда и въ страдат. причастіи оно не падаетъ на окончаніе *енъ*, наприм. *грызть*, *гры́зла*, *ло*, *ли* — *гры́зенъ*; *класть*, *кла́ла* — *кла́денъ*; *стричь*, *стри́гла* — *стри́женъ*; *сѣчь*,

сѣкла—сѣченъ. Напротивъ, слогъ *енъ* носитъ удареніе въ глаголахъ *вести́*, *вела́*, *ло́*, *ли́* — *ведёнъ; везти́*, *везла́*, *везёнъ; влечь*, *влекла́*, *влечёнъ*; *беречь (берегти́)*, *берегла́*, *бережёнъ* и проч.

Въ прошедшемъ врем. многихъ односложныхъ глаголовъ на *ть* съ предыдущею гласною буквою, окончаніе одного женскаго рода *(ла)* принимаетъ удареніе, наприм. *была́*, *жила́*, *рвала́*, *мала́*; но это — далеко не общее явленіе, какъ видно изъ примѣровъ: *би́ла*, *жа́ла*, *кры́ла*, *зна́ла*. Есть одно постоянное правило касательно ударенія въ глаголахъ возвратныхъ. Когда въ прош. времени глагола на *ть* окончаніе женскаго рода *ла* ходитъ съ удареніемъ, то, по присоединеніи къ глаголу мѣстоименія *ся*, это послѣднее въ мужескомъ родѣ означеннаго времени также принимаетъ удареніе, которое сообщается и слогамъ *ло́*, *ли́* передъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *ся* или *сь*, наприм. рва-*л*-*а́:* рва-*л*-*ся́*, рва-л-*о́сь;* рва-л-*и́сь;* гнал*а́:* гнал*ся́*, гнал*о́сь*, гнал*и́сь; жила́:* (раз) жил-*ся́*,—жил*о́сь*,—жил*и́сь;* (от) пер*ла́*,—пер*ся́*, пер*ло́сь*, пер*ли́сь;* роди*ла́:* родил*ся́*, родил*о́сь*, родил*и́сь*, — хотя при отсутствіи возвратнаго мѣстоименія говорятъ: *рва́ло, рва́ли, гна́ло, гна́ли* и проч. О женскомъ родѣ прошед. времени возвратнаго залога говорить нечего: слогъ *ла́* удерживаетъ свое удареніе и передъ *ся* или *сь*.

По изложеннымъ началамъ спряженія неправильными оказываются только тѣ глаголы, у которыхъ какія-нибудь окончанія не образуются по общимъ правиламъ отъ одной изъ основныхъ формъ. Такихъ глаголовъ не болѣе 10—12-ти. У однихъ неправильность обнаруживается въ настоящемъ или будущемъ, у другихъ въ прошедшемъ времени, у третьихъ въ повелительномъ наклоненіи.

Въ *настоящемъ* или *будущемъ* времени неправильны глаголы: *бѣжать*, *бѣгутъ; чтить*, *чтятъ; хотѣть*, *хотятъ; ѣсть*, *ѣдятъ; дать*, *дадутъ*. Здѣсь неправильность состоитъ въ томъ, что отъ 3-го лица множ. числа нельзя образовать правильно всѣхъ остальныхъ лицъ въ обоихъ числахъ. Отъ *бѣгутъ* нельзя образовать *бѣжишь*, — *итъ;* — *имъ*, — *ите;* отъ *чтятъ* — *чту*, отъ *хо-*

тятъ —*хочешь* и *хочетъ;* отъ *ѣдятъ* —*ѣмъ, ѣшь, ѣстъ;* отъ *дадутъ* — *дамъ, дашь* и все прочее[1].

Въ *прошедшемъ* времени неправильны: *итти, идутъ; шибить, шибутъ*, потому что отъ *итти* нельзя на общемъ основаніи образовать *шелъ*[2], а отъ *шибить* — *шибъ*.

Въ *повелительномъ* наклоненіи неправильны: *лечь, лягутъ* — *лягъ; ѣсть, ѣдятъ* — *ѣшь; сыпать, сыплютъ* — *сыпь*.

Есть еще нѣсколько глаголовъ, у которыхъ то или другое изъ прочихъ окончаній образуется неправильно.

Хотя обѣ основныя формы никакъ не могутъ быть выводимы одна изъ другой, все-таки необходимо, въ теоріи спряженія русскаго глагола, показать, въ какомъ отношеніи эти двѣ формы находятся между собою у разныхъ глаголовъ. Наприм. глаголъ *дѣлать, дѣлаютъ* не похожъ на *пороть, порютъ*, и *терпѣть, терпятъ* — на *искать, ищутъ*. Несходство ихъ заключается въ различномъ отношеніи между 1-ю основною формой и 2-ю. Для систематическаго обзора глаголовъ по этому отношенію я нахожу удобнѣйшимъ сохранить тѣ самые разряды, какіе Востоковъ принялъ подъ именемъ *различій*, но съ тою перемѣною, что вслѣдъ за неопредѣл. наклоненіемъ слѣдовало бы приводить, вмѣсто 1-го лица един. числа, 3-е лицо множественнаго.

Немногіе глаголы, которые, по взаимному отношенію обѣихъ основныхъ формъ, не подходятъ подъ означенные разряды, должны бы составить, согласно съ теоріей Востокова, особый классъ неправильныхъ глаголовъ, при чемъ нѣкоторые изъ помѣщенныхъ имъ въ 1-мъ отдѣлѣ перешли бы во 2-й, къ которому, такимъ образомъ, принадлежали бы слѣдующіе глаголы: *ревѣть*,

---

[1] Въ послѣднихъ изъ этихъ глаголовъ своеобразность основывается на сохраненіи болѣе древнихъ формъ; у другихъ же она заключается въ томъ, что въ спряженіи сливаются два глагола, т. е. *бѣжать* и *бѣчь, чтить* и *честь, хотѣть* и *хотать* (неупотр.).

[2] Тутъ нѣтъ собственно неправильности, а дѣло въ томъ, что при гл. *итти* прошедшее взято отъ другого, неупотребительнаго въ неопр. наклоненіи глагола *шести*, отвѣчающаго глаголу *ходить*, какъ *брести*, напр., глаголу *бродить*.

ревýтъ; стенáть, стóнутъ; гнáть, гóнятъ; ѣхать, ѣдутъ; итти, идутъ; быть, бýдутъ; ѣсть, ѣдятъ; дать, дадýтъ[1]. Къ нимъ надобно еще причислить: *клясть, клянýтъ; сѣсть, сядутъ* и *лечь, лягутъ.* Но почти всѣ эти глаголы неправильны единственно по такой несоотвѣтственности въ ихъ составѣ; спряженіе же ихъ, т. е. образованіе прочихъ окончаній отъ основныхъ формъ, происходитъ по большей части правильно.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Всякій, кто безпристрастно взглянетъ на предлагаемыя мною двѣ основныя формы, какъ на самыя явственныя представительницы *двухъ темъ* русскаго глагола, долженъ согласиться, что онѣ существенно служатъ къ облегченію правильнаго спряженія и къ уясненію его законовъ. Нѣкоторые составители грамматикъ дѣйствительно воспользовались моимъ наблюденіемъ. Особенно слѣдуетъ назвать между ними г. Стоюнина, который въ своемъ «Высшемъ курсѣ русской грамматики» (Спб. 1855, стр. 66—71) принялъ мои замѣчанія въ основу изложенныхъ имъ правилъ спряженія. Такимъ же образомъ поступилъ еще прежде покойный профессоръ Гельсингфорсскаго университета Акіандеръ во 2-мъ изданіи своей «Rysk Språklära» (Helsingfors, 1853).

Многіе преподаватели финляндскихъ училищъ сознавались, что предложенный мною методъ спряженія оказалъ на практикѣ замѣтную услугу при изученіи русскаго языка. То же свидѣтельствовали мнѣ нѣкоторые Чехи, ознакомившіеся съ моею теоріею. У насъ, напротивъ, иные оспаривали надобность принимать, для спряженія глагола, двѣ основныя формы. Они полагали, что для

---

[1] Что касается до гл. *спать*, отнесеннаго Востоковымъ къ числу неправильныхъ, то я раздѣляю мнѣніе Павскаго, который ставитъ его въ одинъ разрядъ съ глаголами *смотрѣть, лежать, стоять* и проч. (соотвѣтствующими 9-му различію Востокова).

природнаго Русскаго такое указаніе совершенно излишне. Но если такъ, то не лучше ли признать, что для Русскаго и вообще русская грамматика безполезна? Къ числу такихъ лицъ принадлежалъ отчасти и покойный мой сочленъ по Академіи, П. С. Билярскій. Говорю *отчасти* потому, что онъ въ отношеніи къ преподаванію сознавалъ вѣрность замѣченныхъ мною фактовъ и пользу предложенныхъ вслѣдствіе того правилъ; но находилъ, что наука ничего отъ нихъ не выигрываетъ. Въ этомъ смыслѣ Билярскій написалъ ко мнѣ письмо, напечатанное въ «Извѣстіяхъ» (1861, вып. 4) вмѣстѣ съ моимъ отвѣтомъ, изъ котораго считаю нелишнимъ помѣстить здѣсь извлеченіе:

По моему мнѣнію, знаніе основной формы и правильное съ помощію ея составленіе другихъ формъ глагола можетъ служить къ облегченію обзора и уразумѣнія разнообразнаго состава и образованія русскихъ глаголовъ. Обращая вниманіе на основныя формы ихъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія устранить изученіе разрядовъ нашихъ глаголовъ по ихъ образованію, но я не касался этого предмета потому, что имѣлъ свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доказать, что принимаемыя въ наиболѣе распространенныхъ грамматикахъ нашихъ двѣ основныя формы: неопредѣленное наклоненіе и 1-е лицо единств. числа наст. времени не ведутъ къ желаемому результату, такъ какъ вторая изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ постояннаго указанія относительно *окончанія* и особенно *ударенія* остальныхъ лицъ того же времени. Если бъ въ нашихъ грамматикахъ не было этого недостатка, если бъ онѣ вовсе не занимались производствомъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ отъ 1-го лица единств., то можетъ-быть, мнѣ бы и не вздумалось обратить вниманіе на потребность въ болѣе пригодныхъ основныхъ формахъ глагола. Вы считаете достаточнымъ труднѣйшій путь изученія внутренняго состава русскихъ глаголовъ; но въ этомъ случаѣ вы слишкомъ много надѣетесь на силу анализа школы: это доказывается безпрерывными ошибками спряженія въ нашемъ книжномъ мірѣ, гдѣ вы то и дѣло встрѣчаете: они *строютъ*, *стоютъ*, *клеютъ*,

надѣятся, *сыплятъ*, *колеблятъ*, *трепещатъ*, *морочутъ* и т. п. Я согласенъ съ вами, что въ сущности и другія лица того же времени (кромѣ однакожъ 1-го един. числа) имѣли бы право называться основною формой; но такъ какъ для руководства надо избрать одно лицо, то я отдаю рѣшительное предпочтеніе 3-му лицу множ. числа, въ которомъ всего виднѣе то, что вы справедливо называете темой глагола; напр. у глаголовъ подобныхъ *беречь* коренная буква *г*, въ этомъ разрядѣ лицъ, сохраняется только въ 3-мъ лицѣ множ., въ остальныхъ же умягчается въ *ж* (*бережешь* и т. д.). Я думаю, что если бъ вообще на взаимное соотношеніе этихъ лицъ, при изученіи языка, было обращаемо болѣе вниманія, то наша орѳографія освободилась бы отъ многихъ ошибокъ.

Что при образованіи глагольныхъ формъ предполагается знаніе закона умягченія буквъ въ спряженіи, вовсе не показываетъ пренебреженія къ этому закону; напротивъ, это значитъ только, что съ нимъ должно ознакомиться уже предварительно. Въ моей статьѣ не упоминается о немъ подробно, потому что онъ здѣсь не относится прямо къ дѣлу, меня занимавшему. Вы указываете на встрѣчающееся иногда затрудненіе знать, какъ должны быть смягчены буквы *д* и *т*: должны ли онѣ обратиться въ *ж* и *ч*, или въ *жд* и *щ*. Однакожъ, если ближе разсмотрѣть дѣло, то это совершенно частное затрудненіе разрѣшается довольно легко: смягченіе *жд* и *щ* является почти исключительно въ предложныхъ глаголахъ церковно-славянскаго или по крайней мѣрѣ книжнаго происхожденія, наприм.: *преградить (преграждý); убѣдить*, *упредить*, *учредить; возмутить (возмущý)*, *обогатить*, *посѣтить*, *сократить*, *укротить*. Тѣ изъ этихъ глаголовъ, которые употребляются безъ предлога или принимаютъ народно-русскую форму, вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ славянское умягченіе, наприм.: *городить*, *опередить*, *укоротить* (*горожý* и т. д.). Изъ безпредложныхъ глаголовъ только очень не многіе (опять таки книжнаго происхожденія) способны принимать славянское умягченіе, и для примѣра мнѣ не приходитъ на память другихъ, кромѣ *претить* и *святить*.

Впрочемъ, какъ эта особенность, такъ и случай, къ которому относится приводимый вами примѣръ: *прослезюсь* вмѣсто *прослежусь*, вовсе не находятся въ связи съ той или другой основной формой, а просто составляютъ довольно рѣдкое отступленіе отъ формъ спряженія, объясняющееся частью историческими, частью логическими причинами.

Признавая, что указанные мною простые факты могутъ быть полезны въ преподаваніи, вы отстаиваете право науки и даже доказываете обязанность ея не заботиться какъ бы облегчить изученіе того, что́ само по себѣ сложно, хитро, запутано. Такой взглядъ показываетъ, что вы полагаете цѣлую бездну между цѣлями ученаго и задачами педагога, между знаніемъ научнымъ и знаніемъ практическимъ. Кажется однакожъ, что вы, думая такъ, уничтожаете одинъ изъ лучшихъ результатовъ новѣйшаго образованія, который заключается въ убѣжденіи, что наука мало приноситъ пользы, когда она не снисходитъ къ потребностямъ общества, и что для ея распространенія необходимо стараніе самихъ ученыхъ упростить ея выводы и сдѣлать ихъ доступными для большинства.

Хотя вы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего письма, и отдаете предложенной мною формѣ (т. е. 3-му лицу множ. числа) преимущество передъ общеупотребительною (т. е. 1-мъ лицомъ един. числа), однакожъ думаете, что въ словаряхъ первая не замѣнитъ послѣдней, которую трудно выводить изъ неопредѣленнаго наклоненія.

На это я бы могъ возразить, что ее легко выводить изъ предлагаемыхъ мною *двухъ* формъ; но еще важнѣе другое замѣчаніе. Вы упустили изъ виду, что въ словаряхъ уже принято выставлять 3 формы: неопредѣленное наклоненіе 1-е и 2-е лицо един. числа настоящаго времени, напр. *хвали́ть, хвалю́, хва́лишь.* Я полагаю, что указаніе сдѣлалось бы еще опредѣленнѣе и практичнѣе, если бъ вмѣсто 2-го лица един. числа въ словари наши введено было 3-е лицо множеств., потому что въ остальныхъ окончаніяхъ этого времени рѣдко кто ошибется, но — повто-

ряю — мы безпрестанно читаемъ въ печати: *объемлятъ*, *дремлятъ*, *колышатъ*, *безпокоютъ*, *строютъ* (вм. объемлютъ, дремлютъ, колышутъ, безпокоятъ, строятъ) и т. п.

До сихъ поръ выписка изъ отвѣта моего Билярскому.

Для примѣра предлагаемой мною въ словаряхъ перемѣны беру глаголъ *ора́ть*, который, какъ извѣстно, имѣетъ два значенія: 1) пахать, и 2) кричать, и, согласно съ тѣмъ, два разныя спряженія. Въ 1-мъ случаѣ онъ спрягается такъ: *ору́*, *о́решь* — *о́рютъ;* во 2-мъ же: *ору́*, *орёшь*, — *ору́тъ.* Раскрываю академическій словарь и нахожу въ немъ:

ора́ть, *орю́*, *о́решь*, а въ другомъ значеніи:
ора́ть, *ору́*, *орёшь.*

Понятно, что указаніе выиграло бы въ ясности и опредѣлительности, если бъ вмѣсто того было поставлено:

ора́ть, *орю́*, *о́рютъ*, а во 2-мъ случаѣ:
ора́ть, *ору́*, *ору́тъ;*

потому что относительно остальныхъ лицъ того же времени уже не можетъ быть сомнѣнія: буквы *ю* и *у* 3-го лица множ. числа одинаково измѣняются въ остальныхъ лицахъ на *е*.

Въ словарѣ Даля изрѣдка указываются при глаголахъ тѣ же формы, что и въ акад.; при гл. *ора́ть* онъ присоединяетъ, и въ первомъ его значеніи, къ формѣ *орю́* еще форму *ору́*. Дѣло было бы яснѣе, если бъ при этомъ, вмѣсто *о́решь*, было выставлено: *о́рютъ* и *о́рутъ.* Въ существованіи послѣдней формы, вытекающей изъ показанія Даля, позволю себѣ однакожъ усомниться.

Впрочемъ, надобно прибавить, что наши словари очень непослѣдовательны въ такихъ обозначеніяхъ. У Даля они совершенно случайны, и при бо́льшей части глаголовъ онъ ихъ вовсе не ставитъ; слѣдовательно не даетъ никакого руководства относительно ударенія. Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ его указанія въ этомъ отношеніи невѣрны. Такъ при глаголѣ *ры́скать*, онъ показываетъ 1-е лицо *рыщу́* и *ры́скаю.* Первая изъ этихъ формъ

по ударенію невозможна, и акад. словарь правильно ставитъ *рыщу*.

Академическій словарь вообще въ этомъ дѣлѣ исправнѣе; но и онъ тутъ иногда ошибается, единственно потому, что не сознаетъ правильнаго основанія. Такъ при глаголѣ *дышáть* онъ показываетъ 2-е лицо един. числа наст. времени: *ды́шешь*, тогда какъ слѣдовало поставить: *ды́шишь*, какъ въ глаголѣ *слы́шать*, *слы́шишь* (см. у Востокова 9-е различіе). *Дышешь* есть форма другого менѣе употребительнаго глагола *дыхáть* (какъ *пáшешь*, *мáшешь* отъ *пахáть*, *махáть*; ср. сказанное ниже на стр. 375); глаголъ же *дыхáть*, такъ же какъ и *махáть*, имѣетъ въ наст. времени еще и другую форму: *дыхáю* и т. д.; въ акад. словарѣ только эта форма и приведена при неопр. накл. *дыхáть*. Такія недоразумѣнія и неисправности были бы немыслимы въ словарѣ академіи, если бъ было обращено вниманіе на основныя формы глагола, которыя непосредственно служатъ къ отличенію его разряда. Такъ обозначеніе глаголовъ *дышáть* и *дыхáть* въ словарѣ должно быть слѣдующее:

Дышáть, *дышу́*, *ды́шатъ*.
Дыхáть, *дыхáю*, *дыхáютъ*, или: *дышу́*, *ды́шутъ*.

Въ первомъ глаголѣ остальныя лица будутъ: *ды́шишь*, *ды́шитъ* и т. д.; въ послѣднемъ, при 2-ой формѣ, они будутъ: *ды́шешь*, *ды́шетъ* и проч.

Таково значеніе правильно поставленныхъ основныхъ формъ для пониманія тонкостей спряженія русскаго глагола, которыми при изученіи языка конечно нельзя пренебрегать.

О ГЛАГОЛАХЪ СЪ ПОДВИЖНЫМЪ УДАРЕНІЕМЪ (1).

Извѣстно, что одну изъ наименѣе обработанныхъ частей теоріи русскаго языка составляютъ правила ударенія. До сихъ поръ они опредѣлены только въ весьма немногихъ случаяхъ: въ другихъ удареніе наше такъ прихотливо, непостоянно, такъ ускользаетъ отъ всякаго изслѣдованія, что можно даже усомниться, дѣйствительно ли оно подлежитъ неизмѣннымъ законамъ и не зависитъ ли оно скорѣе отъ безотчетныхъ и неуловимыхъ требованій слуха.

Такое положеніе дѣла не освобождаетъ однакоже изслѣдователя языка отъ обязанности наблюдать разнообразіе просодіи его и отъ старанія указать, если не законы, то по крайней мѣрѣ замѣчательнѣйшія явленія сходства или различія удареній въ словахъ одинаковаго образованія. Только тогда, когда всѣ такія явленія будутъ тщательно собраны и обсуждены, можно будетъ вывести окончательное заключеніе относительно законовъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Къ числу подобныхъ явленій принадлежитъ довольно многочисленный разрядъ глаголовъ, у которыхъ удареніе, въ разныхъ формахъ ихъ, бываетъ двоякое: въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ 1-мъ лицѣ един. числа наст. времени оно упадаетъ на послѣдній слогъ, а въ остальныхъ лицахъ того же времени переходитъ на предпослѣдній; наприм. *смотрѣть*, *смотрю́*, и—*смо́тришь*,—*итъ*, — *имъ*, — *ите*, — *ятъ*. Изъ прочихъ формъ глагола однѣ

(1) Примѣчанія, означенныя здѣсь цифрами въ скобкахъ, см. въ концѣ статьи.

по ударенію соображаются съ неопред. наклоненіемъ, а другія съ отступающими отъ него лицами настоящаго времени. Къ первымъ относятся постоянно прошедшее время изъяв. накл. и повелительное наклоненіе: *смотрѣлъ*, *смотри́*. Къ послѣднимъ относятся *иногда причастія* и *дѣепричастія;* но удареніе этихъ двухъ формъ въ глаголахъ, о которыхъ рѣчь идетъ, не всегда опредѣляется одинакимъ образомъ, т. е. оно бываетъ согласно то съ 1-мъ лицомъ наст. врем., то съ другими, и потому мы здѣсь еще не будемъ касаться ихъ, тѣмъ болѣе что причастія и дѣепричастія свойственны далеко не всѣмъ нашимъ глаголамъ: особенно причастіе наст. страдат. и дѣепричастіе настоящ. неупотребительны во многихъ глаголахъ, даже тогда, когда видъ или залогъ тому не препятствуютъ, наприм. дѣеприч. наст. въ глаголахъ: *рвать*, *пить*, *расти*, *тереть*, *сохнуть* или прич. страд. наст. въ глаголахъ: *колоть*, *рѣзать*, *брать*.

Еще одно предварительное замѣчаніе. Глаголы, оканчивающіеся на *овать* и *евать*, по ударенію бываютъ двоякаго рода. Одни держатъ его на коренномъ слогѣ, наприм. *стра́нствовать*, *сѣ́товать*, *бѣ́шенствовать:* въ такомъ случаѣ удареніе во всѣхъ формахъ глагола остается на томъ же мѣстѣ. Въ другихъ глаголахъ этого окончанія—и они гораздо многочисленнѣе—удареніе падаетъ на послѣдній слогъ *ва́ть:* тогда въ настоящ. времени удареніе постоянно измѣняется одинакимъ образомъ, переходя на предпослѣдній слогъ; наприм. *ворова́ть*, *ворую*,—*ешь; воева́ть*, *воюю*, —*ешь* и проч. Замѣчательно, что въ неопред. наклон. предпослѣдній слогъ съ гласною *о* или *е* никогда не принимаетъ ударенія. Указанныя два правила относятся однакожъ только къ такимъ глаголамъ на *овать* и *евать*, въ которыхъ не менѣе трехъ слоговъ. Но есть еще нѣсколько глаголовъ двусложныхъ: *кова́ть*, *жева́ть*, *блева́ть*, *клева́ть*, *днева́ть*, *сова́ть* и *плева́ть;* въ пяти первыхъ настоящее время удерживаетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, а въ послѣднихъ двухъ оно непостоянно: говорятъ *су́ю* и *сую́*, *плю́ю* и *плюю́*.

Такимъ образомъ глаголы съ этимъ окончаніемъ составляютъ,

въ отношеніи къ ударенію, отдѣльный разрядъ глаголовъ и не войдутъ въ наше разсмотрѣніе.

Посмотримъ на остальные глаголы съ занимающею насъ особенностью перемѣннаго ударенія. Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду одни простые (несложные) глаголы, за исключеніемъ развѣ тѣхъ только немногихъ, которые безъ приставки къ нимъ предлога вовсе не употребительны, напр.: (при) *мѣнить*, (раз) *лучить*. Подобныхъ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ оказывается въ русскомъ языкѣ около *двухъ сотъ* — количество незначительное по сравненію съ общимъ итогомъ русскихъ глаголовъ простыхъ (которыхъ болѣе 2,000, не считая особо глаголовъ однократной формы на *нуть*). Двѣ трети всего числа глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ глаголы съ окончаніемъ *ить*, и между ними *девять десятыхъ*—двусложные глаголы, каковы наприм.: *хвали́ть, хвалю́, хва́лишь; води́ть, вожу́, во́дишь*.

Прежде нежели будемъ говорить объ этомъ самомъ многочисленномъ классѣ глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, обратимъ вниманіе на другіе глаголы, отличающіеся тою же особенностію.

Къ числу ихъ принадлежатъ, во 1-хъ, *всѣ* глаголы на *атъ* съ бѣглымъ *а́*, которому предшествуетъ одна изъ согласныхъ, способныхъ умягчаться въ 1-мъ лицѣ един. числа передъ *ю*. Итакъ всякій разъ, когда встрѣтится глаголъ такого рода: *вяз-а́ть, вяж-у́, пис-а́ть, пиш-у́*, не можетъ быть сомнѣнія, что въ слѣдующихъ лицахъ наст. врем. удареніе у него перейдетъ на предыдущій слогъ. Такихъ глаголовъ у насъ 40 съ небольшимъ. Они частью двусложные, частью трехсложные. Первыхъ 30 съ небольшимъ; исчислимъ ихъ:

1) съ буквою *д* передъ окончаніемъ *а́ть:* гло-д-а́ть, гло-ж-у́, гло́-ж-ешь.

2) съ буквою *з:* вязать, казать, лизать, низать.

3) съ буквою *к:* скакать, икать, локать[1].

---

[1] Впрочемъ формы: *икаю, локаю* употребительнѣе чѣмъ *ичу́, лочу́*.

4) съ буквою *м:* дремать.

5) съ буквою *п:* клепать, трепать, хрепать, щепать, щипать.

6) съ буквою *с:* писать, плясать, тесать, чесать.

7) съ буквою *т:* клегтать, клохтать, метать, роптать, топтать, шептать.

8) съ буквою *х:* дыхать[1], махать, пахать, пыхать.

9) съ буквами *ск*, *ст:* искать, плескать, блистать, свистать, хлестать (2).

У шести глаголовъ уже въ первомъ лицѣ удареніе переходитъ на первый слогъ: *зобáть*, *зóблю*; *зыбáть*, *зы́блю*; *алкáть*, *áлчу*; *страдáть*, *стрáжду*; *брехáть*, *брéшу*; *хромáть*, *хрáмлю*. Этимъ глаголамъ подобенъ и односложный въ неопр. накл. *здать*, *зи́жду*.

Два глагола: *стонать* и *орать* (въ смыслѣ пахать), у которыхъ согласная передъ *ать* неспособна измѣняться, принадлежатъ также къ разсмотрѣнному выше разряду.

Трехсложныхъ глаголовъ только 12; почти всѣ они звукоподражательные съ буквою *т* передъ окончаніемъ *áть*, съ повторяющимися гласными *о* или *е* и вставкою между ними губной или гортанной буквы: *бормотать*, *грохотать*, *клеветать*, *клокотать*, *лепетать*, *рокотать*, *скрежетать*, *трепетать*, *хлопотать*, *хохотать*, *щебетать*, *щекотать*.

Сверхъ того мы въ этомъ разрядѣ находимъ еще глаголы: *полоскать*, *колыхать* и *колебать*; послѣдніе два уже въ 1-мъ лицѣ мѣняютъ удареніе: колы́шу, колéблю.

Замѣтимъ, что перемѣна ударенія уже въ 1-мъ лицѣ бываетъ по большей части у такихъ глаголовъ, которые имѣютъ двоякое настоящее, т. е. могутъ, или прежде могли, удерживать въ немъ передъ окончаніемъ гласную *а:* *хрáмлю* и *хромáю*, *áлчу* и *алкáю*. Изъ грамматикъ Ломоносова и Россійской академіи видно, что нѣкогда говорили также: *колебáю* (вм. *колéблю*). Форма эта встрѣ-

---

[1] Настоящ. *дышу́*, *ды́шешь*. Отъ глагола же *дышáть* наст. будетъ: *дышу́*, *дышишь*. Слѣд. большинство у насъ неправильно пишетъ: *дышешь*. (Ср. выше, стр. 371).

чается еще и у писателей 1-й половины нынѣшняго столѣтія, наприм. у Ѳ. Н. Глинки въ «Письмахъ русскаго офицера» (Ч. IV).

Далѣе встрѣчаемъ немногочисленный разрядъ глаголовъ на *óть*, въ которомъ удареніе въ настоящемъ времени всегда переходитъ по указанному закону: *борóть*, *колóть*, *полóть*, *порóть*, *молóть*: *колю́*, *кóлешь* и проч., *молóть*, *мéлешь*.

Изъ глаголовъ на *нуть* четыре несложные *гляну́ть*, *мину́ть*, *тону́ть* и *тяну́ть* перемѣняютъ удареніе во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящаго врем.; но есть еще 2 такіе глагола, неупотребительные безъ предлога, именно: (об) *ману́ть* и (по) *мяну́ть*: *обману́*, *обмáнешь*; *помяну́*, *помя́нешь*.

Всѣхъ многочисленнѣе между глаголами съ подвижнымъ удареніемъ тѣ, которые оканчиваются на *ить*. Поэтому и заслуживаютъ они подробнаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что глаголы съ этимъ окончаніемъ въ изслѣдуемомъ отношеніи являются особенно прихотливыми.

Прежде всего надобно отдѣлить изъ числа ихъ тѣ глаголы, которые употребляются двояко, т. е. *могутъ* въ означенныхъ формахъ переносить удареніе на предпослѣдній слогъ, но иногда удерживаютъ его и на послѣднемъ. Исчислимъ ихъ по алфавитному порядку гласныхъ въ коренномъ слогѣ:

а:	сади́ть	— сади́шь	и сáдишь	(посóдишь)	(3)
	вали́ть	— вали́шь	и вáлишь	(вóлишь [1])	
	кати́ть	— кати́шь	и кáтишь	(покóтишь)	
	дари́ть	— дари́шь	и дáришь	(подóришь)	
	вари́ть	— вари́шь	и вáришь	(вóришь [1])	
	гаси́ть	— гаси́шь	и гáсишь		
	трави́ть	— трави́шь	и трáвишь		
	мани́ть	— мани́шь	и мáнишь		
	тащи́ть	— тащи́шь	и тáшишь	(тóщишь [1])	
е:	крести́ть	— крести́шь	и крéстишь		
	черти́ть	— черти́шь	и чéртишь		

[1] Слышано въ Данковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи.

	клейть	— клейшь	и	клéишь
	щени́ться	— щени́шься	и	щéнишься
и:	чини́ть	— чини́шь	и	чи́нишь
о:	божи́ться	— божи́шься	и	бóжишься
	(за)нози́ть	— занози́шь	и	занóзишь
	(по)ложи́ть	— ложи́шься	и	(по)лóжишь
	вопи́ть	— вопи́шь	и	вóпишь
	кроши́ть	— кроши́шь	и	крóшишь
	коси́ть	— коси́шь	и	кóсишь
	твори́ть	— твори́шь[1]	и	(за)твóришь
у:	кури́ть	— кури́шь	и	ку́ришь
	тури́ть	— тури́шь	и	ту́ришь
	студи́ть	— студи́шь	и	(про)сту́дишься
	труби́ть	— труби́шь	и	тру́бишь
	блуди́ть	— блуди́шь	и	блу́дишь
	труди́ться	— труди́шься	и	тру́дишься
	пруди́ть	— пруди́шь	и	пру́дишь
	уди́ть	— уди́шь	и	у́дишь
	тупи́ть	— тупи́шь	и	ту́пишь
	кружи́ть	— кружи́шь	и	кру́жишь
	(за)глуши́ть	— глуши́шь	и	глу́шишь
	души́ть	— души́шь	и	ду́шишь
	суши́ть	— суши́шь	и	су́шишь
	туши́ть	— туши́шь	и	ту́шишь
	(раз)лучи́ть	— (раз)лучи́шь	и	(раз)лу́чишь
	(по)ручи́ть	— (по)ручи́шь	и	(по)ру́чишь
	сучи́ть	— сучи́шь	и	су́чишь
ѣ:	бѣли́ть	— бѣли́шь	и	бѣ́лишь
	цѣди́ть	— цѣди́шь	и	цѣ́дишь
	гнѣзди́ться	— гнѣзди́шься	и	гнѣ́здишься
	рѣзви́ться	— рѣзви́шься	и	рѣ́звишься

[1] По грамматикѣ Смотрицкаго *твóрити, твóришь*. См. у него парадигму 2-го спряженія. Сложные глаголы *затвóрить, притвóрить* и т. д. очевидно образованы изъ того же глагола. Сравни нѣмецк. zumachen — затворить.

	свѣти́ть	— свѣти́шь	и свѣ́тишь
	мѣси́ть	— мѣси́шь	и мѣ́сишь
	дѣли́ть	— дѣли́шь	и дѣ́лишь
	лѣни́ться	— лѣни́шься	и лѣ́нишься
	(за)мѣни́ть	— (за)мѣни́шь	и (за)мѣ́нишь
	цѣни́ть	— цѣни́шь	и цѣ́нишь
я:	ряди́ть	— ряди́шь	и ря́дишь
	яви́ть	— яви́шь	и я́вишь.

Итого 50 глаголовъ съ *двоякимъ удареніемъ* во 2-мъ и слѣд. лицахъ настоящ. врем. Затѣмъ остается всего около 50-ти же глаголовъ, у которыхъ *постоянно-подвижное удареніе* въ лицахъ этого времени. Число незначительное, если примемъ въ соображеніе, что глаголовъ на *ить* съ неизмѣннымъ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ можно насчитать у насъ около 200. Приведемъ же теперь тѣ глаголы, у которыхъ во 2-мъ лицѣ наст. врем. удареніе всегда переходитъ на предпослѣдній слогъ, и разсмотримъ ихъ также по порядку гласныхъ начальнаго слога:

а:	дави́ть	—	да́вишь	
	хвали́ть	—	хва́лишь	
	плати́ть	—	пла́тишь	(пло́тишь)
	хвати́ть	—	хва́тишь	
	дразни́ть	—	дра́знишь	
е:	серди́ть	—	се́рдишь	
	жени́ть	—	же́нишь	
о:	(по)соби́ть	—	(по)со́бишь	
	копи́ть	—	ко́пишь	
	топи́ть	—	то́пишь	
	лови́ть	—	ло́вишь	
	броди́ть	—	бро́дишь	
	води́ть	—	во́дишь	
	ходи́ть	—	хо́дишь	
	(про)глоти́ть	—	(про)гло́тишь	
	корми́ть	—	ко́рмишь	

	ломи́ть	—	ло́мишь
	гони́ть (неупотр.)	—	го́нишь
	клони́ть	—	кло́нишь
	(у)рони́ть	—	(у)ро́нишь
	(при)слони́ть	—	(при)сло́нишь
	вози́ть	—	во́зишь
	проси́ть	—	про́сишь
	дрочи́ть	—	дро́чишь
	мочи́ть	—	мо́чишь
	(на)скочи́ть	—	(на)ско́чишь
	точи́ть	—	то́чишь
	моли́ть	—	мо́лишь
	скобли́ть	—	ско́блишь
у:	губи́ть	—	гу́бишь
	руби́ть	—	ру́бишь
	купи́ть	—	ку́пишь
	лупи́ть	—	лу́пишь
	ступи́ть	—	сту́пишь
	буди́ть	—	бу́дишь
	суди́ть	—	су́дишь
	пусти́ть	—	пу́стишь
	шути́ть	—	шу́тишь
	служи́ть	—	слу́жишь
	тужи́ть	—	ту́жишь
	(у)куси́ть	—	(у)ку́сишь
	учи́ть	—	у́чишь
ю:	люби́ть	—	лю́бишь
ѣ:	лѣпи́ть	—	лѣ́пишь
	лѣчи́ть	—	лѣ́чишь
	цѣпить	—	цѣ́пишь
	бѣси́ть	—	бѣ́сишь
	(за)стрѣли́ть	—	(за)стрѣ́лишь.

Съ перваго взгляда на этотъ списокъ бросается въ глаза сравнительно-большое число глаго́ловъ съ буквами *о* и *у* въ слогѣ

предшествующемъ окончанію *ить*, особенно съ буквою *о*: такихъ глаголовъ болѣе 20, слѣдовательно около половины всего количества разсматриваемыхъ глаголовъ на *ить* съ непремѣнно-подвижнымъ удареніемъ. И наоборотъ, замѣчательно, какъ относительно-мало глаголовъ такого образованія между глаголами съ *двоякимъ* удареніемъ во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени.

Посмотримъ, нельзя ли въ исчисленныхъ глаголахъ отыскать какой-нибудь отличительной примѣты, сравнивая ихъ съ такими глаголами того же образованія, которые всегда сохраняютъ удареніе въ концѣ. Вотъ нѣкоторые изъ послѣднихъ: *бодри́ть*, *води́ть*, *вощи́ть*, *гнои́ть*, *годи́ть*, *гости́ть*, *громи́ть*, *двои́ть*, *долби́ть*, *дроби́ть*. Мы видимъ, что почти всѣ подобные этимъ глаголы—имѣющіе одно постоянное удареніе на послѣднемъ слогѣ—суть *производные*, т. е. составлены изъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ или числительныхъ (бодрый, вода, воскъ, гной, годъ, двое), тогда какъ глаголы съ подвижнымъ удареніемъ — *по большей части первообразные*, т. е. образованы хотя и не прямо отъ корня, но и не отъ слова другой части рѣчи. Къ сожалѣнію, обоихъ послѣднихъ выводовъ не можемъ мы сдѣлать безъ ограниченія ихъ словами *почти* и *по большей части*. Есть исключенія и въ томъ и въ другомъ случаѣ, наприм. въ 1-мъ случаѣ *долбить*, *доить*, а во 2-мъ *женить*, *сердить*, *застрѣлить*. Впрочемъ между глаголами съ безусловно-подвижнымъ удареніемъ очень рѣдки глаголы производные; едва ли можно найти тому другіе примѣры, кромѣ сейчасъ приведенныхъ. Итакъ *глаголы съ подвижнымъ удареніемъ почти всѣ первообразные*. Напротивъ, между глаголами съ постояннымъ удареніемъ въ концѣ—первообразныхъ очень мало: *родить*, *рѣшить*, *вратить*, *коптить*, *сулить*: вотъ чуть ли и не всѣ они.

Къ разсмотрѣнному разряду двусложныхъ глаголовъ надобно еще отнести тѣ немногіе, которые передъ окончаніемъ *ть* приняли вмѣсто *и* гласную *ѣ* или, послѣ шипящихъ буквъ, гласную *а*: *вертѣть*, *смотрѣть*, *терпѣть*, *держать*, *дышать*, — у которыхъ 1-е лицо по ударенію также отличается отъ слѣдующихъ.

Изъ нихъ одинъ только — *вертѣть* — допускаетъ въ этихъ лицахъ двоякое удареніе: *вéртишь* и *вертúшь.*

Глаголъ *хотѣть* спрягается въ един. числѣ наст. врем. такъ, какъ если бъ неопр. наклоненіе оканчивалось на *ать* подобно глаголамъ *метать, топтать, шептать* и проч.; *хочý, хóчешь*[1]. Здѣсь же наконецъ должны найти мѣсто односложные въ неопр. наклоненіи глаголы: *стлать*; (—) *ять* и *мочь.*

1) *стелю́, стéлешь*; почему не *стелёшь*, какъ въ глаголѣ *брать, берý, берёшь?* Когда 3-е лицо множ. числа оканчивается на *лютъ* или *рютъ*, то этотъ слогъ никогда не принимаетъ ударенія; сравнимъ: *óрютъ, бóрютъ, пóрютъ, кóлютъ, пóлютъ, мéлютъ.* Въ глаголѣ *стлать* это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ предыдущемъ слогѣ буква *е*, принимающая удареніе, есть бѣглая.

2) *имý, úмешь* (напр. примý, прúмешь). Но когда *и* выпадаетъ послѣ предлога *воз*, то удареніе переходитъ на послѣдній слогъ: *возьмý, возьмёшь.* То же бываетъ, когда *и* превращается въ *й* послѣ отрицанія *не* и послѣ нѣкоторыхъ предлоговъ, напр. *неймёшь, займёшь, уймёшь.*

3) *могý, мóжешь.* Изъ всѣхъ глаголовъ на *чь*, это единственный съ подвижнымъ удареніемъ въ настоящемъ времени, что приписать должно, какъ кажется, вліянію гласной *о* въ первомъ слогѣ, которая, какъ мы видѣли, легко принимаетъ на себя удареніе въ двусложныхъ глаголахъ.

Между глаголами на *ить* нѣкоторые перемѣняютъ или не перемѣняютъ удареніе, смотря по смыслу своему, если имѣютъ двоякій, и еще по тому, соединены ли они съ предлогомъ и съ какимъ именно, употреблены ли съ мѣстоименіемъ *ся* или безъ него. Приведемъ примѣры:

1) Вліяніе *значенья. Крéстишь, крéстишься*, говорятъ, когда дѣло идетъ о знаменіи креста; *крестúшь, — ся*, когда разумѣютъ обрядъ крещенія. *Кóсишь*, когда означается срѣзываніе травы, и *косúшь*, когда рѣчь идетъ о направленіи глазъ (4).

---

[1] См. выше, стр. 365.

2) Вліяніе *предлоговъ*. *Творить* безъ предлога въ наст. время никогда не измѣняется въ ударенiи; съ предлогами *за*, *при*, *от*, *раз* говорятъ *твóришь*, при чемъ измѣняется и смыслъ[1]. *Чинить*, безъ предлога, употребляется съ двоякимъ удареніемъ въ наст. времени; глаголъ *учинить* всегда сохраняетъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Говорятъ (*по*)*лýчишь*, а когда съ этимъ глаголомъ соединенъ гредлогъ *раз*, то удареніе допускается двоякое: *разлýчишь* и *разлучúшь*. (Точно такъ же въ будущемъ времени глагола *прислáть* говорятъ иногда *прúшлешь*). Вліяніе предлоговъ на удареніе такъ велико, что оно иногда обнаруживается даже и на неопредѣленномъ наклоненіи. Глаголъ *висѣть*, при предлогѣ *за*, переноситъ свое удареніе на предпослѣдный слогъ: *завúсѣть*.

3) Вліяніе *мѣстоименія ся*. Говорятъ: *садúшь* и *сáдишь*, но въ возвратной формѣ только *садúшься*; *лóжишь* съ предлогами *по*, *при*, *раз* и др. всегда произносятъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ; а когда глаголъ этотъ употребляется въ возвратной формѣ безъ предлога, то говорятъ: *ложúшься*. Другой случай представляетъ глаголъ *студúть*, который при мѣстоименіи *ся* и предлогѣ *про* въ будущемъ времени всегда переноситъ удареніе на слогъ *стý*, тогда какъ *студишь* безъ этихъ приращеній выговаривается двоякимъ образомъ.

Перейдемъ теперь къ трехсложнымъ глаголамъ на *ить*. Ихъ вообще въ языкѣ немного — 20 съ небольшимъ, а подвижное удареніе замѣчается только въ 12-ти изъ нихъ: *волочить*, *воротить*, *колотить*, *молотить*, *торопить*, *хоронить*, *городить*, *золотить*, *коротить*, *становить*, *теребить*, *шевелить*, (об)*локотиться*. Между ними большая половина, именно послѣдніе семь, допускаютъ въ наст. вр. двоякое удареніе: *городúшь* и *горóдишь*, *золотúшь* и *золóтишь* (особенно съ предлогомъ) и т. д. Здѣсь опять въ большей части случаевъ удареніе падаетъ на букву *о*.

Въ этихъ глаголахъ еще одно обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Почти всѣ они представляютъ то, чтó у насъ принято

[1] См. выше выноску, относящуюся къ списку глаголовъ, противъ слова *творить* (стр. 377).

называть *полногласіемъ*, т. е. двойныя гласныя при буквахъ *р* и *л*, — составъ довольно сходный съ тѣмъ, какой мы видѣли въ трехсложныхъ глаголахъ съ окончаніемъ *тать* (бормотать, лепетать и т. д.), которые также перемѣняютъ удареніе во 2-мъ лицѣ наст. вр. Почти всѣмъ приведеннымъ трехсложнымъ глаголамъ на *ить* соотвѣтствуютъ церковно-славянскіе съ одною гласною вмѣсто двухъ: *влачить*, *вратить*, *млатить*, *хранить*, *градить*, *златить*, *кратить*, и въ этихъ двусложныхъ глаголахъ удареніе остается уже постоянно на послѣднемъ слогѣ. Отсюда возникаетъ вопросъ: переносъ ударенія во 2-мъ и послѣдующихъ лиц. наст. вр. не есть ли исключительно народное свойство русскаго языка, чуждое древне-славянскому нарѣчію?

Къ сожалѣнію, въ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ спискахъ евангелія ударенія вовсе не означены; они начинаютъ появляться не прежде какъ въ 15 и 16-мъ столѣтіяхъ. Но и въ рукописяхъ, относящихся къ этому времени, оказывается касательно ударенія большое разнообразіе; къ тому же надъ многими словами вовсе нѣтъ ударенія, въ другихъ оно поставлено надъ двумя слогами. Въ этомъ отношеніи наши тексты священнаго писанія могутъ быть раздѣлены на два разряда.

Въ однихъ ударенія довольно сходны съ находимыми до сихъ поръ въ нашей славянской библіи и съ удареніями языка народнаго. Таковы они, наприм. въ уставномъ спискѣ евангелія 16-го вѣка, хранящемся въ Императорской Публичной библіотекѣ (№ 25 по ея каталогу[1]); здѣсь читается между прочимъ: *свѣ́тится*, *и́мутъ*, *ви́дѣхомъ*, *вопро́сятъ*, *вопроси́ша*, *испра́вите*, *у́зриши*, *пи́саное*. Однако тутъ же встрѣчаются случаи несходства ударенія съ нынѣшнимъ, и въ размѣщеніи его часто видна нѣкоторая шаткость: напр. слово *видѣхомъ* въ другомъ мѣстѣ носитъ удареніе на 2-мъ слогѣ; далѣе читаемъ *созда́на* и проч. Къ этому

[1] Здѣсь приводятся замѣтки, сдѣланныя мною при просмотрѣ разныхъ списковъ евангелія въ Публ. библ. Для удобства сличенія избралъ я однѣ и тѣ же первыя главы евангелія отъ Іоанна, которыя и прослѣдилъ во всѣхъ бывшихъ передо мною рукописяхъ, отмѣчая впрочемъ почти одни только глаголы, относящіеся къ предмету моего изслѣдованія.

же разряду текстовъ относительно ударенія принадлежитъ и острожское изданіе 1581 года, а также виленское евангеліе 1575 года, напечатанное Петромъ Мстиславцемъ. Въ этихъ текстахъ, какъ и въ нынѣшнемъ, удареніе только мѣстами отступаетъ отъ употребительнаго въ наше время, какъ-то: *возложи́тъ, погуби́тъ, преклони́тъ, научи́тъ*, изъ чего надобно заключить, что въ Москвѣ ударенія церковно-славянскаго нарѣчія вообще выработались подъ вліяніемъ народнаго языка.

Другой разрядъ составляютъ такіе тексты, въ которыхъ ударенія по большей части вовсе не сходны съ нынѣ-употребительными. Такъ въ спискѣ конца 15-го вѣка (Кат. Публ. библ. № 16) находимъ: *вопро́сиша, по́славшій, сходя́щь, тво́рите, на́плъните, о́бръте, при́ходитъ, о́сужденъ, о́сужденье, у́читель, до́стоинъ.* Въ полууставномъ 1537 года (К. Б. № 23): *все́лися, въ́ просятъ, вопро́сиша, гря́детъ, схо́дящь, жи́веши, въку́си, тво́рите, ро́дится, возлю́би, ре́коша, осу́жденъ* (но также *осужде́нъ*); *ре́менъ, се́бѣ, уче́никъ, церко́вь, дѣ́ла* (множ. ч.), *лу́кава.* Подобныя ударенія встрѣчаются во множествѣ и въ полууставномъ спискѣ 16-го вѣка (К. Б. № 24), и въ уставномъ 15-го (№ 13); въ послѣднемъ, кромѣ удареній, много другихъ надстрочныхъ знаковъ, удареній же вообще мало. Еще болѣе разнообразія въ отношеніи къ просодіи представляетъ полууставный списокъ 16-го вѣка (№ 31), гдѣ читаемъ: *похо́ти, видѣ́хомъ, достои́нъ, отрѣ́шу, слыша́вшою, видѣ́въ же, се́бѣ, вѣрова́ша, име́те, не има́ть, встане́те, буде́те.*

Во всѣхъ этихъ спискахъ, въ большей части случаевъ, обнаруживаются слѣды сербской просодіи; это тѣмъ очевиднѣе, что надъ нѣкоторыми словами поставлено по два ударенія (*пу́сты́ни, по́сла̀* — № 16), что также составляетъ принадлежность сербскаго правописанія[1]. Итакъ мы не сдѣлаемъ слишкомъ смѣлаго заключенія, если предположимъ, что такіе тексты, отличающіеся особенностью своихъ удареній, списаны съ сербскихъ редакцій

[1] Ср. Словарь Караджича и Грамм. Добровскаго, Гл. III, §§ III — VIII.

священнаго писанія. Въ этой догадкѣ утверждаютъ насъ два находящіяся также въ Публичной библіотекѣ сербскія евангелія, напечатанныя въ 16-мъ столѣтіи черногорскимъ монахомъ Мардаріемъ, родомъ съ рѣки Дрина — одно въ Бѣлградѣ, а другое въ монастырѣ «*Мръкшина црква въ подъкриліе Чръніе горы*». Въ первомъ изъ нихъ встрѣчаются между прочимъ такія ударенія: *твóрити*, *твóриши*, *не рóдится* (но на той же страницѣ не *родúтся*, и *рóдитися*, *рóждéнное*), *хощéтъ*, *слышúши*, *могýтъ*, *рéче*.

Соображая все это, мы не можемъ не признать, что глаголы съ подвижнымъ удареніемъ составляютъ принадлежность собственно русскаго, народнаго, а не старо-славянскаго языка (5). Нѣтъ сомнѣнія, что просодія послѣдняго у насъ постепенно видоизмѣнялась подъ вліяніемъ перваго, но, къ сожалѣнію, мы не можемъ прослѣдить всѣхъ ея измѣненій, по недостатку памятниковъ, гдѣ бы ударенія означены были со времени введенія на Руси письменности. Здѣсь мы только слегка коснулись этого предмета съ исторической точки зрѣнія; однакожъ и этого, кажется, достаточно, чтобы показать, къ какимъ любопытнымъ выводамъ можетъ привести разсмотрѣніе нашихъ рукописей въ отношеніи къ удареніямъ—сторона, до сихъ поръ еще не тронутая въ изслѣдованіи исторіи славяно-русскаго языка. Впрочемъ не надобно упускать изъ виду возможности и того факта, что знаки ударенія часто ставились писцами произвольно.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Терминъ *подвижное удареніе* употребленъ въ первый разъ А. Х. Востоковымъ: см. его Русскую Грамматику (4-е изд.) § 182. Онъ принятъ и въ Опытѣ общесравнительной грамматики русскаго языка, § 76.

2) Относительно глагола *блистáть* можетъ возникнуть сомнѣніе, дѣйствительно ли это неопредѣленное наклоненіе принадлежитъ тому же глаголу, въ которомъ настоящее время: *блещý*,

блéщешь, и точно ли эта послѣдняя форма тожественна съ другою: *блистáю, блистáешь*. Нельзя ли скорѣе принять ее за видоизмѣненіе формы: *блещý, блестúшь* отъ глагола *блестѣть?* Форма *блéщешь, блéщетъ* и т. д. не можетъ отвѣчать неопр. наклоненію, у котораго передъ окончаніемъ *ть* бѣглое *ѣ*; эта послѣдняя буква въ настоящемъ времени всегда замѣняется гласною *и* (исключеніе составляютъ только два глагола: *хотѣть* и *ревѣть*; въ послѣднемъ видимъ новую форму, заступившую мѣсто древней *рюти* [1]). Съ другой стороны окончаніе *ешь... утъ* (безъ удар.) съ предшествующею шипящей *ж ч ш щ* въ наст. врем. всегда указываетъ на неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ *гать, кáть, тать, хáть, сать, скать* или *стать: брызжутъ—брызгать, плáчутъ—плáкать, мéчутъ — метáть, мáшутъ — махáть, пúшутъ—писáть, úщутъ—искáть; хлéщутъ—хлестáть*. Многіе изъ этихъ глаголовъ имѣютъ въ наст. вр. двоякую форму: *брызжу* и *брызгаю, мечý* и *метáю, машý* и *махáю, хлещý* и *хлестáю*. Такъ точно и глаголъ *блéщутъ* въ неопредѣленномъ наклоненіи долженъ бы имѣть форму *блестáть*; но вмѣсто ея утвердилась другая—*блистáть*; для довершенія аналогіи, и этотъ глаголъ (какъ *хлестать* и *плескать*) имѣетъ въ настоящемъ времени двоякую форму: *блещу* и *блистаю* [2]. Такъ смотритъ на него и А. Х. Востоковъ (ср. его Грамматику, § 75, Различ. II, е).

3) О частомъ превращеніи звука *а* въ *о*, когда на *а* падаетъ удареніе было уже говорено въ другой статьѣ: «О нѣкоторыхъ особенностяхъ въ системѣ звуковъ русскаго языка» (см. выше стр. 316). Нѣтъ, кажется, надобности объяснять, что въ словахъ *садúшь* и *посóдишь* буквы *а* и *о* въ коренномъ слогѣ тожественны.

4) Можно бы подумать, что формы *кóсишь* и *косúшь* принадлежатъ двумъ разнымъ глаголамъ, которые только случайно со-

---

[1] См. Остромирово Евангеліе, Грамматическія правила, § 39.

[2] И въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ словá этого корня встрѣчаются въ двухъ разныхъ формахъ, изъ которыхъ одна является съ гласною *и*, а другая съ *е* или *а*, напр. польск. błyszczeć и bleszczeć (стар.), błysk и blask; словацк. blysstim se, bleskati se. Въ лужиц. нарѣчіи послѣ *l* буква *o* blosk, bloskani. (См. Словарь Линде).

звучны въ неопред. наклоненіи. Но что это одинъ и тотъ же гла̀голъ, въ томъ убѣждаетъ насъ совершенно сходный случай въ германскихъ языкахъ: въ исландскомъ глаголъ *sneida*, — отъ корня *sneid*, косой — значитъ: 1) дѣлать косымъ, кривымъ, наклонять вкось, и 2) рѣзать. Такъ и въ шведскомъ прилаг. *sned* значитъ косой, а глаголъ *sneda* — косить, кривить и — наискось срѣза́ть. То же представляетъ и областной норвежскій глаголъ *snide*. Въ нѣмецкомъ языкѣ глаголъ того же корня *schneiden* значитъ рѣзать, а въ датскомъ сущ. *snedker* — столяръ, тогда какъ прилаг. *snedig* — лукавый, криводушный.

5) По убѣжденію Добровскаго, «въ множайшихъ словахъ сербскія древнія книги сохранили удареніе прежнее, 9-го вѣка (хотя достовѣрно и не безъ нѣкоторыхъ перемѣнъ)» — (Грамм. языка Слав. Ч. I, гл. III, § 1); но мы не можемъ опереться на это мнѣніе знаменитаго филолога, потому что оно не подкрѣпляется никакими положительными данными. Въ подтвержденіе нашей мысли о принадлежности народному языку подвижного ударенія въ глаголахъ, скорѣе надобно привести то обстоятельство, что въ священномъ писаніи до сихъ поръ носятъ постоянное удареніе многіе изъ такихъ глаголовъ, которые у насъ употребляются не иначе какъ съ удареніемъ подвижнымъ, наприм. учи́тъ вм. у́читъ, клони́тъ вм. кло́нитъ, погуби́тъ вм. погу́битъ, и друг.

О РУССКОМЪ УДАРЕНІИ ВООБЩЕ И ОБЪ УДАРЕНІИ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ.

I.

Общія замѣчанія о сущности русскаго ударенія. Неопредѣленность его во многихъ случаяхъ. Взглядъ Востокова. Два предмета изслѣдованія. Удареніе въ первообразныхъ словахъ. Двоякая цѣль нашего ударенія. Два весьма опредѣленные закона его въ именахъ предложныхъ. Имена съ производственными окончаніями мужескаго, женскаго и средняго рода: а) всегда имѣющими удареніе; б) являющимися то съ удареніемъ, то безъ ударенія, и в) никогда не принимающими его. Результаты изслѣдованія: указаніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ удареніе въ производныхъ словахъ.

Приступая къ разсмотрѣнію законовъ просодіи въ русскомъ языкѣ, мы прежде всего встрѣчаемъ вопросъ: что такое удареніе? Точно ли оно состоитъ, какъ всѣ мы повторяемъ послѣ Ломоносова, въ повышеніи голоса надъ слогами? Кажется, такое опредѣленіе сущности ударенія не совсѣмъ вѣрно. Если бъ мы на каждомъ словѣ дѣйствительно повышали и понижали голосъ, то мы говорили бы на распѣвъ; сущность ударенія заключается въ усиленіи выговора нѣкоторыхъ слоговъ, т. е. въ увеличеніи силы, съ какою выталкивается воздухъ при произнесеніи звуковъ [1]. Поэтому не безъ основанія у насъ въ старину называли ударенія *силами*. Вслѣдствіе того слоги съ удареніемъ и въ русскомъ

[1] Спустя много времени послѣ того какъ эти строки были написаны, я нашелъ ту же мысль выраженною въ соч. Heyse, System der Sprachwissenschaft: § 152. Accent (стр. 328 и 329). Часть его была переведена на русскій языкъ г. Желтовымъ и печаталась въ *Филологическихъ Запискахъ* г. Хованскаго.

языкѣ могутъ становиться нѣсколько длиннѣе другихъ. Правда, у насъ нѣтъ напряженнаго протяженія гласныхъ, какое замѣчается въ иныхъ языкахъ, напр. въ нѣмецкомъ и во французскомъ, однакожъ и съ нашимъ удареніемъ въ нѣкоторой степени связано удлинненіе слоговъ. Что касается до способа означать у насъ удареніе на письмѣ, то нѣтъ причины употреблять то *острый* знакъ (´), то *тяжкій* (`): такъ какъ мы не имѣемъ фонетическаго основанія для разныхъ степеней удлинненія слоговъ, то и знакъ ударенія можетъ быть у насъ только одинъ, и именно острый (´), годный на всякомъ мѣстѣ слова: никакого нѣтъ основанія на окончательной гласной ставить, по примѣру греческаго письма, тяжкій (`) знакъ.

Затѣмъ является другой вопросъ: есть ли въ русскомъ языкѣ твердо установленное удареніе? Мы не будемъ распространяться о различіи его въ разныхъ мѣстныхъ говорахъ нашего языка, ни о послѣдовательныхъ измѣненіяхъ его въ разныя времена; но и въ общеупотребительной современной рѣчи удареніе часто слышится то на одномъ, то на другомъ слогѣ. Всякій, кто захотѣлъ бы въ точности опредѣлить удареніе каждаго русскаго слова, въ весьма многихъ случаяхъ встрѣтилъ бы сомнѣніе; если бъ, для разрѣшенія его, онъ сталъ обращаться къ знатокамъ языка, то и отъ нихъ услышалъ бы столько же разныхъ мнѣній, напр. одинъ говоритъ: *христіáнинъ*, *грáжданинъ*, *клáдбище*, *вёсну*, *врéменный*, *озёра*, *изобрѣтеніе*, *сéрдиться*; а другой произноситъ: *христіанúнъ*, *гражданúнъ кладбúще*, *веснý*, *временнóй*, *озерá*, *изобрѣтéніе*, *сердúться*...

Въ статьѣ моей: «О глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ» было показано, что въ числѣ сотни двусложныхъ глаголовъ съ окончаніемъ *ить*, измѣняющихъ удареніе въ настоящемъ времени, оказывается около 50 такихъ, у которыхъ удареніе въ этомъ времени (кромѣ 1-го лица единст. числа) можетъ падать и на 1-й, и на 2-й слогъ, напр. *вáлишь*, *валúшь*.

Отсюда слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ нѣтъ постояннаго основанія для ударенія словъ. Но словá съ

опредѣленнымъ удареніемъ несравненно многочисленнѣе: не подчинено ли оно хоть въ нихъ положительнымъ законамъ и нельзя ли выяснить эти законы? Самый этотъ вопросъ до сихъ поръ остается у насъ нерѣшеннымъ, потому что никто еще не подвергалъ обстоятельному разсмотрѣнію всѣхъ случаевъ разнообразія нашихъ удареній. Указаніе словъ съ *подвижнымъ* удареніемъ мы находимъ въ грамматикѣ Востокова (§ 182 и слѣд.); но онъ не принялъ на себя окончательнаго рѣшенія задачи, оговорившись такимъ образомъ: «Который именно слогъ должно произносить съ удареніемъ, сему научаемся изъ употребленія и изъ словаря, потому что *не пріискано еще на то опредѣленныхъ правилъ*». Послѣднія слова показываютъ однакожъ, что нашъ заслуженный филологъ не отвергалъ возможности открытія такихъ правилъ. При всемъ томъ эта отрасль разработки нашего языка до сихъ поръ почти не обращала на себя вниманія. Павскій въ своихъ «Филологическихъ наблюденіяхъ надъ составомъ русскаго языка» иногда указываетъ на тѣ случаи, когда удареніе явно присвоено извѣстнымъ слогамъ или окончаніямъ, но онъ вообще касается этого предмета только мимоходомъ и случайно, не входя въ подробное систематическое изслѣдованіе его. Конечно, трудность задачи и малое вѣроятіе успѣха въ рѣшеніи ея можетъ устрашить всякаго при самомъ приступѣ къ предпріятію, которое представляется неблагодарнымъ. Но кажется, оно не будетъ таково, если цѣлію поставить себѣ не именно опредѣленіе законовъ ударенія, а по крайней мѣрѣ рѣшеніе вопроса: есть ли въ русскомъ языкѣ возможность опредѣлить эти законы, или они до такой степени неощутительны и неуловимы, что установить ихъ невозможно? Настоящій трудъ и ограничивается этою цѣлью. Въ основаніе нашихъ наблюденій мы беремъ общеупотребительный языкъ, т. е. московское нарѣчіе съ тѣми видоизмѣненіями, которыя оно приняло по обширности предѣловъ своего распространенія. Впрочемъ мы обращали вниманіе отчасти и на областныя нарѣчія. Что касается другихъ славянскихъ языковъ, то въ настоящемъ случаѣ мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ. Сознавая, что сравнительное

изученіе хода развитія ихъ относительно ударенія можетъ имѣть свой интересъ и свою пользу, не думаемъ однакожъ, чтобъ собственно здѣсь, для цѣли нашей, такое сравненіе могло оказать намъ существенную услугу [1].

Прежде всего мы должны отличить два вопроса, которыхъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать:

1) Гдѣ находится удареніе въ прямой или такъ-сказать заглавной формѣ слова, т. е. у склоняемыхъ словъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа, а у спрягаемыхъ въ неопредѣленномъ наклоненіи? и 2) когда удареніе во флексіи остается на томъ же мѣстѣ и когда оно переходитъ на другое мѣсто въ извѣстныхъ ея формахъ?

Поэтому и изслѣдованіе наше раздѣлится на двѣ соотвѣтствующія этимъ вопросамъ части. На первый случай займемся разсмотрѣніемъ именъ существительныхъ.

Объ удареніи существительныхъ въ именительномъ падежѣ единственнаго числа.

Здѣсь надобно отдѣлить имена *первообразныя* отъ *производныхъ* и опять между первыми *односложныя* отъ *двух-* и *трехсложныхъ*. Объ односложныхъ не можетъ быть рѣчи; что касается остальныхъ, то если кто захочетъ опредѣлить, почему въ од-

---

[1] Совершенно согласно съ этимъ и Шлейхеръ замѣчаетъ, что для изслѣдованія ударенія древнеславянскаго языка «мало могутъ пособить другія славянскія нарѣчія, такъ какъ, при всемъ родствѣ между ними, акцентуація въ нихъ представляетъ большія различія; такъ въ польскомъ удареніе постоянно падаетъ на предпослѣдній слогъ, въ чешскомъ на первый, въ русскомъ оно свободно и ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова не связано и т. д.» (*Die Formenlehre der Kirchensl. Sprache.* Bonn 1852. Стр. 36). Въ 1880 году профессоръ Нѣжинскаго института Р. Ѳ. Брандтъ, въ своей магистерской диссертаціи «Начертаніе славянской акцентологіи», разсмотрѣлъ удареніе во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и тѣмъ конечно принесъ несомнѣнную пользу этой отрасли филологіи, но насчетъ собственно отношенія русской акцентуаціи къ просодіи другихъ родственныхъ нарѣчій его изслѣдованіе вполнѣ подтвердило мое убѣжденіе.

номъ первообразномъ словѣ удареніе на такомъ-то мѣстѣ, а въ другомъ, сходномъ съ нимъ и по образованію и по роду выражаемаго понятія, удареніе не на томъ же слогѣ, такое стараніе будетъ почти всегда безплоднымъ. Это происходитъ отъ того, что въ русскомъ языкѣ удареніе составляетъ одну изъ индивидуальныхъ особенностей внѣшней формы слова: оно образовалось вмѣстѣ съ словомъ, — почему такъ, а не иначе, это, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, тайна созданія слова, непроницаемая для наблюдателя точно такъ же, какъ тайна всякаго творчества;—это черта физіономіи слова, которой не разгадаетъ никакой Лафатеръ филологіи.

Но нельзя ли отсюда вывести заключенія, что удареніе въ русскомъ языкѣ не имѣетъ никакого значенія и есть дѣло одной случайности? Значеніе нашего ударенія можно, кажется, объяснить себѣ такимъ образомъ. У насъ всѣ слоги, по первоначальному свойству своему, одинаковы, состоятъ такъ-сказать на равныхъ правахъ; если бъ мы и произносили ихъ совершенно одиково, то слово не образовало бы отдѣльнаго цѣлаго; для приданія слогамъ его связи, для совокупленія ихъ въ фонетическое тѣло, мы должны одному слогу дать первенство, господство надъ другими. Такое предпочтеніе народный слухъ оказываетъ всякій разъ тому изъ слоговъ, на который въ произношеніи удобнѣе опереться; итакъ мѣсто ударенія въ первообразныхъ словахъ опредѣляется неуловимыми требованіями слуха. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой возможности рѣшить, почему такъ, а не иначе произносятся слова: *во́рохъ* и *горо́хъ*; *рука́* и *щу́ка*, *коза́* и *ко́жа*, *мѣ́сто* и *гнѣздо́*.

Сверхъ того въ языкѣ нашемъ видно однако и постоянное стремленіе пользоваться удареніемъ для достиженія двоякой цѣли: 1) возможной ясности выговора и 2) опредѣлительнаго отличенія понятій и отношеній, что̀ доказывается многими явленіями, на которыя впослѣдствіи будетъ указано.

Что касается словъ производныхъ, то здѣсь съ перваго взгляда насъ поражаетъ чрезвычайное разнообразіе ударенія

какъ въ отношеніи къ порядку слоговъ, на которые оно падаетъ, такъ и въ разсужденіи свойства ихъ; т. е. съ одной стороны, удареніе бываетъ то на первомъ слогѣ, то на послѣднемъ, то на одномъ изъ среднихъ; съ другой стороны, оно падаетъ то на коренной слогъ, то на бѣглую гласную, то на начальную приставку, то на окончаніе.

Здѣсь мы остановимся нѣсколько на томъ случаѣ, когда начальная приставка, т. е. предлогъ, связанный съ существительнымъ именемъ въ одно слово, принимаетъ удареніе. Изъ ряду такихъ приставокъ мы должны напередъ выдвинуть предлогъ *вы*, какъ слѣдующій въ этомъ отношеніи особымъ законамъ. Извѣстно, что будучи соединенъ съ глаголомъ, онъ носитъ удареніе всякій разъ, когда образуетъ *совершенный* видъ: *вы́разить*, *вы́ступить*, *вы́здоровѣть*. Но отглагольныя существительныя съ окончаніемъ *ніе*, хотя и произведенныя отъ этого вида, не всегда слѣдуютъ тому же правилу; такъ всѣ говорятъ: *выраже́ніе*, *выступле́ніе*, *выздоровле́ніе* (1), несмотря на то, что самое окончаніе *еніе* не необходимо является съ удареніемъ, какъ видно напр. въ словѣ *изобрѣтеніе*. За то *предлогъ* вы *непремѣнно носитъ удареніе, когда соединенное съ нимъ отглагольное существительное есть либо первообразное, либо производное съ окончаніями: окъ, екъ, ышъ, ецъ, икъ, щикъ, ка, ица, ина, ость*; напр. *вы́боръ*, *вы́вихъ*, *вы́носъ*, *вы́стрѣлъ*, *вы́мыселъ*, *вы́слуга*, *вы́родокъ*, *вы́селокъ*, *вы́кидышъ*, *вы́веденышъ*, *вы́ходецъ*, *вы́водчикъ*, *вы́дѣльщикъ*, *вы́ставка*, *вы́писка*, *вы́работка*, *вы́водчица*, *вы́боина*, *вы́пуклость*. Только слово *выдумщикъ* произносятъ и иначе, т. е. съ удареніемъ на коренномъ слогѣ (выду́мщикъ), но это неправильно. Когда имя съ окончаніемъ *ость* произведено отъ сущ., оканчивающагося на *тель* или, вѣрнѣе, отъ прилагательнаго, кончащагося на *тельный*, то предлогъ *вы* не принимаетъ ударенія, потому что не носитъ его и при этомъ послѣднемъ окончаніи, напр. *выразі́тельность*.

Прочіе предлоги, соединяясь съ именами, то оставляютъ за ними удареніе, то сами принимаютъ его, напр. *дозо́ръ* и *до́водъ*,

заво́дъ и *за́кромъ*, *зазы́въ* и *за́мыслъ*, *обо́зъ* и *о́бодъ*, *посо́лъ* и *по́варъ* и т. д. Иногда въ такихъ предложныхъ словахъ удареніе различное, напр. говорятъ и *насмо́ркъ* и *на́сморкъ*, *позы́въ* и *по́зывъ*; иногда оно бываетъ двоякое, смотря по двоякому смыслу слова, напр. *замо́къ* и *за́мокъ*, *приче́тъ* и *при́четъ*[1]. Однакожъ въ именахъ, кончащихся на *ъ*, открывается одинъ законъ, общій для всѣхъ предлоговъ; онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *всякій предлогъ принимаетъ удареніе, если присоединенъ къ отглагольному или и другому имени съ окончаніемъ* ь, *лишь бы тутъ не было наставокъ тель* и *ность*, напр. въ именахъ мужескаго рода: *за́рубень*, *о́бручь* (2), *о́главль*, *о́боротенъ; о́хабенъ*, *пе́речень*, *по́рученъ*, *при́хвостень*, *про́лежень*, *у́вален*ь, *у́ровень;* — въ именахъ женскаго рода: *бе́зтолочь*, *за́висть*, *и́зморозь*, *и́сповѣдь*, *на́сыпь*, *о́бувь*, *о́пухоль*, *о́ттепель*, *о́чередь*, *пе́ревязь*, *по́честь*, *по́хоть*, *пре́лесть*, *при́голодь*, *при́мѣсь*, *про́пись*, *про́рубь*, *ро́спись*, *со́вѣсть*, *у́быль*, *у́даль*, *у́пряжь*, *у́тварь* и проч. и проч.

Если, вмѣсто предлога, въ такихъ именахъ находится отрицаніе *не*, то и оно принимаетъ удареніе, напр. *не́доросль*, *не́христь*, *не́учь*, *не́тель*, *не́видаль*, *не́погодь*, *не́нависть*.

На этомъ основаніи и нарѣчія, составленныя изъ одного или двухъ предлоговъ и подобнаго существительнаго, имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ: *по́рознь*, *и́здали*, *и́зстари*, *на́стежь*, *на́искось*, *на́отмашь*, *о́щупью*, *и́сподоволь*, *на́взничь*, *о́земь* и проч.

Слѣдовало бы также говорить *и́сконѝ*, а не *искони́*, какъ б. ч. говорятъ.

Это правило оправдывается многими десятками словъ, а изключеній изъ него мало. Вотъ едва ли не всѣ они: мужеск. рода — *недоу́чь*, женск. рода — *напа́сть*, *поги́бель*, *посте́ль*. Что касается имени *переко́пь*, которое въ этомъ видѣ также составляетъ по выговору исключеніе въ ряду именъ женск. рода, то замѣтимъ, что оно еще и въ древнихъ актахъ иногда писалось съ мужескимъ окончаніемъ (на ъ), а въ позднѣйшее время все чаще при-

[1] Подробнѣйшее изслѣдованіе этого предмета относится къ статьѣ объ удареніи предлоговъ.

нимало эту форму: см. Словарь Щекатова, Ч. IV, стр. 1043 и 1044; Кн. Больш. Чертежу, изд. Спасскимъ, стр. 221—225, И. Г. Р. I, стр. 437, и Акты Ист. Арх. Комм. т. II, стр. 201 («пушки побрали въ *перекóпъ»*) Относительно слова *пріязнь* надобно помнить, что здѣсь *прі* не есть предлогъ (Санскр. *пріа*, любезный).

Производственныя окончанія.

Изъ производственныхъ окончаній нѣкоторыя слѣдуютъ постояннымъ законамъ въ отношеніи къ ударенію. Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія этихъ окончаній мы раздѣлимъ ихъ на 3 разряда, смотря по тому, принадлежатъ ли они именамъ мужескаго, женскаго или средняго рода. Въ двухъ первыхъ разрядахъ мы примемъ еще по 3 отдѣла: 1) окончанія, всегда или почти всегда сохраняющія на себѣ удареніе; 2) являющіяся то съ удареніемъ, то безъ ударенія, или носящія его то на одномъ слогѣ, то на другомъ, и 3) никогда не принимающія ударенія. Вслѣдъ за производственными окончаніями будемъ указывать и нѣкоторыя другія, не имѣющія опредѣленнаго значенія.

I. Окончанія мужескаго рода.

1) Съ постояннымъ удареніемъ.

а) Односложныя окончанія:

áкъ, *я́къ*. Въ какомъ бы значеніи ни являлись эти окончанія, они всегда бываютъ отмѣчены удареніемъ: *дуракъ*, *морякъ*, *чудакъ*, *острякъ*, *лошакъ*, *червякъ*, *тесакъ*, *пятакъ*, *пустякъ*, *соснякъ*, *Сибирякъ*, *холостякъ*, *обинякъ* и проч. То же бываетъ, когда это окончаніе отъ присоединенія къ нему другихъ звуковъ обращается въ *чакъ*, *щакъ*, *някъ*, наприм. *смѣльчакъ*, *лонщакъ*, *дубнякъ*, *плитнякъ*. Одно только слово *завтракъ* составляетъ здѣсь повидимому исключеніе, но въ этомъ имени окончаніемъ служитъ собственно только *къ*, приложенное къ слову *завтра* (вм. заутра). Въ старину писалось *завтрокъ;* если признать эту форму за правильную, то и въ такомъ случаѣ понятно будетъ отступленіе въ выговорѣ окончанія *акъ*, котораго тутъ не было первоначально.

ýнъ всегда носитъ удареніе, означается ли этой наставкой[1] лицо съ привычкою извѣстнаго дѣйствія, или вообще съ помощью ея образуется имя, наприм. *воркунъ*, *драчунъ*, *хвастунъ*, *хлопотунъ*, *горбунъ*, *валунъ*, *бурунъ*, и проч. Даже и въ именахъ, у которыхъ *унъ* не есть производственная наставка, или которыя заимствованы изъ другихъ языковъ, удареніе все-таки падаетъ на это окончаніе: напр. *перунъ* (κεραυνός), *табунъ*, *драгунъ*. Подъ это явленія не подходятъ только два слова: *пѣстунъ* и *кóршунъ*.

áчъ, еще окончаніе личныхъ именъ, всегда отмѣченное удареніемъ: *богачъ*, *силачъ*, *толкачъ*, *скрипачъ*, *трубачъ*, *палачъ* и проч.: также *колачъ*.

áй, *я́й*: *напрягай*, *поддергай*, *негодяй*, *лѣнтяй*, *нагоняй*, *глупендяй*, *скупердяй*, *урожай* и пр. Сюда относятся и словá, въ которыхъ окончанія *ай* нельзя считать производственнымъ: *шугай*, *сарай*, *горностай*, *коровай*. Только въ именахъ *слýчай* и *обычай* удареніе нынѣ слышится почти всегда на первомъ слогѣ. *Случай*, въ значеніи успѣха при дворѣ, иногда переноситъ удареніе на *ай*:

> «Да не вошелъ ли онъ въ случáй клыками?»
>
> *Крыловъ* «Слонъ въ случаѣ».

áнъ я́нъ: *брюхáнъ*, *великáнъ*, *буя́нъ*, *бурья́нъ*. Но *рóзанъ*.

ёжъ: *мятежъ*, *грабежъ*, *дѣлёжъ*, *кутёжъ*, *платежъ*, *падежъ* (и *падёжъ*) *рубежъ*, *чертежъ*, *терпёжъ* и др. Впрочемъ нарóдъ говоритъ и *ру́бежъ*.

Вотъ наиболѣе употребительныя окончанія; еще есть нѣсколько такихъ, которыя или встрѣчаются въ немногихъ словахъ, или не составляютъ производственныхъ приставокъ.

---

[1] Подъ именемъ *наставки* я разумѣю суффиксъ, какъ подъ *приставкою*—префиксъ. Собственно говоря, слово *приставка* должно бы отвѣчать латинскому аффиксъ, а префиксъ пришлось бы перевести: *представка* или *предложка*. Пора и намъ точнѣе передавать на своемъ языкѣ научные термины, и не для чего слишкомъ бояться оскорблять нашъ слухъ новизнами, которыя только вначалѣ кажутся дикими. Употребленный мною терминъ *наставка* въ значеніи суффикса принятъ уже г. Брандтомъ, которому нельзя и вообще не быть благодарнымъ за его попытку, въ названномъ выше сочиненіи, придумывать русскія слова для передачи иностранныхъ терминовъ.

Таковы:

а́въ: рукавъ, буравъ.

у́гъ, ю́гъ: терпугъ, вертлюгъ, бѣльчугъ, смольчугъ, сычугъ.

у́й, ю́й: халуй, фатюй; почечуй, поцѣлуй.

а́гъ, о́гъ: рычагъ, очагъ, оврагъ, батогъ, пирогъ, творогъ, чертогъ.

у́къ, ю́къ: каблукъ, клобукъ, сундукъ, паукъ, индюкъ, мишукъ. Барсукъ произносится съ двоякимъ удареніемъ.

а́тъ: халатъ, ушатъ, супостатъ. Но *ба́рхатъ.*

а́шъ: торгашъ, мурашъ.

у́чъ: сивучъ, сургучъ.

б) Двух- и трехсложныя окончанія:

а́тай: ходатай, оратай, глашатай, соглядатай и др. Такъ же произносятъ по аналогіи старинное слово *ратай*, хотя въ немъ наставку составляетъ только слогъ *ай*, на которомъ должно бы быть удареніе.

ёнокъ } Объ этихъ двухъ приставкахъ ниже при разсмотрѣ-
ёночекъ } ніи слога *окъ.*

ёнышъ: дѣтёнышъ, гусёнышъ, утёнышъ.

2) Окончанія мужескаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

окъ. Эта наставка служитъ очень часто для образованія уменьшительныхъ именъ, но она не вноситъ съ собою понятія уменьшенія, когда безъ нея имя неупотребительно, или и употребляется, но въ другомъ значеніи; напр. *сило́къ, висо́къ, вѣно́къ, лото́къ, возо́къ, судо́къ, росто́къ, зрачо́къ.*

Буква *о* передъ *къ* по большей части бываетъ бѣглою, но иногда она и удерживается въ косвенныхъ падежахъ.

Ни значеніе окончанія *окъ,* ни качество гласной *о* не имѣютъ вліянія на удареніе, которое зависитъ здѣсь отъ другихъ обстоятельствъ. Мы говоримъ: *знато́къ* (*о* постоянное), *свисто́къ* (*о* бѣглое), и *сви́токъ, поря́докъ* (*о* бѣглое). Различіе произношенія зависитъ здѣсь частью отъ числа слоговъ въ имени, частью отъ того, простое ли это имя или предложное.

При разсмотрѣніи этого окончанія мы должны имѣть въ виду и другую форму его, т. е. слогъ *екъ*, который рѣдко образуетъ не уменьшительныя имена и гдѣ буква *е* всегда бываетъ бѣглою.

А. *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе:

1) Когда съ присоединеніемъ ихъ образуется двусложное простое имя, напр: *глазо́къ*, *кусо́къ*, *суро́къ*, *цвѣто́къ*, *вершо́къ*, *домо́къ*, *куро́къ*, *поло́къ*, *носо́къ*, *клубо́къ*, *сучо́къ*, *горшо́къ*, *сово́къ*, *лубо́къ*, *нырóкъ*, *жидо́къ*, *кружо́къ*, *пято́къ*, *бѣло́къ*, *лото́къ*, *стрѣло́къ*, *игро́къ*, *знато́къ*, *ѣздо́къ*, *сверчо́къ*; *денёкъ*, *валёкъ*, *кулёкъ*, *шпинёкъ*, *конёкъ*, *линёкъ*.

Исключенія рѣдки; ихъ легко перечесть: *пре́докъ*, *хло́покъ*, *ку́бокъ*, *и́нокъ*, *щёлокъ*, *ры́нокъ*, *во́йлокъ*, *лу́чекъ* и *ли́шекъ*. Почти во всѣхъ этихъ словахъ причина ихъ особеннаго произношенія очевидна.

Предокъ произносится своеобразно какъ единственное имя, образованное приложеніемъ слога *окъ* непосредственно къ предлогу.

Хлопокъ должно бы произноситься съ удареніемъ на *окъ*, если бъ происходило отъ глагола *хлопать*, какъ *щелчокъ*, *толчокъ*, *звокъ*, *швырокъ*, *свистокъ*, *пинокъ* и проч. происходятъ отъ соотвѣтственныхъ глаголовъ, Вѣроятно, слово *хлопокъ* выговаривается иначе для отличія отъ такихъ отглагольныхъ именъ.

Кубокъ не русскаго происхожденія: можетъ быть, оно перешло къ намъ изъ Польши и оттого произносится какъ польское kubek.

Имя *инокъ* образовано сходно съ греческимъ μοναχός и германскимъ einog: тутъ окончанія *окъ* нельзя считать существительною наставкою, потому что въ такомъ случаѣ этотъ слогъ не могъ бы сохраниться и въ женскомъ имени *и́нок*-иня. Скорѣе можно видѣть въ словѣ *инокъ* усѣченное прилагательное (позволяю себѣ этотъ старый терминъ ради его удобопонятности), что́ оправдывается другимъ нашимъ прилагательнымъ: *одино́кій*[1].

---

[1] Пав. Разс. II, Б., стр. 302: «инокій, одинокій можно поставить въ параллель съ прил. именами высокій, глубокій» и проч.

Имя *щелокъ* — славянскаго происхожденія. И его окончаніе не есть производственная наставка, судя по тому, что этотъ же слогъ удержанъ, только съ умягченіемъ согласной, въ женскомъ имени *щелочь*. Притомъ, еслибъ въ словахъ *инокъ* и *щелокъ* окончаніе *окъ* было обыкновенною наставкой, то гласная *о*, не имѣя ударенія, была бы бѣглою, какъ во всѣхъ именахъ такого образованія, а она остается и въ косвенныхъ падеждахъ: *инока, щелокомъ* (3).

Рынокъ есть измѣненное германское слово *ring*, которое нѣкогда означало между прочимъ круглую и особенно торговую площадь; у Чеховъ и Поляковъ *рынокъ* (rynek) и значитъ *площадь*.

Войлокъ — конечно также не русское слово. Въ лексиконѣ Линде оно показано татарскимъ, но это не подтверждается другими разысканіями (4). И это слово мы опять находимъ въ польскомъ языкѣ: wojłok.

Лу́чекъ, растеніе, выговаривается такъ для отличія отъ *лучёкъ*, орудіе. Въ обоихъ случаяхъ это уменьшит. отъ *лукъ*.

Явное исключеніе составляетъ только слово *ми́шекъ*.

Клинокъ въ значеніи главной части холоднаго оружія (нѣм. Klinge) произносится двояко.

Слова *за́мокъ, волокъ, отрокъ, турокъ* и, можетъ быть, еще нѣкоторыя другія сюда не относятся, потому что въ нихъ буква *к* очевидно принадлежитъ къ корню.

2) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе, когда для образованія уменьшительныхъ прилагаются: а) къ двусложному имени съ удареніемъ на первомъ слогѣ; б) къ такому двусложному имени съ удареніемъ на второмъ слогѣ, которое въ косвенныхъ падежахъ держитъ это удареніе на окончаніи флексіи.

Примѣры случая *а): у́зелъ, узело́къ; во́лосъ, волосо́къ; вѣтеръ, вѣтеро́къ; по́сохъ, посошо́къ; островъ, островóкъ; ве́черъ, вечеро́къ; го́лосъ, голосо́къ; голубь, голубо́къ; ко́рень, корешо́къ; ло́скутъ, лоскуто́къ; мо́лотъ, молото́къ; по́рохъ, порошо́къ; сте́бель, стебелёкъ; сби́тень, сбитенёкъ; фли́гель, флигелёкъ.*

Повидимому имя *ка́мень* въ уменьшительной формѣ представляетъ исключеніе, но въ сущности тутъ едва ли не другое окончаніе, именно: *ушекъ* (*ка́мушекъ*, какъ въ словахъ *воро́бушекъ*, *со-ло́вушекъ*), а не *екъ*, передъ которымъ *н* будто бы превратилось въ *ш* (*ка́мешекъ*, какъ въ словѣ *гребешёкъ*), потому что никто такъ не произноситъ этого имени и правописаніе *камешекъ*, кажется, придумано искуственной грамматикой.

Примѣры случая *б): пиро́гъ* (а́), *пирожо́къ; ого́нь* (я́), *огонёкъ; оча́гъ, очажо́къ; реме́нь, ремешо́къ; котёлъ, котело́къ; дура́къ, дурачо́къ; пузы́рь, пузырёкъ; руче́й, ручеёкъ; хохолъ, хохоло́къ; стари́къ, старичо́къ; пѣту́хъ, пѣтушо́къ; коше́ль, кошелёкъ.*

3) *окъ* и *екъ* принимаютъ удареніе въ отглагольныхъ безпредложныхъ именахъ, хотя и заключающихъ въ себѣ болѣе двухъ слоговъ, напр. *кипято́къ, кувыро́къ, колото́къ.*

4) Такимъ же образомъ, наконецъ, произносятся имена: *четверто́къ, василёкъ, комелёкъ*, и еще два уменьшительныя, въ которыхъ передъ тою же наставкой является посредствующій слогъ съ буквою *н: муженёкъ, куманёкъ* (собств. кумонекъ).

Б. *окъ* и *екъ* остаются безъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ:

1) Когда эта приставка прилагается къ такому имени съ удареніемъ на второмъ или на третьемъ слогѣ, которое во флексіи не переноситъ этого ударенія на падежное окончаніе: *горо́хъ* (а), *горо́шекъ; бара́нъ* (а), *ба́рашекъ; человѣ́къ, человѣ́чекъ; орѣ́хъ, орѣ́шекъ; овра́гъ, овра́жекъ; лосо́съ, лосо́сокъ*[1]; примѣровъ этого случая мало, потому что такія существительныя, для образованія уменьшительной степени, чаще принимаютъ окончанія *ецъ* и *икъ*: *уха́бецъ, ушатецъ, забо́рикъ, наро́децъ, уро́децъ* (по большей части предложныя).

2) Когда существительное съ окончаніемъ *окъ* образуется отъ предложнаго глагола или вообще съ помощью какого-нибудь предлога (кромѣ *вы*): *достатокъ, убытокъ, поступокъ, осадокъ, раз-*

[1] Послѣднее имя произносится еще и другимъ образомъ: *ло́сосъ, лососо́къ.* Это также правильно, но согласно съ первымъ закономъ.

судокъ, отростокъ, обрубокъ, опоекъ, осколокъ, сколокъ, снимокъ, слѣпокъ, списокъ, недоносокъ, загривокъ, наперстокъ, отголосокъ, перешеекъ, прилавокъ, проселокъ, простѣнокъ, недоуздокъ. Сюда же слѣдуетъ отнести составныя имена: *полушубокъ, однолѣтокъ, межеумокъ* и др.

Здѣсь замѣчательны два обстоятельства: 1) что даже и двусложныя слова, какъ скоро въ составѣ ихъ есть предлогъ, не носятъ ударенія на окончаніи *окъ*, напр.: *списокъ, снимокъ, сколокъ, слитокъ, свитокъ, свёртокъ, взлобокъ*, тогда какъ въ двусложныхъ именахъ безпредложныхъ эта наставка, какъ мы видѣли, почти никогда не остается безъ ударенія, и 2) что отъ присоединенія предлога къ двусложному имени, оканчивающемуся на *окъ*, удареніе непремѣнно переходитъ съ этого окончанія на предпослѣдній слогъ, напр.: *ростóкъ, отрóстокъ; лѣсóкъ, перелѣсокъ.*

Предлогъ *вы*, какъ уже было показано, всегда принимаетъ удареніе передъ такими именами *вырѣзокъ, выродокъ.* Такое же свойство имѣютъ рѣже встрѣчающіеся при нихъ предлоги: *па* и *су: пáсынокъ, пáерокъ, пáколокъ, пáробокъ* (стар.), *сýпесокъ* (однакожъ *суглúнокъ* произносится съ удареніемъ на среднемъ слогѣ). Еще говорятъ иногда *прúгорокъ* вмѣсто болѣе правильнаго *пригóрокъ.*

Замѣтимъ, что когда предложное имя съ наставкою *окъ* есть уменьшительное, происходящее отъ другого имени безъ этого окончанія, то удареніе слѣдуетъ общимъ правиламъ безпредложныхъ именъ, напр.: *óблукъ, облучёкъ; óбодъ, ободóкъ; пóводъ, поводóкъ; óбразъ — óкъ; пóгребъ — óкъ* (какъ *пóрохъ, порошóкъ; вóлосъ, волосóкъ*).

Есть однакожъ и нѣсколько, хотя очень немного, исключеній изъ правила произношенія предложныхъ именъ на *окъ*, именно: *зáвитокъ, поплавóкъ, позвонóкъ, позовóкъ, смычóкъ.* Вѣроятно особенность выговора тутъ происходитъ отъ того, что это первоначально-уменьшительныя; по крайней мѣрѣ мы дѣйствительно находимъ въ языкѣ слова: *пóплавъ* (обл.) и *пóзовъ* (стар.). Въ словѣ *смычóкъ* совершенно потерялась идея его состава и, можетъ

быть, оно такъ произносится для болѣе рѣзкаго отличія отъ женскаго имени *смычка*. Таково же *сморчо́къ*.

Опрѣсно́къ произносится чаще съ удареніемъ на окончаніи— что́ несвойственно русскому языку и ввелось конечно оттого, что это — церковно-славянское слово. Въ книжный языкъ легко вкрадывается ударенія искуственныя, отвергаемыя народнымъ слухомъ.

Слова *потоло́къ*, *о́корокъ*, *о́бморокъ* сюда не относятся, потому что у нихъ окончаніе не есть наставка, а принадлежитъ къ корню. Чтобы убѣдиться въ томъ, сто́итъ сравнить ихъ съ формами *тлакъ*, *кракъ* и *о́мракъ* другихъ славянскихъ нарѣчій.

Въ заключеніе мы не можемъ не указать двухъ словъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ приведенныхъ разрядовъ: *жа́воронокъ* и *щи́колотокъ*. Образованіе послѣдняго сомнительно; по Рейфу, это — измѣненіе сложнаго слова *щеколокоть*. *Желу́докъ* отличается удареніемъ отъ уменьшительнаго *желудо́къ*. *Осё́локъ* есть безпредложное имя, котораго корень находится можетъ-быть въ соотношеніи съ прилаг. *острый*. Такъ же, по ударенію, произносится *десятокъ*.

Здѣсь мѣсто разсмотрѣть слово *рису́нокъ* и опредѣлить законъ его ударенія. По мнѣнію Павскаго (Разсуж. II, А. § 87), это слово должно быть отнесено къ именамъ съ наставкою *унъ*, къ которой слѣдовательно здѣсь прибавлено окончаніе *окъ*. Но имя *рисунокъ* образовано не такъ: оно взято изъ польскаго языка (rysunek), гдѣ удареніе непремѣнно должно падать на предпослѣдній слогъ и гдѣ окончаніе *unek*, образованное изъ нѣмецкаго ung, довольно обыкновенно (szacunek, wizerunek). Съ нѣмецкимъ окончаніемъ ung Павскій сравниваетъ здѣсь наше *унъ*, приводя тутъ же, сверхъ слова *рисунокъ*, имена: *падунъ*, *болтунъ*, *корочунъ* и *лизунецъ*. Такое сближеніе едва ли основательно: въ имени *рисунокъ* наставка *унокъ* составляетъ одно нераздѣльное окончаніе (со вставкою гласной о), которое вкралось къ намъ чуть ли не исключительно въ этомъ словѣ (5).

Изъ разсмотрѣнія наставки *окъ*, *екъ*, видно, что почти всѣ

уменьшительныя, съ помощію ея образуемыя, носятъ удареніе на этомъ окончаніи. Отступаютъ только немногія слова: а) подобныя именамъ: *кармáшекъ*, *человѣ́чекъ* (см. выше Б. 1), которыхъ примѣты состоятъ въ томъ, что ихъ основныя формы: *карманъ*, *человѣкъ* въ косвенныхъ падежахъ сохраняютъ удареніе именительнаго падежа на 2-мъ или на 3-мъ слогѣ и передъ приростомъ *екъ* измѣняютъ свою окончательную согласную; б) уменьшительныя отъ словъ съ окончаніемъ *икъ*, не имѣющимъ ударенія: *рыжичекъ*, *чáйничекъ*, и отъ предложныхъ на *окъ: спúсочекъ*, *напёрсточекъ;* также *вóйлочекъ*, *желýдочекъ*, *десятóчекъ*.

Когда, для усиленія степени уменьшенія, наставка *óкъ*, *ёкъ* удвояется, такъ что образуется двучленное окончаніе *очекъ* или *ечекъ*, то удареніе остается на первомъ его членѣ: *цвѣтóчекъ*, *голубóчекъ*, *горшéчекъ*, *кулéчекъ*, *денёчекъ* и проч. Исключеніе: *мозжечóкъ*.

Когда окончанію *окъ* предшествуетъ слогъ *ен* въ уменьшительныхъ именахъ, то удареніе падаетъ всегда на этотъ предпослѣдній слогъ: *робёнокъ*, *барчёнокъ*, *поварёнокъ*, *жидёнокъ*, *попёнокъ*, *чертёнокъ*, *бѣсёнокъ*, *орлёнокъ*, *ослёнокъ*, *львёнокъ*, *мышёнокъ*, *бочёнокъ*. Въ словѣ *щенóкъ* буквы *ен* принадлежатъ не къ окончанію, а къ корню. При удвоеніи слога *окъ* въ этой наставкѣ происходитъ окончаніе *ёночекъ*, *бочёночекъ*, *телёночекъ*.

ецъ. Законы ударенія именъ съ этимъ окончаніемъ менѣе опредѣлительны; однакожъ и тутъ можно замѣтить нѣсколько общихъ явленій:

1) Въ двусложныхъ словахъ:

Двусложныя имена, оканчивающіяся на *ецъ*, по большей части носятъ на этомъ слогѣ удареніе: *отéцъ*, *конéцъ*, *вѣнéцъ*, *свинéцъ*, *зубéцъ*, *вдовéцъ*, *волчéцъ*, *дворéцъ*, *чепéцъ*, *багрéцъ*, *самéцъ*, *кострéцъ*, *боéцъ*. Особенно принадлежатъ сюда имена, образованныя: а) отъ глаголовъ: *ловéцъ*, *рубéцъ*, *рѣзéцъ*, *творéцъ*, *дѣлéцъ*, *купéцъ*, *борéцъ*, *истéцъ*, *жилéцъ*, *гонéцъ*, *гребéцъ*, *скопéцъ* и др.; б) отъ прилагательныхъ именъ: *мудрéцъ*, *глупéцъ*, *наглéцъ*, *гордéцъ*, *храбрéцъ*,

хитрéцъ, подлéцъ, скупéцъ, слѣпéцъ, хромéцъ, сырéцъ, мертвéцъ, бѣглéцъ (отъ *бѣглый*), *пригилéцъ* (отъ *пригилый*).

Но есть двусложныя имена на *ецъ* съ удареніемъ надъ первымъ слогомъ, напр. *стáрецъ, пáлецъ, дýмецъ*. Особливо замѣтны между ними: а) уменьшительныя, когда они сохраняютъ значеніе тѣхъ именъ, отъ которыхъ произведены: *хлѣбецъ, дáрецъ, шкáпецъ, брáтецъ*; б) названія лицъ и предметовъ, означающія ихъ происхожденіе: *нѣмецъ, гóрецъ, лúпецъ*, и в) слова, взятыя изъ другихъ языковъ: *пéрецъ, сúтецъ, тáнецъ, рáнецъ, шáнецъ, глянецъ*; въ послѣднихъ пяти гласная *е* вставлена только для облегченія выговора (ср. напр. Tanz, Glanz). Двусложныя уменьшительныя на *ецъ*, которыя съ этою наставкою приняли и новый оттѣнокъ значенія, имѣютъ удареніе на концѣ: *ларéцъ, сучéцъ, столбéцъ, Донéцъ*. Послѣднее слово означаетъ также донского казака и въ такомъ случаѣ составляетъ опять исключеніе изъ правила о произношеніи именъ, показывающихъ происхожденіе лицъ и предметовъ. Слово *сланецъ*, названіе горной породы (вѣрнѣе *стланецъ*, отъ глаг. *стлаться*), произносится различно, но на мѣстахъ, гдѣ есть самый предметъ, имъ означаемый (по крайней мѣрѣ, въ Сибири), говорятъ *слáнецъ*, и это лучше для отличія отъ *солонéцъ* (то же, что *солончáкъ*).

2) Въ многосложныхъ словахъ:

Въ многосложныхъ словахъ, наоборотъ, окончаніе *ецъ* почти всегда остается безъ ударенія, которое у нихъ падаетъ обыкновенно на предшествующій слогъ. Особенно относятся сюда:

1) Уменьшительныя, произведенныя по большей части отъ существительныхъ предложныхъ или иностранныхъ именъ, которыя, имѣя удареніе на послѣднемъ слогѣ, не переносятъ его во флексіи на окончаніе, напр. *футля́рецъ, журнáлецъ, узóрецъ, дохóдецъ, урóдецъ, постáвецъ* (но нѣкоторые произносятъ и *поставéцъ*); также *хомýтецъ*.

2) Отглагольныя, образованныя отъ причастія на *л: владѣлецъ, кормúлецъ, постоя́лецъ, сидѣлецъ, пришéлецъ*.

3) Имена, произведенныя отъ прилагательныхъ и причастій, которыя сами имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *люби́мецъ, упря́мецъ, гости́нецъ, знако́мецъ, мизи́нецъ, торго́вецъ, лука́вецъ, учти́вецъ, лѣни́вецъ, краса́вецъ* (отъ неупотр. прил. *краса́вый*), *поселе́нецъ, урожéнецъ*. Сюда же слѣдуетъ отнести слово *младе́нецъ*, которое иные несправедливо считаютъ сокращеніемъ составного *младоде́нецъ*. Доказательствомъ невѣрности этого мнѣнія служитъ: 1) значеніе слово *младенецъ* въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ слову *юноша*; 2) древне-славянская форма млад҄ѧ (въ значеніи *младенецъ*).

4) Личныя имена, означающія принадлежность къ націи или странѣ: *помо́рецъ, испа́нецъ, грузи́нецъ, америка́нецъ, новгоро́децъ, новото́ржецъ, инде́ецъ, кита́ецъ*.

и 5) Слова составныя, хотя бы въ простомъ имени удареніе и было на слогѣ *ецъ: инозе́мецъ, единовѣ́рецъ, стихотво́рецъ, миротво́рецъ* (хотя *творе́цъ*), *книгопрода́вецъ* (хотя *продаве́цъ*), *землепѣ́лецъ, живопи́сецъ, мореходецъ, душегу́бецъ, однодво́рецъ, трезу́бецъ* и проч. Такъ же выговаривается имя *видецъ*, нынѣ употребительно только въ соединеніи съ другими словами, напр. *прови́децъ, самови́децъ, ясновидецъ*.

У трехсложныхъ словъ на *ецъ* удареніе бываетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ надъ этимъ окончаніемъ, и именно: 1) когда уменьшительное, произведенное отъ двухсложнаго существительнаго съ удареніемъ на первомъ слогѣ, получаетъ новый оттѣнокъ значенія; *погребе́цъ* (отъ по́гребъ), *образе́цъ* (отъ о́бразъ), *городе́цъ* (отъ городъ), *холоде́цъ* (отъ холодъ); 2) когда имя образовано отъ прилагательнаго съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: *молоде́цъ* (отъ молодой), *удале́цъ* (отъ удалой), *ледене́цъ* (отъ ледяной); 3) у нѣкоторыхъ именъ первообразныхъ и производныхъ, безъ явной причины: *голубе́цъ* (иначе *голбе́цъ*), *жеребе́цъ, изразе́цъ, огуре́цъ, варене́цъ, пряжене́цъ, сорване́цъ, продаве́цъ*.

Есть и такія имена съ наставкой *ецъ*, у которыхъ удареніе падаетъ на 3-й слогъ съ конца, напр. *пе́рвенецъ, мы́канецъ, взы́сканецъ, перема́занецъ, приве́рженецъ, до́сканецъ, ба́рхатецъ*, что

объясняется почти всегда произношеніемъ первообразныхъ словъ. Имя *посланецъ* произносится различно. Однакожъ выговоръ *посланéцъ* — самый употребительный.

икъ. Когда слогъ *икъ* придаетъ имени значеніе уменьшительнаго, то онъ никогда не принимаетъ ударенія и оно падаетъ на предыдущій слогъ: *рóтикъ, дóмикъ, прýтикъ, стóликъ, нóжикъ, мóстикъ, крéстикъ кýстикъ, топóрикъ, карандáшикъ, кузнéчикъ, обрýчикъ, гвóздикъ, солдáтикъ* и проч.

Такъ же произносятся тѣ имена съ этимъ окончаніемъ, которыя безъ него не употребительны или даже не имѣютъ значенія: *я́щикъ, крóликъ, вѣ́никъ, кóртикъ, рыжикъ*.

Особый разрядъ именъ на *икъ* составляютъ отглагольныя, образованныя отъ страдательныхъ причастій на *нъ:* они сохраняютъ обыкновенно ударенія причастія, употребительнаго или только возможнаго: *воспитанникъ, данникъ, труженикъ, мученикъ*. Исключеніе: *учени́къ*. Ошибочно было бы думать, что въ тѣхъ изъ этихъ именъ, у которыхъ звукъ *н* удвоенъ, суффиксомъ служитъ слогъ *никъ*. Здѣсь удвоеніе *н* чисто фонетическое; это уступка выговору, не имѣющая основанія въ составѣ слова.

Рыжикъ, по мнѣнію Павскаго (Разс. II, А. § 37), происходитъ отъ прилаг. *рыжій;* но отчего же и по-шведски этотъ грибъ называется *riska?* Тотъ же ученый производитъ имя *пыжикъ* отъ глагола *пыжиться*. Намъ кажется, что *пыжикъ* есть уменьшительная форма слова *пыжъ*, отъ котораго происходитъ и глаголъ *пыжиться*.

Въ имени *кули́къ*, окончаніе *икъ* не есть производственное, судя по санскр. kalika, франц. courlis. Удареніе слова *мужи́къ* основывается на томъ, что при другомъ произношеніи это имя приняло бы видъ уменьшительнаго.

Наставка *икъ* носитъ удареніе, когда имя произведено: 1) отъ первообразнаго прилагательнаго (т. е. такого, которое состоитъ только изъ корня и окончанія *ый, ій*): *стари́къ, нови́къ, молоди́къ, семи́къ*, (вм. седмикъ), *голи́къ, прями́къ, тупи́къ, цѣли́къ* (цѣликомъ), *боси́къ* (босикомъ), *матери́къ, крути́къ, слаби́къ* (обл.) и

2) отъ числительныхъ: *четверикъ*, *пятерикъ*, *шестерикъ* и проч.

Къ разряду подобныхъ именъ принадлежатъ также слова: *красикъ* и *плавикъ*. Они, по мнѣнію Павскаго, происходятъ отъ глаголовъ: *красить* и *плавить*. По аналогіи *красикъ* лучше объясняется неупотребительнымъ прилагательнымъ *красый*, слѣдъ котораго остается въ сравнительной степени *краше*. *Плавикъ* есть слово новое, искуственное и можетъ дѣйствительно быть произведено ненормально отъ глагола, если не вѣрнѣе принять за начало его прилагат. *плавкій*. Впрочемъ названія минераловъ, кончающіяся на *икъ*, вообще носятъ удареніе на этомъ слогѣ: напр. *крававикъ* выговаривается такъ, несмотря на окончаніе прилагательнаго (*авый*), отъ котораго оно происходитъ.

Имена на *никъ*, происходящія по большей части отъ прилагательныхъ (хотя и не всегда употребительныхъ) съ окончаніемъ *ный* или *ній*, обыкновенно не носятъ ударенія надъ наставкой и сохраняютъ его на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ прилагат. или причастіи, дѣйствительно ли существующемъ или возможномъ, напр. *чайникъ*, *молочникъ*, *праздникъ*, *передникъ*, *взяточникъ*, *картёжникъ*, *хлѣбникъ*, *дворникъ*, *ельникъ*, *кустарникъ*, *вареникъ*, *мученикъ*, *труженикъ*, *барочникъ*, *масляникъ*, *любовникъ*, *церковникъ*, *противникъ*, *наставникъ*, *соперникъ*, *садовникъ*, *чиновникъ*, *вторникъ*, *десятникъ*. Противное бываетъ: 1) когда самое прилагательное оканчивается на *ной* съ удареніемъ: *водяникъ*, *волосяникъ*, *двойникъ*, *дощаникъ*, *печникъ*, *мясникъ*, *ночникъ*, *ручникъ*, *цвѣтникъ*, *сѣнникъ*, *дневникъ*, *сквозникъ*, *парникъ*, *потникъ*, *межникъ*; 2) въ нѣкоторыхъ изъ именъ на *никъ*, означающихъ мѣсто, вмѣстилище или лицо, хотя въ прилагательномъ удареніе и не на послѣднемъ слогѣ: *родникъ*, *рудникъ*, *тайникъ*, *дойникъ*, *холодникъ*, *бечевникъ*, *должникъ*, *шутникъ*, *блудникъ*, *истопникъ*, *озорникъ*, *прихотникъ*, *баловникъ*, *клеветникъ*, *проводникъ*. Замѣтимъ, что это почти все такія личныя имена, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ неупотребительныхъ (напр. *шутникъ*, *истопникъ*).

Имена на *щикъ* (*чикъ*) всѣ означаютъ ли́ца извѣстнаго званія, ремесла или по крайней мѣрѣ занятія, и происходятъ либо прямо отъ прилагательныхъ съ примѣтою *скій*, либо отъ существительныхъ и глаголовъ при посредствѣ такого прилагательнаго, хотя и не употребляющагося. Одна половина ихъ носитъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а другая на окончаніи. Слогъ *щикъ* можетъ принимать удареніе: 1) когда присоединяется къ существительному односложному или такому двусложному, у котораго удареніе на первомъ слогѣ, а въ корнѣ звукъ *е* или *и*: *ямщи́къ*, *деньщи́къ*, *зеленщи́къ*, *сбитеньщи́къ*, *гребенщи́къ*, *погребщи́къ*, *временщи́къ*; 2) когда этому окончанію въ трехсложныхъ именахъ предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*: *гробовщи́къ*, *кормовщи́къ*, *браковщи́къ*, *вѣсовщи́къ*, *ростовщи́къ*, *вѣстовщи́къ*, *медовщи́къ*, *мѣновщи́къ*, *часовщи́къ*, *цѣновщи́къ*, *вербовщи́къ*, *бунтовщи́къ*, *бечевщи́къ*; 3) въ нѣкоторыхъ отглагольныхъ именахъ, образованныхъ безъ посредствующаго слога *ов*: *покупщи́къ*, *поставщи́къ*, *лѣпщи́къ*, *рѣзчи́къ*. *Лицевщи́къ* — пишущій лица на иконахъ — отличается произношеніемъ отъ слова *лицо́вщикъ* — умѣющій придавать красивую наружность (Акад. Слов.).

щикъ, *чикъ* не принимаетъ ударенія и передаетъ его предыдущему слогу: 1) въ словахъ, имѣющихъ болѣе трехъ слоговъ: *лакиро́вщикъ*, *потако́вщикъ*, *молоти́льщикъ*, *бараба́нщикъ*; 2) въ большей части отглагольныхъ и другихъ именъ, содержащихъ и менѣе слоговъ: *плате́льщикъ*, *оцѣ́нщикъ*, *спо́рщикъ*, *набо́рщикъ*, *ходе́бщикъ*, *бахро́мщикъ*, *конто́рщикъ*, *ко́рмщикъ*, *во́зчикъ*, *изво́зчикъ*, *доно́счикъ*, *прика́зчикъ*, *перепи́счикъ*, *сы́щикъ*, *помѣ́щикъ*. Кромѣ того въ словахъ: *рисо́вщикъ* и *танцо́вщикъ*, отступающихъ отъ приведенныхъ выше во 2-мъ пунктѣ, образованныхъ отъ глаголовъ на *овать* (браковщи́къ, бунтовщи́къ, вербовщи́къ).

Иногда удареніе, вслѣдствіе производства, можетъ быть и на 3-мъ слогѣ съ конца: *жа́лобщикъ*, *да́кальщикъ*, *кро́вельщикъ*, *жа́рильщикъ*, *ма́зальщикъ*, *ка́менщикъ*, *зна́менщикъ*, *у́гольщикъ*.

Имена съ наставкою *чикъ* послѣ корня, кончающагося на согласную *д* или *т*, всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ:

газетчикъ, переплётчикъ, монетчикъ, отвѣтчикъ, челобитчикъ, лазутчикъ, переводчикъ, подрядчикъ,—не говоря уже о томъ случаѣ, когда *чикъ* означаетъ степень уменьшенія въ словахъ, произведенныхъ отъ именъ на *ецъ*, и по общему правилу уменьшительныхъ на *икъ* (см. выше стр. 406) не можетъ принимать ударенія: *ла́рчикъ, вѣ́нчикъ, ку́пчикъ, ря́бчикъ, че́пчикъ, сту́льчикъ, образчикъ, кузне́чикъ.*

Наконецъ, наставкѣ *икъ* предшествуютъ иногда слоги *ов, ев, ив, ат, аст*, въ именахъ, произведенныхъ отъ прилагательныхъ съ окончаніями *овый, евый, ивый, атый, астый*. Такія существительныя удерживаютъ произношеніе прилагательныхъ, напр. *берёзовикъ, рублёвикъ, кресто́викъ, парши́викъ, волоса́тикъ, голова́стикъ*; — *пудови́къ; полови́къ, годови́къ, дождеви́къ, борови́къ, огневи́къ*; прил. *пухо́вый* могло бы произноситься и иначе, т. е. *пухово́й*; сущ. *пухови́къ* приняло удареніе отъ послѣдней малоупотребительной формы.

Представимъ теперь менѣе употребительныя окончанія муж. рода, выговаривающіяся различно безъ видимой причины.

ичъ: рядови́чъ;—ро́дичъ, со́отчичъ, ба́ричъ. Впрочемъ въ словѣ *рядови́чъ* удареніе на послѣднемъ слогѣ потому, что такъ произносится прилагательное *рядово́й.*

ышъ: коротышъ, глупы́шъ, катышъ, крѣпы́шъ, малы́шъ; — *гла́дышъ, ду́тышъ, ла́ндышъ, мя́кишъ.* Всѣ предложныя имена съ этимъ окончаніемъ (кромѣ *вы́игрышъ, про́игрышъ*), а также съ двухсложнымъ *енышъ* имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *око́лышъ, найдёнышъ, обо́рышъ, подки́дышъ, заро́дышъ, дѣтёнышъ.*

отъ, етъ: хребе́тъ; — *ко́четъ, кре́четъ, хо́ботъ, ши́воротъ.* Въ именахъ отглагольныхъ, означающихъ звукъ или движеніе, окончаніе это никогда не носитъ ударенія: *ро́потъ, то́потъ, хо́хотъ, гро́хотъ, ле́петъ, скре́жетъ, тре́петъ.*

инъ: господи́нъ, дворяни́нъ, грузи́нъ, мѣщани́нъ, славяни́нъ, семьяни́нъ, простолюди́нъ, павли́нъ;—*крестья́нинъ, англича́нинъ, однополча́нинъ, шу́ринъ, хозя́инъ, ба́ринъ.*

Иногда въ одномъ и томъ же словѣ это окончаніе произносится различно, напр. говорятъ: *христіанúнъ*, и *христіáнинъ*, *гражданúнъ* и *грáжданинъ*, *міранúнъ* и *мíрянинъ*.

ень: кремéнь, курéнь, олéнь, кистéнь, ревéнь; — *пáрень, бáловень, сúдень, кáмень.* — Почти всѣ отглагольныя имена съ этимъ окончаніемъ не носятъ на немъ ударенія, наприм. *лúвень, стáвень, бýдень, сúбень.*

арь: *государь, букварь, ключарь;*—*лѣкарь, пúсарь, пéкарь.*

олъ, елъ: *хохóлъ, орёлъ, козёлъ;* — *ýголъ, ýзелъ, вéртелъ.*

Найдутся еще и другія окончанія муж. рода съ неопредѣленнымъ удареніемъ; но какъ они или рѣдки въ языкѣ, или не составляютъ собственно наставокъ, то мы и не считаемъ нужнымъ приводить ихъ здѣсь всѣ безъ изъятія.

3) Окончанія мужескаго рода, никогда не принимающія ударенія:

Между этими окончаніями самое употребительное *тель;* оно рѣшительно отвергаетъ удареніе, когда означаетъ дѣйствующее лицо (или свойство въ словѣ *добродѣтель*). Безъ такого значенія оно встрѣчается только въ именахъ двухъ породъ птицъ: *свиристéль* и *коростéль;* впрочемъ, здѣсь наставку составляетъ только слогъ *ель*, буква же *т* принадлежитъ къ корню или, по крайней мѣрѣ, къ первичному образованію (отъ глаг. *свиристѣть* и *хрустѣть;* ср. польск. chrośćiel или chruściel[1]).

По неразлучному съ нимъ понятію это окончаніе въ сущности можетъ принадлежать только названіямъ одушевленныхъ предметовъ; однакожъ оно усвоено также ариѳметическимъ терминамъ: *числúтель, знаменáтель, мнóжитель, дѣлúтель*, и замѣчательно, что, не означая собственно лицъ, эти имена все-таки склоняются подобно именамъ личнымъ; говорятъ напр. раздѣлить *числителя* на *знаменателя:* такъ значеніе дѣятеля существенно связано съ окончаніемъ *тель.*

---

[1] Въ словѣ *обитель* звукъ *т* несомнѣнно принадлежитъ къ корню (витать).

Имена съ этой наставкой, въ отношеніи къ ударенію, слѣдуютъ по большей части неопредѣленному наклоненію тѣхъ глаголовъ, отъ которыхъ они образованы: *дѣлатель, завоевáтель, плáватель.* Только когда окончанію *тель* предшествуетъ гласная *и* или *ѣ*, то на нее, независимо отъ неопредѣленнаго наклоненія, котораго часто и нѣтъ въ основаніи производства, — т. е. на гласную *и, ѣ* падаетъ удареніе: *строíтель, грабíтель, правíтель, составíтель, нарушíтель, ревнíтель, покровíтель, воíтель, утѣшíтель*[1], *свидѣ́тель, владѣ́тель, благодѣ́тель.* Слова́ *вѣритель, мыслитель* произносятся двояко. Отступленіе представляютъ имена: *мнóжитель, двíжитель.* Замѣчательно, какъ единственный въ языкѣ случай, слово *вóлостель* или *влáстель:* здѣсь окончаніе *тель* приставлено прямо къ корню *влад*, въ которомъ буква *д*, какъ при глагольномъ окончаніи, обратилась въ *с.* Любопытно также областное *свѝстель*, гдѣ однакожъ наставкою служитъ, кажется, только слогъ *ель* (ср. другую форму этого слова: *свѝстень*).

Менѣе употребительное окончаніе, не терпящее ударенія: *овъ, евъ: кýзовъ, óстровъ, бóровъ, тéтеревъ.*

II. Окончанія женскаго рода[2]:

1) Съ постояннымъ удареніемъ такихъ окончаній не много, да и тѣ мало употребительны, и притомъ не всѣ они производственныя. Вотъ главныя изъ нихъ:

áга, я́га: ватага, кулага, сѣрмяга, бодяга.

ýга, ю́га: бѣлуга, кольчуга, дерюга, вьюга (впрочемъ говорятъ и *вьюгá*).

ы́га, и́га: лодыга, мотыга, коврига, вязига, забулдыга.

---

[1] Такой выговоръ окончанія *итель* съ удареніемъ на *и* такъ сроденъ языку, что даже и женское имя *обитель* (съ наставкой *ель*) произносится такимъ же образомъ, хотя оно, какъ предложное при мягкомъ окончаніи, должно бы имѣть удареніе на первомъ слогѣ (см. стр. 394).

[2] Подъ этимъ названіемъ разумѣются здѣсь и такія наставки, которыя могутъ служить къ образованію именъ общаго или только мужескаго рода, но имѣютъ женскую форму.

а́ка, я́ка: писака, рубака, гуляка, забіяка.

а́ха, я́ха: замараха, рубаха, черепаха, неряха.

о́ха, ёха: обироха, завироха, суматоха, пройдоха, лепёха, тетёха.

у́нья: колдунья, хохотунья, прыгунья. Пѣстунья выговаривается иногда и съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

у́ля: ходуля, козуля, сосуля, красоуля. Слово *кара́куля*, вѣроятно, не русское по происхожденію.

у́ша: горбуша, кликуша, говоруша.

и́ка: въ названіяхъ ягодъ и растеній: *земляника, клубника, черника, ежевика, голубика, брусника, княженика, поленика, гвоздика, грудника, живика, зеленика.*

ла́: метла, игла, тесла, пчела, ветла. Кукла и *чучела* не русскаго происхожденія.

2) Окончанія женскаго рода съ перемѣннымъ удареніемъ:

ица. Число женскихъ именъ на *ица* очень велико и они раздѣляются на двѣ почти равныя половины, изъ которыхъ въ одной это окончаніе является съ удареніемъ на *и*, а въ другой вовсе безъ ударенія.

Въ обѣихъ половинахъ надобно напередъ отдѣлить одинъ разрядъ словъ, которыхъ удареніе опредѣляется весьма постояннымъ образомъ. Это тѣ женскія имена лицъ и животныхъ, которыя произведены отъ именъ мужескаго рода перемѣною окончаній *ецъ* и *икъ* на *ица*. Здѣсь женское всегда слѣдуетъ ударенію мужескаго, напримѣръ:

жиле́цъ—и́ца, пѣве́цъ—и́ца, бѣле́цъ—и́ца, продаве́цъ—и́ца.

ста́рецъ — ица, краса́вецъ — ица, упря́мецъ—ица, страда́лецъ — ица.

учени́къ — и́ца, блудни́къ — и́ца, баловни́къ — и́ца, вѣстовщи́къ — и́ца.

го́рликъ — ица, у́мникъ — ица, помѣщикъ — ица.

Этому правилу слѣдуютъ и тѣ женскія имена, которыхъ мужескіе первообразы или вовсе не употребительны, или употребляются въ другомъ значеніи: *ме́льникъ—ица, моло́чникъ—ица,*

кóнникъ — ица, мáсленикъ — ица, синéцъ—и́ца, молодéцъ—и́ца, пятери́къ — и́ца, пáлецъ — ица.

Исключеніе: *кузнéцъ, кýзница.*

За этимъ надобно разсмотрѣть тѣ женскія имена лицъ и животныхъ съ окончаніемъ *ица*, которыя происходятъ отъ мужескихъ именъ первообразныхъ или по крайней мѣрѣ не имѣющихъ наставокъ *екъ, икъ*, каковы: *оселъ, орелъ* и др.

Сомнѣнія не можетъ быть насчетъ тѣхъ именъ этого разряда, которыхъ мужескія формы имѣютъ удареніе па послѣднемъ слогѣ, сохраняя его и во флексіи на окончаніи: *орёлъ* (— *á*), *орли́ца; осёлъ*, (— *á*), *осли́ца;* но и другія подобныя имена охотно принимаютъ удареніе на букву *и* въ окончаніи, какъ то: *импеpáторъ—три́ца; мáстеръ—ри́ца; óтрокъ—отрокови́ца; волкъ—чи́ца; гóлубь — и́ца.* Только когда въ двухсложномъ муж. имени удареніе на послѣднемъ слогѣ и въ склоненіи не переходитъ на падежный приростъ, то и окончаніе *ица* не принимаетъ его: *медвѣ́дь* (— я), *медвѣ́дица; прорóкъ* (— а), *прорóчица.*

Окончапіе *ица* остается безъ ударенія еще въ именахъ *кýрица* (отъ стар. *куръ*, пѣтухъ), *дья́коница, кáрлица.*

Вообще же окончаніе *ица* въ женскихъ именахъ лицъ, животныхъ и растеній по большей части является съ удареніемъ даже и тогда, когда они не происходятъ отъ соотвѣтственныхъ муж. именъ: *дѣви́ца* (отъ *дѣва*), *кобыли́ца, рожени́ца, свеклови́ца, горчи́ца, шелкови́ца, мокри́ца, чечеви́ца, сочеви́ца, куни́ца, венери́ца, площи́ца.*

Однакожъ сюда не могутъ относиться такія имена, которыя или образованы отъ прилагательныхъ на *ный* (безъ ударенія на этомъ окончаніи), или отъ мужескихъ существит. съ наставкою *тель*, напр. *роди́льница* (отъ *роди́льный*), *ли́ственица, просительни́ца, владѣ́тельница.* Имена, кончащіяся на *тельница*, всѣ удерживаютъ удареніе мужескихъ именъ съ наставкою *тель.*

Произношеніе слова *пáдчерица* основывается на томъ, что предлогъ *па*, которымъ оно начинается, всегда носитъ удареніе, какъ видно напр. и изъ слова *пáсынокъ*. Подобнымъ же образомъ

опредѣляется удареніе въ словѣ *су́кровица:* предлогъ *су* въ женскихъ именахъ часто принимаетъ удареніе (ср. *су́дорога, су́толока*).

Имя *своя́чиница* образовано отъ неупотребительнаго нынѣ *своячина*. Въ словахъ *лу́ковица* и *корока́тица* окончаніе не принимаетъ ударенія [1].

Разсмотрѣвъ имена, въ которыхъ *ица* служитъ примѣтою пола или означаетъ растеніе или животное, обратимся теперь къ прочимъ именамъ этого окончанія.

Наставка *ица* является въ нихъ съ удареніемъ: 1) когда она приложена къ односложному слову или корню: *грани́ца, тряпи́ца, скрыпи́ца, частии́ца, столи́ца, ключи́ца, зѣни́ца, стани́ца;* 2) когда *ица* въ существ. или прилаг. имени становится на мѣсто слога, имѣющаго удареніе: *пшено́,—и́ца, страна́—и́ца, вода́—води́ца, земля́—и́ца, кора́—и́ца, крупа́—и́ца, рука́въ,* — род. п. *а́ — рукави́ца.*

свѣтла́ (комната) — *и́ца; темна́ — и́ца, тепла́ — и́ца, больные — больни́ца; власяна́я* (одежда) — *и́ца, грудна́я* (болѣзнь) — *грудни́ца, денна́я* (звѣзда) — *денни́ца.*

Съ удареніемъ на *ица* произносятся еще:

1) Слѣдующія образованныя изъ числительныхъ существительныя: *едини́ца, седьми́ца, стори́ца* (славянскія; см. ниже).

2) Слѣдующія имена предметовъ, относящихся къ одеждѣ: *исподни́ца, багряни́ца, срачи́ца, плащани́ца, петли́ца.*

Перебирая всѣ слова, съ окончаніемъ *ица*, нельзя не замѣтить, что оно нѣкоторымъ именамъ не придаетъ никакого новаго значенія, напр. *вдова*, то же что *вдови́ца, скрыпка* и *скрыпи́ца, кобыла* и *кобыли́ца, тряпка* и *тряпи́ца, дрань* и *драни́ца, склянка* и *скля́ница*. Такая двоякость окончанія не можетъ однакожъ не имѣть какого-нибудь смысла: дѣйствительно, мы находимъ, что въ наставкѣ *ица* часто скрывается облагороживающее значеніе, какъ видно напр. изъ сравненія именъ *дѣва́* и *дѣви́ца: дѣва* означаетъ женское лицо только въ естественномъ отношеніи, а

[1] Вѣроятно отъ *корокатый*. См. Указатель ко 2-й части.

въ имени *дѣви́ца* выражается уже оттѣнокъ общественнаго отличія. Такъ и слово *кобыли́ца* благороднѣе нежели *кобыла*, и т. п. Прилагаемое съ такою цѣлію окончаніе *ица* обыкновенно носитъ удареніе, если только тому не противится самое производство слова. Изъ приведенныхъ примѣровъ только имя *скля́ница* безъ ударенія на окончаніи, потому что произведено отъ прилагательнаго на *ный* (стляный = стеклянный), и сообразуется съ открывающимся при этомъ общимъ закономъ: если прилаг. оканчивается на *ный* или *ній* безъ ударенія, то и наставка *ица* въ производномъ существ. не принимаетъ его: *пья́ница* отъ пьяный, *во́льница* отъ вольный, *ра́зница* отъ разный, *ри́зница* отъ ризный, *го́рница* отъ горній (исключая приведенныя выше: *едини́ца*, *исподница*, *багряница*[1]).

По указанному нами оттѣнку значенія, вносимому въ слово наставкою *ица*, неудивительно, что имена, заимствованныя изъ церковно-славянскаго, держатъ удареніе на этомъ окончаніи всякій разъ, когда производство не указываетъ прямо-противоположнаго закона произношенія. Чѣмъ болѣе слово, кончащееся на *ица*, носитъ характеръ искуственности, книжности, тѣмъ легче оно передаетъ удареніе этой наставкѣ. Отсюда не слѣдуетъ, чтобы она въ народныхъ словахъ никогда не принимала ударенія: выше указаны уже случаи такого выговора; прибавимъ здѣсь еще для примѣра областныя слова *плѣни́цы* (силки) и *сведени́ца* (отъ сведени́къ), сведеная сестра. Не значитъ также, чтобы во всѣхъ славянскихъ словахъ съ окончаніемъ *ица* удареніе падало на него (*тро́ица*). Мы только замѣчаемъ, что въ сомнительныхъ случаяхъ или въ видимыхъ уклоненіяхъ отъ правилъ, означенное обстоятельство служитъ къ объясненію выговора (Ср. *дѣви́ца* съ простонароднымъ *дѣ́вица*).

Обратимъ при этомъ вниманіе на произношеніе обиходныхъ словъ: *у́лица*, *но́жницы*, *лѣ́стница*, *пі́явица*, и съ другой сто-

[1] Впрочемъ *исподница* въ народной рѣчи произносится съ удареніемъ на *о*. Съ удареніемъ на окончаніи оно принадлежитъ ц. сл. языку, равно какъ и слова: *едини́ца*, *багряни́ца*.

роны на слова: *голубица, зѣница, срачица*, которымъ народъ предпочитаетъ болѣе сподручныя ему: *голубка, зѣнка, сорочка.*

Когда наставка *ица* присоединена къ имени, оканчивающемуся на *а* безъ ударенія, то и она по большей части не принимаетъ его. Такъ изъ словъ *каша, просьба, владыка, пугва* образованы: *кашица, просьбица, владычица, пуговица. Ступица* произносится двояко. Замѣтимъ мѣсто ударенія въ словѣ *висѣлица* (отъ *висѣлъ*).

Есть еще особый, довольно обширный классъ именъ съ этимъ окончаніемъ, въ которыхъ оно также никогда не носитъ ударенія. Это имена, означающія какое-нибудь дурное состояніе или недостатокъ, и потому большею частью отрицательныя или предложныя; они происходятъ то отъ существительныхъ, то отъ прилагательныхъ или причастій.

Таковы: *распутица, разладица, безсмыслица, нелѣпица, околесица, безхлѣбица, бездорожица, безсонница, нескладица, разноголосица, неурядица, усобица, путаница, сумятица* и др. Одинакимъ образомъ составлены слова: *бездѣлица, переносица, подполица.* Тому же закону произношенія подлежитъ слово *Богородица*, какъ составное.

Съ окончаніемъ *ица* однородна наставка *ница*, при которой надобно принимать посредствующее прилагательное на *ный* для образованія существительнаго, напримѣръ: *зарница, кошница, гробница, пороховница, возница, пятница, лѣстница, гостиница* (отъ прилагател. *гостиный*).

ина. Окончаніе *ина* также весьма обыкновенно въ языкѣ. Оно является съ троякимъ удареніемъ: *ина́, и́на* и *ина* (оба слога безъ ударенія). Такое различіе зависитъ частью отъ производства и состава именъ, частью отъ значенія ихъ.

Напередъ отдѣлимъ случаи, въ которыхъ удареніе этой приставки опредѣляется значеніемъ именъ.

1) *ина́.* Такое удареніе встрѣчается довольно рѣдко и свойственно именамъ, означающимъ: а) пространство и время: *величина́, ширина́, длина́, вышина́, глубина́, толщина, тонина́, ни-*

зина́, старина́; б) вообще внѣшнее качество, напр. *прямина́, быстрина́, тишина́, цѣлина́, круглина́, косина́, краснина́*; в) предметы или даже лица, напр. *новина́, свѣжина́, слабина́, ветчина́, старшина́, больши́на*. Почти всѣ такія имена произведены отъ прилаг., имѣющихъ опять отношеніе ко времени или пространству. *Купина* и *сѣдина* произн. двояко.

2) *и́на*. Такъ произносится это окончаніе: а) въ именахъ (первообразныхъ) нѣкоторыхъ деревьевъ и плодовъ ихъ: *ряби́на, кали́на, мали́на, оси́на*. *Маслина* выговаривается одними такъ же, а другими съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

б) въ именахъ, означающихъ какой-нибудь важный случай или празднество въ быту семейномъ или общественномъ: *годи́ны, роди́ны, имени́ны, крести́ны, сорочи́ны* (исключ. *зару́чины*, какъ имя предложное).

и в) въ мужескихъ именахъ увеличительныхъ: *дѣти́на, купчи́на, дура́чи́на, старичи́на, мужичи́на, молодчи́на, доми́на*.

3) *ина*. Въ именахъ отглагольныхъ (кромѣ нѣкоторыхъ, приведенныхъ подъ б) и въ предложныхъ наставка *ина* остается всегда безъ ударенія: *ро́дина, тре́щина, ры́твина, цара́пина, зу́брина, впа́дина, пробо́ина, промо́ина, ока́лина, оско́мина, разва́лина, прота́лина, уклю́чина, напра́слина, по́шлина, отду́шина, уро́дина, разсѣ́лина, испа́рина, пощёчина, оплеу́шина, затре́щина*.

Во всѣхъ другихъ случаяхъ наставка *ица* произносится съ удареніемъ на *и* или вовсе безъ ударенія, смотря по производству словъ и по фонетическимъ требованіямъ.

Вотъ примѣры:

1) Въ именахъ, означающихъ мясо и кожу животныхъ:

а) *и́на: кони́на, овчи́на, осетри́на, мертвечи́на, свини́на*, (оттого что говорятъ: *коня́, овца́, осетра́, мертвеца́, свинья́*). Такъ же произносятъ: *дичи́на, лососи́на, солони́на, буженина́*.

б) *ина* (безъ ударенія): *за́йчина, бара́нина, медвѣ́жина, бѣлу́жина, говя́дина, теля́тина, порося́тина, куря́тина, осля́тина, гуся́тина, козля́тина*, (отъ *заяцъ — за́йца, медвѣдь — я*;

бѣлу́га, говя́до, теля́ — я́ти и проч.). Таково же окончаніе въ имени *па́далина* (отъ *па́даль*).

2) Въ словахъ, означающихъ единицу такихъ предметовъ, которые изображаются собирательными именами:

а) *и́на: дроби́на, песчи́на, крупи́на, роси́на, шелкови́на, шерсти́на, снѣжи́на, гради́на, пороши́на, были́на* (отъ *былі́е*).

б) *ина: изю́мина, горо́шина, жемчу́жина, минда́лина, соло́мина* (слѣдов. *соло́минка, а не соло́менка*), *посу́дина*.

3) Въ именахъ веществъ, урочищъ, мѣръ, предметовъ, и въ собирательныхъ именахъ:

а) *и́на: древеси́на, сердцевина, пучи́на, паруси́на, холсти́на, доли́на, равни́на, лощи́на, котлови́на, чужби́на, пружи́на, дуби́на, личи́на, образи́на, карти́на, горлови́на, полови́на, паути́на, стремни́на, плоти́на, полти́на, четверти́на, осми́на, десяти́на, верши́на, дружи́на, скоти́на, лучи́на. Былина* (отъ *быль*) и *пятина* (въ древнемъ Новгородѣ) произносятся многими и съ удар. надъ *на*.

б) *ина: блево́тина, харко́тина, рога́тина, га́дина, ра́ковина, мѣсячина, хи́жина, о́тчина, о́бщина* (но также *общи́на*). *Туре́чина, Нѣме́чина, хра́мина, лы́сина, дико́вина, дю́жина, сморо́дина*.

4) Въ именахъ отвлеченныхъ предметовъ: а) *и́на: кручи́на, причи́на, судьби́на;* б) *ина — и́стина*.

5) Въ именахъ, кончающихся на *щина* и *чина*, по большей части образованныхъ отъ прилагательныхъ на *скій* и собирательныхъ:

а) *щи́на: чертовщи́на, бѣсовщи́на, даровщи́на, годовщи́на, мужчи́на*.

б) *щина: же́нщина, деревé́нщина, ба́рщина, славя́нщина, бра́товщина, дья́вольщина, быва́льщина, подё́нщина, зе́мщина, солда́тчина* (гдѣ щ послѣ т замѣнилось звукомъ ч), *нѣмечина, туречина* (отъ нѣмецъ и Турція).

Оканчивая разсмотрѣніе выговора наставки *ина*, припомнимъ, что она въ нѣкоторыхъ случаяхъ произносится двояко; говорятъ напр. *скла́дчина* и *складчи́на*, или (при присоединеніи слога *ка*)

крупинка и *крупи́нка*. Такое явленіе указываетъ на шаткость ударенія въ разсмотрѣнной наставкѣ.

ота, ета. Это окончаніе произносится съ удареніемъ на послѣдней гласной въ отвлеченныхъ именахъ качествъ, произведенныхъ или прямо отъ корня, или отъ именъ прилагательныхъ: *высота́, долгота́, широта́, красота́, духота́, тягота́, могота́, босота́, простота́, краснота́, чернота́, доброта́, тошнота́, чистота́, слѣпота́, хромота́, тѣснота́, правота́, суета́, синета́, нищета́*. Такъ же произносятся *пахота́* и *сирота́*.

Окончаніе *ота́*, какъ по значенію, которое оно даетъ именамъ, такъ и по ударенію, однородно съ наставкою *ина́*, такъ что нѣкоторыя имена, смотря по надобности, являются то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ этихъ окончаній, изъ которыхъ каждое сообщаетъ имъ особенный оттѣнокъ значенія, напр. *высота́* и *вышина́*, *широта́* и *ширина́*, *толстота́* и *толщина́*, *краснота́* и *краснина́*.

ота произносится съ удареніемъ на первой гласной въ именахъ, не означающихъ отвлеченныхъ качествъ: *дремо́та, льго́та, пѣхо́та*. Сюда относятся между прочимъ многія имена, происходящія отъ глагольныхъ корней и означающія болѣзненное состояніе или припадокъ, напр. *рво́та, блево́та, ико́та, хрипо́та, зѣво́та, ломо́та, дерго́та, перхо́та, харко́та, чихо́та, потяго́та*. Такъ произносятся еще слова: *добро́та*,—когда оно выражаетъ качество матеріальное, а не духовное, *мокро́та*,—когда означается вещество, а не качество, и *щедро́та*, въ смыслѣ милостиваго дара. *Сипота* произносится двояко (—*о́та* и —*ота́*).

Отъ именъ съ наставкою *ота, ета* надобно отличать тѣ, въ которыхъ появляется то же окончаніе при другомъ образованіи слова: *рабо́та* (оконч. то же, что и въ герм. arbeit), *клевета́, хло́поты* (ср. гл. *рабо́тать, клевета́ть, хлопота́ть*).

ня принимаетъ удареніе, когда приложено къ глагольному корню для означенія дѣйствія сильнаго, шумнаго или частаго: *возня́, рѣзня́, хохотня́, хлопотня́, стряпня́*; иногда передъ этимъ окончаніемъ вставляется еще слогъ *от* или *ов*: *бѣготня́, стукотня́, воркотня́, скрыпотня́, трескотня́, болтовня́*.

ня въ другихъ случаяхъ произносится различно; напримѣръ— съ удареніемъ: *западня́, зубня́, клешня́, квашня́, размазня́, четверня́, родня́*, и безъ ударенія: *ро́вня, дво́рня, схо́дня, со́тня, дере́вня, ба́рышня, у́треня, вече́рня, подворо́тня*. Имена съ этою наставкой, означающія помѣщенія или мѣста съ особымъ назначеніемъ, никогда не носятъ на ней ударенія: *купа́льня, солова́рня, голубя́тня, коню́шня, спа́льня, бѣли́льня, бо́йня, па́шня, до́йня, колоко́льня*.

Исчисливъ тѣ окончанія женскаго рода, въ различномъ произношеніи которыхъ болѣе или менѣе выражается разумное основаніе, приведемъ теперь тѣ наставки женскихъ именъ, которыя выговариваются различно, иногда безъ видимой причины:

ба, съ удареніемъ: *гоньба́, молотьба́, гульба́, ходьба́, пальба́, борьба́, стрѣльба́, мольба́, рѣзьба́* (говорится впрочемъ и *рѣ́зьба*), *судьба́, гурьба́, ворожба́*. Слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что имена этого образованія съ удареніемъ въ концѣ большею частію означаютъ усиленное дѣйствіе.

ба, безъ ударенія: *про́сьба, сва́дьба, жени́тьба, слу́жба, дру́жба, тя́жба*.

оба: *худоба́*; — *зло́ба, утро́ба*; — *жа́лоба*.

изна: *новизна́, крутизна́, желтизна́, кривизна́, бѣлизна́, прямизна́*; — *дорогови́зна, дешеви́зна, укори́зна, отчи́зна*. Почти всѣ имена послѣдняго разряда имѣютъ болѣе трехъ слоговъ. Вообще же имена на *изна*, произведенныя отъ прилагательныхъ, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

иха: *купчи́ха, шути́ха, щеголи́ха, зайчи́ха, слони́ха, волчи́ха, осли́ха*; — *ста́ростиха, ме́льничиха, дво́рничиха*.

ыня, иня: *госуда́рыня, ба́рыня, мона́хиня, и́нокиня, ми́лостыня*; — *рабы́ня, боги́ня, княги́ня, горды́ня, благосты́ня*.

овь: *любо́вь, свекро́вь, морко́вь*, — *до́роговь* (произн. и *дорого́вь*), *це́рковь*.

ея: *швея́, ворожея́, ячея́, шлея́, сулея́, верея́, вечея́, должея́, берея́* (собирательница ягодъ и грибовъ); — *тавле́я* (въ народѣ и *тавлея́*), *лине́я*; — *ля́двея*.

Здѣсь съ сознательнымъ удареніемъ являются только отглагольныя, личныя имена, какъ: *швея́, ворожея́, вязея́, плетея́ ищея́, лазея́*. Взятыя изъ другихъ языковъ почти всегда имѣютъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ: *траншéя, фузéя, тавлéя, аллéя, линéя* (отступаютъ *шлея́, кисея́*).

уха, юха: 1) *требуха́, шелуха́, чепуха́;* 2) *ря́пуха, кóрюха, черёмуха;* 3) *стару́ха, стряпу́ха, сиву́ха, востру́ха* (имена отдѣльныхъ лицъ и предметовъ, а не собирательныя, какъ въ двухъ предыдущихъ разрядахъ).

ша: *львша́, лапша́;—генера́льша, профéссорша* (въ личныхъ именахъ *ша* никогда не принимаетъ ударенія), *вéкша*.

3) Женскія окончанія, всегда остающіяся безъ ударенія.

ость, есть: *тя́гость, крóтость, ша́лость;—тя́жесть, гóресть*.

ка: *ру́чка, тру́бка, тётка* (кромѣ *битка́, пенька́*). *Башка́*—не русское слово. Въ словѣ *доска к* принадлежитъ къ корню (ср. англ. desk).

Въ соединеніи *ка* съ другими слогами надо особенно обратить вниманіе на слѣдующіе случаи:

у́шка, ю́шка въ именахъ уменьшительныхъ: *Марфу́шка, верту́шка, ръзву́шка, игру́шка, верху́шка, маку́шка*.

ушка, юшка, безъ ударенія, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ, которыми почти всегда означаются одушевленные предметы: *ма́тушка, голу́бушка, корóвушка, ба́тюшка; голóвушка*.

ёнка (онка), въ уменьшительныхъ унизительныхъ: *ручонка, душонка, старушонка*.

енька, въ уменьшительныхъ ласкательныхъ: *ру́ченька, ду́шенька, стару́шенька, ма́менька, Оленька*.

енка, въ названіяхъ націй: *Францу́женка, Черкéшенка* и изрѣдка въ другихъ именахъ: *ни́щенка*.

Замѣтимъ еще слѣдующія женскія наставки безъ ударенія:

тва: *жéртва, моли́тва, би́тва, бри́тва, лови́тва*. Въ словѣ *ботва́*, наставку составляетъ только слогъ *ва*.

ля, во множественномъ числѣ *ли*: *пéтля, гра́бли, гу́сли, я́сли*.

ква: *брю́ква*, *ты́ква*, *смо́ква*.

едь, *ядь*, (*адь*): *пе́стредь*, *мо́кредь*, *че́лядь*, *сте́рлядь*, *пло́щадь*[1].

III. Окончанія средняго рода.

Въ именахъ средняго рода мы не сохранимъ тройного подраздѣленія, потому что каждое ихъ окончаніе произносится то съ удареніемъ, то безъ ударенія.

іе или сокращенное *ье* есть наиболѣе распространенное въ языкѣ окончаніе именъ средняго рода. При образованіи именъ отъ глаголовъ ему предшествуетъ то *н*, то *т*, смотря по тому, оканчивается ли причастіе глагола на *ный* или на *тый*; впрочемъ и во второмъ случаѣ иногда все-таки отглагольное имя образуется съ помощію буквы *н*, напримѣръ: *пѣніе*, *тре́ніе*, *пре́ніе*. Гласною передъ этимъ окончаніемъ бываетъ то *а* или *я*, то *е* или *ѣ*. Имена на *а́ніе* и *я́ніе* принимаютъ удареніе глагола, отъ котораго произведены: *страда́ніе*, *дѣ́ланіе*, *завоева́ніе*, *ку́шанье*, *сѣ́тованіе*, *сія́ніе*, *чая́ніе*, *раская́ніе* (кромѣ книжныхъ словъ: *покая́ніе*, *дѣя́ніе*, *одѣя́ніе*[2]). Имена на *еніе* и *ѣніе* почти всегда носятъ удареніе надъ *е* или *ѣ*, несмотря на произношеніе глагола: примѣры этому мы уже видѣли при разсмотрѣніи именъ, начинающихся предлогомъ *вы* (*вычисле́ніе* отъ *вы́числить*). Теперь укажемъ еще на слова, сложенныя съ другими предлогами, или простыя: *представле́ніе* отъ *предста́вить*, *видѣ́ніе* отъ *ви́дѣть*, *паде́ніе* отъ *па́сть*, *умноже́ніе* отъ *умно́жить* и проч. Такъ же произносятся имена: *значе́ніе*, *ударе́ніе*, *одобре́ніе*, *усво́еніе*, *увѣре́ніе*, *повинове́ніе*; *кипѣ́ніе*, *велѣ́ніе*, *впечатлѣ́ніе* и мн. др. Однакожъ *е* передъ окончаніемъ *ніе* остается иногда безъ ударенія, и именно: 1) когда глаголъ, отъ котораго происходитъ имя, оканчиваясь на *ить*, самъ образованъ отъ существительнаго или прила-

---

[1] Мой списокъ суффиксовъ именъ женскаго рода дополнилъ г. А. Александровъ суффиксами *ынъ*, *ива* и *ева*: см. въ Русскомъ *Филолог. Вѣстникѣ* 1882 г., № 3, статью его объ удареніи именъ съ этими окончаніями.

[2] Книжное же слово *преуспѣяніе* произносится двояко, съ удареніемъ то а третьемъ, то на четвертомъ слогѣ.

гательнаго, наприм. *чи́щенiе, кра́шенiе, ня́ньченiе, моро́ченiе, озабо́ченiе, сосредото́ченiе, упро́ченiе, наміреніе;* 2) когда имя мало употребительно, и глаголъ, отъ котораго оно произведено, не можетъ принимать окончанія *а́ть* или *я́ть* съ удареніемъ, наприм. *хму́ренье, тара́щенье, тра́ченье.* Наоборотъ, мы замѣчаемъ, что окончаніе *е́нiе* съ удареніемъ встрѣчается почти всегда въ такихъ именахъ, которыя происходятъ отъ глаголовъ, могущихъ принимать окончаніе *а́ть* или *я́ть*, напр. *прославле́нiе* отъ *просла́вить—прославля́ть;* 3) въ нѣкот. именахъ, означающихъ самое дѣйствіе, а не произведеніе его: въ этомъ смыслѣ *муче́нiе* отличается отъ *му́ченiе.* Имена *увеличенiе, из-прi-обрѣтенiе, ограниченiе* произносятся двояко. Окончаніе *ѣнiе* остается безъ ударенья въ именахъ: *свѣ́дѣнiе, за́говѣнье, ро́зговѣнье*, въ первомъ отличительно отъ слова *сведе́нiе*, а въ послѣднихъ двухъ можетъ-быть потому, что для болѣе яснаго означенія противоположности понятій предлогъ принялъ удареніе. *Видѣнiе* съ префиксомъ *пред* переноситъ удареніе на слогъ *ви́*. Сокращеніе буквы *i* въ *ь* обыкновенно не влечетъ за собою перемѣны въ удареніи словъ этого окончанія. Только въ именахъ, произведенныхъ отъ односложныхъ глаголовъ, слогъ *нье* иногда принимаетъ удареніе, напр. въ простонародныхъ словахъ: *пѣньё, враньё, жданьё, тканьё, спаньё.*

Окончаніе *тiе*, когда принадлежитъ простымъ именамъ, произведеннымъ отъ односложныхъ глаголовъ на *ить* и *ыть*, требуетъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, и буква *i* сокращается въ *ь*: *бритьё, литьё, шитьё, витьё, питьё, мытьё, вытьё, житьё, бытьё.* Иначе произносятся только *кры́тiе* и *ры́тiе* (иногда и *рытьё*). Отъ глаголовъ на *оть* и *уть* рѣдко образуются имена существительныя; въ нихъ окончаніе *тье* остается безъ ударенія: *колотье* (произносится двояко: ко́лотье и коло́тье), *гну́тiе.* Слово *чутьё*, происходящее конечно не отъ *чуять*, а отъ неупотребительнаго глагола *чуть*, держитъ удареніе на послѣдней гласной подобно другимъ двусложнымъ именамъ этого образованія.

Замѣчательно, что удареніе въ такихъ случаяхъ обыкновенно измѣняется отъ сложенія имени съ другимъ словомъ, хотя бы и

съ предлогомъ. Ср. напр. *литьё* и *сли́тіе*, *разли́тіе*, *кровопроли́тіе*, *бытіе́* и *отбы́тіе*, *бритьё* и *брадобри́тіе*, *житьё* и *общежи́тіе*. Сюда же относятся слова, *взя́тіе*, *поня́тіе*, *нача́тіе* и другія неупотребительныя безъ предлога. *Забытьё* по значенію отличается отъ *забы́тіе*.

Въ именахъ, произведенныхъ не отъ глаголовъ, окончаніе *ье* носитъ почти всегда удареніе, когда принадлежитъ двусложнымъ словамъ: *копьё*, *ружьё*, *тряпьё*, *старьё*, *бѣльё*, *жильё*, *бабьё*. Такъ же произносятся собирательныя имена: *дурачьё*, *мужичьё*. Но въ словахъ: *у́стье*, *зе́лье*, *пла́тье* и въ многосложныхъ именахъ удареніе падаетъ на слогъ, предшествующій окончанію: *здоро́вье*, *захолу́стье*, *помѣ́стье*, *безлю́дье*, *отре́бье*, *подво́рье*.

Въ словахъ съ окончаніемъ *овье*, *евье*, удареніе бываетъ различно: *кочевьё*, *коче́вье*, *зимовье*, *становье*, *верховье*, *низовье*.

При полномъ окончаніи *іе* (не всегда отглагольномъ) удареніе лежитъ на предыдущемъ слогѣ, на которомъ остается и въ случаѣ сокращенія *і въ ь*: *былie*, *те́рніе*, *ве́рвіе*, *отли́чіе*, *уча́стіе*, *наси́ліе*, *вели́чіе*, *честолю́біе*, *благоче́стіе*, *распу́тіе*, *усло́віе*, *суевѣ́ріе*. Только въ нѣкоторыхъ словахъ, образованныхъ отъ именъ на *мя* (*менъ*), этотъ слогъ, ставъ передъ окончаніемъ *іе*, остается безъ ударенія, которое падаетъ на коренной слогъ: *зна́меніе*, *безвре́менье*. Но уродливое слово *мѣстоиме́нье* и выговаривается неправильно.

Слогъ *ство* по бо́льшей части не носитъ ударенія: *во́инство*, *пе́рвенство*, *оте́чество*, *о́бщество*, *кова́рство*, *схо́дство*, *ца́рство*, *ка́чество*, *коли́чество*, *пото́мство*, *убо́жество*, *многолю́дство*, *человѣ́чество*, *госпо́дство*, *влады́чество*, *вели́чество*, *могу́щество*, *заму́жество*, *то́жество*, *ю́ношество*, *ры́царство*. Удареніе почти во всѣхъ этихъ случаяхъ остается на томъ слогѣ, который носитъ его въ первообразномъ словѣ. Только имя *лѣка́рство* выговаривается не такъ какъ *лѣ́карь*, можетъ-быть потому, что въ немъ совершенно исчезаетъ понятіе дѣйствующаго лица, придаваемое первообразному имени окончаніемъ *арь*. Имена *первенство*, *единство* и *общество* нѣкоторые произносятъ съ удареніемъ на по-

слѣднемъ слогѣ, но этотъ выговоръ въ литературномъ языкѣ встрѣчается рѣдко. Слово *свойство* произносится различно, смотря по двоякому значенію своему; двояко выговаривается еще *волшебство* (é — ствó).

На общемъ основаніи произносятся и отглагольныя имена: *чýвство, убíйство, производство, бѣгство, убрáнство, ходáтайство, устрóйство.* Въ трехъ только случаяхъ окончаніе *ство* принимаетъ удареніе: 1) въ отглагольныхъ и другихъ трехсложныхъ именахъ, когда наставкѣ *ство* предшествуетъ слогъ *ов* или *ев*, часто ею принимаемый даже и тогда, когда въ глаголѣ его нѣтъ, напр. *воровствó, мотовствó, колдовствó, сватовствó, плутовствó, врачевствó, хвастовствó, шутовствó, кумовствó. Шельмовство* произносится съ удареніемъ или на послѣднемъ слогѣ, или на среднемъ; 2) въ именахъ, произведенныхъ отъ другихъ именъ существительныхъ или прилагательныхъ, когда окончаніе *ство* становится па мѣсто отброшеннаго слога съ удареніемъ: *родствó* (а отъ этого и *сродствó*), *удальствó, щегольствó, вдовствó, ханжествó, сиротствó*, отъ *роднóй, удалóй, щегольскóй, вдовá, ханжá, сиротá; скотствó* произносится такъ по косвеннымъ падежамъ слова *скотъ;* на этомъ же правилѣ основывается выговоръ именъ *большинствó, меньшинствó, старшинствó*, какъ произведенныхъ отъ *большинá, меньшинá, старшинá;* 3) въ нѣкоторыхъ трехсложныхъ именахъ, первоначально принадлежавшихъ только книжному языку: *божествó, рождествó, веществó, существó, естествó, торжествó, празднествó, пиршествó* (послѣднія два, особенно второе, произносятся и съ удареніемъ на первомъ слогѣ).

Церковно-славянское окончаніе *ствіе*, употребляемое въ нынѣшнемъ языкѣ довольно рѣдко и по большей части свойственное только сложнымъ именамъ, никогда не принимаетъ ударенія, которое всегда падаетъ на предшествующій слогъ: *дѣ́йствіе, шéствіе, слѣ́дствіе, бѣ́дствіе, молéбствіе, спокóйствіе, благодéнствіе, удовóльствіе, напýтствіе, привѣ́тствіе.*

Наставка *ище* является то съ удареніемъ на *и*, то безъ вся-

каго ударенія. Можно бы подумать, что такое разнообразіе въ произношеніи словъ, съ помощію ея составленныхъ, имѣетъ свое основаніе въ намѣреніи отличать ихъ отъ именъ особой категоріи, у которыхъ то же окончаніе служитъ выраженіемъ необыкновенной величины предметовъ. Но это справедливо только отчасти.

Увеличительныя имена мужескаго и средняго рода на *ище* сами выговариваются различно, и потому мы должны напередъ коснуться ихъ. Мужескія имена односложныя и такія, которыя въ родительномъ падежѣ носятъ удареніе на окончаніи, обыкновенно принимаютъ эту наставку съ удареніемъ на *и: столи́ще, доми́ще, двори́ще, ключи́ще, вози́ще, носи́ще, дружи́ще, куси́ще, снопи́ще, утюжи́ще, сапожи́ще, мужичи́ще*. Среднія трехсложныя имена принимаютъ такое же удареніе: *окни́ще, ведри́ще, пузи́ще*. Среднія имена на *ище*, имѣющія болѣе слоговъ, сохраняютъ удареніе положительной степени, напр. *зе́ркалище*. Имена мужескаго рода хотя и односложныя, но не русскія, или многосложныя, не имѣющія ударенія на послѣднемъ слогѣ родительнаго падежа, принимаютъ *ище* безъ ударенія: *сту́лище, шка́пище, забо́рище, стака́нище, огоро́дище, комо́дище*.

Поэтому имена на *ище*, если образованы отъ другихъ существительныхъ и не должны означать увеличенія, принимаютъ по большей части такое удареніе, которое бы отличало ихъ отъ увеличительныхъ. Говорятъ: *пожари́ще*, потому, что *пожа́рище* означало бы большой пожаръ. На томъ же основаніи произносятъ: *пепели́ще, голени́ще, поло́тнище* и — *чу́дище, по́лчище, со́нмище, то́ржище, ко́злище, дѣ́тище*. Слово *кнутови́ще* составлено для отличія отъ *кнути́ще*. Таково же и слово *станови́ще*. Иначе произносится *чудо́вище* (отъ *чудо́вый*), *горо́ховище* (отъ *горо́ховый*) и *ту́ловище*.

Отглагольныя имена на *ище* по большей части не держатъ ударенія на этомъ окончаніи: *и́грище, убѣ́жище, по́прище, приста́нище, ра́товище, позо́рище, про́звище, сокро́вище, за́ймище*. Такъ же произносятся старинныя имена: *вре́тище, ру́бище, ка́пище, тре́бище, чинга́лище. Гу́льбище, кла́дбище* и *стрѣ́льбище*

произносятся различно, съ удареніемъ то на *и*, то на первомъ слогѣ.

Имя женскаго рода *рѣпа* не могло перемѣнить ударенія отъ наставки *ище;* слово *рѣпище* самымъ окончаніемъ своимъ отличается отъ увеличительнаго женскаго рода *рѣпища.*

Логовище произносится двояко: съ удареніемъ на первомъ слогѣ по первообразному слову *лóгово*, или на наставкѣ.

Городище носитъ всегда удареніе на *и*, означаетъ ли оно большой городъ, или мѣсто, гдѣ нѣкогда было селеніе.

Есть еще особенный разрядъ именъ на *ище:* это такія имена, которыя произведены отъ причастій съ гласными *а*, *и*, *ѣ* передъ *лъ*, и у нихъ удареніе тамъ же, гдѣ оно въ неопредѣленномъ наклоненіи глагола: *влагáлище*, *обитáлище*, *ристáлище*, *сѣдáлище*, *игрáлище*, *судúлище*, *святúлище*, *страшúлище*, *вмѣстúлище*, *учúлище*, *хранúлище*, *пáдалище*. По этому же образцу составлены имена *чистúлище*, *узúлище*, *гнѣздúлище*, *зрѣлище;* въ первомъ изъ нихъ удареніе отступаетъ отъ глагольнаго; въ словѣ *жилúще* оно бываетъ обыкновенно на наставкѣ.

Имена съ окончаніемъ *ло*, произведенныя большею частью отъ глаголовъ, бываютъ по ударенію троякія. Оно падаетъ либо на эту наставку, либо на слогъ ей предшествующій, либо на третій съ конца. Надъ *ло* удареніе бываетъ почти всегда въ томъ случаѣ, когда въ предыдущемъ слогѣ буква *е* или *ѣ*, отдѣляющаяся отъ окончанія какою-нибудь согласною, явною или выпавшею: *скреблó*, *греблó*, *щемлó*, *сверлó*, *жерлó*, *теслó*, *веслó*, *стеклó*, *ремеслó*, *сѣдлó*, *помелó* (-метлó); такъ же произносятся слова: *крылó*, *тяглó*, *дуплó*, *числó*. На предыдущій слогъ падаетъ удареніе вообще тогда, когда окончаніе *ло* приложено къ глаголамъ, образованнымъ съ помощію буквъ *а*, *я*, *и*, *ы*, такъ что оно принимаетъ видъ *ало*, *яло*, *ило*, *ыло*, или когда въ предыдущемъ слогѣ нѣтъ буквы *е:* *опахáло*, *покрывáло*, *черпáло*, *мочáло*, *одѣяло*, *творúло*, *сушúло*, *свѣтúло*, *жúло*, *бúло*, *мя́ло*, *мы́ло*, *ры́ло*, *стóйло*, *пóйло*, *пáдло*, *гóрло*, *начáло*, *пря́сло*, *сýсло*, *прýгло*, *коромы́сло*, *мáсло*, *вя́сло;* наконецъ въ видѣ исключенія *крéсло*.

Такъ же выговаривается слово *мотови́ло*. — Наибольшее число именъ съ окончаніемъ *ло* носитъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ.

На третій слогъ съ конца удареніе падаетъ въ немногихъ только словахъ этой формы: *пу́гало*, *зе́ркало* (множ. *зеркала́*), *бу́ркало*, *вѣ́яло*, *у́дило* (множ. *удила́*), *мѣ́рило*, *пра́вило*. *Мѣри́ло* слышится часто и съ удареніемъ на *и*. Отъ *пра́вило* отличается *прави́ло* по значенію.

Съ окончаніемъ *ло* очень сходно другое, почти однозвучное *во*, являющееся всегда съ предшествующей ему буквою *и*, *е* или *о*. Слогъ *во* никогда не носитъ ударенія, которое падаетъ — въ двусложныхъ словахъ на предыдущій слогъ, а въ трехсложныхъ (или если и болѣе слоговъ) — на третій съ конца: *пи́во*, *жни́во*, *по́йво*, *кро́шиво*, *ва́рево*, *ме́ливо*, *мѣ́сиво*, *то́пливо*, *то́чиво*, *ку́рево*, *ло́гово*, *кру́жево*, *за́рево*, *де́рево*. Отъ такого ударенія происходитъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ передъ окончаніемъ *во* допускается то *е*, то *и*, напр. *кро́шево* и *кро́шиво*, *ва́рево* и *ва́риво*. *Огни́во* удерживаетъ удареніе на томъ же слогѣ, на которомъ оно въ первообразномъ имени *ого́нь*, въ косвенныхъ его падежахъ (*огня́* и т. д.). Нѣкоторые произносятъ *топли́во*.

Наставка *мо* вообще является у насъ съ удареніемъ: *письмо́*, *бѣльмо́*, *пряжмо́*, *ярмо́*, *дермо́*. Слово *клеймо́* заимствовано изъ др. скандинавскаго языка, а *па́смо* сомнительнаго происхожденія, и потому окончанія этихъ двухъ именъ нельзя считать производственнымъ. Различіе произношенія ихъ зависитъ вѣроятно отъ различія предшествующей окончанію гласной (см. выше замѣчанія о слогѣ *ло*).

Окончаніе *но* по большей части носитъ удареніе, особенно послѣ гласныхъ *е*, *о*: *стегно́*, *веретено́*, *пшено́*, *бревно́*, *зерно́*, *звено́*, *окно́*, *полотно́*, *волокно́*, *толокно́*, *порохно́*, *лукно́*, *гумно́*, *сукно́*, *садно́*; но бываетъ и безъ ударенія: *бра́шно*, *су́дно* *ко́рзно*, *колѣ́но*, *полѣ́но*.

То же можно бы сказать и объ окончаніи *ро*: *ведро́*, *ребро́*, *перо́*, *ядро́*, *добро́*, *серебро́*, *нутро́*; — *вёдро*, *нѣ́дро*, *у́тро*. Но

это окончаніе собственно сюда не идетъ, потому что въ немъ буква *р* почти всегда принадлежитъ къ корню.

Слогъ *то* принимаетъ удареніе послѣ гласной *е: решето́, тенето́*, а послѣ *и* или *ы* отбрасываетъ его на предыдущій слогъ: *си́то, копы́то, коры́то.*

Перейдемъ теперь къ наставкамъ, служащимъ для образованія уменьшительныхъ именъ.

Слогъ *ко* рѣдко является въ чистомъ видѣ безъ прибавленія къ нему еще какого-нибудь другого слога; присоединяясь къ согласной, онъ обыкновенно получаетъ удареніе, а особливо въ двусложныхъ именахъ: *ушко́, очко́* (множ. *очки́*), *сѣрко́, гнѣздко́, воронко́, озерко́. Древко* произносится двояко. Если вставляется бѣглая гласная, то удареніе переходитъ на нее: *ведёрко, око́шко, бреве́шко, луко́шко, дрове́шки* (отъ *дро́вни*), *судёнко.* Когда *ко* присоединяется къ имени, оканчивающемуся на *я*, въ которомъ скрывается согласная *т* или *н*, то удареніе падаетъ на первый слогъ: *ди́тятко, вре́мячко, сѣ́мячко.*

Когда наставка *ко* присоединяется къ трех- или четырехсложному слову, которое и безъ того уже оканчивается на этотъ слогъ, то удареніе остается на прежнемъ мѣстѣ: *я́блочко, о́блачко, молочко́, око́шечко, ведёрочко.* Когда же *ко* прилагается къ имени, кончащемуся на *це* или *цо́*, то удареніе переходитъ на являющуюся передъ новою наставкою гласную, будетъ ли это бѣглое *е*, или другая гласная: *коле́чко, крыле́чко, серде́чко, мѣсте́чко, яи́чко*, но *блю́дце — блю́дечко.*

Окончаніе *ико*, встрѣчающееся очень рѣдко, не носитъ ударенія: *ли́чико, пле́чико.*

Передъ слогомъ *ко* ставится иногда еще прибавочный слогъ *ыш* или *иш*. Окончаніе *ышко*, служащее только къ образованію ласкательныхъ уменьшительныхъ, никогда не принимаетъ ударенія: *го́рлышко, пя́тнышко, рёбрышко, зёрнышко.* Отсутствіе ударенія надъ этой наставкой такъ постоянно, что когда она присоединяется къ односложному имени *дно*, то въ немъ появляется

вставочная гласная *о* съ удареніемъ: *дóнышко* (Пав. Ф. Набл. II. § 53, примѣч. 1).

Окончаніе *и́шко*, напротивъ, въ трехсложныхъ словахъ всегда носитъ удареніе на *и* и придаетъ слову значеніе унизительное: *дѣли́шко, сели́шко, сѣдли́шко, мѣсти́шко.*

Это же окончаніе придается иногда, въ томъ же смыслѣ, именамъ мужескаго рода, наприм. *крести́шко, доми́шко, городи́шко, голоси́шко*, но тогда оно можетъ быть и безъ ударенія; именно это бываетъ въ томъ случаѣ, когда первообразное двух- или трехсложное имя съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ не перемѣняетъ своего ударенія въ косвенныхъ падежахъ: *забóришко, огорóдишко, халáтишко, ивáнишко* (отъ *забóръ — а, огорóдъ — а* и т. д.).

> Да правду говорить, я и тому дивился,
> Что *огорóдишко* твой кое-какъ идетъ.
> *Крыловъ*, Огор. и Фил.

Къ имени мужескаго рода, означающему одушевленный предметъ, прилагаютъ охотнѣе окончаніе *и́шка* (а не *и́шко*): *мальчи́шка, вори́шка, плути́шка, хвастуни́шка.* Повѣрить это можно винительнымъ падежомъ: поймать *плути́шку.*

> Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то *вори́шекъ* бьютъ.
> *Крыловъ*, Вороненокъ.

Иногда такое уменьшительное имя можетъ быть общаго рода: *дурны́шка.*

Окончаніе *це, цó* прилагается къ именамъ средняго рода для уменьшенія ихъ, или и безъ этой цѣли, когда имя само по себѣ неупотребительно. По бóльшей части слово сохраняетъ удареніе первообразнаго имени, напр. *кóрытце, сáльце, рыльце, зéркальце, блюдце, виицó, колесцó, крыльцó, полѣнце*; но *кольцó*, отъ неупотр. *коло.* Въ именахъ, кончащихся на *но* съ предыдущею согласною, удареніе переходитъ на вновь появившуюся гласную *о* или *е*: *полотéнце, волокóнце, окóнце, дóнце.* Въ соединеніи съ словомъ *письмó* окончаніе *цо* принимаетъ удареніе — *письмецó;* то же бываетъ еще въ соединеніи съ именами: *мясо, село* и *дерево,*

чему причиною, кажется, звуки *я* и *е* въ предшествующемъ слогѣ; *сѣнцó* произносится также еще и для отличія отъ женскаго *сѣнцы*.

Присоединяясь къ нѣкоторымъ именамъ, кончащимся на *ье*, эта наставка принимаетъ форму *еце* безъ ударенія: *плáтьеце*, *имѣньеце*, *чтéньеце*, или съ удар., какъ въ словѣ *копьецó*.

Въ предыдущемъ представленъ первый опытъ разсмотрѣнія, насколько русское удареніе зависитъ отъ производства и состава словъ.

Теперь спрашивается: можно ли изъ этого разсмотрѣнія извлечь какіе-нибудь положительные результаты?

Мы видѣли, что есть много производственныхъ окончаній, имѣющихъ постоянное удареніе, — слѣдовательно много словъ, которыхъ произношеніе опредѣляется самымъ ихъ окончаніемъ. Вотъ главныя изъ такихъ наставокъ: муж. р. *акъ*, *якъ*, *укъ*, *юкъ*, *агъ*, *огъ*, *югъ*, *анъ*, *янъ*, *унъ*, *ачъ*, *ай*, *яй*, *уй*, *ежъ*, *áтай*, *ёнокъ*, *ёнышъ*; — жен. р. *áга*, *ýга*, *ýга*, *ю́га*, *ы́га*, *и́га*, *áка*, *я́ка*, *áха*, *я́ха*, *óха*, *ýнья*, *ýша*, *и́ка*.

Есть другія имена, у которыхъ удареніе никогда не бываетъ на окончаніи, а остается либо на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно въ первообразномъ словѣ, либо падаетъ на слогъ предшествующій окончанію. Здѣсь особенно замѣчательны въ муж. р. окончаніе *тель*, въ жен. *остъ* или *естъ*, а въ ср. *іе* (у многосложныхъ именъ).

Чтó касается до наставокъ, имѣющихъ непостоянное удареніе, то часто произношеніе словъ съ такими окончаніями зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ; какъ-то: 1) отъ производства слова; 2) отъ числа слоговъ въ имени, 3) отъ присоединенія къ наставкѣ дополнительнаго слога; 4) отъ гласной буквы предшествующаго слога; 5) отъ того, простое ли имя, предложное, или составное, и 6) отъ самаго значенія слова.

Когда то или другое изъ этихъ обстоятельствъ должно имѣть вліяніе на удареніе, на это нѣтъ одного общаго закона, но каждое изъ нихъ имѣетъ въ разныхъ случаяхъ свое несомнѣнное зна-

ченіе. Между ними самое обыкновенное основаніе выговора составляетъ производство именъ; однакоже оно нерѣдко уступаетъ одному изъ прочихъ основаній. Припомнимъ здѣсь въ заключеніе главные изъ отдѣльныхъ случаевъ, когда каждое изъ этихъ обстоятельствъ опредѣляетъ удареніе именъ съ производственными окончаніями.

I. Производство слова.

1) Всѣ простыя имена на *окъ*, *произведенныя отъ глаголовъ*, носятъ удареніе на этомъ окончаніи, напр. *толчокъ*, *плевокъ*, *совокъ*, *кипятокъ*, *кувырокъ*.

2) Уменьшительныя на *окъ* и *екъ*, въ указанныхъ случаяхъ производства, выговариваются такимъ же образомъ: *комокъ*, *порошокъ*, *кошелёкъ* и пр.

3) Имена на *ецъ*, произведенныя отъ двусложныхъ глаголовъ и прилагательныхъ, также произносятся почти всегда съ удареніемъ на окончаніи: *творецъ*, *купецъ*, *рубецъ*, *хитрецъ*, *слѣпецъ*, *храбрецъ*.

4) Имена на *икъ*, *никъ*, *овикъ*, *евикъ*, *ивикъ*, *атикъ*, *астикъ*, вообще сохраняютъ удареніе прилагательныхъ, отъ которыхъ они образованы.

5) Женскія имена на *ица*, ежели есть соотвѣтствующія муж. на *ецъ* или *икъ*, удерживаютъ удареніе этихъ послѣднихъ.

6) Произведенныя отъ прилагательныхъ именъ съ окончаніемъ *ина* держатъ вообще удареніе на послѣднемъ слогѣ, наприм. *старина*, *новина*, *быстрина*.

7) Отглагольныя имена съ тою же наставкой носятъ удареніе на коренномъ слогѣ: *рытвина*, *зубрина*, *царапина*.

8) Отглагольныя имена, кончащіяся на *ея*, произносятся съ удареніемъ на послѣдней гласной: *швея*, *ворожея*.

II. Число слоговъ въ имени.

1) Двусложныя имена съ наставкою *окъ* или *ёкъ* передаютъ ей удареніе: *курокъ*, *конекъ* и т. д.

2) Такимъ же образомъ и окончаніе *ецъ* принимаетъ удареніе въ большей части двусложныхъ именъ: *свинецъ*, *отецъ*, *вѣнецъ*.

3) То же окончаніе въ бóльшей части многосложныхъ именъ остается безъ ударенія: *червóнецъ*, *упрямецъ*.

4) Двусложныя имена на *ье* почти всегда имѣютъ удареніе на этомъ окончаніи: *питье*, *чутье*, *жилье*.

5) Такъ произносятся наконецъ двух- и трехсложныя имена съ приставкою *ко*: *ушко*, *гнѣдко*, *сѣрко*, *соловкó*, *воронкó*.

III. Присоединеніе къ наставкѣ дополнительнаго слога.

Имена мужескаго рода на *щикъ* и средняго на *ство* произносятся съ удареніемъ надъ этими наставками, когда передъ ними вставляется слогъ *ов* или *ев*, напр. *вѣстовщикъ*, *цѣновщикъ*, *колдовство*, *врачевство*.

IV. Гласная въ предшествующемъ слогѣ.

1) Звукъ *и* передъ наставкою *тель*, и гласная *е* передъ окончаніемъ *ніе* почти во всѣхъ случаяхъ присвоиваютъ себѣ удареніе: *правитель*, *строитель*, *правленіе*, *строеніе*.

2) Наставки: *ло*, *но* и *то* принимаютъ удареніе, когда въ предшествующемъ слогѣ находится гласная *е*: *весло*, *стекло*, *пшено*, *веретено*, *рѣшето*.

V. Соединеніе имени съ предлогомъ или съ другимъ именемъ въ одно слово.

1) Предлогъ *вы* передъ всякимъ первообразнымъ именемъ и передъ многими производными принимаетъ удареніе: *выводъ*, *выстрѣлъ*, *вылазка*, *выставка*.

2) Съ удареніемъ же произносится всякій другой предлогъ въ началѣ имени, кончащагося на *ь*, какъ мужескаго такъ и женскаго рода: *изгородь*, *навязень*, *пристань*, *утварь*.

3) Предложныя имена съ окончаніями *окъ*, *ышъ*, *ица*, *ина* носятъ удареніе па коренномъ слогѣ: *списокъ*, *просёлокъ*, *заморышъ*, *разладица*, *безхлѣбица*, *окраина*, *пробоина*.

4) Наставка *ецъ* въ составныхъ именахъ передаетъ удареніе предыдущему коренному слогу: *миротворецъ*, *живописецъ*.

5) То же замѣчается какъ въ составныхъ, такъ и въ предложныхъ именахъ средняго рода, кончащихся на *тіе*, напр. *кровопролитіе*, *прибытіе*, *прожитіе*[1].

Здѣсь прибавимъ замѣчаніе, что вообще въ составныхъ именахъ у насъ удареніе принадлежитъ второму слову, напр. *честолю́біе*, *коново́дъ*, *само́ва́ръ*, *духобо́рецъ*, *сукнова́льня*. Исключеній очень мало: *бла́говѣстъ*, *по́лдень*, *по́лночь*, *по́лпиво*, *лѣ́топись*, *ко́новязь*, *во́доросль* и другія т. п. имена женскаго рода на *ъ*, которыя, какъ и предложныя имена съ такимъ окончаніемъ, отбрасываютъ удареніе на первую изъ своихъ составныхъ частей.

VI. Значеніе именъ.

1) Уменьшительныя имена никогда не носятъ ударенія на окончаніи *икъ*: *до́микъ*, *соко́ликъ*.

2) Имена, кончащіяся на *ота*, произносятся съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, когда означаютъ отвлеченныя качества: *чистота́*, *красота́*.

3) Такъ же выговариваются имена съ наставкою *ина*, означающія качество, пространство и время: *круглина*, *глубина*, *старина*.

4) Наставка *ота* имѣетъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ въ именахъ, означающихъ болѣзненное состояніе или припадокъ; *ломота*, *перхота*.

5) Окончапіе *ина* (или множ. *ины*) произносится также съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ въ названіяхъ растеній или торжественныхъ случаевъ: *малина*, *калина*; *родины*, *крестины*.

---

[1] Вообще сложеніе словъ дѣйствуетъ на измѣненіе акцента: ср. напр. *морско́й* и *примо́рскій*, *давно́* и *неда́вно*, *Россія* и *Малоро́ссія*, а также сказанное выше, стр. 382.

6) Окончанія *ня* принимаетъ удареніе въ отглагольныхъ именахъ, означающихъ сильное или частое дѣйствіе: *возня, толкотня.*

7) Слогъ *ня* остается безъ ударенія въ именахъ помѣщеній, зданій и т. п.: *салотопня, сушильня, швальня.*

8) Имена ягодъ на *ика* имѣютъ постоянное удареніе: *черні́ка, брусні́ка.*

Легко было бы еще увеличить число случаевъ, въ которыхъ обнаруживается вліяніе указанныхъ обстоятельствъ на произношеніе словъ; но я удовольствуюсь изложенными наблюденіями. Они достаточно доказываютъ, что какъ ни прихотливо повидимому русское удареніе, однакожъ языкъ, въ самомъ разнообразіи своей просодіи, чуждаясь безотчетнаго произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстнымъ началамъ, которыя во множествѣ фактовъ доступны наблюденію и обличаютъ потребность ума человѣческаго подчиняться общимъ законамъ во всѣхъ безконечно-многообразныхъ явленіяхъ слова.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Впрочемъ *выздоровле́ніе*, какъ ясно видно изъ умягченія буквы *в*, происходитъ не отъ глагола *вы́здоровѣть*, а отъ неупотребительнаго *вы́здоровить*, какъ *явленіе* отъ *явить*. Форма *здоро́вить* есть въ языкѣ, но она обнаружилась только въ предложномъ глаголѣ *поздоро́виться* («отъ этого ему не поздоровится»), да еще въ славянскомъ *поздравить*. Производное имя отъ *выздоровѣть* было бы *выздоровѣніе*. Несовершенный видъ *выздара́вливать* могъ быть образованъ и отъ послѣдней формы глагола, какъ *разгавливаться* отъ *разговѣться*. Кстати замѣтимъ, что идея залога часто пропадаетъ въ отглагольныхъ именахъ дѣйствія или состоянія. Такъ напр. *ослабле́ніе* происходитъ отъ дѣйствит. *осла́-*

битъ, но можетъ означать и состояніе; такъ же точно нѣкоторыя имена этого образованія означаютъ не состояніе и не дѣйствіе, а конкретный предметъ, напр. *имѣніе*, *растеніе*, *варенье*.

2) Правописаніе *обручъ* (съ ъ на концѣ) было бы здѣсь не у мѣста, ибо рѣчь идетъ именно о словахъ съ окончаніемъ на ъ. Вотъ еще одно изъ многихъ доказательствъ что старинная орѳографія, по которой послѣ ж, ч, ш, щ въ концѣ именъ мужескаго рода писалось ъ, была правильнѣе той, которая нынѣ взяла перевѣсъ и требуетъ въ такомъ случаѣ ера.

3) Продолжая свои изслѣдованія надъ именемъ *щёлокъ*, я убѣдился, что оно происходитъ отъ корня, въ которомъ, сходно съ свойствомъ означаемаго этимъ словомъ предмета, скрывается понятіе разложенія, раздѣленія. Дѣйствительно, тотъ же корень является у насъ въ словахъ *щель* (отверстіе, образовавшееся отъ раздвоенія) и *щелка́ть* (раздроблять со звукомъ). Въ послѣднемъ словѣ буква *к* есть уже придаточная къ корню: такова же она и въ имени *щелокъ*. Этотъ самый корень встрѣчается и въ германскихъ языкахъ, и замѣчательно, что тамъ (какъ и у насъ глаголъ *щелкать*) происшедшія отъ него слова выражаютъ, сверхъ показаннаго понятія, еще и звукъ: древне-нѣм. schellen значитъ: *щеляться*, раздробляться, раздроблять, и также — звучать, издавать звонъ; швед. skilja — раздѣлять, разлучать, skall — звукъ. Но у насъ глаголъ *щелкать*, означая звукъ, произносится съ удареніемъ на первомъ слогѣ (*щёлкать*).

4) Для уясненія вопроса объ имени *войлокъ* я обращался къ академику Б. А. Дорну, и онъ указалъ мнѣ на татарское слово *ojlik*, какъ единственное, которое и по значенію и по звуку *могло бы* дать начало нашему *войлокъ*. *Ойликъ* означаетъ: что́ служитъ къ покрытію чего-либо; для покрытія же кибитокъ изстари употреблялся у Татаръ войлокъ. Вотъ возможное соотношеніе обоихъ словъ, которое однакожъ не выдается за несомнѣнное.

5) Польское слово rysować перешло къ намъ конечно вмѣстѣ съ схоластическимъ ученіемъ изъ кіевскихъ школъ. Оно происходитъ отъ нѣмец. гл. reiszen, нѣкогда употреблявшагося въ

томъ же значеніи, или прямѣе отъ сущ. Riss—чертежъ, которое принято Поляками только съ измѣненіемъ *i* на *y* (ы). У насъ оно извѣстно въ предложной формѣ — *абрисъ*. Независимо отъ этого Поляки образовали еще имя rysunek, взявъ для него окончаніе изъ нѣмец. языка (ung), въ которомъ однакожъ подобнаго слова нѣтъ.

II.

О переходѣ ударенія существительныхъ именъ въ косвенныхъ падежахъ.

Переходъ ударенія во флексіяхъ существительныхъ именъ есть явленіе не общее въ нашемъ языкѣ. Съ этой стороны имена могутъ быть раздѣлены на имена съ подвижнымъ удареніемъ— назовемъ ихъ *гибкими*, и на имена съ удареніемъ неподвижнымъ— назовемъ ихъ *негибкими*. Само собою разумѣется, что здѣсь понятіе *гибкій* принимается совершенно въ условномъ, одностороннемъ значеніи, только въ отношеніи къ просодическому свойству слова.

Въ разсужденіи гибкости или негибкости своего ударенія наши существительныя имена подчиняются слѣдущимъ *общимъ* условіямъ:

а) *Гибкими* именами могутъ быть только тѣ, у которыхъ не болѣе 3-хъ слоговъ въ именительномъ падежѣ. Если же въ этой формѣ болѣе слоговъ, переходъ ударенія почти никогда не встрѣчается (*сковородá*, *скóвороду* — рѣдкое исключеніе).

б) Переходомъ удареній *большею частью* отличаются имена первообразныя и простыя.

в) Составныя имена всегда бываютъ *негибкими*, наприм. *водовóзъ*, *лѣтопись*.

г) Предложныя имена допускаютъ переходъ ударенія только при томъ условіи, чтобъ удареніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа было на предлогѣ, наприм. *пóваръ*, *поварá*; *пóвѣсть*, *повѣстéй*; *прóповѣдь*, *проповѣдéй*. Когда въ именитель-

номъ падежѣ единственнаго числа предлогъ не принимаетъ ударенія, то предложное имя не можетъ быть гибкимъ, напр. *заво́дъ, заво́ды; пригово́ръ, пригово́ры; посте́ль, посте́лей.*

д) Въ именахъ съ производственными окончаніями переходъ ударенія возможенъ почти исключительно только тогда, когда оно въ единственномъ числѣ на послѣднемъ слогѣ, наприм. *столя́ръ, столяра́; болту́нъ, болтуна́; пчела́, пчёлы; весло́, вёсла; письмо́, пи́сьма.* Впрочемъ изъ такихъ производственныхъ именъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ довольно гибки только имена мужескаго рода; въ именахъ женскаго и средняго съ производственными окончаніями подвижность ударенія составляетъ явленіе болѣе рѣдкое.

По отношенію къ *частнымъ* условіямъ перехода удареній имена должны быть разсмотрѣны по тремъ родамъ ихъ—мужескому, женскому и среднему.

А) Имена мужескаго рода.

1) Если мѣстный падежъ послѣ предлоговъ *въ* и *на* оканчивается не на *ѣ*, а на *у*, *ю*, то съ этимъ послѣднимъ окончаніемъ неразлучно удареніе, совершенно независимо отъ произношенія прочихъ падежей, наприм. *въ саду́, въ гробу́, на духу́, на берегу́, ввечеру́, въ раю́, въ строю́, въ корню́.* Замѣтимъ, что это окончаніе встрѣчается почти исключительно въ словахъ первообразныхъ, простыхъ и притомъ такихъ, у которыхъ въ именительномъ падежѣ не болѣе двухъ слоговъ, наприм. говорятъ *на ходу́,* но нельзя сказать *на проходу́* (т. е. когда *ходъ* соединилось съ предлогомъ); нельзя также сказать *въ колоколу́* (при трехъ слогахъ въ именительномъ падежѣ). Изъ предложныхъ именъ этому случаю могутъ подлежать только такія, которыя безъ предлога не употребительны, наприм. *о́ткупъ, по́гребъ, — на откупу́, въ погребу́.*

2) Оставляя въ сторонѣ этотъ особенный мѣстный падежъ, мы находимъ, что во всѣхъ другихъ косвенныхъ падежахъ единственнаго числа удареніе бываетъ однообразное, т. е. если одинъ

изъ нихъ принимаетъ удареніе, то принимаютъ его и прочіе, напр. *полкъ — а́, — у́, о́мъ, ѣ́*. Въ такомъ случаѣ и всѣ окончанія множественнаго числа являются съ удареніемъ: *полки́,—о́въ* и т. д.

3) Напротивъ, по ударенію множественнаго числа нельзя судить объ акцентѣ косвенныхъ падежей единственнаго, наприм. во множественномъ *сады́, — о́въ*, а въ единственномъ *са́да, — у*, и т. д.

4) Въ переходѣ ударенія во множественномъ числѣ встрѣчаются два случая:

Или оно падаетъ на окончанія всѣхъ падежей, наприм. *сады́ — о́въ, — а́мъ, — а́ми, — а́хъ; мужики́, — о́въ, — а́мъ, — а́ми, — а́хъ.*

Или оно, переходя на окончанія косвенныхъ падежей, остается неподвижнымъ въ именительномъ падежѣ, наприм. *зу́бы,—о́въ,— а́мъ, — а́ми, — а́хъ; во́ры, — о́въ; во́лки, — о́въ.*

Чѣмъ обусловливается каждое изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь явленій перехода ударенія въ именахъ мужескаго рода, опредѣлить очень трудно. Если бъ и удалось показать тутъ постоянные законы, то они были бы слишкомъ сложны и утонченны, а потому я удовольствуюсь замѣчаніемъ, что это относится наиболѣе къ именамъ односложнымъ, и постараюсь указать въ отношеніи къ нимъ только на тѣ случаи, когда удареніе остается неподвижнымъ, т. е. не переходитъ на окончанія. Это бываетъ:

а) Въ односложныхъ именахъ явно *отглагольныхъ*, особенно предложныхъ (съ предлогами *в-, вз-, с-*); *крикъ; — а, — у; и, — овъ; кликъ, искъ, вкладъ, входъ, вздохъ, вздоръ, сборъ, сводъ* и проч. Только слова *ходъ, садъ* и можетъ-быть нѣкоторыя другія, означающія не дѣйствіе или состояніе, а предметъ, отступаютъ отъ этого закона; говорятъ: *ходы́, — о́въ, сады́, — о́въ* и проч. То же явленіе отсутствія ударенія на падежныхъ окончаніяхъ отглагольныхъ односложныхъ именъ обнаруживается еще болѣе въ единственномъ числѣ: *бредъ, — а; мигъ, — а; моръ, — а; пылъ — а; ревъ, — а; ходъ, — а; садъ, — а.*

б) Въ односложныхъ словахъ иностраннаго происхожденія, мало употребительныхъ, и вообще въ словахъ, не сдѣлавшихся народными, или не встрѣчающихся во множественномъ числѣ: *докъ*, *мулъ*, *нервъ*, *флагъ*, *франтъ*, *хоръ*; *мракъ*, *адъ*, *воскъ*, *югъ*.

Если первоначально иностранное слово, употребительное и во множественномъ числѣ, гибко въ произношеніи, то значитъ, что народъ совершенно свыкся съ нимъ, вовсе забылъ его происхожденіе, напр. *врачъ*, — *á*, *пажъ*, — *á*, *дьякъ*, — *á*, *крестъ*, — *á*, *этáжъ*, — *á*.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ къ вопросу: не зависитъ ли степень гибкости слова отъ степени его употребительности и народности? Хотя положительный отвѣтъ на это и заключалъ бы въ себѣ выводъ слишкомъ общій, однакожъ въ немъ есть нѣкоторая доля истины. Наблюденія надъ словами всѣхъ разрядовъ показываютъ намъ, что чѣмъ болѣе въ нихъ жизненности, чѣмъ болѣе они усвоены народомъ, тѣмъ легче они подвергаются переходу ударенія, если только такому переходу не противятся другіе, болѣе сильные и постоянные законы языка.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ одинъ случай перехода ударенія, о которомъ я еще не говорилъ. Разумѣю принятіе именами мужескаго рода въ прямомъ падежѣ множественнаго числа окончанія *а* или *я*. Съ этимъ окончаніемъ у нихъ удареніе связано такъ же необходимо, какъ съ гласною *у*, *ю* въ мѣстномъ падежѣ единственнаго числа, и всѣ прочіе падежи множественнаго числа при именительномъ на *á*, *я́* всегда удерживаютъ удареніе на томъ же мѣстѣ, напр. *поварá*, — *óвъ*, — *áмъ* и проч. Окончаніе *á*, *я́* во множественномъ числѣ именъ мужескаго рода чрезвычайно распространено въ языкѣ — и, можно сказать, безпрерывно дѣлаетъ въ немъ новыя завоеванія. Поэтому вовсе не справедливо смотрѣть на него, какъ на окончаніе неправильное, и на имена, принимающія его, какъ на исключенія. Напротивъ, оно именамъ мужескаго рода столько же свойственно, какъ и среднимъ: между послѣдними найдется даже гораздо менѣе словъ съ ударяемымъ *а* во множественномъ числѣ, нежели между

именамя мужескаго рода. И въ этомъ яснѣе всего является потребность народной фонетики посредствомъ ударенія рѣзко отмѣчать такіе слоги, которые должны служить какою-нибудь примѣтою и которые безъ этого отличія не довольно явственны въ произношеніи. Сравнимъ напр. слова: *по́вары*, *лѣ́кари*, и *повара́*, *лѣкаря́*: не гораздо ли яснѣе и рѣзче выразилась примѣта множественнаго числа въ послѣдней формѣ?

Для изслѣдованія случаевъ появленія окончаніе *а́*, *я́* въ именахъ мужескаго рода, мы должны раздѣлить слова по числу слоговъ ихъ и разсмотрѣть:

Во-первыхъ, односложныя имена.

Окончаніе *а́*, *я́*, невозможно въ тѣхъ односложныхъ словахъ, которыя и во множественномъ числѣ остаются односложными, наприм. въ словахъ: *ледъ*, *левъ*, *лобъ*, *ротъ*, *ровъ* (множ. *льды*, *львы*, *лбы* и т. д.).

Далѣе, оно невозможно и вообще тогда, когда въ единственномъ числѣ удареніе уже падаетъ на окончаніе флексіи; формы: *быка́*, *двора́*, *моста́* невозможны во множественномъ числѣ, потому что онѣ есть уже въ единственномъ. Итакъ первое условіе разсматриваемаго окончанія есть то, чтобъ оно дѣйствительно отличало множественное число отъ единственнаго. Таково въ самомъ дѣлѣ его свойство въ именахъ: *глаза́*, *бока́*, *рога́*, *дома́*, *мѣха́*, *года́*, *вѣка́*, *хлѣва́*, *вѣтра́*[1], *края́*, у которыхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа удареніе стоитъ на первомъ слогѣ. Другими словами, окончаніе *а́*, *я́* можетъ становиться на мѣсто *ы*, *и* неударяемыхъ, но почти никогда не становится на мѣсто *ы*, *и*, имѣющихъ удареніе.

Въ именахъ *хлѣба́*, *цвѣта́*, *мѣха́* окончаніе *а* явилось только для отличія, по значенію, отъ формъ: *хлѣ́бы*, *цвѣты́*, *мѣхи́*; послѣднія два слова представляютъ рѣдкій случай встрѣчи въ

---

[1] Эта форма множ. ч. слова *вѣтеръ* употребительна въ нашемъ флотѣ. — Нынче говорятъ уже и *счета́*, хотя въ предложныхъ именахъ такое окончаніе рѣдко.

одномъ и томъ же имени окончаній *á* и *ы́*, *и́* съ удареніемъ: *цвѣта́* и *цвѣты́*, *мѣха́* и *мѣхи́*.

Во-вторыхъ, двусложныя имена (т. е. состоящія изъ двухъ слоговъ).

Двусложныя имена, которыя въ прямомъ падежѣ единственнаго числа имѣютъ удареніе *на послѣднемъ слогѣ*, всегда принимаютъ во множественномъ числѣ окончаніе *ы* или *и*. Исключеніе составляютъ только два слова: *рука́въ — ва́* и иностранное *шла́гъ — га́*, которыя приняли такую форму, кажется, по аналогіи съ именами: *глаза́*, *рога́* и *бока́*, означающими также пару предметовъ (двойственное число). Но наприм. слова: *глаго́лъ*, *ковче́гъ*, *коро́ль*, *моро́зъ*, *овра́гъ*, *орёлъ*, *пиро́гъ*, *буква́рь*, *кула́къ*, *боча́ръ*, *крику́нъ* оканчиваются во множеств. числѣ только на *ы* или *и*.

Окончаніе *á*, *я́* свойственно только такимъ двусложнымъ именамъ мужескаго рода на *ъ*, которыя въ единственномъ числѣ носятъ удареніе *на первомъ слогѣ* и притомъ не имѣютъ какихъ-нибудь явныхъ въ концѣ наставокъ. Такъ имена *сто́ликъ*, *хло́покъ*, *мѣ́сяцъ*, *за́яцъ* и т. п., по причинѣ своего окончанія, не могутъ принимать такой формы множественнаго числа. Притомъ давность, употребительность слова въ этомъ числѣ составляетъ и здѣсь важное условіе для возможности окончанія *á*, *я́*: такія имена какъ *и́долъ*, *гра́дусъ* не могутъ оканчиваться такимъ образомъ, потому что они сравнительно мало распространены въ вседневномъ быту. Употребительность же увлекла въ кругъ господства этого окончанія не только нѣсколько предложныхъ именъ, но и многія иностранныя.

Приведу прежде собственно-русскія простыя: *бе́регъ*, *ве́ртелъ*, *ве́черъ*, *во́лосъ*, *ве́редъ*, *вѣ́еръ*, *го́лосъ*, *го́родъ*, *жо́лобъ*, *же́рновъ*, *ко́нюхъ*, *ко́робъ*, *ку́зовъ*, *не́водъ*, *о́стровъ*, *по́ясъ*, *то́рмазъ*, *те́ремъ*, *сто́рожъ*, *хо́лодъ*, *ше́лепъ*, *че́репъ*, *я́стребъ* и др.

Предложныя: *за́кромъ*, *о́бразъ*, *о́ткупъ*, *по́гребъ*, *по́варъ*, *по́логъ*, *по́трохъ*, *при́ставъ*, *про́мыслъ* и нѣкоторыя др.

Иностранныя: *вы́мпелъ*, *ва́хтеръ*, *вѣ́еръ*, *ге́тманъ*, *до́кторъ*, *ка́теръ*, *ки́веръ*, *ко́рпусъ*, *ку́полъ*, *ку́черъ*, *ле́кторъ*, *ло́цманъ*, *ма́-*

клеръ, мáстеръ, мúчманъ, нóмеръ, óрденъ, пáрусъ, рóтмистръ, рýпоръ, тéноръ, фéршелъ, флюгеръ, фáкторъ, флáгманъ, фýрманъ, цéнзоръ, шáферъ, шкúперъ, штýрманъ, шóмполъ, юнкеръ и др.

Дополнимъ этотъ списокъ именами на *ь*, замѣтивъ напередъ, что между ними лишь немногія чисто-русскія: *пéкарь, пúсарь, лѣкарь;* всѣ прочія иностраннаго происхожденія: *вéксель, вéнзель, грúфель, éгерь, крéндель, флúгель, штéмпель, цúркуль, якорь* и др., которыя по большей части могутъ принимать во множ. числѣ окончаніе на *я́*.

Такимъ образомъ въ разрядѣ двусложныхъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *á, я́*, оказывается даже болѣе иностранныхъ словъ, чѣмъ русскихъ. Разсматривая далѣе составъ именъ этого разряда, мы находимъ въ нихъ двѣ довольно общія черты:

1) Русскія слова, какъ коренныя, такъ и первообразныя съ производственными окончаніями, въ обоихъ слогахъ своихъ представляютъ по большей части либо одну и ту же гласную (*е, о*), либо двѣ однородныя (*о—а, о—е, е—я*), въ срединѣ же ихъ букву *р* или *л*: *бé-регъ, вéр-тель, чé-репъ, гó-родъ, хó-лодъ, óст-ровъ, кó-робъ, жёр-новъ* и т. д. (*берегá, вертелá* и проч.).

2) Почти всѣ иностранныя оканчиваются на *р, л*, твердое или мягкое съ предшествующими гласными *о* и *е;* есть между ними также нѣсколько именъ съ окончаніемъ *н* (*лоцманъ, орденъ* и др.).

Въ-третьихъ, трехсложныя имена.

Трехсложныхъ мужескихъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ *á, я́*, вообще очень мало.

Тутъ мы встрѣчаемъ: 1) нѣсколько русскихъ словъ, отличающихся опять удареніемъ *на первомъ слогѣ* и образованіемъ своимъ, т. е. одинаковостью гласной во всѣхъ трехъ слогахъ; таковы: *кóлоколъ, óкорокъ, пéрепелъ, тéтеревъ;* 2) нѣсколько иностранныхъ съ окончаніемъ *оръ* или *ель* и удареніемъ *на предпослѣднемъ слогѣ: ефрéйторъ, дирéкторъ, инспéкторъ, профéссоръ, фельдфéбель*, и наконецъ 3) небольшое число русскихъ именъ, означающихъ должности, съ производственнымъ окончаніемъ *тель: учú-*

тель, — *я́*. Въ послѣднее время начали также говорить: *служителя́*, *смотрителя́*; но это еще не освящено общимъ употребленіемъ.

Во всѣхъ трехъ случаяхъ условіемъ для окончанія *а́*, *я́* оказывается то, чтобы удареніе въ единственномъ числѣ не было на послѣднемъ слогѣ. Оно должно быть на первомъ или на среднемъ.

Четырехсложныя имена не употребляются съ этимъ окончаніемъ, напр. *репети́торъ*, *экзамина́торъ*, *визита́торъ*.

Это изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ именахъ двух- и трехсложныхъ значеніе имѣетъ рѣдко вліяніе на принятіе ими разсматриваемаго окончанія. Прежде говорилось въ грамматикахъ, что изъ иностранныхъ именъ такъ склоняются преимущественно тѣ, которыя означаютъ какое-нибудь званіе; но мы, находя между ними много словъ совсѣмъ другого значенія (напр. *вѣеръ*, *куполъ*, *киверъ*, *орденъ*), должны признать, что большое число личныхъ именъ, означающихъ званіе, составляетъ тутъ случайность, происходящую отъ ихъ окончанія *р*, *л*, охотно допускающаго за собою *а́* и *я́* во множественномъ числѣ. Тѣмъ менѣе можно согласиться съ мнѣніемъ, будто формы *ле́кторы*, *профе́ссоры*, *дире́кторы*, *учи́тели* благороднѣе, нежели *лектора́*, *профессора́*, *директора́*, *учителя́*. Принимая предпочтительно слова *профессоры*, *учители*, мы должны быть послѣдовательны и говорить въ косвенныхъ падежахъ также: *профе́ссоровъ*, *учи́телей*; ибо формы *профессоро́въ*, *учителе́й* возможны только при именительномъ падежѣ *профессора́*, *учителя́*. Между тѣмъ въ косвенныхъ падежахъ никто уже не скажетъ напр. *профе́ссорами*, *учи́телями*, потому что тутъ окончанія далеко не такъ ясны, какъ если на нихъ ставится удареніе. Чѣмъ же и въ именительномъ падежѣ неударяемое *ы*, *и* лучше опредѣлительныхъ *а́* и *я́*, предпочитаемыхъ чуткимъ народнымъ слухомъ?

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторыя имена во множественномъ числѣ исключительно оканчиваются на *а́*, *я́*; другія принимаютъ иногда и окончаніе *ы*, *и*. Здѣсь очень важно, что къ пер-

вому разряду принадлежатъ названія самыхъ простыхъ предметовъ, наиболѣе извѣстныхъ и понятныхъ народу, напр. *боќа, глазá, рогá, лѣсá, лугá, берегá, вечерá, городá, островá, кучерá,* тогда какъ имена высшаго, болѣе духовнаго значенія терпятъ еще и книжное окончаніе, напр. *годы, вѣки, краи* (чужіе краи), *промыслы, авторы, цензоры, ректоры,* и еще обыкновеннѣе трехсложныя *директоры, профессоры.* Отмѣтимъ еще между двусложными именами слово *óбразъ,* которое, смотря по *значенію,* принимаетъ во множественномъ числѣ двоякое окончаніе и этимъ становится въ одинъ разрядъ съ приведенными выше односложными словами: *хлѣбъ, цвѣтъ, мѣхъ,* оканчивающимися во множественномъ числѣ на *á* только иногда, по требованію смысла.

Съ формою множественнаго числа *а, я* нѣсколько сходна другая, именно *ья.* Она встрѣчается въ двухъ различныхъ разрядахъ именъ мужескаго рода и обусловливается ихъ двоякимъ значеніемъ.

Окончаніе *ья* принимаютъ:

Во 1-хъ, такія имена (по большей части односложныя), которыя означаютъ предметы природы или домашняго быта, либо остроконечныя (мелкія или длинныя), либо круглыя и притомъ существующія или дѣлаемыя въ большомъ количествѣ; таковы: *крюкъ—чья, сукъ, клинъ, листъ, зубъ* (напр. у пилы), *колъ, брусъ, прутъ, стулъ, струпъ, пукъ, полозъ, копылъ, колосъ, корень, лоскутъ, черенъ, волдырь, пузырь, пупырь, клокъ, хлопъ, комъ, батогъ, ободъ, камень, уголь.* Въ этихъ словахъ окончаніе множественнаго числа *ья* остается безъ ударенія, которое падаетъ на слогъ предшествующій. Только въ словѣ *уголь* удареніе и во множественномъ числѣ остается на первомъ слогѣ.

Такъ же оканчиваются во множественномъ числѣ нѣкоторыя имена средняго рода, представляющія тѣ же особенности значенія: *перо, дерево, звено, колѣно, полѣно, крыло, шило, помело, дно (дóнья),* и даже два имени женскаго рода съ подобнымъ оттѣнкомъ заключающагося въ нихъ понятія: *дыра, щель (ды́рья, щéлья).* Удареніе во множ. ч. опять на предпослѣднемъ слогѣ.

Во 2-хъ, имена, означающія лица, которыя находятся между собою въ отношеніяхъ родственныхъ, гражданскихъ или сердечныхъ. Тутъ окончаніе *ья* иногда остается безъ ударенія: *бра́тья, холо́пья*, но чаще принимаетъ удареніе: *мужья́, зятья́, шурья́, князья́, дядья́, деверья́*. Въ послѣднемъ случаѣ передъ окончаніемъ *ья* вставляется въ нѣкоторыхъ именахъ еще слогъ *ов: сыновья́, кумовья́, зятевья́, сватовья́.*

Многія изъ именъ, принимающихъ во множественномъ числѣ окончаніе *ья*, могутъ также оканчиваться въ мужескомъ и женскомъ родѣ на *ы, и*, въ среднемъ на *а*, иногда съ перемѣною значенія, напр. *зубъ, мужъ, колѣно*, иногда съ сохраненіемъ того же значенія, напр. *листъ, волдырь, пузырь, дерево*, или съ уничтоженіемъ только оттѣнка собирательныхъ именъ большого числа предметовъ, напр. *крюкъ, пукъ, корень, камень, уголь.*

Въ склоненіи именъ муж. рода съ производственными окончаніями удареніе слѣдуетъ одному довольно общему закону. Если наставка, состоящая изъ гласной и согласной буквы (напр. *икъ, ачъ*), носитъ удареніе, то во флексіи это удареніе переходитъ на падежное окончаніе, въ противномъ случаѣ оно остается неподвижнымъ. Напримѣръ: *остря́къ,-ка́* и т. д.; *хвасту́нъ,-а́; мяте́жъ,-а́; кусо́къ,-ска́, знато́къ,-а́; коне́цъ,-нца́; голи́къ,-а́; ямщи́къ-а́; короты́шъ,-а́; креме́нь,-мня́; буква́рь,-я́*. Тому же закону слѣдуютъ имена съ приставкой *ей: руче́й,-чья́, солове́й,-вья́.*

И наоборотъ:

Ко́ршунъ,-а; пре́докъ,-дка; бра́тецъ,-тца; я́щикъ,-а; перево́дчикъ,-а; мя́кишъ,-а; па́рень,-рня; у́лей,-лья. Сюда же относятся и имена на *тель*; напр. *гада́тель, строи́тель* (кромѣ множественнаго числа словъ: *учи́тель, смотри́тель, служи́тель*).

Я назвалъ этотъ законъ довольно общимъ, потому что есть только двѣ наставки, при которыхъ онъ не всегда соблюдается, именно наставки *анъ* и *инъ: стака́нъ,-а; велика́нъ,-а*, (только *каба́нъ* имѣетъ въ косвенныхъ падежахъ *кабана́*); *павли́нъ,-а.* Что

касается остальныхъ окончаній, то при нихъ отступленія отъ указаннаго закона очень рѣдки; такъ *государь*,-*я* и т. д. Есть случаи, которые съ перваго взгляда могутъ показаться исключеніями, но въ сущности не заслуживаютъ этого названія, потому что въ этихъ случаяхъ окончаніе не есть производственная наставка, напр. слова *оврагъ*,-*а*; *драгунъ*,-*а*; *чертогъ*-*а*; *халатъ*,-*а*. Эти слова не русскія[1] и перешли къ намъ съ готовымъ окончаніемъ. Правда однакожъ, что иногда, несмотря на то, такое окончаніе подвергается тому же закону ударенія, какъ производственная наставка, напр. *очагъ*,-*á* (тюркское слово); *каплунъ*,-*á*. Вообще подобныя иностранныя имена представляютъ нѣкоторую неопредѣленность въ переходѣ ударенія, такъ что иногда въ одномъ и томъ же словѣ косвенные падежи произносятся различно, напр. говорятъ то *этáжа*, то *этажá*, что замѣчается и во множ. числѣ (*этáжи* и *этажи́* и т. д.).

Въ словахъ *у́голъ*, *у́зелъ*, *у́горь* — удареніе переходитъ на окончаніе флексіи (*углá*, *узлá*, *угря́*), но надо помнить, что въ нихъ наставка не изъ тѣхъ, о которыхъ рѣчь идетъ, или даже не есть собственно производственная наставка, и гласная только вставная: въ косвенныхъ падежахъ она пропадаетъ.

Б) Имена средняго рода.

Въ большей части первообразныхъ именъ средняго рода и въ нѣкоторыхъ производныхъ (на *ло*, *мо*, *но*, *ье*) замѣчательна та особенность, что единственное число по ударенію отличается отъ множественнаго, и именно:

Въ двусложныхъ словахъ удареніе съ перваго слога переходитъ во множественномъ числѣ на второй, и наоборотъ со втораго на первый, напр. *сло́во*, *словá*; *дѣ́ло*, *дѣлá*; *мо́ре*, *моря́*; *по́ле*, *поля́*; *се́рдце*, *сердцá*; *весло́*, *вёсла*; *стекло́*, *стёкла*; *село́*, *сёла*; *окно́*, *о́кна*; *копьё*, *ко́пья*; *кольцо́*, *ко́льца*; *лицо́*, *ли́ца*. Замѣтимъ однакожъ, что первый случай встрѣчается въ языкѣ гораздо рѣже, нежели второй.

---

[1] *Оврагъ* — готское; *драгунъ* — французское; *чертогъ*, *халатъ* — восточныя.

Въ трехсложныхъ словахъ переходъ ударенія бываетъ обыкновенно съ перваго слога на третій, напр. *о́блако, облака́; о́зеро, озера́; зе́ркало, зеркала́; де́рево, дерева́*, или на средній: *о́зеро, озёра*, и съ третьяго слога на второй: *колесо́, колёса; волокно́, воло́кна; полотно́, поло́тна.* Въ четырехсложномъ *веретено́* — съ 4-го на 3-й: *веретёна.*

Въ этихъ случаяхъ всего яснѣе выражается наклонность языка соединять съ удареніемъ цѣль отличенія понятій единства и множества предметовъ при одинакомъ окончаніи въ падежахъ обоихъ чиселъ.

Трехсложныя имена съ удареніемъ на среднемъ слогѣ единственнаго числа, также и четырехсложныя, всегда удерживаютъ то же удареніе и во множественномъ числѣ: *копы́то, коры́то, полѣ́но, боло́то, полоте́нце.*

Имена съ производственными окончаніями *анье, янье, енье, тье, ило* принадлежатъ къ разряду негибкихъ, напр. *жела́ніе, кушанье, гуля́нье, пла́тье, пра́вило, прави́ло*, и проч.

В) Имена женскаго рода.

Различіе между единственнымъ и множественнымъ числомъ по ударенію свойственно и именамъ женскаго рода, но въ гораздо меньшей степени нежели среднимъ.

Когда въ именахъ женскаго рода съ окончаніемъ *а* или *я* удареніе у двусложныхъ на первомъ слогѣ, а у трехсложныхъ на среднемъ, то оно во множественномъ числѣ никогда не переходитъ на другое мѣсто: *би́тва, и́скра, жа́ба, карти́на, забо́та, зано́за.*

Переходъ ударенія въ подобныхъ словахъ возможенъ только тогда, когда оно на послѣднемъ слогѣ, тогда оно во множественномъ числѣ можетъ перемѣщаться на первый слогъ, напр. *вдова́, вдо́вы; возжа́, во́зжи; гора́, го́ры; скала́, ска́лы; доска́, до́ски; борода́, бо́роды; голова́, го́ловы; полоса́, по́лосы; середа́, се́реды; сковорода́, ско́вороды.*

Хотя этотъ переходъ ударенія не составляетъ общей принад-

лежности всѣхъ подобныхъ именъ, однакожъ можно сказать, что ему подлежитъ большая часть женскихъ двусложныхъ именъ, у которыхъ въ единственномъ числѣ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Но это явленіе у двусложныхъ именъ иногда отличаетъ только именительный падежъ множественнаго числа, напримѣръ въ словѣ *горá, гóры*, и напротивъ — *горáмъ, горáми, горáхъ*; иногда же оно принадлежитъ всѣмъ падежамъ множественнаго числа: *íгры, íграми, жóны, жóнамъ*. Этотъ послѣдній случай рѣже. Часто въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа возможны оба ударенія, наприм. *слёзамъ* и *слезáмъ, скáлами* и *скалáми*. Разборъ частностей въ этомъ случаѣ не привелъ бы насъ ни къ какому положительному результату.

Такимъ образомъ въ именахъ женскаго окончанія нѣтъ того однообразія удареній во всѣхъ падежахъ одного числа, какое замѣчается въ именахъ средняго рода.

Переходъ ударенія со 2-го и 3-го слога на 1-й у женскихъ именъ бываетъ иногда и въ винительн. пад. един. числа, напр. *доскá, дóску; водá, вóду; горá, гóру; головá, гóлову;* но и на это нелегко отыскать опредѣлительный законъ. Другіе падежи единственнаго числа по ударенію всегда бываютъ сходны съ именительнымъ.

У трехсложныхъ, переносящихъ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа удареніе съ 3-го слога на 1-й, и прочіе падежи этого числа принимаютъ его по однообразному закону: *бородá, бóроды, борóдъ, бородáмъ; головá, гóловы, голóвъ, головáмъ* и проч. Сходны съ ними по ударенію два четырехсложныя: *сковородá, скóвороды, сковорóдъ, сковородáмъ* и предложное, употребительное только во множественномъ числѣ: *пóхороны, похорóнъ, похоронáмъ*, и проч.

Имена женскаго рода съ наставками не измѣняютъ своего ударенія. Исключеніе составляютъ лишь немногія имена, кончащіяся на *отá, инá*, которыя во множ. ч. перемѣщаютъ удареніе на предпослѣдній слогъ: *красотá, красóты, высотá, высóты;*

сѣдина́, сѣди́ны. Отъ *сирота́* образуютъ множ. ч. двояко: *сиро́ты* и *си́роты*, но послѣднее не можетъ быть одобрено.

Г) Имена мужескаго и женскаго рода на ь.

Мужескія имена на *ь*, съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ, *почти* всегда переносятъ это удареніе на падежное окончаніе, напр. *коше́ль, я́; косты́ль, я́, пузы́рь, я́; монасты́рь, я́; ломо́ть, мтя́; креме́нь, мня́; ковы́ль, я́; фона́рь, я́*. Это удареніе сохраняетъ свое мѣсто и во всѣхъ прочихъ падежахъ обоихъ чиселъ. Сюда же относятся имена, кончащіяся на шипящія буквы, не исключая и большей части односложныхъ: *ножъ, ножа́; мечъ, меча́; кули́чъ, кулича́; шала́шъ, шалаша́; клещъ, клеща́; плащъ, плаща́*. Въ словѣ *мужъ* удареніе переходитъ на придаточный слогъ только въ косвенныхъ падежахъ множ. числа. — Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи объ именахъ съ окончаніемъ *тель*.

Въ именахъ женскаго рода на *ь* замѣчаются два общія явленія:

1) Удареніе прямой формы не измѣняется въ единственномъ числѣ и остается на томъ же мѣстѣ въ именительномъ падежѣ множественнаго числа, напр. *дань, и; по́вѣсть, и; посте́ль, и*. Только въ мѣстномъ падежѣ един. числа у многихъ именъ, послѣ предлоговъ *въ* и *на*, удареніе переносится на окончаніе *и*, наприм. *въ крови́, въ ночи́, на степи́, на мели́, на лошади́, на площади́*. Въ этомъ случаѣ женское окончаніе *и́* совершенно соотвѣтствуетъ мужескому *у́* въ томъ же падежѣ и послѣ тѣхъ же предлоговъ. Здѣсь кстати упомянуть о неправильности, которая по аналогіи съ мѣстнымъ падежемъ вкралась въ склоненіе подобныхъ именъ. Обыкновенно говорятъ не только: *въ Твери́, въ Перми́, на Руси́*, но также *изъ Твери́, изъ Перми́, съ Руси́*, что́ совершенно неправильно; слѣдуетъ говорить: *изъ Тве́ри, изъ Пе́рми, съ Ру́си*, какъ говорятъ *изъ кро́ви, до две́ри*, а не *изъ крови́, до двери́*.

2) Въ двусложныхъ именахъ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ это удареніе не измѣняется и въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа: *свирѣ́ль, ей; горта́нь, ей; печа́ль, ей; бо-*

лѣзнь, ей; мозо́ль ей. Когда выпадаетъ гласная съ удареніемъ, то оно переходитъ на падежное окончаніе *любо́вь, любві́.*

3) Напротивъ въ односложныхъ именахъ и особенно въ двухсложныхъ и трехсложныхъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ, это удареніе часто переходитъ въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа на окончаніе: *вѣсть, ей; честь, е́й; власть, е́й; кость, е́й; дверь, е́й; печь, е́й; тѣнь, е́й; крѣ́пость, е́й; ло́шадь, е́й; ска́терть, е́й; по́вѣсть, е́й; вѣ́домость, е́й; про́повѣдь, е́й.*

Настоящее разсмотрѣніе показываетъ, что хотя и нельзя теоретически опредѣлить всѣхъ частныхъ видоизмѣненій перехода ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ, однакожъ и это явленіе подчинено извѣстнымъ условіямъ, зависящимъ: 1) отъ числа слоговъ имени; 2) отъ производства его и образованія; 3) отъ степени его употребительности; 4) отъ мѣста ударенія въ прямой формѣ единственнаго числа, и 5) отъ логическаго стремленія языка къ опредѣлительности окончаній.

Сравнивая эти выводы съ тѣми, какіе были сдѣланы мною при разсмотрѣніи глаголовъ съ подвижнымъ удареніемъ, можно уже позволить себѣ заключеніе, что вообще къ переходу ударенiй наиболѣе способны у насъ слова простыя, первообразныя, выражающія понятія, близкія народу, и потому слова самыя употребительныя, не мудреныя, обиходныя.

III.

По поводу нѣмецкой брошюры о русскомъ удареніи.

Die Lehre vom russischen Accent. Mit Rücksicht auf die Accentuationssysteme verwandter Sprachen bearbeitet von *Dr. L. Kayssler*. (Ученіе о русскомъ акцентѣ, сравнительно съ системами ударенія родственныхъ языковъ обработанное *докторомъ Л. Кайслеромъ*. Берлинъ, 1866 г., мал. 8 д. л., 97 стр.).

Книжечка эта во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Прежде всего мы не можемъ не порадоваться, что нашелся ученый, хотя и не единоземецъ нашъ, который, оцѣнивъ всю важность изслѣдованія мало разработанной стороны языка, рѣшился посвятить русскому ударенію особый трудъ. Въ нашемъ филологическомъ мірѣ до сихъ поръ, кажется, еще недостаточно утвердилось убѣжденіе въ многозначительности ударенія при всѣхъ проявленіяхъ законовъ языка. Въ другихъ литературахъ такое положеніе дѣла уже измѣнилось къ лучшему. «Долго», говоритъ г. Кайслеръ въ своемъ предисловіи, «на удареніе смотрѣли какъ на весьма маловажный въ языкѣ элементъ, хотя уже древній грамматикъ Діомедъ называлъ его душою рѣчи. Только въ новѣйшее время оно стало обращать на себя болѣе вниманія. Бушманъ изслѣдовалъ (1832) англійское удареніе; Гэттлингъ (1835) греческое, Гумбольдтъ — во введеніи къ труду своему о языкѣ Кави (1836) — высказалъ устроумныя замѣчанія о сущности акцента; Бэтлингъ занялся въ первый разъ (1843) удареніемъ санскрита, а Боппъ, опираясь на его приготовительныя работы, сравнилъ (1853) санскритскій языкъ съ греческимъ,

литовскимъ и отчасти русскимъ, при чемъ показалъ удивительное во многихъ случаяхъ сходство. Между тѣмъ Бенлэвъ (1847) изслѣдовалъ относительно ударенія цѣлую область индо-европейскихъ языковъ» (за изъятіемъ, къ сожалѣнію, славянскихъ нарѣчій) «и установилъ теорію, которую впослѣдствіи онъ вмѣстѣ съ Вейллемъ старался еще болѣе утвердить въ примѣненіи къ латинскому. Но вопросы, такимъ образомъ возбужденные, еще далеко не рѣшены окончательно. — Г. Кайслеръ надѣется, что трудъ его послужитъ началомъ матеріала, который необходимо собрать, прежде нежели можно будетъ вполнѣ уразумѣть сущность разнообразнаго русскаго ударенія. Но главная цѣль брошюры — практическая. Авторъ желаетъ доставить облегченіе изучающему языкъ на практикѣ, «дать ему путеводную нить въ хаосѣ русскаго ударенія и показать, что есть границы трудностямъ». Онъ имѣлъ въ виду представить особенно подвижность русскаго ударенія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ; книжка его должна составлять дополненіе къ изданнымъ до сихъ поръ русскимъ грамматикамъ, которыя всѣ, какъ онъ замѣчаетъ, съ пренебреженіемъ относятся къ ударенію. — Какими же средствами располагалъ для этого г. Кайслеръ и въ какой мѣрѣ достигъ онъ своей цѣли?

Въ самомъ началѣ своего предисловія онъ жалуется, какъ трудно иностранцу усвоить себѣ въ русскомъ языкѣ правильное удареніе, и сожалѣетъ, что русскія книги давно уже печатаются безъ означенія выговора въ этомъ отношеніи. Мало знакомый съ живымъ русскимъ языкомъ, почтенный авторъ могъ положить въ основаніе своихъ наблюденій только словари и грамматики, да показанія немногихъ лицъ, знающихъ языкъ практически, къ которымъ онъ обращался за справками. Изъ русскихъ грамматиковъ Востоковъ болѣе другихъ останавливается на удареніи, и потому понятно, что г. Кайслеръ преимущественно пользовался его указаніями. Что касается нашихъ посильныхъ опытовъ по тому же предмету, нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатанныхъ въ изданіяхъ Академіи наукъ и воспроизведенныхъ выше въ

настоящемъ сборникѣ, то они остались неизвѣстны автору разбираемой брошюры[1].

Брошюра эта состоитъ изъ восьми отдѣловъ, которые озаглавлены слѣдующимъ образомъ:

1) Общія начала ученія объ акцентѣ.

2) Общая характеристика русскаго ударенія.

3) Удареніе въ склоненіи существительныхъ.

4) Удареніе прилагательныхъ.

5) Удареніе глаголовъ.

6) Удареніе въ словообразованіи.

7) Энклизисъ.

8) Списокъ подобозвучныхъ словъ, отличаемыхъ удареніемъ.

Въ первой главѣ показано, какъ смотрятъ на удареніе вообще нѣкоторые западные филологи, именно Бернгарди, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Бенлэвъ и Боппъ. «Въ слогѣ», говоритъ Гумбольдтъ, «можно различать три фонетическія свойства: особенный его звукъ, количество и удареніе. Первыя два свойства опредѣляются самымъ существомъ слога и составляютъ какъ бы тѣлесный его видъ; удареніе же зависитъ отъ свободы говорящаго, имъ сообщается звуку и составляетъ въ немъ пришлую силу, какъ бы чужой духъ, въ него вдыхаемый. Оно носится надъ составомъ рѣчи, какъ особенное начало, болѣе одушевленное, чѣмъ языкъ въ веществѣ своемъ, и составляетъ непосредственное выраженіе того вѣса, какимъ лицо говорящее хочетъ заклеймить произносимую рѣчь и каждую часть ея. Самъ по себѣ всякій слогъ способенъ имѣть на себѣ удареніе. Когда же его получаетъ только одинъ изъ нѣсколькихъ, то прочіе, непосредственно его сопровождающіе, остаются безъ ударенія, если только говорящій не захочетъ нарочно придать силу которому-нибудь изъ нихъ. Это повышеніе голоса на одномъ слогѣ и пониженіе на другихъ первому даетъ перевѣсъ, заставляетъ примыкать къ нему выговоръ остальныхъ и тѣмъ смыкаетъ ихъ въ ритмическое

[1] На это уже было указано въ *Slavisches Centralblatt* 1866, № 50, гдѣ помѣщенъ небольшой разборъ книжки г. Кайслера.

цѣлое. Оба эти явленія—отсутствіе ударенія на однихъ слогахъ и совокупленіе ихъ силою ударенія на другомъ — необходимо условливаютъ другъ друга: за однимъ само собою непосредственно слѣдуетъ другое. Такъ съ удареніемъ происходитъ совокупленіе слова въ единицу. Самостоятельнаго слова нельзя и представить безъ ударенія, и каждое слово можетъ имѣть только одно удареніе. Удареніе больше всякаго другого свойства языка подлежитъ двоякому вліянію: со стороны значенія рѣчи и со стороны метрическаго свойства звуковъ. Первоначально и въ своемъ истинномъ видѣ оно, безспорно, зависитъ отъ перваго»[1]. Не отвергая этого взгляда, г. Кайслеръ находитъ его однакожъ идеалистическимъ и отдаетъ преимущество мнѣнію Бенлэва[2], который между прочимъ утверждаетъ, «что первоначально мѣстомъ ударенія было послѣдне-опредѣляющее (das letzt Bestimmende), то есть, та часть слова, которая сообщала значенію послѣднее видоизмѣненіе. Но противъ этого начала, уже и прежде заявленнаго Бенфеемъ, возстаетъ Боппъ, полагающій законъ санскритскаго ударенія въ томъ, что дальнѣйшее разстояніе акцента отъ конца слова считается благороднѣйшимъ и сильнѣйшимъ удареніемъ, законъ, который онъ признаетъ и въ греческомъ языкѣ, насколько это возможно при извѣстномъ свойствѣ этого языка, не позволяющемъ ставить акцентъ выше третьяго слога съ конца. Такъ какъ русскій языкъ по свободѣ ударенія подобенъ санскритскому, то, по мнѣнію автора брошюры, сказанный законъ ударенія относится и къ русскому. Въ этомъ взглядѣ г. Кайслеръ какъ нельзя болѣе ошибается, не замѣчая, что только теоріи, извлеченныя изъ самыхъ общихъ свойствъ ударенія, какъ напримѣръ теорія Гумбольдта, примѣнимы и къ нашему языку; тѣ, напротивъ, которыя основываются на частныхъ наблюденіяхъ надъ тѣмъ или другимъ языкомъ, большею частью не пригодны для русскаго.

---

[1] «О различіи организмовъ человѣческаго языка», перев. Билярскаго. Спб. 1859, стр. 151, 152.

[2] Louis Benlœw. De l'accentuation dans les langues indo-européennes. Paris 1847.

Неоспоримо общее положеніе Боппа относительно трехъ системъ ударенія. Первая — логическая, которой слѣдуютъ языки германскіе, гдѣ удареніе падаетъ преимущественно на коренной слогъ слова; вторая — ритмическая, которая постоянно ставитъ акцентъ на слогѣ, занимающемъ опредѣленное въ составѣ слова мѣсто (какъ въ языкахъ финскомъ, мадьярскомъ и чешскомъ, ударяющихъ на первый слогъ, и въ польскомъ, ударяющемъ на предпослѣдній); третья — свободная или грамматическая (не лучше ли фонетическая?) система, которою отличаются санскритъ и, съ нѣкоторыми ограниченіями, греческій языкъ. Она свойственна также русскому и родственному съ славянскими нарѣчіями литовскому языку.

Въ русскомъ языкѣ, говоритъ г. Кайслеръ въ началѣ 2-й главы своей книжки, удареніе не связано ни съ какимъ опредѣленнымъ мѣстомъ слова и не зависитъ даже отъ вліянія *долготы* (количества), потому что или эта послѣдняя въ русскомъ вовсе не принимается въ расчетъ, или чутье къ ней до такой степени пропало, что нѣтъ рѣшительно никакого протяженія въ слогахъ и всѣ они имѣютъ совершенно одинаковую долготу. Отъ этого по необходимости происходитъ, что въ русскомъ языкѣ возможенъ только одинъ родъ акцента — острый. Распространяя высказанное здѣсь замѣчаніе объ отсутствіи долготы въ русскомъ на *всѣ* славянскіе языки, авторъ брошюры опять ошибается. Извѣстно, что чешскій составляетъ въ этомъ отношеніи изъятіе. Приведемъ здѣсь слова уважаемаго чешскаго филолога Шумавскаго[1]: «Каждый языкъ представляетъ и количество и удареніе, но въ нѣкоторыхъ то и другое такъ слились, что человѣкъ, знакомый только съ однимъ такимъ языкомъ, не можетъ и представить себѣ, чтобы каждая изъ обѣихъ принадлежностей могла существовать сама по себѣ. Почти у всѣхъ Славянъ долгота (протяженіе) слилась съ удареніемъ; только у Чеховъ одно благозвучно держится рядомъ съ другимъ (не то, что одно въ другомъ). Если я говорю

[1] «Slovo o řecké mluvnici, od I. F. Šumavského», стр. 3 и 4.

zdráva, то произношу удареніе, сросшееся съ долготой; когда же говорю zdravá, то уже на первомъ слогѣ акцентъ, на второмъ— долгота. У насъ, Чеховъ, удареніе всегда на первомъ слогѣ, и потому намъ не нужно означать его; напротивъ, долгота, которая очень подвижна, должна быть означаема. У Русскихъ удареніе чрезвычайно разнообразно; долгота всегда соединена съ нимъ».

Взглядъ г. Шумавскаго относительно русскаго языка совершенно согласенъ и съ нашимъ, уже прежде выраженнымъ мнѣніемъ [1], что ударяемый слогъ почти всегда бываетъ и нѣсколько протяжнѣе прочихъ [2]. Это чувствуется особенно тогда, когда на слово падаетъ логическое удареніе. Возьмемъ для примѣра стихи Пушкина:

«Я помню *чудное* мгновенье:
Передо мной явилась *ты*,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты».

Не ясно ли, что въ первыхъ двухъ стихахъ слова́, отмѣченныя курсивомъ, должны произноситься протяжнѣе остальныхъ? Но такъ произносится не цѣлое слово *чудное*, а только тотъ слогъ его, на которомъ лежитъ удареніе. Въ остальныхъ же двухъ стихахъ, правда, нѣтъ словъ, требующихъ особенно протяжнаго выговора; тѣмъ не менѣе и тамъ слоги ударяемые произносятся нѣсколько медленнѣе прочихъ. Отъ умѣнья выбирать слово, которое должно быть отмѣчено логическимъ удареніемъ, зависитъ главнымъ образомъ самое искуство чтенія.

Но различіе протяженія слоговъ въ русскомъ языкѣ этимъ не ограничивается: хотя слогъ безъ ударенія и не можетъ быть долгимъ, однакожъ не всѣ слоги неударяемые равны между собою по степени краткости. Это сдѣлается совершенно яснымъ, если мы пріищемъ два такія слова, въ которыхъ одному и тому же слогу придется стоять то послѣ, то прежде ударяемаго.

---

[1] См. выше, стр. 388 и 389.

[2] Ломоносовъ не вполнѣ былъ неправъ, когда онъ сказалъ: «Въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила, а прочіе всѣ коротки» (*Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства*). Въ первой половинѣ этого замѣчанія слѣдовало бы только прибавить слова́ *могутъ быть*.

Таковы, напримѣръ, слова: *мыш-ка* и *ка-мышъ;* для повѣрки, одинаково ли догъ слогъ *ка* въ обоихъ этихъ словахъ, будемъ произносить каждое изъ нихъ нѣсколько разъ сряду:

Мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка- мыш-ка.
Ка-мыш- ка-мыш- камыш- ка-мышъ.

Читая первую строку, мы увидимъ, что въ ней слогъ *ка* слишкомъ коротокъ для слова *камышъ;* читая же вторую строку, убѣдимся, что тутъ слогъ *ка* слишкомъ долгъ для слова *мышка.*

Тотъ же результатъ получимъ, произведя такой опытъ надъ словами *ра́но* и *нора́*, *тёлка* и *котёлъ*, *то́поль* и *пальто́*, или надъ трехсложнымъ словомъ *засло́нка* и соотвѣтствующими ему двумя словами: *коза́*, *слонъ.* Многократное повтореніе ихъ покажетъ, что слогъ *ка* или *ко* безъ ударенія имѣетъ въ обоихъ случаяхъ неравную степень краткости. Изъ всѣхъ подобныхъ примѣровъ оказывается, что когда слогъ съ неударяемымъ *а* или *о* слѣдуетъ за удареніемъ, то онъ въ произношеніи бываетъ короче, нежели когда стоитъ впереди.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что общепринятое мнѣніе о совершенномъ равенствѣ русскихъ слоговъ въ отношеніи къ долготѣ подлежитъ нѣкоторому ограниченію.

Останавливаясь на свободѣ русскаго ударенія по мѣсту его, г. Кайслеръ выбираетъ для примѣра древній, распространенный по всѣмъ почти индо-европейскимъ языкамъ корень *вѣд*, и показываетъ, что удареніе можетъ стоять на всѣхъ составныхъ частяхъ слова:

а) на *корнѣ:*

вѣ́дать, вѣ́домо, увѣ́домить, извѣ́стіе.

б) на *окончаніи:*

увѣдомля́ть, заповѣдно́й, вѣстово́й, извѣсти́ть.

в) на *предлогѣ:*

вы́вѣдать, за́повѣдь, по́вѣсть.

г) на *представкѣ:*

бла́говѣстить.

«Этотъ примѣръ», замѣчаетъ авторъ, «заимствованъ изъ словопроизведенія. Но русское удареніе такъ же свободно въ склоненіи и спряженіи... Очевидно, что эта свобода проистекла изъ того понятія, что различныя составныя части слова имѣютъ равную цѣнность (einen gleichen Werth) и что удареніе зависитъ отъ другихъ условій, а не отъ идеальной оцѣнки (von der ideellen Werthschätzung) слоговъ. Впрочемъ», прибавляетъ онъ, «надобно тотчасъ же замѣтить, что въ настоящемъ состояніи языка большинство русскихъ существительныхъ утратило подвижность ударенія».

Съ послѣднимъ взглядомъ трудно согласиться. Произношеніе, какъ составляющее самую живую и живучую сторону языка, менѣе всѣхъ прочихъ стихій его подвержено измѣненію. Конечно, у насъ нѣтъ никакихъ средствъ для сравненія нынѣшняго выговора въ отношеніи къ акценту съ тѣмъ, какой господствовалъ въ древнемъ народномъ языкѣ; но, судя по тому, ка́къ еще и въ наше время подвижно удареніе въ коренныхъ и первообразныхъ русскихъ словахъ, мы не имѣемъ основанія думать, чтобъ эта подвижность была гораздо значительнѣе въ древности. Что же касается менѣе отдаленнаго отъ насъ періода, когда на́чалъ развиваться русскій письменный языкъ, то мы не замѣчаемъ съ того времени большихъ перемѣнъ въ удареніи словъ; но и тѣ, которыя замѣчаемъ, ведутъ къ совершенно противоположному заключенію, то есть, что въ письменномъ языкѣ, по примѣру народнаго, подвижность ударенія усиливается. Нѣкоторыя невѣрныя ударенія, которыя допускались нашими старинными стихотворцами, начиная отъ Ломоносова, и которыя осмѣивались ихъ современниками, особенно Сумароковымъ, остаются невѣрными и смѣшными еще и теперь (напримѣръ *быстро́* вм. *бы́стро*)[1]. Правда, что такъ какъ языкъ въ позднѣйшую эпоху своего развитія обогащается по большей части второобразными словами (накримѣръ именами, оканчивающимися на *ніе*, *ность*, *ство*, *тель*, или предложными

---

[1] Соч. Сумарокова, ч. X, стр. 76 и 90, и *Москвитянинъ* 1842, № 1, стр. 148.

глаголами), то значительная часть новыхъ словъ является безъ подвижного ударенія. Но съ другой стороны, подвижное удареніе, какъ принадлежность по преимуществу народнаго языка, болѣе и болѣе вторгается въ языкъ литературный по мѣрѣ того, какъ этотъ послѣдній обогащается заимствованіями изъ перваго. Такъ, еще Ломоносовъ ввелъ *лѣта́* (множ. число) вмѣсто *лѣ́та*, на что́ несправедливо жаловался Сумароковъ, воображая, что это взято изъ малороссійскаго нарѣчія[1]. Подобно тому и въ наше время стали писать согласно съ произношеніемъ просторѣчія: *учителя́*, *профессора́*, вмѣсто: *учи́тели*, *профе́ссоры*, что́ прежде считалось единственно правильнымъ въ книжномъ языкѣ. Въ 18-мъ вѣкѣ всѣ писали: *во́йски*, *вѣ́ки*, а теперь пишутъ: *войска́*, *вѣка́*.

По поводу своего замѣчанія о свободѣ русскаго ударенія, г. Кайслеръ сравниваетъ русскій языкъ съ литовскимъ и приходитъ къ тому выводу, что послѣдній какъ богатствомъ формъ, такъ и разнообразіемъ акцента значительно превосходитъ первый. Предоставляя повѣрку этого мнѣнія знатокамъ литовскаго языка, къ которому авторъ и далѣе не разъ обращается для сравненія, остановимся только на томъ, что́ прямо относится къ главному предмету книжки.

Въ отношеніи къ вопросу о ходѣ развитія ударенія авторъ продолжаетъ: «Обстоятельство, что новыя слова, какъ бы искуственно образованныя посредствомъ производственныхъ окончаній и сложеній, имѣютъ неподвижное удареніе, заставляетъ предполагать, что въ самомъ отдаленномъ періодѣ языка подвижность акцента была общимъ явленіемъ; но есть многія, несомнѣнно весьма древнія слова, не имѣющія подвижного ударенія». Ясно, что послѣднимъ замѣчаніемъ опрокидывается только-что высказанное предположеніе, составляющее основную мысль всей книжки. Такъ же произвольны заключенія автора о постепенномъ ослабленіи энергіи ударенія, выводимыя изъ того, что въ нѣкоторыхъ именахъ женскаго рода оно переходитъ съ послѣдняго на средній

---

[1] Соч. Сумар., т. X, стр. 26.

слогъ, а не на первый, какъ въ другихъ словахъ древнѣйшаго образованія,—что напримѣръ говорятъ: *остро́ту, остро́ты*, не такъ какъ въ словѣ *сковорода́*, гдѣ удареніе въ извѣстныхъ падежахъ перескакиваетъ на первый слогъ, такъ что произносятъ: *ско́вороду, ско́вороды*. Мы уже видѣли, что г. Кайслеръ, руководствуясь сужденіемъ Боппа о санскритѣ, приписываетъ такому ударенію и въ русскомъ языкѣ значеніе особеннаго достоинства и энергіи; но при этомъ онъ не обратилъ вниманія на то, что переносъ ударенія съ третьяго или даже съ четвертаго слога на первый бываетъ у насъ только въ немногихъ именахъ женскаго рода, отличающихся особеннымъ образованіемъ, именно когда въ корнѣ буква *л* или *р* стоитъ между двухъ *о* или двухъ *е*, окончаніе же слова образуется голою гласной *а*, приложенной къ корню. Вотъ чуть ли не всѣ такія слова: *борода́, борона́, голова́, полоса́, сковорода́, сторона́, железа́, середа́;* они, собственно говоря, двухсложныя (*брада́, глава́* и проч.) и удлинены только вслѣдствіе свойственнаго русскому языку полногласія, при которомъ удареніе переходитъ нерѣдко на дополнительную гласную. Такъ произносятся въ единственномъ числѣ имена мужескаго рода: *го́лосъ, во́лосъ, го́родъ, бе́регъ, ве́редъ;* у нихъ во множественномъ числѣ происходитъ обратное явленіе: акцентъ переносится съ перваго слога на третій—*голоса́, волоса́, города́, берега́, вереда́*. Можно ли же сказать, что тутъ въ удареніи замѣчается менѣе энергіи, чѣмъ при обратномъ его движеніи въ словахъ: *бо́роды, го́ловы* и проч.? Еще большее разстояніе перескакиваетъ удареніе въ словахъ: *ко́локолъ, о́корокъ, те́теревъ*, которыя въ множественномъ числѣ произносятся: *колокола́, окорока́, тетерева́*[1].

Что касается до переноса ударенія съ третьяго слога на второй въ словѣ *острота́* (*остро́ту, остро́ты*), то г. Кайслеръ, справедливо признавая въ этомъ явленіе новѣйшаго происхожденія, ошибочно видитъ тутъ ослабленіе энергіи ударенія. Мы уже показали, что здѣсь образованіе слова не даетъ никакого повода къ переносу ударенія на первый слогъ; на второй же оно пере-

[1] Ср. еще слово *по́хороны, похоро́нъ, похорона́ми.*

носится по логическому началу, которое съ теченіемъ времени все болѣе пріобрѣтаетъ силы въ языкѣ: здѣсь ясно намѣреніе отличить именительный падежъ множественнаго числа (*остро́ты*) отъ родительнаго единственнаго (*остроты́*) по примѣру многихъ именъ женскаго рода; съ именительнымъ же множеств. сходенъ по ударенію и винительный единств. Въ доказательство новости этого ударенія г. Кайслеръ ссылается на то, что о немъ не упоминаютъ наши грамматисты; но настоящая причина этого умалчиванія заключается скорѣе въ томъ, что вообще грамматисты наши, по крайней мѣрѣ прежніе, мало обращали вниманія на живой языкъ и справлялись съ нимъ гораздо менѣе, чѣмъ съ словарями и съ трудами своихъ предшественниковъ по грамматикѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что при окончаніи *ота́* удареніе можетъ переходить на *о* только тогда, когда слова, такъ оканчивающіяся, означаютъ уже не отвлеченное свойство, а осязательный предметъ (получаютъ конкретное значеніе[a]), напримѣръ *красо́ты*. По этой же причинѣ и слово *сирота́* можетъ въ извѣстныхъ падежахъ произноситься съ удареніемъ на среднемъ слогѣ.

Подтвержденіе любимой мысли своей о первобытной свободѣ ударенія г. Кайслеръ находитъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ. Въ нихъ, по его словамъ, вовсе не нужно, чтобы ритмическій акцентъ совпадалъ съ правильнымъ словоудареніемъ: каждая пѣсня, говоритъ онъ, представляетъ десятки случаевъ, въ которыхъ этого не бываетъ, и повидимому полагается даже особенная заманчивость въ томъ, чтобъ одно и то же слово произносить то такъ, то иначе. Въ примѣръ особенностей пѣсеннаго ударенія онъ приводитъ отрывокъ изъ одной былины, въ которой слова *боя́ре, богатыри́ и де́вять*, нѣсколько разъ повторяющіяся, иногда произносятся *бо́яре, бога́тыри, девя́ть*. Намъ кажется, что такъ какъ языкъ стихотворный и особенно пѣсенный у всѣхъ народовъ пользуется своими исключительными льготами, то и нарушенія акцента, въ немъ допускаемыя, не могутъ служить въ пользу положенія автора. Всякому, кто слышалъ, какъ русскій народъ поетъ или, по его выраженію, *играетъ* свои пѣсни, извѣстно, что

часто въ одномъ и томъ же стихѣ иное слово произносится, при повтореніи напѣва, то съ однимъ, то съ другимъ удареніемъ; но такого разнообразнаго произношенія обыкновенная рѣчь не знаетъ. По нашему мнѣнію, въ пѣсенномъ языкѣ слѣдовало обратить вниманіе на другого рода отличіе ударенія, именно на то, что въ немъ нѣкоторыя слова, какъ напримѣръ *молодецъ* и *дѣвица*, постоянно выговариваются съ удареніемъ на первомъ слогѣ, а не на послѣднемъ, какъ въ обиходной рѣчи. Сюда относится и тотъ случай, когда неполныя прилагательныя (*кра́сенъ*, *я́сенъ*), будучи употребляемы въ пѣсняхъ не какъ сказуемыя, а какъ опредѣлительныя, носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, такъ что поющій выговариваетъ: *ясён̂ соколъ*, *добра́ мо́лодца*, *чисто́ поле*, *синя́ моря*, при чемъ существительное, когда въ немъ не болѣе двухъ слоговъ съ удареніемъ на первомъ, становится даже энклитическимъ. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно любопытнымъ явленіемъ, которое, конечно, было общею принадлежностью древняго русскаго языка.

Высказавъ нѣсколько теоретическихъ положеній о русскомъ удареніи на основаніи изслѣдованій западныхъ филологовъ надъ другими языками, авторъ брошюры переходитъ къ разсмотрѣнію акцента во флексіяхъ, и прежде всего въ склоненіи именъ существительныхъ. Нельзя не пожалѣть, что вмѣсто того онъ не поставилъ впереди главу объ удареніи въ словообразованіи, которая у него отброшена къ концу труда. Прежде разсмотрѣнія перехода ударенія въ падежахъ естественнѣе было бы заняться произношеніемъ именъ въ прямомъ падежѣ и потомъ уже обратить вниманіе на измѣненія акцента въ другихъ падежахъ. Тогда, можетъ-быть, г. Кайслеръ пристальнѣе всмотрѣлся бы въ образовательныя окончанія именъ и избѣгъ бы многихъ промаховъ при изъясненіи словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, вліяніе окончанія на удареніе незамѣтно. Въ списокъ этихъ словъ попало у него довольно большое число такихъ именъ, гдѣ переносъ ударенія въ косвенныхъ падежахъ зависитъ рѣшительно отъ окончанія. Вотъ эти имена:

Кор-абль, гол-авль, жур-авль,
бур-авъ, рук-авъ,
рыч-агъ,
боч-аръ, гонч-аръ, ком-аръ, мал-яръ,
кис-ель, коб-ель, кош-ель, щав-ель,
каранд-ашъ, торг-ашъ, шал-ашъ,
Паст-ухъ, пѣт-ухъ,
боб-ыль, горб-ыль, ков-ыль, кост-ыль.

Такимъ же образомъ въ помянутый списокъ именъ, переносящихъ удареніе на падежное окончаніе, вошло и нѣсколько такихъ, кои либо въ нѣкоторыхъ, либо и во всѣхъ косвенныхъ падежахъ удерживаютъ удареніе на корнѣ, напримѣръ слова: *альтъ, басъ, бантъ, лань, овощъ, часъ*. Всякій Русскій скажетъ: пѣть *ба́сомъ, а́льтомъ*, а не басо́мъ, альто́мъ [1]. *Бантъ* во всѣхъ падежахъ обоихъ чиселъ удерживаетъ удареніе на первомъ слогѣ. *Лань*, единственное имя женскаго рода, попавшее въ этотъ списокъ, ни въ одномъ падежѣ не переноситъ ударенія на послѣдній слогъ. *Овощъ* во всѣхъ падежахъ единственнаго числа держитъ удареніе на первомъ слогѣ, а во множественномъ числѣ только въ косвенныхъ падежахъ можетъ переносить его на окончаніе. *Часъ* въ родительномъ единств. числа произносится съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ только при количественномъ или дробномъ числительномъ: *два, три, четверть часа*; въ другихъ же случаяхъ говорятъ *ча́са*, напримѣръ *до второго ча́са*, и—*ча́су;* въ дательномъ и творительномъ единственнаго числа удареніе ставится также на первомъ слогѣ: *къ этому ча́су, цѣлымъ ча́сомъ.*

Подобные замѣченнымъ недосмотры въ разбираемой брошюрѣ показываютъ, что автору недоставало живого знакомства съ русскимъ языкомъ; когда же онъ обращался въ своемъ трудѣ къ посторонней помощи, то не всегда получалъ вѣрныя указанія. Такъ и въ спискѣ именъ жен. рода на *а́*, переносящихъ въ вин. пад.

[1] Эти два слова въ нѣкоторыхъ падежахъ употребляются однакожъ и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. Припомнимъ стихъ Крылова: «Достали нотъ, баса́, альта́, двѣ скрыпки».

един. числа удареніе на предыдущій слогъ, помѣщены, напримѣръ, слова: *рудá*, *свиньѧ́*, тогда какъ никто не скажетъ *рýду*, *свúнью*; въ нѣкоторыхъ другихъ именахъ, тутъ же приведенныхъ безъ всякой оговорки, удареніе допускается двоякое; напримѣръ, говорятъ: *óвцу* и *овцý*, *рóсу* и *росý*, *щёку* и *щекý*. Такимъ же образомъ, исчисляя неполныя прилагательныя, которыя въ полной формѣ носятъ удареніе на послѣднемъ слогѣ (*воронóй*, *гнѣдóй*, *голубóй*), онъ приводитъ между прочимъ невозможныя въ русскомъ языкѣ формы *вóронъ*, *гнѣдъ*, *гóлубъ*. Въ другомъ спискѣ, при прилагательномъ *сóлонъ* не пояснено, что вмѣсто неупотребительной полной формы его служитъ причастіе *солёный*. Останавливаться на всѣхъ такого рода пропускахъ и промахахъ книжки г. Кайслера было бы слишкомъ долго и для читателей безплодно.

Представляя по большей части только списки словъ, подходящихъ относительно ударенія подъ одинъ и тотъ же случай, онъ вообще справедливо жалуется на отсутствіе общихъ примѣтъ, по которымъ можно бы опредѣлять мѣсто ударенія. «Одинъ внѣшній признакъ», говоритъ онъ, «можно указать только въ томъ, что имена отглагольныя, изъ древне-славянскаго перешедшія въ книжный языкъ, а равно имена сложныя имѣютъ большею частью неподвижное удареніе, тогда какъ многія иноязычныя слова, особенно же односложныя, имѣютъ также и подвижное удареніе. По большей части, однакожъ далеко не всегда, удареніе измѣняютъ слова, носящія его на послѣднемъ слогѣ». Здѣсь, во-первыхъ, не ясно, какія именно отглагольныя имена разумѣетъ авторъ; если это имена дѣйствія, оканчивающіяся на *ніе*, то почему онъ считаетъ ихъ вообще заимствованными изъ ц.-славянскаго языка? Во-вторыхъ, односложность иноязычныхъ словъ никакъ не служитъ признакомъ подвижности ихъ ударенія, ибо ежели и есть нѣсколько такихъ именъ, на которыхъ это наблюденіе оправдывается (напримѣръ, *руль*-я́, *балъ*-ы-óвъ), то гораздо большее число ихъ никогда не измѣняетъ ударенія (напримѣръ, *залъ*, *бантъ*, *ботъ*, *брикъ*, *шквалъ*, *штофъ*, *блокъ*, *классъ*, *рейсъ*). Что же касается до замѣчанія, что въ русскомъ языкѣ удареніе чаще пере-

ходитъ съ послѣдняго слога на предыдущіе, нежели наоборотъ, то справедливость его неоспорима.

До какой степени законы *свободнаго* ударенія трудно уловить не только въ русскомъ, но и въ другихъ языкахъ, гдѣ оно существуетъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Кайслера: «Въ трудахъ Боппа и Бенлэва заключается небольшое только число можетъ-быть превосходно подобранныхъ примѣровъ, ведущихъ къ заключеніямъ, по которымъ все-таки нельзя вполнѣ удостовѣриться, подтверждаются ли они всею областью языка. Случается, что доказательствамъ на иное правило можно противопоставить такое множество исключеній, что поневолѣ приходитъ на мысль, не на сторонѣ ли послѣднихъ надо искать правила, если только давать силу численнымъ доказательствамъ, такъ какъ очень часто бываетъ и тотъ случай, что отъ древнѣйшаго состоянія языка остались лишь немногіе слѣды. Но, разсматривая богатство ударенія въ русскомъ и литовскомъ языкахъ и въ немъ тѣ крупныя общія черты, которыя встрѣчаются и въ санскритѣ, нельзя сомнѣваться, что въ первобытномъ состояніи эти языки отличались великимъ разнообразіемъ акцентуаціи, которое мало-по-малу исчезло, но которое прежде раздѣленія языковъ достигло періода полнаго органическаго развитія и господства. Если Боппъ за преобладающее начало санскритскаго акцента принимаетъ удареніе надъ началомъ слова, и если съ другой стороны мнѣніе Бенлэва о вліяніи «послѣдняго опредѣляющаго» на акцентъ подтверждается тѣмъ, что въ четырехъ языкахъ (считая и греческій) удареніе часто падаетъ на падежныя окончанія, то само собою представляется объясненіе, что ни того, ни другого начала нельзя признавать безусловно, правда же оказывается въ серединѣ, то есть, что корень и окончаніе флексій равно опредѣляли акцентъ и что все дѣло въ рѣшеніи, по какимъ законамъ то или другое брало перевѣсъ. Бенлэвъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ «слабость» санскритскаго акцента, и между ними выдающуюся роль играютъ тѣ случаи, въ которыхъ какая-нибудь форма или отдѣльное слово употребляется съ двоякимъ акцентомъ. Впро-

чемъ выраженіе «слабость» выбрано неудачно, потому что здѣсь надо означить конечный полюсъ, которому противоположенъ другой... Случаи, приводимые Бенлэвомъ, служатъ прямымъ доказательствомъ того мнѣнія, что удареніе опредѣляется не *однимъ* единовластнымъ, но двумя взаимно дѣйствующими началами».

Замѣчаніе это отчасти справедливо и въ отношеніи къ русскому языку: разница только въ томъ, что у насъ вовсе нѣтъ такъ называемаго Боппомъ сильнаго ударенія, то-есть, такого, которое предпочтительно падало бы на извѣстное мѣсто словъ, и есть не два, а нѣсколько разнообразныхъ началъ, отъ которыхъ оно зависитъ. При другомъ случаѣ нами была уже сдѣлана попытка опредѣлить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ этихъ началъ; мы показали напримѣръ, что соединеніе имени съ предлогомъ въ одно слово всегда отнимаетъ у окончаніи *окъ* или *екъ* удареніе: *сни́мокъ*, *спи́сокъ*, *сви́токъ*, *просёлокъ*, *доба́вокъ*, тогда какъ при отсутствіи слитнаго предлога имена съ этимъ окончаніемъ, особливо двусложныя, почти всегда передаютъ ему удареніе: *толчо́къ*, *комо́къ*, *куро́къ*, *конёкъ*, *порошо́къ*, *кошелёкъ*, и проч. Или еще: всякій предлогъ въ началѣ первообразнаго имени, кончащагося на *ь*, будь оно муж. или жен. рода, принимаетъ удареніе (исключеній почти нѣтъ): *при́стань*, *по́вѣсть*, *у́тварь*, *и́згородь*, *о́чередь*, *пе́речень*. Въ именахъ первообразныхъ гласная коренного слога иногда рѣшаетъ мѣсто ударенія; такъ, буква *е* въ именахъ средняго и женскаго рода обыкновенно отбрасываетъ удареніе на окончаніе: *весло́*, *стекло́* *пшено́*, *село́*, *веретено́*, *метла́*, *жена́*, *пчела́*, *сестра́*, *весна́*. Въ именит. падежѣ мн. ч. эти имена, напротивъ, переносятъ удареніе на гласную *е*: *вёсла*, *стёкла*, *сёла*, *веретёна*, *мётлы*, *жёны*, *пчёлы*, *сёстры*[1]. Такъ и въ глаголахъ, особенно первообразныхъ, гласная, предшествующая окончанію, имѣетъ вліяніе на удареніе: буквы *о* и *у* въ неопредѣленномъ наклоненіи передъ окончаніемъ *ить* обыкновенно передаютъ ему удареніе, а во 2-мъ и слѣд. лицахъ наст. времени

[1] См. выше стр. 432—435.

сами принимаютъ его: *ходи́ть*, *води́ть*, *городи́ть*, *проси́ть*, *носи́ть*, *лови́ть*, *души́ть*, *сучи́ть*, *куси́ть*, *суди́ть*, *руби́ть*, *тупи́ть*, и: *хо́дишь*, *во́дишь*, *ду́шишь*, *су́чишь*, и проч. Привычка переносить въ такихъ случаяхъ удареніе на *о* такъ велика, что и въ тѣхъ глаголахъ, гдѣ слогъ передъ *ить* имѣетъ букву *а*, эта послѣдняя въ наст. времени превращается въ *о*, такъ что народъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ говоритъ: *ко́тишь*, *пло́тишь*, *со́дишь*, *до́ришь*, *во́ришь*, *во́лишь*, вм. *ка́тишь*, *пла́тишь*, *са́дишь* [1] и проч. Въ глаголахъ любопытно то обстоятельство, что 1-е лицо ед. ч. наст. времени (почти безъ изъятій) имѣетъ одно удареніе съ неопред. наклон., тогда какъ въ слѣдующихъ лицахъ это удареніе часто переходитъ на предпослѣдній слогъ. Примѣромъ тому могутъ служить приведенные сейчасъ глаголы. Такой переходъ ударенія составляетъ необходимое явленіе въ тѣхъ глаголахъ кончащихся на *ать*, у которыхъ передъ этимъ окончаніемъ стоитъ измѣняющаяся въ наст. врем. согласная, напримѣръ: *вяза́ть*, *дрема́ть*, *писа́ть*, *пляса́ть*, *трепета́ть*, *хохота́ть*, *лепета́ть*, *клевета́ть*, *щебета́ть*, *иска́ть*: *вяжу́*, *дремлю*, *пишу́* и т. д., и *вя́жешь*, *дре́млешь*, *пи́шешь*, и проч. Между подобными глаголами есть однакожъ и такіе, которые уже и въ неопред. наклон. держатъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ; таковы: *пла́кать*, *ма́зать*, *сы́пать*. Съ другой стороны, между ними есть два, которые въ неопред. имѣютъ удареніе на окончаніи, но переносятъ его уже и въ 1-мъ лицѣ наст. врем.: *алка́ть*, *а́лчу*; *колеба́ть*, *ко́леблю*. Отчего же не *алчу́ колеблю́*? Тутъ-то и видно часто неуловимое разнообразіе началъ русскаго ударенія. Хорошимъ примѣромъ этого разнообразія можетъ также служить приведенный г. Кайслеромъ, какъ показано въ началѣ нашей статьи, корень *вѣд*, который, служа къ образованію множества словъ, то самъ принимаетъ удареніе, то уступаетъ его разнымъ другимъ частямъ именъ и глаголовъ. Этотъ же самый примѣръ можетъ быть употребленъ въ доказательство того, какъ мало удареніе въ рус-

---

[1] См. выше стр. 376.

скомъ языкѣ зависитъ отъ той долготы, которая, какъ обыкновенно принимаютъ, первоначально была связана съ нѣкоторыми гласными, особенно съ *ѣ*. Соотношеніе долготы съ удареніемъ разсмотрѣно очень остроумно въ изслѣдованіи г. Каткова *Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка*: для опредѣленія долгаго слога въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ прибѣгаетъ къ сравненію съ чешскимъ, гдѣ долгота лучше всего сохранилась; но и это не приводитъ его ни къ какому положительному результату, ибо если въ прямой формѣ слóва русское удареніе иногда и сходится съ чешской долготой, за то во флексіяхъ это совпаденіе совершенно исчезаетъ, изъ чего ясно видно, какъ мало значенія въ русскомъ языкѣ первоначальная долгота имѣетъ для ударенія.

При разсмотрѣніи перехода ударенія въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ упущенъ г. Кайслеромъ изъ виду одинъ весьма замѣчательный случай, состоящій въ томъ, что имя, носящее удареніе на послѣднемъ слогѣ, переноситъ его на предыдущій при сложеніи съ предлогомъ или какимъ-либо другимъ словомъ. Возьмемъ, напримѣръ, имена сущ. *житіé*, *бытіé*, *Россíя* и прилагат. *земнóй*, *головнóй*, *слѣпóй*, *морскóй*, *островскóй*. Составивъ изъ нихъ предложныя или сложныя имена, получимъ: *прожúтіе*, *сожúтіе*, *собы́тіе*, *Малорóссія*, *подзéмный*, *средизéмный*, *уголóвный*, *подслѣ́пый*, *примóрскій*, *замóрскій*, *васильe-острóвскій*. Это одинъ изъ случаевъ, въ которыхъ удлинненіе слова дѣйствуетъ на удареніе.

Въ замѣчаніяхъ г. Кайслера о предложныхъ глаголахъ приведено 18 причастій, передающихъ удареніе предлогу: «*взóткнутъ*, *взóрванъ*[1], *вóгнанъ*, *зáзванъ*» и проч. Отъ вниманія автора ускользнуло, что списокъ такихъ причастій можетъ быть значительно удлиненъ. Дѣло въ томъ, что, вообще говоря, причастныя окончанія *анный* (*аный*) и *утый* не терпятъ на себѣ ударенія: вкóпанный, ýзнанный, разóгнанный, и́зданный, и́збранный, обóрванный, пéреданный, перéгнанный, перéсланный, смóтанный, чё-

[1] Въ этихъ двухъ словахъ, впрочемъ, удареніе падаетъ не на самый предлогъ, а на вставочную гласную.

санный, пи́санный, ма́ранный, свёрнутый, изо́гнутый, разстёгнутый, подо́ткнутый. Эти примѣры показываютъ, что несмотря на произношеніе неопред. наклоненія (вкопа́ть, узна́ть, мота́ть, писа́ть, сверну́ть, изогну́ть), удареніе въ причастіи переходитъ на предыдущій слогъ, будетъ ли онъ принадлежать глаголу, или предлогу. Въ словѣ *пе́реданный* оно перескакиваетъ черезъ одинъ слогъ. Разность этого слова, по ударенію, съ словами *пере́гнанный* и *пере́сланный* знаменательна: соединеніе двухъ согласныхъ *гн* и *сл* даетъ опору второму *е* въ предлогѣ, и этотъ слогъ получаетъ удареніе. Противорѣчатъ общему замѣчанію о выговорѣ причастій на *анный* только слова: *жела́нный*, *вѣнча́нный*, *избра́нный* и, можетъ-быть еще весьма немногія. Причину такого отступленія въ первомъ примѣрѣ составляетъ гласная *е*, на что уже выше указано, послѣднія же слова представляютъ въ своемъ произношеніи вліяніе церковно-славянскаго элемента: въ чисто-русскомъ говорѣ естественнѣе произносить *вѣ́нчанный* (какъ и говорятъ: увѣ́нчанный, развѣ́нчанный), *и́збранный*. Слова *неописа́нный*, *несказа́нный*, получившія искуственное удареніе, плохо принялись въ языкѣ. Въ словѣ *назва́ный* надобно видѣть скорѣе прилагательное, нежели причастіе.

Несостоятельность долготы, какъ основы русскаго ударенія, подтверждается, 1) многочисленностью случаевъ энклиза и 2) множествомъ словъ, имѣющихъ двоякое удареніе. Хотя г. Кайслеръ и обратилъ вниманіе на оба эти предмета, но каждый изъ нихъ требовалъ бы гораздо большей разработки. На предлогъ переходитъ въ извѣстныхъ случаяхъ удареніе не только съ существительныхъ и числительныхъ, непосредственно за нимъ стоящихъ, но и съ прилагательныхъ, образующихъ въ соединеніи съ нимъ нарѣчіе, напримѣръ, *за́живо*, *за́мертво*, *за́ново*, *съ́изнова*, *на́скоро*, *по́пусту*, *по́часту*, *до́сыта*, *до́красна*, что́ опять возможно только тогда, когда удареніе въ самомъ прилагательномъ падаетъ на первый слогъ (*жи́во*, *мёртво*, *но́во* и проч.). Подобный же случай представляетъ мѣстоименіе *что* въ выраженіи *ни за́ что*, *ни про́ что*.

Списокъ словъ, сходныхъ по звукамъ, но отличаемыхъ по ударенію, въ брошюрѣ не только не полонъ, какъ и самъ авторъ ея сознается, но представляетъ и невѣрности или неточности. Такъ, слово *спѣшить* переведено: vom Pferde steigen; надобно было прибавить: lassen, такъ какъ *спѣшить* — глаголъ переходящій, а steigen—противоположнаго залога. При словѣ *трéтьяго* сказано: «Gen. von трéтій» и затѣмъ, какъ примѣръ иного ударенія, приведено: «*третья́го* дня, vorgestern». Но развѣ *третья́го* (произн. *третьёва*) не есть также родительный падежъ того же числительнаго, и развѣ не говорятъ равнымъ образомъ: *трéтьяго дня?* Дѣло въ томъ, что числительное *третій* имѣетъ двоякое удареніе, и не только въ род. падежѣ, но и въ именит., въ выраженіи: *самъ третéй*,—замѣчательный, едва ли не единственный случай, когда окончаніе *ій* обращается въ *ей*, точно также какъ *ый* безпрестанно обращается въ *ой* (первый — первóй).

Этотъ случай наводитъ насъ на другой разрядъ словъ съ различнымъ удареніемъ, именно на такія слова, которыя, не перемѣняя значенія, произносятся однакожъ различно. Такъ одни говорятъ: *кладби́ще*, другіе *клáдбище*, одни: *грáжданинъ*, другіе *граждани́нъ* и т. д. Сюда же относятся такія слова, какъ *высóко* и *высокó*, *далёко* и *далекó*, *серди́ться* и *сéрдиться*, *ворóта* и *воротá*, въ которыхъ перевѣсъ дается то одному, то другому началу ударенія. Даль въ своей статьѣ о нарѣчіяхъ русскаго языка [1] полагаетъ, что это различіе зависитъ первоначально отъ различія мѣстностей, гдѣ оно встрѣчается, и что въ этомъ отношеніи господствуетъ одно общее явленіе: въ сѣверовосточныхъ губерніяхъ удареніе ближе къ началу словъ, въ юго-западныхъ къ окончанію; но это наблюденіе далеко не всегда оправдывается: намъ случалось замѣчать, что въ двухъ селеніяхъ, отстоящихъ другъ отъ друга только на нѣсколько верстъ, одно и то же слово произносится различно, и наоборотъ, другое выговаривается одинаково въ двухъ губерніяхъ, находящихся на разныхъ концахъ

---

[1] См. 1-й томъ его словаря, стр. XXVI.

Россіи, тогда какъ это же слово въ центральныхъ мѣстахъ имѣетъ иное произношеніе. Иногда, когда мы на мѣстахъ спрашивали у крестьянъ о произношеніи того или другого слова, они отвѣчали нерѣшительно, и оказывалось, что слово въ одной и той же деревнѣ произносится то такъ, то иначе.

Возвращаясь къ двоякому ударенію такихъ словъ, которыя, при звуковомъ тожествѣ, имѣютъ различное знаменованіе, остановимся на одномъ замѣчаніи г. Кайслера. Не отвергая цѣли такого двоякаго ударенія, онъ однакожъ выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ логическомъ назначеніи его, такъ какъ есть довольно много словъ, которыя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются удареніемъ, но за то въ другихъ опять совпадаютъ. «Когда напримѣръ», говоритъ онъ, «отличаютъ именит. множ. *вúна* отъ именит. ед. *вино*, то это конечно такъ, но родит. ед. отъ слова *винó* (*винá*) совершенно совпадаетъ съ именит. жен. рода *винá*. Такихъ случаевъ множество. Съ другой стороны взглянемъ, напримѣръ, на слово *полкъ*, которое при склоненіи ударяетъ на послѣдній слогъ и потому въ дательн. пад. имѣетъ форму *полкý*. Но въ томъ же словѣ и мѣстный падежъ оканчивается на *ý*. Если бъ языкъ вообще стремился избѣгать подобныхъ двусмыслій, то здѣсь было бы очень легко достигнуть того переносомъ ударенія или употребленіемъ правильнаго мѣстнаго падежа на *ѣ*; но такое телеологическое намѣреніе совершенно чуждо языку. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ первоначально отличалъ съ большею точностью тончайшіе оттѣнки и при этомъ не гнушался даже самыхъ тяжелыхъ формъ; но въ позднѣйшее время, когда духовное разумѣніе росло въ той же мѣрѣ, какъ исчезало богатство внѣшняго строя, языкъ очень мало заботился о томъ, вполнѣ ли достаточны формы, въ томъ сознаніи, что всѣ открывающіеся въ этомъ отношеніи пробѣлы вознаграждаются съ другой стороны. Въ отдѣльныхъ случаяхъ русскій языкъ даже очень ясно обнаруживаетъ такую небрежность. Такъ, *рабъ* имѣетъ въ род. пад. *рабá*, въ дат. *рабý*, къ именит. мн. *рабы*. Но женское *рабá* имѣетъ въ вин. также *рабý*, въ род. же ед. и въ им. множ. *рабы*. Такимъ же образомъ со-

впадаютъ нѣкоторые падежи мужескаго *внукъ* и женскаго *внука*. Итакъ въ обоихъ случаяхъ произошло явленіе противоположное (вышезамѣченному): удареніе мѣшаетъ различенію».

Это видимое противорѣчіе въ явленіяхъ языка разрѣшается, какъ намъ кажется, очень просто. Двоякое удареніе въ подобозвучныхъ словахъ языкъ допускаетъ только тогда, когда это можетъ быть сдѣлано безъ насилія законамъ акцента; иначе пришлось бы принять, что акцентъ не имѣетъ никакого органическаго значенія, и ставится случайно, по произволу говорящаго. Но что удареніе служитъ однимъ изъ орудій мышленія, это также несомнѣнно. Если для отличенія разныхъ отношеній между предметами, для выраженія разныхъ видоизмѣненій мысли явились къ языкахъ флексіи, то почему же не могло быть употреблено для подобной же цѣли удареніе? Неестественно было бы, если бъ умъ человѣческій пренебрегъ такимъ удобнымъ средствомъ для достиженія въ большей степени той точности и опредѣленности, къ которымъ онъ стремится въ выраженіи. Вотъ чѣмъ объясняется логическое назначеніе акцента, и очевидно, что съ постепеннымъ развитіемъ языка подъ вліяніемъ возрастающей строгости мышленія и анализа, логическое начало усиливается и въ этой области слова.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на частныхъ замѣчаніяхъ г. Кайслера въ послѣднихъ главахъ его книжки. Вмѣсто того, чтобъ отмѣчать менѣе важныя ошибки его и недоразумѣнія, выразимъ ему лучше признательность за то, что онъ задумалъ разработать въ системѣ и полнотѣ предметъ, который до сихъ поръ слишкомъ мало обращалъ на себя вниманія. Правда, что г. Кайслеръ практическою стороною своихъ познаній не вполнѣ былъ приготовленъ для успѣшнаго выполненія предпринятой имъ задачи; но не забудемъ, что онъ писалъ для иностранцевъ, а они безъ сомнѣнія могутъ найти въ его трудѣ много новыхъ и полезныхъ для себѣ указаній.

ЗАМѢТКА О НѢКОТОРЫХЪ ФОРМАХЪ ИМЕННЫХЪ ФЛЕКСІЙ.

Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. III-r Band. Wortbildungslehre. Wien, 1876. Стр. 286—312.

Достоинство и важность трудовъ г. Миклошича признаны всѣмъ ученымъ міромъ. Но при обширности и разнообразіи области, обнимаемой его излѣдованіями, невозможно ожидать безошибочности во всѣхъ подробностяхъ. Поэтому полезно было бы, еслибъ спеціалисты по каждому изъ языковъ, разсматриваемыхъ въ сравнительной грамматикѣ знаменитаго филолога, отмѣчали вкравшіяся въ нее недоразумѣнія и погрѣшности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самъ просвѣщенный авторъ принялъ бы съ благодарностью всякое такое указаніе. Въ этой увѣренности рѣшаюсь предложить свои замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ главѣ объ именномъ склоненіи (Nominale declination), при чемъ, для ясности, слова́ и мнѣнія г. Миклошича буду подчеркивать.

Стр. 268. *Въ стихѣ народной пѣсни*[1]*:* «Потерять тебѣ, сыну, буйну голову», *форма сыну, по мнѣнію его, есть звательный падежъ:* tibi, fili, а не tibi, filio. — Въ русскомъ языкѣ такая форма зват. пад. невозможна и безпримѣрна: здѣсь *сыну* есть приложеніе къ мѣстоим. *тебѣ* и стоитъ, по общему закону, въ одномъ съ нимъ падежѣ, т. е. въ дательномъ.

---

[1] При курсивѣ кавычки « » ставлю только тамъ, гдѣ перевожу слова самого автора.

Стр. 287. «*Кажется, въ реченіи* смолоду, съ молоду *надо видѣть родит. пад. двойственнаго ч.*» — Для этого нѣтъ никакого основанія: здѣсь прилаг. безчленной формы[1], средн. рода, получило въ род. ед. окончаніе *у*, кажется, по аналогіи съ существит. Такъ же образовано *сдуру* по примѣру реченій: *сверху, снизу, отъ роду, съ виду* и пр.

Стр. 288. «*Несправедливо мнѣніе, будто видѣнъ имѣетъ въ жен. и ср. видна, видно*». — Это замѣчаніе вѣрно, но оно требуетъ дополненія. Прилагательному жен. и ср. *видна, видно,* множ. *видны* отвѣчаетъ муж. ед. *виденъ*; а *видѣнъ* часто пишутъ ошибочно, ибо это было бы страд. причастіе безчленное, которое требовало бы творит. падежа на вопросъ *кѣмъ*, тогда какъ при словѣ *виденъ* возможенъ только вопросъ: *кому?* Если неупотребительны формы: *видѣна, о, ы,* то ясно, что не годится и форма муж. рода *видѣнъ*. Это страд. прич. встрѣчается только въ членной формѣ. Такъ у Жуковскаго въ письмѣ къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ: «. . . прежній огонекъ, пробужденный всѣмъ видѣннымъ мною въ этотъ день».

Стр. 289. «Konь, konja, konju, konjam, konjami, konjach». — Странно, что г. Миклошичъ, такъ правильно раздѣлившій умягченныя гласныя *я, е, ѣ, ю ю* на präjerirte и präjotirte, здѣсь употребляетъ транскрипцію, изображающую вторые, а не первые звуки, которые одни тутъ умѣстны. Впрочемъ, это конечно неизбѣжное послѣдствіе невѣрной транскрипціи именительнаго konjъ, о чемъ см. выше (стр. 344 и 345) мою статью: «Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ русскаго языка».

Между именами муж. р., принимающими въ род. ед. у вм. *а, приведено: край, краю.* — Надо однакожъ замѣтить, что это окончаніе въ род. слова *край* встрѣчается очень рѣдко и едва ли не единственно въ томъ случаѣ, когда имя это означаетъ конецъ, предѣлъ, напр. въ поговоркѣ: *моя изба съ краю;* никто не ска-

[1] Употребляю термины *безчленное* и *членное* прилагательныя по примѣру г. Потебни, предпочитая ихъ болѣе обыкновеннымъ, но только по внѣшнему признаку вѣрнымъ названіямъ: *краткое* и *полное*.

жетъ: *изъ краю* (вм. *изъ края*) *въ край*. Здѣсь нужно бы прибавить еще слѣдующія замѣчанія: 1) Изъ именъ, не означающихъ дѣлимые предметы или вещества (разумѣется, муж. р.), измѣряемые вѣсомъ и другими способами, но не считаемые единицами, сюда относятся особенно такія, которыя вмѣстѣ съ предлогомъ составляютъ какъ бы нарѣчіе; напр. *съ голоду, йзъ городу, съ голосу*, и преимущественно односложныя: *бéзъ году, безъ шуму, со страху, съ часу на часъ, изъ лѣсу, изъ дому, изъ носу, съ вѣтру, съ полу, съ глазу*. 2) Этой особенности всего легче поддаются отглагольныя имена: *съ разбѣгу, безъ удержу, съ размаху*, (*«отъ молодецкаго посвисту»*, сказ.), а тѣмъ болѣе односложныя: *ходу, счету, возу, роду, спросу, виду, крику*. 3) Изъ именъ вещественныхъ къ этому окончанію способны даже имена, принимающія въ косв. падежахъ удареніе на послѣдній слогъ, притомъ не только при твердомъ, но и при мягкомъ окончаніи: *песку, табаку, кирпичу, огню, имбирю*; этому не мѣшаетъ и суффиксъ *окъ, ёкъ: табачку, огоньку*. Любопытна между прочимъ форма: *для переду*.

Стр. 290. *Между именами, принимающими въ именит. множ. ч. двоякое окончаніе а* и *ы, упомянуто имя глазъ*. — Но *глазы* никогда не употребляется вм. *глаза*.

Стр. 291. «*Русскія формы*: батожья, братья, кумовья, хозяева и господа *должны* (*по примѣру др.-сл.* братія) *быть понимаемы какъ собирательныя въ единств. числѣ.*» — Этому противорѣчатъ косвенные падежи, безспорно принадлежащіе къ формамъ множ. ч.: *батожьевъ, братьевъ* и проч., а также и приложеніе опредѣлительныхъ къ этимъ именамъ: *добрые* братья, господа.

Стр. 296. «*Служа названіями мѣстъ, прилагательныя притяжательныя часто принимаютъ въ творит. именное окончаніе:* Гдовомъ, Ярославлемъ, *рядомъ съ* Кашинымъ, Царицынымъ». Здѣсь слово *часто* излишне. — Правда, что нѣкоторые говорятъ и пишутъ Черниговымъ и т. п., но изъ приведенныхъ г. Миклошичемъ примѣровъ видно, что преимущественно имена мѣстъ, образо-

ванныя отъ женскихъ формъ (а—инъ), принимаютъ въ творит. мѣстоименное окончаніе, подобно личнымъ. Напр. говорятъ также: *подъ Бородинымъ*. Любопытно было бы однакожъ знать, не говоритъ ли на мѣстѣ простой народъ: *подъ Бородинóмъ*. По крайней мѣрѣ въ Рязанской губерніи я самъ слышалъ изъ устъ крестьянъ: *за Скопинóмъ* (а не Скопинымъ)[1].

Стр. 297. «*При извѣстныхъ условіяхъ можно отъ каждаго прилаг. образовать винит. ед. съ именнымъ окончаніемъ:* что ты дверь полу оставилъ; увидѣлъ убиту королевишну, нашелъ ее бодру, веселу. Вм. ласточку свою онъ видитъ на полу замерзшую (Крыл.) *можно бы сказать и* замерзшу». — При этомъ замѣчаніи, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ, слѣдовало бы оговориться, что они относятся собственно только къ народному, и особенно старинному, языку. Между тѣмъ примѣръ, приведенный изъ писателя недавняго періода, указываетъ на недоразумѣніе. Въ наше время подобное усѣченіе или стяженіе прилагательнаго допускается развѣ только въ стихахъ, и притомъ не болѣе въ винит. ед. жен. р., чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ падежахъ, именно въ именит. ед. жен. и ср. рода и въ именит. же и винит. множ. всѣхъ трехъ родовъ. Слѣдующее за симъ замѣчаніе послужитъ еще къ бóльшему разъясненію этого вопроса.

Стр. 299. «*Разница между* свѣтелъ, я́сенъ, кра́сенъ, си́не, бѣ́лы, и свѣтёлъ, ясёнъ, красёнъ, синё, бѣлы́ (у Востокова 41, 62), *а потому и разница между* окончаніемъ спрягаемымъ *и* окончаніемъ усѣченнымъ *не есть органическая: первыя формы употребляются какъ предикаты безъ существит., послѣднія*

---

[1] Послѣ приготовленія къ печати настоящей замѣтки я обратился къ уважаемому учителю 3-й Московской гимназіи В. И. Шенроку съ просьбой развѣдать въ Москвѣ, не произноситъ ли на мѣстахъ простой народъ: *подъ Бородинóмъ*. Послѣ нѣсколькихъ справокъ г. Шенрокъ увѣдомилъ меня, что моя догадка вполнѣ подтвердилась. Между тѣмъ и самъ я въ Петербургѣ встрѣтилъ благопріятный случай для рѣшенія вопроса. Именно мнѣ пришлось ѣхать съ извозчикомъ, уроженцемъ Верейскаго уѣзда. Я навелъ разговоръ на Бородино, и онъ въ своихъ разсказахъ совершенно явственно произнесъ: *подъ Бородинóмъ*. Такъ-то наша литературная рѣчь, не руководимая живымъ народнымъ чутьемъ, часто не даетъ намъ вѣрныхъ указаній на законы языка.

же опредѣляютъ субъектъ: мѣсяцъ свѣтелъ, luna est splendida; свѣтёлъ мѣсяцъ, splendida luna; *вмѣсто послѣдняго письменный языкъ употребляетъ* свѣтлый». — Здѣсь почтенный ученый смѣшалъ то, что у Востокова разграничено очень ясно: г. Миклошичъ поставилъ въ одну категорію всѣ имена, носящія удареніе на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ Востоковъ приводитъ *свѣтёлъ, ясёнъ* какъ примѣры опредѣлительнаго (въ народной поэзіи), а *бѣлы́, синё* какъ примѣры сказуемаго прилагательнаго.

Указанное Востоковымъ весьма существенное различіе было бы еще виднѣе, если бы онъ привелъ болѣе примѣровъ изъ современнаго или по крайней мѣрѣ близкаго къ намъ періода литературнаго языка, и между прочимъ примѣры не только прилагательныхъ, но и мѣстоименій и страд. причастій прошед. вр. Наши стихотворцы прошлаго, а отчасти и нынѣшняго столѣтія (хотя послѣдніе нъ меньшей степени) употребляютъ *усѣченныя* или *стяженныя* (по термину г. Потебни) прилагательныя и причастія въ видѣ опредѣлительныхъ, всегда съ тѣмъ же удареніемъ, какъ полныя или членныя, при чемъ однакожъ надо замѣтить, что такъ употребляются собственно только названные въ предыдущемъ замѣчаніи падежи; родительный же и дат. муж. и ср. рода ед. числа весьма рѣдко. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Изъ Ломоносова:

. . . . . въ надеждѣ,
Котора ихъ питала прежде (II, 127)[1].
Велика радость намъ родилась (129).
Мѣста *святы*, мѣста *прекрасны* (130).
Она — героями *рожденна* (132).

Изъ Державина:

Прочь, *буйна* чернь, *непросвѣщенна* (II, 98)[2].

---

[1] По Смирдинскому изданію.
[2] По 2-му академическому изданію.

Изъ Крылова:

Польсти же мнѣ, надежда *мила* (II, 91)[1].
Мнѣ жизнь *дѣвическа* ничуть не тяжела (113).
Помертвѣло *чисто* поле (149).
Умильны ямочки пропали на щекахъ (114).

Изъ Пушкина:

Въ *долгу* ночь на вѣткѣ дремлетъ....
Въ теплый край, за *сине* море (III, 241)[2].
Летунья *легкокрыла* (тамъ же, 402).

Стр. 300 и 305. При указаніи отступленій отъ обычныхъ формъ склоненія слѣдуетъ прибавить народн. творит. падежъ числит. *сто—стомя́.*

300. «Зелень *имѣетъ во множ. еще діалект. форму зеленя́*».—Это справедливо (хотя неправильна транскрипція zelenьja=зеленья), но необходимо оговорить, что въ такомъ случаѣ *зеленя́* (въ значеніи озимыхъ хлѣбовъ на корню)—мужескаго рода (какъ лѣкаря, учителя) и уже неупотребительно въ единст.

Стр. 302. Между примѣрами именъ на *ёнокъ* пропущено неправильное множ. *чертенята.*

Стр. 308. *Въ склоненіи личнаго мѣстоим. приставляется* и *передъ гласною «послѣ односложныхъ предлоговъ».*—Не только послѣ односложныхъ, но вообще послѣ первообразныхъ предлоговъ, какъ-то: *мимо, между, возлѣ, подлѣ, послѣ, противъ: мимо него, возлѣ нея, противъ нихъ.*

Пропуская нѣсколько другихъ менѣе важныхъ замѣтокъ г. Миклошича, которыя могли бы также быть дополнены или подать поводъ къ возраженіямъ, — повторю въ заключеніе, что все сказанное мною сообщается никакъ не въ укоръ заслуженному филологу, а единственно въ интересѣ науки.

---

[1] По Полному собранію сочиненій Крылова.
[2] По изданію Анненкова.

ДВѢ КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Опыт фонетики резьянских говоров. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Варшава. Петербург, 1875 г.

Резьянскій катихизис, как приложеніе к «Опыту фонетики резьянских говоров» с примѣчаніями и словарем. Издал И. Бодуэн-де-Куртенэ.

Трудъ г. Бодуэна «Опыт фонетики резьянских говоров» былъ плодомъ его путешествія по славянскимъ землямъ и доставилъ ему степень доктора при Петербургскомъ университетѣ. Имя маленькаго славянскаго народа Резіянъ, составляющаго съ небольшимъ 3.000 душъ, конечно, извѣстно у насъ очень немногимъ. Живетъ онъ въ странѣ, прилегающей къ сѣверному берегу Адріатическаго моря, въ горахъ за рѣкою Сочей или Изонцо, отличается сравнительно нѣкоторою патріархальною чистотою нравовъ, и говоритъ языкомъ, сохраняющимъ многія исконныя особенности. Первый изъ Русскихъ посѣтилъ Резіянъ въ 1841 году академикъ И. И. Срезневскій, и тогда же напечатано было въ Часописи Чешскаго музея письмо его къ Ганкѣ объ этомъ народцѣ. Благодаря позднѣйшему изслѣдованію И. А. Бодуэна, Срезневскій вспомнилъ дневникъ, веденный имъ во время давнишняго путешествія, но остававшійся съ тѣхъ поръ въ рукописи, и напечаталъ его въ академическомъ изданіи съ любопытными приложеніями, между которыми находится и сейчасъ упомянутое письмо его къ чешскому ученому. Въ самомъ дневникѣ онъ живо разсказываетъ свои встрѣчи съ простодушными туземцами, описываетъ ихъ быть и нравы. Помѣщенныя имъ подъ строкою замѣтки г. Бодуэна показываютъ, что съ

того времени многое измѣнилось даже и въ этомъ тихомъ уголкѣ земли. Впрочемъ, географическое и статистическое описаніе, Резьянской долины г. Бодуэнъ обѣщаетъ сообщить въ особой статьѣ; теперь же онъ въ своей книжкѣ разсматриваетъ, съ большою подробностію, только языкъ населенія. Въ предисловіи онъ откровенно сознается, что въ началѣ своихъ наблюденій надъ мѣстными говорами онъ слѣдовалъ отчасти ошибочнымъ пріемамъ. «Находясь под вліяніем какой-то лихорадочной жадности», говоритъ онъ, «я старался прежде всего записать по возможности болѣе, не принимая в соображеніе того разумнаго правила, что для науки всего желательнѣе и полезнѣе даже небольшое количество совершенно вѣрных и несомнѣнных фактов и основанных на них выводов, нежели громадная куча наскоро замѣченных явленій и обусловленных ими предположеній иногда весьма проблематическаго свойства». За то «постоянное упражненіе, вслѣдствіе внимательнаго вслушиванія в малѣйшіе оттѣнки произношенія различных, не только славянских, но тоже романских и германских, говоров развило во мнѣ», продолжаетъ авторъ, «даже без достаточных теоретических познаній, извѣстнаго рода опытность и ловкость, благодаря которым, под конец моих изысканій, я записывал діалектическіе матеріалы, как мнѣ кажется, почти безукоризненно».

При всемъ томъ, авторъ самъ не вполнѣ доволенъ результатами своимъ изслѣдованій и полагаетъ, что для пополненія оставшихся пробѣловъ и исправленія вѣроятныхъ промаховъ ему нужно были бы еще разъ провѣрить свои наблюденія на мѣстахъ: по его убѣжденію, такія вторичныя поѣздки вообще необходимы для діалектологовъ. Резьяне же, какъ мы узнаёмъ далѣе изъ самаго изслѣдованія, вообще говорятъ очень скоро и невнятно.

Трудъ г. Бодуэна раздѣляется на три части: первая посвящена описанію резьянскихъ звуковъ вообще, вторая—разсмотрѣнію этимологическихъ отношеній этихъ звуковъ, третья—общимъ заключеніямъ и выводамъ. Мы не послѣдуемъ за авто-

ромъ во всѣхъ подробностяхъ его наблюденій, представляющихъ совершенно спеціальный интересъ, но не можемъ не замѣтить, что между ними есть нѣкоторыя чрезвычайно-любопытныя. Отъ вниманія его не ускользнули и тѣ измѣненія, которыя отличаютъ современное резьянское нарѣчіе отъ прежняго. Такъ его поразило, между прочимъ, исчезновеніе звука h передъ гласными въ столбицкомъ говорѣ. «Характеристично в этом отношеніи», разсказываетъ онъ, «негодованіе одного семидесятилѣтняго старца из Столбицы против молодых людей его же деревни, которых он вовсе не в состояніи понять вслѣдствіе именно невыговариванія ими произносимаго им и его сверстниками согласно h. Так например, одна молодая женщина спросила его «réte nát?» и он только послѣ догадался, что это должно было означать: «hréte hnát?» (идете гнать? то есть скот). Старик, объявляя этот, по его мнѣнію, предосудительный обычай молодых «бравурой», то есть, желаніем пофрантить и порисоваться».

Что касается отношенія резьянскихъ говоровъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, то г. Бодуэнъ находитъ всего болѣе сходства между ними и говорами южныхъ сосѣдей Резьянъ, то есть, Сербовъ и Хорватовъ смежныхъ округовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ въ языкѣ первыхъ на одну характеристическую особенность, на основаніи которой можно считать ихъ говоры совершенно особой группой въ области сербо-хорватскаго нарѣчія. «Эта исключительно резьянская принадлежность состоит в законѣ гармоніи гласных, которая основывается на противоположности, с одной стороны, темных и ясных гласных, с другой же стороны, на противоположности гласных широких и узких... Эта особенность проявляется в каждом без исключенія малосложном резьянском словѣ, если не в положительном, то по крайней мѣрѣ отрицательном смыслѣ и слѣдовательно проникает весь звуковой организм резьянских говоров».

Такъ какъ подобное построеніе словъ составляетъ главную фонетическую особенность финскихъ и вообще туранскихъ языковъ, и кромѣ того большинство Резьянъ отличается совершенно

не славянскими физіономіями, то авторъ высказываетъ предположеніе, что они представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ-то отпрыскомъ туранскаго племени или, точнѣе говоря, состоятъ изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранами: «Резьянскіе же говоры, сообразно племенному происхожденію их носителей, являются славянскими говорами, подвергшимися сильному туранскому вліянію». Въ подкрѣпленіе этой гипотезы, впрочемъ, никакъ не выдаваемой авторомъ за рѣшительный выводъ, онъ указываетъ и на сознаніе нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ Резьянъ. Такъ, напримѣръ, учительница мѣстнаго женскаго училища въ Раванцѣ, говоря съ нимъ о трудностяхъ письменной передачи резьянскихъ звуковъ, высказала мнѣніе, что «ta únђarska gramátika ba bíla najbújša za nàš lańgàč», то есть: венгерское правописаніе было бы самое подходящее для нашего языка. Но вообще между Резьянами и даже внѣ ихъ земли очень распространено, хотя и ни на чемъ не основанное, преданіе, будто родоначальники нынѣшнихъ Резьянъ прибыли изъ Россіи и что поэтому Резьяне суть Русскіе и говорятъ русскимъ языкомъ. Это мнѣніе, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ какому-нибудь мѣстному ученому, который такъ истолковалъ случайное сходство названія своего племени съ именемъ Русскихъ. На это повѣрье Резьянъ указалъ уже и акад. Срезневскій въ своемъ дневникѣ.

Справедлива ли догадка г. Бодуэна объ элементахъ резьянскаго нарѣчія и вообще въ какой степени всѣ частныя замѣчанія его вѣрны, объ этомъ судить не считаю себя въ правѣ безъ спеціальнаго знакомства съ предметомъ его наблюденій. Могу говорить только о его методѣ и выказанныхъ въ его новомъ трудѣ свѣдѣніяхъ и соображеніяхъ. Съ этой стороны, нельзя не отдать полной справедливости изслѣдованію г. Бодуэна, свидѣтельствующему о совершенно правильныхъ пріемахъ его многостороннихъ наблюденій. Можно только усомниться, не слишкомъ ли пространно у него изложены всѣ мельчайшія подробности подмѣченныхъ имъ явленій, и не лучше ли бы онъ поступилъ

если бъ въ окончательномъ результатѣ своихъ изысканій ограничился болѣе рѣзкими и крупными чертами, отнеся остальное въ приложенія, какъ матеріалъ, послужившій ему основаніемъ для его выводовъ. При менѣе обширныхъ размѣрахъ, его изслѣдованіе конечно выиграло бы въ интересѣ и наглядности. Какъ ни сухи повидимому филологическіе труды, и въ нихъ не должно пренебрегать способомъ изложенія, при которомъ они могутъ становиться болѣе удобочитаемыми даже для спеціалистовъ. Въ заключеніе нельзя пройти молчаніемъ, что хотя слогъ г. Бодуэна вообще правиленъ, однакожъ изрѣдка встрѣчаются у него выраженія не совсѣмъ согласныя съ духомъ русскаго языка. Впрочемъ, можно надѣяться, что подобные частные промахи изложенія скоро исчезнутъ изъ сочиненій г. Бодуэна при его дальнѣйшей дѣятельности въ чисто-русской средѣ и его рѣдкихъ филологическихъ дарованіяхъ.

II.

Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. *Е. Бѣлявскаго*, преподавателя 5-й Московской гимназіи. Москва. 1875.

Попытка г. Бѣлявскаго внести въ кругъ учебной грамматики сравненіе съ классическими языками входитъ въ область вопроса, раздѣляющаго нынче весь германскій педагогическій міръ на два противоположные лагеря. Вопросъ этотъ весьма обстоятельно разсмотрѣвъ въ изданной 1874 года въ Мюнхенѣ брошюрѣ г. Жолли (Jolly): «Schulgrammatik und Sprachwissenschaft». Затѣмъ его коснулся и критическій отдѣлъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ статьѣ г. Гельбке[1]. Пріятно было видѣть, что здѣсь вопросъ рѣшается точно такъ же, какъ и въ изслѣдованіи г. Жолли, то-есть, въ пользу введенія результатовъ сравнительнаго языкоученія въ гимназическій курсъ преподаванія древнихъ языковъ. Само собою разумѣется, что при этомъ необходимо соблюдать извѣстныя границы сообразно съ цѣлію и со степенью интереса, который можно предполагать къ такому методу въ учащихся, по возрасту ихъ и развитію. Надлежащая въ этомъ отношеніи мѣра удачно выдержана въ греческой грамматикѣ Курціуса, въ первый разъ возымѣвшаго и осуществившаго идею подобнаго примѣненія успѣховъ науки слова къ потребностямъ школы.

У насъ прочное основаніе сравнительному методу въ русской грамматикѣ положено Ѳ. И. Буслаевымъ, труды котораго со-

[1] *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь 1875: «О примѣненіи результатовъ сравнительнаго языкознанія къ преподаванію грамматики древнихъ языковъ въ гимназіяхъ».

ставили эпоху въ исторіи преподаванія отечественнаго языка. Съ его почина изученіе церковно-славянскаго языка стало итти въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ параллельно съ русской этимологіей, и благодаря «Исторической грамматикѣ» начали появляться учебники, развивающіе то же содержаніе въ меньшихъ размѣрахъ и въ болѣе доступной для учениковъ формѣ. Значеніе, какое дано въ нашихъ классическихъ гимназіяхъ древнимъ языкамъ, подало г. Бѣлявскому счастливую мысль расширить область сравнительнаго метода въ славяно-русской грамматикѣ, положивъ въ основу его формы греческія и латинскія[1]. Называю эту мысль счастливою потому, что ничто такъ не объясняетъ предметовъ ученія, какъ открываемая между ними связь; этимъ только способомъ то, что само по себѣ казалось бы случайнымъ и непонятнымъ, пріобрѣтаетъ смыслъ и законность; то, что иначе усвоивалось бы только памятью, освѣщается соображеніемъ и входитъ въ сознаніе. «Древній церковно-славянскій языкъ, объясняя формы русскаго языка, въ то же время указываетъ на близкое родство этого послѣдняго съ древними классическими языками. Родство это обнаруживается не только въ корняхъ и образованіи словъ, но и во всѣхъ оттѣнкахъ измѣненій словъ. Въ другихъ новыхъ языкахъ измѣненіе частей рѣчи такъ далеко уклонилось отъ первоначальнаго своего вида, что сближеніе въ этомъ отношеніи новыхъ языковъ съ древними классическими дѣлается, по крайней мѣрѣ въ учебникѣ, невозможнымъ. Славянскіе языки болѣе другихъ новѣйшихъ языковъ сохранили первобытныя формы и поэтому удобнѣе могутъ быть сближаемы съ древними классическими языками». Изъ этихъ словъ, которыми начинается предисловіе г. Бѣлявскаго, мы узнаемъ весьма вѣрную исходную мысль новаго руководства, назначаемаго, какъ

---

[1] Изданная Лицеемъ Цесаревича Николая превосходно составленная Латинская грамматика въ соединеніи съ русскою заключаетъ въ себѣ также сравненія по одному изъ древнихъ языковъ съ русскимъ, но она не проводитъ методически сличенія формъ того и другого, а указываетъ лишь вообще на встрѣчающіяся въ обоихъ сходныя грамматическія явленія.

онъ далѣе объясняетъ, главнымъ образомъ для IV класса гимназій, съ тѣмъ однакоже, чтобы не вполнѣ усвоенное по недостатку времени въ этомъ классѣ проходилось въ высшихъ при чтеніи памятниковъ древней русской литературы.

Новый элементъ проведенъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго весьма сдержанно и, на первый, случай, достаточно для цѣли уясненія состава и формъ языка. Сравненіе съ древними языками оказало здѣсь самое значительное вліяніе на способъ дѣленія существительныхъ по склоненію. Помощію своего метода авторъ убѣдился, что славяно-русское склоненіе существительныхъ почти тожественно съ такимъ же склоненіемъ въ классическихъ языкахъ: такъ какъ тамъ склоненія различаются не столько по окончаніямъ падежнымъ, сколько по основамъ, то онъ, принявъ то же начало, нашелъ всего удобнѣе раздѣлить церковно-славянскія и русскія имена сущ. также на три склоненія, и къ первому изъ нихъ отнесъ имена съ основой на *а*, какъ на самый чистый гласный звукъ. Начать съ склоненія на *а* ему казалось тѣмъ болѣе нужнымъ, что оно въ русскомъ языкѣ имѣло сильное вліяніе на прочія склоненія, которыя во многихъ падежахъ потеряли свою основную гласную и приняли основу склоненія на *а*. Нельзя не признать справедливости этихъ соображеній. Дѣленіе глаголовъ на спряженія и основанія дѣленія, по замѣчанію г. Бѣлявскаго, также весьма сходны въ греческомъ языкѣ. Особенное вниманіе обратилъ онъ на слова, имѣющія такъ называемыя неправильныя окончанія; въ нихъ всего болѣе обнаруживаются остатки древности и одинаковое съ греческими и латинскими словами образованіе, часто даже одни и тѣ же корни.

Предположивъ, что по его руководству преподаваніе должно начаться ученіемъ о буквахъ и звукахъ, послѣ чего слѣдуетъ перейти къ парадигмамъ склоненій и спряженій, г. Бѣлявскій отдѣлилъ всѣ парадигмы отъ самыхъ объясненій. Этимъ онъ достигъ весьма важной выгоды въ томъ отношеніи, что при такомъ способѣ ему легче было избѣгнуть той сухости, какою страдаетъ изложеніе въ бо́льшей части грамматикъ. Здѣсь объяс-

нительная часть, при надлежащей сжатости и стройномъ расположенiи, своею удобопонятностью способна заинтересовать достаточно-подготовленнаго ученика. Такимъ образомъ надо отдать полную справедлнвость умѣнью автора обращаться съ своимъ матерiаломъ. Что касается степени знанiя и разумѣнiя, обнаруженныхъ имъ при самой разработкѣ его, то и съ этой стороны новый учебникъ является въ весьма благопрiятномъ для него свѣтѣ. Въ книгѣ этого рода мы, конечно, не можемъ непремѣнно требовать результатовъ самостоятельныхъ изслѣдованiй или новыхъ филологическихъ открытiй. Хорошо уже, если авторъ, ознакомившись съ важнѣйшими учеными трудами по своему предмету, извлекаетъ изъ нихъ все то, что съ пользою можетъ быть употреблено для педагогической цѣли. Хотя для законовъ славяно-русской этимологiи главнымъ источникомъ г. Бѣлявскому, очевидно, служила Историческая грамматика г. Буслаева, однакожъ нельзя не замѣтить у него и знакомства съ новѣйшими трудами по русской филологiи. Притомъ и старый матерiалъ во многихъ частяхъ разработанъ имъ самостоятельно. Такъ, отдѣлъ о звукахъ, при всей своей краткости, представляетъ у него въ основномъ ихъ распредѣленiи болѣе вѣрное пониманiе, нежели какое мы находимъ въ большей части нашихъ грамматикъ. Это можно сказать особенно о его правильномъ дѣленiи гласныхъ на твердые и мягкiе. Жаль однакожъ, что онъ въ системѣ русскихъ звуковъ употребляетъ безъ дальнѣйшаго поясненiя иностранную букву j, которую вслѣдъ за большинствомъ филологовъ считаетъ согласною (а не полугласною) и по примѣру нѣмецкихъ славистовъ сопровождаетъ въ концѣ слова *еромъ* [1]. Такъ, напримѣръ, чтобъ уяснить род. падежъ множ. ч. именъ муж. р. на ь онъ пишетъ въ скобкахъ: конь-j-ъ или коне-j-ъ (стр. 47). Подобныя непроизносимыя начертанiя едва ли достигаютъ своей цѣли въ учебникѣ. При указанiи на усиленiе звука е въ о и въ jо (стр. 12) условiемъ этого перехода показано только ударенiе, но забыто

---

[1] См. выше, стр. 335—337.

другое, столь же существенное въ большей части случаевъ условіе, то-есть, твердость послѣдующаго звука, напримѣръ, въ словѣ *плеть* такой переходъ невозможенъ, но онъ оказывается въ формѣ *плётка*. Въ фонетической терминологіи авторъ разбираемаго руководства держится общеупотребительныхъ у насъ, хотя и не выдерживающихъ критики названій, напримѣръ, *звучные* и *отзвучные*, *придыхательные* и т. п. [1], при чемъ онъ, конечно, можетъ, въ оправданіе свое, опереться на довольно сильные авторитеты. Замѣчаніе, что буква *ѣ* большею частью удерживаетъ на себѣ удареніе (стр. 8), напримѣръ *дѣти*, *сѣверъ*, *нѣмецъ*, высказывалось, правда, и другими, но оно положительно невѣрно, если, по крайней мѣрѣ, не ограничить его дополненіемъ: «въ первообразныхъ словахъ», какъ легко усмотрѣть изъ слѣдующихъ близкихъ къ приведеннымъ словъ: *дѣти́на*, *сѣверя́нинъ*, *нѣмéцкій*. Кстати, объ удареніи: по общему у насъ обычаю, г. Бѣлявскій почти вовсе оставляетъ его безъ вниманія при объясненіи законовъ языка: можетъ быть, онъ вмѣстѣ съ своими предшественниками полагаетъ, что удареніе къ ученію о формахъ не относится; я убѣжденъ, напротивъ, что грамматика наша до тѣхъ поръ не вступитъ на истинный путь, пока не внесетъ ударенія, какъ существеннаго элемента, въ теорію русскихъ флексій. Флексіею г. Бѣлявскій (стр. 25) называетъ «измѣняемую по склоненію или спряженію часть слова», но едва ли не справедливѣе назвать такъ самое это измѣненіе, какъ дѣлаетъ г. Буслаевъ (см. его Учебникъ русской грамматики. М. 1874. § 28).

Вотъ еще нѣсколько частныхъ замѣчаній. Между суффиксами существительныхъ мы находимъ въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, «*тл* (*о*) (= лат. tr-um, греч. τρ-ον), при чемъ звукъ *т* передъ *л* отпадаетъ», и въ примѣръ того приведены: *рало*, *вертило*, *било*, *шило*, *мыло*. Знаю, что это мнѣніе выражается не въ первый разъ (г. В. Миллеръ относитъ и слово *миръ* къ тому

[1] Что неудобно какіе бы ни было звуки называть *звучными* и находить *придыхательные* въ языкѣ, гдѣ вообще нѣтъ придыханій, объ этомъ, кажется, можетъ быть только одно мнѣніе: см. II-й томъ настоящаго изданія.

же суффиксу); но позволяю себѣ сильно сомнѣваться въ справедливости такого взгляда на составъ подобныхъ словъ. Относительно ц.-сл. сущ. *рало* трудно сказать что-нибудь положительное (Я. Гриммъ сближаетъ съ этимъ словомъ нѣм. arl), но въ *русскихъ* именахъ такого образованія нельзя не видѣть просто обращенныхъ въ сущ. причастныхъ формъ ср. рода: западнославянская вставка въ такихъ именахъ звука *д* передъ *л* не что иное, какъ фонетическое явленіе. Когда *д* или *т* есть въ корнѣ, то эти звуки и у насъ не выпадаютъ передъ именнымъ суффиксомъ *ло*, напримѣръ, *сѣдло*, *метла*.

Суффиксъ для означенія дѣтей *ищ*, замѣчаетъ г. Бѣлявскій, перешелъ въ русскомъ языкѣ въ суффиксъ именъ отечественныхъ *ич*, приставляемый обыкновенно къ суффиксамъ прилагательныхъ *ов*, *ев*. — Суффиксъ *ич* образуетъ не одни отечественныя имена въ тѣсномъ смыслѣ, но, присоединяясь и къ нарицательнымъ, означаетъ вообще происхожденіе лицъ мужескаго пола, напримѣръ, *поповичъ*, *королевичъ*, *родичъ*, *дѣдичъ*, *отчичъ*, *москвичъ*; притомъ онъ присоединяется часто, какъ видно изъ этихъ примѣровъ, не къ однимъ прилагательнымъ на *ов*, *ев*, но и прямо къ основѣ имени существ., даже иногда женскаго рода, какъ показываетъ слово *рабыничъ* въ лѣтописи. Эту форму умѣстно было бы сравнить съ гр. ιτης δης, ιδευς, съ лат., ita, icus, itius, на которыя указалъ еще Павскій (*Ф. Н.*, II, § 76).

По обозрѣніи окончаній множ. ч. всѣхъ склоненій, авторъ новой грамматики (стр. 52) обращаетъ вниманіе на сходныя въ нихъ формы и выводитъ справедливое заключеніе: «Слѣдовательно, во множ. числѣ окончанія, указывающія склоненіе и родъ, хотя тоже съ исключеніями, находятся только въ именит. сред. рода: *а*, *я* и въ род. муж. рода: *овъ*, *евъ*»: Здѣсь надобно было прибавить еще одно очень важное замѣчаніе, именно, что и именит. множ. числа въ сущности не имѣетъ окончаній, строго различаемыхъ по родамъ, ибо, какъ звуки *ы*, *и* часто придаются въ этой формѣ именамъ средняго р. (солнцы, яблоки), такъ и наоборотъ имена муж. р. чуть ли не по большей части оканчи-

ваются въ ней на *а́, я́.* При этомъ слѣдовало бы конечно указать и на законъ, дѣйствующій въ послѣднемъ случаѣ и относящійся къ ударенію. Тутъ есть три неизмѣнныя правила: 1) именит. падежъ тѣхъ именъ муж. р., у которыхъ удареніе падаетъ на падежное окончаніе: *столъ, стола́* и т. д., не можетъ въ имен. множ. оканчиваться иначе, какъ на *ы́*. 2) Не могутъ оканчиваться на *а́, я́* и тѣ двух- и трехсложныя имена съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ въ именит. падежѣ ед. ч., которыя не перемѣняютъ акцента и во флексіяхъ; итакъ *стака́нъ, стака́ны.* 3) Напротивъ, на *а́, я́* въ именит. падежѣ множ. числа оканчиваются такія имена муж. р., которыя въ прямой формѣ ед. ч. носятъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, а также и многія односложныя, принадлежащія къ вседневной рѣчи: *па́варъ, повара́, ма́стеръ, мастера́, го́лосъ, голоса́, учи́тель, учителя́* [1] и проч. Можетъ-быть, авторъ только въ этомъ курсѣ не хотѣлъ касаться ударенія и полагалъ отнести ученіе о немъ къ другому, высшему курсу грамматики; но въ такомъ взглядѣ и заключается существенное недоразумѣніе, потому что у насъ формы флексій тѣсно связаны съ удареніемъ или отсутствіемъ его въ окончаніяхъ.

Вслѣдъ за приведенными строками г. Бѣлявскій объясняетъ средство узнавать по род. падежу множ. ч. родъ именъ, неупотребительныхъ въ единственномъ. Есть однакожъ случаи, въ которыхъ этотъ способъ не можетъ оказать помощи, какъ, напримѣръ, относительно имени *сани*, род. множ. *саней.* Авторъ по примѣру прежнихъ грамматиковъ, причисляетъ это имя просто къ женскому роду, но есть признакъ для доказательства этого: надо образовать уменьшительную его форму, и тогда родъ ясно окажется: *санки, санокъ* (а не санковъ). При этомъ припоминается общее правило, о которомъ наши грамматики обыкновенно умалчиваютъ: при образованіи увелич. или уменьшительнаго родъ имени не измѣняется, несмотря на окончаніе суф-

---

[1] Подробнѣе объ этомъ см. выше, стр. 441.

фикса. Вотъ почему имена *домишко, домище, домина, мальчишка* — муж. р. Исключеній почти нѣтъ: къ числу немногихъ принадлежатъ: *сѣделка, весéлка, дрянцó* (но есть и форма: *дрянцá*).

При исчисленіи суффиксовъ, служащихъ къ образованію прилагательныхъ, всѣ наши грамматики грѣшатъ тѣмъ, что не отдѣляютъ самыхъ распространенныхъ изъ нихъ отъ тѣхъ, которые имѣютъ болѣе частное примѣненіе. Отъ этого случилось, что г. Бѣлявскій (§ 120) совершенно упустилъ изъ виду самый главный изъ первыхъ, именно суффиксъ *н*, который и въ Исторической грамматикѣ г. Буслаева упоминается только мимоходомъ въ числѣ другихъ. Между тѣмъ онъ образуетъ наибольшее число качественныхъ прилагательныхъ и по способу присоединенія къ основамъ представляетъ множество любопытныхъ видоизмѣненій. Чтобы не входить здѣсь въ слишкомъ большія подробности, удовольствуюсь только примѣрами разныхъ категорій образованія посредствомъ суффикса *ный:* черный, важный, сильный, сердечный, чудесный, погребальный, хвалебный, сравнительный, огненный, чувственный. Къ образованію прилагательныхъ отъ иноязычныхъ словъ преимущественно служитъ этотъ же суффиксъ: элементарный, идеальный, деликатный, серіозный и проч. и проч. Онъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при дополнительныхъ слогахъ образуетъ прилагательныя относительныя: гостиный, лебединый, серебряный, нитяный (суффиксъ *яный* приведенъ и г. Бѣлявскимъ, но не какъ видоизмѣненіе другого болѣе общаго окончанія). Значеніе относительнаго прилагательнаго суффиксъ *н* сообщаетъ особенно подъ удареніемъ: роднóй, степнóй, временнóй. Далѣе онъ же, въ формѣ *ній*, образуетъ прилагательныя, означающія отношеніе къ пространству или времени: верхній, нижній, средній, древній и проч.

Упоминая объ окончаніяхъ прилагательныхъ, выражающихъ принадлежность лицу (§ 120, пунктъ 3), г. Бѣлявскій (опять по примѣру всѣхъ нашихъ грамматиковъ) вовсе умалчиваетъ о двойныхъ или двучленныхъ суффиксахъ *ов-скій* и *ин-скій*, служа-

щихъ къ образованію прилагат. относительныхъ, всего чаще личныхъ, напримѣръ: поповскій, петровскій, днѣпровскій, мартовскій, шемахинскій, маріинскій. Двучленный суффиксъ *овскій*, такъ же какъ и отдѣльныя части его (т. е. *овъ* и *скій*) послужилъ къ образованію множества русскихъ родовыхъ именъ, напримѣръ Соколовъ, Соколовскій; гораздо рѣже встрѣчается въ русскихъ именахъ этой категоріи суффиксъ *инскій* (Кульминскій, Ильинскій), хотя одно окончаніе *инъ* также весьма обыкновенно: *Свиньинъ*, *Пушкинъ*.

Въ статьѣ объ образованіи видовъ отъ глаголовъ первообразныхъ (§ 153) слишкомъ мало обращено вниманія на особый разрядъ глаголовъ, въ примѣръ которыхъ г. Бѣлявскій привелъ: *ползти*, *ползать* и *плыть*, *плавать*. Въ нихъ выставилъ онъ только то отличіе, что они, принимая примѣту *а*, «не заключаютъ въ себѣ понятія о давности», которое, по мнѣнію его, свойственно глаголамъ многократнаго вида: *ѣдать*, *пѣвать*, и проч. Въ первыхъ, прибавляетъ онъ, «понятіе о многократности дѣйствія переходитъ въ понятіе о дѣйствіи въ разныхъ направленіяхъ, потомъ о постоянныхъ занятіяхъ предмета, и, наконецъ, понятіе о дѣйствіи предмета переходитъ въ нихъ въ понятіе о свойствѣ: змѣя *ползетъ* (дѣйствіе), змѣя *ползаетъ* (свойство)». Здѣсь, во-первыхъ, не указанъ существенный признакъ значенія такихъ глаголовъ: всѣ они означаютъ не дѣйствіе вообще, а именно *движеніе*, движеніе разными способами: итти, ходить; бѣжать, бѣгать; плыть, плавать; ползти, ползать; катитъ, катать; летѣть, летать; валить, валять; ронить, ронять и пр. Во-вторыхъ, различіе этихъ формъ состоитъ совсѣмъ не въ различіи вида, а образуетъ совершенно особую категорію двоякихъ понятій: единство или разнообразіе направленія составляетъ, конечно, одну изъ чертъ этого различія, но что касается постоянства занятія и свойства, то это значеніе можетъ принадлежать и всѣмъ глаголамъ несовершеннаго вида. Въ выраженіи: *змѣя ползаетъ* сказуемое не болѣе означаетъ постоянство занятія или свойство, какъ въ такихъ фразахъ: «животное движется, дерево растетъ, земледѣлецъ пашетъ»

и т. п. Особенность *двоякихъ* глаголовъ *движенія* заключается въ томъ, что они въ одной формѣ означаютъ движеніе не только въ одномъ направленіи, но и въ *одинъ пріемъ*, а въ другой формѣ движеніе то въ разныхъ направленіяхъ, то безъ опредѣленной цѣли, то повторяющееся (учащательное), хотя и въ одномъ направленіи; напримѣръ, встрѣтивъ кого-нибудь на улицѣ, я спрошу его: *куда ты идешь?* а не *куда ты ходишь?* но могу спросить: «куда ты въ это время каждый день *ходишь* по этой дорогѣ?» Тутъ разумѣется одно направленіе, но имѣются въ виду разные пріемы (краты) и дѣйствіе повторяющееся. Далѣе, особенность этихъ глаголовъ состоитъ еще въ томъ, что они въ обѣихъ формахъ имѣютъ и настоящее и сложное будущее: я иду, я хожу, я буду итти, я буду ходить[1], чего не представляютъ глаголы, различающіеся по видамъ, напримѣръ: бросить и бросать, хватить и хватать. Слѣдовательно, въ первообразной формѣ своей двоякіе глаголы движенія должны быть разсматриваемы не въ главѣ о видахъ, а какъ совершенно отдѣльный разрядъ славянскаго глагола; образованіе видовъ отъ нихъ опять не подходитъ подъ общія правила, и въ этомъ отношеніи они также должны занимать свое особое мѣсто.

Говоря о дѣленіи глаголовъ на спряженія, г. Бѣлявскій, по старому обычаю нашихъ грамматиковъ, повторяетъ правило, что 1-е спряженіе отличается отъ 2-го по 2-му лицу единст. числа (§ 167, п. 2). Какъ причину принятія 2-го лица ед. ч. признакомъ отличія обоихъ спряженій (на *ешь* и *ишь*), г. Бѣлявскій приводитъ то, что этотъ признакъ *неясно виденъ* въ 1-мъ лицѣ: для

[1] Впрочемъ это свойство принадлежитъ и небольшому числу другихъ глаголовъ, которые означаютъ не движеніе, а нѣкоторыя дѣйствія, относящіяся къ зрѣнію и слуху, напримѣръ: видѣть и видать, слышать и слыхать, блестѣть и блистать, свистѣть и свистать. Но очевидно, что между обѣими формами этихъ глаголовъ нѣтъ того опредѣленнаго различія, какъ между глаголами движенія. Поэтому *Востоковъ* (Р. Грам. § 59) и *Павскій* (Ф. Н., III, § 22) напрасно соединили тѣ и другіе въ одну категорію, назвавъ ихъ: первый (т. е. Востоковъ) опредѣленными и неопредѣленными, и второй (Павскій) однообразными и разнообразными.

бо́льшей ясности принято 2-е лицо ед. ч. Но что́ если это различіе еще *яснѣе* видно изъ другого лица? Не придется ли въ такомъ случаѣ отдать преимущество этому лицу? Такою формой является у насъ, какъ въ семитическихъ языкахъ, 3-е лицо, но не единств., а множ. числа. Доказать это не трудно. Возьмемъ сначала 2-е лицо ед. ч. По формамъ *можешь*, *берешь* (самимъ по себѣ) еще не узна́ешь 1-го лица ед. ч., ибо такъ же оканчиваются глаголы *мажешь*, *порешь*; но если взять формы *могутъ*, *берутъ*, *мажутъ*, *порютъ*, то 1-е лицо несомнѣнно образуется по этому: сто́итъ только отбросить *тъ*. Такимъ образомъ получается форма; остается опредѣлить удареніе: указаніемъ ударенія служитъ неопредѣленное наклоненіе. На сходство ударенія въ 1-мъ лицѣ ед. ч. наст. врем. и неопр. наклоненія непремѣнно нужно обратить вниманіе въ учебникѣ, какъ на явленіе весьма характеристичное: *писа́ть*, *пишу́*, *дрема́ть*, *дремлю́*, *люби́ть*, *люблю́*, тогда какъ другія лица того же времени въ исчисленныхъ здѣсь и очень многихъ другихъ глаголахъ отступаютъ отъ этого ударенія. Не сходятся въ этомъ отношеніи указанныя двѣ формы только въ такихъ глаголахъ, у которыхъ неопред. накл. односложное (напримѣръ, красть, кра́ду, класть, кладу́), или которые оканчиваются на *чь* (беречь, берегу); но число тѣхъ и другихъ не велико, и отличіе ихъ ударенія не трудно уразумѣть[1].

Въ § 207 показаны глаголы, которые по однѣмъ формамъ относятся къ первому спряженію, по другимъ — ко второму. Здѣсь, въ пунктахъ 6-мъ и 7-мъ, приведены глаголы *дышать* и *слышать* съ такимъ замѣчаніемъ, что въ разговорномъ языкѣ первый принимаетъ иногда формы 2-го спряженія (дышишь), а второй—формы 1-го спряженія (слышешь). Если это бываетъ только иногда, то значитъ, что и наоборотъ, иногда, а можетъ быть и часто, слышится въ обоихъ случаяхъ правильная форма. Но которая же форма правильна? Конечно та, которая соотвѣт-

---

[1] Подробнѣе см. выше статью: «О спряженіи глагола и важности въ немъ ударенія».

ствуетъ общему закону спряженія, то-есть, форма на *ишь* (въ окончаніи *ать* послѣ шипящихъ, *а* замѣнило *ѣ*, а *ѣ* есть только видоизмѣненіе *и:* крич*ать*, какъ смотр*ѣть*, — *ишь*). Слѣдовательно, лучше было бы обратиться къ общему явленію, по которому въ глаголахъ окончаніе въ живой рѣчи слышится неправильно: не въ двухъ приведенныхъ глаголахъ только, но и во множествѣ другихъ произносятъ *ешь* вмѣсто *ишь*, и *утъ*, *ютъ* вмѣсто *атъ*, *ятъ*, и наоборотъ; напримѣръ, многіе говорятъ и ошибочно пишутъ: «онъ скажитъ, онъ пріѣдитъ, они хлопочатъ, надѣятся». Въ чемъ же сущность этого явленія? Въ неопредѣленности нашихъ неударяемыхъ гласныхъ: подобно тому, какъ смѣшиваются въ произношеніи *а* и *о*, — смѣшиваются равнымъ образомъ *е* и *и*, и это не въ однихъ глаголахъ: такъ же точно многіе ошибаются, когда пишутъ: цвѣточикъ, малинькій и т. п. Итакъ на это явленіе должно быть указано не въ той или другой, случайно выбранной, формѣ, а при общемъ разсмотрѣніи звуковъ, или въ отдѣлѣ правописанія.

Въ главѣ объ архаическомъ спряженіи нѣкоторыхъ глаголовъ (дамъ, ѣмъ,—вѣсть) опущенъ глаголъ *создать* съ его неправильными, но замѣчательными личными формами: *создамъ*, *создашь*. Надо было, сверхъ того, особо остановиться на глаголахъ: страдать—страждутъ, жаждать (вм. жадать) — жаждутъ, здать — зиждутъ, гнать—женутъ, зыбать—зыблютъ, въ спряженіи которыхъ не одни ученики частехонько ошибаются, такъ что, напримѣръ, слышатся такія формы: изженить, зиждить, зыблить (послѣднія двѣ попали даже въ словарь Даля).

Въ указаніи состава и происхожденія словъ книга г. Бѣлявскаго вообще очень исправна. Вотъ, однакожъ, два не совсѣмъ вѣрныя указанія:

1) Въ предлогахъ *подлѣ* и *возлѣ* суффиксомъ означенъ слогъ *лѣ*. Древнія формы: подъль (также подоль, подолѣ, поздолѣ), подлъгъ (польск. podług), въдълѣ, въдолѣ (польск. vedle, vedług) открываютъ намъ въ основѣ этихъ предлоговъ корень *дл* (сущ. доль, длина), чѣмъ объясняется и составъ словъ *по-длинный*,

по-длинникъ, *по-длинно*. Такъ и первоначальная форма предлога *возлѣ*, какъ замѣтилъ Миклошичъ, должна быть *възъдлѣ*.

2) Нарѣчія *вонъ* и *внѣ* раздѣлены такъ: *в-он-ъ*, *в-н-ѣ*, и при послѣднемъ поставлено въ скобкахъ *въ онъ*. Конечно, г. Бѣлявскій не первый такимъ образомъ разлагаетъ эти частицы, но едва ли не основательнѣе Поттъ, а за нимъ и Миклошичъ, сближаютъ ихъ съ санскр. winâ, древне-прусск. winna почти того же значенія. Этимъ замѣчаніемъ я не хочу сказать, чтобы слѣдовало вводить въ учебники подобныя сравненія, но лучше вовсе не объяснять происхожденія словъ, нежели давать объясненіе невѣрное или даже сомнительное.

Указавъ на эти частности въ грамматикѣ г. Бѣлявскаго, повторю въ заключеніе то, что высказано уже въ началѣ настоящей замѣтки, то-есть, что этотъ трудъ обращаетъ на себя вниманіе какъ по новой идеѣ, положенной въ основу его, такъ и по ея исполненію.

КЪ ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНІИ ПОДЛЕЖАЩАГО ВЪ ПРЕДЛОЖЕНІИ.

Учитель Корочанской Александровской прогимназіи (Курской губерніи) А. А. Дмитревскій напечаталъ въ *Филологическихъ Запискахъ* двѣ статьи о составѣ предложенія[1], а вслѣдъ за тѣмъ началъ тамъ же помѣщать «Опытъ учебника русскаго синтаксиса». Обѣ предшествовавшія этому статьи доставлены авторомъ, въ видѣ особыхъ оттисковъ, во второе Отдѣленіе Академіи наукъ съ просьбой разсмотрѣть ихъ и дать о мысляхъ г. Дмитревскаго свой отзывъ.

Нельзя не радоваться, когда преподаватели отечественнаго языка, не довольствуясь старою рутиной, подвергаютъ серьёзной повѣркѣ установившіеся взгляды, и результаты такого пересмотра излагаютъ въ самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ встрѣтили трудъ г. Дмитревскаго и охотно приняли на себя исполненіе его желанія. Въ чемъ же заключаются новыя мысли, проводимыя г. Дмитревскимъ? Съ одной стороны, онъ присоединяется къ тѣмъ педагогамъ, которые, будучи сбиты съ толку неудачнымъ опредѣленіемъ подлежащаго («то, о чемъ говорится»), считаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможнымъ принимать за него имя сущ. въ косвенныхъ падежахъ; съ другой, встрѣчая въ рѣчи

---

[1] «Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ» въ 1878 году и «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго» въ 1879.

множество безличныхъ предложеній, изъ которыхъ иныя даже не носятъ на себѣ никакого признака подлежащаго (напр. нельзя, пошелъ, угостили), г. Дмитревскій пришелъ къ убѣжденію, что подлежащее не можетъ считаться однимъ изъ главныхъ членовъ предложенія, а должно быть низведено въ разрядъ второстепенныхъ, и именно *дополненій*. Это, по мнѣнію автора брошюръ, — главное дополненіе сказуемаго, но не болѣе. Въ подкрѣпленіе своей мысли, желая всячески унизить роль подлежащаго, онъ старается какъ можно выше поставить безличное предложеніе, входитъ въ весьма произвольныя толкованія о постепенномъ развитіи человѣческой рѣчи и между прочимъ оспариваетъ неопровержимое замѣчаніе г. Буслаева, что такъ называемый безличный глаголъ имѣетъ грамматическое подлежащее либо въ своемъ личномъ окончаніи (темнѣе*тъ*, смеркае*тся*), либо, какъ въ другихъ языкахъ, — въ неопредѣленномъ мѣстоименіи (il pleut, man sagt). Г. Дмитревскій не признаетъ существеннымъ даже того возраженія, что каждый глаголъ въ личной формѣ уже самъ по себѣ заключаетъ или соединяетъ въ себѣ, вмѣстѣ съ сказуемымъ, и подлежащее, такъ какъ личныя окончанія первоначально были мѣстоименіями. Чтобы опрокинуть эту неоспоримую истину, онъ прибѣгаетъ къ странному предположенію, что мѣстоименные суффиксы глагола присоединились къ нему не въ прямой, а въ косвенной формѣ, т. е., что напр. въ формѣ: ѣ*мъ* или да*мъ* окончаніе *м* означаетъ не *я*, а *мнѣ* или *меня!*

Для каждаго, кто посмотритъ на дѣло безъ предубѣжденія, совершенно ясно, что не только когда въ безличномъ предложеніи сказуемое выражено своею главною формой — глаголомъ, но и тогда, когда выразителемъ его служитъ прилагательное въ среднемъ родѣ, напр. *должно*, *тепло*, *холодно*, самое окончаніе формы этого сказуемаго уже указываетъ на какой-то предполагаемый въ умѣ, хотя и не высказываемый, и даже опредѣленно не мыслимый, субъектъ. Когда мы говоримъ: *свѣтаетъ*, *морозило*, то въ сущности логическимъ субъектомъ служатъ

предметныя понятія *свѣтъ*, *морозъ*, которыя, будучи представляемы дѣятелями, получили въ языкѣ форму глаголовъ[1]; грамматическими же субъектами такихъ сказуемыхъ служитъ то нѣчто, которое выражается въ окончаніяхъ безличныхъ глаголовъ. Важныя недоразумѣнія въ наблюденіяхъ надъ языкомъ происходятъ отъ смѣшенія логическихъ началъ съ грамматическими. По логическому смыслу предложенія, понятіе, выраженное подлежащимъ, можетъ дѣйствительно гораздо менѣе значить нежели то, которое заключается наприм. въ косвенномъ дополненіи, но грамматика имѣетъ свои законы и требованія. Г. Дмитревскій самъ сознаетъ разницу обѣихъ точекъ зрѣнія[2], и однакожъ онъ между прочимъ такъ разсуждаетъ: «Скажетъ ли г. Миловидовъ, что въ предложеніяхъ: *собака лаетъ на вора*, *птица летитъ отъ охотника*, *ученики шумятъ безъ учителя*, собака, птица, ученики есть единственные виновники, творцы дѣйствія сказуемаго и что это дѣйствіе явилось благодаря единственно желанію первой полаять, второй полетать, третьихъ пошумѣть? И воръ вѣдь не меньше, если не больше собаки, виновникъ лая; охотникъ, а не одно желаніе птицы, причина ея полета; не хорошо, что шумять ученики, да и учитель не безвиненъ, если оставилъ учениковъ однихъ» и т. д. Не очевидно ли изъ этого примѣра, что авторъ смѣшиваетъ житейскія условія и логическія отношенія съ грамматическими?

Когда безличное сказуемое заключается въ словѣ, не представляющемъ никакихъ признаковъ подлежащаго, напр. *нельзя*, *пора*, то понятно, что тутъ опущенъ глаголъ *есть*, который необходимо является въ прошедшемъ и будущемъ времени (было, будетъ). Такого опущенія не допускаетъ г. Дмитревскій и вообще, когда сказуемымъ служитъ имя безъ глагола: по его мнѣ-

---

[1] Это всего яснѣе изъ сравненія такихъ безличныхъ глаголовъ, какъ il pleut, il neige, es regnet, es schneit, съ русскими выраженіями: дождь идетъ, снѣгъ идетъ.

[2] См. его статью «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго», стр. 6—9.

нію, имя въ такомъ случаѣ получаетъ «вербальную форму или спрягаемость и само въ себѣ заключаетъ уже признакъ настоящаго времени». Ему не приходитъ на мысль, что еслибъ имя само въ себѣ вмѣщало понятіе настоящаго, то оно не могло бы уже терпѣть при себѣ глагола ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ времени. Можно ли, не грѣша противъ здраваго смысла, отрицать, что когда мы говоримъ напр. *земля планета*, то мы въ умѣ своемъ соединяемъ эти два понятія не высказываемымъ утвержденіемъ *есть?* По мнѣнію г. Дмитревскаго, выраженія: *земля планета* и *земля есть планета* не однозначащи: любопытно было бы услышать, въ чемъ же собственно заключается полагаемая между ними разница? Возставая противъ рутинныхъ объясненій, авторъ не замѣчаетъ, что самъ подчиняется предубѣжденію, которое съ недавняго времени стало распространяться въ преподаваніи русскаго языка, именно взгляду, будто никакого способа выраженія нельзя объяснить подразумѣваемыми словами. Конечно, нельзя утверждать, будто для пополненія того или другого идіотизма необходимо подставить именно такое-то слово, но неоспоримо, что въ русскомъ предложеніи очень часто встрѣчается недосказанная мысль. Вслѣдствіе разныхъ особенностей языка, а также и по самому характеру русскаго ума, наша народная рѣчь особенно богата эллиптическими оборотами. Примѣровъ можно найти множество въ пословицахъ, въ басняхъ Крылова, въ комедіяхъ Островскаго и проч.

Одно изъ главныхъ основаній для признанія подлежащаго дополненіемъ г. Дмитревскій видитъ въ томъ, что именительный падежъ, наравнѣ съ другими падежами, принадлежитъ къ склоненію, слѣдовательно онъ, будто бы и въ синтаксическомъ отношеніи, однороденъ съ ними. До какого абсурда такой взглядъ доводитъ наконецъ автора, становится всего виднѣе въ его опытѣ синтаксиса, гдѣ отношеніе сказуемаго къ подлежащему оказывается вмѣстѣ и управленіемъ и согласованіемъ. Въ параграфѣ озаглавленномъ: *Управленіе словъ*, говорится, что подлежащимъ управляетъ сказуемое, а въ слѣдующемъ за тѣмъ параграфѣ о

согласованіи замѣчено: «Подлежащее, находясь подъ управленіемъ сказуемаго, часто и само оказываетъ на него вліяніе, выражающееся въ согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ». Такимъ образомъ выходитъ, что сказуемое и управляетъ подлежащимъ, и согласуется съ нимъ: именительный падежъ причисленъ къ управляемымъ.

Къ утвержденію г. Дмитревскаго въ его взглядѣ на подлежащее способствовало наблюденіе, что когда оно выражено не словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ, то это предложеніе безспорно (?) признается дополнительнымъ. Напр. въ стихѣ Крылова:

«Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ»,

второе предложеніе считается дополнительнымъ; оно отвѣчаетъ на вопросъ: что извѣстно? и замѣняетъ именительный падежъ, въ которомъ могло бы стоять существительное *диковинность* или *рѣдкость* (слоновъ). Слѣдовательно и это существ. имя, или простое подлежащее не что иное, какъ дополненіе сказуемаго.

Повидимому, выводъ получился совершенно правильный, но дѣло въ томъ, что какъ скоро подлежащее замѣнено предложеніемъ, то это послѣднее не можетъ быть соединено съ другимъ (сказуемымъ) иначе, какъ посредствомъ союза, въ настоящемъ случаѣ союза *что*, и вотъ причина, почему подлежащее обратилось въ придаточное предложеніе; но это предложеніе служитъ не дополненіемъ сказуемому *извѣстно*, а опредѣленіемъ или поясненіемъ, развитіемъ подразумѣваемаго подлежащаго заключающагося въ указательномъ мѣстоимени *то*. Здѣсь имѣется случай, очень близкій къ тому, который самъ г. Дмитревскій приводитъ въ доказательство, что сказуемое, какъ слово, не можетъ быть замѣняемо придаточнымъ сказуемымъ предложеніемъ. Именно, тутъ онъ опирается на слова г. Буслаева: «Въ предложеніи *Истинно благотворительный человѣкъ есть тотъ, который дѣлаетъ добро не изъ тщеславія*, придаточное служитъ опредѣленіемъ не цѣлому сказуемому *есть тотъ* и не глаголу *есть*, а

подразумѣваемому слову *человѣкъ* при опредѣлительномъ *тотъ*, т. е. тотъ человѣкъ, который и т. д.». Такимъ же образомъ и придаточное предложеніе, которое становится на мѣсто подлежащаго, служитъ, по крайней мѣрѣ иногда, опредѣленіемъ опущеннаго, или и прямо выраженнаго подлежащаго *то*. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ особенной категоріей придаточнаго предложенія, на которую въ нашемъ синтаксисѣ еще не было обращаемо достаточнаго вниманія, но которая требовала бы основательнаго разъясненія. Когда мы говоримъ: «*До какой степени это важно*, видно изъ того, что оно стало извѣстно», или: «Желательно, *чтобъ онъ пришелъ*», или: «*Что онъ боленъ*, это доказывается его отсутствіемъ», неужели подчеркнутыя предложенія суть дополненія сказуемыхъ: видно, желательно, доказывается? Нѣтъ, эти предложенія служатъ опредѣлительными, а иногда, можетъ быть, и дополнительными или обстоятельственными словами подлежащаго *то* или *это*, высказаннаго или подразумѣваемаго, точно такъ же какъ въ первомъ примѣрѣ выраженіе: «что оно стало извѣстно» составляетъ опредѣленіе слова *того*. Это опредѣленіе, присоединяемое къ опредѣляемому посредствомъ союза *что*, конечно не подходитъ подъ тѣ виды опредѣленія, которыми до сихъ поръ ограничивалось понятіе этого члена предложенія, но едва ли можно во многихъ случаяхъ подвести такое поясненіе указательнаго мѣстоименія подъ какую-либо другую категорію. Мы приходимъ къ заключенію, что когда подлежащее состоитъ изъ цѣлаго предложенія, то въ синтаксическомъ разборѣ и надобно говорить о немъ какъ о *подлежащемъ выраженномъ въ формѣ придаточнаго предложенія такого-то*.

Сказаннаго повидимому достаточно, чтобы убѣдить всякаго въ несостоятельности теоріи, которою г. Дмитревскій думаетъ вытѣснить утвержденное вѣками пониманіе подлежащаго. Очень жаль, что нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія, разсѣянныя въ его статьяхъ, заслоняются такимъ крупнымъ парадоксомъ, который неминуемо подрываетъ довѣріе ко всему его труду.

———

О НАЗВАНІЯХЪ АИСТА ВЪ РОССІИ[1].

Нелегко опредѣлить происхожденіе слова *аистъ*. Подъ аистомъ, вообще говоря, разумѣютъ у насъ *чернаго* аиста, который водится почти во всей Европейской Россіи,—за исключеніемъ лишь западныхъ губерній,—до крайняго сѣвера, а равно и по всей Сибири. *Бѣлый* аистъ, имѣющій свое особое названіе, *бусель*, встрѣчается только на западѣ и югѣ Европейской Россіи, да на Амурѣ, а въ Сибири его нѣтъ. (Замѣчанія Л. И. Шренка на Словарь Даля въ *Сб. Отд. р. яз. и сл.*, т. VII, № 10, стр. 71. Въ Словарѣ Даля ошибочно сказано, будто «черный аистъ у насъ не водится»). Къ означеннымъ здѣсь предѣламъ нахожденія аиста надобно причислить и низовья Дона, откуда Петръ Великій выписывалъ эту птицу, какъ видно изъ переписки его съ воронежскимъ губернаторомъ Колычевымъ[2]. Въ словарѣ Линде находимъ hajstra со ссылкою на русск. *аистъ*, съ поясненіемъ, что польское слово (впрочемъ не общеупотребительное въ языкѣ) означаетъ большую птицу сѣраго цвѣта, и съ цитатою, что этимъ именемъ неспра-

---

[1] Въ 1-мъ изданіи *Филологическихъ Разысканій* имя *аистъ* помѣщено было въ ряду другихъ словъ, извлеченныхъ изъ моего собранія этимологическихъ объясненій. Запасъ матеріаловъ, доставленныхъ мнѣ прежде для разсмотрѣнія этого слова А. А. Куникомъ и послужившихъ основаніемъ для тогдашней моей замѣтки, съ тѣхъ поръ еще значительно увеличился новыми, которые нашъ неутомимый изслѣдователь продолжалъ собирать между прочимъ въ перепискѣ съ голландскими учеными, и вслѣдствіе того статья эта получила такіе размѣры, что должна была занять особое мѣсто.

[2] Матеріалы Военно-ученаго архива Гл. Штаба. Т. I, Спб. 1871, стр. 50.

ведливо называютъ породу чернаго цвѣта. Штраленбергъ напротивъ пишетъ: «Такихъ какъ въ Европѣ птицъ этой породы (Störche) я въ Сибири совсѣмъ не видалъ; но *черныхъ* съ красными носами и ногами, называемыхъ Agyst или Cara-Tschilan, у которыхъ перья имѣютъ почти такой же блескъ, какъ у павлиновъ, тамъ водится довольно» (Das Nord- u. Ostliche Theil von Europa u. Asia. Stockh. 1730, p. 421). Большая часть нынѣшнихъ славянскихъ народовъ употребляютъ для названія этой птицы разныя формы приведеннаго выше слова *бусель* (или *бочанъ*, см. у Линде Bocian[1]). У нѣкоторыхъ привилось въ различныхъ же видоизмѣненіяхъ германское Storch, которое и въ русскомъ приняло форму *стерхъ* (словарь Даля), а въ ц.-сл. *стръкъ* (Вост.). По мнѣнію А. А. Куника, Славяне потому не имѣютъ общаго названія для этой птицы, что она всегда водилась только въ нѣкоторой части ихъ первобытныхъ жилищъ въ Россіи.

По наблюденіямъ естествоиспытателей, многія птицы у насъ отлетаютъ, для вывода птенцовъ, все далѣе на сѣверъ. Къ этому побуждаетъ ихъ недостатокъ корма, происходящій отъ истребленія лѣсовъ и осушки болотъ. Относительно аиста можно указать на любопытные факты. Въ ливонской хроникѣ Франца Нюэнстедта разсказано по поводу переговоровъ съ находившимся въ Ригѣ королемъ Стефаномъ Баторіемъ: «Когда въ 1582 году рыцарство совѣщалось въ домѣ Ганса Баумана, на крышу его, къ общему удивленію, сѣло нѣсколько аистовъ, которыхъ не видали въ Лифляндіи, какъ за много лѣтъ до того, такъ и послѣ[2]». Профессоръ Гревингъ (изъ Дерпта), помнитъ, что 50 лѣтъ тому назадъ по сю сторону Риги аистовъ не бывало, теперь же крайнюю

[1] Въ юго-западныхъ губерніяхъ его называютъ *гайстеръ, черногвостъ, бусель птица*; въ Полтавской — *лелёка*, въ Малороссіи и на Терекѣ — *бочанъ, неклейка*, въ Астраханской—*колпикъ*. (*Вѣстникъ естественныхъ наукъ*, М. 1854. № 1, стр. 7 и 8). Можно прибавить еще люнебургско-вендское bütjan, лит. busitas. Лит. ботаникъ Iundziłł приводитъ еще bodziszek для означенія geranium (Куникъ). По удостовѣренію К. Ѳ. Кесслера, въ Астрахани подъ названіемъ «аистъ» разумѣютъ особую породу бѣлорыбицы. (1). См. примѣчанія въ концѣ настоящей статьи.

[2] Monumenta Livoniae antiquae. II, 85. Riga 1839.

черту ихъ переселенія въ Лифляндіи составляетъ городъ Валькъ. Въ болотистомъ Бѣлорусскомъ краю аисты всегда находили кормъ въ изобиліи. На дворѣ монастыря св. Евфросиніи стоитъ старая, высокая липа, на которой уже по меньшей мѣрѣ лѣтъ 30 гнѣздятся аисты. И въ окрестностяхъ Полоцка бываетъ ихъ много; напротивъ, они уже болѣе не показываются около Витебска.

Что касается самаго имени *аистъ*, то уже по первой буквѣ его, столь рѣдкой въ началѣ славянскихъ словъ, можно заключить о его иноземномъ происхожденіи. Не принимая на себя рѣшенія труднаго вопроса, откуда именно оно могло взяться, обратимся къ другому названію той же птицы, которое на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ два раза является въ памятникахъ русской исторіи и начало котораго легче опредѣлить.

Извѣстно, что Константинъ Багрянородный, приводя древнія названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ языкахъ: росскомъ (т. е. норманскомъ) и славянскомъ, говоритъ что четвертый изъ нихъ, главный, называется по-росски Ἀειφάρ, а по-славянски Νεασήτ, потому что въ камняхъ его гнѣздятся «πελεκάνοι». Изъ поясненія Константина Багрянороднаго слѣдовало бы заключить, что подъ ἀειφάρ надобно разумѣть не аиста, а пеликана, или какую-либо другую водяную птицу. Но пеликанъ не былъ извѣстенъ Норманнамъ, и они, естественно, назвали порогъ по имени сходной птицы (2), у которой также длинный, хотя совершенно другой клювъ и которая похожа на пеликана и по цвѣту своихъ перьевъ, подобно какъ смѣшиваютъ между собой равнымъ образомъ аистовъ и журавлей[1]. Какъ имя *аиста* могло явиться на мѣсто другого, объясняется географическимъ распространеніемъ этой птицы, которое довольно близко сходится съ областью распространенія бука. У Балтійскаго моря пеликанъ не является даже въ видѣ перелетной птицы, да и самый аистъ (т. е. ciconia alba) едва ли доходитъ на сѣверъ далѣе южной Швеціи[2]. Пора-

[1] Такъ растеніе geranium называется по-нѣмецки Storchschnabel.

[2] См. Ornithologia Svecica, autore Sv. Nilsson. Pars posterior. Havniae 1821. Стр. 31—33 и 47.

зительную аналогію представляетъ свидѣтельство македонскаго грека Никоклиса, который говоритъ, что нынѣшніе Греки въ Эпирѣ и Македоніи называютъ аиста не πελαργός, а πελεκάνος[1]. Подъ именемъ *неясыть* (древ.-сл. неѩсыть), по мнѣнію А. А. Куника, должно разумѣть не иное что какъ пеликана или развѣ какой-нибудь видъ коршуна[2]; но по всей вѣроятности именно *пеликана* (котораго двѣ породы водятся у Чернаго моря), такъ какъ это слово еще осталось въ употребленіи у отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. Это отчасти подтверждается и именемъ ἀειφάρ, потому что коршунъ могъ бы быть названъ какимъ-нибудь чисто норманскимъ словомъ.

Остановимся теперь на самомъ имени ἀειφάρ, которому нѣтъ созвучнаго слова въ древне-норвежскомъ (норренскомъ или исландскомъ) языкѣ, но которое давно уже объясняютъ голландскимъ словомъ, означающимъ аиста. Это слово, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ своей первоначальной формы, встрѣчается у многихъ нижнегерманскихъ народовъ, живущихъ при Сѣверномъ (Нѣмецкомъ) морѣ. Соотвѣтствующее ему слышится и теперь въ нижнегерманскомъ (plattdeutsch)—äbêr (съ удар. на послѣднемъ слогѣ). Въ нынѣшнемъ голландскомъ языкѣ аистъ называется ôievâr, произн. ujefar (3). Гриммъ въ словарѣ своемъ помѣстилъ adebär, какъ слово не только принадлежащее нижнегерманскому, но встрѣчающееся и въ древне-верхненѣмецкомъ весьма древнее слово, и приводитъ разныя формы его (между прочимъ otivaro, otfer). Онъ думаетъ, что это названіе (вторая половина котораго bär, bero, по его мнѣнію, зн. *носитель*) находится въ связи съ

---

[1] De Albanensium origine et prosapia. Dissertatio inauguralis quam scripsit Nicolaus Nikokles, Graecus Kozanae Macedoniae urbe natus. Göttingae 1855. 8⁰. Стр. 57.

[2] *Неясыть* въ библіи иногда употребляется въ значеніи коршуна (γῦψ). Въ словарѣ Зизанія при словѣ *неясыть* сказано: «по грецку пелеканъ птахъ есть въ Египтѣ, подобный бусюлови». Въ другомъ же азбуковникѣ оно объяснено такъ: «птица подобна журавлю, а творитъ себѣ гнѣздо на высокихъ древѣхъ или камнѣхъ, или столбѣхъ» и проч. (Сахарова *Сказанія р. н.*, т. II, стр. 128 и 173).

повѣрьемъ, что аистъ приноситъ въ домъ счастье и дѣтей[1]. Какъ бы ни было, по этимъ даннымъ нѣтъ основанія отрицать существованіе слова aifar, ἀειφάρ (визант. ει = ι) въ 10-мъ столѣтіи, хотя и трудно объяснить, какъ оно тогда уже явилось у Норманновъ въ этой сокращенной формѣ.

Всего вѣроятнѣе, что прибалтійскіе Шведы или Готландцы усвоили себѣ это названіе въ нынѣшней Голландіи. Около середины 9-го столѣтія (830—850 г.) Шведы, для торговыхъ и другихъ мирныхъ цѣлей, часто отправлялись съ озера Мелара въ знаменитый тогдашній городъ Дорстадтъ (нынѣшній Wyk te Duerstede въ Голландіи[2]). Такъ какъ и у Нидерландцевъ, и у Нижнихъ Саксовъ, нерѣдко выпадаетъ *д* между двухъ гласныхъ (что̀ свойственно и другимъ согласнымъ), то такое явленіе могло мѣстами произойти уже рано.

Къ подтвержденію достовѣрности разсматриваемаго нижнегерманскаго слова, занесеннаго къ намъ Скандинавами, служитъ и то, что въ началѣ прошлаго вѣка оно снова является въ спискѣ кораблей, построенныхъ Петромъ Великимъ въ Воронежѣ при помощи голландскихъ мастеровъ. Означая многія суда̀ голландскими названіями животныхъ и птицъ, онъ одному далъ имя *Ойфаръ* или *Айфаръ*, совершенно отвѣчающее съ одной стороны вышеприведенному нынѣшнему голландскому слову, а съ другой— скандинавскому названію порога, упоминаемому Константиномъ Багрянороднымъ, но безъ всякаго сомнѣнія оставшемуся неизвѣстнымъ Петру Великому (4).

Лербергъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ» даетъ слову ἀειφάρ символическое значеніе, пріурочивая это названіе къ исландскому прилаг. aefr (fervidus), но онъ конечно не поступилъ бы такъ, если бъ ему знакомо было названіе петровскаго ко-

---

[1] Deutsches Wb., т. I, стр. 176. Sparschuh (Berichtigungen zu Grimms Gesch. d. deutsch. Sprache, Mainz 1850, стр. 99) видитъ въ словѣ adebar кельтское происхожденіе.

[2] См. Vita Anskarii, Cap. 20. 27. 8. 24. — Впослѣдствіи Шведы, для означенія аиста, заимствовали нѣмецкое слово sterk-an.

рабля[1]. Точно такъ же и славянскаго слова *неясыть* нельзя принимать въ фигуральномъ смыслѣ, хотя по народному представленію нынѣшнее названіе того же порога (Ненасытецъ, Ненастынскій[2]) и имѣетъ такое значеніе. О названіи ἀειφάρ Струбе говоритъ: «on a droit, selon moi, de juger que les pélicans n'étant point connus dans les régions du Nord et n'ayant par cette raison point eu de nom dans les langues boréales, les Russes (т. е. Норманны) auront mis à sa place celui *d'une autre espèce d'oiseaux aquatiques*, tels que les *cicognes* que dénote le mot *aïëvar ou oïevar* conservé dans les dialectes tudesques (on trouve ce mot dans tous les dictionnaires hollandais) et qui revenaient ainsi par leur genre et sous l'idée que les Russes y attachaient, aux pélicans des Esclavons»[3].

Въ недавно напечатанномъ трудѣ: «О мнимомъ призваніи Варяговъ»[4] г. Иловайскій между прочимъ утверждаетъ, что *русскія* названія пороговъ у Константина Багрянороднаго должны быть также объясняемы славянскими а не норманскими словами, т. е., иначе говоря,—что византійскій императоръ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на двухъ разныхъ нарѣчіяхъ славянскаго языка. Къ сожалѣнію, авторъ, сознавая, что «не мало эрудиціи было потрачено скандинавскою школой, чтобы *русскія*[5] названія объяснить при помощи почти всѣхъ сѣверо-германскихъ нарѣчій»,

---

[1] То же можно сказать объ авторѣ книги: «The relations between ancient Russia and Scandinavia и пр. Oxford, 1877», появившейся послѣ напечатанія настоящей статьи во 2-мъ изданіи *Филолог. Разысканій*. Г. Томсенъ, поправляя Лерберга, указываетъ на прилагательное *Aiforr*, исл. *Eyforr* всегда стремительный, semper praeceps, что̀ слѣдовательно въ утвердительной формѣ выражало бы почти то же, что славянское слово (Ненасытецъ) означаетъ отрицательно. Въ недавно вышедшемъ шведскомъ изданіи этой книги («Ryska rikets grundläggning» и пр., Stockh. 1882), переводчикъ г. Сэдербергъ отвергаетъ это толкованіе и вмѣсто того предлагаетъ швед. Aifar всегда недостаточный (такъ какъ порогъ всегда страдаетъ недостаткомъ воды), отъ слова far — недостающій. Ясно, что оба предположенія лишены основанія.

[2] См. Шафарика *Слав. древности*, т. II, кн. 1, стр. 234.

[3] Dissertation sur les anciens Russes. St. Pétersburg, 1785.

[4] *Русск. Вѣстн.* 1871 г., ноябрь и декабрь.

[5] То-есть предполагаемыя скандинавскія.

не счелъ нужнымъ противопоставить тому соразмѣрную долю эрудиціи и употребить истинно-научные пріемы для опроверженія столь тщательно-выработанныхъ въ теченіе цѣлаго почти столѣтія доводовъ скандинавской школы. Необходимо было бы для этого, какъ водится въ наукѣ, подвергнуть основательному разбору каждое изъ толкованій, установившихъ убѣжденіе въ германскомъ составѣ такъ называемыхъ Константиномъ *россиихъ* наименованій пороговъ. Необходимо было-бы имѣть въ виду, что его двоякія названія должны отвѣчать одно другому по значенію, и что если объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, за то другія (какъ напр. третьяго порога Γελανδρί=Звонецъ) до очевидности несомнѣнны. Что же вмѣсто этого дѣлаетъ г. Иловайскій? Онъ «для образца этихъ объясненій приводитъ толкованіе перваго русскаго названія, то есть Ульворси или Ульборси (Οὐλβορσί)», отвергаетъ весьма удачное во всѣхъ отношеніяхъ возстановленіе этого слова (Holmfors, Островной порогъ), вполнѣ соотвѣтствующее славянскому названію Островьный прагъ (Ὀστροβουνίπραχ), и въ замѣнъ перваго толкованія предлагаетъ другое славянское же составное слово *Холмоборы* (*Холмогоры*) или, держась ближе къ тексту, Вулборы, т. е. Вулнборы, гдѣ первая половина слова будетъ то же что въ названіи Вулнипрагъ (или въ позднѣйшемъ Вулнѣгъ). Корень *ул*, продолжаетъ онъ, существуетъ въ названіи рѣки *Ула*. Итакъ, какая нужда отыскивать его непремѣнно въ Скандинавіи? А можетъ-быть Улборси совсѣмъ и не означаетъ тоже самое что Островунипрагъ. (Въ Минской губерніи есть р. *Уборть*, можетъ быть сокращеніе изъ *Ульборть*)». Ясно, что г. Иловайскій увлекается предвзятою идеей, которая здѣсь вовсе не идетъ къ дѣлу: положимъ, что новгородскіе Славяне и дѣйствительно не призывали Руси изъ Скандинавіи; но что Норманны ѣздили по Днѣпру въ Царьградъ, остается неопровержимымъ фактомъ, а въ такомъ случаѣ естественно было имъ наименовать пороги по-своему, переводя туземныя названія на родной языкъ. «Гдѣ же и когда такъ бывало?» спрашиваетъ г. Иловайскій: «географическія имена не

переводятся (если и можно найти тому примѣры, то очень немногіе, и отнюдь не въ такомъ количествѣ за разъ и не въ такомъ систематическомъ порядкѣ); вновь поселяющійся народъ обыкновенно или принимаетъ уже существующія названія, видоизмѣняя ихъ по своему выговору, или даетъ свои собственныя[1]». Здѣсь г. Иловайскій поневолѣ дѣлаетъ уступки тому, что́ самъ онъ въ то же время рѣзко отрицаетъ. Если фактъ перевода мѣстныхъ именъ имъ допущенъ, то трудно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ положить тому предѣлы. Выше, на стр. 265—267 нашей книги, приведено довольно много примѣровъ такого обычая, весьма часто встрѣчающагося въ предѣлахъ русскаго государства. Можно отыскать ихъ еще гораздо болѣе: такъ многія мѣстности Ижорскаго края носили двоякія, по значенію соотвѣтственныя названія на финскомъ и русскомъ языкахъ (Koivusaari, Березовый островъ), къ которымъ иногда присоединялось еще и шведское, переводное же (Björkö): крѣпость Орѣшекъ извѣстна была у Финновъ подъ именемъ Pähkinä-linna, у Шведовъ—Nöteborg (ф. pähkinä, шв. nöt = орѣхъ). Такимъ образомъ г. Иловайскій, отвергая весьма обыкновенный фактъ двоякаго названія одной и той же мѣстности однозначащими именами на различныхъ языкахъ, въ замѣнъ того предлагаетъ не встрѣчающееся въ области географіи явленіе, по которому мѣсто носило бы на двухъ нарѣчіяхъ одного и того же языка (славянскаго въ данномъ случаѣ) названія, не имѣющія между собою ничего общаго.

Послѣ этого отступленія, вызваннаго древнимъ названіемъ одного изъ днѣпровскихъ пороговъ, возвратимся къ нынѣшнему слову *аистъ*. Есть ли какая-нибудь этимологическая связь между нимъ и нижнегерманскимъ именемъ, случайно ли только созвучіе

---

[1] Только мимоходомъ упомяну о такомъ же взглядѣ г. Юргевича, который съ большими натяжками объясняетъ *росскія* названія пороговъ заимствованіями изъ «венгерскаго» (мадьярскаго) языка, и напр. въ имени Айфаръ видитъ венгерское Héja-var = за́мокъ коршуновъ (*Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.*, т. VI, стр. 63).

перваго слога въ томъ и въ другомъ, на этотъ вопросъ трудно отвѣчать положительно. Польская форма hajstra, южно-русская *гайстеръ* представляютъ еще и въ послѣднемъ слогѣ точку сближенія: только среднія согласныя не сходятся съ согласными b и f въ формахъ нижнегерманскихъ. Но судя по тому, что слово *аистъ* довольно распространено съ одной стороны въ югозападныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а съ другой въ Сибири, невольно склоняешся къ предположенію, не кроется ли въ немъ восточное начало. Такимъ образомъ происхожденіе слова *аистъ* остается покуда неизвѣстнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Имени *черноxвостъ* въ значеніи птицы у Даля нѣтъ, но за то мы находимъ у него равнозначащее слову аистъ *черногузъ*.

У Новогрековъ въ народномъ языкѣ λελέκι, въ литерат. ὁ λέλεκας (Kind, Handwb. d. neugr. Sprache). Hahn, Albanes. Studien, Jena 1854, стр. 246, говоритъ: «Den Storch nennen Neugriechen, Albaneser u. Pinduswlachen übereinstimmend λελέκ и λειλjέκ... Leake betrachtet dies Wort als ein von den Türken vorgefundenes angenommenes — wir glauben jedoch dies Wort irgendwo auch als arabisches angetroffen zu haben». Русское *леклекъ* (Акад. словарь) есть вѣроятно искаженіе новогреческаго слова, а оттуда конечно и приведенное выше *неклейка*, какъ дальнѣйшая передѣлка того же названія.

По словарю Даля, *колпикъ* — «чубатая птица изъ породы цапель, чапура, Platalia (бѣлая, носъ ложкою, перья идутъ на казачьи султаны)». У него же *теслоносъ* въ томъ же значеніи какъ колпикъ: по Линде *теслоносъ* = боцанъ (аистъ).

2) По наблюденіямъ г. Куника въ здѣшнемъ зоологическомъ саду, пеликанъ въ сидячемъ положеніи не очень похожъ на аиста, но какъ скоро пеликанъ распуститъ крылья, вытянутая шея его становится чрезвычайно длинна, а зобъ почти совсѣмъ скрывается.

3) Лейденскій профессоръ Кернъ, въ отвѣтъ А. А. Кунику, доставилъ ему подробную замѣтку о голландскомъ словѣ, изъ котораго взято *ἀειφάρ*. Сообщаю изъ нея существенное: «Самая распространенная и господствующая въ письменномъ языкѣ форма слова есть *ojevaar* (по неправильнымъ начертаніямъ ooievaar, ooijevaar), произн. *ó-jĕvàar*[1], съ сильнымъ удареніемъ на первомъ слогѣ и второстепеннымъ на послѣднемъ: ĕ совершенно слабо. Областныя формы суть *eiber*, *uiver* (читай euver по верхненѣм. орѳогр.), *uver* (чит. üver), ojevaard. Въ поэзіи употребительно *adebar*.

Если сравнить др. верхненѣм. *odeboro* (Haupt, Zeitsch. V, 325—360); *udebero* (у Граффа), *otivaro* и новоалеман. *ötdîfer* (Weinhold, Alem. Gr. 137), то легко замѣтить необъяснимое, но несомнѣнное колебаніе въ 3-мъ и 1-мъ слогѣ. Гласная во 2-мъ слогѣ остается безъ измѣненія; это было i, и оттого перегласовка въ 1-мъ слогѣ за исключеніемъ *ojevaar*, такъ какъ нидерланд. яз. вообще мало развилъ это явленіе.

Этимологія слова, по мнѣнію лейденскаго лингвиста, совершенно темная. Догадка Гримма объ *adebär* ничѣмъ не оправдывается.

Когда эти примѣчанія уже были набраны, А. А. Куникъ передалъ мнѣ только что полученную имъ изъ Лейдена брошюру проф. Фриса (De Vries) подъ заглавіемъ Ἀειφάρ. Авторъ этого изслѣдованія, перепечатаннаго изъ трудовъ амстерд. академіи наукъ, отвергаетъ производство разсматриваемаго названія отъ голландскаго слова и высказываетъ слѣдующія три возраженія: 1) Пеликанъ и аистъ слишкомъ несходны между собою, — пеликана представляютъ себѣ болѣе какъ *гуся*. Въ πελαργός и πελεκάνος смѣшаны только два слова, одинаково начинающіеся. — Но и дру-

[1] При чемъ надобно знать, что v въ голл. = почти ф. Конечно профессоръ Кернъ хочетъ означить только настоящій звукъ o. Г. Куникъ, доискиваясь діалектическихъ формъ, разспрашивалъ по крайней мѣрѣ шестерыхъ голландцевъ, и всѣ они произносили ujefar. Одинъ бельгіецъ изъ Flandre orientale (Blome) утверждалъ, что на его родинѣ говорятъ ojefar, а г. Pinot изъ Французской Фландріи, знавшій голландское названіе, увѣрялъ, что тамъ выговариваютъ ugefar, а не ujefar. Онъ говорилъ «le flamand, c'est ma langue».

гіе столь же древніе народы называютъ то гуся, то аиста, то пеликана именами, происшедшими изъ одного корня. См. между прочимъ соч. Дифенбаха: Origines europaeae. Frankf. 1861, стр. 347: литов. gandras, gandrys (аистъ), ganta (гусь, у Плинія), англ. gander (гусь, самецъ) и проч. 2) Въ Скандинавіи нѣтъ слѣда нижнегерманскаго названія. — Но это ничего не доказываетъ, потому что слово то, заимствованное мореплавателями, только имъ и могло быть извѣстно. 3) Какъ могло въ словѣ adebar *b* перейти такъ рано въ *f*? — Но надо имѣть въ виду, что и происхожденіе германскаго adebar весьма сомнительно. На стр. 13 г. Фрисъ предполагаетъ древне-сканд. dŷfar отъ dîfar, ссылаясь на англосакс. duiker (пеликанъ), анг. diver (нырокъ). Авторъ позволяетъ себѣ догадку, что писецъ, встрѣтивъ въ подлинникѣ ΔΕΙΦΑΡ, прочелъ ἈΕΙΦΑΡ; но чтобы допустить это, надо бы прежде доказать, что подлинникъ былъ писанъ уставомъ.

4) Уже и Шишковъ въ *Спискѣ кораблей* (ч. I, Спб. 1799, стр. 14) между разными голландскими названіями приводитъ и *Айфаръ*. Такъ какъ голландское названіе, если не съ самаго 9-го столѣтія, то все-таки уже много вѣковъ начинается съ O, то неизлишне будетъ опредѣлить съ возможною точностью петровскую форму слова. *Ойфаръ* встрѣчается два раза. Въ *Исторіи русскаго флота*, соч. Елагина (Прилож. ч. II, Спб. 1864, стр. 173) мы находимъ подъ № 319 «Списокъ судовъ азовскаго флота». Этотъ списокъ содержитъ только имена кораблей, строившихся отъ 1698 до 1704 г.; слѣдовательно онъ составленъ вѣроятно въ 1705 г. Тамъ же (стр. 174) подъ № 320 — «Списокъ судовъ азовскаго флота съ присвоенными имъ девизами». Здѣсь не означены годы, имена перваго списка почти всѣ повторяются и здѣсь, а между ними и нѣсколько новыхъ, такъ что этотъ списокъ очевидно составленъ немного позднѣе. Въ обоихъ читаемъ *Ойфаръ*.

Айфаръ встрѣчается только подъ № 150 (стр. 51): «Статьи данныя адмиралтейцу Апраксину на Воронежѣ, 1705 года».

Это приказъ, данный Петромъ Великимъ, но подлинникъ не сохранился. По разнымъ спискамъ онъ лучше всего возстано-

вленъ у Елагина, стр. 52. Такъ какъ и князь М. Щербатовъ (Тетрати записныя. Пб. 1777, стр. 3) и Шишковъ въ своихъ спискахъ съ этого документа нашли *Аифаръ*, то надо полагать, что и Петръ по московскому выговору писалъ *Аифаръ*. Вѣроятно, ему извѣстно было изъ святцевъ имя *Айфалъ*[1], которое также могло въ этомъ случаѣ подѣйствовать на его правописаніе. Если принять въ соображеніе всѣ различныя нижнегерманскія формы слова, то придется заключить, что оно первоначально начиналось съ *а*, а не съ *о*; *д* могло очень легко выпасть и у Шведовъ, какъ оно и теперь выпадаетъ у нихъ во многихъ словахъ (А. Куникъ).

---

[1] Айфалъ, бояринъ новгородскій 1398 года. Ист. Карамз. V, 94, 105, прим. 171, 194. (М. Морошкина *Славянскій Именословъ*).

О СЛОВѢ „ШПИЛЬМАНЪ" ВЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

Въ ноябрѣ 1875 г., доцентъ Фогтъ читалъ въ Грейфсвальдскомъ ученомъ обществѣ интересное сообщеніе о нѣмецкихъ *шпильманахъ* (потѣшникахъ), которое въ слѣдующемъ году напечатано отдѣльно въ Галле (Leben und Dichten der deutschen Spielleute im Mittelalter. Vortrag von Dr. Friedrich Vogt. Halle. 1876.—8°, 25 стр. текста и 4 стр. примѣчаній). Предметъ этой брошюры не чуждъ и для насъ, такъ какъ *шпильманы* заходили и на Русь, и названіе ихъ не разъ встрѣчается въ нашей древней письменности. Въ Кормчей 1284 г. говорится между прочимъ «о шпильманѣхъ и о глумцѣхъ» — «Нѣмецкое слово *шпильманъ* дошло къ Славянамъ, можетъ быть, еще въ X или XI вѣкѣ съ приходившими отъ Нѣмцевъ скоморохами»; такъ замѣчаетъ Востоковъ въ своемъ словарѣ, приводя еще слѣдующія выраженія: изъ Прол. XV в. апр. 17: «в тои͡ж днь страсть стго мченика Ардалеона ш'пил'мана игреца», и изъ Златостр. XVI в.: «аще бо быша шпил'мани і͡нніи игреци вѣдѣли свое ремество бес прибытка». Названіе *шпильманъ* для насъ тѣмъ любопытнѣе, что можетъ-быть оно оставило за собою слѣдъ въ языкѣ, въ сокращенной народной формѣ *шпынь*; слово это часто является въ нашей литературѣ прошлаго вѣка и еще въ началѣ нынѣшняго, въ смыслѣ *балагуръ*, *насмѣшникъ*; оно дало отъ себя производныя: *шпынство*, *шпынять*. Академическій словарь подъ словомъ *шпынь* приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного документа 1636 года о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ: «во время же святаго пѣнія ходятъ по церквамъ *шпыни*, съ безстрашіемъ, человѣкъ по десятку и болши, и отъ нихъ въ церквахъ великая смута и мятежъ» (*Акты Археогр. эксп.* III, 402); при чемъ разсматриваемое названіе объяснено словами:

шутъ, балагуръ. Такъ переводитъ славянскій словарь Алексѣева и самое слово *шпилманъ*, прибавляя изъ Кормчей еще и глаголъ *шпилманити*. Академія же, а за нею Даль, дополняютъ примѣры на слово *шпынь* пословицею: «Шутъ не шутъ, а хорошій *шпынь*». Даль сближаетъ это имя съ словомъ *шпень* (шпенекъ), *шпинь*, но едва ли справедливо, такъ какъ послѣднее, очевидно, само въ родствѣ съ латинскими spina (нѣчто острое, шип) и по своему значенію слишкомъ далеко отъ первоначальнаго понятія, связаннаго съ названіемъ *шпынь* (=шутникъ, балагуръ). Что это слово вѣрнѣе производить отъ *шпильманъ*, можно заключить изъ попадающагося въ нашей письменности древняго сокращенія нѣмецкаго термина въ *шпиль*: оно приведено Миклошичемъ въ словарѣ его, съ объясненіемъ: histrio, въ выраженіи **«ласкавьци, шьпилкве праздьнословьци»**, гдѣ второе названіе не что иное, какъ урѣзанное *шпильманъ*. Приспособляясь къ русской фонетикѣ, *шпиль* легко могло обратиться въ *шпынь*: даже въ коренныхъ русскихъ словахъ *и* нерѣдко переходитъ въ *ы*, а *л* и *н* могутъ замѣнять другъ друга (ср. для примѣра скрыпка вм. скрипка и маненько вм. маленько)[1].

Замѣчательно, что въ русскомъ, какъ и вообще въ славянскихъ языкахъ, недостаетъ своихъ словъ для означенія людей, которыхъ ремесло — потѣшать другихъ; въ Св. Писаніи употреблено слово *смѣхотворство* (Ефес. 5, 4), составленное отъ *смѣхотворъ*; въ древней письменности встрѣчается еще: *глумецъ*, *игрецъ*, *лицедѣй*, но все это искуственно составленныя слова; гораздо болѣе распространены въ языкѣ названія иностраннаго происхожденія: *шпынь*, *скоморохъ*, *скомрахъ* (отъ гот. scamari, ср. сканд. skämta, шутить), *балагуръ* (восточное или западное? ср. точить балы), *гаеръ* (нѣм. Geiger), паяцъ (фр. paillasse), наконецъ *фокусникъ*, *штукарь*. Слово *шутъ*—повидимому наше собственное, но такъ какъ оно не встрѣчается въ другихъ славянскихъ языкахъ, то вѣроятно перешло къ намъ отъ какого ни-

---

[1] *Филолог. Разысканія*, II, 327, 328.

будь сосѣдняго народа. Рейфъ считаетъ его персидскимъ (choukt), но нельзя не имѣть въ виду и готскаго гл. suthjan забавлять.

Но что такое были собственно нѣмецкіе *шпильманы*? Это объясняетъ намъ брошюра г. Фогта. Шпильманы составляли въ средніе вѣка обширный классъ бездомныхъ людей, которые, странствуя, забавляли народъ всякими потѣшными искуствами и жили добровольными подаяніями за свои труды. Къ числу ихъ принадлежали плясуны, силачи, бойцы, вожаки медвѣдей, музыканты и наконецъ пѣвцы. Еще у древнихъ Римлянъ потѣшники всякаго рода сливались въ одно сословіе, joculatores или joculares, переродившееся у Французовъ въ jongleurs, а у Нѣмцевъ въ Spielleute (Spil первоначально означало забаву вообще). Сюда вошли мало по малу и національные пѣвцы, которые нѣкогда, до введенія христіанства, занимали почетное мѣсто въ обществѣ, а потомъ, подвергнувшись гоненію церкви, потеряли свое значеніе. Не прежде 12-го вѣка, когда вслѣдствіе крестовыхъ походовъ свѣтское направленіе сдѣлалось господствующимъ въ литературѣ, образованные между шпильманами пріобрѣли болѣе выдающееся положеніе и снова стали играть нѣкоторую роль въ домахъ знатныхъ и при дворахъ. Имъ поручали напр. обученіе дѣтей музыкѣ; къ разряду ихъ принадлежали и стихотворцы, снискивавшіе себѣ пропитаніе своимъ искусствомъ. Они въ пѣсняхъ своихъ брали сторону того, кто имъ платилъ, противъ его соперника, восхваляли заслуги или подвиги, распространяли добрую или дурную славу. Самымъ обыкновеннымъ способомъ вознагражденія ихъ служили подарки платьемъ; лучшіе принимали только новую одежду, другіе довольствовались и поношенною. Были у нихъ также пѣсни то нравоучительнаго, то эпическаго содержанія; особенно цѣнились небольшіе, часто комическіе разсказы въ стихахъ, въ родѣ французскихъ fabliaux, пущенныхъ въ ходъ жонглерами, которые значительную часть ихъ почерпали изъ неистощимаго запаса восточныхъ и греческихъ сказаній. Высшею цѣлью стремленій шпильмановъ былъ конечно почетный пріемъ въ кругу вельможъ или у владѣтельныхъ особъ,

гдѣ они играли роль въ торжественныхъ случаяхъ и украшали пиръ своимъ пѣніемъ или игрою на струнахъ. Отъ названія тѣхъ изъ нихъ, которыхъ инструментомъ была скрыпка (Geige), могло произойти существующее у насъ до сихъ поръ, хотя съ другимъ оттѣнкомъ смысла, слово *гаеръ*[1]. Наконецъ, шпильманы могли служить посредниками для любовныхъ сношеній рыцарей съ ихъ возлюбленными, нерѣдко встрѣчавшихъ неодолимыя препятствія.

Во время крестовыхъ походовъ шпильманы, въ качествѣ музыкантовъ или вообще потѣшниковъ, сопровождали армію въ святую землю, и возвратившись, разсказывали по пути чудеса, которыя тамъ видѣли или слыхали; до насъ дошли нѣкоторые изъ такихъ разсказовъ въ стихотворной формѣ, представляющихъ пеструю смѣсь христіанской легенды, народныхъ сказаній и вымысловъ самого поэта съ цвѣтистыми картинами Востока; самымъ характеристическимъ изъ этихъ произведеній фантазіи шпильмановъ является одинъ варіантъ извѣстной повѣсти о Соломонѣ и Морольтѣ. Рядомъ съ избранною категоріей шпильмановъ, которые имѣли доступъ къ знатнымъ, стояла масса менѣе счастливыхъ служителей искуства, жившихъ такъ-сказать на большой дорогѣ, принужденныхъ искать себѣ въ городахъ и селахъ публики болѣе благодарной, нежели щедрой. Завися отъ добровольной благостыни своихъ зрителей и слушателей, классъ шпильмановъ вообще не пользовался уваженіемъ: это видно между прочимъ изъ относившихся къ нимъ предписаній закона; такъ напр. за ними не признавалось право наслѣдства внѣ ихъ сословія, т. е. шпильманъ могъ наслѣдовать отцу только въ томъ случаѣ, если послѣдній уже принадлежалъ и самъ къ этому званію. Само собой разумѣется однакожъ, что тѣ изъ шпильмановъ, которые выдвигались впередъ своимъ талантомъ и были вхожи въ дома знатныхъ, стояли въ общемъ мнѣніи выше и, благодаря своимъ покровителямъ, пользовались разными преимуществами.

---

[1] Надо помнить, что слово Geiger (скрыпачъ) въ устахъ большей части коренныхъ Нѣмцевъ звучитъ какъ Gaiger.

ОБЪ ЭЛЕМЕНТАРНОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА[1].

Преподаваніе родного языка составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ педагогики. По другимъ отраслямъ знанія преподаватель имѣетъ въ рукахъ своихъ матеріалъ готовый, очерченный опредѣленными границами; вопросъ только въ томъ, какъ лучше передать этотъ матеріалъ. Напротивъ, въ отношеніи къ родному языку надобно напередъ опредѣлить, что́ именно должно быть предметомъ преподаванія — только ли умѣніе владѣть языкомъ, или и знаніе его законовъ, сверхъ того — въ какой мѣрѣ нужно сообщить это знаніе, или наконецъ — не лучше ли употребить отечественный языкъ только какъ орудіе для развитія умственныхъ способностей, для передачи множества полезныхъ свѣдѣній разнаго рода. Оттого-то обученіе родному языку оставляетъ преподавателю болѣе произвола нежели всякая другая отрасль знаній и требуетъ отъ него соединенія весьма многихъ условій.

Неудивительно, что въ странахъ, опередившихся наше отечество на поприщѣ образованія и въ области педагогики, вопросъ объ этомъ предметѣ давно возбуждаетъ жаркіе споры. Особенно въ Германіи онъ вызвалъ цѣлую, очень обширную вѣтвь педагогической литературы. Хотя, несмотря на то, и тамъ дѣло еще до сихъ поръ не рѣшено общимъ соглашеніемъ, однакожъ все-таки въ Германіи составилось уже мнѣніе, которому слѣдуетъ большинство преподавателей.

---

[1] Эта статья, писанная въ 1855 г., печатается здѣсь съ сокращеніями.

Принятыя ими основанія проникли и къ намъ, какъ видно изъ нѣсколькихъ учебниковъ русскаго языка, изданныхъ у насъ въ послѣднее десятилѣтіе; даже и изъ старыхъ руководствъ нѣкоторыя были отчасти передѣланы по новому взгляду. Этимъ успѣхомъ мы много обязаны книгѣ г. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка», напечатанной въ 1844 году. Точка зрѣнія его видна изъ слѣдующихъ строкъ предисловія: «Въ дѣлѣ общемъ и общественномъ, каково есть обученіе юношества, оригинальнымъ быть не слѣдуетъ: потому моя цѣль единственно та, чтобы показать современное воззрѣніе на предметъ». Конечно, хорошо всякое дѣло вести самостоятельно, примѣняясь къ потребностямъ своего отечества; однакожъ для рѣшенія вопроса, равно относящагося ко всѣмъ образованнымъ народамъ, нельзя же не принять въ соображеніе того, что было передумано и высказано о немъ прежде у просвѣщеннѣйшихъ націй. Руководствуясь, вмѣстѣ съ тѣмъ собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ, разсмотримъ: 1) можно ли дѣтей учить языку безъ грамматическихъ объясненій; 2) если нельзя, то должно ли грамматику преподавать систематически, какъ самостоятельный предметъ ученія, или только въ приложеніи къ практикѣ, и 3) въ грамматическомъ преподаваніи языка съ чего начинать: съ предложенія или съ отдѣльныхъ словъ?

Многимъ кажется, что можно и даже должно дѣтей учить языку вовсе безъ грамматики. Этотъ взглядъ имѣетъ на своей сторонѣ сильный авторитетъ Якова Гримма. Г. Буслаевъ въ своей книгѣ (ч. I, стр. 84) привелъ цѣликомъ мнѣніе знаменитаго филолога, высказанное имъ въ предисловіи къ первому изданію (1818) Deutsche Grammatik. Это мнѣніе навлекло на Гримма строгую критику, и онъ въ предисловіи ко второму изданію своей грамматики (1822) такъ оговорился: «Я выразилъ живое сожалѣніе объ искаженіи нѣмецкой грамматики въ нашихъ школахъ, о негодности книгъ, которыя полагаются въ основаніе уроковъ. Если повидимому я въ нѣкоторыхъ положеніяхъ своихъ пошелъ слишкомъ далеко (хотя я нападалъ на безсмысленное первона-

чальное преподаваніе и вовсе не осуждалъ разумнаго употребленія грамматики въ высшихъ классахъ), то надѣюсь, что меня освободятъ отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, и совѣтую благомыслящимъ педагогамъ посмотрѣть, какъ поступаютъ въ преподаваніи отечественнаго языка другія родственныя намъ націи, часто превосходящія насъ практическимъ смысломъ, — Англичане, Голландцы, Датчане и Шведы». Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что Англичане, почти не имѣющіе грамматики, находятся по этому предмету въ исключительномъ положеніи. Изъ остальныхъ, названныхъ Гриммомъ народовъ, мы всего ближе знакомы со Шведами: у нихъ прежде дѣйствительно не учили родному языку, но въ послѣднія десятилѣтія это признано важнымъ недостаткомъ народнаго воспитанія, и шведскій языкъ стали вводить въ кругъ обученія юношества. Вообще германскіе народы на материкѣ принимаютъ Нѣмцевъ за образецъ въ педагогикѣ и готовы заимствовать у нихъ всякое нововведеніе въ этой области.

Изъ приведенныхъ словъ Гримма видно, что онъ вооружался не столько противъ самаго преподаванія грамматики, сколько противъ превратной въ этомъ дѣлѣ методы. Это становится еще яснѣе изъ замѣчанія, которымъ кончалось его прежнее мнѣніе: «Такъ какъ нѣтъ грамматики отечественнаго языка для школъ и домашняго употребленія, нѣтъ легкаго извлеченія простѣйшихъ и потому именно удивительнѣйшихъ элементовъ, изъ коихъ каждый доходитъ до теперешняго своего вида отъ незапамятной древности: то обученіе грамматикѣ можетъ быть только строго-ученое»[1]. (1).

Разумѣется, самое первоначальное обученіе должно быть чисто-практическое: ребенку необходимо прежде всего пріобрѣсти навыкъ въ чтеніи и письмѣ, т. е. списываніи; первое руководство со стороны учителя ограничивается поименованіемъ буквъ и указаніемъ ихъ произношенія. Однакожъ — замѣтимъ — самое

---

[1] О препод. отеч. языка, I, 86.

разложеніе словъ на отдѣльные звуки и изображеніе этихъ звуковъ видимыми знаками есть уже первый шагъ къ анализу языка. Дитя, открывъ, что одинъ и тотъ же звукъ, напр. і, означается различными способами, захочетъ узнать причину этой странности, а какъ удовлетворите вы его, не объяснивъ различія буквъ гласныхъ и согласныхъ? Съ этимъ вы уже прямо вступите въ область грамматики. Избѣгать ея долго, при послѣдующихъ успѣхахъ учащагося, можно бы развѣ только насильственно, заглушивъ въ немъ всякое движеніе мысли. При упражненіяхъ въ письмѣ подъ диктовку, ребенокъ, ошибаясь и слыша ваши поправки, будетъ спрашивать: отчего? зачѣмъ? Тогда вамъ будетъ предстоять одно изъ двухъ: или придумывать такія объясненія, которыя, не превышая дѣтскихъ понятій, служили бы ученику руководствомъ въ дальнѣйшихъ его упражненіяхъ, или на всѣ вопросы любознательности отвѣчать диктаторски: такъ должно, такъ принято! Хотя бы ребенокъ былъ одаренъ необыкновенною памятью для нагляднаго ученія, однакожъ, при послѣднемъ способѣ, его успѣхи были бы, во-первыхъ, чисто-механическіе, безплодные для умственнаго развитія; во-вторыхъ, чрезвычайно неполные, потому что во многихъ случаяхъ онъ безъ правилъ все-таки не научился бы давать словамъ падлежащую форму. Сверхъ того вы рисковали бы пріучить его дѣйствовать безсознательно, не давать себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ. Трудность обойтись безъ грамматики еще увеличится, когда для учащагося придетъ пора писать что-нибудь отъ себя. При свободномъ употребленіи слова на письмѣ онъ будетъ безпрестанно нуждаться въ наставленіяхъ, въ руководствѣ, а безъ нихъ будетъ ходить ощупью.

Вотъ мысли, извлекаемыя изъ опыта; теперь взглянемъ на предметъ со стороны умозрѣнія. Если въ каждомъ дѣлѣ, даже механическомъ, для успѣшнаго производства нужны правила и указанія, то какъ обойтись безъ нихъ, въ возрастѣ пробужденія умстненныхъ силъ, при употребленіи языка, орудія мысли? Положимъ, что вы хотѣли бы выучить ребенка какому-нибудь

механическому искуству, наприм. искуству клеить разные вещицы изъ картона. Вы бы конечно не удовольствовались показаніемъ ему формъ, которыя онъ долженъ производить, но познакомили бы его также съ разными пріемами и съ нѣкоторыми математическими фигурами; вы требовали бы отъ ученика своего, чтобъ онъ работалъ аккуратно, не дѣлалъ напр. острыхъ угловъ вмѣсто прямыхъ; чтобъ онъ умѣлъ вамъ сказать, зачѣмъ сдѣлалъ такъ, а не иначе. Очевидно, что безъ такой отчетности не можетъ быть ничего путнаго въ трудѣ человѣка. Короче, практика, чтобъ быть хорошею, должна быть прежде всего разумною, или другими стовами, ни въ чемъ хорошая практика не возможна безъ нѣкоторой теоріи, безъ руководящей мысли.

Напрасно многихъ пугаетъ слово «теорія»: оно сдѣлалось страшнымъ отъ злоупотребленія, но въ сущности нѣтъ никакого человѣческаго дѣла безъ правилъ, которыя можно извлечь изъ него, безъ законовъ, на которыхъ оно основывается. Безъ теоріи поваръ не состряпаетъ ни одного соуса, портной не сдѣлаетъ ни одного шва. Какъ же можно въ такомъ предметѣ, который служитъ только оболочкою мысли — въ языкѣ — отвергать необходимость ея присутствія и руководства для употребленія его? Можно ли отлагать ея помощь до будущаго, отдаленнаго времени, когда эта помощь должна облегчать каждый шагъ?

Языкъ и мысль — одно; законы языка — плодъ здраваго человѣческаго смысла, а не глубокихъ ученыхъ соображеній или выдумокъ. Этимъ орудіемъ человѣкъ начинаетъ владѣть, едва только пробудятся его умственныя силы; необразованный крестьянинъ пользуется имъ наравнѣ съ утонченнымъ горожаниномъ. Дитя усвоиваетъ себѣ языкъ не механически: прислушиваясь къ рѣчи другихъ, пріобрѣтая запасъ словъ, оно ими распоряжается самостоятельно, измѣняетъ ихъ окончанія смотря по надобности, и хотя не во всѣхъ случаяхъ даетъ имъ надлежащую форму, но вообще обнаруживаетъ въ этомъ удивительное чутье и пониманіе, да и въ самыхъ ошибкахъ своихъ выказываетъ постоянное стремленіе къ правильности, къ соблюденію

неизмѣнныхъ началъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? что логика, а съ нею и грамматика отвѣчаютъ прирожденной потребности человѣка. Начиная говорить, дитя безсознательно осуществляетъ тайные, кроющіеся въ умѣ его, но въ каждый мигъ рѣчи присущіе ему законы языка. Остается только привести эти законы въ сознаніе, назвать каждое понятіе настоящимъ его именемъ. Уровень дѣтскаго разумѣнія совсѣмъ не такъ низокъ, какъ часто полагаютъ. Ребенокъ можетъ понять весьма многое, если только оно будетъ предложено ему въ доступной формѣ и съ его точки зрѣнія. Конечно, каждый педагогъ въ своей дѣятельности встрѣчалъ случаи, когда дѣти поражали его своею понятливостью и заставляли усомниться, всякій ли взрослый на ихъ мѣстѣ показалъ бы столько разумѣнія. Какъ же ребенку лѣтъ 9 или 10 не понять основныхъ требованій ума, выражающихся въ формахъ родного слова? Такимъ образомъ грамматическія объясненія, до нѣкоторой степени, являются уже рано неразлучными спутниками практическаго обученія языку. (2).

Но въ какой именно мѣрѣ и какъ должно преподавать грамматику дѣтямъ? Если подъ нею разумѣть составленный по образцу латинской грамматики учебникъ съ мудреными опредѣленіями, съ тонкимъ дробленіемъ понятій, съ таблицами склоненій и спряженій, съ исчисленіемъ всякихъ мелочныхъ правилъ и всѣхъ исключеній изъ нихъ, то мы рѣшительно говоримъ: лучше обойтись безъ всякой грамматики при первоначальномъ обученіи языку. Мы считаемъ на первый случай достаточнымъ объяснить ученику одни самыя крупныя, въ глаза бросающіяся явленія языка. Назовите это грамматикой или приготовленіемъ къ ней, или какъ угодно иначе: намъ кажется это необходимымъ основаніемъ сознательнаго ученія родного слова. Но и такая грамматика, по нашему мнѣнію, должна быть преподаваема не сама по себѣ, т. е. не независимо отъ практики, а въ непрерывной связи съ разборомъ примѣровъ и съ упражненіями. Однакожъ—чтобы понятія вытекали одно изъ другого и чтобъ можно было переходить отъ легкаго къ болѣе трудному, нужна

же какая-нибудь послѣдовательность. Для достиженія ея пусть учитель начнетъ съ составленія небольшого курса примѣровъ, изъ которыхъ можно бъ было извлечь въ послѣдовательномъ порядкѣ самыя существенныя основанія теоріи языка: природный тактъ и опытность разумнаго преподавателя лучше всего укажутъ ему, изъ чего должны составиться эти основанія, какъ далеко надобно итти въ объясненіяхъ и какъ упростить каждое толкованіе.

Начинать ли объясненіе теоріи языка съ отдѣльныхъ словъ,— съ частей рѣчи, какъ дѣлалось прежде, или съ состава предложенія, какъ по большей части поступаютъ нынче, согласно съ любимой методой новѣйшихъ германскихъ педагоговъ? Признаемся, при всемъ желаніи слѣдовать за успѣхами времени, мы до сихъ поръ не могли убѣдиться въ преимуществѣ послѣдняго способа, который гораздо отвлеченнѣе, сложнѣе перваго и требуетъ бо́льшаго умственнаго развитія. Конечно, съ даровитымъ ученикомъ можно безъ затрудненія начать и предложеніемъ; но ребенку обыкновенному трудно растолковать даже, что́ такое предложеніе: какъ же объяснить ему, что́ значитъ опредѣленіе, дополненіе и особливо обстоятельство? Все это—философія рѣчи, самыя отвлеченныя понятія, требующія особеннаго углубленія мысли въ отношенія словъ, тогда какъ чисто-грамматическія объясненія, опираясь отчасти на форму словъ, на ихъ внѣшніе признаки и примѣты, гораздо доступнѣе уму дитяти. Ясно какъ день, что грамматика, или точнѣе, такъ называемыя этимологія, относится къ ученію о предложеніи какъ низшее къ высшему, какъ простое къ сложному. Извѣстный германскій педагогъ Дистервегъ, стараясь подкрѣпить мысль, что въ теоріи языка надобно начинать съ предложенія, доказываетъ, что оно есть не общее что-нибудь, не отвлеченное, а *конкретное*, хотя имѣющее свои части или члены и потому допускающее расложеніе[1]. Кажется, гораздо легче было бы дойти до истины, противопоставивъ не

---

[1] Wegweiser. I, 483.

конкретное отвлеченному, а простое сложному: каждое слово, отдѣльно взятое, также конкретно, но оно передъ предложеніемъ имѣетъ еще преимущество простоты (3). Начиная говорить, ребенокъ сперва произноситъ только первый слогъ каждаго слова, потомъ цѣлыя, но отдѣльныя слова — и медленно, съ большою постепенностью, переходитъ къ фразамъ; принимаясь учить его читать и писать, мы также поневолѣ знакомимъ его прежде съ отдѣльными буквами, потомъ со складами, далѣе съ цѣлыми словами и напослѣдокъ уже переходимъ къ фразамъ. Почему же не слѣдовать этому естественному порядку и въ объясненія законовъ языка? Развѣ разсмотрѣніе отдѣльныхъ словъ помѣшаетъ позднѣе занимать ученика предложеніями?

Намъ кажется, что новая метода, начинающая ученіе грамматики съ предложенія, произошла отъ превратнаго пониманія дѣтской природы. Чувствовали надобность въ измѣненіи старой методы; но вмѣсто того, чтобы упростить грамматику, дали ей обратный ходъ, и навязали уму дитяти то, что составляетъ потребность зрѣлаго мышленія. Какъ водится, Русскіе въ этомъ случаѣ увлеклись примѣромъ Нѣмцевъ. Теперь начинаютъ у насъ смотрѣть на дѣло иначе: мы знаемъ нѣсколькихъ опытныхъ педагоговъ, которые уже не считаютъ удобнымъ приступать къ грамматикѣ съ предложенія; нѣкоторые изъ нихъ откровенно сознавались намъ, что пока они слѣдовали этому порядку, ученики ихъ очень мало успѣвали. Но большею частію учебники русскаго языка, появившіеся у насъ въ послѣднія десятилѣтія, составлены на нѣмецкій образецъ—одними по убѣжденію или на вѣру, а другими потому, что они считали себя вынужденными сдѣлать уступку современности. При всемъ томъ эти учебники могутъ значительно облегчить задачу преподаванія, если только умѣть ими пользоваться. Въ нихъ то́ особенно хорошо, что правила извлекаются изъ предшествующихъ примѣровъ. Однимъ только грѣшатъ нѣкоторые изъ составителей: какъ бы наученные горькимъ опытомъ, они предполагаютъ въ ученикахъ баснословную тупость: распространяютъ на пяти страницахъ то, что можно бы растол-

ковать на одной, истощаются въ повтореніяхъ и до безконечности плодятъ примѣры тамъ, гдѣ для уразумѣнія дѣла довольно было бы двухъ или трехъ. Это — настоящее испытаніе для терпѣнія ученика; онъ утомляется, скучаетъ, и на грамматику употребляется гораздо болѣе времени, нежели на сколько она въ сущности должна бы имѣть право.

Главнымъ распространителемъ этой методы надобно признать Вурста, котораго «Praktische Sprachdenklehre» въ теченіе 20-ти лѣтъ была издаваема 60 разъ; по образцу ея составлены и нѣкоторые изъ нашихъ новѣйшихъ учебниковъ. Вурстъ принялъ въ основаніе идеи Беккера объ организмѣ языка, хотѣлъ ввести ихъ въ кругъ школьнаго преподаванія и построилъ систему, которую онъ назначалъ для дѣтей отъ 7-ми до 14-тилѣтняго возраста. Знаменитое въ свое время сочиненіе Беккера *Организмъ языка* составило эпоху въ исторіи языкоученія. Прежде на языкъ смотрѣли какъ на что-то намѣренно и сознательно изобрѣтенное человѣкомъ; Беккеръ (хотя и неосновательно) представлялъ себѣ языкъ какъ органическое цѣлое, необходимо проистекшее изъ самой природы мыслящаго духа человѣческаго въ силу кроющагося въ немъ закона творчества. Отсюда мысль начинать объясненіе языка съ предложенія, какъ органическаго цѣлаго, — мысль остроумная, но не вытекающая прямо изъ основного положенія Беккера и въ примѣненіи неудобная. Что касается грамматики Вурста, построенной на началахъ Беккерова ученія, то изъ предыдущаго уже видно, въ чемъ заключаются недостатки этого руководства: по своему искуственному расположенію оно слишкомъ мудрено, а по принятой авторомъ методѣ оно убійственно-скучно для живого ребенка, преслѣдуя его на каждомъ шагу ненужными объясненіями и примѣрами, принуждая по образцу безсвязныхъ и бездушныхъ предложеній сочинять другія. Оттого эта книжка была въ самой Германіи осуждаема многими, которые особенно не признавали ея годною для начинающихъ (4).

Противники грамматики безусловно отвергаютъ упражненіе

учениковъ въ склоненіи и спряженіи словъ родного языка. «Это, говорятъ они, совершенно излишне, потому что всякій Русскій съ дѣтства уже по слуху знаетъ, какія окончанія давать словамъ». Конечно, подобныя упражненія не должны производиться на счетъ другихъ болѣе существенныхъ занятій. Но за злоупотребленіе вещи слѣдуетъ ли осуждать самую вещь? Упражненія въ склоненіи и спряженіи представляютъ ту полезную сторону, что пріучаютъ ребенка къ размышленію и вниманію. Притомъ нельзя утверждать, чтобъ дитя по инстинкту давало всѣмъ словамъ правильныя окончанія, особливо когда на этихъ окончаніяхъ нѣтъ ударенія. Такія упражненія бываютъ особенно полезны, когда дѣлаются на письмѣ: во-первыхъ, они знакомятъ со всѣми формами даннаго слова въ совокупности; во-вторыхъ, они ускоряютъ успѣхи въ правописаніи (5).

Хотя мы и указали на этимологію, какъ на область, въ предѣлахъ которой должны вращаться первоначальныя объясненія, однакожъ этимъ мы не налагаемъ на учителя обязанности съ педантическою строгостью оставаться въ предназначенной рамкѣ: напротивъ, думаемъ, что онъ долженъ свободно пользоваться всякимъ случаемъ для расширенія и уясненія понятій ребенка, а для того касаться иногда и управленія словъ и другихъ сторонъ языка, собственно относящихся уже къ синтаксису, — если разумѣніе ихъ доступно возрасту учащагося. Здѣсь дѣло совсѣмъ не въ строчномъ разграниченіи разныхъ частей теоріи языка, а въ томъ, чтобы предлагаемыя ученику объясненія были дѣйствительными объясненіями и не превышали степени его развитія.

Что касается несовершенства нашей грамматической терминологіи, на которое многіе жалуются, то мы не придаемъ ему особенной важности и находимъ, что всякій терминъ хорошъ, если только съ нимъ соединяется вполнѣ опредѣленное понятіе. Когда терминъ вамъ не нравится какъ нарицательное имя, смотрите на него какъ на имя собственное, и онъ будетъ выполнять свое назначеніе. Поэтому мы не видимъ надобности изгонять, наприм., даже названія *части рѣчи*, вмѣсто котораго стали гово-

рить: *разряды словъ* (Wortarten). Старый, хотя и дурной терминъ лучше новаго, неизвѣстнаго въ наукѣ. Нѣмцы не сознали этой истины: учебники ихъ испещрены новыми терминами, хотя и очень замысловатыми, но тѣмъ неудобными, что въ преподаваніи произошла отъ нихъ путаница. Другое дѣло — самая разработка теоріи родного слова: въ этомъ отношеніи наша грамматика конечно заставляетъ желать еще очень многаго; но такой преходящій недостатокъ нисколько не можетъ служить доводомъ противъ самой грамматики. Чѣмъ менѣе будутъ пренебрегать ею, тѣмъ болѣе можно ожидать для нея успѣховъ.

Мы показали, изъ чего долженъ образоваться первоначальный остовъ всего теорическаго ученія языка; этихъ начатковъ будетъ достаточно ребенку на долгое время. На послѣдующіе годы останется забота все далѣе развивать знаніе языка на основаніи практики. Въ начертаніи плана первоначальнаго преподаванія мы съ намѣреніемъ ограничились самыми общими указаніями: въ подробностяхъ и даже болѣе существенныхъ дополненіяхъ каждый преподаватель долженъ руководствоваться своимъ собственнымъ размышленіемъ. Жалокъ тотъ учитель, который не можетъ обойтись безъ готоваго руководства. Какъ бы хороша ни была метода, она должна видоизмѣняться какъ по способностямъ учениковъ, такъ и по личности самого преподавателя; но рѣдко ребенокъ бываетъ такъ обиженъ природою, чтобъ онъ не былъ въ состояніи понять самыхъ простыхъ законовъ рѣчи. Человѣкъ родится съ даромъ слова, и какъ скоро настанетъ пора ученія, онъ не можетъ стоять внѣ сферы понятій, ощутительно связанныхъ съ формами слова.

Изъ всего предыдущаго видно, что мы въ преподаваніи родного языка не хотѣли бы допустить никакой односторонности: мы не считаемъ достаточною одну практику, но не желаемъ и преобладанія теоріи; мы совѣтуемъ только въ основаніе сознательнаго изученія отечественнаго языка заблаговременно полагать знакомство съ существеннѣйшими началами этимологіи. Въ твердомъ знаніи родного языка мы видимъ не средство только,

но цѣль важную для всякаго образованнаго человѣка, вполнѣ понимающаго значеніе двухъ великихъ идей: отечество и слово. Заключимъ прекраснымъ замѣчаніемъ швейцарскаго мыслителя [1]: «Грамматическое преподаваніе, если оно заключается въ психологическомъ и простомъ объясненіи не *правилъ*, какъ всегда говорятъ, а *фактовъ* родного языка, составляетъ, вмѣстѣ съ преподаваніемъ закона Божія (эти двѣ отрасли ученія въ самомъ тѣсномъ родствѣ между собою), истинную основу *образованности* всякаго народа. Общество, которое не чувствуетъ своей религіи и не знаетъ своего языка, — находится внѣ условій настоящаго просвѣщенія».

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Нѣмецкій ученый Кэрнеръ въ изданной имъ Исторіи педагогики также говоритъ о господствующемъ у Нѣмцевъ разногласіи по этому предмету и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ шаткость своего собственнаго мнѣнія. «Преподаваніе нѣмецкаго языка, говоритъ онъ, составляетъ въ настоящее время крестъ нашихъ училищъ; оно закономъ введено въ ихъ учебный курсъ, а между тѣмъ никто хорошенько не знаетъ, что́ съ нимъ дѣлать. Грамматика или чтеніе — вотъ лозунгъ противоположныхъ партій. Нѣмецкой грамматикой долго занимались съ большимъ усердіемъ; потомъ возникли скромныя сомнѣнія въ ея пользѣ, а теперь хотятъ рѣшительно устранить ее. То, кажется, несомнѣнно, что собственнаго языка не изучаютъ грамматически, это противно природѣ» (противно природѣ было бы начать изученіемъ грамматики знакомство съ своимъ языкомъ, но почему, говоря на немъ, нельзя вникать въ его законы — это непонятно). «Дитя должно въ то время, какъ оно говоритъ, размышлять о своей рѣчи, безпрестанно повѣрять, наблюдать и поправлять само себя — это невоз-

[1] Vinet. Chrestomathie française pour la jeunesse et l'âge mûr. Lettre à mr. André Gindroz, p. XI.

можно» (кто же, не лишенный здраваго смысла, можетъ и требовать этого?). «Къ тому присоединяются гибельный хаосъ въ терминологіи, пошлость и пустота упражненій, незрѣлость самой грамматики, такъ какъ у насъ нѣтъ даже общепринятой ореографіи, и наконецъ тяжелыя отвлеченности. опредѣленій, которыми какъ пугалами преподаваніе начинается». (Все это доказываетъ только, что нѣмецкому языку учатъ *не такъ*, какъ слѣдуетъ, а не то, что его вовсе не слѣдуетъ преподавать. Но посмотримъ, къ какому неожиданному заключенію авторъ наконецъ приходитъ:) «Съ другой стороны преподаванія роднаго языка нельзя будетъ устранить совершенно, *такъ-какъ* (?) *нужна же терминологія*, почему всего вѣрнѣе держаться середины, соединяя это преподаваніе съ чтеніемъ. Много читать и упражняться— вотъ единственная плодотворная метода; при этомъ необходимѣйшія объясненія и больше ничего» (Th. Körner, Geschichte der Pädagogik, Leipzig. 1857, стр. 315). Въ какой мѣрѣ мы согласны съ этимъ послѣднимъ выводомъ, видно будетъ изъ продолженія нашей статьи.

2) Гегель говоритъ: «Трудно оцѣнить достаточно всю важность ученія грамматики, ибо ею начинается логическое образованіе. Содержаніе грамматики — категоріи, собственныя произведенія и опредѣленія ума; слѣд. въ ней умъ начинаетъ изучать самъ себя. Эти духовные предметы, съ коими она первая нас знакомитъ, въ высшей степени удобопонятны для юношества, и нѣтъ ничего духовнаго удобопонятнѣе: еще ограниченныя силы сего возраста не могутъ обнять всего духовнаго царства въ его многоразличіи; отвлеченности же грамматическія совершенно просты. Онѣ точно отдѣльныя буквы, и притомъ гласныя духовнаго бытія; ими начинаемъ мы складывать и учиться читать оное. Грамматика предлагаетъ сіи отвлеченности по силамъ юнаго возраста, отличая оныя внѣшними признаками, содержащимися въ самомъ языкѣ». (О препод. от. яз. 1, 39).

3) Дистервегъ въ своемъ Wegweiser говоритъ: «Такъ какъ естественный и легчайшій ходъ преподаванія состоитъ въ извле-

ченіи неизвѣстнаго изъ извѣстнаго и въ постепенномъ присовокупленіи неизвѣстнаго къ извѣстному: потому въ отечественномъ языкѣ надобно начать съ органическаго цѣлаго, т. е. съ предложенія». (О преп. от. яз. I, 64). Намъ кажется, что этотъ силлогизмъ не вѣренъ, потому что посылка его, хотя и справедлива, къ дѣлу непримѣнима: ребенку еще *неизвѣстно* то, изъ чего должно вытекать понятіе о значеніи опредѣленія, дополненія и обстоятельства.

4) Вурстъ, одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ педагоговъ, издалъ нѣсколько сочиненій по своему предмету, въ томъ числѣ: «Die zwei ersten Lehrjahre», книгу, въ которой онъ по системѣ Бéнеке предлагаетъ общій планъ ученія для низшаго, элементарнаго класса школъ. Здѣсь онъ старается дать образцы нагляднаго преподаванія и предметомъ разговоровъ съ учениками избираетъ домъ, какъ жилище человѣка. Сущность методы заключается въ наименованіи, классификаціи и изображеніи предметовъ. Все это въ идеѣ превосходно, но при обширности, какую авторъ слишкомъ педантически даетъ каждому объясненію, — должно быть очень утомительно для дѣтей. Критику грамматики Вурста можно найти въ книгѣ г. Буслаева, ч. I, стр. 54. Тутъ выраженъ отчасти другой взглядъ на дѣло, но также неблагопріятный для Вурстовой методы.

5) Мы Русскіе можемъ о нашемъ правописаніи сказать то же, что Нѣмцы говорятъ о своемъ: «Наше письмо неправильно, а все неправильное изучается съ трудомъ. Потому-то и правописаніе требуетъ много времени и много упражненія: однихъ правилъ недостаточно. Рядомъ съ правиломъ: *Пиши что слышишь*, становится другое: *Не пиши что слышишь*. За правиломъ: *Держись словопроизводства*, слѣдуетъ другое: *Не всегда держись производства*, а соображайся съ *обычаемъ*. Отсюда объясняется трудность выучиться такъ называемому правописанію, а равно желаніе ученыхъ и преподавателей подчинить орѳографію опредѣленнымъ законамъ. Желаніе это само по себѣ похвально; однако въ школахъ мы должны учить писать только такъ, какъ всѣми

принято. Школѣ не нужно нововведеній, хотя бы они были дѣйствительными улучшеніями: она должна готовить для жизни въ ея настоящемъ видѣ. Учитель, который заставляетъ учениковъ своихъ отступать отъ общихъ обычаевъ своей націи, доказываетъ явное непониманіе своего положенія и задачи элементарнаго преподаванія. Итакъ, несмотря на ясное сознаніе несовершенства и отчасти произвола нашей ороографіи, мы остаемся при обычаѣ. Послѣдній ведетъ за собою положительныя правила, соблюденіе которыхъ ученикъ долженъ въ полномъ смыслѣ *изучить*. Это предполагаетъ много разнообразныхъ упражненій, а они не должны дѣлаться безъ размышленія, безъ многостороннихъ усилій» (Diesterweg, Wegw. I, 506).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКАГО СЛОВАРЯ.

I.

Дополненія и замѣтки къ «Толковому словарю» Даля.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ я, при встрѣчавшихся случаяхъ, записывалъ слова, которыхъ не находилъ въ нашихъ словаряхъ. Здѣсь собраны въ азбучномъ порядкѣ тѣ изъ нихъ, которыя пропущены и покойнымъ В. И. Далемъ. Къ нимъ присоединены также нѣкоторыя слова, хотя и занесенныя имъ въ *Толковый Словарь*, но не вполнѣ удовлетворительно или не во всѣхъ своихъ значеніяхъ тамъ объясненныя. Такія слова, какъ уже находящіяся въ словарѣ Даля, отмѣчены у меня звѣздочкою. Изъ этого списка не исключены и попадавшіяся мнѣ чисто-мѣстныя слова: они также могутъ пригодиться нашимъ будущимъ лексикографамъ. Народныя слова записаны мною или по собственнымъ моимъ наблюденіямъ (особенно въ Ряз. губ.), или по замѣткамъ, сообщеннымъ мнѣ достовѣрными людьми. Сверхъ того, сюда включены также нѣкоторыя слова, собранныя и обязательно доставленныя мнѣ А. К. Жизневскимъ изъ Твери; они отмѣчены поставленною въ скобкахъ буквою Ж. Приношу здѣсь мою признательность какъ ему, такъ и другому просвѣщенному лицу, имя котораго означено буквою Г при словахъ, въ разное время имъ сообщенныхъ въ мою коллекцію, часто съ запросомъ о ихъ значеніи или происхожденіи[1]. Удареніе ставлю вообще только тамъ, гдѣ оно

[1] Слова, въ первый разъ заносимыя въ настоящее 3-е изданіе *Фил. Раз.* отмѣчаю цифрою 1, какъ ссылкою на это примѣчаніе.

можетъ казаться сомнительнымъ. При ссылкахъ на Рейфа, я разумѣю здѣсь, какъ и вездѣ, не ручные словари покойнаго лексикографа *), а большой его этимологическій словарь, изданный въ 1835 году.

Нелишнимъ считаю прибавить, что въ X-мъ томѣ *Сборника Отд. р. яз. и сл.* напечатаны дополненія къ словарю Даля, записанныя П. В. Шейномъ, а въ XI томѣ того же изданія дополненія и замѣтки I. Ф. Наумова.

Алуча (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго приготовляется варенье.

Антоновъ огонь *. Тутъ не излишне было бы прибавить, что такъ (feu d'Antoine, Antonius-feuer) первоначально называлась воспалительная рожа, которая въ 11-мъ вѣкѣ распространилась въ западной Европѣ и отъ которой, по народному повѣрью, исцѣляли мощи св. Антонія.

Бадемъ [1]. Родъ крупныхъ орѣховъ, которые водятся въ Крыму: «орѣховъ бадемъ, уродившихся въ изобиліи, на ялтинскомъ базарѣ вовсе нѣтъ, а орѣхи фундуки стоятъ 20 коп. за фунтъ» (газетная замѣтка).

Ба́лова [1]. Коршунъ. (Орл. губ.).

Ба́тарь. «Растетъ лопухъ, репья, всякій *батарь*, какъ говорятъ здѣсь» (изъ Тамб. губ.). *Спб. Вѣд.* 1868, № 177.

Безтактный [1]. Пропущ.

Биръ. Поголовная подать, платимая царанами въ Бессарабіи (*Воен. статист. обозрѣніе Бессар.*).

Благоюродствовать (Ж.). (Моск.).

Богомилъ *. Послѣдователь особой ереси; см. Пыпина *Ист. слав. литературъ* (статья Болгарія, стр. 59 и далѣе).

Боёкъ *. Та часть цѣпа, которою бьютъ хлѣбъ. (Другая часть называется *ка́дочка*, а кожа, которою обѣ части соединяются — *пу́тце*).

Боковуша [1]. *Въ Л.* **) I, 5.

Бомъ *. Трудно проходимое ущелье; трудно проходимая тропинка между скалами въ горномъ ущельи (Сибирь).

---

*) Погибшаго такъ трагически 26 сент. 1872 г. въ Карлсруэ отъ руки домашняго убійцы (См. *Гражданинъ* этого года, № 22).

**) Т. е. *Въ Лѣсахъ*, соч. Печерскаго (П. И. Мельникова).

БОСОЙ *. *Босая лошадь* — такая, у которой плохія, слабыя копыта; противоположн. *обувистая лошадь*. (Послѣднее означено у Даля).

БОЧКА *. Небольшая сѣть, употребляемая для лова снетковъ въ Пск. губ. *(Военно-статист. обозр. Пск. г.)*.

БОЯРЫНАШЪ. Человѣкъ, не происходящій отъ дворянскаго сословія, но достигшій низшихъ молдавскихъ чиновъ, дающихъ нѣкоторыя боярскія права (Бессар.).

БРАТЕ́НЕКЪ *. Двоюродный братъ (Смол. губ.).

БРАТЪ-ДѢТИ. Двоюродные братья. «Мы съ нимъ *братъ-дѣти*». (Смол.).

БРАШНО *. При этомъ словѣ необходимо было бы прибавить ссылку на народное *бо́рошно* (ржаная мука), которое есть и у Даля, но не сближено съ книжнымъ, болѣе извѣстнымъ *брашно*. См. *бо́рошень*, при которомъ къ объясняющимъ словамъ надо было присоединить *багажъ*: «Свита слѣдовала за нимъ съ борошнемъ (т. е. съ багажемъ) на другой яхтѣ». (Устрялова *Ист. Петра В.*, т. IV, стр. 108).

БРУСНИЦА [1]. Зачерпывалъ брусницу. *А. К.* *) II, 29.

БУБУХАЛИ-ПУШКИ. *Война и Миръ*. IV, 318.

БУСѢЕТЪ. (Волог.) плѣснѣетъ.

БѢЛИЗНА (Г.). Рыба въ Кіевской губерніи. См. отчетъ кіевскаго губернатора за 1869 годъ.

БѢЛУХА. Названіе высочайшей горы въ Алтайскомъ хребтѣ.

ВАЛО́КЪ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть для лова угрей.

ВА́ЛУХЪ [1]. У Даля ошибочно: *ва́лахъ*. Такой формы нѣтъ.

ВАРНАКЪ [1]. Бѣглый каторжный. *Въ Л.* I, 190.

ВЕЛИЧУРКА (Г.). Родъ гречневой крупы (изъ «Официальнаго торговаго прейсъ-куранта С.-Пбургской биржи при финансовомъ обозрѣніи 1880 г., № 23.

ВЕРЕВОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО (Г.). Слѣдующіе сорта́ веревокъ, приготовляемые между прочимъ въ Ржевѣ, не упомянуты въ словарѣ Даля: *канавная, логинъ, сахарникъ, стеклень, хриптинка.*

ВЕРЕТЕ́НИЦА *. «Это слово имѣетъ въ зоологіи двоякое значеніе; такъ называется: 1) мѣдяница, Anguis fragilis, животное переходное отъ ящерицъ къ змѣямъ, по-нѣм. Blindschleiche, и 2) родъ молюсковъ, Fusus, раковина котораго похожа на веретено, откуда и нѣмецкое названіе его: Spindelschnecke, или просто Spindel». (Замѣтка Л. И. Шренка)

*) Т. е. *Анна Каренина*, соч. гр. Л. Толстаго.

ВЕРХОВОЙ *. При этомъ словѣ надобно еще прибавить реченіе: *верховыя пушки* = мортиры. (Устр. *Исторія Петра В.*, т. II, стр. 187).

ВЖИКАТЬ. Коса вжикала. *А. К.* II, 28.

ВЗАИМОДѢЙСТВІЕ. (Давно введенное и всѣмъ извѣстное слово).

ВЗДОРНИКЪ. Пропущено у Даля, хотя происходящій отъ этого имени глаголъ *вздорничать* поставленъ на своемъ мѣстѣ.

ВЗОРОДЪ *. Груда соломы, также стогъ сѣна.

ВИДЪ *. «Ружье, стволъ котораго къ концу толще и потому шире,— называется или называлось: *съ видомъ*». (*Восп.* Аксак., стр. 150).

ВИХОРНИЧАТЬ. Быть легкомысленнымъ, напр. часто мѣнять мѣсто службы. (Ряз. губ. Данк. у.).

ВОВКУЛАКА * (вм. волкодлакъ) есть очевидно не великорусская форма и потому не должно стоять на первомъ мѣстѣ; форму же *волкодлакъ* слѣдовало включить въ гнѣздо слова *волкъ*. Любопытно сравнить въ Сербскомъ словарѣ Караджича обширныя поясненія подъ словомъ *«вукдлак»*. *Длака*, серб. = волосъ конскій или коровій; клокъ волосъ. См. также Пыпина *Ист. слав. литературъ*, стр. 74.

ВОДА *. При этомъ словѣ надобно объяснить употребленіе его съ слѣдующими прилаг.: *Матерая* —, глубь; *сочная, жирная* —, глубина въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ межень бываютъ отмели; *сухая* —, мелкая; *живая* —, глубь, ближайшая къ обмелѣвшему мѣсту.

ВОДОВИКЪ. Большія сани, употребляемыя при ловлѣ снетковъ въ Пск. губ. подъ свозъ *запаса* (см. это слово). Водовица, особая ладья, употребляемая лѣтомъ при запасахъ. (*Воен.-статист. обозр. Пск. губ.*, стр. 102).

ВОДОПОЛИЦА. Еще форма словъ *водополь* и *водополье*.

ВОЗЕРО, ВОКОШКО *). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. (Порѣчскомъ, Духовщинскомъ, Красненскомъ и частью Смоленскомъ) слышится призвукъ *в* передъ начальнымъ *о* во всѣхъ словахъ.

ВОЗЖАТЬСЯ [1]. Возиться. *Въ Л.* I, 386.

ВОЛОПЕРЪ. Рослый и дюжій, но лѣнивый парень.

ВОЛОСЕЦЪ. (Сиб.). Волосатикъ.

---

*) Само собою разумѣется, что эти слова помѣщаются здѣсь не для включенія въ словарь, а только ради приложеннаго къ нимъ замѣчанія, — какъ нѣкоторыя другія ради сопровождающаго ихъ поясненія или примѣра.

ВОЛЧОКЪ (Г.). Въ объяснит. запискѣ къ смѣтѣ расходовъ Департ. неокл. сборовъ на 1879 г., на стр. 2, при исчисленіи расходовъ на починку испортившихся контрольныхъ снарядовъ по винокуренію, говорится: на замѣну мелкихъ частей, какъ-то: *волчковъ* и т. д. У Даля слово *волчокъ* въ этомъ смыслѣ не находится.

ВОЛОШСКІЙ[1]. Употребл. какъ нарицательное прилагат., напр. въ названіи извѣстнаго рода орѣховъ *волошскіе*, то же, что *грецкіе*. Таково же значеніе перваго слога въ германскомъ Wallnuss (valhnot), гдѣ val сокращ. изъ ср. верхненѣм. walh, древн. walah, нвн. welsch = иностранный, особенно франц., итал., вообще романскій. Этотъ орѣхъ, родомъ изъ Кашемира, къ Нѣмцамъ первоначально вывезенъ былъ изъ Италіи и Франціи (Weigand. D. WB.).

ВООДУШЕВЛЕНІЕ. Пропущено у Даля, такъ же какъ и въ академич. словаряхъ.

ВОРОТЪ * (Ж.). Двое дѣтей, а третій *на вороту*. (Новг.).

ВСЕСТОРОННІЙ, **ВСЕУСЛЫШАНІЕ**. } Пропущены.

ВСКЛОКОЧЕННЫЙ. Пропущено; но въ живомъ языкѣ употребляется чаще нежели книжное *всклоченный*, хотя и признанное по Гречевой грамматикѣ единственно вѣрнымъ.

ВСПЫРСКИВАТЬ. «Жаворонки вспырскивали». (*Война и Миръ*, IV, 18). *Пырскать* у Даля означено только подъ *прыскать*.

ВСТРЕПЫХАЛАСЬ, какъ курица (*Война и Миръ*, IV, 146).

ВЧИНИТЬСЯ * (Ж.). *Вчинился* не въ свое дѣло. (Пск.).

ВЫВОДЪ *. Плата, которую женихъ вноситъ за невѣсту роднымъ.

ВЫРЕЗУБЪ *, рыба. По Далю, Cyprinus dentex, съ прибавленіемъ въ скобкахъ Cephalus при вопрос. знакѣ. Слышавъ иногда *верезубъ*, я по этому поводу обращался къ Л. И. Шренку, который между прочимъ отвѣчалъ мнѣ: «Cypr. cephalus, какъ Палласъ называетъ эту рыбу, водится въ Черномъ морѣ (а также и въ Каспійскомъ), и изъ него подымается далеко вверхъ по рѣкамъ южной Россіи. По Кесслеру (Путеш. къ сѣверн. берегу Чернаго моря) вырезубъ — Leuciscus Friesii, и встрѣчается во всей южной Россіи. Палласъ приводитъ народное названіе указываемой имъ рыбы изъ Малороссіи: *вырезубъ* и *вирезубъ*. Онъ объясняетъ это названіе тѣмъ, что нѣкоторые изъ зубовъ, которыхъ у этой рыбы вообще очень немного, да и то лишь въ глоткѣ, въ нижней своей части выдолблены или какъ бы съ вырѣзкою. Кесслеръ приводить названія *вырезубъ* и *вырѣзъ*, не объясняя ихъ».

выточки [1]. Перешивая, сдѣлала выточки не на мѣстѣ. *А. К.* II, 44.

вѣкуши (Ж.). Старыя дѣвки, раскольницы, начетчицы, учатъ дѣтей грамотѣ. (Самар.). У Даля *вѣковуха, вѣкоуша*.

вятка [1]. Есть у Даля въ значеніи толпы, кучи, ватаги. Употреблено нѣсколько иначе въ замѣткѣ, означенной ниже подъ словомъ *сламъ*.

галера *. На Днѣстрѣ паро́мъ въ 6 саж. ширины и въ 12 длины, подымающій тяжести отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ пудовъ. (*Воен. статист. обозр. Бессарабіи*).

гицель [1]. «На наемъ гицеля для отравленія собакъ 120 руб.» (*Нов. Время* 1880 г., № 1642, корреспонденція изъ Нѣжина). Что это за слово? не отъ нѣмецк. ли Hetzer—ferarum captator? (см. Словарь братьевъ Гриммовъ). Конечное *ц* могло перейти въ *л*, такъ же, какъ напр. въ словѣ дрягиль (träger).

глаголь [1]. Висѣлица въ формѣ буквы Г. Изъ актовъ, относящихся къ эпохѣ Пугачевщины.

головашка. Носокъ лаптя. См. лапоть.

голомена́ми *. Попеременно или чрезполосно (о бурѣ или дождѣ).

голомень * или **голомя** *. Плоская сторона полосы у меча, сабли и пр. (Савваит. *Описаніе царскихъ утварей* и пр., стр. 165).

голомысый *. Не только безбородый, но вообще голый, обнаженный, напр. голомысое дерево, т. е. безъ листьевъ (ср. древ. голо(м)усый).

гомозиться *. Помѣщено неправильно подъ словомъ *гомъ*. Корень его ясенъ изъ чеш. hmiz = насѣкомое.

гоне́бщикъ. Занимающійся гоньбою.

гоношить *. (Ж.). Суетиться (Твер.), грести сѣно (Новоторж. у.).

горлодранецъ. То же, что горлодеръ.

горлюна́, раст. Bunias orientalis. У Даля и въ Бот. словарѣ Анненкова *Гарлу́пникъ*.

горянщина *. Разная посуда, глиняная и фаянсовая, коробья и всякія деревянныя издѣлія, сплавляемыя въ низовые поволжскіе города съ *горы*, т. е. съ верховьевъ Приволжья, преимущественно изъ Городца и Балахнинскаго уѣзда Нижегор. губ.

гремячъ. Народное названіе ключа, по которому такъ называется множество селеній въ разныхъ губерніяхъ.

гречи́ще. Поле, съ котораго снята греча (у Даля ошибочно: гре́чица).

грибьё, собират. имя.

грива *. Продольная отмель въ рѣкѣ (Сиб.).

грыдоровать. Вм. *гравировать*, въ 18-мъ вѣкѣ. Одно изъ многихъ

словъ первой эпохи новой русской письменности, которыя еще не вошли въ наши словари. См. выше въ этой книгѣ (стр. 292) замѣтку *о нѣкоторыхъ старинныхъ техническихъ терминахъ р. языка.*

ДАДЕНЪ. Употребительное въ народѣ страд. причастіе гл. *дать.* Такимъ же образомъ говорится: *отдаденъ, продаденъ.* (Смол. губ.).

ДАНЬ. Царь любитъ дань (народ. поговорка).

ДАЧА *. Далемъ пропущено значеніе, показанное въ акад. словарѣ: «Угодья и земли, принадлежащія помѣщику или государственнымъ крестьянамъ. *Въ моихъ дачахъ много строевого лѣсу. Лѣсная дача»*. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр.: *У него дурная, неудобная, безобразная дача,* т. е. дача, по своему очертанію или другимъ обстоятельствамъ невыгодная.

ДЕМЬЯНКА *. Огородный овощъ, плодъ котораго съ виду похожъ на огурецъ, весьма употреб. въ Астрахани и за Кавказомъ, гдѣ называется *бадиджаномъ,* а въ средней Россіи болѣе извѣстенъ подъ именемъ *баклажана* или *подложана* (solanum melangena, ducamara, pomme d'amour).

ДЕСЯТИНА *. Подъ этимъ словомъ пропущены у Даля названія *тридцатка, сороковая* и *сотенная,* которыя и на своихъ мѣстахъ не объяснены имъ въ отношеніи къ десятинѣ.

ДЖУТЪ [1]. По поводу частыхъ газетныхъ толковъ о джутовыхъ мѣшкахъ собраны мною слѣдующія свѣдѣнія. Jute (слово бенгальскаго языка) означаетъ растеніе изъ рода tiliaceae Corchorus, различные виды котораго съ незапамятныхъ временъ воздѣлываются въ Восточной Индіи ради добыванія волоконъ и отчасти въ пищу. Нынѣ C. capsularis въ особенности сильно разводится въ Индіи, на Малайскихъ островахъ, въ южномъ Китаѣ и даже въ Алжиріи. Употребляется собственно для волоконъ лубъ растенія, и тамъ, гдѣ его родина, джутъ искони служилъ на изготовленіе веревокъ и тканей. Наибольшее количество его вывозится изъ Калькутты въ сыромъ видѣ. Въ Европѣ онъ вошелъ въ употребленіе съ 50-хъ годовъ, когда Крымская война лишила Англичанъ привоза русской конопли; потребность въ немъ еще усилилась во время американской междоусобицы за недостаткомъ хлопчатки. Теперь матеріи изъ джута, а также мѣшки, выдѣлываются на фабрикахъ, какъ въ Великобританіи (преимущественно въ Шотландіи), такъ и на материкѣ. Джутовые мѣшки идутъ къ намъ, вѣроятно, главнымъ образомъ изъ Англіи.

ДИКАСИТСЯ — ведетъ себя какъ дикій.

ДОЛОВАТЫЙ. *Рожь доловатая* — растущая въ долинѣ или лощинѣ.

ДОМБРА. Варганъ. У Даля есть *домра́* съ значеніемъ: «азіатская балалайка съ проволочными струнами».

ДОМНЕШТЫ. Бессарабскія яблоки.

ДОРОГОВЬ *. (Ряз.). Дороговизна.

ДОРОЖКА *. (Пейп.). Рыболовный крючокъ, висящій на шнуркѣ.

ДОСТАКАНЪ, ДОСТОКАНЪ. Другая форма словъ: *досканъ, досканецъ* и сокращ. *стаканъ* *) (вм. дстаканъ, какъ *чанъ* вм. *дщанъ*) **). «Кубки золоченые и не золоченые съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ». (*Ист.* Соловьева, т. V, стр. 481). «Кувшины бочки, ендовы, достаканы» (тамъ же, т. VII, стр. 4).

ДОСТОДОЛЖНЫЙ. ДОСТОСЛАВНЫЙ, ДОСТОХВАЛЬНЫЙ, ДОСТОУВАЖАЕМЫЙ, ДОСТОЧТИМЫЙ. Всѣ эти слова пропущены Далемъ.

ДУЖКА [1], часть трудинки у птицы, должно несомнѣнно стоять подъ словомъ *дуга́*, а не подъ *душа*, гдѣ оно написано *душка*, съ прибавленіемъ въ скобкахъ въ видѣ вопроса: *дужка*.

ДУШЕВОЙ надѣлъ [1]. Надѣлъ на душу.

ДУШЬ [1], ж. р., въ значеніи дождеобразнаго или струевого обливанія, а не душъ, м. р.

ДЫБА *. Подробное объясненіе этого орудія пытки см. въ *Соч. Держ.*, 1-е изд. Ак. Н., Т. III, стр. 629.

ДЫМКА *. Головной женскій уборъ, по большей части изъ шелковой матеріи, часто съ цвѣтами.

ДѢЛОВИТЫЙ, ДѢЛОВИТОСТЬ, *Спб. Вѣдом.* 1867, нояб. 10.

ДЯДЬКА *. Дядя (Смол. губ.).

ЕГОРІЙ *. У Даля ошибка въ пословицѣ: «Коли къ Егорью листъ не въ полушку, не жди, чтобъ къ Ильину дню класть рожь въ кадушку». Должно быть: *въ кладушку*, т. е. въ одонушко, небольшой скирдъ.

ЕРБОЙЗЪ. Земляной зайчикъ. Объ этомъ названіи Л. И. Шренкъ сообщаетъ: «То же, что бабукъ, или тушканчикъ, грызунъ съ длинными задними (прыгательными) ногами; водится въ степяхъ южной Россіи и Сибири. По-французски животныя этого рода, въ особенности Dipus Sagitta (тушк. быстрый), назы-

*) Какъ замѣчено и Далемъ подъ сл. *стаканъ*; но въ своемъ мѣстѣ слово *достаканъ* не занесено у него. Совершенно произвольно сближали *стаканъ* съ словомъ *стекло*. Тутъ сходство звуковъ случайное. Стаканы были сперва не стеклянные. Слово же *стекло* готскаго происхожденія.

**) Магницкій въ своей Ариѳметикѣ пишетъ *тчанъ*.

ваются «gerboise», по-нѣмецки и англійски «jerboa»; отсюда конечно и русское *ербоизъ*, названіе, впрочемъ, во всякомъ случаѣ лишь книжное, въ народѣ неупотребительное» *).

ЕРМОЛАФІЯ (отъ ирмологія). Семинарское слово: дребедень, шумная, многословная болтовня.

ЖАЛЕЙКА. Дудка изъ камыша (у Даля есть, но ошибочно занесено въ своемъ мѣстѣ и *желейка*).

ЖА́МКИ. ЖА́МОЧКИ [1]. (Ряз. губ.). Пряники.

ЖАРОВИНА. Растеніе: vaccinium, oxycoccos; canneberge, coussinet des marais (Рейфъ).

ЖМУТОКЪ. (Изъ муром. легенды, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

ЗАБАВА *. Стар. и народ. Замедленіе, причина замедленія. *Забавиться* — замѣшкаться. *Позвольте итти: я не забавлюсь.*

ЗАБАСТОВКА. «Нелѣпое притязаніе не допускать до занятій рабочихъ въ той отрасли промышленности, гдѣ устроилась *забастовка*», т. е. стачка (*Моск. Вѣд.* 1869, № 130: «Изъ Парижа»).

ЗАБѢЖКА [1]. Малый пароходъ. *Въ Л.* I, 142.

ЗАВА́РЪ [1]. (Г.) «Еще во время крѣпостного права во всѣхъ крупныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Пермской губерніи хозяйственные расчеты велись по «заварамъ», имѣющимъ то отличіе отъ періода гражданскаго года, что началомъ завара считается не январь мѣсяцъ, а май». По представленію мѣстнаго губ. присутствія министръ финансовъ въ 1877 г. ходатайствовалъ о сохраненіи этого срока и для взноса выкупныхъ платежей.

ЗАВѢСЫ [1]. (Ряз. губ.). Передникъ, подвязанный подъ мышки.

ЗАГОЖЕЧКА [1]. (Новг.) **), кукушка. Надо закусить хлѣба соли, чтобъ кукушка не закуковала. По понятію народному, кто въ первый разъ услышитъ голосъ кукушки на тощій желудокъ, тому будутъ предстоять бѣды и напасти. (П.). У Даля *загозка*, безъ означенія мѣстности. Нельзя при этомъ не вспомнить зегзицу Слова о полку Игоревѣ.

ЗАКОЛЯНИТЬСЯ. «Ахъ вороны, заколянились! кричали на ополченцевъ, замявшихся передъ солдатомъ съ оторванной ногой». (*Война и Миръ*, IV, 298).

---

*) Описаніе этого животнаго, сдѣланное на мѣстахъ, гдѣ оно водится, см. въ *Соч. Держ.*, Т. V, стр. 385.

**) Слова, означенныя здѣсь въ началѣ словомъ *Новг.*, а въ концѣ буквою П., доставлены въ 1878 г. во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ членомъ Новгородскаго статистическаго комитета Ѳ. Ѳ. Пардолоцкимъ.

ЗАКОРУЗЛЫЙ, или ЗАСКОРУЗЛЫЙ. (У Даля только глаголъ *заскорузнуть*.

ЗАЛИЧИТЬ [1]. (Ряз.). Вынимая кирпичи изъ печи, ихъ сортируютъ и кладутъ такъ, что бѣлые остаются сзади и не бываютъ видны за красными, помѣщаемыми впереди. Тогда говорятъ, что «кирпичи заличены».

ЗАНОСЫ *. *Спб. Вѣд.* 1867, № 297. Судеб. хрон.

ЗАПАСЪ *. Неводъ особеннаго устройства для ловли снетковъ въ Псков. губ. Главныя составныя части запаса: матна и два крыла. (*Воен.-стат. обозр. Пск. губ.*, стр. 101).

ЗАПИСЬ *. (Въ древнихъ рукописяхъ или на вещахъ). Обыкновенно помѣщенное въ концѣ рукописи свѣдѣніе о томъ, кто ее составлялъ или переписывалъ, и о времени ея происхожденія. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общ.

ЗАПЛЕЧИКИ [1]. (Типогр. терм.). Разстояніе между буквами. *Р. Вѣстн.* 1872, май, стр. 336.

ЗАПЛОТЪ *. «Заплотами въ Оренбургскомъ краю обыкновенно крѣпости окружаются». (Донес. кн. Щербатова отъ 1 іюня 1774 въ архивѣ Генер. штаба).

ЗАСИДКИ *. «Темные осенніе вечера установили между рабочимъ населеніемъ одинъ весьма своеобразный обычай — празднованіе такъ называемыхъ «засидокъ», т. е. начало работъ при вечернемъ освѣщеніи. . . Начало *засидокъ* совпадаетъ съ послѣдними числами августа или первыми сентября». (*Русс. Инв.* 1866, № 232). У Нѣмцевъ Lichtbraten.

ЗАСТАВА * (Пейп.). Сѣть, прикрѣпляемая однимъ концомъ къ отверстію ризца, которое она раздѣляетъ на двѣ половины, другимъ же къ жерди втыкаемая въ дно саженяхъ въ трехъ впереди ризца. Этимъ же именемъ *(заставой)* называется сѣть, разставляемая въ нѣкоторомъ разстояніи отъ проруби, чрезъ которую вытягиваютъ зимніе невода.

ЗАСТАВКА [1]. Точнѣе чѣмъ у Даля можетъ быть опредѣлено такъ: живописное украшеніе, помѣщаемое въ началѣ рукописи или книги, или передъ началомъ каждой статьи, входящей въ составъ ихъ.

ЗАСЫПКА [1]. *Въ Л.* I, 376.

ЗАШИБАТЬСЯ хмелемъ. Запивать. *Въ Л.* I, 27).

ЗЕЛЕПУХА (собир.). Зеленые плоды, ягоды и проч.

ЗМЁТЪ (сѣверн.). Фасонъ.

ЗОЛА *. Пропущена поговорка: «Надо сѣять хоть въ золу, да въ пору» (не пропускать срока для сѣва).

ЗРАЗЫ (Г.). Извѣстное польское кушанье, весьма употребительное и въ Россіи. *Зразы* рубленые.

ИЗАРБАТЪ. У Рейфа: «brocart, étoffe de soie brochée d'or». Въ акад. словарѣ: зарбавъ, родъ парчи. Собственно *зербафъ*, персидское слово, то же что парча, золотная или серебряная, ткань съ узорами шелковыми, серебряными и золотыми (П. Савваитова *Описаніе старинныхъ царскихъ утварей* и проч., стр. 173). Изъ этой дорогой ткани дѣлались съ 1666 г. нарядныя одежды (П. Строева *Указатель къ Выходамъ Государей* и проч., стр. 30).

«Въ изарбатахъ бы ходили,
Во парчахъ и во камкахъ».
(*Соч. Держ.*, Т. IV, стр. 88 и 89).

ИЗБА *. Пропущ. поговорка: «Моя изба съ краю, я ничего не знаю».

ИЗЖИВАТЬ *. (Ж.). *Изживаю* третьяго мужа.

ИЛКА. Особенный сортъ темной глины.

ИЗГАРЬ. Употреб. и переносно, для означенія износившейся, негодной вещи, напр, одежды, или принадлежностей старой телѣги.

ИЗМОРЪ. (Ж.). Ледъ *измбромъ* пойдетъ. (Твер.), — то же, что *заморомъ*, т. е. то пойдетъ, то перестанетъ итти.

ИСАДЫ *. Владѣніе, дача.

КАЗНА БѢЛАЯ *. Полотна, скатерти (Бусл. *Ист. Грам.* II, § 219).

КАЛИБЕРЪ *. Извозчикъ съ дрожками особаго устройства. (*Моск. Вѣд.* 1864, № 112. Моск. отмѣтки).

КАЛМЫШКА. (пашни). *Война и Миръ*, IV, 319.

КАЛО. *Война и Миръ*, V, 89.

КАНЬГА́ *. Краденое желѣзо, по Камѣ (*Русск. Дневникъ* 1859, № 2). Слѣдоват., вопросительный знакъ у Даля не нуженъ.

КАПЦУКЪ * (намордникъ, наголовникъ на молодыхъ лошадей). Такъ у Даля; у Рейфа же *Капцунъ* (Kappzaun).

КА́ФТЫРЬ. *Въ Л.* I, 334.

КЕЛЕЙНИЦЫ (Ж). Дѣвки, имѣющія наклонность къ монашеской жизни, б. ч. раскольницы. (Самар. губ.).

КЕНЕ́СИТЬ. Совѣтоваться, разсуждать о чемъ (у Сиб. казаковъ на Иртыш. линіи; отъ киргиз. *кенесъ*, совѣтъ).

КИНЗА́. Bifora radians, зонтичное растеніе непріятнаго запаху, употребл. въ пищу за Кавказомъ.

КИ́ПЕННЫЙ (отъ кипень — пѣна). Сѣдой какъ лунь.

КИ́РЗА. У Даля: «верхній слой земли, почва». Но это слово имѣетъ

еще и совершенно другое значеніе: грубое сукно *киперное*, geköpertes Tuch, т. е. тканое вкось (нѣм. kirsei, англ. kersey, фр. créseau).

ки́ты. Кульки, набитые камнемъ или землею, погружаемые у подножья учуговъ для укрѣпленія ихъ (Астр.).

кичкиры (чикчиры?). «Любуясь... красивыми формами своихъ ногъ подъ натянутыми кичкирами» (*Война и Миръ*. V, 194).

кладки * (множ.). Гранитная стѣна поперекъ Днѣстра, ниже Ямполья, не выдающаяся изъ воды и тѣмъ болѣе опасная. (Бессар.).

кладышъ. Кладеный баранъ.

клевашный. Проворный, смѣтливый. *Въ Л.* I, 274.

клёвъ * (рыбы). «... я рѣдко удилъ рыбу, вѣроятно потому, что въ это время года клёвъ всегда бываетъ не значительный; я разумѣю клёвъ крупной рыбы». (Аксак. *Воспом.* стр. 197).

клюка́. Переплыть въ клюкахъ *Въ Л.* I, 160.

книксенъ. Пропущено.

кобура, или кабура *. Футляръ для пистолета у пояса или на сѣдлѣ.

козно (?). Въ козны играть. *Въ Л.* I, 142.

коккуй. Купало, сельская игра 23 іюля. (Бусл. *О преподав. отеч. яз.* ч. II, стр. 350). Ср. фин. Kokko.

ко́лбовый пирогъ. Этого названія, какъ и вообще прилаг. колбовый, нѣтъ въ словарѣ Даля. Такъ называется довольно извѣстный въ русской кухнѣ круглый пирогъ. Корень слова вѣроятно тотъ же, что въ словѣ коло = кругъ.

колодезня. «Пчеловодъ открываетъ верхнюю колодезню и осматриваетъ голову улья». (*Война и Миръ*, V, 84).

колоколецъ * (Ж.). Предсмертное клокотаніе мокроты, поднимающейся къ горлу. (Твер.).

колча *. «... проѣхали по вновь проложенной артиллеріею по колчамъ пашни дорогѣ». *Война и Миръ*, IV, 256.

колъ. Въ поговоркѣ: «ни кола, ни двора» *колъ* имѣетъ значеніе, въ словарѣ Даля необъясненное. «Это — полоса пахотной земли, шириною въ двѣ сажени. Слѣдовательно не имѣть *кола* значитъ не имѣть пашни... Итакъ приведенная поговорка употребляется въ крестьянскомъ быту для означенія человѣка, *неимѣющаго недвижимаго имущества* и живущаго личнымъ трудомъ, а вовсе не въ смыслѣ *дурного хозяина*, какъ утверждаетъ Даль». Авторъ замѣтки, откуда взяты эти строки, г. Александръ Борзенка, объясняетъ, что въ селахъ нѣкоторыхъ мѣ-

стностей Ярославской губ. земля измѣряется кольями, что тамъ слѣдов. *колъ* имѣетъ первоначальное значеніе мѣры для распредѣленія земли и что названіе мѣры перенесено на отмѣряемое пространство. (Выписано мною изъ *Москов. Вѣдом.* конца 1870-хъ годовъ, но къ сожалѣнію, безъ точнаго обозначенія года и нумера газеты). Выше, стр. 38, уже указано на ту странность, что Даль помѣстилъ слово *колъ* не въ гнѣздѣ глагола *колоть*, какъ явно слѣдовало, а отдѣльно, и притомъ пріурочилъ къ нему глаголъ *колѣть*, который относится совершенно къ другому корню.

концессія [1]. Предоставленіе правительствомъ права на какое-либо общественное, особенно желѣзно-дорожное предпріятіе.

копа (Бѣлорус.). Шестьдесятъ.

копань. *Въ Л.* I, 266.

копейщикъ. По толкованію Мертваго (см. его, «Автографич. Записки» въ *Р. Архивѣ* 1867, стр. 21), такъ назывались въ Пугачевщину конные вооруженные люди, получавшіе отъ правительства по копейкѣ въ день жалованья. Руничъ же въ своихъ Запискахъ (*Р. Старина* 1870 г., № 10, стр. 344) говоритъ, что копейщики были такъ названы по своимъ копьямъ. Они поступали въ эти отряды добровольно изъ казенныхъ крестьянъ.

корень. Не означены выраженія: десятина остается на корню, лошадь въ корню.

корешокъ [1]. У Даля не показано значеніе этого слова въ переплетномъ дѣлѣ: «книга въ корешкѣ».

коромысликъ. (*Моск. Вѣд.* 1865, № 130). Насѣкомое, иначе *коромысло.* По объясненію Л. И. Шренка: «сѣтчатокрылое насѣкомое рода Libellula, въ особенности самый большой видъ его, Lib. (или лучше Aeschna) grandis» *).

кóрточки (Г.) «Золото и серебро въ корточкахъ и зернахъ». (Отчетъ Госуд. Контроля по исполненію росписи 1875 г., стр. 620).

кособочина. Неровность на гладкомъ мѣстѣ, маленькій косогоръ.

косякъ * кобылицъ. «. . . уже степной жеребецъ гордо и строго пасетъ косякъ кобылицъ своихъ, не подпуская къ нему ни звѣря, ни человѣка». (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 26).

котлубáни *. Озеровидныя расширенія рѣки Урала (Н. Данилевскій).

---

*) Насѣкомое изъ рода стрекозы. По-фински стрекоза, довольно сходно съ русскимъ словомъ нашего текста, называется: *Sudenkorento* (волчье коромысло). Ahlqvist.

КОТЛЯНЫЙ *. Темносиній.

КОТОЧЕКЪ *. Баранья кость, съ одного конца заостренная, употребляемая для исканья въ головѣ.

КОШАКЪ *. Рѣшетка изъ тонкихъ шестовъ, привязываемая къ сваямъ учуга. (На Уралѣ и въ Астрах.).

КОШИРНЫЙ. Коширное мясо (*Спб. Вѣдом.* 1856, № 277, о Бердичевѣ). У Даля *кошира* = овечій хлѣвъ.

КОШОБА вм. **КОСЬБА.** (Ж.). Записано въ сельцѣ Пекуновѣ. Корчевскаго уѣзда (Твер. губ.), при впаденіи Дубны въ Волгу.

КРАСНАЯ ЛОЗА. (Г.). Кусты въ Кіевской губерніи. (См. отчетъ Кіевскаго губернатора за 1869 годъ.

КРАСНОПЕРКА. Высшій сортъ пшеницы.

КРАСНОРЯДЕЦЪ. Купецъ или сидѣлецъ, торгующій въ рядахъ краснаго товара. (Никитина *Кулакъ*, стр. 127).

КРАСНЫ *, вм. кросны. (Муром. легенда, по Буслаеву. *Атеней* 1858, № 30).

КРЕНЬ. «Самый крень», т. е. развалъ ярмарки (Ниж. Нвгр.).

КРУТИГОЛОВКА (пташка). Junx torquilla, le torcol (то же, что *вертиголовка*, *вертошейка*).

КРУША. Спб. Вѣд. 1865, № 155.

КРѢПОСТНИКЪ. Сочувствующій крѣпостному праву.

КРЮЧОКЪ *. «Выпивъ лишній крючокъ на тычкѣ». (*Война и Миръ*, IV, 224).

КУБАНЪ (Рязан.). Рыболовная снасть.

КУБЫШЪ (Г.). Въ 1877 г. разсматривалось въ Госуд. Совѣтѣ представленіе объ исключеніи изъ Свода Законовъ нѣкоторыхъ статей лѣсного устава, гдѣ въ ст. 588 сказано: «Сіи же самыя предосторожности должны быть наблюдаемы... при удобреніи полей жженіемъ кубышей и суковъ». Слово *кубышъ* въ словарѣ Даля не находится.

КУЛАКЪ *. «Мелкій базарный перепродавецъ, который по нуждѣ и обвѣситъ и обмѣритъ; въ общемъ же смыслѣ всякій, кто личному интересу, матеріальной выгодѣ жертвуетъ всѣми другими соображеніями». (*Спб. Вѣд.* 1858, № 165, фельетонъ). Кулакъ самъ не имѣетъ ни капитала, ни лавки.

КУРОЛЕСИТЬ. Собственно, пѣть kyrie eleison = Господи помилуй, но получило значеніе: поступать странно, проказить. «Что онъ тамъ накуролесилъ!»

КУТЕЙНИКЪ. «... она терпѣть не могла семинаристовъ, въ чемъ совершенно соглашался съ нею мой отецъ, который называлъ ихъ кутейниками». (Акс. *Восп.* стр. 127).

КУХТАТЬСЯ. Не показано значеніе, когда говорятъ про погоду: *кухтается*, т. е. хмурится, становится пасмурно передъ дождемъ.

ЛАДЫ *. Употребляется еще въ томъ же смыслѣ какъ стати: лады коровы и др. животныхъ.

ЛАПОТЬ *. Ихъ плетутъ либо съ *ушникомъ*, т. е. съ веревочной каймой, либо (какъ подъ Москвой) въ *простоплетку*, т. е. загибаютъ по краю самое лыко. Первый способъ гораздо выгоднѣе, прочнѣе, такъ что такіе лапти могутъ послужить безъ перемѣны нѣсколько сотъ верстъ, тогда какъ съ простоплеткой пройдешь только одну *пряжку*, т. е. сдѣлаешь только одинъ конецъ (до Москвы изъ южн. части Ряз. губ., гдѣ слышано это объясненіе). Плесть лапти надо въ *растъ*, т. е. въ ту пору, когда листья распускаются, изъ *растоваго лыка*; зимой же приходится распаривать лыко. Носокъ лаптя называется *головашкой*

ЛАПУХА *. По Карамзину, значитъ: скарлатина, а не вѣтряная оспа (*Атеней* 1858, № 25, п. 125).

ЛЁДЕНЬ *. (Пейп.). Мѣшкообразная сѣть на обручѣ для очистки прорубей отъ мелкаго льда.

ЛЕДЯНКА *. «... летѣли съ высокой горы ... на маленькихъ салазкахъ, конькахъ и ледянкахъ: ледянки были не что иное, какъ старыя рѣшета, или круглыя лубочныя лукошки, подмороженныя снизу такъ же какъ и коньки». (Акс. *Восп.* 94).

ЛЕЛЯВА [1] (Ряз. губ.), канюка. (У Даля только: леляка).

ЛИКОВАТЬСЯ [1]. У старообр. Прикасаться взаимно лицами. *Въ Л.* I, 160.

ЛЛЕНОЙ, АЛЛЕНОЙ [1]. Льняной. (Акс. *Сем. Хр.*, стр. 36).

ЛУЗГА * (гречневая), какъ топливо. *Моск. Вѣд.* 1857, № 34.

ЛУКАШЪ [1]. По Далю *лу́касъ* и значитъ волкъ, бирюкъ; въ скобкахъ, при вопросительныхъ знакахъ, оно сближено съ лукавый и съ греч. λύκος = волкъ. Съ послѣднимъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ слово *лука́шъ* сродни, но значитъ оно: охотникъ на волковъ, иногда приманивающій ихъ подражаніемъ ихъ вою. Въ 1882 г., когда отъ множества волковъ особенно страдала Финляндія, туда, въ окрестности города Або, вызвано было десять псковскихъ и новгородскихъ лукашей, которые вполнѣ оправдали свою славу, помогая туземцамъ въ истребленіи дерзкаго звѣря. Имъ было между прочимъ поручено обучить нѣсколько финскихъ крестьянъ своимъ пріемамъ. (См. Morgonbladet 1882, №№ 6 и 7). «Недавно одному изъ этихъ охотниковъ, Якиму Иванову Изотову, за успѣшную дѣятельность, по представленію финляндскаго сената, высочайше пожалована сере-

бряная медаль съ надписью «за полезную дѣятельность», для ношенія на груди на станиславской лентѣ». (*Новое Время* 1883 г., № 2529).

лу́коть [1] (Новг.). Деревяшка у сохи. (П.).

лутошливый (?). Не по лѣтамъ смѣтливый (о ребенкѣ).

лучиться вм. *случаться* (Ряз.).

лучо́къ. «... принялся ловить птичекъ силками, крыть ихъ лучкомъ и сажать въ небольшую горницу». (Акс. *Восп.* 15).

льга *. Подъ этимъ словомъ пропущено выраженіе: не во льгу=не въ мочь (или не въ пользу?).

льгота *. У Ломоносова и у Державина=свобода, благосостояніе.

лѣчуха (у Рейфа лечуха). Растеніе: sanicula europaea; sanicle, luzerne.

малёнка * (сѣверн.). Четверикъ.

майна [1] (?) «...спасъ утопавшаго въ майнѣ большой Невы крестьянина». (*Нов. Время* 1880, № 1548).

мангалы *. Огромные коши, наполненные угольемъ (Бесс.). Жаровня, около которой грѣются зимою. (Закавк.).

мара́кулъ [1] (отъ umbraculum=абажуръ). Одно изъ весьма употребительныхъ и всѣмъ извѣстныхъ при Дворѣ словъ, которыя своимъ происхожденіемъ обязаны конечно малограмотной прислугѣ, но между тѣмъ находятся тамъ въ общемъ обращеніи.

мастовье [1] (Г.). Родъ кожи. (Изъ товарнаго прейсъ-куранта подъ рубрикою: *Кожи*).

материкъ *. «Прудъ надулся и весь посинѣлъ, ледъ поднялся, истрескался и отсталъ отъ береговъ, материкъ давно прошелъ и вода едва помѣщалась въ каузѣ».—«...вода-то пойдетъ по канавѣ чай тихо, не то что прямо изъ материка» (Акс. *Восп.* 97, 99).

медвя́никъ. Насѣком. Bombylius (asile velu, bourdon), «родъ мухъ (двукрылыхъ насѣкомыхъ съ хоботомъ, покрытыхъ густыми волосками и извѣстныхъ также подъ именемъ журчалъ». (Л. И. Шренкъ).

медо́вичъ. «Беру на себя все управленіе имѣніемъ, чтобы пугнуть твоего сахара медовича». (Акс. *С. Хр.*, 92).

межеумокъ [1]. Хрящъ самый грубый холстъ (см. также Величурка). Въ значеніи лодки извѣстныхъ размѣровъ на Волгѣ произносится и *межеимокъ.* Эта лодка сидитъ не глубоко, можетъ ходить и въ межень.

мездра *. Такъ во всѣхъ нашихъ словаряхъ; но не правильнѣе ли будетъ *мяздра* отъ *мясо.*

мелюсъ. Второстепенный сортъ сахару.

МЕРЕЯ *. (Павскій, *Филол. набл.* Разсужд. II, § 18). По Далю: мелкоклѣтчатый узоръ. Но отчего помѣщено имъ въ одномъ гнѣздѣ съ *мерда, мереда?*

МЕТАНІЕ. Родъ поклоновъ у раскольниковъ. (*Въ Л.* I, 160). Кажется, авторъ ошибается, считая это слово греческимъ.

МЕТАТЬ ПАРЪ. Вспахивать паровое поле, но не весною только, какъ сказано у Даля.

МЕТЫЛЬ. По акад. словарю насѣкомое Ephemera horaria; а по Карамзину «метыль то же, что *мотыль:* гной (см. *Лексик. Кутеинскій*), желтоватая нечистая влажность. Ясно, что въ Новѣгородѣ шелъ такъ называемый сѣрный дождь, pluie de soufre (см. Бомара): явленіе довольно обыкновенное въ окрестностяхъ сосноваго лѣса». (*Ист. Гос. Р.*, т. II, прим. 256).

МИЛЛІАРДЪ (не занесено ни въ одинъ словарь).

МІРОВОЗЗРѢНІЕ, МІРОСОЗЕРЦАНІЕ. Пропущено.

МОЛЁКЪ [1] (Г.), моль. Самая мелкая рыба. То же, что малёкъ.

МОЛОЖЕ́НКА [1] (Новг.) нѣженка. (П.).

МОНИТОРЪ. Названіе, придуманное въ Америкѣ для броненоснаго судна, котораго главная особенность состоитъ въ томъ, что края его, обитые желѣзомъ, очень мало подымаются надъ водою, въ серединѣ же его устроена круглая башня, тѣмъ же металломъ обложенная, въ отверстіяхъ которой стоятъ пушки. Названіе заимствовано отъ имени насѣкомаго, принадлежащаго къ семейству ящерицъ, имѣющаго броню и будто бы предупреждающаго человѣка о приближеніи крокодила. (См. Dict. de la langue fr. par E. Littré, t. II, Paris, 1868).

МО́РУШКА * (Ж.). Большая смертность. На дѣтей *морушка.* (Твер.).

МОРЦО́ *. Морской заливъ, устье котораго занесено пескомъ (*Списки насел. мѣстъ*, Астрах. губ.). См. *Мурчугъ*.

МОТЫЛЬ. Гной. *И. Г. Р.* II, прим. 256. См. *метыль.* (Въ ак. сл. есть *мотыло*, — пометъ, калъ, навозъ). У Даля пропущено.

МУРЧУ́ГЪ (или, можетъ быть, правильнѣе *морчугъ* отъ *морцо*, см. это слово). Наполненныя водой ямины на берегахъ рѣки или озера, глухіе рукава рѣки и т. п. (что мѣстами называется *ерикъ* или *узекъ*): «Пугачевъ въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ-Узенѣ въ тамошнихъ *мурчугахъ* или у раскольниковъ». — «Открылъ явный я надъ бѣгущими изъ степи злодѣями, по раскольничьимъ монастырямъ, хуторамъ и *мурчужнымъ* ихъ жилищамъ, поискъ». (*Соч. Держ.*, Т. V, стр. 11 и 78). Ср. у Тредьяковскаго: «плыть по Москвѣ рѣкѣ *мурчу-*

гами. Не плывите *мурчугами:* я вамъ лучше совѣтую ѣздить прямою дорогою». (*Соч. Тредьяк.*, Спб. 1849, т. III, стр. 242).

мухоброды. Смѣшанное латышское населеніе за Динабургомъ, около Крейцбурга, имѣнія барона Корфа.

мшенный [1] (мшаный?). Мшенными срубами. *Въ Л.* I, 363.

мыкать *. Собственно *мчать.* (См. сказку *Бова Королевичъ*).

мысь *. Бѣлка (Псков. губ. Опоч. у.). *От. Зап.* 1854, мартъ, стр. 9. У Даля это слово съ вопросит. знакомъ, но, кажется, напрасно.

мятусить (Ж.). Испугавшись, стали *мятуситься* на плоту. (Твер.).

набросокъ, накидокъ. Эскизъ.

наводъ. Шапка съ наводомъ. (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 450).

навье [1] (одного корня съ гл. ныть, ср. чеш. unaveni).

нагонщикъ [1]. (Г.). Кто нагоняетъ шину на ободъ. (Изъ печатнаго отчета московскихъ больницъ, гдѣ больные распредѣлены по занятіямъ или ремесламъ).

надить [1] (сѣверн.). Точить соху.

наметка * (футштокъ). *Накидывать наметку*, т. е. дѣлать промѣръ.

нанзыкъ. Родъ полотна.

на́плывъ [1] (Ряз. г.). Употреб. еще въ смыслѣ болѣзненнаго ожирѣнія человѣка.

нарохти́ться. См. у Даля *норохтиться.* «. . . прошохала объ его будущемъ богатствѣ и объ его смиренствѣ, захотѣла быть старинной дворянкой и нарохтится за него замужъ». (Акс. *Сем. Хр.*, 113).

насланье. Бѣдствіе. *Первое Божіе насланье,* первая холера (Сарат.).

насосникъ [1] (Г.). Кто начакиваетъ воду. (См. нагонщикъ).

настрыкаться [1] *А. К.* II, 25.

настъ. Поставлено Далемъ совершенно произвольно подъ гл. настужать.

неволя *. *За́ неволю:* «Я приберегла тебѣ вѣсточку на закуску, ты ей за неволю повѣришь». (*См. Хр.*, стр. 114).

недоставать. Глаголъ этотъ пропущенъ какъ въ академическомъ словарѣ, такъ и у Даля, но, кажется, долженъ стоять особо въ своей отрицательной формѣ. Не мѣшало бы присовокупить и его причастіе *недостающій*, употребляемое въ значеніи прилагательнаго имени.

нежить *. Дополнить по *Исторіи славянскихъ литературъ* г. Пыпина (ст. Болгарія, стр. 77).

непомѣстный. Тотъ, кому не сидится. (Буслаева *Историч. Очерки*, т. I, стр. 21).

НЕПРАВЫЙ — о человѣкѣ съ прирожденнымъ недостаткомъ умственнымъ или тѣлеснымъ.

НЕ́РАБОТЬ. (Ряз. губ.). Собир. о дворовыхъ людяхъ.

НЕРОТА. Рыболовная снасть. (Акс. *Восп.*, стр. 90).

НЕСООБРАЗНОСТЬ. Пропущено.

НЕСУДЕРЖНЫЙ. Не умѣющій смолчать.

НОВШЕСТВО. (С. М. Соловьевъ). Введеніе новизнъ.

НОРА *. (Пейп.). Извѣстное количество сѣтей, выставленныхъ въ линію.

НОСОКЛЕЙКА. (Ж.). Дать *носоклейку*, т. е. выговоръ. (Самар.).

НУДЪ, медиц. То же, что *нуда?*

НУ́ЖЕНЬКІЙ. Худенькій, маленькій ростомъ.

НѢТИ, множ. *Быть въ нѣтяхъ.* (Устр. *Ист. Петра В.*, т. I, стр. 178, 188 и 194).

ОБНИМАТЬ [1]. NB. При этомъ глаголѣ въ словарѣ Даля поставлена невозможная по своей безобразной неправильности форма: «объемлить».

ОБОПРѢТЬ. Слова этого нѣтъ въ своемъ мѣстѣ, но оно употреблено самимъ Далемъ въ толкованіи глагола *опрѣть*. Надобно прибавить: *обопрѣлый*, *обопрѣлость*.

ОБРОДЪ [1] (Ряз. губ.). Необыкновенно обильный урожай на плоды и т. п. У Даля есть только гл. обродиться, и прил. обродный.

ОБТЁРХАТЬСЯ [1]. Обноситься. Помѣщено неправильно подъ словомъ *обтирать*. За начало слѣдуетъ принять неупотр. *тёрхать*, значеніе котораго видно изъ подобозвучнаго *дёргать*. У Даля другое удареніе: *обтерха́ться*.

ОБУХЪ *. «По обѣимъ сторонамъ ихъ шли гайдуки въ богатой венгерской одеждѣ съ серебряными обухами». (Устр. *Исторія Петра В.*, т. III, стр. 30).

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ. Пропущено.

ОБЫДЁННЫЙ. Вотъ еще случаи правильнаго употребленія: обыденный хлѣбъ, квасъ (еще не успѣвшій скиснуться), обыденная сметана.

ОВСЕНЬ. Это слово записано Далемъ подъ буквою *А*, что́ едва ли правильно, такъ какъ ни одно чисто славянское слово съ этой буквы не начинается; къ тому же и самъ онъ, при *авсень* поставилъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, *овесень*. См. *Сказанія* Сахарова, ч. II, кн. 7, стр. 2. (Такъ же несправедливо Даль поставилъ подъ А слово *абаполъ*, хотя въ предисловіи и самъ порицаетъ за подобную орфографію Областной Словарь).

Огнева *. Такъ простонародье прозвало пароходы при появленіи ихъ на Волгѣ (иначе: чертова кобыла).

Одиконъ [1]. *Въ Л.* I, 47.

Односельчанинъ. Пропущено. Употребляется невѣрно вм. *односелецъ*, ибо *односельчанинъ* образовано отъ *сельцо*, слѣдовательно можетъ означать только крестьянина того же сельца, а не села.

Озаглавить, озаголовить. Дать заглавіе. *Озаглавленный.*

Олёхъ, олешникъ. Пропущено.

Омчениnъ. (житель Мценска, иначе Мченянинъ).

Ондрéцъ (сѣв.). Двуколесная телѣга съ пяльцами, употребляемая для уборки хлѣба и сѣна. Ср. у Даля *андрецъ* и *одръ*.

Ондухъ (духъ). *Въ Л.* I, 278.

Опростоволоситься. Пропущено.

Опѣнять, опѣняемый. Карамзинъ въ статьѣ: *Нѣчто о наукахъ* и проч.

Оранжерея *. Должно быть опредѣлено точнѣе: строеніе, отапливаемое зимою (до 10° Реом.) для сбереженія цвѣтовъ и деревьевъ. Это названіе слѣдуетъ отличать отъ слова *теплица* = низенькое строенье, нагрѣваемое печью до высокой температуры (выше 10°) для произращенія цвѣтовъ и плодовъ на тропическихъ растеніяхъ. Оба строенія имѣютъ покатый, изъ стекольныхъ рамъ состоящій верхъ. Въ нашихъ словаряхъ это различіе не обозначено надлежащимъ образомъ.

Ослопъ *. Должно быть сравнено съ словомъ *остолопъ*, изъ котораго оно произошло посредствомъ сокращенія. *Остолопъ* же есть русская народная форма слова *столпъ*.

Ослядь [1]. Изъ Записокъ по р. грамматикѣ, проф. Потебни, II, 329. У Даля: оследь.

Остречье. (Пейп.). Видъ сѣти для лова мелкой рыбы.

Отбой [1] (Г.). У Даля не отмѣчено значенія, какое получаетъ это слово на коннозаводскомъ языкѣ. Въ Пруссіи берется плата за каждую случку; у насъ за три случки до отбою.

Отверница. «Въ сихъ двухъ стихахъ заключается насмѣшливая отверница или обинякъ [équivoque]». *Соч. Держ.*, Томъ I, стр. 262. Ср. Востокова *Словарь Ц.-сл. яз.* Отвьрьница, противное.

Относиться къ чему-либо такъ или иначе. (Напр. сочувственно или враждебно). Это значеніе глагола упущено Далемъ изъ виду.

Отреченныя книги. См. Пыпина *Исторія слав. литературъ*, стр. 62 и д.

Отъятой. Пропащій, неисправимый.

Охинѣть *. Разбогатѣть. *(Оп. Обл. Словаря).* Существованіе этого слова, заподозрѣннаго у Даля вопросительнымъ знакомъ, под-

тверждается выраженіемъ Державина въ одномъ шуточномъ письмѣ: «охинѣеши бо скоро богатствомъ». (*Соч.* его, т. V, стр. 661).

ОХРЕЯНЪ *. «Условились также о русскихъ плѣнникахъ и невольникахъ, также объ охреянахъ или *раскольникахъ*, бѣжавшихъ въ Азовъ», (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 290). Ср. тамъ же стр. 236: «Азовскій паша подослалъ въ русскій лагерь одного изъ охреянъ, закоснѣлыхъ раскольниковъ». У Даля *охреянъ* = лѣнтяй; неотесаный, неуклюжій, грубый.

ПАДЛЁНОКЪ. Деревцо, выросшее изъ падали, т. е. изъ упавшаго съ другого дерева сѣмени.

ПАЗВУКЪ. (Nachhall). «. . . произносились съ носовымъ пазвукомъ». П. Лавровскій въ *Зап. Ак. Н.*, т. VIII, № 3, стр. 34.

ПА́ЗЕМКА (позёмка). Земляника.

ПАЗНОГТЬ [1]. Mikl. Vergl. Gramm. II, 360: vielleicht nicht der rechte nagel.

ПА́ЗОРИ [1]. Сѣверное сіяніе. *Въ Л.* I, 284.

ПАЛЕЯ. Лѣтопись, извлеченная изъ Ветхаго Завѣта, содержащая иногда дословно всѣ свѣдѣнія, въ немъ заключающіяся, и раздѣленная на 10 книгъ.

ПАНДУСЪ (отъ pente douce). См. примѣчаніе къ слову маракулъ.

ПАРЕНЫЙ ЗАЛОГЪ *: «переломали не пареный залогъ» (Акс. *С. Хр.*, стр. 20). При словѣ *залогъ* находимъ у Даля, между прочимъ, значеніе: «выпаханое и запущеное поле, брошеное на нѣсколько лѣтъ, чтобы снова задернѣло»; но ни *переломать*, ни *пареный* не показаны въ томъ смыслѣ, какой здѣсь присвоенъ этимъ словамъ.

ПАСКА, ПОСКИМИТЬСЯ. Народныя формы вм. церковныхъ, греческихъ: *пасха, посхимиться.*

ПАТАРЕНЪ. *Изв. II-го Отд.*, т. VII, вып. II, стр. 112: «Очень важно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что глаголица есть изобрѣтеніе и собственность богомиловъ и патареновъ» и т. д.

ПЕ́НДУСЪ. Топкій берегъ, вообще топкое мѣсто). (Ср. у Даля *пе́нусъ*).

ПЕРЕЛЮСТРАЦІЯ, ПЕРЕЛЮСТРОВАТЬ (нѣм. perlustration, perlustriren — просмотръ, просматривать). Эти выраженія употреблялись въ 18-мъ столѣтіи въ отношеніи къ письмамъ, которыя по распоряженію правительства вскрывались на почтѣ, и встрѣчается часто въ *Дневникѣ* Храповицкаго. Дмитріевъ также говоритъ: «двѣ перелюстрованныя реляціи отъ нашего посла». (*Взглядъ на мою жизнь*, стр. 196).

ПЕРЕМЕТЕНЬ. Вьюга.

ПЕРЕМИНКА [1]. Вм. пирамидка. См. подъ словомъ Маракулъ.

ПЕРЕУЧЕТЪ. Повторенный учетъ.

ПИДЖАКЪ. (Англ. Peajacket = толстая шерстяная куртка, какую носятъ матросы и проч. Словарь Вебстера).

ПЛЕХА. Презрит. Женщина дурнаго поведенія.

ПОБЕРИГИ. (Ж). Побирухи. (Новгр.).

ПОБѢЛКА. *Спб. Вѣдом.* 1867, № 304. Засѣд. Археолог. Общества.

ПОВАРЁШКА. (Новг.). Родъ піявки, величиной съ вершокъ, имѣющей круглую головку и круглый хвостъ, къ концу постепенно отончяющійся и напослѣдокъ остроконечный. (П.).

ПОВОЗИТЬСЯ *. Не показано его значеніе въ слѣдующей фразѣ: «Крестьяне обѣщали повозиться», т. е. повозить хлѣбъ.

ПОГОДА *. Употребляется и во множ. числѣ въ слѣдующемъ присловьи: «Семь погодъ на дворѣ; сѣетъ, вѣетъ, кутитъ, мутитъ, рветъ, сверху льетъ, снизу мететъ».

ПОДЗЁМКА. (Рязан.). Метель снизу.

ПОДЗОРЩИКЪ [1]. Лазутчикъ. См. Соч. Держ. V. Переписка во время Пугачевщины.

ПОДКРЯКОВАЯ УТКА [1].

ПОДКУСТАРНИКИ. (Ж.). Легковые извозчики зимніе, у которыхъ плохая упряжь. (Моск.).

ПОДЛИННИКЪ *. Описаніе, какъ святой изображается на иконахъ. Слово *подлинникъ* (въ общемъ значеніи своемъ) происходитъ отъ предлога *подлѣ*, означая то, что стоитъ рядомъ съ чѣмъ-то другимъ. Предлогъ же *подлѣ* составленъ изъ *по* съ прибавленіемъ окончанія, сокращеннаго изъ црк.-слов. *длъгъ*, *дълъ* (подлъгъ, подълъ, см. Словарь Востокова).

ПОДОЖОКЪ: «слѣдовало бы ожидать толчка калиновымъ *подожкомъ* (всегда у постели его стоявшимъ)». *С. Хр.*, стр. 35.

ПОДОРОЖНИКЪ *: «напекли и нажарили разныхъ подорожниковъ». *Сем. Хр.*, стр. 228.

ПОДСОХЪ. У Даля *подсоха* значитъ м. пр. столбъ, подпора. Рязанскіе плотники говорятъ *подсохъ* въ муж. р.

ПОДХЛЮСТАТЬ (напр. платье). Запачкать снизу.

ПОДХОЖІЙ. «Между тѣмъ послы двинутся изъ подхожаго стана къ мѣсту, назначенному для ихъ пріема». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. III, стр. 121).

ПОДЪЕФЕРИВАТЬ. Поддакивать, а при случаѣ и свое привирать.

подъѣздъ *. Особаго устройства лодка, употребляемая при запасахъ для ловли снетковъ въ Пск. губ. См. *запасъ*.

подъѣзжачій *. *Зап.* Держ. (*Русск. Бес.*), стр. 23.

подымать * (Ж.). Воспитывать. *Я подымалъ* ихъ маленькихъ и потомъ отдѣлилъ. (Нвгр.).

покладаться. Уговориться, условиться. *Мы съ нимъ покладались на такую-то цѣну.* (Смол.).

поклажное. Приданое со стороны жениха.

покосъ *. Выраженіе: «въ одномъ покосѣ» употребляется въ смыслѣ: въ одномъ положеніи.

поле [1] (Г). «Охотничья собака двухъ полей». У Даля не объяснено это выраженіе. По словамъ И. С. Тургенева, оно означаетъ что собака уже два года была на охотѣ, и имѣетъ не менѣе трехъ лѣтъ отъ роду. (Изъ частнаго письма окт. 1876 г.).

полка. сущ. отъ гл. *полóть*.

полотняная церковь [1]. *Въ Л.* I, 47.

полтина *. Состоитъ, по мнѣнію Даля, изъ двухъ словъ *полъ* и *тинъ*. (См. у него глаг. *тети* съ его производными; самое же слово. *полтина*—въ концѣ слишкомъ обширнаго и сбивчиваго гнѣзда, начинающагося словомъ *пола*). На самомъ дѣлѣ *полтина* есть только видоизмѣненіе существ. *полотъ* или *полть*, которое собственно значитъ *половина*.

полустáнокъ. Станція на ж. д., безъ станціоннаго дома, у которой поѣздъ останавливается на самое короткое время на пріема пассажировъ.

полъ *. Въ значеніи помоста едва ли одного корня съ *полъ* = половина. Въ противномъ случаѣ какъ объяснить слова *полокъ, полка, полати?* Скорѣе тутъ надо искать того же корня *(пл)* котораго первоначальное значеніе является въ *плоскій, платъ, платно, поле* (въ герм. языкахъ *fl*, flack, flur (=полъ), feld, fält. Ср. хорут. pola=плоскость: Murko).

полъ-имени. Одно крестное имя безъ отчества. Замѣчаніе извозчика о добромъ его хозяинѣ: «Никогда не назоветъ человѣка въ *полъ-имени*, — всегда повеличаетъ» (т. е. назоветъ и по отчеству).

полый *. Открытый: полая дверь, полое окно (Сѣв.). Пустой. Оттуда: *полоумный;* это прилаг. вовсе не имѣетъ соотношенія съ словомъ *пола* (половина), подъ которое оно подведено у Даля. Натяжка видна уже изъ того, что посреди множества другихъ, начинающихся съ *полу* —, это одно начинается съ *поло* —.

ПОМОШНИ́КЪ (отъ *мохъ*). Камень середи пашни. (Ср. у Даля *по́мошь, помо́шье*).

ПООБЛИЧИТЬСЯ[1]. *Въ Л.* I, 367.

ПОРЯДКОВЫЙ. Грамматическій терминъ для означенія извѣстнаго вида числительныхъ именъ.

ПОСАДЧИКЪ[1] (Г.). Кто сажаетъ деревья. (См. нагонщикъ) или еще: Рабочій укладывающій кирпичъ въ обжигательную печь на кирпичныхъ заводахъ.

ПОСКАЗУЛЬЩИКЪ. Значитъ въ Сибири то же, что олонец. *сказитель*, слово, вовсе не извѣстное тамъ даже олонецкимъ переселенцамъ. (Слышано отъ С. И. Гуляева).

ПРАШЕВАНЬЕ (кукурузы). Окучиванье. «По окончаніи весеннихъ посѣвовъ молдаванину остается еще много времени до прашеванія кукурузы и потомъ до сбора ея, который бываетъ только въ концѣ августа или въ началѣ сентября». (*Воен.-статист. обозрѣніе Бессар.*).

ПРЕПАРОВОЧНАЯ (отъ гл. препаровать, сущ. препаровка). Часть анатомическаго театра. (*Спб. Вѣдом.* 1871, № 307. Фельетонъ).

ПРЕСТУПНИ́КЪ * (мн. преступники́). Такъ произносятъ въ Смол. губ.

ПРИВОДЕЦЪ. Вождь: «чтобъ кто былъ тому войску собиратель и приводецъ». (*Ядро Росс. Ист.* М. 1791, стр. 339). «Болѣе нежели одинъ приводецъ за побѣды свои обязанъ соперника своего славѣ». (Державинъ, *Читал. оды*; см. *Соч.* его, Т. III, стр. 280). Ср. польское dowódca.

ПРИГРЕЗИТЬСЯ. Пропущено.

ПРОВЕРЗА́[1] (Новгор.). То же, что проверзины. Послѣднее слово есть у Даля.

ПРОИСХОДИТЬ *. Пропущено народное значеніе слова: итти впередъ, успѣвать, дѣлать карьеру. «Кальчинскаго хозяинъ не жаловалъ и за то, что онъ *происшедшій*, и за то, что онъ еретикъ и развратникъ». (*С. Хр.*, стр. 220).

ПРОСТОКВАША *. Должно, кажется, стоять не подъ прилаг. *простой*, а подъ глаг. *простоять:* простоемъ кваситься. Такъ думалъ Павскій.

ПРОСТОПЛЕТКА. Лапти плетутся въ простоплетку, когда ихъ дѣлаютъ безъ веревочной каймы (ушника́) и вмѣсто того загибаютъ по краю самое лыко. Такіе лапти далеко не такъ прочны, какъ объяснялъ мнѣ крестьянинъ, занимавшійся плетеніемъ этой обуви въ южной части Рязанской губ. (Данк. у.).

ПРОСЫЛАТЬ, ПРОСЛАТЬ.

ПРОТЕРЕТЬ ВРЕМЯ вм. потерять время. (Смол.).

ПРОШОХАТЬ. См. нарохтиться.

ПРУТКИ. Спицы (напр. для вязанья).

ПУСКЪ [1]. . . «Поле, лежавшее восемь лѣтъ въ залежахъ подъ пусками». *А. К.* II, 166.

ПУСТОВАТЬ. Быть пустымъ, вакантнымъ, напр. каѳедра пустуетъ.

ПУ́ЩИ. (множ.). Цѣлыя группы пней на днѣ Днѣстра—особенно ниже Бендеръ,—о которые по временамъ разбиваются суда. (*Воен.-стат. обозр. Бессар.*).

ПѢСТУНОШЪ. Молодой медвѣдь, который, по народному повѣрью, нянчитъ своихъ маленькихъ братьевъ.

ПѢТУХЪ [1]. Перья, насаженныя на палку для чистки мебели отъ пыли.

ПѢШКА́МИ, говоря о многихъ, вм. *пѣшкомъ*, какъ *верхами* вм. *верхомъ* (слыш. въ Раненб. у. Ряз. губ.). Замѣтимъ кстати, что народъ сохранилъ старинную форму *верхи* (твор. пад. множ.) вм. верхами въ поговоркѣ: «Верхи пошли, пѣши вернулись».

РАЖО́ *. Много.

РАЗБИВНОЙ ШРИФТЪ, т. е. шрифтъ съ разрядкой.

РАЗБРАЖИВАТЬСЯ *. Эта, хотя и неупотребительная глагольная форма, все-таки лучше совершенно неправильной *разбредаться*, которую въ послѣднее время стали употреблять писатели: «Русакъ уже до половины затерся (перелинялъ) *), лисьи выводки начали *разбредаться*». (*Война и Миръ*, III, 119). Такъ и въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* 1868, № 160, въ передовой статьѣ, сказано: «Солдаты разбредаются между памятниками (Ваганьковскаго кладбища) для прогулки и отдохновенія».

РАЗВРАТЪ *. Вражда, когда ее поселилъ кто-нибудь третій.

РАЗВЯЗА [1]. *А. К.* II, 167.

РАЗДОБЫТЬСЯ чѣмъ. Достать, припасти что.

РАЗДРОБЬ, ж. р. (не *раздробъ* м.). Напр. продажа въ раздробь.

РАЗРѢЗЪ *. Итти съ чѣмъ-нибудь въ разрѣзъ.

РАЗСТРѢЛЪ (Ж.). Приговариваютъ за поджогъ къ *разстрѣлу*.

РАМЕНЬ [1]. *Въ Л.* I, 138.

РАМА. Во многихъ мѣстахъ своего словаря Даль утверждаетъ, что это слово есть славянское и заимствовано Германцами отъ *рамо*=плечо. См. его замѣч. подъ этимъ словомъ, также подъ *раменье*, *обраменье*, *край*. Но доказательствъ на это предпо-

---

*) Это значеніе слѣдуетъ занести въ словарь при объясненіи гл. *затереться*.

ложеніе не приведено. Ср. Diefenbach, Vergleich. Wörterbuch. стр. 589.

РАСПОБЫЧИТЬ (?) **МЯСО.** Разрѣзать на части, что́ въ одно кушанье, что́ въ другое. (Карсунскій у.).

РАСТУШКА. Извѣстное орудіе для рисованья.

РАСФУФОНИТЬСЯ. Пропущено.

РЕДУТЪ. *Стар.* Мѣсто общественныхъ собраній, гдѣ танцуютъ и пр. (по нынѣшнему домъ дворянскаго собранія, клубъ и т. п.).

РОСЕВОЙ [1] (Г.). Овесъ. Изъ объявленія о цѣнахъ на разные роды хлѣба и другіе съѣстные припасы въ Орлѣ.

РОСЛЫЙ *. Говоря о мѣхѣ, пушистый.

РОСНО́ *. Сыро. Ряз. губ.).

РУКА [1] (Новг.). Съ рукой стоять — обычай, издревле служившій для содержанія православнаго духовенства въ городѣ Валдаѣ, но отмѣненный самимъ духовенствомъ въ 1852 г. Въ великомъ посту, послѣ молитвъ по причащеніи, протоіерей или очередной священникъ выходилъ изъ алтаря съ крестомъ, рядомъ съ нимъ становились другіе священники и потомъ причтъ по порядку съ дѣтьми муж. пола, сторожъ церковный и даже тѣ, кто ему помогалъ въ присмотрѣ за церковью, причастникъ, прикладываясь къ кресту, надѣляли каждаго по усмотрѣнію. (П.).

РУШИТЬ *. Препятствовать. *Не рушь* = пускай: *не рушь говорить; не рушь идетъ.* (Смол.).

РЫБЕШКА [1]. *Въ Л.* I, 325.

РЫНО́КЪ. Прижимистое къ водѣ мѣсто на нагорной сторонѣ рѣки почти то же, что мысъ на луговой.

РЫСЬ *, какъ и во всѣхъ словаряхъ, показано женскаго рода; но народъ, по кр. мѣрѣ мѣстами, говоритъ: *рысь убѣжалъ.* Ср. это слово въ другихъ славянскихъ языкахъ, гдѣ оно муж. рода: хорут. ris, серб. рис, польс. ryś, чеш. rys, луж. rys. Въ литературномъ языкѣ нашемъ *рысь* женскаго рода; см. напр. у Держ. басню *Медвѣдь и рысь* (*Соч.* его, Т. V, стр. 558).

РѢДОЧЬ [1]. Не только полотно, но также напр. рѣдкій въ полѣ овесъ.

РѢШЕТИНА (и Рѣшети́на). Latte pièce de bois mince pour porter la tuile; crible, sas, bluteau, tamis. (Словарь Рейфа).

РЮМЪ. Пѣвчая птица изъ породы жаворонковъ (Alauda alpestris).

САЙДА [1] (Г.). Родъ рыбы въ Бѣломъ морѣ (свѣдѣніе изъ Мзени).

САКМА *. Означаетъ также часть рѣчного берега, которая заливается водою.

Салма. Татарское кушанье въ родѣ лапши или клецокъ. Встрѣч. не разъ у Держ., напр. въ одѣ *На рожденіе Гремиславы*. Ср. отрывокъ изъ семейныхъ записокъ Рожнова въ *Библ. для Чт.* 1862, № 1, стр. 127.

Самоуправленіе. Пропущено.

Самохотка. (Вологод., Яросл. губ.). Тайный бракъ въ деревняхъ.

Сахота. Русскій базаръ, или торгъ, на который пріѣзжали дикіе горцы въ укрѣпленія по черноморской береговой линіи. У Даля *сатовка* съ вопросительнымъ знакомъ.

Свита [1] (Г.). Въ журналѣ комиссіи о тюремномъ преобразованіи (1877—1878 гг.) относительно ссылки на каторгу, при упоминаніи серебро-свинцовыхъ рудниковъ, сказано: «Возстановленіе цѣлыхъ *свитъ*, затопленныхъ» и т. д. Слово *свита* въ этомъ значеніи не объяснено Далемъ.

Сейчасъ. Не только въ Москвѣ, какъ показано у Даля, но и во всей средней, а можетъ-быть и южной Россіи, имѣетъ кромѣ своего общаго значенія, еще другое: теперь, въ настоящее время, напр. «Онъ служитъ сейчасъ по выборамъ».—«Церковнымъ старостой сейчасъ такой-то».

Сводиться — на что, къ чему.

Селява *. Небольшая вкусная рыбка, въ родѣ ряпушки, добываемая изъ нѣкоторыхъ озеръ Псков. губ. (*Воен.-стат. обозр. Пск. г.*, стр. 112).

Серень. Снѣга на полѣ очень велики, и осеренило ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не подниметъ». (*Ист.* Соловьева, т. VI, стр. 422).—«Здѣсь ясно значеніе словъ: серень и осеренить: говорится объ оттепели, которая сдѣлала снѣгъ рыхлымъ, такъ что лошади въ немъ проваливались». (То же, т. VII, стр. XIV).

Сидка * (Ж.). *На сидкѣ, на высидкѣ* (въ тюрьмѣ).

Сило [1]. *А. К.* II, 137.

Сквозной (Ж.). *На сквозныхъ*, — на долгихъ, въ противоположность слову: на сдаточныхъ. Выраженіе вольныхъ ямщиковъ. (Твер. губ.).

Сколотиться [1]. Сколочусь по времени съ денжонками. *Въ Л.* I, 34.

Скорлозубецъ (царскіе кудри, Fritillaria imperialis). *С. Хр.*, стр. 19. У Даля *скалозубецъ* (лилія); въ *Бот. Словарѣ* Анненкова подъ № 803 *скалозубецъ*.

Скрыжанель. Сортъ яблоковъ. Другіе сорты показаны у Даля.

Скрута (Сѣверн.). Приданое.

СЛАВНУКЪ (Сѣверн.). Молодецъ женихъ, который славится въ деревнѣ. Славнуха, невѣста, славящаяся богатствомъ.

СЛАВУТНИЦА (Сѣверн.). Дѣвушка-щеголиха.

СЛАМЪ [1]. По Далю то же, что *слазъ* = отступное, плата, которую беретъ кто-либо, уступая права свои другому. Иначе объяснено это слово въ одной замѣткѣ о книжномъ аукціонѣ: «Маклаки торговцы покупаютъ продаваемое имущество компаніей или, по употребляемому ими выраженію, *въ сламу*»... «... Если на продажу является посторонній покупатель, то компанія маклаковъ предлагаетъ ему тотчасъ же итти съ ними въ сламъ или взять отступного и не торговаться». (*Спбург. Вѣдом.* 1870, № 36).

СЛАНЕЦЪ *. Правильно отнесено къ одному корню съ гл. *стлать*. Но отчего же не сближены съ нимъ также слова *слой* (стлой) и *слюда* (стлюда)?

СМАРДЪ (вм. смрадъ?). Туманъ происходящій отъ гари.

СНЫТКА [1]. *А. К.* II, 48.

СОБЛИСТАТЬ. «Соблещетъ молнія мечу». (*Соч.* Ломон., ода 15, строфа 8). Ср. у Держ. *Пѣснь Баярда* (*Соч.* его, т. III).

СОКОЛЬНИКЪ. (въ Галиціи). Hieranium pilosella.

СОКЪ. Не показано старинное значеніе: обвинитель; по Словарю Востокова, доносчикъ. Ср. серб. сок = сыщикъ (Ausfinder), свидѣтель; чеш. sok = противникъ, врагъ, клеветникъ; поль. sok = клеветникъ (Словари Караджича, Юнгмана, Линде). Ясно, что въ этомъ значеніи *сокъ* одного корня съ гл. *сочить* (ссочить, высочить) = отыскивать, требовать, доправлять. (Сл. церк.-слав. и русск. языка). Этотъ глаголъ сохранился у насъ и въ народномъ языкѣ: по *Дополненію* къ Областн. Словарю, онъ употребляется въ Курской губ. въ смыслѣ: слѣдить, прогонять звѣря. Ср. поль.: soczyć (osoczyć) = травить, клеветать (откуда и существ. soczenie). Въ подобномъ смыслѣ гл. *сочить* принятъ и Далемъ съ объясненіемъ: «манить, выманить... искать; слѣдить, гнаться за кѣмъ» и съ указаніемъ мѣстностей: *зап. вост. пск. прм.*, причемъ приведены и примѣры изъ народнаго языка. «Можетъ-быть», прибавляетъ Даль, «здѣсь *сочить* знач. течь (самому) куда, а можетъ быть это и вовсе иной глаголъ», т. е. не имѣющій ничего общаго съ словомъ *сокъ*, къ гнѣзду котораго онъ отнесенъ. Вѣрнѣе, *сокъ* одного корня съ глаг. *искать*, гдѣ начальная гласная, можетъ быть, только прибавочная, какъ въ сл. *игра* (малорос. *ськаты* = искать). Ср. англ. seek, шв. söka, герм. suchen, поль. szukać. По Шлейхеру, ср. гот. sak, лит. sak

yti (dicere), нѣм. sag (*Зап. А. Н.* VIII, прил. 2, стр. 19, 20). Тамъ же о глаг. *искати* (др.-нѣм. eis-cô-n).

СОЛНОПЁКЪ. Припекъ солнечный. *Сидѣть на солнопекѣ.*

СОРОВЩИКЪ. Золотарь. (*Моск. Вѣд.* 1866, № 153, перед. ст.). Самое слово *соръ* одного корня съ извѣстнымъ глаголомъ, какъ *боръ* съ гл. *брать.*

СОРОКОПУДЪ. Помѣщено подъ *сорокъ* (40), а должно бы стоять подъ *сорока*; это лат. Lanius; нѣм. Neuntödter; ср. фин. lapin harakka (lanius excubitor). Слово *пудъ* встрѣчается также въ *страхопудъ* и сродни съ гл. *пудить* (ср. чеш. pudit, разгонять, распугивать), церк.-слав. *распудити:* «волкъ расхититъ ихъ и распудитъ овцы». (Іоан. X, 12).

СТАВЕШОКЪ [1]. *Въ Л.* I, 73—74.

СТАВЛЕНЫЙ МЕДЪ. «... нѣсколько ведеръ крѣпкаго ставленаго башкирскаго меду». (*Сем. Хр.*, стр. 12).

СТАНЫЙ. То же, что *статочный, сталый.*

СТАРИЦА *. На Уралѣ такіе рукава рѣки, которые, выходя изъ нея, съ нею же послѣ опять соединяются, называются старицами, потому что нѣкогда были главными руслами Урала. Тѣ, которые имѣютъ истокъ и устье, называются полуусыми *(полоусыми?)* старицами. (Н. Данилевскій въ *Вѣстн. Географ. Общ.* 1858, № 3).

СТАТОВЬЁ. Тканье полотенъ. (*Библіотека для Чт.* 1862, № 1, стр. 129).

СТЕПЬ *. *Записать на степь*, т. е. на переселеніе въ степныя губерніи.

СТЕРЖЕНЬ *. Употребл. въ значеніи *шкворень.* (Ряз. губ. Скоп. у.).

СТОЧНЫЙ (иногда не отъ *стекать*, а отъ *стокать, соткать*). Тканый: «сточный поясъ». (*Ист. Гос. Росс.*, т. IV, стр. 386).

СТРЕКОЗИТЬСЯ — шалить, рѣзвиться, напр. о скотѣ.

СТРѢЛКА *. Главный стволъ у луковицы и чесноку, на которомъ бываютъ сѣмена (?).

СТРЮЦКІЙ (иногда *стрюцкой*). Въ разныхъ концахъ Россіи простолюдье употребляетъ это слово иногда въ презрительномъ значеніи подьячаго, мелкаго чиновника или вообще дрянного человѣка. Объяснить происхожденіе этого слова не легко. У Даля *стрюкомъ* (Костром.) = ключомъ, струею. Однажды, въ Ряжскѣ, на желѣзно-дорожной станціи, мужикъ при мнѣ назвалъ *стрюцкимъ* мальчишку, который ловко и плутовски увернулся и убѣжалъ, когда тотъ ловилъ его. (Нѣм. streichen, шв. stryk?).

СТУШЕВАТЬСЯ[1]. Сдѣлаться незамѣтнымъ, исчезнуть.

СТЯГЪ СВѢЖИНЫ[1]. *Въ Л.* I, 380.

СУГИБЕЛЬ[1]. Крутой поворотъ въ оврагѣ. Тург. II, 115.

СУЕРЫЖНИЧАТЬ (Ж.). Безъ толку ругаться. (Твер.).

СУКНОВАЛКА. Сукновальня.

СУЛОЙ (и сувой)*. «Встрѣча теченій между собою, съ выступами береговъ и рифами, съ противными вѣтрами и т. п., разводитъ сильнѣйшее волненіе, жесточайшую сумятицу; волны кипятъ, низвергаются, сшибаются, вздымаютъ даже стѣны (А. Ѳ. Миддендорфъ). Наши мореплаватели называютъ это явленіе *сулоемъ* и познакомились съ нимъ преимущественно въ проливахъ между Курильскими островами». (Л. И. Шренкъ, *Очеркъ физ. геогр. сѣверо-японскаго моря*, Спб. 1869, стр. 41).

СУМАКЪ ИЛИ СУМАХЪ. Rhus Cotinus. См. *Бот. Слов.* Анненкова № 1193.

СУМАЧЕЙ. Разносчикъ разнаго мелкаго товара по деревнямъ для продажи.

СУСАКЪ, СУСАТОКЪ. Butomus umbelatus. См. Анненк. № 298.

СУТОЛИНИЩЕ. Крылова *Зритель.* Ч. I («Ночи»), стр. 149.

СУТЫРЬ[1]. *Въ Л.* I, 297.

СХОДНЫЙ*. ...«Сѣвскій воевода, сходный товарищъ князя Голицына въ послѣдній крымскій походъ». (Устр. *Ист. Петра В.*, т. II, стр. 81).

СѢДЛОВИНА. Углубленіе въ горной грядѣ. (*Соврем. Лѣтопись* 1869, № 23, «Изъ Екатеринбурга»).

СЪЮТИТЬ. Собрать воедино.

СѢМЕНИТЬ*, **ЗАСѢМЕНИТЬ.** Ходить скорыми, мелкими шагами. У Даля *семенить* едва ли правильно.

ТАЛІЯ (Г.). Число ударовъ маятника въ одинъ часъ (*Гусевъ.* Часовое мастерство. Нижн. Новг. 1870. Стр. 7).

ТАМЫРЪ. Другъ, пріятель; такъ называются люди, сдружившіеся и обмѣнявшіеся подарками, на Сибирско-Иртышской линіи и въ Киргизской степи (П. Семеновъ).

ТАРАКАЛЬНИКЪ. Въ Мингрельскомъ мѣстномъ положеніи (§ 33) сказано: «лѣсные матеріалы, какъ-то: *таракальники*, сошки, жерли, колючки и проч. необходимы для виноградниковъ и другихъ садовъ». (Замѣтка М. И. Броссе).

ТАРАРУЙ. Прозвище кн. Хованскаго. (*Атеней* 1858, статья С. Соловьева объ *Исторіи П. В.*, соч. Н. Г. Устрялова).

ТАРАТЫ. На — пойдетъ. *Въ Л.* I, 132.

ТАРЕЛКА*. «Не въ своей тарелкѣ». Эта поговорка помѣщена подъ

сл. *тарелка* безъ всякаго поясненія; не лишне было бы прибавить, что она произошла отъ ложнаго пониманія французскаго реченія, въ которомъ assiette значитъ вовсе не тарелка, а — состояніе, расположеніе духа. Первоначально французское слово именно означало положеніе, состояніе; потомъ — мѣсто, занимаемое сидящимъ за столомъ, и наконецъ блюдце, которое передъ каждымъ изъ нихъ ставится. (Dict. de la langue fr., par É. Littré, t. I).

тарынь (или на́кипень). Родъ глетчеровъ въ Сибири: снѣгъ таетъ на скатахъ горъ (напр. въ Становомъ хребтѣ) и образуетъ ледъ, изъ котораго иногда вытекаютъ рѣки (отъ П. П. Семенова). По свидѣтельству покойнаго адмирала Ѳ. Ѳ. Матюшкина, ледникъ, глетчеръ въ Сибири называется *тараномъ*.

телятня. Комната въ Воспитательномъ домѣ, гдѣ берутъ оспу отъ телятъ.

тень. Упоминается нѣсколько разъ подъ сл. *коса*, приводится также подъ гл. *тенькать*, но въ своемъ мѣстѣ его нѣтъ.

теплица. См. оранжерея.

тесть *. Въ косвенныхъ пад. ед. числа *е* выпадаетъ: *тстя, тстю* (Смол. губ.).

теша *. Рыбій бокъ. *Спб. Вѣдом.* 1868, № 201.

тивунъ [1]. Чт. Общ. Ист. и Древн. 1868. Кн. I. Русск. нар. пѣсни собр. Шейномъ. № 52.

тигусить [1]. Мучить.

титулъ [1]. Просьба по титулѣ, т. е. просьба, въ началѣ которой прописывается въ извѣстной формѣ обращеніе къ Государю, а затѣмъ идутъ пункты, и въ концѣ каждаго часть подписи просителя.

толока́ *. Пастьба скота на лугахъ или поляхъ. *Худо родится хлѣбъ, потому что не доходитъ толока.* (Воронеж.). *Въ толокѣ будемъ нонѣче пахать* (т. е. тамъ, гдѣ скотъ ходитъ). Значеніе *толоки* въ Малороссіи см. *Спб. Вѣдом.* 1864, № 207. Это же слово см. ниже въ отдѣлѣ подъ цыфрою IV.

тонконогъ, Poa bulbosa. Трава, корнемъ которой питаютъ зимою суслика. Впрочемъ, такъ называются и другія растенія; см. *Ботанич. Словарь* Н. Анненкова, №№ 604, 749, 1045 и 1046.

топорныя барки (Г.). Суда́ запрещенныя, на которыя наложена двойная пошлина (*Лѣсной уставъ*, ст. 685).

топота́ть [1]. Бить землю ногами, оставаясь на мѣстѣ (?).

топчачокъ. Россійскій — вашъ. *А. К.* II, 154. У Даля *топчанъ*.

ТОРБАНЪ [1] (инструментъ). *Въ Л.* I, 380.

ТОУРИТЬ (Казан., Симб.). Уставить, пялить: «Увидя Марсъ, тоуритъ взоры». (Держ. *На пріобр. Крыма, Соч.* его, Т. I, стр. 183). У Даля записано *тоуриться*, какъ слово моск. и владим. Соображая это съ нашей замѣткой, можно заключить, что это общенародное слово.

ТОЧАТЬ [1]. У Даля, тачать.

ТРЁШНИКЪ = 3 к. сер. Трёшница = трехрублевая бумажка.

ТРЫНКА. 3 коп. мѣдью, 1 коп. сер. (Казань).

ТРУПЁРДА. Неповоротливая женщина.

ТРЫНКА. *Въ Л.* I, 375.

ТРЫНЪ-трава. Можетъ быть отъ древняго *трънъ*-тернъ.

ТРЕЩИНА. Мякина (около Краснаго холма).

ТРЫКЪ *. Модникъ, вѣтреникъ. *(Оп. Обл. Словаря).* Даль поставилъ при этомъ словѣ вопросительный знакъ; но у Державина (*Соч.* его, т. III, стр. 345) мы находимъ стихъ:

«И льстя сѣдаго трыка».

ТУЗЛУКЪ *. «И горы соляныхъ кристаловъ по *тузлукамъ* твоимъ пойдутъ». (*С. Хр.*, стр. 24). У Даля *тузлукъ* показано въ значеніи разсола для соленья рыбы и икры; да еще съ вопросит. знакомъ прибавлено: «украшенье на поясѣ».

ТУНБАСЪ. Транспортное судно. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ТУНЬЮ. Напрасно. «Чтобъ деньги не пошли тунью». Гр. Л. Н. Толстой въ статьѣ «о народномъ образованіи». *Отеч. Зап.* 1874, сент.).

ТУРСУКЪ *. *Сем. Хр.*, стр. 26: «мѣшокъ изъ сырой кожи, снятой съ лошадиной ноги». По Далю, — «малый кожаный мѣхъ, обычно изъ трехъ окороковъ конскихъ».

ТУРЫШКА *. Буракъ, цилиндрическій сосудъ, сдѣланный изъ бересты. (У Даля при этомъ словѣ поставлено *ведерко*, съ вопросительнымъ знакомъ).

ТѢЛЬЧАКЪ. Болѣзнь худосочія у лошадей, при которой у нихъ на шеѣ дѣлаются ранки. Лѣченіе: сжигаютъ ящерицу и даютъ пепелъ внутрь. (Слышано отъ князя В. Р. Долгорукаго).

ТЯГА [1] (охотн.). *А. К.* II, 253.

УВОЩЬЕ. Лѣкарство.

УДОЧЕРЯТЬ, УДОЧЕРЕНЬЕ (Г.). Терминъ, принятый, въ параллель выраженіямъ: *усыновлять, усыновленіе*, въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ Опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство Государственнымъ совѣтомъ. Съ филологиче-

ской точки зрѣнія новое слово это такъ же хорошо, какъ слово *замужство* въ отличіе отъ *женитьба*. Если бъ руководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно надобно бы отказаться и отъ одного изъ этихъ выраженій, ибо во франц. и нѣмецк. есть только le mariage, die Heirath. Между тѣмъ для отверженія словъ *удочерять, удочеренье* нѣтъ другого основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: *adoptare*, *adoptio*. Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны.

УЗДЕНИ. Дворяне горскихъ народовъ въ Кизлярѣ (См. Указатель къ «Матеріаламъ» П. Г. Буткова).

УЗЪ *. Нижнее дно улья. (*В. и Миръ*, ч. V, стр. 84).

УМОРА *. Въ народномъ языкѣ ходитъ и съ собственнымъ значеніемъ, напр., «скотинѣ въ сухое лѣто умора». (Ряз. губ., Данк. уѣзда).

УПОСЛѢЖДАТЬ, УПОСЛѢЖИВАТЬ. Обходить, обижать; опаздывать, медлить. (См. *Соч.* Держ., т. I, стр. 256 и 257).

УРАЗА́ (тат.). То же, что *рамазанъ*, постъ, продолжающійся одинъ лунный мѣсяцъ, когда магометане не пьютъ и не ѣдятъ отъ восхода до заката солнца «Казанскіе Татары держать уразу́». (Пупаревъ).

УРАЛЪ *. Нариц. названіе горнаго хребта въ Зап. Сибири, въ Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ.

У́РОМА * (множество плотовъ лѣса). Должно бы стоять въ одномъ гнѣздѣ съ *урема* и *урманъ*.

УРСЫ. Кучи (напр. рыбы) на Уралѣ.

У́ТОРОКЪ. Порядокъ.

УСТАВЪ *: «Онъ мигомъ увидѣлъ всѣ недостатки въ снастяхъ или ошибки въ *уставѣ* жернововъ». (*Сем. Хр.*, стр. 45).

УХНУТЬ [1]. «Сколько ухнуло состояній!» (Суворинъ въ Фельет. *Спб. Вѣдом.* 13 октября 1874 г.).

УЧАСТЛИВЫЙ [1]. Пропущено.

УШКОЛЪ. То же, что ушкуй. Галера. (Устр. *Ист. П. В.*, т. II, стр. 274).

ФАРИСЪ — витязь.

ФАРШЪ, ФАРШИРОВАТЬ [1].

ФОРТЕЛЬ [1] (простор.). Преимущество или барышъ.

ФУНДУКЛЪ (Татар. = corylus tuberosa). Родъ большого орѣха въ Крыму.

Хамовники [1]. Мастера, приготовляющіе для царскаго обихода, *бѣлую казну*, т. е. полотна, скатерти и т. п. (У Даля есть, но не совсѣмъ такъ объяснено).

Хартута (Г.). Закавказскій плодъ, изъ котораго дѣлаютъ варенье.

Хлупь. Мягкое мясо у птицъ и вообще животныхъ.

Хлѣбосолецъ. Тотъ кто хлѣбъ-соль водитъ. (Моск.). Латин. hospes.

Хозъ *. Та часть выдѣланной коровьей кожи, которая употребляется на подошвы.

Хромникъ [1] (Г.). (Изъ торговаго прейсъ-куранта, рядомъ съ сѣрою, шпатомъ и т. п.), подъ рубрикой: Москотильные товары. См. Величурка.

Хрусталикъ. Часть глаза. Пропущено во всѣхъ нашихъ словаряхъ.

Цвѣтокъ. Виньетка. *Кашка* = cul-de-lampe. По свидѣтельству Оленина въ его *Письмѣ о Тмуторокансномъ камнѣ*, первое употребляется такъ въ синодальныхъ типографіяхъ.

Цугундеръ [1]. «Ну, я разумѣется тотчасъ его подъ цугундеръ». (Соч. Тургенева. М. 1880. Т. V, *Дымъ*, стр. 65). Для объясненія этого слова я совѣтовался со многими. Одинъ говорилъ, что оно значитъ: «на расправу», другой — «для взысканія»; третій утверждалъ, что оно первоначально означаетъ «веревку для вздергиванья собакъ». Наконецъ, самъ Иванъ Сергѣевичъ, на мой вопросъ, сообщилъ, что онъ слышалъ это слово отъ кавалеристовъ и что подъ цугундеромъ разумѣется какой-то способъ усмиренія лошадей. Мы съ покойнымъ ак. Шифнеромъ, большимъ охотникомъ до этимологическихъ разслѣдованій, много толковали о происхожденіи этого слова, но ни до чего вѣрнаго не дознались. Между прочимъ мы предполагали, не происходитъ ли оно отъ возможнаго нѣмец. выраженія: zu hunger, которое могло употребляться въ нѣмецкой арміи, во время напр. Семилѣтней войны, при назначеніи или угрозѣ наказанія на хлѣбъ и на воду. Звукъ *г* очень легко могъ перейти у Русскихъ въ *д* сходно съ другими случаями этого рода (kringel = крендель и т. п.).

Цѣлóкъ. Итти цѣлкóмъ, по цѣлкý, т. е. не по проложенной дорогѣ. (*Соч.* Держ., Т. III, стр. 572).

Цѣпенѣть. Пропущено.

Чаврéный, ая. Блѣдный, исхудалый. *Какая она чавреная!* (Твер. губ.).

Чала [1]. Растеніе на Кавказѣ. Въ м. Зугдиди производились опыты употребленія въ кормъ лошадямъ рѣзанаго сѣна и чалы.

ЧЕКЪ, въ значеніи ярлыка на полученіе въ банкѣ денегъ, взято съ англ. check, сообразно съ чѣмъ и должно быть исправлено показаніе: «Чека, фран.».

ЧЕМАРКА. Одежда извѣстнаго покроя у зап. славянъ. Ср. фр. Simarre.

ЧЕРВЛЯКЪ [1]. *Въ Л.* I, 5.

ЧЕРНАЯ РЫБА *. Мелкія породы рыбы, въ противоположность *красной* (Н. Я. Данилевскій).

ЧЕЧЕНЬ [1]. *Въ Л.* I, 266.

ЧМА́РИТЬ. Кое-какъ пробиваться. (Ряз. губ., Данк. у.).

ЧОХЪ [1]. Не вѣрилъ ни въ —, ни въ смерть. *А. К.* II, 145.

ЧУВЫКАНЬЕ (жаворонковъ). *Война и Миръ* IV, 18.

ЧУЙКА *. Лапоть особенно глубокій, похожій на калошу. (Ряз. губ. Скоп. у.).

ЧУХИ́. Городки (игра).

ШАКАТЬ [1]. Шакаютъ утки особой разновидности, называемыя *шакунами*; обыкновенныя же крякаютъ. Шакуны отличаются еще тѣмъ, что не ходятъ въ воду.

ШАМАТОНЪ [1]. «Пускай онъ будетъ солдат, а не шаматонъ въ гвардіи!». (Пушкинъ. *Кап. Д.*, изд. Анн. V, 319).

ШЕЛОННИКЪ. На Селигерѣ значитъ сѣв. вѣтеръ. См. у Даля Шалоникъ. Но это слово есть и въ Сибири. Точно ли оно происходитъ отъ названія р. Шелони?...

ШЕ́РЕШЬ, ШЕРО́ШЬ (Твер. губ.). Ср. у Даля *шеро́хъ*, къ гнѣзду котораго слѣдовало отнести и прил. *шершавый* и глаг. *шершить* (шуршить произносится неправильно).

ШЕРШЕВКА. Тоже, что шершенка.

ШЕ́РШЕНКА (Ряз.). Родъ рубана. См. предыдущее слово.

ШИБАЙ [1]. Мелкій торговецъ. Шибайныя лавки. (Воронежъ).

ШИБЕНЬ. (Гоголь, *Мертв. Души*). Къ сожалѣнію, въ моихъ замѣткахъ нѣтъ точной ссылки на мѣсто, гдѣ употреблено это слово.

ШИРКУНЕ́ЦЪ. Бубенчикъ. (Арх.).

ШЛЮПИКЪ. Родились шлюпиками. *А. К.* III, 219.

ШПАРНЯ (отъ шпарить). Обвариванье.

ШПЕКОВАТЬ. Пропущено.

ШПЕТИТЬ. Сильно уколоть кого словами. *(Дополн. къ Оп. Обл. Сл.)* «Онъ при всѣхъ, чтобъ дать важность своей гордости, не устыдился меня шпетить». (*Соч.* Держ., Т. V, стр. 843).

ШПУНТЪ * — столярный инструментъ.

ШТОЛЬНА [1]. Горизонтальный ходъ въ копи, выходящій отверстіемъ

на свѣтъ; если же онъ идетъ весь подъ землею, то называется штрекомъ.

штыкъ-юнкеръ. Чинъ въ артиллеріи, между сержантомъ и поручикомъ.

шука́ть * — не прямо нѣмецкаго, а польскаго происхожденія; замѣчательно, что это слово чрезъ Смоленскую губ. проникло и въ Московскую. Я слышалъ его отъ крестьянъ въ одной подмосковной деревнѣ, гдѣ въ 1812 г. были Французы; въ разсказѣ о нихъ было упомянуто тутъ и сущ. *шука́ло* въ смыслѣ мародера.

шура́ *. Талый, мелкій ледъ. *Шура идетъ.*

щи́покъ. Бусл. *Истор. очерки* I, 80.

эндивій. Родъ салата (латукъ), Cichorium Endivia.

эстрагонъ, Artemisia Dracunculus, растеніе, изъ котораго получается лучшій сортъ уксуса. За Кавказомъ употребляется оно въ пищу какъ закуска. (Ф. И. Рупрехтъ).

ютовое производство (*Москов. Вѣдом.* 1878, № 143, перед. статья). Конечно то же, что позднѣе принято называть *джутовымъ.* См. выше *джутъ.*

ягунъ. То же, что егунъ. См. у Даля.

ядовитый [1]. Съѣдобный. (Ряз. губ.).

ямща. Бревно. «По Днѣстру кромѣ галеръ сплавляютъ еще изъ австрійскихъ владѣній еловые плоты, въ 100 ямщъ или бревенъ каждый, съ досками, гонтомъ и драницами». *(Военно-стат. обозр. Бессарабіи).*

II.

Слова Областнаго Словаря, сходныя съ скандинавскими[1].

Въ Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря найдено мною довольно много словъ, болѣе или менѣе явно сродныхъ съ словами языковъ скандинавскихъ. Не во всѣхъ случаяхъ можно утвердительно сказать, что русское слово заимствовано изъ иноплеменнаго языка; часто надобно ограничиться только признаніемъ общаго происхожденія словъ славянской породы съ словами скандинавскаго (или и вообще германскаго) семейства языковъ. Должно однакоже замѣтить, что тѣ изъ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, которыя собраны въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, особенно въ Архангельской, по большей части очевидно почерпнуты изъ этихъ языковъ.

Для нѣкоторыхъ изъ такихъ словъ есть соотвѣтственныя въ двухъ или трехъ скандинавскихъ языкахъ. Въ такомъ случаѣ я избираю тотъ языкъ, въ которомъ оказывается слово самое близкое къ нашему, или отмѣчаю вообще *скандинавское* происхожденіе, если приводимое иноплеменное слово одинаково въ трехъ главныхъ языкахъ этой вѣтви, т. е. *исландскомъ* (или древне-норвежскомъ), *шведскомъ* и *датскомъ*. Исландскій, какъ древнѣйшій по своимъ формамъ, всѣхъ ближе къ первоначальному, впрочемъ не сохранившемуся общему языку скандинавскихъ народовъ, и потому въ тѣхъ случаяхъ, когда можно колебаться въ выборѣ слова

[1] Писано по вызову 2-го Отдѣленія Ак. Н. въ 1852 году.

того или другого, я предпочитаю исландскій. Четвертый отдѣлъ составляетъ народный норвежскій языкъ, содержащій въ себѣ также значительное количество словъ, которыя могутъ служить къ объясненію русскихъ.

Въ числѣ словъ, сходныхъ съ скандинавскими, есть такія, которыя представляютъ родство съ словами и другихъ германскихъ языковъ: я отмѣтилъ ихъ равнымъ образомъ, такъ какъ исключить ихъ совершенно не было достаточнаго основанія. Однакожъ, если слово находится и въ другомъ германскомъ языкѣ, но у насъ гораздо ближе подходитъ къ скандинавскому, то оно такъ и означается мною.

Слова, которыя, по моему мнѣнію, дѣйствительно происходятъ отъ *скандинавскихъ* корней, отмѣчаю я звѣздочкою. При изслѣдованіи ихъ сравнивалъ я русскій языкъ и съ другими славянскими нарѣчіями.

Изъ сдѣланныхъ мною выписокъ видно, что число скандинавскихъ реченій, вошедшихъ въ составъ мѣстныхъ говоровъ Россіи, вообще незначительно: если сосчитать въ изданномъ Словарѣ всѣ слова несомнѣнно скандинавскаго происхожденія, то ихъ окажется едва ли болѣе 40. Этимъ подтверждается высказанное уже прежде мнѣніе, что сношенія древней Руси съ Скандинавскимъ Сѣверомъ мало оставили слѣдовъ въ языкѣ ея народа. Но такое заключеніе нисколько не уменьшаетъ важности изученія скандинавскихъ нарѣчій для изслѣдованія языка русскаго: какъ ни мало онъ отъ нихъ заиметвовалъ, однакожъ онъ находится съ ними въ весьма близкомъ родствѣ этимологическомъ, и для полнаго разумѣнія начала и состава множества русскихъ словъ нельзя обойтись безъ помощи языковъ скандинавскихъ. Остается опредѣлить точнѣе отношеніе, которое дѣйствительно существуетъ — впрочемъ наиболѣе съ лексической стороны — между нашимъ языкомъ и скандинавскими. При этомъ нельзя не вспомнить, что еще Добровскій считалъ языки древне-норвежскій, датскій и шведскій тѣми изъ германскихъ нарѣчій, которыя представляютъ наиболѣе сходства съ славянскимъ.

АЛАЛА (вздоръ, бредъ [1]), **АЛАЛЫКА** (непонятно говорящій), **АЛАЛЫКАТЬ:** *сканд.* lalla, говорить съ трудомъ, непонятно. Ср. *нѣм.* lallen, *греч.* λαλεῖν, *латин.* lallare. Дор. ἀλαλά — воинскій крикъ, вообще крикъ, гамъ.

АНКА (галка): *шв.* anka, домашняя утка (финское ankka, имѣющее то же значеніе, безъ сомнѣнія взято изъ шведскаго языка).

АРТЬ (толкъ, смѣтливость): *шв.* art, качество, нравъ; удача, сила, талантъ; *нѣм.* Art.

БАТЪ: *исл.* bátr, лодка.

БАУЛЪ (бочка): *шв.* bål, большая чаша, тазъ и т. п.; *анг.* bowl.

БЛЕКАВО (блѣдно): *шв.* blek, блѣдный.

БОНДЫРЬ (бочаръ): *шв.* (tunn-) bindare, обручникъ; *нѣм.* (Fass-) Binder.

БОТВА: *шв.* beta, свекла; *нѣм.* Beete. Ср. *латин.* beta.

БОТИНКЪ: *шв.* båt, лодка; *нѣм.* Boot, въ разныхъ видахъ встрѣчающееся во всѣхъ германскихъ языкахъ.

БУДКА: *исл.* bud, шалашъ. Ср. *нѣм.* Bude (корень bua, строить); *пол.* budować, строить.

БУЛГА (тревога), **БУЛГАТИТЬ** (тревожить): *исл.* bilgja, волна; *дат.* bølge, волноваться (говоря о морѣ).—*Примѣч.* Скандинавское *y* произносится какъ нѣмецкое *ü*. Датское *ø* есть то же, что нѣм. и шв. *ö*.

БУЛДЫГА (безпокойный человѣкъ): *дат.* и *анг.* bold, смѣлый.

БУЛБУШКИ: *шв.* bubbla, водяной пузырь. *Нѣм.* bubbeln.

БУНТЪ (множество хлѣба въ куляхъ): *шв.* bunt, пукъ, связка. *Нѣм.* Bund.

БУРАВЛЬ: *шв.* borr, буравъ. *Нѣм.* Bohrer.

БУРАКЪ* (корзина изъ сосновой драни): *шв.* burk, банка, буракъ, коробка.

БУРЛИТЬ: *шв.* porla, кипѣть, бить ключемъ, бурлить.

ВАЖАТЬ (вѣшать): *шв.* väga, вѣсить. *Нѣм.* Wage.

ГАРВА* (сѣть для ловли семги): *сканд.* garn, сѣть.

ГРИДНЯ* (свадебная комната): *исл.* grid, домъ, хоромы.

ГУГАЛА (качели): *шв.* gunga, качель. Ср. *хорут.* gúgati, качать.

ДРОТЪ, ДРОТЬ (проволока): *шв.* tråd (нить; jern-tråd, проволока). *Нѣм.* Drath, котораго первоначальное значеніе тоже *нить*. (Шв. jern = желѣзо).

---

[1] Значеніе русскаго слова отмѣчаю въ скобкахъ только тогда, когда оно болѣе или менѣе отступаетъ отъ значенія сходнаго иноязычнаго слова.

ЕЛАХА (пиво): *сканд.* öl, пиво. Ср. *анг.* ale, *нѣм.* Ael, *фр.* aile. Сюда же должно отнести областныя слова: Аланя, Алаха.

ИКЛЫ (клыки, ногти у пѣтуха): *сканд.* klo, коготь. Ср. *нѣм.* Klaue.

ИКОТА: *шв.* hicka, икать. *Нѣм.* hicken.

ИНЪ (онъ, иной): *исл.* hinn, онъ, тотъ.

КАКОРКА, КАКУРА, КОКОРА (ватрушка, пышка, лепешка) и проч. *исл.* kaka, пирогъ. Ср. *анг.* kake, *нѣм.* Kuchen.

КАЛДЫКА (хромой), **КАЛДЫХАТЬ, КОЛТЫНОГІЙ, КОЛДЫХАТЬ:** *шв.* halta, хромать.

КАРГА (ворона); *дат.* krage, ворона. Ср. *анг.* crow, *нѣм.* Krähe.

КАРИТЬ,-СЯ (выговаривать, жаловаться): *исл.* kaera, жаловаться, звать въ судъ. Ср. *лат.* qveri.

КЕРБЬ * (связка льну): *шв.* kärfve, связка, снопъ; *фин.* kerpo, связка изъ листьевъ или прутьевъ.

КЛЕЙНО * (клеймо): *исл.* kleima, пятно.

КЛИПЪ (подводный рифъ): *шв.* klippa, скала, особливо въ морѣ. *Нѣм.* Klippe.

КЛИТЬ (клѣть): *исл.* klefi, кладовая.

КЛЮКА (крюка): *шв.* krycka, посохъ, костыль. *Нѣм.* Krücke.

Примѣчаніе. Слово колымага, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, есть скандинавское, съ намѣреніемъ пропущено мною въ этомъ спискѣ. Я не могу согласиться съ авторомъ *Филологическихъ Наблюденій*, который говоритъ (Разсужд. II, отд. 1-е, § 30): «Имя колымага (= hvëlvagn) сложено изъ скандинавскаго hvël, колесо, и vagn, повозка, и собственно значитъ: повозка на колесахъ». Сложное hvelvagn въ скандинавскихъ языкахъ не встрѣчается, да и не можетъ встрѣчаться, потому что слово vagn само по себѣ уже означаетъ повозку *на колесахъ*. Притомъ слово коло есть чисто-славянское, и для объясненія его нѣтъ надобности прибѣгать къ посредству иноязычнаго hvel. Въ церковносл. колимогъ зн. шатеръ, куща (Вост.) въ древ.-русс. иногда зн. станъ. (Ипат. 158: «И возвратишася во колымагы свои, рекше во станы»). Шафарикъ думаетъ, что это — сложное слово, въ которомъ первая половина *серб.* кола = (возъ), а вторая *латыш.* mahja = домъ. (*Слав. древности*, т. I, кн. 2, стр. 25).

КОНДА * (смолистая внутренность сосны): *шв.* kåda, *исл.* qvoda, смола.

Примѣч. Шведское å соотвѣтствуетъ нашему *о*.

КОТУКЪ (шалашъ), **КУТЪ, КУТЬ, КУТНИКЪ, КУТОКЪ** (уголъ): *исл.* kot, хижина; — kota, чуланъ, уголъ. Фин. kota, хижина; — koti, жи-

лище. Ср. *анг.* cottage, *нѣм.* Hütte, *русс.* хата. — Сюда же можно отнести: Катухъ; сверхъ того: Закута съ его производными.

КРАМАРЪ *, *исл.* kramari, торговецъ. } Ср. *нѣм.* Kram, Krämer.
КРАМЪ *, *исл.* kram, мелкій товаръ. }

КУЛЯ: *шв.* kula, пуля.

КУМКА (чайная чашка безъ блюдечка). Въ скандинавскихъ языкахъ подобное слово встрѣчается только въ сложномъ видѣ (*шв.* spilkum, полоскательная чашка); но въ нѣмецкомъ слово Kumme означаетъ вообще глубокій сосудъ, лаханку. Ср. *греч.* κύμβη; κύββα и *русс.* кубокъ.

ЛАВА, ЛАВЫ (плоть, мостки): *шв.* lafve, нары, полокъ; *фин.* lawa, нары, помостъ; — lawo, полокъ.

ЛАГОДИТЬ, ЛАДИТЬ,-СЯ, ЛАДКА: *исл.* laga, устраивать, приготовлять, исправлять. *Фин.* laitta, съ тѣми же значеніями.

ЛАДЬЯ, ЛОДЬЯ: *шв.* lodja, а также и *фин.* lotja заимствованы у Русскихъ.

ЛАЙКА, ЛАЙКО (собака, воркунъ): *исл.* lái, хулить, охуждать.

ЛАПИКЪ, ЛАПИТЬ: *исл.* lappa, ставить заплатки.

ЛАРЬ (сундукъ): *исл.* lar, ящикъ, шкатулка; *фин.* laari конечно заимствовано.

ЛОГЪ (ровъ, оврагъ), *исл.* lág, углубленіе въ землѣ, ложбина.

ЛЯГА (ляжка): *исл.* leggr, лядвея. *Анг.* leg.

МЕРЁДА *, **МЕРЁТА, МОРДА** (рыболовная снасть): *шв.* mjärde; *фин.* merta есть слово заимствованное [1]. Сюда же должно отнести слово: Нёрша, составленное изъ мерёжа съ перемѣною *ж* на *ш* и *м* на *н* (какъ въ словахъ: клейно, нимо и др.

МОЛВИТЬ: *исл.* maela, говорить; *шв.* mål, языкъ, рѣчь.

МУСЛЯТЬ * (мочить слюною): *исл.* musla, брать въ ротъ (вмѣсто munsla, отъ munnr, ротъ).

НЯМА (яма въ рѣкѣ): *исл.* nama, яма, рудникъ.

ОТЛОСТИТЬ (прибить): *исл.* liosta, бить, колотить. Сюда же можно отнести слова: ло́скать и лощить.

ПАЛИ (сваи): *шв.* påle, шестъ, свая; *нижне-нѣм.* Paal. Ср. *лат.* palus и сходныя слова въ другихъ языкахъ.

ПАСМА (мотушка льняныхъ нитокъ): *шв.* pasma, мотокъ. Судя по

---

[1] По мнѣнію г. Альквиста это слово, первоначально финское, заимствов. Русскими и Шведами: merta — маленькая рыболовная снасть, плетеная изъ ивовыхъ вѣтвей.

тому, что это слово находится въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, тогда какъ изъ скандинавскихъ языковъ одинъ шведскій принялъ его, надобно заключить, что оно перешло не отъ Шведовъ къ намъ, а скорѣе наоборотъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ славянскихъ нарѣчіяхъ является и первообразное слово (пасъ = поясъ), которое теперь оказывается и въ русскихъ областныхъ словахъ: Опасъ, Опаска.

РАСКЕПИНА (щель): *исл.* skepia, дѣлить, раздѣлять. До сихъ поръ о корнѣ, заключающемся въ этомъ словѣ, можно было догадываться только по слову: раскепъ или правильнѣе: разскепъ. Ясно, что отъ того же корня произошелъ нашъ глаголъ щепать съ своими производными. Въ древнемъ языкѣ встрѣчается онъ иногда и въ видѣ: скепать.

РУДА́ (кровь, что-нибудь грязное), **РУДИТЬ,-СЯ, РУДНЫЙ, РУДЫЙ:** *исл.* ryda, обмазывать, пачкать; обагрять кровію.

РУДО́Й (рыжій), **РУДѢТЬ** (краснѣть), **РУДЯНОЙ** (грязный): *исл.* raudr, красный;—rod, краснота. Ср. *анг.* red, *нѣм.* roth, и *русс.* рдѣть.

РЮЖА *, РЮЗА: *дат.* ruse, рыболовная сѣть. Финское rysä заимствовано изъ скандин. языковъ[1]. Ср. *нѣм.* Reuse.

РЮМАТЬ *, РЮМА (плакать): *исл.* rymia, ревѣть, кричать.

СКЕЯ * (анбаръ, погребъ): *исл.* skiar, пристройка для сушенія чего-либо.

СКИБА *, СКИПА: *исл.* skifa, ломоть, пластина.

СКРЫНКА, СКРЫНЯ (горшокъ, ларчикъ): *исл.* skrin, сундучокъ, ящикъ. Ср. *лат.* scrinium.

СЛЯЧА: *шв.* slask, слякоть.

СНАЧИТЬ (взять): *нар.-норв.* snaka, схватить, утащить; — snak, жадный. Ср. *анг.* to snatch.

СНИДОВАТЬ, СНѢДОВАТЬ (закусывать, обѣдать), **СНѢДАТЬ, СНѢДАНЬЕ:** *исл.* snád пища, яство. Дифенбахъ въ своемъ Сравнительномъ Словарѣ готскаго языка признаетъ случайнымъ сходство между древне-славянскимъ снѣдь и древне-норвежск. snád. Если, однакожъ, принять въ расчетъ, что это слово съ тѣмъ же значеніемъ не встрѣчается въ другихъ германскихъ языкахъ и что они равнымъ образомъ не представляютъ корня, изъ котораго бы оно естественно проистекало, то является вопросъ: не отъ Славянъ ли заимствовано Норманнами имя snád вмѣстѣ съ глаголомъ snaeda (исл.), кушать? Правда, въ англо-

[1] Такъ и по мнѣнію г. Альквиста, который поясняетъ, что *rysä* — такая же снасть, какъ и мерта, но бо́льшаго размѣра и сдѣланная изъ сѣти.

сакс. есть слова: snoed, кусокъ и snoedan, подкрѣплять пищею, но и это, кажется, не даетъ права производить древне-норв. snád отъ готскаго глагола sneithan, рѣзать, — какъ сдѣлалъ Дифенбахъ, вообще слишкомъ нестрогій въ выборѣ сближаемыхъ имъ реченій. Приведенныя областныя слова совершенно сходятся съ польскими: sniadać, завтракать, и sniadanie, завтракъ. Славянское происхожденіе ихъ такъ очевидно, что мысль г. Сабинина, будто снѣдь есть слово скандинавское не требуетъ опроверженія.

Снота * (догадка, смѣта): *исл.* snotr, благоразумный, искусный; *дат.* snu, хитрый, и snedig, лукавый. Ср. *гот.* snutrs, *англо-сакс.* snoter, *нижне-нѣм.* snöe и пр. *Нар.-норв.* глаголъ snu seg, который собственно значитъ — повертываться, но также употребляется въ смыслѣ: приноравливаться, хитрить, заставляетъ предполагать, что показанныя здѣсь германскія слова находятся въ связи съ обще-скандинавскимъ глаголомъ snua (sno, snoe), вертѣть, вертѣться, быстро двигаться; а этотъ глаголъ въ самомъ тѣсномъ родствѣ съ нашимъ сновать (Акад. Сл. «ходить, летать и плавать туда и сюда») и сноваться («соваться, бродить туда и сюда»). Родство тѣмъ болѣе несомнѣнное, что какъ скандинавскій, такъ и славянскій глаголъ имѣютъ еще другое однородное значеніе; напр. *шв.* sno, крутить, сучить (нитку и т. п.). Все сказанное позволяетъ догадываться, что слово снота собственнно и первоначально должно значить изворотливость, хотя по законамъ нашего языка и не можетъ оно стоять въ прямомъ соотношеніи съ гл. сновать.

Спи́ца * (спичка), **спицыны** (деревянные гвозди): *нар.-норв.* spik или spika, узенькій отколокъ дерева, тычинка, также лучина. Ср. *шв.* spik, гвоздь; *нижне-нѣм.* spiker, гвоздь; *голл.* spyker, гвоздь, клинъ; *анг.* spike, острый конецъ, гвоздь. Замѣчательно, что хотя во всѣхъ этихъ словахъ обнаруживается одинъ и тотъ же корень, но между германскими языками собственно только народный норвежскій представляетъ слово, которое совершенно подходитъ къ нашему спица или, въ общепринятомъ языкѣ, спичка. Впрочемъ надобно принять въ соображеніе и *исл.* spita, деревянный гвоздь, щепка; нельзя также не имѣть въ виду и *нѣм.* Spitze, въ которомъ однакожъ внутренне сходство съ нашимъ словомъ ограничивается только общимъ понятіемъ острія. Отъ Spitze прямѣе произошло у насъ другое слово, именно шпицъ, остроконечный верхъ.

Спретъ * (гадкій человѣкъ): *шв.* sprätt, франтъ, щеголь. *Исл.* spreyta, gestibus superbus.

Стега́, стежка (проселокъ, тропинка): *исл.* stigr, тропинка. Ср. *гот.* staiga, *древне-верх.-нѣм.* stega. Изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій едва ли не одно русское удержало въ этомъ словѣ коренную букву *г* безъ измѣненія въ *з* или въ *ж*.

Стогъ: *исл.* stackr, куча. Это слово, встрѣчающееся почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, получило въ нихъ смыслъ, по большей части ограниченный понятіемъ сѣна, но въ нашемъ областномъ, такъ же какъ въ польскомъ и нѣкоторыхъ другихъ, оно наравнѣ съ древне-норвежскимъ stack удерживаетъ общее значеніе кучи. Въ нынѣшнихъ скандинавскихъ языкахъ оно приняло средній смыслъ, означая вообще стоящую въ полѣ кладь сѣна, соломы, ржи и т. п.

Стодъ * (идолъ): *шв.* stod, статуя. Ср. *греч.* στόα.

Страда́, стра́да (рабочая пора, тяжелая работа), **страдать** (трудиться), **страдовать, страдомый** и проч.: *исл.* strita, работать съ усиліемъ, *нар.-норв.* strita, таскать, носить тяжести; справлять тяжелую работу;—stritarbeid, тяжелая работа, для которой требуется одна сила, безъ всякаго искуства. Ср. *латыш.* strahdaht, работать, быть прилежнымъ.

Стягъ * (колъ): *исл.* stiak, колъ; *дат.* stage. Ср. *древне-нѣм.* stekko, колъ, свая; *ново-нѣм.* Stock, палка. Какъ наши слова: колъ, тычина происходятъ отъ колоть, тыкать, такъ и германское стягъ образовалось отъ однозначащихъ глаголовъ *нѣм.* stechen и stecken. Хотя въ значеніи *знамя, хоругвь* это слово извѣстно и западнымъ Славянамъ («Мысли объ исторіи русскаго языка» И. И. Срезневскаго, стр. 153), однакожъ трудно не признать его иноплеменнымъ, такъ какъ оно въ славянскихъ нарѣчіяхъ стоитъ совершенно одиноко, не имѣя въ нихъ корня и не давъ отъ себя производныхъ. Понятіе о *водруженіи* знамени объясняетъ намъ связь обоихъ повидимому разнородныхъ значеній разсматриваемаго слова [1].

Сусолить (пить медленно, сосать), **сусликъ, сусля** (кто пьетъ понемногу) и проч.: *нар.-норв.* susla, плескать, болтать (мѣшая жидкость); — susl, пачкотня, бурда. Хотя *сканд.* susla по смыслу

---

[1] Въ значеніи *знамя* слово *стягъ* ближе соотвѣтствуетъ германскому, отъ того же корня происходящему Stange, stenge, steng и т. п., шестъ, палка, древко, и гласная нашего слова въ этомъ случаѣ есть собственно ѫ.

и не совпадаетъ съ русскимъ «сусолить, суслить», однакожъ нельзя отвергать нѣкотораго между ними родства, даже и въ этомъ отношеніи. Во всякомъ случаѣ показанное здѣсь сходство и областная форма сусолить заставляютъ сомнѣваться, чтобы Рейфъ правильно производилъ глаголъ *суслить* отъ *сосать*, хотя первый, въ областномъ языкѣ, и принимаетъ иногда значеніе второго.

Сырка́ (виноградный уксусъ): *сканд.* sur, кислый.

Таловать (воровать): *исл.* stal, прош. врем. отъ гл. stela, воровать. Ср. *англо-сакс.* stalu, *старо-нѣм.* stala и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ. *Таловать* можетъ соотвѣтствовать чужеплеменному s-tal точно такъ же какъ напр. глаголы тыкать, прыгать, относятся къ однозначащимъ съ ними s-ticka, s-pringa (шв.).

Творилка (квашня). Смыслъ этого слова прямо истекаетъ изъ второго значенія глагола *творить*, какъ оно показано въ академическомъ словарѣ: «Разводить, размѣшивать въ водѣ. *Творить* известь. — *Творить хлѣбъ или квашню:* зн. смѣшивать муку съ водою». — Съ глаголомъ *творить* въ этомъ значеніи разительное сходство представляетъ датскій гл. tvœre, разводить, мѣшать что-либо сухое во влажномъ, напр. «tvœre Mel i Vand» (растворять муку въ водѣ) — смѣшивать муку съ водою; въ исл. языкѣ þvari означаетъ скатанное комками тѣсто. Ср. русское *растворъ*, смѣшеніе чего-либо сухого съ влажнымъ или одной влажности съ другою (акад. слов.). Это указаніе можетъ служить къ объясненію областныхъ словъ: тварь — мокрый и крупный снѣгъ, и творогъ — начинка. Въ послѣднемъ находимъ общеупотребительное слово съ перемѣною смысла, основанною на сходствѣ предметовъ (ср. творожная начинка) и оно съ другой стороны сближается съ нѣмецкимъ qvarg и qvark, означающимъ: 1) творогъ въ общепринятомъ смыслѣ и 2) мягкую грязь и вообще всякую влажную нечистоту (*сред.-нѣм.* twark). Родство звука dv съ tv, какъ и съ zw, въ германскихъ языкахъ подтверждается множествомъ примѣровъ. Въ приведенномъ датскомъ словѣ tvœre нельзя не признать близкой связи съ слѣдующими германскими глаголами, значащими также переворачивать, мѣшать: *сред.-нѣм.* twern (прош. twar), *древ.-верх.-нѣм.* dweran, *ново-верх.-нѣм.* zweren, откуда пошли второобразные: *англ.* twirl, *ново-нѣм.* zwirlen и qverlen и проч., а отъ нихъ составились, съ зна-

ченіемъ мѣшалки, чумички имена: *англо-сакс.* thvyril, *средне-нѣм.* twirel, *ново-нѣм.* qviril и zwirl, *дат.* tvœre, *нар.-норв.* tvara или tvare. Ср. еще *нар.-норв.* tverel, пахтальная кирка. Къ этимъ словамъ, по формѣ и по происхожденію, хотя и не совсѣмъ по значенію, но все-таки также съ главною идеею мѣшанія, подходятъ русскія: общеупотребительное творило и областное творилка[1]. Трудно рѣшить, какимъ образомъ творило въ областномъ языкѣ могло получить значеніе «поддона, на который ставятся ушаты», и потому можно предполагать, что это слово въ простонародномъ обиходѣ имѣетъ еще какой-нибудь смыслъ, служащій переходомъ къ показанному въ Обл. Словарѣ мѣстному значенію. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творило дѣйствительно является въ другомъ значеніи: тамъ оно по большей части означаетъ форму, въ которой окончательно сгущается сыръ, а мѣстами и вообще форму, образъ (отъ гл. творить въ смыслѣ *образовать*); у Поляковъ оно сверхъ того значитъ: горшокъ для тѣста. (Ср. русс. обл. творилка[2]).

Примѣчаніе. Изъ соображенія обоихъ значеній русскаго глагола *творить* возникаетъ вопросъ: въ какомъ отношеніи они находятся между собою и которое изъ нихъ надобно признать первоначальнымъ? Вопроса этого нельзя рѣшить безъ помощи другихъ родственныхъ языковъ, въ которыхъ являются соотвѣтствующія слова того же корня. Древнѣйшимъ видомъ его надлежитъ принять *санскритское* tvar, спѣшить, скоро дѣлать[3]. Въ латышскомъ языкѣ tvert значитъ хватать, схватывать. Въ чешскомъ и польскомъ *творить* имѣетъ

---

[1] Суффиксъ l во многихъ индо-европейскихъ языкахъ служитъ къ образованію словъ, означающихъ орудіе, средство. Ср. *греч.* πτίλο ὀπτίλο, *лат.* vinculum, speculum, *нѣм.* Schlüssel, Stachel и проч.

[2] Въ повѣсти Д. В. Григоровича: *Смедовская долина.* (*Соврем.* 1852, № 1, Отд. I, стр. 106) употреблено слово *тварня.* Желательно было бы принять въ соображеніе и это слово при разсмотрѣніи производныхъ отъ гл. *творить*; но къ сожалѣнію я нигдѣ не могъ найти указанія, что́ значитъ тварня, котораго нѣтъ и въ Словарѣ Даля. Очень полезно было бы, если бъ авторы повѣстей, взятыхъ изъ простонароднаго и вообще изъ провинціальнаго быта, присовокупляли къ нимъ объясненіе словъ, неизвѣстныхъ въ общеупотребительномъ языкѣ.

[3] Г. Миклошичь въ Radices linguae Slovenicae v. d. ошибочно принималъ корнемъ слова творить *санскр.* tu, *facere.* Ср. у Боппа въ Glossarium Sanscritum корень त्वर् (твар), festinare... ratione habita, radicem चर् (чар) et ire facere significare.

смыслъ — давать образъ или видъ: вотъ, кажется, исходная точка обоихъ значеній русскаго глагола; и основное понятіе, въ которомъ оба они соединяются, можно выразить такъ: посредствомъ быстраго движенія рукъ производить что-либо, имѣющее образъ; а отсюда уже проистекло болѣе отвлеченное значеніе этого глагола. Такъ и въ германскихъ языкахъ глаг. schaffen, *скакд.* skapa, творить, заимствованъ отъ идеи: образъ. (Ср. *анг.* shape, *шв.* skapnad — видъ, образъ). Замѣчательно, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ творить значитъ также *строить* (греч. κτίζειν созидать, создавать). Такимъ образомъ въ славянскомъ глаголѣ соединились всѣ тѣ понятія, которыя въ разныхъ языкахъ отдѣльно послужили основаніемъ для выраженія идеи creare.

ТРУДИТЬСЯ (долго и тяжко хворать): *исл.* trauda, принуждать, затруднять; *нар.-норв.* traute, продолжительный и тяжкій трудъ.

ТУЛЯТЬСЯ (прятаться): *дат.* dølge (прош. dulgte), скрывать. Ср. *исл.* dula, покрывало, duldr, скрытый.

ТЫНЪ (плетень): *исл.* tun, селеніе, дворъ, застроенное мѣсто. Ср. *англо-сакс.* tun, ограда; *анг.* town, городъ. По мнѣнію Шафарика, тынъ — первоначально кельтское слово. (*Сл. Древн.* т. I, кн. II, стр. 206).

УТЕЛЬГА (тюленья самка). Это слово утверждаетъ меня въ догадкѣ, что въ имени *тюлень* буква *ю* не есть первоначальная, а замѣнила собою гласную *е* (ср. для примѣра плюсна и плесна). *Тюлень* должно быть въ родствѣ съ *теля*, *теленокъ*, что́ не покажется страннымъ, когда мы вспомнимъ, что по-латыни vitulus значитъ и теленокъ и тюлень (ученый терминъ: phoca vitulina), да и на многихъ современныхъ языкахъ *тюлень* называется *морскимъ теленкомъ*, напр. по-польски ciele morskie, *фр.* veau marin, *нѣм.* Meerkalb. Въ польскомъ языкѣ cielę и безъ прибавленія morskie употребляется въ смыслѣ: *тюлень*. Тотъ же корень встрѣчается, въ этомъ послѣднемъ значеніи, и въ скандинавскихъ языкахъ (*исл.* selr, *шв.* själ), а равно въ *анг.* (seal) и въ *англо-сакс.* (syle). По всему сказанному трудно согласиться съ Павскимъ, чтобы слово *тюлень* передѣлано было изъ *анг.* seal (*Фил. Набл.* II, А., стр. 146); такъ и въ реченіи *утельга* нельзя признать чуждаго происхожденія.

ХВАТИНО, ХВАТЮГА (хватъ), **ХВАТСКО** (мастерски): *исл.* прил. hvatr (сред. р. hvatt), бойкій, смѣлый, проворный.

ХВИЛЫЙ: *исл.* qvilli, хилость, безсиліе.

ХРАКЪ (харканье, харкота): *исл.* hraki въ томъ же значеніи.

ХРАПЪ: *исл.* hrappr, буйный, наглый.

ХРИДА (человѣкъ, по неряшеству измокшій и проч.): *исл.* hrydia плевать, харкать; прил. hrydiulegr, грязный, гадкій.

ХРИЗА (высокая, худая женщина): *скр.* krça, испитой, болѣзненный.

ХРУНИ, ХРУННИКЪ, ХРУНЫ, ХРУНЬЕ: *исл.* hrae, изорванная вещь, ветошка.

ХУТРА, ХУТРО, ХУТРОВАТЬ; того же корня въ *сканд.* языкахъ foder, но слово *хутра* ближе къ однозначущему *нѣм.* Futter, подкладка, мѣхъ, а въ архитект. внутренняя обшивка или обдѣлка. Ср. *пол.* futro, futrować.

ШКАЛИКЪ *, **ШКАЛЬЧИКЪ:** *исл.* skál, чаша, чарка. Ср. *нѣм.* Schale.

ШКЕВЕНЬ, вм. штевень (см. общій акад. слов.): *исл.* stafn, *дат.* stavn, носъ у корабля, также корма. Наше слово взято вѣроятно съ *голл.* steven, килевая балка.

ШКУ́РА (древесная кора). Корень ska, sku въ герман. языкахъ вообще означаетъ покрышку, верхній слой. Оттуда и *шв.* skara, снѣговая *кора* (настъ); skorpa, корка хлѣбная, земляная кора и т. п. Ср. *древне-нѣм.* schur, мѣхъ, шкура, *пол.* skórka и *рус.* скорнякъ.

ШКУРАТЬ (о птицахъ: быстро спускаться): *сканд.* skur, ливень, сильный градъ. Ср. *нижне-нѣм.* schur; вообще сильное, мгновенное движеніе.

ШКУРЯТЬ (прогонять): слово того же корня. Ср. *нѣм.* schüren, *древне-нѣм.* skurian, толкать, вышибать. Гриммъ принимаетъ готскій глаголъ skiuran, impellere, trudere. Сюда же надобно отнести междометіе: шкырь.

ШЛЕНЬКАТЬ (ѣхать слабой рысцой), **ШЛЕНЬКОМЪ, ШЛЫНДАТЬ, ШЛЯНДАТЬ:** *исл.* slen, slenta, безсиліе, лѣнь, *шв.* slentra, шляндать, шататься; ср. *нѣм.* slendern.

ШЛЯХЪ * (дорога): *исл.* slog, тропа, слѣдъ. Ср. *нѣм.* Schlich, Schleichweg, и *пол.* szlak, szlad, откуда русское вѣроятно и заимствовано.

ШЛЯЧА: см. объясненіе слова сляча — слякоть.

ШНУРИТЬ, ШНУРЪ: *исл.* snura, черта, тесемка, вѣроятно въ сродствѣ съ гл. snua, сучить, крутить. Въ смыслѣ шнурить употребляется и у Нѣмцевъ schnüren.

ШНЫРА, ШНЫРИТЬ, ШНЫРЪ,-Ь, ШНЫХАРИТЬ; *исл.* snudra, обнюхивать по-собачьи; ср. *нѣм.* schnurren, скитаться, ища пропитанія; или отъ другого корня *нар.-норв.* snurre se, кружиться, вер-

тѣться. Для слова шныхарить можно привести также *шв.* snoka, рыться, шарить, искать.

Шняка * (лодка извѣстныхъ размѣровъ для рыбной ловли): *исл.* snâkr, др.-слав. смокъ, собственно змѣя, также родъ мореходнаго судна; иначе sneckia, легкое судно.

Шпакъ (скворецъ): *сканд.* spak въ древности значило умный, мудрый, а нынѣ смирный, ручной; оттуда *нар.-норв.* spekt, способность говорить (въ старину мудрость). Ср. *анг.* to speak, говорить, и *древне-нѣм.* spacht, говоръ, крикъ, птичье пѣнье; *голл.* spekt, дятелъ.

Шпигорь *: *дат.* spiger, большой гвоздь.

Штопорить, штопырить: *шв.* stoppa, затыкать, штопать. *Нѣм.* stopfen, *лат.* stipare и проч.

Шукать: *шв.* söka, искать. Ср. *нѣм.* suchen, *пол.* szukać. Глаголъ шука́ть, записанный въ Курской губ., слышалъ я и въ окрестностяхъ самой Москвы (близь Угрѣшскаго монастыря), гдѣ крестьяне часто употребляли его, разсказывая мнѣ о насиліяхъ Французовъ въ 1812 году и называя мародеровъ, дѣлавшихъ по деревнямъ поиски, шука́лами (шука́ло).

Шхоутъ, шкоутъ: *шв.* skuta. Ср. *голл.* schuyt, извѣстнаго рода судно. Здѣсь заимствованіе произошло конечно изъ голландскаго языка.

Щвель, щелина: *исл.* skilia, раздѣлять, разлучить; — skil (*нар.-норв.* skjel), отверстіе въ ткани (при тканьѣ).

Щиро (искренно): *шв.* skär, чистый, неподдѣльный. Ср. *пол.* szczery.

Юркій, юроватый, юрово, юровый: *шв.* yr, рѣзвый, живой.

Ялая, яловка, яловый: *исл.* géld, *нѣм.* gelt; неплодный; о коровѣ: не дающая молока, нетель (шв. gall-ko). *Дат.* gold, безплодный, пустой, порожній.

Яро (шибко), **яровать** (кипѣть), **яроватый, ярыга** (работникъ), **ярый** (сердитый, сильный): *исл.* errinn, бойкій, пылкій, сильный, работящій, или: aer, ярый, бѣшеный.

Ящикъ (четвероугольное пространство на бахчѣ; четырехколесная телѣга). Рейфъ производитъ это слово отъ гл. *ять*, а Павскій (II, А. 71) говоритъ только, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ имени *ящъ*, но не доискивается происхожденія слова. Оно въ первоначальномъ видѣ находится въ германскихъ нарѣчіяхъ, но всего ближе къ нашему является въ языкахъ скандинавскихъ. *Дат.* aeske, *шв.* ask, *исл.* eski, или askr значитъ именно: ящикъ, коробка и т. п. Ср. *нѣм.* asch, горшокъ, и *пол.* jaszcz, jaszczyk, посудина для масла, творогу и проч.

III.

Слова Областного Словаря, сходныя съ финскими.

Вообще словъ, заимствованныхъ изъ финскаго языка, отыскалось въ Словарѣ довольно много. Большая часть финскихъ словъ собраны въ сѣверныхъ губерніяхъ; замѣчательно однакожъ, что нѣкоторыя подслушаны и въ среднихъ великороссійскихъ. Вопросъ объ отношеніи финскаго языка не только къ русскому, но и вообще къ индоевропейскимъ еще мало разработанъ, и самое знакомство европейскихъ филологовъ съ этимъ замѣчательнымъ языкомъ началось недавно. Но при изслѣдованіи русскаго языка необходимо принимать въ соображеніе и финскій, который даже и въ грамматическомъ отношеніи можетъ представить нѣкоторыя интересныя сближенія съ первымъ. Здѣсь мѣсто упомянуть объ одномъ реченіи Областнаго Словаря, которое поражаетъ финскимъ образованіемъ своимъ, хотя по корню оно и русское, именно о нарѣчіи сравнительной степени: бережѣе. Его едва ли можно выводить изъ какого-нибудь прилагательнаго: въ сравнительную степень возведено тутъ существит. берегъ, въ чемъ удостовѣряетъ финское rannemmalla (первоначально rantampa-lla), образованное отъ дательнаго падежа существительнаго имени ranta (берегъ = шв. strand). Въ помѣщаемомъ здѣсь спискѣ приведены какъ слова, явно взятыя у Финновъ, такъ и немногія другія, которыя представляютъ только этимологическое родство или о которыхъ трудно сказать, кто у кого заимствовалъ.

АЛАПЬ (низменное мѣсто): *фин.* alanko, (отъ частицы ala, означающей низъ и соотвѣствующей нашему предлогу *подъ*).

ВАГА (сила): *фин.* wäki, сила.

ВАРАКА (каменная гора): waara, каменная гора, скала.

ВАРАТОКЪ: wari, кипятокъ.

ВИЦА: witsa, розга. Здѣсь чуть ли не финское слово заимствовано отъ русскаго.

ГИРВАСЪ: hirwas, оленій самецъ.

ЗУЙ (мальчикъ, готовящій кушанье для промышленниковъ): syödä, ѣсть (фин. y = нѣм. ü); syö — онъ ѣстъ.

КАПКА, КАПЪ (инд. пѣтухъ, курица): kana, курица.

КЕНДА (песчаный возвышенный берегъ озера): kentta, возвышенное невоздѣланное поле.

КЕРСТА (могила): kirstu, ящикъ, тюрьма, вѣроятно съ герм. kiste.

КЕХТАТЬ (желать, много ѣсть): käkeä, желать, стараться; или kéhdata, не стыдиться, не скучать что дѣлать.

КИПАКА (каменный берегъ, гладкій камень, выходящій изъ моря): можетъ быть, отъ гл. kippata, скакать: kipakka значитъ быстрый, стремительный.

КИРЗА (верхній слой земли): kirsiä, вскапывать поверхность земли; kirsi, ледяная кора, ледъ въ землѣ (подина).

КОБРА (пригоршня): kopra, ладонь, горсть.

КОНГА (сосновый рудовый лѣсъ): honka, pinus silvestris matura.

КУККУЙ (мясной пирогъ при свадьбахъ): kala-kukko, пирогъ съ рыбой (kala = рыба; для kukko ср. нѣм. Kuchen, шв. kaka, пирогъ).

КУЛЕНИЯ (деревня, Костром.): kylä, деревня.

ЛАМБА, ЛАМБИНА (небольшое озеро): lampi, небольшое озеро.

ЛАХТА: lahti, заливъ морской.

ЛЕЙМА: lehmä, корова.

ЛЕМБОЙ (чортъ): lempo, злой духъ, сынъ миѳологическаго героя Ка́левы.

ЛУЗИКЪ: lusikka, ложка. Впроч. ф. lusikka явно заимствовано отъ *ложка* [1].

---

[1] Это русское слово перешло къ Финнамъ вмѣстѣ съ самою вещью, т. е. съ деревянными ложками, которыя еще и теперь въ большомъ количествѣ ввозятся въ Финляндію и формою своею совершенно отличны отъ туземной финской ложки, которой названіе было *kuiri*. Въ сѣв. губерніяхъ Русскіе повидимому приняли финскую форму слова *ложка* (Альквистъ).

ЛѢКА (счетъ), **ЛѢЧИТЬ** (считать): luku, число, счетъ; lukea считать.

МЯНДА (верхніе слои сосны; лѣсъ): mänty, pinus silvestris.

НЕГЛА (лиственница): negla (nekla, neula), игла, хвоя.

НОРИЛО (шестъ, которымъ продѣваютъ подо льдомъ веревку): nuora, веревка.

ПАВНА (болото): pauni, лужа, небольшое озеро.

ПАЛЕНИНА, ПАЛЪ, ПАЛЫ, ПАЛЬ: palo, выжженное мѣсто. Трудно опредѣлить, происходятъ ли эти слова отъ финскаго глагола palaa, горѣть, или отъ русскаго палить. Такъ какъ они употребляются не въ однѣхъ губерніяхъ, гдѣ народонаселеніе отчасти финское, то нѣтъ достаточнаго основанія признать ихъ иноязычными.

ПАХТУСЪ (комъ масла изъ сметаны): paksu, густой, и гл. pahtaa, сгущать, давать свернуться. Отсюда видно, что нашъ глаголъ пахтать — финскаго происхожденія. Здѣсь должно замѣтить и областное слово опахтанье.

ПЕРТЬ (жилая карельская изба): pirtti, черная изба, баня.

ПЕХТИЛЬ,-ЛО, ПИТКИЛЬ (пестъ, неповоротливый человѣкъ): petkeli и pötkeli, пестъ.

ПОЙГА (малютка): poika, мальчикъ, сынъ.

ПУДАСЪ: pudas, рѣчной заливъ, рукавъ, проливъ.

ПУРГА, ПУРЬГА: pyry, мятель, вьюга, и purku, сугробъ снѣжный.

ПЯККОИ: pieksu, сапоги особаго рода.

РАВГА: rauhanen, железá.

РАГА: raha, деньги.

РОВГА, РОВДА, РОВКА: routa, ледъ въ землѣ.

РОПАКА,-КЪ, РУПАКА (стоячая льдина, ледъ): ropakko, грязь по дорогамъ, кóлоть.

РОПАСЪ (ледяной бугоръ): rapa, грязь, вообще что-нибудь ломкое и разсыпающееся.

РЕМОКЪ,-ОХА,-ОХЪ,-ОШИНА,-УШКИ; РЯМОКЪ,-МКИ,-МОЖНИКЪ,-МУГА (лоскутъ, тряпка): rämä, вещь изодранная и негодная.

РЯМЪ, РЕМА, РЕМНИКЪ (топкое мѣсто, поросшее мохомъ и кустарникомъ): rämet, болотистое мѣсто.

РЯНДА: räntä, мокрый снѣгъ.

РЯСÁ (мокрота, слякоть, топкое мѣсто): räisy, топкая земля.

РЯСКИ (изодр. платье): rätti, лохмотье, тряпка, или räpä, изодранное платье.

САЛМА: salmi, проливъ, иногда заливъ.

САРГА: sarja, тонкая и длинная драница, употребляемая въ рыболовныхъ снастяхъ и т. п.

СЕЛЬГА (высокое пахотное мѣсто въ лѣсу): selkä, хребетъ; оттуда вообще — возвышенное, болѣе видное мѣсто.

СИКА: sika, свинья.

ХВАСТАТЬ, (говорить, лгать), **ХВАСТЛИВЫЙ, ХВАСТУНЪ:** haastaa, говорить, нагло говорить, хвастать.

ХОВАТЬ: haudata, зарывать, хоронить.

Глаголы хвастать и ховать, извѣстные и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, не могутъ быть отнесены къ числу заимствованныхъ словъ, но помѣщены здѣсь только какъ сходные съ финскими по корню.

ХОВРА (неповоротливая, непонятливая женщина): houru, глупый, полоумный.

ХОЗАТЬ: hosua, бить, колотить.

ХОНГА, ХОНОЖНИКЪ: honka, сосна. Ср. выше конга.

ХОРА (некладеный баранъ или олень): oro, жеребецъ, вепрь (кладеный). Ср. *чеш.* oř, voř, конь, жеребецъ (Н. Некрасова *Краледв. рукопись*, стр. 82 и 188), и *англ.* horse.

ХОРТЪ (борзой кобель, ловчій песъ): hurtta, охотничья собака, иногда волкъ; также рослый мущина. Профессоръ Альквистъ, приводя названное фин. слово, эст. hurt и лив. kurta, полагаетъ, что оно въ этихъ языкахъ заимствовано изъ русскаго или литов. (kurtas [1]). Дѣйствительно, слово этого корня очень распространено въ славянскихъ нарѣчіяхъ: црк.-сл. хрътъ; др.-чеш. chrt (жен. р. chrtice), польск. chart, хорут. hert, серб. хр̏т или рт и т. д., почему и Шимкевичъ внесъ это имя въ свой *Корнесловъ*. Юнгманъ сближаетъ его съ нѣм. hurtig, но едва ли справедливо: послѣднее скорѣе пріурочивается къ анг. to hurt, франц. heurter, и нѣм. глаг. hurten (stossen).

ХУХМАРИКЪ (гвоздь у лошадиной подковы): huhmari, большая ступка, родъ жернова.

ШИРА hiiri, мышь.

ШИШЪ, ШИШКО, ШИШИГА, ШИШИГАНЪ (домовой, бѣсъ). Только въ видѣ догадки можно здѣсь привести имя Hiisi, которымъ у Финновъ, по преданіямъ язычества, называется также злой духъ бѣсъ.

---

[1] Dr. August Ahlqvist. Die Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors 1875. Стр. 2.

Юнда (мережа особеннаго устройства): juoni (неопр. падежъ juonta), длинная рыболовная сѣть.

Юрко, юркій, юръ (покато, скользко, быстрина): jyrkkä, крутой. Весьма вѣроятно, что въ основѣ этого слова только видоизмѣненіе другого, болѣе распространеннаго въ русскомъ языкѣ корня — *яр* (ярый, яркій, яръ), ибо сущ. *яръ* имѣетъ значеніе крутизны, стремнины, такъ же какъ и слово *юръ* въ общеупотребительномъ выраженіи: «на самомъ юру».

Ялань, яланка (голое пространство земли между лѣсомъ, прогалина; то же что алань): alanko, низменное мѣсто. Ср. выше алань.

Если въ послѣднихъ листахъ Областного Словаря, сравнительно съ первою половиною его, оказалось не много финскихъ словъ, причиною надобно признать то, что буквы *ф ц ч ш щ* совершенно чужды финскому языку.

IV.

Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ.

АКУЛА. Еще въ первомъ изданіи Словаря Россійской Академіи это слово признано скандинавскимъ; тамъ сказано: «названіе, отъ исландскаго или норвежскаго наименованія *гакколъ* нашими поморянами принятое». Дѣйствительно, исл. hákall, нар.-норвеж. haakall значитъ squalus carcharias. Различіе между русскимъ и скандинавскими реченіями состоитъ только въ томъ, что у насъ акулою называютъ вообще породу squalus, а hákall означаетъ особый видъ ея, отличающійся огромностью (squalus carcharias — акула исполинская, морской песъ, людоѣдъ, мокой). По мнѣнію Бьёрна-Гальдорсена [1], исландскому слову hákall соотвѣтствуетъ датское havkalv, морской теленокъ, но это едва ли справедливо: havkalv = sökalv = тюлень [2].

БЕЗМЕ́НЪ (тюрк. батманъ — мѣра = 7—10—25 фунтовъ: тонкую веревку для вѣшанья на небольшихъ вѣсахъ не пудами, а батманами, называютъ батманникомъ. (*Изв. 2-го Отд. А. Н.* Мат. II, 30). Швед. besman, др.-шв. bismari, bisman, дат. bismer, нѣм. besemen (по словарю бр. Гриммъ этотъ родъ вѣсовъ употребителенъ въ голштинскихъ хозяйствахъ); лит. bẽzmẽnas; поль bezmian, przeźmian, чеш. přezmen. Повидимому это — тюрк. слово, заимствованное Русскими, а отъ нихъ путемъ тор-

[1] Biörn Haldorsen, Lexicon islandico-latino-danicum, Havniae, 1814.

[2] По Фрицнеру, др.-норвежская форма есть hákarl (Fritzner, Ordbog over det gamle norske sprog. Kristiania 1867).

говли распространившееся далѣе на западъ. Ср. ниже замѣтку о статьяхъ шведскаго ученаго, г. Тамма.

БУЗА́. Напитокъ, дѣлаемый въ Египтѣ изъ маисоваго хлѣба, положеннаго въ воду: особенно употребителенъ у Нубійцевъ и Негровъ, но его пьютъ также кавказскіе народы. Отчизна его— едва ли не страна около Ганга. (Записано въ 1852 г. со словъ знаменитаго оріенталиста, покойнаго гельсингфорсскаго проф. Валли́на).

ЕЖЪ, ИГЛА. Два имени одного корня: въ германскихъ языкахъ eg, egg (исл.) означаетъ наоборотъ иглу, острее, а igel (нѣм.)— ежа. Ср. нѣм. Egel или Igel (Blutegel), піявица, Ecke — уголъ; исл. igull, iglda, ежъ, iglaz, щетиниться. Корень этихъ словъ, котораго первое значеніе—что-то острое, остроконечное, чрезвычайно распространенъ по всѣмъ индо-европейскимъ языкамъ: ἀκή — острее, лат. acus — игла, шв. egg — лезвее, англосакс. egged — острый и т. д.

ЗАБОТА. Откуда это слово, неизвѣстное въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Не въ родствѣ ли оно съ глаголомъ *зобать?* Недавно одинъ извозчикъ, лужскій уроженецъ, жаловался мнѣ на дурной путь. Я замѣтилъ шутя, что вѣдь это дѣло лошадей. «А объ лошадяхъ-то, отвѣчалъ онъ, кто же *зо́блется?* Мы же!» Это значеніе глагола *зобаться* показано и въ академическомъ «Опытѣ областнаго словаря»; кромѣ того мы находимъ тамъ, что и глаголъ *зобать* употребляется иногда въ смыслѣ искать, и далѣе *зобачиться* вм. *заботиться,* что́ какъ будто бросаетъ свѣтъ и на происхожденіе этого послѣдняго, столь загадочнаго слова.

КАРЕТА. У однихъ Датчанъ слово karreet употребляется совершенно въ томъ же значеніи, какъ наше названіе закрытаго со всѣхъ сторонъ экипажа. У Нѣмцевъ die Carrete нынѣ болѣе не употребительно, но прежде означало небольшую коляску: по свидѣтельству Аделунга, это слово въ его время еще употреблялось въ презрительномъ смыслѣ для означенія дурной, жалкой повозки. Оно первоначально образовалось въ итал. языкѣ (carreta, carretta), какъ уменьшительное имени carro (отъ лат. currus), и означало всякую небольшую повозку. На среднелатинскомъ языкѣ carreta, carreda — двуколесная телѣжка.

КНУТЪ. По замѣчанію Шевырева, (*Истор. Русс. Слов.*, т. I, стр. 90) это слово шведское; но по-шведски knut значитъ узелъ, и слѣдовательно по смыслу нѣтъ собственно прямого соотношенія

между обоими однозвучными именами. Приводимыя Шевыревымъ въ примѣчаніи 68-мъ выраженія: få knut — быть биту кнутомъ, и ge knut — бить кнутомъ, явно заимствованы Шведами изъ русскаго языка. Наше слово *кнутъ* удобнѣе было бы пріурочить къ исландскому глаголу knýta, который иногда значить — бить кнутомъ, flagellare. Ср. нѣм. Knüttel; нижне-сакс. knutten, вязать, и сходныя слова во всѣхъ германскихъ нарѣчіяхъ.

КОЛАЧЪ (калачъ). Правильнѣе писать *колачъ*, какъ пишутъ Сербы и какъ писалъ Ломоносовъ. Въ словарѣ Караджича объяснено: «когда идутъ въ гости къ другу или родственнику, то всегда въ котомкѣ кромѣ деревянной фляжки надобно имѣть и колачъ (т. е. пшеничный хлѣбъ); когда же возвращаются отъ пріятеля, то опять отправляющемуся оттуда надобно приготовить такой колачъ. Потому и говорятъ: южнымъ святкамъ и пріятельскому колачу не надобно радоваться (ибо пріятель принесетъ одинъ колачъ, а съѣстъ нѣсколько, и опять ему надобно приготовить колачъ въ дорогу)». Что касается до значенія слова, то у Караджича сказано: eine Art radförmiges Brot. Нѣтъ сомнѣнія, что оно происходитъ отъ *коло*, кругъ, колесо; итакъ оно по корню совершенно однозначаще съ германскимъ *Kringel*, происходящимъ отъ древне-нѣмецкаго *kring* (кругъ), которое впослѣдствіи потеряло начальное *k* и въ этомъ видѣ сохранило значеніе кольца. Въ исландскомъ языкѣ оно удержалось съ гортанною *k* или *h* передъ *r* (kringr или hringr); kring осталось и въ другихъ скандинавскихъ нарѣчіяхъ въ смыслѣ существ. или предлога: *вокругъ*. Наше *крендель* составилось изъ нѣмецкаго провинціальнаго *krengel*: измѣненіе *г* въ *д* послѣ *н* у насъ естественно; такъ простой народъ и дѣти вмѣсто *ангелъ* часто произносятъ: *андelъ*.

МИРЪ и **МІРЪ**. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимологически оба слова тожественны. Употребленіе ихъ весьма точно разграничено, но въ собственныхъ именахъ лицъ и городовъ оно еще колеблется. Чаще пишутъ въ такихъ именахъ *і*, но едва ли не правильнѣе было бы писать: *Владимиръ*, *Житомиръ*, и вотъ на какомъ основаніи. Обыкновенно здѣсь представляютъ себѣ *міръ* въ значеніи свѣта (mundus), но вѣрнѣе принять тутъ еще третье значеніе, именно значеніе, выражаемое въ другой формѣ тѣхъ же именъ окончаніемъ *славъ*. Владимиръ то же, что Владиславъ, Станимиръ — Станиславъ, Болемиръ — Болеславъ;

таких имен можно насчитать до 70-и. Древнѣйшая ц.-сл. форма — *мѣръ*, гдѣ *ѣ* вѣроятно имѣлъ еще звукъ ea. Въ германскихъ и кельтскихъ именахъ этому окончанію соотвѣтствуетъ слогъ *mar* (съ долгимъ а), сходно съ которымъ первоначально звучало, вѣроятно, и славянское *миръ*. (Изъ замѣтки, доставленной А. А. Куникомъ).

НАСТЕЖЬ. Хорут. stesaj, сущ. ж. р. — протяженіе, распространеніе, отъ гл. stesati, расширять, растягивать: duri so na stesaj odpèrte, дверь отперта настежь, т. е. во всю ширину (Muřko). У насъ соотвѣтствующій глаголъ *стегать* значитъ не то, не сходное его значеніе видно изъ сложныхъ: *застегивать*, *разстегивать*.

ОБИДѢТЬ. Обыкновенно считаютъ это слово составленнымъ изъ глагола *видѣть* и предлога *объ* (см. Словарь Рейфа и *Корнесловъ* Шимкевича). Съ перваго взгляда это очень правдоподобно: по общему закону здѣсь губная *в* могла выпасть послѣ принадлежащей къ буквамъ того же органа *б*, какъ въ словахъ *обязывать*, *обернуть* и многихъ другихъ. Но если бъ такъ было, то отчего же страдательное причастіе получило бы форму *обиженъ*, а не *обидѣнъ*, а неопредѣленное наклоненіе несовершеннаго вида форму *обижать*, а не *обидать* — по образцу простыхъ словъ: *видѣнъ* [1], *видать*. Въ невѣрности приведеннаго мнѣнія о составѣ разсматриваемаго слова еще болѣе убѣждаютъ родственные языки. Въ народномъ норвежскомъ находимъ слово *Obyde* (или ubyde) досажденіе, оскорбленіе, порча, вредъ [2]. Въ литовскомъ *Abyda* — неправда, насиліе, и глаголъ *abyditi*, несправедливо поступать, обижать. Отсюда ясно видно, что нашъ глаголъ произошелъ отъ первообразнаго сущ. *обида* и что поэтому въ старину правильнѣе писали *обидить*. Ср. сербское *обѐдити*, *обѝдити* или *обије̏дити* — несправедливо обвинять.

СКАТЕРТЬ. Можетъ быть, съ сред.-в.-нѣм. Scheter, Schetter = тонкая бумажная матерія (Weigand, D. WB.). Впрочемъ и у Ил-

---

[1] Мимоходомъ замѣчу, что это слово пишу я такимъ образомъ только какъ неупотребительное причастіе и отличаю его отъ прилагательнаго *виденъ*, *видна*, *видно*, въ которомъ *ѣ* не могло бы выпасть и гдѣ слѣдовательно гласная въ окончаніи мужескаго рода есть бѣглая *е*. Такъ же неосновательно пишутъ *больнъ* вмѣсто *боленъ*, гдѣ тоже вставлена гласная *е* (*больной*).

[2] Ordbog over det norske Folkesprog, af Ivar Aasen. Kristiania 1850, и 2-е изд. этой книги: Norsk Ordbog, Christ. 1873.

лирійцевъ skatert, у Галичанъ скатерка, скатеръ, въ Малор. скатертйна, скатерныця. А. А. Шифнеръ указываетъ еще на хорв. skatör = шатеръ.

СОЛОМА. Др.-сл. слама въ родствѣ съ герм. Halm, нар.-норв. ħelma, ħalma. — Ср. лат. calamus; *семь* съ греч. ħepta, и предл. *со* съ латин. *cum* (санскр. сан.).

СТРЕКАТЬ. Ср. исл. striuka, бить, ударять, также бѣжать. (Ср. дать стречка). Въ первомъ значеніи еще употребляется глаголъ strikia, а въ послѣднемъ strika и stroka.. Швед. ge stryk, поколотить.

СТРОКА. Ср. нар.-норв. stroka, черта, длинный рядъ; нижне-нѣм. strak, анг. straight, прямой; нѣм. strecken, простирать.

СТРЯПЧІЙ. Какое основное понятіе скрывается въ этомъ сущ. и въ глаголѣ *стряпать*, отъ котораго оно несомнѣнно происходитъ? По нѣкоторымъ случаямъ употребленія этого глагола въ старинномъ языкѣ видно, что онъ значилъ: дѣятельно исполнять какую-нибудь работу, справлять дѣло, должность, хлопотать. («Онъ человѣкъ добрый, и ямскую стряпню стряпать можетъ», *Акты Юрид.* 287, или: «да у доспѣха стряпаютъ дѣти князя Щетинина», *И. Г. Р.* III, прим. 98). Подтвержденіе тому находимъ въ литовскихъ словахъ: *stropus* — прилежный, усердный, проворный, и *stropti* — быть проворнымъ, усерднымъ.

СУДНО, СУДКИ, ПОСУДА. Др.-сл. сѫдъ, соудъ, пол. sąd, другія сл.-нар. sud, орудіе, instrumentum. Ср. исл. sud (сплоченныя доски, бокъ корабля).

СУДЪ (iudicium). Др.-сл. сѫдъ. Корень этого слова, повидимому, обнаруживается въ гот. sundro, нов.-верх.-нѣм. sonder, исл. sundr, анг.-сакс. sunder, зн. врозь: ибо что первоначально значитъ судить? разбирать; ср. греч. κρίνειν, нѣм. urtheilen, entscheiden, шв. skipa (lag) отъ исл. skepia, раздѣлять, щепать. Въ лѣтописи *Судъ* (въ зн. пролива Константинопольскаго [1]) есть вѣроятно германское sund = проливъ. Это sund, по весьма распространенному мнѣнію, въ родствѣ съ гл. schwimmen (J. Grimm, Gram. II, 479; ср. Weigand D. Wb., стр. 845, и Fick, Indogerm. Wb., 3-е изд. Germ. Spr., 895), но вопросъ: не справедливѣе ли

---

[1] Ольга говоритъ посламъ изъ Царяграда: «тако же постоиши у мене въ Почаинѣ, якоже азъ въ Суду» (П. Собр. Р. Лѣт. 1, 26, и Ист. Г. Р., изд. Сленина, I, 169).

пріурочивается и оно къ корню sundr, такъ какъ существенное свойство пролива — раздѣлять два берега.

ТОЛОКА. Слово это неизвѣстно въ нашемъ образованномъ языкѣ; оно заимствовано здѣсь изъ Областного Словаря и замѣчательно тѣмъ, что указываетъ на весьма древній обычай въ сельскомъ быту, распространенный — какъ видно изъ другихъ языковъ — въ большей части европейскаго Сѣвера — у литовско-латышскаго племени, у Поляковъ и у Финновъ. По областному Словарю вотъ объясненіе этого слова: «Общинная, такъ сказать, уборка хлѣба или сѣна, принадлежащихъ одному хозяину, чрезъ приглашенныхъ къ нему сосѣдей, родныхъ и знакомыхъ». Въ Литовскомъ словарѣ Нессельмана читаемъ слѣдующія любопытныя замѣчанія при словѣ *Talká:* «Всякій пиръ по окончаніи работы, выполненной при помощи многихъ, которыхъ нельзя вознаградить деньгами; — особенно пиръ по окончаніи жатвы, на который приглашаются всѣ, добровольно помогавшіе другъ другу въ работѣ. По окончаніи какой-нибудь постройки хозяинъ также задаетъ *Talká.* Можетъ-быть, *Talká* первоначально означаетъ не пиръ, а самую помощь взаимную и добровольную: въ этомъ я не могъ удостовѣриться». Штендеръ въ своемъ латышскомъ лексиконѣ подъ словомъ *Talks* говоритъ: «Множество созванныхъ вмѣстѣ работниковъ обоего пола, которыхъ по окончаніи работы усердно угощаютъ (die nach der Arbeit brav traktiret werden)». Мнѣ самому случилось быть въ одномъ курляндскомъ имѣніи въ день такой *толоки* при окончаніи уборки хлѣба; за нѣсколько времени до того видѣлъ я подобный обычай, разумѣется, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, и въ Финляндіи, гдѣ онъ повсемѣстно извѣстенъ подъ именемъ *talkko:* это, по словамъ Ренвалля, пирушка для работниковъ (epulum operariorum copiose collectorum; см. Lexicon linguae finnicae). Работникамъ въ поле безпрестанно выносятъ водку и пиво, а послѣ обильнаго ужина день кончается пляскою. А. А. Шифнеръ передалъ мнѣ еще мадьяр. названіе kaláka, вѣроятно также заимствованное у Славянъ.

У Поляковъ (см. словарь Линде) tłuka означаетъ какъ самую уборку плодовъ или хлѣба, такъ и пирушку при окончаніи жатвы. Есть въ польскомъ языкѣ еще и слово tłoka, — родъ повинности, барщина, чему соотвѣтствуетъ у Хорутанъ и Хорватовъ *тлака* — въ томъ же значеніи — иначе *robota* у первыхъ и *робиjа* у послѣднихъ (см. словари Мурко и Карад-

жича). Въ дополненіе приведу, что и въ нашемъ академическомъ словарѣ церковно-славянскаго и общеупотребительнаго языка подъ словомъ *Толо́ка* есть между прочимъ такое объясненіе: «поголовная высылка на работу всѣхъ крестьянъ». Что же касается до указанія Областного Словаря, гдѣ это же слово помѣщено съ другимъ удареніемъ, то тамъ оно отнесено къ губерніямъ Курской, Псковской, Смоленской и Тверской. Конечно, найдутся и другія мѣстности, гдѣ соблюдается тотъ же обычай съ тѣмъ же названіемъ.

Спрашивается: у котораго же изъ трехъ племенъ—славянскаго, латышско-литовскаго, или финскаго, обычай этотъ является первобытнымъ, а съ нимъ и самое слово туземнымъ? Такъ какъ оно у Финновъ и Литовцевъ не находится въ органической связи ни съ какими другими словами, напротивъ у Славянъ составляетъ одну изъ отраслей общаго языкамъ ихъ корня, то слѣдуетъ кажется признать, что слово это, а слѣдовательно и обычай — происхожденія славянскаго. Въ языкахъ Славянъ это названіе представляется не безсмысленнымъ звукомъ, а состоитъ въ явномъ родствѣ съ глаголомъ *толочь* (къ гнѣзду котораго оно и отнесено въ словарѣ Даля) или точнѣе *толочься*, который у Поляковъ (tłuc się) и у Чеховъ (tlauc) значитъ суетиться, возиться, съ другими толкаться. Отсюда видно, что первоначальное значеніе слова *толока* не пиръ, а работа, справляемая многими вмѣстѣ. Такимъ образомъ названіе talka, talks, talkko, стоящее уединенно въ языкахъ литовскомъ, латышскомъ и финскомъ, находитъ себѣ объясненіе только въ нарѣчіяхъ славянскихъ[1].

ТРАВА, ТРАВИТЬ. Объясн. Востокова: тровати, трую, то же что травити, трявлю = кормить, кормиться въ переносн. смыслѣ. Отъ того трава, собств. кормъ, какъ въ греч. βοτάνη отъ βοτόσ, кормъ. (Вост. *Ф. Набл.*, Фрейз. рукоп. 54).

УПОВАТЬ. Павскій думаетъ, что это слово въ родствѣ съ нѣмец. hoffen, шв. hopp, анг. hope. Но въ др.-сл. есть *пвати, пъвати* = полагаться. Слѣд. корень нашего глагола — *пв*, а *у* есть предлогъ. Корень *пв* образовалъ въ чеш. и поль. *певный* — вѣрный, надежный.

---

[1] Въ Дополненіи къ Обл. Словарю показано еще любопытное значеніе слова *то́лока* въ Пск. и Тверск губ. — шумъ толпы, гомонъ. Ср. также выше стр. 565.

ХОМУТЪ. Общеславянское слово, издавна заимствованное Нѣмцами въ формахъ kummet, kummt, komat и т. п., и Финнами — hamutsa — въ Кареліи. Ср. названіе чешскаго города Kommotau (т. е. Хомутово).

ШЛЯПА. На швабскомъ нарѣчіи der Schapp значитъ: родъ маленькой, обыкновенно кожаной шапки. На верхне-нѣм. die Schlappe— шапка, чепецъ (Heyse). Аделунгъ подъ словомъ Schleppe говоритъ, что въ Баваріи женскій головной уборъ особеннаго устройства называется Schleppe.

ШУБА. Польск. szuba въ томъ же значеніи, серб. шуба, родъ женскаго широкаго платья. Слово это взято съ нѣмецкаго: Schaube въ верх. Германіи означаетъ длинное верхнее платье, покрывающее все тѣло и употребляемое лицами обоего пола; Nacht-Schaube — халатъ; Regen-Schaube, дождевой плащъ; того же корня франц. jupe, итал. giubba—юбка и особое мужское платье; исп. chopa. Ср. араб. джубба. Изъ русскаго *шуба* Нѣмцы, забывъ происхожденіе этого слова, составили свое Schuppenpelz (енотовая шуба).

ПО ПОВОДУ ДВУХЪ СРАВНИТЕЛЬНО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ О СЛАВЯНСКИХЪ И СКАНДИНАВСКИХЪ СЛОВАХЪ.

Въ послѣднее десятилѣтіе филологія въ Швеціи получила необыкновенное развитіе: съ одной стороны оно обнаруживается въ изученіи мѣстныхъ нарѣчій, съ другой въ расширеніи границъ сравнительной лингвистики, въ изученіи и такихъ языковъ, которые прежде оставались совершенно въ сторонѣ. Какъ въ области исторіи Шведы въ настоящее время обратили вниманіе на Россію, такъ и въ филологіи нѣсколько молодыхъ ученыхъ пристально занялись славянщиной. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются труды доцента Упсальскаго университета г. Тамма (Fredr. Tamm), который въ 1874 году издалъ для полученія степени доктора начало шведскаго этимологическаго словаря. Въ «Ежегодникѣ (årsskrift)» названнаго университета за 1881 и 1882 гг. онъ напечаталъ два любопытныя изслѣдованія: 1) «Шведскія слова, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ» и 2) «Славянскія слова, заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ». (Svenska ord belysta genom slaviska och baltiska språken. — Slaviska lånord från nordiska språk).

Сообщу нѣсколько замѣчаній объ обѣихъ статьяхъ и предварительно упомяну, что подъ балтійскими авторъ разумѣетъ языки литовскій, латышскій и древне-прусскій. Во всѣхъ своихъ сравненіяхъ онъ строго соблюдаетъ научные пріемы сравнитель-

наго языкознанія, обращаетъ особенное вниманіе на законы передвижки звуковъ и на основаніи ихъ рѣшаетъ, должно ли слово считаться родственнымъ или заимствованнымъ. Надо отдать полную справедливость осторожности г. Тамма въ его выводахъ. Мнѣ показалось только, что въ числѣ соображеній, которыми онъ руководствуется для рѣшенія вопроса о заимствованіи словъ, недостаетъ одного: именно степени вѣроятія, чтобы слово, по самому значенію своему, могло быть заимствовано. Такъ напр. едва ли на этомъ основаніи можетъ быть справедливо заключеніе (I, стр. 38), что Германцы заняли у Славянъ слово mark, шв. märg, передѣлавъ по-своему славянское мозгъ. Въ большей части случаевъ, однакожъ, тамъ гдѣ нѣтъ полной достовѣрности, г. Таммъ воздерживается отъ положительнаго вывода о томъ, какому языку первоначально принадлежало данное слово.

Первая изъ двухъ выше названныхъ мною статей распадается на 4 отдѣла: я приведу здѣсь заглавія ихъ и при каждомъ исчислю отнесенныя къ нему шведскія слова съ означеніемъ въ скобкахъ соотвѣтствующихъ словъ, русскихъ или другихъ славян. языковъ, тамъ гдѣ это для ясности окажется нужнымъ. Сверхъ того надо имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ приводимыхъ словъ г. Таммъ считаетъ первоначально принадлежащими другимъ народамъ, но перешедшими на западъ чрезъ посредство Славянъ.

I. Слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ славянскихъ языковъ: bulvan (первон. мадьяр.), lodja (ладья), pasma, prestaf (приставъ), torg, tulubb, besman (безменъ), droska, gräns (граница), gurka (огурецъ), juft, kalesch, kantschu (канчукъ, первон. турецк.), karbas (первон. восточн.), knut, krabat (kroat, hryat), masurka, piska (бичъ), pitschaft (печать), prâm (паромъ), riska (рыжикъ), siska (чижъ), sobel, steglitsa (щеголъ), stepp, tolk, ulan; имена собств.: Polen (съ производными), Pommern, Svante.

II. Слова, сходныя съ славянскими, но которыхъ тожество съ послѣдними не можетъ быть доказано:

Järpe (pol. jarząbek, рябчикъ), mörk (меркнуть), bister (быстръ), brits (чеш. přites), pistol, rapphöna (рябчикъ), smärta (смерть), katten (катъ = палачъ).

III. Слова сомнительнаго происхожденія, которыхъ существованіе у Германцевъ и Славянъ по законамъ согласныхъ звуковъ указываетъ на заимствованіе:

Humle (хмель), kant (кутъ = уголъ), karp, katt (котъ), trumma (труба), köpa (купить), läka (лѣчить), lök (лукъ), plog (плугъ), silke (шелкъ), skatt (скотъ), stolpe (столпъ), stork (стерхъ, др.-сл. стръкъ), särk (сорочка, др.-сл. срака), dolk (чеш. tulich), körsnär (корзно), sink (цинкъ), trapp (дрофа).

IV. Другія слова сомнительнаго происхожденія, освѣщенныя съ помощію славянскихъ и балтійскихъ языковъ:

Stuga (изба, истба), barr (боръ), gren (серб. грана), lax (лосось), märg (мозгъ), sadel (сѣдло), sik (сигъ), sill (сельдь), stack (стогъ), vax (воскъ), älg (лось), drummel (лит. drimelis), dåre (дурь), grobian, kaja (пол. kawa, рус. кавица), lindare (линь), stagg (лит. stegē, рыба).

Уже при одномъ бѣгломъ взглядѣ на эти списки трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласиться съ авторомъ насчетъ взаимнаго отношенія сопоставленныхъ словъ. Едва ли можно напр. сомнѣваться, что слова stork и dolk не германскими народами заимствованы у Славянъ, а скорѣе наоборотъ. Подобно тому, мы склонны думать, что слово грубьянъ, по-своему образованію, не можетъ быть славянскимъ: какъ могъ суффиксъ анъ, янъ быть такимъ образомъ приданъ прилагательному грубый? Такъ же точно наше слово пищаль конечно составлено изъ pistol, а не наоборотъ, какъ думаетъ г. Таммъ. Впрочемъ, касательно нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ самъ онъ такого же мнѣнія. Напр. о словѣ sill (сельдь) онъ, послѣ развитія многихъ звуковыхъ соображеній, которыя могли бы привести къ различнымъ выводамъ, весьма справедливо замѣчаетъ: «Здѣсь, какъ часто бываетъ, одного изслѣдованія языка недостаточно:

нужна помощь культурной исторіи, чтобы ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Мы напомнимъ только, что большинство славянскихъ народовъ не живутъ подобно скандинавскимъ у моря и потому не могутъ заниматься рыболовствомъ. Въ этомъ заключается, конечно, сильная поддержка тому мнѣнію, что слово sill всего вѣроятнѣе наше туземное, у Славянъ же чужое».

Увлеченіе сходствомъ звуковъ у г. Тамма рѣдко, но онъ не вполнѣ избѣгъ его. Такъ подъ словомъ Polen онъ вѣрно объясняетъ происхожденіе названія народа отъ поле и сближаетъ его съ шведскимъ именемъ города и области Falun (др.-шв. fala = равнина, степь), но затѣмъ онъ идетъ далѣе и подъ тотъ же корень подводитъ не только нѣм. feld, но и сканд. fjell (скала) и южно-слав. планина, польск. płonina (безплодная земля), малор. полонина, и находитъ, что эти формы относятся къ слову поле, какъ солонина къ соль (I, 16). Намъ кажется, что поль. płonina совсѣмъ другаго корня. Płon', płonia знач. прорубь, польское, płonić'— изсушать, płonny — безплодный, тощій. Слово płonina и пр. конечно въ родствѣ съ прилаг. *полый* (открытый, пустой; ср. слова: пологрудый, полоумный). Это заставляетъ насъ отнести къ тому же корню и приведенныя польскія слова.

Въ недоразумѣніе другого рода впадаетъ г. Таммъ относительно слова безменъ (I, 7), распространеннаго въ разныхъ видоизмѣненіяхъ у скандинавскихъ и балтійскихъ народовъ, а отчасти и у Нѣмцевъ. Г. Таммъ, по примѣру польскаго ученаго Кольберга, увлекаясь тою самою народною этимологіей, на основаніи которой слово это получило свою славянскую форму, считаетъ его составленнымъ изъ корня мѣнъ и предлога безъ. «Названіе, говоритъ онъ, конечно происходитъ отъ того, что безменомъ вѣсятъ безъ перемѣны гирь». Давно уже мною высказано предположеніе, что слово безменъ восточнаго происхожденія и что начало его кроется въ тюркскомъ батманъ, употребительномъ въ южной и восточной Россіи и означающемъ мѣру вѣса въ нѣсколько фунтовъ, почему батманникомъ называется тонкая веревка, служащая для вѣшанья на небольшихъ

вѣсахъ батманами[1]. Важнымъ подкрѣпленіемъ этого мнѣнія служитъ то, что въ Вологодской губ. (а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ) и самое слово безменъ нѣкогда означало условную мѣру вѣса, которая по всей зырянской сторонѣ равнялась 12 фунтамъ. Въ Никольскомъ уѣздѣ названной губерніи это слово и до сихъ поръ еще извѣстно въ томъ же значеніи. Въ актахъ же яренскаго архива найдены между прочимъ слѣдующія выраженія: «Покралъ 30 локо́тъ холсту, да десетъ безмѣнъ масла.— Масла коровья шесть безмѣнъ да шесть безмѣнъ прядени холщевово» (1653 г.)[2].

Слово дрожки (шв. droska), употребительное по всей Германіи и въ скандинавскихъ странахъ, по мнѣнію г. Тамма, возникло у Русскихъ и отъ нихъ перешло въ западную Европу. Замѣчу однакожъ, что слово дрога́, отъ котораго оно образовано, заимствовано вѣроятно отъ польскаго drąg, зн. шестъ, рычагъ. Его уменьшительная форма обратилась въ названіе нашего легкаго экипажа. Это названіе перешло къ Полякамъ отъ насъ и получило у нихъ не свойственную ихъ языку форму dorożka, точно такъ же какъ наше слово дрога не русскаго склада: у насъ оно должно бы было получить форму другъ, если бъ образовалось самостоятельно, по законамъ нашей фонетики, соотвѣтственно ц.-сл. дѫгъ или польск. drąg. Слово другъ, въ этомъ значеніи, само по себѣ, у насъ не существуетъ, но дало начало глаголу водрузить (ц.-сл. вѫдрѫзити). Употребительное въ Малороссіи, въ Галиціи и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ дрюкъ, дрючокъ и друкъ, дручокъ (колъ, шестъ, рычагъ) тоже не русскаго происхожденія. По поводу слова дрожки я переписывался съ И. С. Соломоновскимъ, какъ жителемъ Привислинскаго края, и онъ между про-

---

[1] См. выше, стр. 589, и издававшіяся при Извѣстіяхъ II Отдѣленія Ак. Наукъ Матеріалы I, 30. Даль въ словарѣ своемъ упоминаетъ о крымскомъ, закавказскомъ, саратовскомъ, казанскомъ даже тамбовскомъ и тверскомъ батманѣ и также признаетъ тожество этого слова съ нашимъ безменомъ.

[2] Матеріалы I, 120, 121.

чимъ сообщилъ мнѣ, что по-польски drążki (множ. отъ drążek) зн. оглобли. Это польское названіе необходимой принадлежности нашего экипажа могло также служить основаніемъ къ происхожденію его названія. Что касается самаго слова hołoble (по нашему оглобля), то изъ свѣдѣній г. Соломоновскаго оказывается, что оно въ Польшѣ мало извѣстно и, по показанію нѣкоторыхъ, означаетъ нашу русскую дугу; въ Малороссіи же оно ходитъ въ формѣ *го́лобля* съ тѣмъ же значеніемъ, какъ и у насъ. Это подаетъ мнѣ поводъ думать, не слѣдуетъ ли искать его начала въ нѣмецкомъ gabel, названіи такого рода упряжи? per metathesin оно могло получить употребительную въ Малороссіи форму, а оттуда перейти въ новой передѣлкѣ къ намъ. Любопытно замѣчаніе г. Соломоновскаго о словѣ dorožka. «Такъ, пишетъ онъ, называютъ здѣсь извозчиковъ-лихачей. Въ отдѣльности ни одинъ видъ экипажа не носитъ этого названія; равнымъ образомъ ни кучеръ, ни лошади не называются dorožka. Какъ въ русскихъ городахъ кричатъ: извозчикъ! или: вольный! такъ въ Варшавѣ кричатъ: dorožka! Такъ и называютъ: dorožka № 1, dorožka № 2 и т. д. Но это значитъ не экипажъ, не кучеръ, не лошадь, а все вмѣстѣ. Образованіе этого слова весьма странное. Въ польск. языкѣ, полногласія нѣтъ, а здѣсь оно упорно сохраняется, что заставляетъ признать здѣсь do за предлогъ. Какъ ни странно, но иначе нельзя объяснить этимологіи этого слова, какъ разложивъ его на два: do и rožka. Говорятъ, что встарину курсъ извозчиковъ въ Варшавѣ считался только по прямой линіи до перваго поворота или до угла, по-польски do rožka (rožek, rog = уголъ)».

Наше паромъ то же что pram, слово употребительное у Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Голландцевъ: г. Таммъ полагаетъ, что Славяне первоначально передѣлали его изъ древне-нѣм. farm и что оно у обоихъ племенъ возникло изъ одного корня (fara, fahren).

Слово цинкъ объясняется остроумнымъ соображеніемъ, что означаемый имъ металлъ, котораго особенно много въ Силезіи,

этомъ искони славянскомъ краѣ, такъ названъ былъ по сходству его съ оловомъ (Zinn), къ нѣмецкому имени котораго прибавленъ суффиксъ ek (I, 34).

Любопытно указаніе, что знаменитое въ шведской исторіи имя Svante (Svante Sture) произошло отъ др.-слав. сватъ и заимствовано отъ Вендовъ. Образцомъ для этого заимствованія послужило вѣроятно имя Святополкъ, которое носилъ во 2-й половинѣ XIII-го столѣтія судья въ Остроготіи. Онъ былъ, какъ полагаютъ, датскаго происхожденія, внукъ короля Вольдемара II: этимъ и объясняется, почему онъ получилъ вендское имя.

Перехожу ко второй статьѣ. Въ ней три отдѣла:

I. Славянскія слова, несомнѣнно или весьма вѣроятно заимствованныя изъ скандинавскихъ языковъ. Сюда отнесены: ящикъ (шв. ask), берковецъ (Björkö), будка (исл. búð, отъ bua), хватъ (исл. hvatr), гридинъ (исл. grið), ябедникъ (исл. embœtti), якорь, ершъ, карити, кербь, кипа, костеръ, крюкъ, лягаratuboga (чеш.), ретязь (малор.), сайда, сельдь, скатъ (рыба), скирдъ, спудъ, стятъ, стодъ, стрънъ (др.-слав. = clavus quo regitur gubernaculum), судъ (др.-рус. = проливъ), шкеры, шнека, тіунъ, треска, варягъ, витязь.

II. Славянскія слова, которыя могутъ быть выводимы изъ скандинавскихъ языковъ, но могутъ также быть объясняемы другими германскими формами:

блекнуть, холмъ, дамба, гомонъ, напарей, нута (др.-слав.), плотъ, пудъ, рюжа, сима, стулъ, щелокъ.

III. Славянскія слова, происхожденіе которыхъ отъ сканд. языковъ сомнительно или должно быть совершенно отвергнуто:

анка, буракъ, дротъ, гугать, ярь, кнутъ, корзина, куликать, книга, ларь, лава, луда, rząp (поль.), сигъ, скиба, судорога, штыкъ, вышь.

Слово берковецъ, по мнѣнію г. Тамма, заимствовано у Шведовъ и происходитъ отъ др. сканд. слова, входящаго въ со-

ставъ названія bjarkeyar-rettr (біаркскій законъ). Русское должно было, слѣдовательно, первоначально означать шведскую мѣру вѣса skeppund, бывшую въ употребленіи у шведскихъ купцовъ на основаніи торговаго устава (björköarätt) и равнявшуюся 400 фунтамъ (= 10 пудамъ). Приведенное же здѣсь названіе устава можетъ быть производимо отъ имени процвѣтавшаго тысячу лѣтъ тому назадъ шведскаго торговаго города, упоминаемаго Адамомъ Бременскимъ подъ именемъ Birca и находившагося на островѣ Björkö на озерѣ Меларѣ. Не невозможно, что этотъ городъ, по своей важности для торговли, сдѣлался исходнымъ пунктомъ торговаго устава, распространившагося впослѣдствіи по всему скандинавскому сѣверу, подобно тому какъ въ позднѣйшее время городъ Висьбю на о. Готландѣ далъ начало морскому уставу для нѣмецкихъ ганзейскихъ городовъ. Что же касается самаго имени острова Björkö, то оно очень просто объясняется словомъ: björk (береза), весьма обыкновенною составною частью названій мѣстъ въ Швеціи. Весьма вѣроятно, что такъ произошло латинское Birca. Русское берковецъ могло явиться еще въ то отдаленное время, когда соотвѣтствующее ему слово означало ту же мѣру вѣса въ самомъ шведскомъ городѣ Birca, который еще сохранялъ свое торговое значеніе въ эпоху основанія Русскаго государства.

Предположеніе о заимствованіи слова хватъ (сканд. hvatr) правдоподобно, такъ какъ значеніе его довольно далеко отъ понятія хватать, и притомъ имена дѣятелей рѣдко образуются отъ одного кореннаго слога глагола безъ другаго суффикса.

Вмѣсто ябедникъ, какъ второобразнаго, слѣдовало поставить ябеда.

Ершъ, ляга, карити скорѣе родственныя, чѣмъ заимствованныя слова. Это относится особенно къ слову карити, корень котораго далъ такъ много отраслей въ славянскихъ языкахъ (ср. русск. кара, покорить, покорный, укоръ, перекоръ). При этомъ словѣ г. Таммъ ссылается на меня (см. выше, стр. 574), думая, что я считаю его образованнымъ отъ сканд.

kœra жаловаться, но я только сблизилъ оба слова, какъ имѣющія общее происхожденіе, не отмѣтивъ нашего глагола звѣздочкою, условнымъ знакомъ, принятымъ мною для словъ, по моему мнѣнію заимствованныхъ.

Чеш. ratuboga приведено въ формѣ, невозможной уже потому, что у Чеховъ нѣтъ звука g. Чеш. форма слова была бы ratiboha, но и въ ней оно неизвѣстно тѣмъ Чехамъ, которыхъ я о томъ спрашивалъ. Г. Таммъ ссылается на Рица, который считаетъ это слово первоначально вестготскимъ и говоритъ, что оно, благодаря англійскимъ и нѣмецкимъ писателямъ-экономистамъ, пріобрѣло почти общеевропейскую извѣстность. Въ Fremdwörterbuch Гейзе оно дѣйствительно нашло мѣсто, но въ Россіи никто его не знаетъ.

При словѣ сельдь дополняется то, что сказано о немъ въ первой статьѣ. Г. Тамма поражаетъ русская форма (съ *ль*), тогда какъ основная славянская форма селдь; для объясненія этого онъ видитъ въ нашемъ словѣ «позднѣйшую форму, выведенную изъ уменьшительнаго селедка, которое, по его мнѣнію, составлено изъ болѣе древней, согласной съ другими славянскими формами: селедь». Отъ вниманія г. Тамма ускользнуло, что здѣсь буква *ь* послѣ *л* вставлена просто по требованію произношенія или фонетической орѳографіи, такъ какъ мягкое окончаніе (дь) дѣйствуетъ и на смягченіе предыдущихъ звуковъ (см. выше, стр. 297, 302, 322). При другихъ согласныхъ, смягчающихся подъ вліяніемъ послѣдующей мягкой, *ь* обыкновенно не пишется, напр. въ словахъ смерть, вервь, твердь (хотя мы произносимъ сьмерьть, верьвь), но буква *л* находится въ исключительномъ положеніи и мягкое ея произношеніе всегда означается на письмѣ[1] (о чемъ подробно изложено мною въ своемъ мѣстѣ.

Сомнительно, чтобы слово шкеры первоначально заимствовано было отъ Нѣмцевъ, какъ заключаетъ г. Таммъ по русской

---

[1] Исключая случай удвоенія звука *л* (аллея, хотя произносимъ альлея).

формѣ, несходной съ шв. skär (произн. шеръ), отъ которой конечно происходитъ это названіе. Съ береговыми скалами Русскіе безъ сомнѣнія познакомились въ Финскомъ заливѣ, почему всего проще принять, что и слово заимствовано отъ финляндскихъ Шведовъ; произнесено же оно съ прибавленіемъ гортаннаго звука, который русскіе грамотные люди видѣли на письмѣ и безъ котораго считали воспроизведеніе слова неполнымъ. Надо припомнить, что въ шв. языкѣ sk передъ мягкою гласной нѣкогда произносилось не какъ ш, а какъ два отдѣльные звука (ск), что̀ отчасти еще и нынѣ продолжается на нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря, а у Русскихъ вм. ск легко могло явиться шк, тѣмъ болѣе что названія мѣстъ и урочищъ Финляндіи издавна воспроизводятся у нихъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, какъ болѣе для нихъ привычной, напр. Нейштадтъ, Нейшлотъ, вм. Нюстадъ, Нюслотъ. Въ послѣднемъ имени мы видимъ также смѣшеніе нѣмецкаго элемента съ шведскимъ (шлотъ, а не шлосъ). Подобно слову *шкеры* (или *шхеры*) образовались также рус. слова: шкапъ (отъ сканд. skaff, skåp, гол. schap и пр.), шкаликъ, серб. шкипъ (schiff)[1] и т. п.

Въ тожествѣ словъ: viking и *витязь* нельзя, кажется, сомнѣваться; переходъ k въ t явленіе весьма обыкновенное даже въ предѣлахъ самаго русскаго языка, напр. пау*къ* — пау*ти*на, ис*те*цъ (отъ ис*ка*ть). Ср. др.-сл. людьс*т*іи (отъ людьс*к*ый), нѣм. *k*ranich, шв. *t*rana, также франц. tabatière отъ tabac (встарину говорили tabaquière; см. Dictionnaire de Littré).

Холмъ признается заимствованнымъ изъ герм. языковъ, и г. Таммъ находитъ страннымъ мнѣніе Маценауэра, что это слово по происхожденію общее Славянамъ и Германцамъ. «Прежде, говоритъ онъ, надо доказать, что славянское х можетъ исходить прямо отъ индоевр. k». Выраженіе нѣсколько странное, такъ какъ г. Таммъ не исключаетъ же слав. языковъ изъ индоевроп. семьи. Въ примѣръ такого соотвѣтствія мы съ своей стороны

---

[1] Ср. мою замѣтку о географическихъ именахъ Финляндіи въ Современникѣ 1844 г. (т. XXXIII, стр. 146—149.

приведемъ хладъ, отвѣчающій германскому kalt, cold, — хлопать, klopfen, klappa, — холопъ, knapp, — хвостъ quast и т. д.

Дамба отъ Damm. Прибавленіе звука б послѣ м въ этомъ случаѣ не единственный примѣръ такого звуковаго обращенія съ иностранными словами: такимъ же образомъ отъ Stamm образовано штамба и глаг. штамбовать.

Объясненіе слова го́монъ съ помощію готскаго сложнаго ga-man, состоящаго изъ слова man, человѣкъ, и предл. ga, кажется мнѣ рѣшительно неудачнымъ. Болѣе правдоподобно сближеніе гомо́нъ (удареніе на послѣднемъ слогѣ) съ шведскимъ gamman (веселье).

Напарей (напарье, напалье) — техническое, мало извѣстное слово (означающее большой буравъ) приводитъ г. Тамма къ догадкамъ о происхожденіи германскаго nafar, nafvare, naber, въ разборъ которыхъ входить считаю излишнимъ.

Сима́, бечевка, снурокъ, употребляемый въ рыболовствѣ, также родъ пружины исл. simi, вѣроятно перешло къ намъ изъ Норвегіи отъ sima, того же значенія.

Щелокъ. Г. Таммъ, согласно съ Маценауэромъ, считаетъ это слово въ родствѣ съ исл. skola[1], шв. skölja, полоскать, и сходнымъ по основному понятію, съ нѣм. lauge, исл. laug, означающимъ купанье, воду для мытья. На это можно возразить, что и у Нѣмцевъ основное понятіе слова lauge толкуется различно: г. Таммъ слѣдуетъ въ этомъ случаѣ Вейганду, но въ словарѣ бр. Гриммовъ находимъ совсѣмъ другое: «dem worte scheint der begriff des brennenden zu grunde zu liegen und die nächste verwandschaft mit lauch und lohe stattzufinden». Что касается нашего щелокъ, то я считаю это слово чисто-русскимъ и остаюсь при мнѣніи, выраженномъ мною выше (стр. 399 и 436), именно, что въ корнѣ его, сходно

---

[1] Skola, исл., зн. мыть, но рядомъ съ нимъ г. Маценауэръ ставитъ шв. skolla, исл. skalda, имѣющія совсѣмъ другое происхожденіе и значеніе: опалить, ошпарить.

съ существеннымъ признакомъ означаемаго имъ предмета, кроется понятіе разложенія (щелокъ означаетъ собственно растворъ солей, вытяжку изъ золы растеній, а затѣмъ уже отваръ золы, растворъ кипятку на золѣ). Основной корень тотъ же, что въ словѣ щель (означающемъ также раздѣленіе,— отверстіе, трещину, разсѣлину, откуда и ущелье), но этотъ же корень является еще съ придачею гортаннаго звука въ глаголѣ щелкáть (раздроблять со звукомъ) и щёлкать (производить этотъ звукъ). Это придаточное к находится и въ словѣ щелокъ, гдѣ послѣдній слогъ отнюдь не есть суффиксъ, какъ видно изъ торообразнаго слова щелочь и изъ того, что *о* не пропадаетъ въ косвенныхъ падежахъ. Слово щель, очевидно, въ родствѣ съ сканд. skilja (раздѣлять, различать), а къ тому же корню относится и skall — рѣзкій звукъ. Подъ нѣм. словомъ schallen Вейгандъ говоритъ, что для объясненія его должно предположить болѣе древній коренной глаголъ skilan, въ которомъ первоначально заключалось понятіе громкаго звука отъ раздробленія и раскалыванія (der laute ton des trennens und spaltens), что́ какъ нельзя болѣе сходится съ двоякимъ значеніемъ нашего, близкаго по звукамъ глагола щелкать. Почти то же самое Вейгандъ говоритъ подъ словомъ schall и приводитъ др.-сканд. слова skil, skël = trennung, öffnung.

Словомъ щелокъ кончается 2-й отдѣлъ статьи г. Тамма о славянскихъ заимствованныхъ словахъ. Разсмотрѣніе остальнаго повело бы насъ слишкомъ далеко.

Заключимъ замѣчаніемъ, что г. Таммъ въ большинствѣ случаевъ разрѣшилъ свою задачу успѣшно; въ другихъ, хотя ему рѣшеніе представлявшихся вопросовъ и не вполнѣ удалось, тѣмъ не менѣе онъ доставилъ значительный матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ той же области сравнительнаго языкознанія и заслуживаетъ благодарность за свои попытки, въ которыхъ мы желаемъ видѣть только начало болѣе обширныхъ трудовъ въ томъ же отдѣлкѣ лингвистики.

V.

Слова, взятыя съ польскаго или чрезъ посредство польскаго.

Еще Ломоносовъ замѣтилъ, что у насъ много словъ польскаго происхожденія, которыя «пришли къ намъ чрезъ сообщество и частыя войны съ Поляками» [1]. Надо прибавить, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ мы приняли путемъ кіевскихъ школъ, развивавшихся, какъ извѣстно, подъ польскимъ вліяніемъ. Но наши заимствованія изъ польскаго до сихъ поръ мало обращали на себя вниманія. Здѣсь является чуть ли не первая попытка собрать ихъ въ алфавитномъ порядкѣ; вѣроятно, списокъ этотъ можетъ быть со временемъ еще значительно распространенъ. Возможно также, что, при дальнѣйшихъ соображеніяхъ, нѣсколько словъ придется изъ него выкинуть. Само собою разумѣется, что сюда занесены только слова общеизвѣстныя, съ исключеніемъ тѣхъ, которыя употребительны только въ западныхъ губерніяхъ или въ Малороссіи. Не помѣщены здѣсь также и тѣ слова польскаго происхожденія, которыя когда-то употреблялись Русскими, но теперь уже забыты. Нельзя не вспомнить, что еще и при Петрѣ Великомъ къ намъ входили слова изъ Польши и что самъ онъ въ письмахъ своихъ не разъ прибѣгалъ къ такимъ заимствованіямъ, каковы напр. слова: *жадный* (никакой), *мусить* (долженствовать) [2];

---

[1] Акад. рпк. Лом. № 112, стр. 12.
[2] Соловьева *Ист. Россіи* XV, 186, 250, 308.

сюда же слѣдуетъ отнести слово *фортеція* (польск. forteca), которое онъ употреблялъ не только въ собственномъ, но и въ переносномъ смыслѣ («фортеція правды»).

аренда (arenda, aręda; шв. arrende, отъ ср.-латин. arenda). Перешло къ намъ чрезъ остзейскія провинціи, бывшія нѣкогда подъ владычествомъ Польши, а потомъ Швеціи.

бекешъ (bekiesza, мадьяр. bekes).

бердышъ (berdysz, отъ франц. pertuisane).

бляха (blacha, отъ нѣм. Blech).

бричка (bryczka).

брыжи́ (bryże = первон. пестрое шитье, обшивка со складками на платьѣ).

будка (budka, buda; budować, строить).

булка (bulka, bułka).

бунтъ (bunt, союзъ).

вахтмистръ (wachmistrz).

вензель (węzel = узелъ). Замѣчательно однакожъ, что польское слово węzel не употребляется Поляками въ смыслѣ **вензель**; въ этомъ значеніи у нихъ ходитъ слово cyfra (фр. chiffre).

верша (wierza).

вильчура (wilczura = волчья шуба).

винтъ (gwint).

вирша (wierz = versus).

гаеръ (по Рейфу, поль. gaier [?] отъ итал. gaio, веселый; ср. франц. gaillard). Вѣрнѣе, кажется, указанное выше, на стр. 517, производство слова **гаеръ** отъ нѣм. geiger.

гарнецъ (garniec).

гарусъ (harus или arus, родъ матеріи).

гвалтъ (gwałt, насиліе, тревога, шумъ).

гербъ (herb).

гонтъ (gont).

гуртъ (hurt = стадо); гуртомъ (hurtem).

досконально (doskonalny).

дымка (dyma, турецкая бумажная матерія).

дышло (dyszel, отъ нѣм. Deichsel).

збруя, или **сбруя** (zbroj, zbroja).

кандалы (kajdan; ср. гайтанъ).

карпетка (skarpeta, szkarpeta).

киверъ (kiwior, по Рейфу съ венгерскаго).

клумба (kląb drzew, съ англ. clump).
кóзлы (kozły).
козырь (kozera).
колбаса (kiełbasa).
колетъ (kolet).
коляска (kolaska). По мнѣнію иностранныхъ филологовъ (Heyse, Diez, Littré), это — славянское слово, передѣланное западными Европейцами въ calèche, и т. п.
комната (komnata; др.-верх.-нѣм. kamnate, лат. caminata).
кофта (koftyr, kofter, турецкая шелковая матерія).
коштъ (koszt).
крахмалъ (krochmal; отъ нѣм. Kraftmehl).
кубокъ (kubek).
кухарка (kucharka).
кухмистръ (kuchmistrz).
кухня (kuchnia).
лядунка (ładunek, патронъ, зарядъ, свертокъ, отъ нѣм. Ladung).
маетность (majętność, имущество, имѣніе).
метрика (metryka).
музыка (muzyka).
муштровать (mustrować, учить войско).
мѣщанинъ (mieszczanin, отъ miasto, городъ).
оглобля (hołoble, отъ нѣм. Gabel, Gabeldeichsel). См. выше, стр. 602.
огуломъ, огульный (ogól, ogólem).
панибратъ (panie bracie, pan brat).
пашпортъ (paszport).
погонъ, погончикъ (pogon вм. ogon, хвостъ; ogonczyk, ogonek, хвостикъ, жгутикъ). Прежде говорили у насъ между прочимъ: «погонъ на шляпѣ» (См. письмо Екатерины II въ *Р. Арх.*, 1863, изд. 1, стр. 278).
потчевать (сущ. poczta = почесть, приношеніе).
почта (poczta).
предметъ (przedmiot).
предмѣстье (przedmeście: miasto = городъ).
ратуша (ratusz, отъ нѣм. Rathhaus).
рисовать (rysować, отъ нѣм. reiszen).
рисунокъ (rysunek).
рожа (болѣзнь: польс. róża имѣетъ оба значенія — роза и рожа).
ротмистръ (rotmistrz, отъ нѣм. Rittmeister).
рыдванъ (rydwan).

рынокъ (rynek).
рыцарь (rycerz).
сеймъ (sejm).
слесарь (slosarz, нѣм. Schlösser).
тачка (tak, taczki).
темлякъ (temblak).
тузъ (tus, нѣм. Daus).
фигляръ (figlar, figel, ударъ).
филёнка (filunk, нѣм. Füllung).
финтить (fint, хитрецъ).
фольга (folga, отъ лат. folium).
фортель (fortel, хитрость, уловка).
форточка (fortka, foteczka).
франтъ (frant).
фукать (fukać).
цехъ (cech).
цырюльникъ (cyrulik, отъ лат. chirurgus).
цыфра (cyfra).
шалберить (szalbierz, плутъ, обманщикъ).
шаровары (szarowary, отъ тюрк. szalwar).
шеренга (szeręg).
шкатулка (szatuła).
шкворень (sworżeń).
школа (szkoła).
шлея (szla, szleia).
шлыкъ (szłyk).
шляхъ (szlak).
шомполъ (stęmpel).
шоры (szory).
штыкъ (sztych, что́ въ старину значило bayonette), не отъ нѣм. ли Stichel?).
шуба (szuba). Ср. выше стр. .
шулеръ (szuler).
щеголь (szczegol = особнякъ).

---

[1] Słownik polsko-francuzki. Berlin 1858.

УКАЗАТЕЛИ

къ

МАТЕРІАЛАМЪ ДЛЯ СЛОВАРЯ, ГРАММАТИКИ И ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

I. Указатель именъ и предметовъ.

